

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ
НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

**МАТЕРИАЛЫ
XXXI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Москва, 12–14 апреля 2018 года

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Высшая школа источниковедения,
вспомогательных и специальных
исторических дисциплин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Отдел специальных исторических
дисциплин

Памяти Вяч. Вс. Иванова

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXXI Международной научной конференции

Москва, 12–14 апреля 2018 г.

Москва
2018

УДК 930(08)
ББК 63.2
В 85

Редакционная коллегия:

*Н.М. Брусиловский, С.В. Зверев, Е.В. Казбекова,
И.Г. Коновалова, Т.С. Кутаренкова, Е.В. Пчелов,
Д.Н. Рамазанова, Б.Л. Фонкич, А.А. Фролов,
К.С. Худин, А.П. Черных, Ю.Э. Шустова*

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Международной научной конференции. Москва, 12–14 апр. 2018 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. – М.: ИВИ РАН, 2018. – 422 с.

В докладах и тезисах на основании новых исторических источников рассматриваются актуальные проблемы таких вспомогательных исторических дисциплин, как палеография, историческая хронология, историческая метрология, историческая география, генеалогия, ономастика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и др., освещаются проблемы истории естественно-научного знания, история и историография вспомогательных исторических дисциплин. Большое место уделяется исследованиям по истории книжной культуры.

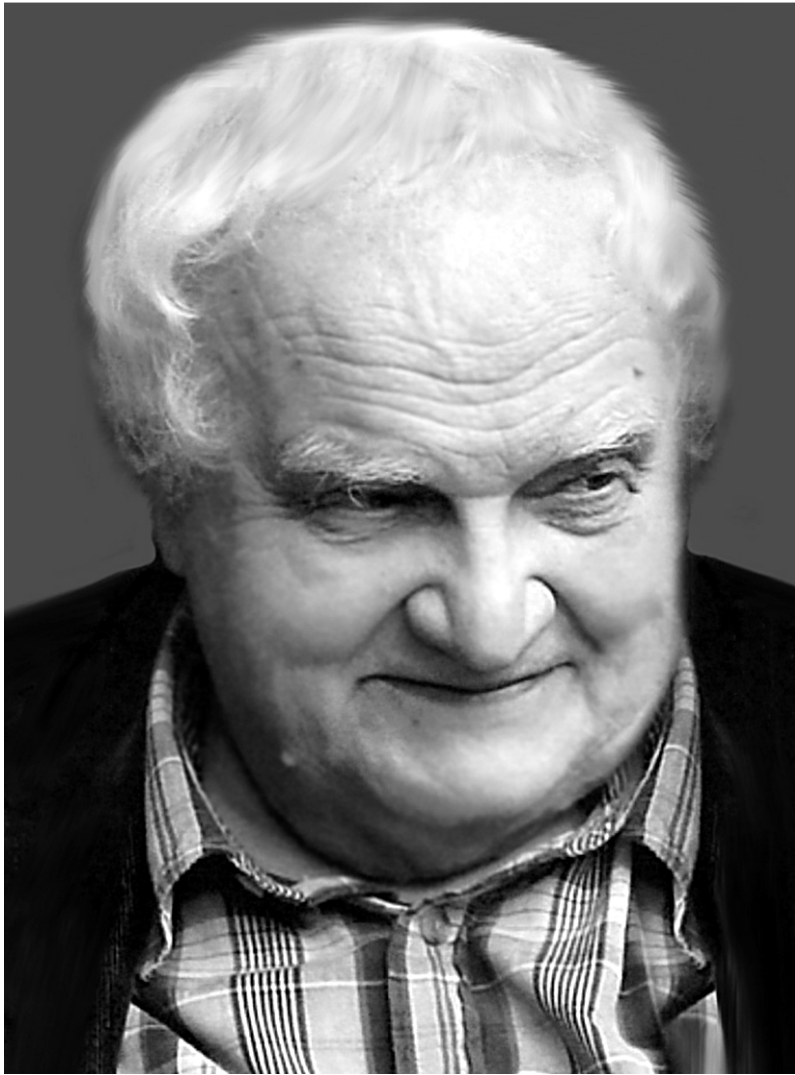
Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

Научное издание

ISBN 978-5-94067-485-6

- © Редакционная коллегия, общая редакция, составление, 2018
- © Институт всеобщей истории РАН, 2018
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2018

Памяти Вяч. Вс. Иванова

Борис Уваров

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном гуманитарном знании», которую проводят Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин Историко-Архивного института РГГУ и Отдел специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН, посвящена памяти великого учёного, академика РАН Вячеслава Всеволодовича Иванова, ушедшего из жизни 7 октября 2017 года.

Вячеслав Всеволодович Ива́нов был выдающимся энциклопедистом, оставившим огромный след в самых разных областях научного знания – от лингвистики до кибернетики и от мифологии до теории кино. В центре его исследовательских интересов всегда находился человек, в самых разнообразных его проявлениях – именно эта, антропологическая идея пронизывала научное творчество Вячеслава Всеволодовича, важное место в котором занимало изучение разнообразных знаковых систем, объединявшихся в широких рамках семиотики. Среди этих знаковых систем внимание Вяч. Вс. Иванова привлекали язык и системы письменности, системы счёта и календарь, имена и названия, эмблемы и символы – то есть те объекты, к которым традиционно обращено внимание вспомогательных (специальных) исторических дисциплин. Именно поэтому фигура Вячеслава Всеволодовича и его труды имеют принципиально важное значение для всех нас, и проводимая конференция служит данью памяти этого замечательного учёного и человека.

Даже в виде краткого перечисления невозможно обозначить те работы, в которых воплотились интересы Вячеслава Всеволодовича, сопряжённые со сферой специальных исторических дисциплин (частично это будет сделано в докладах на конференции). Однако необходимо выделить его фундаментальные труды (частью созданные в соавторстве с академиком В.Н. Топоровым), в которых прояснены многие ономастические (этнонимические, топонимические, антропонимические, теонимические) вопросы, особенно связанные с ранней историей индоевропейцев и славян. Отдельную книгу Вяч. Вс. Иванов посвятил истории славянских и балканских названий металлов, целый ряд работ – именам божеств, мифологических персонажей, названиям животных. Принципиальное значение имеют его статьи, написанные для классической энциклопедии «Мифы народов мира», в которых так или иначе отражена символика и эмблематика тех или иных образов и явлений.

В последние десятилетия Вячеслав Всеволодович выдвинул и обосновал идею создания универсального словаря символов на научной основе – «Симболариума», продолжая давние мысли на этот счёт о Павла Флоренского. План и принципы работы над этим проектом были опубликованы учёным, а конкретная работа началась в рамках институций в МГУ и РГГУ, руководимых Вячеславом Всеволодовичем.

Исследования Вяч. Вс. Иванова по истории систем счёта и календарных систем, включая названия месяцев и изучение принципов календарных циклов, также имеют принципиальное значение (он выступал с соответствующими докладами в рамках семинара по естественнонаучной книжности и знанию при кафедре ВИД РГГУ и на конференции по истории календаря, организованной кафедрой в 2006 г.). Наконец, последняя монография Вячеслава Всеволодовича – «От буквы и слога к иероглифу. Системы письма в пространстве и времени», увидевшая свет в 2013 г., в ёмкой, но очень содержательной форме представила современное состояние и перспективы исследований в области истории письменности и дешифровки древних систем письма.

Вяч. Вс. Иванов любил ставить «вопросы к будущему» (как в одной из своих замечательных книг, посвящённых лингвистике третьего тысячелетия), направляя и предвосхищая дальнейшее развитие науки. Будем надеяться, что и скромные труды нашей конференции в какой-то степени отвечают этой благородной миссии.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.Г. Авдеев, к.и.н., доц. Ю.М. Свойский, Е.В. Романенко
ПСТГУ   Лаборатория RSSDA

Свод русских надписей (CIR) и инструменты его составления

В настоящее время эпиграфика Средневековой Руси – одна из наиболее динамично развивающихся специальных исторических дисциплин, и дальнейшие перспективы её развития связаны с решением главной и первоочередной задачи – формированием свода монументальных эпиграфических памятников Средневековой Руси. Необходимость создания такого корпуса давно осознана в отечественной науке. Реализации этой задачи препятствует ее крайняя трудоемкость: фактически необходимо систематизировать сведения по меньшей мере о 10 тысячах эпиграфических памятниках, частично утраченных и частично не опубликованных.

Работа над проектом по формированию «Свода русских надписей» (CIR) началась в 2006 г. «Свод русских надписей» создается с целью сохранения, систематизации и распространения знаний о монументальной эпиграфике Средневековой Руси. На данном этапе включению в Свод подлежат все монументальные эпиграфические памятники Московской Руси, как сохранившиеся, так и утраченные, но известные по публикациям, рукописным спискам, фотографиям. Основу «Свода русских надписей» составляют эпиграфические памятники XV–XVII вв. и в меньшей степени XI–XIV вв. Из числа памятников XVIII в. в свод включаются лишь надписи, выполненные в традиции Московской Руси. В Свод включаются также надписи на латинском, греческом, немецком, итальянском и голландском языках, выполненные на территории Руси в этот период. Особое внимание уделяется выявлению неизвестных ранее эпиграфических памятников.

Технологической основой Свода является база данных, позволяющая выполнять группировку, фильтрацию и сортировку информации об эпиграфическом памятнике по одному или нескольким признакам и осуществлять поиск по фрагменту текста (cir.rssda.su). База данных объединяет все имеющиеся сведения о памятнике, как в форме взаимосвязанных таблиц, так и в виде свя-

занных с записью внешних файлов (растровых изображений, файлов трехмерных моделей и иных). База данных взаимосвязана с геоинформационной системой, позволяющей группировать и фильтровать сведения о расположении памятника и отображать эти данные на интерактивной карте. В дальнейшем предполагается публикация печатных изданий, суммирующих результаты исследований.

Начиная с весны 2016 г. были предприняты экспериментальные работы по внедрению в практику эпиграфических исследований инструментария современных информационных технологий – новых методов документирования эпиграфических памятников и систематизации сведений о них в базе данных и геоинформационной системе.

Исследование возможностей и ограничений традиционных методов документирования памятников эпиграфики приводит к выводу *о необходимости радикального пересмотра подхода к документированию и выработки методологии, обеспечивающей как полноценное воспроизведение памятника, так и его сохранность.*

При подготовке проекта «Свод русских надписей» перед исследователямским коллективом «Лаборатории RSSDA» в 2015–2016 гг. встала задача разработки методики массового документирования эпиграфических памятников современными техническими средствами, и одновременно исследования способов, позволяющих облегчить чтение надписи, «проявить» её на поверхности носителя. В результате была разработана методика *бесконтактного трёхмерного цифрового моделирования и математической визуализации рельефа поверхности*, которая базируется на физическом разделении документирования и исследования памятников эпиграфики, а также на современных технологиях сбора и обработки пространственных данных и оптимизирована с учётом специфических особенностей памятников старорусской эпиграфики. Методика была практически применена на надписях, выполненных в разной технике (прямая, низкорельефная и обронная резьба, граффито) и на разном материале (белый камень, гранит, песчаник, керамика, штукатурка, дерево).

Трёхмерное моделирование при правильном применении позволяет существенно расширить возможности эпиграфиста:

1. Трёхмерное моделирование является бесконтактным методом, исключая повреждение и изменение внешнего вида памятника.

2. Трёхмерное моделирование позволяет создать полную высокоточную цифровую копию памятника, не ограничиваясь лишь его фрагментом, например, стороной, содержащей надпись. Это особенно удобно при документировании подписных надгробий с орнаментом на двух и более сторонах, а также надписей на колоннах и барабанах храмов и на валунах.

3. Трёхмерное моделирование позволяет полноценно воспроизводить поверхности сложной формы, в том числе нерегулярные поверхности двойной кривизны. При этом не только корректно воспроизводится глубина и высота резьбы, но и не теряется трёхмерность оригинала в целом, неизбежно утрачиваемая при использовании традиционных контактных методов.

4. Трёхмерное моделирование позволяет документировать поверхности любого размера. Так, при документировании граффити при необходимости может быть построена полная модель стены, на которой имеется надпись.

5. Трёхмерное моделирование позволяет с фотографической точностью воспроизвести цвет поверхности, однако модель, в отличие от фотографии, не имеет угловых искажений.

6. Трёхмерная модель формируется в масштабе 1:1, что позволяет измерить любой из элементов объекта исследования. При необходимости модель может быть корректно ориентирована относительно горизонтальной плоскости и направления на север.

Однако сама по себе трёхмерная модель, хотя бы и качественно исполненная, является лишь результатом документирования – точной копией памятника эпиграфики. Дальнейшая работа с ней предполагает чтение и анализ надписи.

*Р.А. Агеева, к.ф.н.
зам. председателя Топонимической комиссии
Москов. гор. отд. РГО*

Ономастика в трудах академика Вячеслава Всеволодовича Иванова

Академик Вяч. Вс. Иванов внёс большой вклад в один из крупных разделов лингвистики, а именно в ономастику, которая входит в состав вспомогательных дисциплин для наук исторического цикла: истории, источниковедения, этнологии, фольклористики, исторической географии и др. Итоги многолетней работы учёного в этом направлении представлены наиболее полно в фундаментальной двухтомной монографии в соавторстве с академиком Т.В. Гамкрелидзе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1984), кроме того, в энциклопедии «Мифы народов мира» (1987–1988) и в многочисленных статьях, опубликованных в разных изданиях. Начиная от мифологии имени (то есть самого понятия «имя») во многих языках мира (2001), Вяч. Вс. Иванов показывает роль разных категорий собственных имён для методологии и создания концепций в ряде научных направлений. Так, вопросы этногенеза, прародины, ранних миграций народов, этнической истории решаются с помо-

щью ономастики в отношении ранних индоевропейских племён, которые из их предполагаемой прародины в Восточной Анатолии, на Южном Кавказе и в Северной Месопотамии (V–IV тыс. до н.э.) продвинулись в другие регионы. Например, о продвижении греческих племён на Балканы из Малой Азии свидетельствует название страны Аххиява рядом с Хеттским царством. Это имя сопоставляется с этнонимом греков-ахейцев. Обращается также внимание на имена и эпитеты греческих богов, совпадающие с хеттскими, хурритскими (ср. греческий миф о мизийском царе Телефе и его сыне Тархоне и малоазийские мифы о Телепину; ср. также имя хетт.-лув. Tarhunt-).

Исходя из предположения о минимальных смещениях народов от территории их прародины, указывается на определённую связь названия страны Najasa с самоназванием армян haу-. Исторический ареал индо-иранского языка помещается в северную часть Иранского плоскогорья и т.п. Наличие арийских топонимов в Северном Причерноморье, на Кубани и в Прикаспии даёт основание предполагать проникновение определённых арийских элементов с Ближнего Востока через Кавказ. Для «древнеевропейских» языков в качестве общего исходного ареала (вторичного) принимаются области Северного Причерноморья и приволжских степей. При этом сопоставляются некоторые ранние индоевропейские гидронимы в Северном Причерноморье и в центрально-европейском ареале, ср. р. Солучка (Правобережная Украина) (<*solotj—<*salantia-), лит. Salantas, швейц. Salontia и т.п. При этом отмечается: «Характерно, что древние индоевропейские гидронимы сохраняются за мелкими реками и притоками крупных рек, тогда как сами крупные реки переименовываются при появлении новых этнических элементов, ср. иранские названия крупных рек Восточной Европы (Дон, Днепр, Днестр и др.)» (Вестник древней истории. 1981. № 2).

В работах Вяч. Вс. Иванова, помимо упомянутых данных гидронимики, важных для определения прародины и этногенеза индоевропейцев, рассматриваются также другие топонимы, теонимы (имена богов и божеств низшей мифологии), антропонимы (имена мифических и исторических лиц), этнонимы (названия народов). Стоит упомянуть такие отдельные публикации, как «Древнейшие индоевропейские собственные имена из Анатолии» (2001): в этой статье, в частности, есть имя божества Peru-(n)t-a-hšu-, которое может быть истолковано как «рождённый – потомок Бога Грозы», а первая часть этого сложносоставного имени сохранилась в позднейшем славянском и балтийском имени бога Перуна.

Именам богов в индоевропейских языках (также в кетском) посвящены 72 статьи в «Мифах народов мира», ср. прусск. *Бардобитс*,

бог мореплавания и кораблей; восточнослав. *Дажьбог*, бог, связываемый с солнцем; кетск. *Есь*, верховное божество, букв. «небо», «бог»; лит. *Жемина*, богиня земли, ср. žemė «земля»; слав. *Сваро́г*, *Сваро́жич*, бог огня.

Имена персонажей низшей мифологии – в 46 статьях (в основном на материале славянской и балтийской мифологии). Например, *Герман* – «в южнославянской мифологии персонаж, воплощающий плодородие. Имя Г. сопоставимо с личным фракийским именем самовилы «Гермеруды». Или *Змиулан* – «в восточнославянской мифологии персонаж, одно из продолжений образа Огненного Змия и Велеса. В русских и белорусских сказках царь Огонь и царица Маланьница (молния) сжигают стада царя З., который прячется от них в дупле старого дуба».

Именам культурных героев (демиургов) посвящены 12 статей, например *Альбэ* – культурный герой в кетской мифологии, первый шаман, прорубил скалы, отчего образовалась р. Енисей. Млечный путь назывался «дорога Альбэ». После борьбы со своей противницей и носительницей зла Хоседэм, Альбэ превратился в каменный хребет на восточном берегу Енисея. Или *Криве* – название верховного жреца у балтийских народов, восходящее к мифологизированному родоначальнику жреческой традиции. Это титул: *Криве-Кривайтис*. Может быть связь и топографическая, например, с городом Вильнюсом: долина Швинторога и гора Гедимины – Кривой город.

Именам исторических лиц посвящены 19 статей, в том числе статьи о ветхозаветных персонажах, с объяснениями значения имён. Ср. *Иаков* – ветхозаветный родоначальник 12-ти колен Израиля. Имя может быть сокращением более древнего теофорного имени от семитского 'aqaba «охранить» со значением «бог да поможет, да охранит»). Или былинный *Садко*, сохраняющий мифологические черты. По гипотезе сторонников исторической школы, образ Садко восходит к летописному новгородскому купцу Сотко Сыгиничу. «По-видимому, образ С.[адко] является результатом поздней трансформации индоевропейского образа мифического жениха дочери океана».

Наконец, в «Мифах...» есть и статьи о мифических географических объектах, ср. *Vasutma* – в хеттской мифологии гора, родившая сына от человека. Сюжет проник из Шумера при возможном хурритском посредничестве. Или *ВЫрий* (*вирий*, *ирий*, *урай*) – в восточнославянской мифологии древнее название рая и райского мирового дерева, у вершины которого обитали птицы и души мёртвых.

Особо стоит отметить те многочисленные публикации Вяч. Вс. Иванова (иногда в соавторстве с другим выдающимся учёным – академиком В.Н. Топоровым), которые посвящены славя-

нам. Вячеслав Всеволодович относится к таким исследователям славянской культуры и славянских языков, которые внесли существенный вклад в изучение проблемы славянского этногенеза и истории культуры славян, с применением этнолингвистических методов и фактического исследовательского материала, почерпнутого из этнографии, фольклористики, языкознания. Например, в широком сопоставительном плане рассматриваются древние славянские этнонимы и делается вывод о глубоком структурном сходстве славянской этнонимии с этнонимами ряда соседних индоевропейских территорий, хотя точно провести границу между типологическим и генетическим сходством затруднительно (Славянские древности. 1980). Особенно важны выводы, которые можно сделать с помощью этнонимии о направлении миграции древних славян в поздний период их расселения в Европе. Так, из наличия этнонима *Krivitsani* на Пелопоннесе и древнерусского *кривичи* (встречено название у Константина Багрянородного) можно сделать вывод о миграции соответствующих этнических образований с востока на юг (здесь Вяч. Вс. поддерживает гипотезу О.Н. Трубочёва) (Вопросы этногенеза. 1976).

Примером использования топонимов в трудах Вячеслава Всеволодовича, посвящённых славянам с позиций семиотики и культурологии, может служить его работа о цветовой символике названия Белоруссии (от *Белая Русь*) (Балто-славянские исследования. 1981). В ней, в частности, говорится о том, что географическая схема цветových названий, связанная с ориентацией (по странам света, как принято было у монголов и тюрков, дававших названия отдельным территориям Руси), может быть недостаточной для их объяснений. Цветовой эпитет возникает и благодаря другим факторам – религиозному, политическому. Так, для эпохи татаро-монгольского ига правдоподобно было бы объяснять эпитет *красный* (то есть *Червоная Русь*) связью восточных славян, оставшихся в западных землях, с константинопольским патриархом, в то время как «белые» русские зависели от Золотой Орды. Согласно данной гипотезе (немецкого языковеда И. Кноблоха), здесь можно провести аналогию с употреблением тюркского слова *кызыл* «красный» в сочетаниях типа *кызыл алма* (красное = золотое) яблоко» – обозначение христианского собора и соответственно христианского города (Будапешта, Вены). В то же время церковное использование эпитета *белый* по отношению к некрещёным частям славянского населения засвидетельствовано уже у византийского императора Константина Багрянородного в X в.: «некрещёные хорваты, которые также называются белыми».

Примером исследования антропонимов в славянских языках может быть статья Вячеслава Всеволодовича «Два сложносоставных имени в славянском» (2001). Речь идёт о личных именах типа Вячеслав, Судислав и др. Это раннеславянские имена, отразившиеся в современном русском языке. Они принадлежали к обширной диалектной позднеиндоевропейской группе сложных слов или словосочетаний, включающих второй компонент *-slavъ < *k'ľw-o-s «(боевая) слава». Этот мотив прославления удачливого воина был одним из главных в реконструируемой (поздней диалектной) индоевропейской мифопоэтической традиции, в которой было множество подобных сложносоставных имён.

*Е.В. Веселовская, д.и.н., проф., О.М. Григорьева, к.б.н., с.н.с.
в.н.с. УНЦСА РГГУ, ИЭА РАН ИЭА РАН*

Восстановление по черепу облика Н.Н. Миклухо-Маклая

Имеющиеся фотоснимки и портреты Н.Н. Миклухо-Маклая (1846–1888) представляют образ худощавого человека с пышной шевелюрой и обильной растительностью на лице, за которыми не разглядеть индивидуальных черт. Надо учесть, что фотографии позапрошлого века не всегда выполнены четко. Это послужило первым доводом в пользу воспроизведения внешнего облика ученого на основе черепа. Вторая причина – это воля самого Николая Николаевича: он завещал свой череп науке. Интересно отметить, что выполнение скульптурной реконструкции стало возможным за счет грантовой поддержки со стороны Русского географического общества (РГО) – и именно РГО финансировало ряд экспедиций ученого.

Великий русский путешественник, натуралист широкого профиля (зоолог, антрополог, этнограф), защитник народов, сохраняющих традиционный образ жизни, Николай Николаевич Миклухо-Маклай родился 17 июля 1846 г. в селе Рождественском Новгородской губернии в семье инженера-капитана Николая Ильича Миклухи. Вскоре семья переехала в Санкт-Петербург.

С 1859 по 1863 гг. Николай Николаевич учился в гимназии, в 1863 г. он поступил в Санкт-Петербургский университет в качестве вольного слушателя на физико-математический факультет, где занимался естественными науками. Однако, в 1864 г. он, как участник студенческих волнений, был отчислен из университета. В этом же году он уезжает в Германию, где поступает на медицинский факультет Йенского университета. Профессор Геккель (крупный немецкий биолог, в дальнейшем знаменитый последователь эволюционного учения Чарльза Дарвина) оценил умного и трудолюбивого русского студента, всячески ему покровительствовал и сделал сво-

им ассистентом. В 1866 г. Николай Николаевич уже участвует в научных экспедициях, организованных Геккелем, на о. Мадейру и на Канарские Острова, где изучает биологию морских беспозвоночных, рыб, морских губок. Следствием этой экспедиции была его первая научная статья, посвящённая анатомии рыб, опубликованная в 1867 г. (*Тумаркин Д.Д.* Белый папуас: Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М., 2011). Миклухо-Маклая влекут совершенно неизученные области Земли. Он решает, что важно исследовать «примитивные» народы до их контактов с цивилизацией. Выбор падает на остров Новая Гвинея. В 1870 г. планы Николая Николаевича по изучению Австралии и Океании были одобрены Советом РГО, он получил финансовую поддержку и отправился в Новую Гвинею. Исследования папуасов проводились им с высочайшим профессионализмом и базировались на глубоком уважении к культурным достижениям народа. Несмотря на огромные трудности (бытовые, языковые и пр.), Николай Николаевич собрал богатый антропологический и этнографический материал. Основные результаты работы изложены в многочисленных дневниках и публикациях, и по сей день представляющих огромную ценность для человечества.

Антропологические и этнологические исследования Миклухо-Маклая не ограничивались папуасами. Он изучал многие ранее мало неизученные или совсем неизученные этнические группы архипелагов Меланезии, полуострова Малакка, филиппинского острова Лусон, аборигенов Австралии. Деятельность Миклухо-Маклая не исчерпывалась наукой, он активно и самоотверженно боролся за гуманистическое отношение к населению экономически отсталого населения тропических регионов Земли (*Тумаркин Д.Д.* Указ. соч.).

В 1874 г. Н.Н. Миклухо-Маклай завещал собранную им коллекцию черепов, а также свой череп Музею антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, однако после смерти ученого завещание не было исполнено.

В 1938 г. Всесоюзное географическое общество Академии наук СССР (ГО) отмечало 50-летие со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая. Комиссия по увековечиванию памяти ученого при ГО занималась выявлением документов, связанных с жизнью и трудами ученого. Отбирая документы, Н.И. Вавилов, в то время президент ГО, обратил внимание на завещание Миклухо-Маклая, в котором тот завещал свой череп Музею антропологии и этнографии. Комиссия занималась и приведением в порядок склепа семьи ученого на Волковом кладбище в Ленинграде. Осенью 1938 г. Комиссией было получено решение Ленсовета о перезахоронении, 8 октября 1938 г. на Волковом кладбище в Ленинграде был вскрыт склеп Миклух. В склепе

были также захоронены отец ученого (1857) и сестра (1880). Была проведена работа по идентификации останков Николая Николаевича.

Череп ученого был изъят и передан в Архив Географического общества, где и хранился долгие годы. В 1962 г. Президиум общества постановил передать череп «в виду отсутствия необходимых условий для его хранения» в Ленинградскую часть Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

Именно оттуда череп был извлечен в 2015 г. для проведения настоящего исследования. Была изготовлена пластиковая копия, на основе которой выполнены два варианта реконструкции внешнего облика. Первый – без растительности на голове. Именно эта реконструкция несет научную информацию, поскольку здесь мы видим нижнюю часть лица Н.Н. Миклухо-Маклая, форму его головы, скрытые на большинстве портретов. Мозговой отдел имеет крупные размеры и как бы превалирует над лицевым. Отмечается мезокефалия: в лобно-затылочном направлении голова средней длины. Лицо удлинненной формы с крупной нижней челюстью, значительно профилировано. Нос высокий, выступает значительно. Лоб широкий и высокий, направление его вертикальное, глаза крупные, брови чуть ломаной формы. Второй вариант портрета представляет облик знаменитого ученого в привычном антураже: пышные волосы, борода и усы, академическая одежда.

С.В. Зверев, к.и.н.

зав. отд. Нумизматики и археологии Музеев Московского Кремля

Финансовая реформа царя Фёдора Алексеевича 1679–1681 гг.

Реформа в области государственных финансов, проведённая в 1679–1681 гг. правительством царя Фёдора Алексеевича (1676–1682), была направлена на упорядочение и увеличение доходной части бюджета страны, которая формировалась из трёх основных источников: прямых и косвенных налогов, доходов от реализации казенных товаров и промышленных продуктов и от эксплуатации монетной регалии (чеканки монет). Из-за отсутствия собственной добычи серебра монетное производство сильно зависело от импорта крупных европейских монет – талеров, называемых на Руси «ефимками», которые служили основным сырьём для чеканки русских денег.

После неудачных денежных реформ царя Алексея Михайловича середины XVII в., когда в обращение были введены серебряные и медные монеты разного достоинства, с 1663 г. в монетном деле сохранился привычный набор серебряных монет, состоящий из ко-

пейки, денги (1/2 коп.) и полушки (1/4 коп.), которые по традиционной технологии чеканили на кусочках расплющенной проволоки. Фракции копейки чеканили в небольшом количестве. Из гривенки серебра (204,756 г) чеканили монет на 4,31 руб. и нормативный вес копейки составлял 0,475 г.

В России во второй половине XVII в. получила развитие монетарная система меркантилизма. Новоторговый устав 1667 г. требовал брать пошлины с иностранных купцов только золотыми монетами и ефимками и давал им право беспошлинной покупки в России товаров за золотые и ефимки. Вместе с тем, был поставлен под контроль весь импорт драгоценных металлов: «А золотые все и ефимки, которые привезут из-за моря, у города Архангельского, и в Новгороде, и во Пскове и во всех порубежных городех отдавать их в казну Великого государя, приняв у иноземцев. А имать за них деньги русские мелкие, за золотой по рублю, а за ефимки любские по полтине, по четырнадцать ефимков в фунте» (Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 125–126, 128).

В этом документе упомянуты «любские» ефимки, объединяющие под этим названием большую группу монет, чеканенных по стопе немецких рейхсталеров или близкой к ней. По закону 1566 г. рейхсталеры имели вес 29,23 г. и 889 пробу. Позднее стали чеканить талеры несколько меньшего веса, и русские торговые люди брали их не только «в счёт», но также «в довес», требуя добавить серебра до нормы.

В конце 70-х гг. XVII в. была создана Купецкая Ефимочная палата для обеспечения закупки ефимков для денежного дела. Она подчинялась приказу Большой Казны, осуществлявшему руководство денежным делом. Купецкая Ефимочная палата рассылала своих эмиссаров в крупные торговые центры и на ярмарки в России и на Украине. Наличные деньги для покупки талеров поступали из казны, иногда прямо с Московского денежного двора. (*Зверев С.В.* Обеспечение русского денежного дела серебром во второй половине XVII в. и создание Купецкой Ефимочной палаты // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2005. Т. XVII. С. 230–238).

Одновременно с этим в сентябре 1679 г. были приняты указы по реорганизации системы налогообложения. Различные прямые налоги (стрелецкие, полоняничные, данные, малые ямские деньги и всякие мелкие сборы) были объединены в единый налог – стрелецкий хлеб и стрелецкие деньги.

Был отменён старый принцип обложения по сошному письму, когда основной окладной единицей являлась соха – земельная единица, содержащая 800 четвертей пахотной земли или определённое

число посадских дворов. Вместо этого вводилось подворное обложение, и деньги следовало собирать с количества дворов на посаде или в уезде (*Голубцов А.И.* К истории податной реформы 1679–1681 гг. Приговоры 1679 г. о подворном обложении стрелецким хлебом // Исторический архив. 1959. № 5. С. 160–162). Были прощены старые недоимки, уменьшена общая сумма налога и обозначено её более равномерное распределение. Для сбора налога натуральным продуктом была установлена единая система мер и весов. При этом реальные денежные поступления в казну увеличились, и стало возможным более точно учитывать трудовое население.

В 1680 г. были объединены приказы, выполнявшие схожие функции по управлению финансами. К приказу Большой Казны были присоединены приказ Большого прихода и Новая четверть. Эти меры были направлены на централизацию финансов страны.

В 1681 г. нормативный вес копейки был понижен до 0,406 г и установлена монетная стопа 504 копейки из гривенки или 10,5 копеек из золотника. Такое количество монет из фунта иначе может быть выражено как 504 коп. из гривенки или 10,5 коп. из золотника.

Видимо, не случайно так легко прошли «круглую» пятирублевую стопу и не использовали возможность считать целое число рублей в единицах веса: 5 руб. в гривенке, 10 руб. в фунте и т.д. Возможно, это связано с другим подходом при выборе стопы в 504 коп. Она могла получиться из-за желания казны сэкономить само серебряное сырьё – «любские» ефимки, которые считали по 7 штук в гривенке. До 1681 г. из гривенки выходило 431 коп., а затем казна, видимо, стала удерживать по талеру с каждой гривенки, и эту сумму чеканили уже не из 7, а из 6 ефимков (т. е. из $6/7$ гривенки сырья). Тогда из целой гривенки должно было выходить уже 503 коп., что очень близко к величине новой стопы, и позволяет понять её не «круглую» величину, превышающую 5 руб., и переход от гривенки к золотнику как основе расчетов. Но такая замена потребовала округлить выход денег из золотника до рациональной цифры 10,5 коп., что и привело к установлению стопы 504 коп. из гривенки (*Зверев С.В.* Изменения монетной стопы в русской чеканке XVII в. и их отражение в оформлении монет // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда, 2000. Вып. 7. С. 51).

Эта реформа была проведена на второй неделе марта 1681 г. Нидерландский резидент отметил 15 марта 1681 г.: «Несколько дней тому назад здесь поменяли деньги и настолько снизили курс, что народ потерял на этом пятнадцать процентов их стоимости; было можно заметить, что это снижение вызвало очень большое недовольство и что народ начал так громко роптать, что результат этой меры и другие неблагоприятные события могли бы, если бы

вовремя не сумели предотвратить, привести к крайностям и прискорбным выступлениям» (Архив СПбИИ. Кол. 40. Оп. 1. № 56. Письмо № 127. Л. 11; *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. М., 2006. С. 465).

Изменение нормативного веса копейки в 1681 г. подтверждается проведенным А.С. Мельниковой анализом весовых данных копеек царя Федора Алексеевича (*Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 226–230). Также понижение веса копейки подтверждается документами начала XVIII в., связанными с монетным производством (*Зверев С.В.* Весовые нормы русской монетной чеканки XVI–XVII вв. // Нумизматические чтения 2014 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2014. С. 60).

Снижение нормативного веса копейки позволило заметно увеличить объемы выпуска монет. Прибыль казны от передела ефимков возросла до 39,8 %.

Однако нет документальных свидетельств передела «старых денег», чеканенных до 1681 г., в новые более легкие копейки, хотя такой передел мог дать около 13–14 % прибыли. Видимо, это очевидное и весьма прибыльное для казны распоряжение не было реализовано из-за кончины царя Фёдора Алексеевича весной 1682 г.

Такое различие в весе монет одного номинала, но разной фактической ценности, стали к своей выгоде использовать иностранцы, которые к тому же учитывали, что многие находящиеся в обращении копейки начала XVII в. изготовлены из «чистого серебра» 960-й пробы, а не из «ефимочного». Современник отмечал, что иноземцы скупали «старые деньги» с приплатой 5 копеек за рубль и вывозили их за границу, где перedelывали в талеры и «за морем оставалось от тех денег по 14 золотников от каждого фунта чистого серебра» (*Дуров В.А.* Денежные дворы Приказа Большой казны в конце XVII – начале XVIII века // Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. (Нумизматический сборник. Ч. VII. Труды ГИМ. Вып. 53). М., 1980. С. 15).

Следует отметить, что такой «заморский отвоз» более тяжёлых копеек прежних государей и «передел в ефимки из прибыли» позднее стал одной из важных причин денежной реформы Петра I в 1698–1704 гг.

Внутренняя (межкняжеская) дипломатия Руси в XII–XIII вв.

Новым элементом дипломатической практики середины XII – первого десятилетия XIII вв. стала дипломатия внутренняя, между-княжеская. Она стала возможной благодаря полицентризации страны, судьбы которой стали определять уже не исключительно киевские государи, а в значительной степени князья соперничавших со стольным градом центров: Владимира, Чернигова, Галича, Новгорода, Смоленска. «Отношения между князьями, – писал В.Т. Пашуто, – строились на началах феодальных договоров, где за древними терминами “отец”, “брат”, “брат старейший”, “брат младший” скрывались вассальные отношения».

В русских и иноземных источниках содержатся немногочисленные и отрывочные сведения о формах и методах ведения дипломатии на Руси. Не случайно историки мало писали о дипломатической технологии Древнерусского государства. Недостаточность источников не позволяет более подробно, чем это сделал В.Т. Пашуто в своей фундаментальной книге, рассмотреть внешнеполитическую дипломатическую практику Руси. Гораздо больше возможностей, как мне кажется, предоставляют источники для рассмотрения способов и методов, закономерностей и особенностей ведения дипломатии *внутри* Древнерусского государства. Технология между-княжеских отношений эпохи удельной раздробленности достаточно хорошо освещена в летописях. Это относится прежде всего к региону Южной (Юго-Западной) Руси.

Период русской внутригосударственной дипломатии времен раздробленности (1140-е – 1230-е гг.) представляется мне достаточно однородным на всей его протяженности в плане исследования особенностей и закономерностей методов и способов ведения отношений между князьями. Государство сначала, к середине XII в., превращается в *федерацию* земель и княжеств, затем, на рубеже XII и XIII вв., под действием процессов децентрализации (с которыми все труднее справляться процессам объединительным) сползает на уровень *конфедерации*. И все же трудно отыскать принципиальные различия в дипломатической практике внутри страны как начала, так и конца этого периода.

Методы ведения дипломатии между князьями. Военное давление. Чаще всего, пожалуй, мирные соглашения заключались под военным давлением одной из сторон – в результате ее победы или ввиду опасности ее вторжения. Договоры подписывались в резуль-

тате битвы, нападения одной из сторон на другую или же под угрозой такого нападения.

Немало сведений о мирных соглашениях под военным давлением содержат летописи в описаниях большой войны между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким (1146–1151 гг.), в которую были вовлечены почти все древнерусские князья. Киев неоднократно переходил из рук в руки, и вчерашний великий князь был вынужден под нажимом победителя подписывать невыгодный для него мир. Об этом свидетельствует Киевский свод XII в.

В 1150 г. выбитый из Киева Юрием Владимировичем и небезосновательно опасавшийся развития им военного успеха Изяслав был вынужден просить его сына Андрея: «Брате! Введи мя к отцу твоему в любовь», однако Долгорукий отказал в мире, рассчитывая добиться большего. Но через год, после решающей победы Изяслава Мстиславича над Юрием Владимировичем, уже победитель продиктовал побежденному крайне невыгодные для того условия договора: вернись в Суздаль, твое присутствие в Южной Руси нежелательно, поскольку можешь вновь навести половцев. «Дюрди же не имеяше ни откуду же помочи, ... принужден же неволею Дюргий, и целова крест к ним» – к Изяславу и его соправителю Вячеславу Владимировичу (Киевская летопись). В том же 1151 г. году союзник Долгорукого галицкий князь Володимирко, побитый Изяславом, униженно просил о мире: «Кланяются и каюся своя вина, зане аз виноват есмь; ныне же, брате, прими мя к себе», т. е. признавал себя вассалом киевского государя (Там же).

Экономическое давление. О нем в источниках неизмеримо меньше сведений, чем о военном. Понять это, как мне кажется, трудно: такие вещи обычно скрывались Ярославичами, поскольку, вероятно, не укладывались в рамки рыцарского кодекса чести. Среди редких летописных известий об использовании князьями друг против друга экономических рычагов давления можно вспомнить соглашение 1210 г. между Всеволодом Большое Гнездо и выгнавшим его сына Святослава из Новгорода Мстиславом Мстиславичем. После того, как Мстислав отпустил схваченного им было сына Всеволода, владими́ро-суздальский князь «пусти гость с товары», т. е. пропустил купцов в Новгород через заставы своего княжества на рубежах с Новгородской землей, которых ранее задерживал, стремясь заставить новгородцев держать в князьях Святослава (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов).

Летописцы обычно описывают экономическое принуждение Новгорода владими́ро-суздальскими князьями. С Новгородской боярской республикой (у которой князь был лишь наемником, утверждаемым на вече) и Всеволод Юрьевич и его предшественники

Юрий Владимирович и Андрей Юрьевич не особенно церемонились. Руководившие Новгородской олигархической республикой бояре не признавались, естественно, русскими князьями за равных себе. В новгородских летописях имеются многочисленные свидетельства грубого и цинично-открытого экономического давления со стороны владими́ро-суздальских князей в случаях неповиновения новгородцев. Чаще всего – когда горожане не желали принимать князей от них. Киевская и Новгородская первая летописи зафиксировали случаи экономического принуждения Новгорода также со стороны киевских и черниговских князей.

Династические браки издавна служили достаточно эффективным средством заклопочения и укрепления дружественных и военных союзов между главами княжеств. Широко известны из источников и исследованы учеными международные связи русских князей древнерусского времени. Меньше внимания обращалось на династические браки в среде самих Ярославичей. Между тем, они так же, как и международные бракосочетания, действительно использовались в междукняжеских отношениях на Руси.

Эпохе удельной раздробленности была присуща постоянная и временами особенно острая напряженность в контактах между государями тех или иных княжеств. Подписывавшиеся в изобилии договоры часто сразу же нарушались. Реальных гарантий соблюдения их не существовало. Поэтому династические браки принадлежали к числу наиболее надежных печатей, скреплявших подобные соглашения.

Вряд ли можно считать случайностью то обстоятельство, что известия летописей о подобных браках делаются достаточно частыми лишь с середины XII в. До этого для начала эпохи раздробленности можно упомянуть разве что два подобных брака, состоявшиеся в 1143 г.: киевский князь Всеволод Ольгович женил сына Святослава на дочери полоцкого князя Василько Рогволодовича Марии. Тогда же претендент на киевский стол Изяслав Мстиславич «отда дщерь свою Полотьску за Борисовича за Рогволода» (Киевский свод). Естественно предположить, что и Всеволод и Изяслав стремились заручиться поддержкой обычно стоявших в стороне (как и их предшественники) полоцких князей в грядущем соперничестве за общерусскую власть.

Но если браки 1143 г. преследовали все же частные, тактические цели, то действия на брачном поприще Юрия Долгорукого в 1150 г., в разгар войны за Киев с племянником Изяславом Мстиславичем, имели в виду сколотить союз против соперника, привлекая к нему клан Ольговичей и сильного тогда галицкого князя Володимирко Володаревича: «Вда Гюрги дщерь свою [Елену] за Святосла-

вича за Олга, другую [Ольгу] за Володимирича за Ярослава в Галич» (Киевская летопись).

С возвышением Андрея Юрьевича Боголюбского южнорусские князья стремятся опереться на него в соперничестве вокруг Киева. В 1159 г. Изяслав Давыдович, воевавший с Ростиславом Мстиславичем, «посла к Дюргевичю к Андрееви испроси у него дочь [Ростиславу] за сыновца своего, за Святослава, и испроси у него помочь». Андрей Юрьевич согласился на этот брак и благосклонно отнесся к просьбе о помощи. Союзники Ростислава Мстиславича Ольговичи, узнав, что на них двинулся сын Боголюбского с сильным войском, пошли на мир. А киевский летописец бесстрастно заметил: «Тогда же Андреевну приведоша за Святослава за Володимирича в Выщижь» – центр небольшого удельного княжества в великом княжестве Черниговском, где княжил тогда Святослав.

Правление в Южной Руси дуумвирата Святослав Всеволодич – Рюрик Ростиславич (1181–1194) протекало далеко не всегда гладко. Противоречия между дуумвирами часто достигали высшей точки кипения. Одной из попыток скрепить этот союз был заключенный в 1187 г. династический брак между представителями кланов Ольговичей и Ростиславичей: «Отда Рюрик дочь свою Ярославу за Игоревича за Святослава в Новъгород Северский» (Киевский свод).

Часто династические браки устраивались между русскими князьями и половецкими ханами, что способствовало упрочению мирных отношений и относительной защищенности южнорусских княжеств от набегов степняков. В том же 1187 г. «приде Володимерь (Игоревич. – *Н.К.*) ис Половецъ с Коньчаковною, и створи свадьбу Игорьь (Святославич. – *Н.К.*) сынови своему...» (Киевский свод).

Возвышение Всеволода Большое Гнездо, ставшего к середине 1180-х гг., вне сомнения, самым могущественным из русских князей, вынуждало южнорусские кланы искать мира и союза с ним. Южнорусские дуумвиры наперегонки стремятся породниться со Всеволодом. Под 1187 г. наиболее осведомленная Лаврентьевская летопись сообщила: «Всеволод Юргевичъ Володимерь внук Мономахов отдал дочь свою Всеславу Чернигову, за Ярославича Ростислава, внука Всеволожа Олговича». А через два года этот же источник свидетельствовал: «Князь великий Всеволод отда дочь свою Верхуславу... за Рюриковича Ростислава». Обе свадьбы были пышно отпразднованы. Особенно торжественной, по словам киевского летописца, было бракосочетание Ростислава Рюриковича и Верхуславы Всеволодовны: на свадьбе присутствовало более двадцати князей! Быть может, именно тогда Всеволод был признан старейшим на Руси.

А.Ф. Литвина, к.ф.н., доц.,
в.н.с. НИУ ВШЭ (Москва)

Ф.Б. Успенский, д.ф.н., чл.-корр. РАН
зам. директора ИСл РАН,
в.н.с. РАНХиГС

Исчисление имени: светская христианская двуименность XV–XVII вв. и возможности её реконструкции

В своем нынешнем выступлении мы хотели бы вернуться к обсуждению феномена светской христианской двуименности, начатому в ходе нашего пленарного доклада на предшествующей конференции 2017 г. Речь идет о довольно значительном числе антропонимических ситуаций, когда человек допетровской Руси оказывался в миру обладателем двух календарных имен и мог называться, соответственно, *Лев / Мемнон*, *Косма / Тихон*, *Петр / Андрей*, *Иван / Иасон* или, скажем, *Федор / Порфирий*. Расцвет русской христианской двуименности приходится на XV–XVII вв. – в это время наиболее отчетливо проявляются все ее правила, закономерности и вариации. Источники этого времени погружают нас в мир символического языка дат и имен, где одно поддерживает другое: каждое значимое событие в жизни человека так или иначе связывается с именем святого, на память которого оно происходит, и, разумеется, рождение и смерть стоят в этом ряду едва ли не на первом месте.

С другой стороны, все христианские имена человека чаще всего связаны между собой. Про один из принципов, по которому эта связь построена, нам уже доводилось говорить подробнее в 2017 г.: *если человеку случается принять монашество, то в интересующую нас эпоху его иноческое имя обычно согласуется с тем именем, которое он получил в крещении*. Иными словами, для описания мирской христианской двуименности огромную роль играет то обстоятельство, что монашеское имя при постриге чаще всего давали таким образом, чтобы оно по первой букве или, реже, каким-то более сложным путем было созвучно имени крестильному.

Наблюдение над этой практикой сразу дает нам очень многое. Например, если у человека известны два мирских христианских имени и известно его имя иноческое, то мы приобретаем возможность безошибочно определить, которое из двух мирских имен является крестильным. Когда из разных источников можно собрать сведения о том, что у конкретного лица в миру были, скажем, имена *Федор* и *Авксентий*, а в монашестве он принял имя *Арсений*, то именно *Авксентий* с высокой степенью надежности можно считать именем, полученным при крещении. Однако выделенный нами принцип соответствия монашеского имени крестильному может

помочь не только определять статус одного из двух известных нам мирских имен, но и *реконструировать второе светское имя в тех случаях, когда напрямую оно нигде не названо*. Сюжетообразующую роль в такой реконструкции играет чрезвычайно развитая и разнообразная традиция поминовений, поминальных кормов и вкладов.

Попробуем продемонстрировать сказанное на конкретных примерах. В одной поминальной записи XVII в., происходящей из Ярославского Толгского монастыря, мы обнаруживаем, что человека зовут в миру *Анной*, а монашество она принимает с именем *Марфа*, никак вроде бы к *Анне* не подходящем. Поминать же ее предписывается два раза: вполне объяснимым образом на преставление, но главная панихида по ней почему-то должна быть 22 июля, «на память святых и равно апостольных Марии Магдалины». Если мы допустим, что Анна (а речь идет об Анне Михайловне Пачковской, Микулаевской жене) была обладательницей еще одного мирского имени *Мария*, то всё в этой записи становится на свои места: получается, что ее крестили *Марией*, публично звали *Анной*, а когда пришло время принимать постриг, она, как и бесчисленное множество *Марий* в крещении, сделалась *Марфой*. Поминают ее, соответственно, на день преставления и на Марию Магдалину, её тезку по крестильному имени.

Аналогичным образом можно реконструировать еще одно христианское имя для Василия / Помяса Федоровича Заболоцкого, который в иночестве стал *Ионой*, а поминать себя собственноручно распорядился на св. Иоанна Милостивого (19 апреля) – отсюда мы делаем вывод, что с высокой степенью вероятности в миру он был *Василий / Иоанн*. Два имени в миру было, скорее всего, и у лица куда более знаменитого – у князя Дмитрия Федоровича Бельского, в чьих жилах текла кровь Гедеминовичей и Рюриковичей. Он принял постриг как *Зосима*, но если иметь в виду, что, помимо дня преставления (11 января 1551 г.), поминали его еще и 30 октября, когда никакого св. Дмитрия нет и в помине, но зато есть святые Зиновий и Зиновия, то мы вправе осторожно допустить, что он был *Дмитрием / Зиновием* и потому-то стал *Зосимой* в иночестве.

Существенно, однако, что пользоваться этими реконструктивными схемами нужно с известной оглядкой и осторожностью. Здесь очень важно наличие или отсутствие дополнительных данных, которые позволяют получить более надежные результаты. Исключительно показателен и в чем-то даже чересчур эффектен в этом отношении казус семьи Цыплятевых, государевых дьяков, живших в XVI в.

На первый взгляд, в истории семьи Цыплятевых есть весьма не-тривиальный сюжет, имеющий отношение исключительно к антропонимикону русского монашества, а отнюдь не к мирской христианской двуименности. Дело в том, что в случае с Цыплятевыми мужчины в трех поколениях принимают монашеский постриг с одним и тем же именем *Евфимий*, причем деда зовут *Елеазаром*, так что, почему он становится *Евфимием*, вполне понятно, а вот его сын и внук – оба *Иваны*, так что кажется, будто иноческие имена были им выбраны исключительно по семейным, родовым соображениям, а не по привычному совпадению первых букв или по какому-то созвучию.

Было бы весьма интересно, если бы Иван Елеазарович Цыплятев, пренебрег собственным именем *Иоанн* и стал в иночестве *Евфимием* только потому, что *Евфимием* при постриге назвался его отец. Однако вот что мы наблюдаем в его данной архимандриту Московского Чудова монастыря, датируемой 1567/68 г. Иван Елеазарович при жизни отдает некоторую часть земельных владений на помин своих родителей, а в будущем – себя самого и своей жены, добросовестно расписывая, в какие дни кого из членов семьи следует поминать. Всюду мы видим идеальную последовательность: отец Ивана именуется *Елеазаром* и должен поминаться «августа в 1 день, на память Седми Маковеи и учителя их Елиозара», мать именуется *Марьей* и поминать ее следует «июля в 22 день, на память святых и равноапостольных Марии Магдалины», жена же Ивана Цыплятева названа *Пелагеей* и поминать ее следует «октября в 8 день, на память святые преподобные матере нашей Пелагеи».

Собственно «нестыковка» с именами и поминовениями из всех лиц, перечисленных в данной, есть только у одного человека – у самого Ивана Цыплятева. Он предписывает поминать себя на 15 декабря, да еще и указывает имя конкретного святого, память которого празднуется в этот день: «...а после моего живота меня, Ивана, декабря в 15 день, на память святого священномученика Елеуферья».

Почему же человек, который во всех документах (а их немало, ибо он был думным дьяком) именуется *Иваном*, распоряжается поминать себя на св. Елеуферия?

Следуя логике наших реконструкций, естественно предположить, что Цыплятев был носителем двуименности: *Иоанном* его звали публично, а *Елеуферием* крестили, и именно по этому последнему имени было выбрано иноческое *Евфимий*. Его отец, дьяк Елеазар, обладателем двух христианских имен, судя по всему, не был: он подписывался только как *Елеазар*, поминают его как *Елеазара*, и в монашестве он нарекается на букву *-е-*, *Евфимием*. Но

вправду ли его сын Иван был носителем имени *Елевферий*? Ведь он мог выделять св. Елевферия по каким-то особым причинам, а имени такого не иметь – уж очень велик массив документов, где он выступает как *Иван* и только *Иван*.

В нашем распоряжении имеется еще один текст, где Иван Цыплятев буквально на полшага отстоит от того, чтобы признаться в том, что он – *Елевферий*. В качестве вклада «в домъ Христова Воскресения» он дает огромную (1124 листа!) рукопись Торжественник (РНБ. Погод. № 949), причем специально оговаривает, что в этой церкви есть придел св. Елевферия и называет священномученика Елевферия своим ангелом: «Иванъ, Елизаровъ сынъ, Цыплятевъ приложилъ в домъ Христову воскресенію сию книгу Сборникъ да своему алгилу (sic!) к Олѣер. священномученику по своемъ отцѣ и матери и по всемъ роду и племени всемъ. И за меня нынѣ за уздравіе инока Еуѡиміе Бога молить, а родъ мои весь по сенонику и поминанью за упокои поменать».

Последний штрих в эту картину произнесенного имени вносит Синодик Московского Успенского собора. По счастью, запись о семье Цыплятевых здесь очень коротка: «<Род Елизара Ивановича Цыплятева> Ивана, иноку Ксению, Марию, Анну, Евфимія схимника, Елевферія, иноку Парасковію схимницу». Очевидно, что Ивана Цыплятева поминают не просто *на* Елевферія, а *как* Елевферія, и, соответственно, он и был *Елевферием*. При этом, будь в нашем распоряжении только синодик, мы могли бы думать, что у него был брат или дядя с таким именем, или, что он сам постригся как *Елевферий*...

Благодаря таким казусам, как история Ивана / Елевферія Цыплятева, у нас появляются методы и инструменты для более или менее надежной реконструкции множества других случаев христианской двуименности, напрямую не явленной в тексте. Тем не менее, мы стараемся сохранить за ними статус гипотез, отделять от случаев двуименности, так сказать, чистой и явной, когда есть тексты, где напрямую сказано, что у такое-то лицо в миру обладает и тем, и другим именем. В целом, уже сейчас ясно, что двуименность в XV, XVI, XVII вв. – явление не только не экзотическое, а весьма распространенное, и при этом совершенно необязательное.

Математическая структура письменной системы Стефана Пермского

Деятельность свт. Стефана Пермского (ок. 1340–1396), принесшего христианство в Пермь Вычегодскую, приходится на период, который исследователи называют «православным Возрождением» (Котылев А.Ю. Стефан Пермский и его время. Личность в эпоху Православного Возрождения XIV–XVI веков. Сыктывкар, 2013). Нам представляется, что возрожденческий характер деятельности свт. Стефана Пермского связан с разработкой им древнепермской письменности для финно-угорского народа коми-зырян. По существующему мнению, Стефан Пермский при создании древнепермской письменности руководствовался 24-буквенным греческим письмом. Нами обосновывается, что Стефан Пермский опирался на 27-знаковую греческую систему.

Помимо 24-буквенной системы, у греков существовала еще одна семиотическая система – 27-знаковая цифровая система. В ней первые 9 знаков играли роль разрядных единиц, вторые 9 – десятков, третьи 9 – сотен, итого: $9 \times 3 = 27$. За основу этой системы брался 24-буквенный греческий алфавит, к которому добавлялись еще три чисто цифровых знака – для 6, 90 и 900. В историографии о первоначальном составе древнепермского алфавита в количестве 27 знаков писал стезфановед А.С. Сидоров: «Биограф Стефана (Елифаный Премудрый – *Авт.*) в своей повести говорит о 24 «словах», тогда как по текстам мы имеем 27 букв» (Сидоров А.С. Коми письменность эпохи раннего феодализма // Ученые записки ЛГУ. 1947/1948. № 105. Вып. 2. С. 243). Наше изложение сводится к анализу соответствующих источников о математической (нумерационной) структуре стезфановского 27-знакового букво-цифрового письма.

«**Азбука пермская**». Ее источник – запись в Уваровской кормчей 1510 г. – неоднократно публиковался. В издании 2002 г. она характеризуется так: «**На л. 244 запись: Азбука перьмскаіа** (и даны 28 букв пермской азбуки и 20 слогов с первой буквой пермского алфавита) **Азбука перьмскаіа. изложе(н)е Стефана еп(с)па Перьскаго**» (Мазуринская кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. Исследование. Тексты. М., 2002. С. 95). На первый взгляд, «Азбука пермская» не может быть алфавитом, состоящим из цифро-букв, так как в нем приводится не 27, а 28 знаков. Однако последний 28-й знак выглядит как предыдущий (27-й), дополненный слева «хвостиком». Этот «хвостик»

имеет характерную деталь – отчетливо обозначенную точку посередине.

Если «хвостик» с точкой в «Азбуке пермской» при 28-м знаке предназначается для записи тысяч, то он может служить важной хронологической приметой XIV в., так как тысячный знак с «точкой» позже этого времени не встречается. А это, в свою очередь, означает, что подлинник «Азбуки пермской», представленный записью 1510 г., действительно восходит ко времени свт. Стефана Пермского. Древнепермская азбука, по-видимому, задумывалась ее автором в соответствии с нумерационным принципом: все буквы одновременно выполняли функцию «буквенных цифр». Причем первая девятка букво-цифр выражала единицы, вторая девятка – десятки, третья – сотни; всего получалось 27 букво-цифр, которыми можно было передавать числа в пределах 1–999. Последний, 28-й знак в «Азбуке пермской» представлял собой 27-й знак ($\wedge=900$), дополненный тысячным «хвостиком». 28-й знак указывал предел, до которого можно было доводить запись чисел в этой системе – от 1 до 999 999 (Морозов Б.Н., Симонов Р.А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 3–21). Перейдем к анализу примеров, где древнепермские буквы встречаются в числовом значении – в соответствии с их расположением в «Азбуке пермской».

Запись на иконе «Троица». По преданию, эту икону написал сам свт. Стефан Пермский и вложил в церковь села Возжа в 1395–1396 гг. на пути в Москву (в настоящее время икона хранится в Вологодском музее-заповеднике, датируется концом XIV в.). Древнепермская запись на иконе имеет библейское содержание. В тексте одна и та же древнепермская цифра 3 встречается дважды и передается древнепермским знаком «гай» под титлом в виде горизонтальной черточки. Букво-цифра «гай» в «Азбуке пермской» стоит на третьем месте.

Счет тетрадей. Древнепермские цифры встречаются в качестве числовых помет на листах некоторых славяно-русских рукописных книг, переписанных в Пермском крае в начале XVI в. Назначение помет заключается в счете тетрадей, из которых сшивались рукописные книги. Всего в рукописи Уваровского списка 1510 г. во всех тетрадных пометах (числах) использована 81 древнепермская цифра.

Тетрадные пометы древнепермскими цифрами обнаружены Б.Н. Морозовым еще в одной рукописи – из собрания Архангельской семинарии (БАН. Арх. С. 5). Это Сборник канонических статей 1511/1512 г., схожий с Мазуринской кормчей, переписанный в южных пределах Пермско-Вычегодского края (Никольский погост на р. Лале). Всего в рукописи сохранилось шесть тетрадных помет

(чисел), для записи которых использовано 12 древнепермских цифр. Итого в двух рукописях 1510 и 1511/1512 гг. имеется 93 древнепермских цифры ($81+12=93$). Все эти цифры соотносятся с порядком букво-цифр «Азбуки пермской».

Кодикологическое изучение рукописей с древнепермскими числовыми пометами показало, что обе книги вышли из-под пера Васюка Попова сына Гаврилова-Кылдашева (Дьяконова). Васюк, очевидно, был сыном попа Гаврила Лукина, который в 1485/1486 г., будучи еще дьяконом, переписал Сборник поучений Исаака Сирина, сделав в нем записи стефановскими письменами. Их родство подтверждается записью в еще одной рукописи Васюка – Псалтыри 1517 г., написанной им на вычегодском погосте Лена, но древнепермских букв и цифр в ней нет. Поскольку Гаврила и Васюк образовывали династию книгописцев, работавших на территории Коми края в конце XV – начале XVI вв., то можно предположить, что на протяжении свыше столетия после свт. Стефана Пермского традиции древнепермской письменности, включая знания о древнепермских цифрах, сохранялись в среде местных интеллектуалов, в том числе и путем их передачи от отца к сыну (*Морозов Б.Н.* Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI вв. // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2007. С. 137–142).

Древнепермская дата смерти Стефана. В левом нижнем углу «Азбуки пермской» в списке 1510 г. находится небольшой текст в виде набора символов. Набор представляет собой (слева направо): 1) знак в виде распрямленного рыболовного крючка, превратившегося в утолщенную круглую скобку и 2) ромбовидный квадрат под титлом, поставленный углом на короткую ножку. Причем это дугообразное титло той же формы, что и титло над первым знаком «Азбуки пермской». Наличие титла может служить основанием для суждения числового характера ромбовидного квадрата. Этот знак может быть лигатурой, состоящей из стефановских «буквенных цифр», расположенных друг над другом. Действительно, если верхнюю часть этого знака (в виде $\wedge$) отделить от нижней (напоминающей римскую пятерку v), то получится сверху древнепермская цифра $\wedge=900$, а внизу $-v=5$. Вместе будет число 905, возможно, служащее сокращенной записью числа года без тысячного разряда [6]905 в зре от Сотворения Мира. Такой способ выражения чисел года (без тысячного разряда) был употребительным в древнерусской хронологической практике.

Такая трактовка находит определенное подтверждение. Дело в том, что левый значок в группе неразгаданных символов «Азбуки пермской» соответствует знаку, которым на северных деревянных календарях обозначается день сщмч. Василия, еп. Амасийского – 26

апреля (*Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб., 1889. Вклейка после С. 26 (текст «Зырянский пас-святцы XIV ст»). Датой смерти свт. Стефана Пермского является 26 апреля 1396 г. Число 905 как обозначение 6905 г. в ультрамартовском календарном счете от сотворения мира будет соответствовать 1396 г. от рождения Христова – году смерти Стефана Пермского. В совокупности приведенных данных группа значков расшифровывается как дата преставления свт. Стефана Пермского. Она была, по-видимому, добавлена к «Азбуке пермской» еще в конце XIV в. вскоре после его кончины. Ультрамартовский стиль к XV в. уходит из хронологической практики. В «Слове» Епифания Премудрого год в дате смерти свт. Стефана Пермского (26 апреля 1396 г.) дан не в ультрамартовском, а в мартовском или сентябрьском стиле – 6904 (1396) г. Отсюда следует, что ко времени написания «Слова» (рубеж XIV–XV вв.) в датировках уже не применялся ультрамартовский стиль. Значит, датировочная приписка к «Азбуке пермской», где используется ультрамартовский стиль, скорее всего, была сделана раньше – между 1396 г. и самым концом XIV в. Хронологическое значение расшифрованного числа (записи годовой даты) заключается в том, что о календарных «интересах» свт. Стефана Пермского почти ничего не было известно. Расшифровка датировочной приписки к «Азбуке пермской» ставит вопрос о том, что неизвестной ранее оригинальной чертой хронологических взглядов Стефана Пермского или его ближайших последователей было использование ультрамартовского календарного счета. Этот факт может иметь и практическое значение при датировке средневековых памятников книжной культуры, возникших на территории Коми-края.

Значение хронологической приписки к «Азбуке пермской» для изучения древнепермских цифр состоит в том, что она свидетельствует о неизвестном ранее их применении – в датировании событий. До этого рассмотренные примеры использования древнепермских цифр касались довольно специальной сферы – записи библейских текстов (в иконописи) и в книгописании (при нумеровании книжных тетрадей). Эти примеры можно связать с персональным интересом отдельных людей к древнепермскому письму. Хронологическая приписка к «Азбуке пермской» могла возникнуть лишь при условии, что древнепермская система цифр имела достаточно широкую известность. Иначе столь важная приписка о времени смерти такой высоко чтимой личности, как свт. Стефан Пермский, не имела бы общественного отклика в среде стефановского культурного влияния. Поэтому наличие памятников древнепермской цифровой системы является важным свидетельством былого более широкого

распространения стефановской книжности в Пермском крае, чем о том позволяют судить ее сохранившиеся следы.

В современной трактовке Ренессанса значительное место уделяется роли математического знания. Так, французский представитель такого подхода Жан Делюмо отмечал, что Раннее Возрождение обязано своим появлением в Италии на рубеже X–XI вв. мощной созидательной энергетике, в чем значительная роль принадлежала математике, которая «создает ткань Вселенной», выступая своего рода организующе-созидательной основой Ренессанса (*Делюмо Ж.* Цивилизация Возрождения. Екатеринбург, 2006. С. 12).

Установление математической (нумерационной) структуры древнепермской письменности свидетельствует, что создавший ее святой Стефан Пермский во второй половине XIV в. осознавал указанную истину и применял ее на практике в своей миссионерской деятельности среди коми-зырян с 1379 г. Поэтому свт. Стефан Пермский с полным основанием может считаться ярким представителем «православного Возрождения» конца XIV – первой трети XVI вв.

*Е.В. Пчелов, к.и.н., доц., зав. каф.
ИАИ РГГУ*

Девизы русской дворянской геральдики

Девизам русских дворянских гербов до революции было посвящено четыре отдельных издания справочного характера. Два из них были выпущены в свет Гербовым отделением Департамента герольдии Сената в 1882 и 1891 гг. При этом составитель первого неизвестен; это издание было опубликовано в тот период, когда управляющим отделением являлся барон Б.В. Кёне (в тексте предисловия имеются ссылки на одну из его работ). Второй справочник был составлен секретарём Гербового отделения В. Горном. Эти два издания носили официальный характер. Третье издание вышло в 1903 г. и представляло собой каталог надписей (т. е. легенд) и девизов на печатях из сфрагистической коллекции И.К. Антошевского, при этом девизам была посвящена лишь одна из частей этой небольшой книжки. Наконец, самый подробный справочник – «Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства» – составил выдающийся геральдист и искусствовед С.Н. Тройницкий, это издание увидело свет в 1910 г.

После 1917 г. девизам посвятили свои работы А.П. Моляково-Высоцкий и уже в наше время И.В. Борисов, однако, в целом эта тема для отечественной научной геральдики остаётся периферийной.

В издании 1882 г., несмотря на некоторые неточности предисловия (так, утверждается, что на личной печати Екатерины Великой

имелся девиз «Полезное», хотя, по-видимому, имелась в виду не печать, а знак Вольного экономического общества) и даже самого текста (что неизбежно в любом справочнике при таком объёме информации), предпринята попытка некоторой классификации гербовых девизов (отсутствующая в более поздних изданиях). Девизы разделены на несколько тематических категорий, что, безусловно, облегчает их анализ. В предисловии упоминаются, во-первых, девизы, выражающие «те чувства и истины, которыми руководствовались в жизни лица, получившие в гербах известный девиз с тем, чтобы воспользовались им потомки» (веру в Бога, преданность и верность Государю, рыцарские чувства и т.п.). Во-вторых, девизы, «имеющие прямое отношение к фамильному имени», и, в-третьих, соответствующие «фигурам, помещённым в гербах». Последняя категория в самом тексте справочника выделена особо. Составитель насчитал 14 таких девизов (10 латинских и 4 русских), приписав к ним и очевидно «гласный» девиз М.М. Сперанского.

С предложенной классификацией вполне можно согласиться. Девизы «идеологические», действительно, составляют большинство всех девизов русской дворянской геральдики, что вполне объяснимо. Выражение тех или иных благородных, высоких чувств, идей и категорий естественно для геральдических девизов. Однако важно иметь в виду, что лишь в единичных случаях известны причины выбора того или иного девиза (как, например, девизы М.Б. Барклая-де-Толли и Г.Р. Державина). В большинстве же случаев о причинах выбора остаётся гадать. Можно выделить также весьма значительную категорию девизов, отражающих конкретные заслуги гербовладельца не в абстрактной, обобщённой форме, а в плане его непосредственной деятельности. К таким девизам, в частности, относятся девизы гербов гр. С.С. Уварова («Православие, Самодержавие, Народность»), В.А. Жуковского и А.Ф. Львова («Боже Царя храни»), гр. М.Н. Муравьёва-Виленского («Не посрамят земли Русской»), гр. М.Т. Лорис-Меликова («С боя за братьев по Христу»), А.-Л. Шлёцера («Лета вечная помянух»), Н.В. Склифосовского («В знании сила»), А.Ф. Маркса («Неустанными трудами»), Э.Ф. Направника («Трудом и искусством»), Я.В. Виллие («Трудом и знанием», лат.), Ф.Ф. Трепова («Храню и охраняю») и др. Некоторые девизы отражают конкретную историю (иногда мифическую) данного рода. Таковы неофициальный девиз герба Татищевых («Не по грамоте», имеется в виду княжеское происхождение этого дворянского рода) и официальные девизы гербов Я.В. Брюса («Были», лат.) и А.П. Ганнибала («Были», ит.), в этих случаях гербовладельцы возводили свой род к средневековым королям Шотландии и карфагенскому полководцу Ганнибалу соответственно.

Конкретные заслуги могли отразиться в гербе в виде определённых фигур, а девиз мог соответствовать этим фигурам. Таков герб О.И. Комиссарова-Костромского, в котором изображена рука, душащая гидру, а девиз – «Рукою провидения» – соответствует этой фигуре.

К девизам «эмблематическим», т. е. соотносённым с фигурами в гербе, можно отнести, помимо упомянутого и отмеченных в издании 1882 г., ещё также девизы гербов Гезена, Роте, Фосса, Гарднера, Литке («Бодествуя, служит» (лат.) – журавль с камнем в лапе), графов Капнистов («Недвижим под огнём» (лат.) – вулкан), неофициальный девиз герба князей Гагариных с изображением «старого дуба» («С возрастом сила», лат.) и др. Интересной категорией можно считать девизы, в которых нашли отражение фигуры в гербах, которые, в свою очередь, имеют гласный характер. Так, в гербе гр. Э. Унгерн-Штернберга центральное место занимало изображение звезды («штерн»), ей соответствовал девиз «Никогда не померкнет» (лат.). В гербе Триполитова изображались три башни и имелся девиз: «Всё тройственное совершенно» (лат.). В гербе Тура был помещён тур, чему соответствовал девиз «Силой силу отражать» (лат.).

Гласные девизы не всегда столь очевидны, как девиз гербов Сперанского («*Sperat in adversis*») или Тотлебена («*Treu auf Tod und Leben*»). Девиз герба светл. кн. П.В. Лопухина – «Благодать», как известно, намекал на имя его дочери Анны, фаворитки императора Павла I. Девиз герба И.Ф. Крузенштерна (вообще не включённый в дореволюционные справочники) – «*Spe fretus*» – содержал намёк на название корабля «Надежда», на котором Крузенштерн совершил своё кругосветное путешествие. Г.Р. Державин сам выбрал для своего герба «гласный» девиз – «Силою вышняго держуся».

«Гласные» девизы могли отражать имя гербовладельца (герб бар. Константина Фелейзена – «*Constantia*»), его фамилию (гербы П.И. Фёдорова – «Божий дар», Федотовых – «Моя надежда в Боге», Невинских – «В невинности сила», Неверовичи – «Вера, честь, долг, труд») и даже структуру самой фамилии (герб Муравьёва-Апостола-Коробьина – «Три в одном» (лат.)).

Интересна и прослеживающаяся в единичных случаях связь девизов с происхождением нескольких родов гербовладельцев. Казалось бы, у родов одного корня и гербовые девизы должны быть похожи. Однако это, как правило, не так, и только у потомков Андрея Кобылы, почти у всех родов гербовые девизы совпадают в своей начальной части и содержат слово «Бог» (все девизы на латыни): Шереметевы – «*Deus conservat Omnia*», Епанчины – «*Deus. Fides. Amor. Virtus*», Колычёвы и Яковлевы – «*Deus Honor et Gloria*». В гербе графов Коновницыных (также потомков Андрея Кобылы)

девиз иной. Почти идентичны гербовые девизы Столыпина и князей Вяземских (неофициальный) – «(In) Deo spes mea». Эти роды находились в родстве по браку, поэтому можно предполагать, что такое совпадение неслучайно.

Особая тема – это отражение гербового девиза в произведениях культуры и, в частности, литературы (аракчеевский девиз у Пушкина, шереметевский – у Ахматовой).

*А.Ю. Самарин, д.и.н., доц.
зам. ген. директора РГБ, в.н.с. ИИЕТ РАН*

Неопубликованная статья П.К. Симиони о печатных листах и не допечатанных книгах

Член-корреспондент АН СССР Павел Константинович Симиони (1859–1939) активно работал в сфере книговедения, истории книги и вспомогательных исторических дисциплин (*Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И.* Павел Константинович Симиони (1859–1939): материалы к биобиблиографии // Библиография. 2016. № 3. С. 84–109). Значительная часть его научного наследия остается неопубликованной. Изучение архивных материалов показывает, что П.К. Симиони выступал в качестве одного из пионеров применения поэкземплярного изучения книги, широко распространенного в настоящее время (*Самарин А.Ю.* П.К. Симиони о поэкземплярном изучении книги (по материалам личного архива) // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 459–462). Недавно автором настоящего доклада была опубликована одна из статей П.К. Симиони, посвященная данной проблематике (*Симиони П.К.* Книжные дефекты и положение исследовательской работы над книгой / Публ. и вступ. ст. А.Ю. Самарина // Про книги: журнал библиофила. 2014. № 4. С. 87–95).

Среди неопубликованных трудов П.К. Симиони имеется статья "Несколько слов «на память» о «листах» и «недопечатанных» книгах" (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 362 (П.К. Симиони). Карт. 6. Ед. хр. 27). Она представляет собой черновой автограф, который, судя по тому, что в нем имеется дата написания (1 декабря 1928 г.) и почтовый адрес автора, был предназначен для копирования на печатной машинке и отправки в какую-то редакцию. Первые три из восьми листов имеются и в машинописном варианте.

Целью статьи П.К. Симиони определяется обратить внимание на те произведения, вышедшие из-под печатного станка "коим вполне можно придать наименование «изгоев» печати" (Там же. Л. 1).

П.К. Симони пишет: "Существует между прочим два рода книг не вызвавших к себе симпатий и внимания ни у людей литературного склада, ни у обывательского читателя, да и хранители книжных богатств в наших библиотеках очень равнодушны к ним, если не прямо против них настроены бывают. Не любят держать их в своих лавках и книготорговцы и даже антиквары. Их можно находить изредка лишь в частных коллекциях иных наших библиофилов.

Я разумею здесь 1) «листы», «летучие» листы, летучки, листочки и «листовки» (тетрадки объемом не более 1–2 1/2 печатного листа) и 2) «недопечатанные» книги объемом подчас во много листов и даже частей или томов; значит одни отпечатанные или так называемые в типографиях «чистые» листы, сфальцованные, но не сшитые, по большей части без шмуцтитолов, заглавных листов, предисловий, указателей и т.о. под.обного> и, конечно, без обложек печатных. По какому-либо внешнему случаю листы остались в типографии, не имея так сказать «вида на жительство» на белом свете и вот им не суждено выйти за порог типографии и стать обыкновенными правомочными печатными изданиями. Их ожидает «торговая казнь», ошельмование – уничтожение разными способами (на перемол на писчебумажную фабрику, для завертки товаров, оклейку комнат на обои и т.п.). Грустно, что все издание, т. е. «весь завод» – уничтожается бесследно, а иногда автор положил чуть не всю жизнь на свой труд, а в наших книгохранилищах не остается и малейшего следа о труде целой жизни" (Там же. Л. 1–2).

Ученый отметил, что листовые издания были предметом интереса целого ряда известных ученых, библиографов, коллекционеров. Он называет имена Г.Н. Геннади, М.Н. Лонгинова, С.А. Соболевского, И.Е. Забелина, Д.А. Ровинского, П.А. Ефремова, Н.П. Лихачева. Говоря о значении такого рода изданий, П.К. Симони пишет: "Наши рукописные листы-летучки ведут свое начало еще с конца XV-го столетия>. Они были «лицевые», т. е. иллюстрированные, или только один текст без изображений, и те и другие перешли потом в печатные и литографированные листы и образно-образились и применились к новым условиям культурной жизни. Общая численность листов чрезвычайно велика. До того, что всего подсчета нет возможности сделать, т. к. ни полного набора их никто никогда не пытался сделать, ни правительственные, ни частные собрания и библиотеки не находили нужным приложить к этому свой труд" (Там же. Л. 2). Вслед за Г.Н. Геннади П.К. Симони перечисляет некоторые виды летучих, листовых изданий: "летучие листки, афиши, объявления, программы, мелкие брошюры, старинные театральные пьесы, стихотворения и речи на разные случаи,

описания торжеств, наконец, оттиски журнальных статей, часто отпечатанных в небольшом числе" (Там же. Л. 3).

Указывает П.К. Симони и на значение листовых изданий своего времени: "Ныне в XX веке в век Революции мы также присутствуем при небережи и уничтожении даже революционных летучек и листков и во всяком случае полной коллекции их мы нигде не видим. Все, по-видимому, от того, что нет распоряжения их собирать, а в хранилища от типографий и ведомств, если они и поступали, но далеко не все попали в музеи и библиотеки и сбереглись донныне" (Там же. Л. 3).

Другой вид печатной продукции, прошедший мимо библиографического учета, по мнению П.К. Симони, книги не получившие законченного полиграфического оформления. "Еще хуже обстояло и обстоит дело с не допечатанными книгами или так или иначе не выпущенными из типографий. На них и Геннади не обратил должного внимания и не придал им значения. Между тем еще с XVIII и XIX стол<етий> можно уследить, что книги печатались, но не всегда заканчивались печатанием и поступали исправно в книгохранилища", – пишет он (Там же. Л. 3).

Исследователь приводит целый ряд примеров таких не вышедших в свет изданий. В частности, труды академика А.А. Куника (Там же. Л. 8). Он выдвигает идею своеобразного обязательного экземпляра для таких книг, которые, по его мнению, необходимо отправлять в Государственную публичную библиотеку и Библиотеку Академии наук в Ленинграде, в Публичную библиотеку СССР им. В.И. Ленина и Институт Ленина в Москве (Там же. Л. 8).

Стоит отметить, что идея П.К. Симони о библиографическом учете листовых изданий и невыпущенных в свет книг остается актуальной и сегодня. Ведь, например, при составлении "Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800" прямо указывалось, что к книгам "отнесены издания, имеющие 5 и более страниц текста. Листовой материал в Сводном каталоге не представлен" (Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1962. Т. 1. А–И. С. 4).

*И.Е. Суриков, д.и.н., проф., г.н.с.
ИВИ РАН, ОСКИ РГГУ*

«Неведомый благодетель»: к вопросу о появлении алфавита

Тема данного доклада связана с тем, что конференция, на которой он прозвучит, отчасти посвящена памяти Вяч. Вс. Иванова, который был не просто выдающимся ученым, но и – следует специально это подчеркнуть – гуманитарием-энциклопедистом, не бояв-

шимся в своих работах обращаться к самым «глобальным» вопросам истории культуры и предлагать максимально смелые гипотезы (как, например, о «цивилизации» горилл в Западной Африке несколько миллионов лет назад, см. в кн.: *Иванов Вяч.Вс.* История славянских и балканских названий металлов. М., 1983).

Как раз об одном из таких «глобальных» вопросов пойдет речь ниже. Проблема возникновения алфавитной письменности в Греции имеет самое прямое отношение к целому ряду вспомогательных и специальных исторических дисциплин (будь то эпиграфика, палеография, хронология, историческая география, да даже, пожалуй, и метрология, коль скоро греческие буквы выполняли также роль цифр).

Заметим здесь, что хотя по рассматриваемой тематике с точки зрения богатства приводимого источникового материала и поныне не имеет равных классический труд Л. Джеффери (*Jeffery L.H.* The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C. Oxford, 1963; главная заслуга Джеффери – в исключительно скрупулезном изучении локальных и диалектальных вариантов букв в ранних греческих надписях), но в плане концептуальной оригинальности теперь на первое место выдвинулась великолепная монография Б. Пауэлла (*Powell B.B.* Homer and the Origin of the Greek Alphabet. Cambridge, 1991). Правда, уже после ее выхода была открыта древнегреческая надпись, которая ныне признается самой-самой ранней (о ней см.: *Ridgway D.* Greek Letters at Osteria dell'Osa // *Opuscula Romana*. Vol. 20. Stockholm, 1996. P. 87–97), датируясь самым началом VIII в. до н.э. или, может быть, даже рубежом IX–VIII вв. до н.э. Таким образом, появление греческого алфавита произошло еще немного «удревнить». Но на основные положения книги Пауэлла этот нюанс не влияет.

Б. Пауэлл – решительный приверженец теории моногенеза в спорах о происхождении греческого алфавитного письма. Иными словами, он настаивает, что алфавит – не продукт долгих трудных усилий многих поколений (как считала, например, та же Л. Джеффери), а дело ума и рук некоего конкретного человека (в связи с этим он и припоминает известное выражение великого Вилламовица о «творце алфавита» – ein unbekannte Wohltäter, которое мы и вынесли в заголовок данных тезисов).

Вообще говоря, Пауэлл в своей работе очень многое пишет как бы «в пику» Джеффери. В частности, последняя не считала, что греческий алфавит – первый в мире, поскольку признавала западносемитские письменности (в частности, финикийскую, непосредственную предшественницу греческой) тоже уже алфавитными.

Однако Пауэлл, опираясь на выкладки И. Гельба, четко демонстрирует, что письменности западных семитов в действительности представляли собой не алфавит, а финальную, наиболее совершенную стадию слогового письма (силлабария). В них знак денотирует конкретный согласный плюс любой гласный (например, b^x , g^x , d^x и т.п.). В результате, например, у финикийцев было 22 знака, и это может восприниматься (несколько превратно), как «алфавит из одних согласных». Греки же ввели специальные знаки для гласных (о причинах см. ниже), что было воистину прорывом. Только письменность, имеющая знаки (буквы) для каждого звука использующего его языка, может считаться в полном смысле алфавитной. С этой точки зрения древнегреческое письмо и наша кириллица (в наибольшей степени в белорусском варианте) являются полноценными алфавитами, а вот современная латиница (особенно применительно к английскому и французскому, в меньшей степени применительно к немецкому, испанскому и т.п.), принимает определенные черты идеографии (на что справедливо указывает тот же Пауэлл в вышеупомянутой книге). Строго говоря, идеограммами мы и поныне пользуемся (именно таковыми являются знаки типа %, §, да даже и 1, 2, 3 и т.п.). Причем использование идеограмм постепенно нарастает в современной жизни (припомним хотя бы столь популярный «смайлик»). Не означает ли сие деградацию? Ведь идеографическое письмо на шкале развития письменностей – даже более примитивный тип, нежели силлабарий.

Но вернемся к основной нити изложения. Еще один принципиальный тезис Пауэлла: если для Джеффери главной причиной введения греками алфавита является экономическая (необходимость ведения купеческих записей), то Пауэлл это интенсивно отрицает, настаивая на том, что алфавит был создан для записи поэм Гомера. Парадоксальная, но глубоко импонирующая идея! Не можем в рамках данного краткого текста привести всю детальнейшую аргументацию Пауэлла, поэтому отметим только следующее. Во-первых, среди самых ранних древнегреческих надписей (VIII и начало VII в. до н.э.) очень велик процент стихотворных, причем сделанных именно эпическим гекзаметром, а вот хозяйственных документов нет вообще. Во-вторых, вернемся к проблеме введения гласных. Для купеческих записей они, строго говоря, не нужны, и ведь обходились же веками финикийские торговцы без гласных, не ощущая ни малейшего дискомфорта. А вот греческую поэзию с ее метрикой и просодией, основанными на различении долгих и кратких гласных, просто нельзя было адекватно фиксировать в письменном виде без наличия особых букв для гласных звуков. Протицируем из новейшей работы: «Эпос Гомера, безусловно, не мог бы быть

записан в его существующей форме без использования алфавитного письма» (*Janko R. From Gabii and Gordion to Eretria and Methone: The Rise of the Greek Alphabet // Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London. 2015. Vol. 58. No. 1. P. 27*).

Что касается конкретного региона появления греческого алфавита, то, если говорить в самом общем виде, ясно, что он с неизбежностью должен относиться к зоне ионийских диалектов. Например, заметим, со своей стороны, что только этим может объясняться отсутствие у греков букв для $\bar{a}$ и h (последний звук позже обычно передавался посредством *spiritus asper*, но, например, в староаттическом алфавите для него использовалась *эма*). Дело в том, что именно в ионийских диалектах $\bar{a}$ переходил в $\bar{e}$, а h элиминировался в результате т.н. псилосиса.

Если же попытаться уточнить вопрос, Б. Пауэлл не сомневается, что нужно искать где-то в ареале деятельности эвбейцев (тем более что их диалект как раз относился к ионийским). В VIII в. до н.э. именно Эвбея шла, так сказать, в авангарде всей Эллады. Эвбейские мореходы, с одной стороны, первыми из эллинов после «Темных веков» возобновили плавание к восточному побережью Средиземного моря, где процветали западносемитские письменности. С другой стороны, они первыми же в ту эпоху начали плавать и на запад в Италию (оговорим в связи со сказанным, что именно из Италии, из Лация происходит самая ранняя греческая алфавитная надпись, о которой упоминалось выше). Одним словом, против «эвбейской» локализации происхождения алфавита трудно что-либо возразить.

В заключение перейдем к последнему (и главному). Коль скоро греческая алфавитная письменность была создана для записи «Илиады» и «Одиссеи», почему бы не предположить, что сам Гомер ее и изобрел? (Подчеркнем, что реальную историчность выдающегося аэда, известного нам под именем «Гомер», признают в нынешних спорах по «гомеровскому вопросу» почти все неоунитарии и многие из неоаналитиков). В таком случае Гомер оказывается уж и вовсе какой-то гигантской фигурой культурной истории человечества – не только человеком, фигурирующим в традиции как создатель двух первых (и сразу шедевральных) памятников европейской литературы, но еще и автором одного из величайших и полезнейших изобретений.

Б. Пауэлл этого смелого шага, который здесь предлагаем мы, не делает; он ограничивается констатацией того, что Гомер непосредственно стимулировал изобретателя алфавита, побудил его сделать это. Получается, ученый добавляет некое «лишнее звено», в котором, на наш взгляд, надобности нет. Он исходит из «устной теории»

М. Пэрри и А. Лорда, в рамках которой сказитель эпоса принципиально работает в рамках устной культуры, а к письменной испытывает отвращение. В норме, пожалуй, так оно и было, но персона такого уровня, как Гомер, явно не может быть измерена мерками «общей нормы». «Кандидатура» самого Пауэлла на роль творца алфавита – эвбейский герой Паламед, но не будем забывать о том, что Паламед – мифологический персонаж, участник Троянской войны. А война эта имела место не позже первой четверти XII в. до н.э.; для тех времен об алфавите не может быть и речи.

Итак, Гомер? Пока ставим знак вопроса. Ибо среди «семи городов», споривших за право считаться родиной Гомера, нет ни одного эвбейского (а, как отмечалось выше, связь появления алфавита с эвбейцами несомненна). Впрочем, аэды много путешествовали. Был ли Гомер родом с Хиоса или из Смирны – он в ходе своих странствий вряд ли мог миновать блистательную в то время Эвбею. Собственно, известное состязание Гомера и Гесиода античные авторы чаще всего помещают именно на этом острове.

Среди известных «родин Гомера», тех самых «семи городов», которые боролись за честь считаться местом рождения величайшего из аэдов (на самом деле, если сопоставить все списки с содержащимися в них вариантами, оказывается даже не семь, а куда больше десятка, см. хотя бы Suid. s.v. Ὀμηρος), нередко фигурирует Саламин Кипрский. Однако признать Гомера греком-киприотом не позволяет одно значительное обстоятельство. И оно заключается отнюдь не в различии диалектов. «Гомеровский диалект» (или «эпический диалект», см. о нем: *Hackstein O. The Greek of Epic // A Companion to the Ancient Greek Language / Ed. by E.J. Bakker. Oxford, 2010. P. 401–423*) является искусственным. В его основе ионийский (с эолийским субстратом и некоторым аттическим адстратом), но на этом языке никогда никто не говорил, на нем только пели аэды, будь они родом хоть из Смирны, хоть с Кипра, хоть из Аттики.

Дело в ином. Гомер в рамках неоунитарной концепции (к которой примыкает автор этих строк) выступает как гениальный «поэт-редактор», создавший «Илиаду» и «Одиссею» из разрозненных эпических песен и, возможно, даже записавший сии шедевры. На Кипре такая запись никак не могла произойти, поскольку кипрские греки удержали с микенских времен слоговое письмо (о континуитете у них в данной сфере см.: *Egetmeyer M. From the Cypro-Minoan to the Cypro-Greek Syllabaries: Linguistic Remarks on the Script Reform // Syllabic Writing on Cyprus and its Context / Ed. by P.M. Steele. Cambridge, 2013. P. 107–131*), а этот силлабарий, как отмечали и мы выше, и ранее Б. Пауэлл, совершенно не годится для передачи эпических гекзаметров.

К вопросу об истории домашних графосфер

Графосфера – это пространство видимого слова. История домашних графосфер – это история видимых слов в домашней среде. Несмотря на богатые традиции изучения предметов и надписей, которые образуют домашнюю графосферу, динамика их совокупной истории и взаимоотношений – то есть история домашней графосферы как таковой – практически не изучена. Поэтому в настоящем докладе приводятся, во-первых, лишь общие замечания о задачах ее изучения и, во-вторых, некоторые весьма предварительные выводы о направлениях, которые могут оказаться перспективными.

Все начинается с источниковедения. Жанры предметов с надписями, которые в той или иной степени могут фигурировать в домашней графосфере, чрезвычайно разнообразны: от медалей до эмалей, от ковшей до вышивки, от кувшинов до часов, от гравюр до самоваров, от табакерок до икон, от праздничных сервизов до пряничных досок – не говоря уже о книгах и документах.

Экология состава предметов в домашних графосферах меняется в зависимости от материальных средств, социального положения, культурных ценностей, от моды и вкуса, от истории коллекционирования и производства для рынка. Рынок на разные предметы образовывался неравномерно, причем не обязательно «сверху вниз». Как известно, например, уже во второй половине XVII в. получили довольно широкое распространение печатные картинки (лубок), на продажу которых патриарх Иоаким жаловался, потому что их приобретали якобы не только ради их религиозного назначения, но в качестве элементов домашнего украшения. С середины XVIII в. особенно заметно растет рынок на более роскошные надписанные предметы в качестве подарков или сувениров, о чем свидетельствуют, например, выпуски повторных оттисков серий памятных медалей, или же в начале 1750-х гг. газетное объявление от Невского фарфорового завода с предложением изготавливать табакерки с персональными надписями на заказ.

Чтобы создавалась графосфера, слово должно не только присутствовать. Оно должно быть на виду. Поэтому история домашних графосфер не сводится к изучению самих предметов. Необходимо и изучение интерьеров. Понятно, что картины – на стенах. Но где же хранились или выставлялись другие потенциально графосферные предметы? Развитие домашней графосферы, особенно с XVIII в., тесно связано с появлением и распространением соответствующей

мебели – открытых полок, застекленных шкафов, столиков, этажерок и т.д.

Тут надо говорить и о книгах. На Руси книги часто хранились в закрытых сундуках. Но даже в приличной дворянской библиотеке XVIII в. книги на открытых полках служат лишь напоминанием о графосферном потенциале. Возможно, кое-какие книги лежат открытыми на столах, но в подавляющем большинстве случаев единственными их видимыми словами являются надписи на корешках. Следовательно, история книги в домашней графосфере неотделима и от истории книжного переплета.

В самых общих чертах – со временем домашние графосферы сгущаются, становятся более разнообразными, умножаются, распространяются. Однако графосферное сгущение происходит не всегда, не везде и далеко не равномерно. Обратим внимание на некоторые явления, которые, хотя не совсем противоречат общему впечатлению и движению, все-таки усложняют картину.

Например, в некоторых отношениях в XVIII в. графосфера дворянских домов становится *менее* насыщенной. Стены парадных комнат покрываются не иконами (обязательно с надписями), а академической живописью, которая, как правило, отличается именно отсутствием композиционных надписей. Поэтому, как ни парадоксально, видимое слово становится пропорционально более заметной чертой стен в более скромных домах, где преобладают более «многословные» изобразительные жанры – иконы и лубок. Одновременно эстетика престижных надписей на драгоценных предметах меняется отнюдь не в сторону сгущения, а наоборот. Толстые пояса плотной вязи уступают место более тонким разновидностям почерка. Своеобразным переходным этапом служили первые десятилетия XVIII в. благодаря моде на эмблемы. Эмблемами (тоже обычно с надписями) украшали все, от маленьких гравированных рюмок до плиток громадных «голландских» печей. Но мода прошла, печи стали украшать абстрактными или архитектурными формами, и вообще представления об изящности надписей на драгоценных предметах, хотя не исключали памятных или объяснительных текстов, все чаще удовлетворялись просто монограммами.

Чтобы выявить черты местной специфики русских домашних графосфер, необходимо их сравнительное изучение. Очевидно, что некоторые из перечисленных явлений XVIII в. имеют аналогии в Западной Европе. Но это отнюдь не значит, что все моды и практики перенимались оттуда. В качестве примера можно привести традиции дворянской вышивки. В Западной Европе и в Северной Америке чрезвычайно распространен жанр «*sample*», т. е. образцов работы девочек. Очень часто главные сюжеты подобных образцов

состояли из разнообразных вышитых текстов: азбук, стихотворений, нравоучительных и библейских изречений. В России же, несмотря на важность вышивки в домашнем и пансионном образовании девочек, несмотря на влияние иностранных гувернанток и воспитательниц, традиция изготовления текстовых образцов не вошла в привычку. Хотя в памятниках русской дворянской вышивки иногда встречаются подписи, дарственные надписи или краткие тексты на изображениях, подражающих гравюрам, тем не менее вышитые тексты составляют, скорее всего, относительно редкие исключения.

Таковы некоторые предварительные замечания о путях и проблемах изучения истории домашних графосфер в России, особенно в период их становления в XVII–XVIII вв. Пока неясно, возможна ли – и желательна ли – синтезированная история бытования и функционирования видимого слова в домашней среде. Тем не менее, кажется, что даже частные наблюдения, которые возникают в результате такого комплексного подхода, могут оказаться познавательными.

*А.А. Фролов, к.и.н., с.н.с.
ИВИ РАН*

Исторические ГИС в Лаборатории исторической геоинформатики Института всеобщей истории РАН

Геоинформационная система (ГИС) определяется как информационная система, оперирующая пространственными данными, где информационная система – это система, предназначенная для хранения, обработки, поиска, распространения, передачи, представления информации, а данные – это информация, представленная в виде, пригодном для обработки автоматическими средствами при возможном участии человека (ГОСТ Р 52438-2005. М., 2006). В литературе аббревиатурой ГИС обозначают не только компьютерную программу для управления пространственными и другими данными, но и исследование-проект, которое с помощью такой программы создано и содержит набор данных.

История ГИС насчитывает полвека. С самого начала они развивались в русле, привлекательном для исторической географии: в 1960-е гг. в США и Канаде пространственные данные начали использовать как одну из характеристик, описывающих объекты из массивов машиночитаемых данных (для нужд переписи населения и земельного кадастра). В цифровую эпоху историческая география обречена на связь с ГИС-технологиями в силу своей специфики, ведь без визуализации объекта исследования ее существование не-

возможно. Если даже автор работы по исторической географии не предлагает читателю карту, все равно для использования полученных результатов последнему приходится обращаться к ней.

На Западе геоинформатика оформляется как самостоятельная дисциплина в 1980-е гг. Период «государственных инициатив» сменяется периодом коммерческого развития. В России процессы внедрения геоинформатики в сферу научных исследований протекали медленнее – в силу отставания страны в 1980–1990-е гг. по оснащенности компьютерной техникой и дороговизны лицензий. Сейчас этих проблем нет. Альтернативу проприетарным продуктам составили многочисленные «открытые» ГИС, не требующие покупки софта.

Историк может применять ГИС-технологии везде, где свойства изучаемых объектов можно представить в виде одной или нескольких таблиц, и где есть необходимость отобразить расположение этих объектов друг относительно друга или относительно иных объектов мира. ГИС-технологии позволяют не просто отбирать, сортировать и визуализировать картографированные объекты, менять их картографическую проекцию и систему координат, но и анализировать пространственные характеристики любых объектов, изучать пространственное соотношение данных разного вида, моделировать поверхности и т.д. ГИС открывают возможность сравнивать исследовательские данные с данными, которые существуют уже в мировом информационном поле в тех же координатах. ГИС-технологии «приводят к принципиально новому месту картографии в исторических исследованиях, во-первых, и формированию возможностей пространственного моделирования прошлого, во-вторых» (*Владимиров В.Н.* Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005. С. 54). Принципиально важно здесь превращение карты, являющейся иллюстрацией, в карту как аналитический инструмент. Это уже не карта-символ, а карта-модель (Там же. С. 62).

В мировой науке к началу XXI в. были пройдены два этапа развития исторических ГИС (далее – ИГИС): освоения ГИС как эффективного инструмента и формирование исторической геоинформатики как отдельной дисциплины. Третий этап ознаменовался созданием масштабных ИГИС-проектов, охватывающих целиком всю территорию государства или даже ряд государств (Великобритания, США, Китай, Тайвань, Нидерланды, Германия, Европа в целом, Польша) (*Фролов А.А.* Геоинформационные технологии в современных историко-географических исследованиях отечественных историков // Вопросы исторической географии / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. М., 2013. С. 447–458). Этот этап

неотделим от развития веб-технологий. Ни одна из ГИС такого уровня не могла бы существовать полноценно без веб-представления.

В России ИГИС развиваются с середины 1990-х гг. – в основном усилиями членов межрегиональной ассоциации «История и компьютер». Но российские исследователи в этой сфере находятся часто в положении догоняющей стороны, и в этом есть свои преимущества. Мы располагаем гораздо более развитыми технологиями (в частности – веб), нежели те, на которые опирались наши зарубежные коллеги 10–15 лет назад. Пришло время и нам искать технические решения, ведущие к созданию национальной ИГИС, и работа на эту перспективу как на стратегическую цель была декларирована Лабораторией исторической геоинформатики ИВИ РАН с момента ее создания летом 2015 г. Данная цель определяет и те подходы, которые сотрудники Лаборатории (А.А. Фролов, А.А. Голубинский, С.С. Кутаков, Ю.В. Степанова, А.И. Савинова) применяют в своей работе. Все сложные технические решения реализуются благодаря специалистам ООО NextGIS – компании-разработчика программного обеспечения в области геоинформатики (<http://nextgis.ru/about/>).

Основу национальной ИГИС может составить набор «рамочных» слоев (например, административные границы, пути сообщения и т.д.), отображающих положение исторических объектов, знание о локализации которых важно для широкого круга исследований. Важнейшая проблема – отображение на карте исторических объектов, существовавших на протяжении длительного периода, поскольку пространственные параметры их со временем менялись. Для ее решения разработана концепция динамической карты, объекты которой содержат информацию о времени появления и исчезновения в виде атрибутов. На практике она реализована в веб-ГИС, созданной в партнерстве с интернет-проектом Руниверс (<http://www.runivers.ru/>). В начальной версии этот ресурс отображает внешние границы русских земель, России и СССР с XV до начала XXI в. (<http://nextgis.ru/demo/gf/>). Для любого частного исторического проекта такая рамочная динамическая карта может послужить «подложкой», как сейчас в качестве подложки используются статические покрытия *OpenStreetMap* или *Yandex*.

Каким бы ни был круг знаний создателей «рамочных» слоев, он будет недостаточен для того, чтобы одинаково квалифицированно отобразить, например, конфигурацию всех границ за многовековую историю страны. ГИС-технологии позволяют постоянно корректировать геометрическое представление данных, а привлечь экспертов по отдельным вопросам исторической географии к редактиро-

ванию слоев ИГИС позволяет разработанный специалистами Next-GIS сервис *Feedbacker*.

Стремление выйти в создании ИГИС на национальный уровень стало основным мотивом для публикации на сайте РГАДА проекта по геопривязке и электронной публикации древнейших русских чертежей (XVI–XVII вв.). Помимо документов РГАДА здесь представлены чертежи и из других собраний (Архив СПбИИ РАН, РГБ, БАН), что немаловажно для комплексного восприятия древнейшего русского картографического наследия (<http://rgada.info/geos2/>).

Работа над этим проектом, выполняемым при финансовой поддержке РНФ № 14-18-02121, не завершена, но даже в первоначальном виде он получил широкий резонанс. Помимо чисто технических возможностей, не требующих от создателей квалификации историка (быстрого поиска необходимого документа по любому фрагменту текста (топониму, архивному шифру и проч.), просмотра графики с опциями увеличения и вращения), ресурс предлагает пользователю географическую интерпретацию изображения, то есть позволяет увидеть, где на современной карте находится та территория, которая покрыта чертежом. За этой опцией лежат большая работа по анализу топографии и топонимики соответствующей местности, ее ландшафтных особенностей, а также понимание специфики сельской структуры расселения этого времени и связанной с ней парадигмы землепользования. Проведение данной работы прямо связано со знаниями и практическим опытом, лежащими не только в сфере исторической географии, но и полевой археологии.

Дальнейшее развитие проекта предполагает не только добавление вновь выявленных чертежей, но и создание дополнительных средств, облегчающих пользователю работу с ними и также непосредственно связанных с ролью историка как эксперта: снабжение скорописи XVI–XVII вв. соответствующим текстовым набором, уточнение датировки чертежа, помещение документа в историко-географический контекст соответствующего хронологического коридора (административные границы, положение уездного центра).

Основной функцией веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» является справочная. Она облегчает пользователю поиск материала не только в текстовом и графическом, но и в картографическом представлении. Значимость ГИС-ресурсов как справочника, предоставляющего дистанционный доступ к открытым геоданным, со временем будет только возрастать. Поэтому в Лаборатории была создана еще одна веб-ГИС, представляющая собой геоуказатель к научной монографии (<http://ukazatel.histgeo.ru/index.html>). В отличие от обычного указателя географических названий, которыми принято снабжать специальные издания, и кото-

рые не обязывают составителя отыскивать соответствующее название на карте, геоуказатель дает возможность пользователю не только узнать, на какой странице монографии упоминается топоним, но и где располагается соответствующий объект в пространстве (без чего, в конечном итоге, и обычный географический указатель имеет мало смысла). Составление такого интерактивного справочника также предполагает применение знаний в области исторической географии.

Привлекательность национальной ИГИС для специалистов-гуманитариев, на наш взгляд, значительно вырастет, если в ней будет предусмотрена возможность аккумуляции не только общих слоев, но и комплексов локальных слоев, посвященных отдельным регионам и отображающих положение объектов на тот или иной исторический момент. Совмещение таких слоев на одной ГИС-платформе могло бы служить для их взаимной корректировки и корректировки «рамочных» слоев. Для этого отрабатывается технология размещения в веб-ГИС отдельных векторных слоев, сформированных по результатам локализации объектов тех или иных исторических источников (<http://rgada.info/index.php?page=12>, <http://www.histgeo.ru/derevskaya.html>, <http://www.histgeo.ru/rzeva.html>, <http://www.histgeo.ru/karely.html>, <http://www.histgeo.ru/tver.html>). Проверка на совместимость геометрий из различных слоев (и, соответственно, на непротиворечивость историко-географических данных) может быть реализована в виде отдельного модуля, известного в геоинформатике как проверка топологии.

Геоданные, сконцентрированные на платформе ИГИС, открывают необозримые перспективы не только для визуализации данных различного рода. Перспективным представляется снабжение платформы аналитическим аппаратом, позволяющим выполнять расчеты с пространственно привязанными историческими данными, пространственные запросы, операции по вычитанию поверхностей и т.д. Но это следующий этап движения.

Таково вкратце общее понимание конфигурации национальной ИГИС, над концепцией которой в настоящее время работают сотрудники Лаборатории исторической геоинформатики ИВИ РАН и на участие в создании которой широкого круга специалистов-гуманитариев рассчитывают в перспективе.

*А.Г. Авдеев, к.и.н., доц.
ПСТГУ*

Традиционные источники и памятники эпитафики: о дате битвы на реке Вырке

Эпитафии в пещерном некрополе Псково-Печерского монастыря сохранили ещё недостаточно оценённую информацию о событиях военной истории Московской Руси. Обозначенные на них даты гибели служилых людей отражают их участие в битвах и осадах Ливонской, Малой и Великой Северных войн, а также Смутного времени.

При многих пробелах в хронологии Смутного времени эпитафические памятники этой эпохи редко привлекаются для уточнения датировки важных событий. При обилии традиционных источников надписи рассматриваются как свидетельства «второго», а то и «третьего» плана. Один из немногих историографических примеров – датировка сражения у села Николы на Вырке 23 февраля 1607 г., выведенная А.А. Зиминым на основе эпитафии князю Юрию Юрьевичу Мещерскому.

Одним из примеров значимости данных источников является белокаменная надгробная плита-вставка с эпитафией Василию Васильеву сыну Обольянинова, который был «убит под колугою» в феврале 1607 г. Опубликованная И.И. Плешановой в 1982 г., в 2016 г. она была исследована группой СІR и включена в Свод русских надписей. В комплексе с традиционными источниками эпитафия позволяет установить место жительства и семейное положение участника битвы, а также воинское подразделение, в составе которого он сражался, но является единственным свидетельством, указывающим точную дату сражения на реке Вырке.

О гибели В.В. Обольянинова известно из челобитной его вдовы Степаниды Васильевны, направленной М.В. Скопину-Шуйскому не позднее 23 сентября 1609 г. Из челобитной его вдовы известно, что во время сражения он «был в ертауле, головою в первых стравщиках», то есть возглавлял отряд, двигавшийся в авангарде главных сил для разведки, и в числе первых вступил в сражение. Всё это позволяет предположить, что В.В. Обольянинов сражался в Передовом полку под командованием князя Д.И. Мезецкого и погиб в самом начале битвы, во время внезапной атаки на мятежников.

Из традиционных источников дата битвы на Вырке неизвестна. Среди отечественных историков первым, кто пытался определить её, был И.И. Смирнов, который считал, что сражение произошло после приезда бывшего патриарха Иова в Москву 14 февраля 1607 г. и, следовательно, «имело место в феврале, вероятнее всего, в конце февраля». Эта датировка стала общепризнанной. А.А. Зимин связал дату сражения с днём гибели Ю.Ю. Мещерского, указанным в его эпитафии, но этот факт не имеет отношения к битве: из боярского списка 1606/07 г. известно, что князь был направлен под Калугу и мог быть убит во время осады города, так же, как и упомянутые в списке иные служилые люди. Видимо, не без влияния А.А. Зимины В.Н. Козляков отнёс битву к концу февраля. Той же приблизительной точностью отличается мнение И.И. Плешановой, связавшей гибель В.В. Оболянинова с осадой Калуги. Точка зрения В.И. Корецкого, основанная на впервые изданном им Бельском летописце, будто битва на Вырке могла произойти в конце января – начале февраля 1607 г. осталась незамеченной, хотя исследователь ближе других подошёл к истине. Челобитная вдовы В.В. Оболянинова свидетельствует, что её муж пал в битве на Вырке, а эпитафия, сообщающая о его гибели, даёт точный день сражения – 12 февраля 7115/1607 г., что подтверждает значимость эпиграфических источников для датировки событий военной истории Московской Руси.

*К.А. Аверьянов, д.и.н., в.н.с.
ИРИ РАН*

Где находились белозерские городки «Списка русских городов»?

В «Списке русских городов дальних и ближних» (мы датируем его 1375 г.) упоминаются «на Белеозере два городка». Где же они располагались? По мнению М.Н. Тихомирова, одним из них был современный Белозерск, а другим являлся Усть-Шехонский городок при выходе р. Шексны из Белого озера, часто упоминаемый в духовных и договорных грамотах московских князей. Он получил свое название от Усть-Шехонского монастыря, построенного, по преданию, в XIII в. Сейчас здесь находится деревня Крохино.

В историографии сравнительно давно сложилось достаточно устойчивое мнение, что подобное близкое соседство двух городков было вызвано переносом старого Белоозера на новое место. Его причинами назывались зафиксированные летописцем страшные эпидемии чумы 1352 и 1363–1364 гг., а также неоднократные нападения новгородцев. Под 1398 г. ряд летописей помещает известие,

что новгородцы «старый городок Белозерский пожгоша, а из нового городка вышедши князи Белозерский и воеводы князя великого», давшие новгородцам окуп в 60 рублей, с тем, чтобы они ушли прочь (ПСРЛ. Т. III. С. 392). Подобных взглядов придерживались А.В. Экземплярский, А.И. Копанев, А.М. Сахаров, В.А. Кучкин.

Данную точку зрения, казалось бы, подтверждали и данные археологии. Л.А. Голубева, проводившая на месте старого Белоозера многолетние (с 1949 по 1965 г.) раскопки, описывала последние этапы существования города следующим образом. Вторая половина XIV в. стала временем его упадка. Эпидемии и вражеские нападения опустошили город. Часть оставшегося в живых населения в конце XIV в. переселилась на новое место, где возникает современный Белозерск. Старый же город запустел, а в начале XV в. полностью прекратил свое существование.

Вместе с тем археология выявила определенные неувязки. Как известно, в средневековой Руси городом именовалось, как правило, укрепленное место. Но еще в 1951 г. Л.А. Голубева указала, что раскопки на старом Белоозере так и не выявили каких-либо остатков укреплений. Возникал парадокс, и уже в 1959 г. А.М. Сахаров посчитал, что «Л.А. Голубева не привела никаких существенных доказательств, отвергающих подлинность летописных известий о наличии укреплений в Белоозере».

Кто был прав в этой полемике, выяснилось много позже. Уже в наши дни С.Д. Захаров, обратившись к итогам работ Белозерской экспедиции 1949–1965 гг., обратил внимание на то, что в ходе раскопок было выявлено чрезвычайно мало материалов XIV в. Привлечение новых археологических методов определения дат, появившихся лишь в последнее время, позволило ему пересмотреть датировку основных этапов развития города.

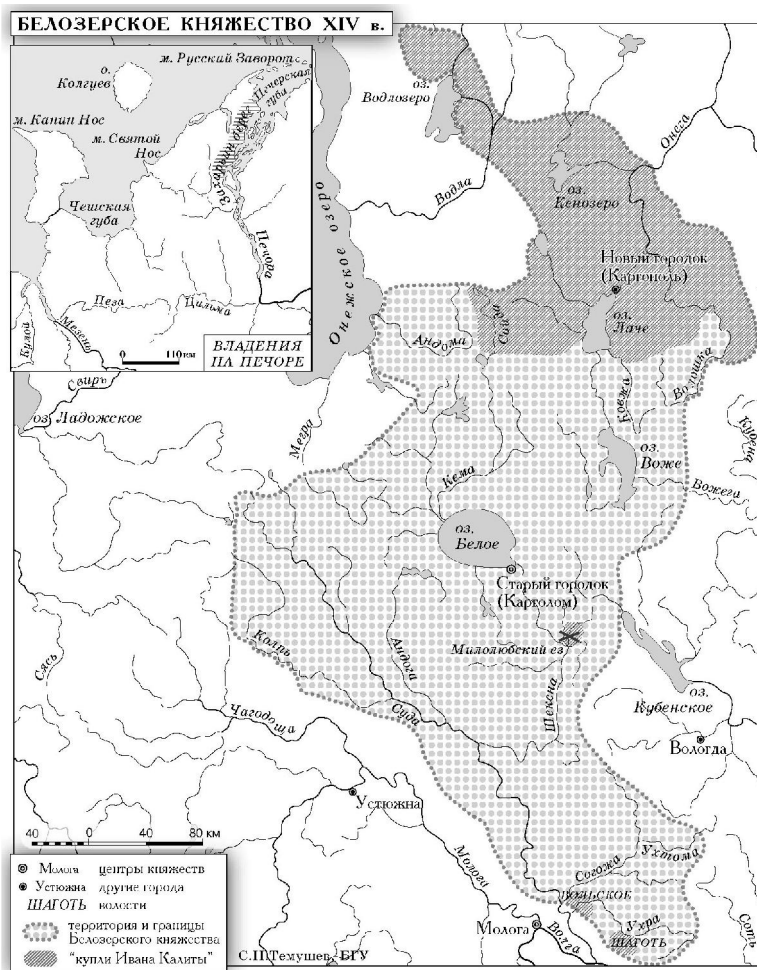
Оказалось, что расцвет старого Белоозера необходимо относить ко второй половине XII – началу XIII вв., т. е. к домонгольскому периоду. Во второй половине XIII в. город начинает приходить в упадок – прослеживается значительное сокращение застроенной площади. Размеры поселения XIV в. не идут ни в какое сравнение с территорией, которую город занимал во второй половине XII в. Проанализировав летописные известия об эпидемиях 1352 и 1363–1364 гг. (ПСРЛ. Т. X. С. 224; Т. XI. С. 3), он пришел к выводу, что их данные не позволяют связывать моровые поветрия с переносом города.

Подтверждение своим наблюдениям С.Д. Захаров нашел в правой грамоте, датированной 1490–1492 гг. и составленной по судебному делу между Белозерском и Ферапонтовым монастырем о принадлежности д. Крохинской, стоявшей на месте старого Белоозера.

В ходе разбирательства сторонами были заслушаны свидетели из числа «старожильцев» и представлены три документа, подтверждавшие права монастыря на это владение. Из них выяснилось, что при князе Андрее Дмитриевиче (1389–1432) деревня Крохинская принадлежала сыну боярскому Гавриле Лаптеву, жившему в соседнем селе Великом. Он умер бездетным и его владения, как выморочные, князь Андрей Дмитриевич взял «за себя». После этого сыном князя Андрея Иваном Андреевичем в 1434/35 г. д. Крохинская была дана Ферапонтову монастырю (АСЭИ. Т. II. С. 311–314). Это позволило исследователю утверждать, что старое Белоозеро XIV в. было скорее рядовым поселением, нежели городом.

Русские летописи, составленные в XV в. (в частности, своды 1493 и 1495 гг.), фиксируя наличие на Белоозере двух городков, не раскрывают их названий (ПСРЛ. Т. XXVII. С. 256–257, 335). В XVI в. это сделала Устюжская летопись. Под 1389 г. она сообщает, что Дмитрий Донской «третьему сыну своему князю Андрею дасть город Можаяск, а на Белоозере два города: Каргалом да Каргополь, а преже того было Белоозерское княжение» (ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 37).

Местонахождение Каргополя известно. Где же находился Карголом? Он упоминается Никоновской летописью, помещающей под 1487 г. известие о том, что «князь великий Иванъ Васильевичъ всеа Руси царя Махметъ-Аминя изъ своей руки посадилъ на царство въ Казани, а коромолныхъ князей и улановъ смертию казнилъ и иныхъ коромолниковъ; а царя Алегама съ царицею послалъ князь великий въ заточение на Вологду, а мать его и братию его и сестры послалъ князь великий въ заточение на Белоозеро в Карголомъ». Под следующим 1488 г. та же летопись сообщает: «Того же лета повелениемъ великого князя Ивана Васильевича поставиша градъ новъ на Белоозере въ Карголоме, а от старого города за 10 версть» (ПСРЛ. Т. XII. С. 219). Софийская вторая летопись о том же событии говорит: «Того же лета городъ Белоозеро zaloжили» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 325). Это позволяет говорить, что современный Белозерск возник лишь в конце XV в., а двумя белозерскими городками «Списка русских городов» являлись Карголом (старый городок) и Каргополь (новый городок). Последний возник в конце XIV в., поскольку Рогожский летописец, говоря о ссылке некоего попа, сторонника сына последнего московского тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова, не говорит о Каргополе, а упоминает только озеро Лаче. Устюжская летопись прямо уточняет, что узник был сослан именно в Каргополь: «посла его князь великий в заточенье на Лачь озеро в Каргополе» (ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 76).

Приложение
 Карта «Белозерское княжество XIV в.»
 Автор: С.Н. Темушев (Минск)

**Пропавшая грамота:
привилегия норвежского короля Хакона V
городу Гамбургу из собрания Научной библиотеки
Томского государственного университета**

В фонде Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, в коллекции являющейся советским военным трофеем, вывезенным из Германии, хранится оригинал привилегии норвежского короля Хакона V (1299–1319), выданной им городу Гамбургу 22 июля 1318 г.

Изначально существовали два экземпляра этого документа – по одному для каждой из сторон. Текст этого памятника хорошо известен. Он существует в копии XVI в. в картулярии, хранящемся ныне в Королевской библиотеке в Стокгольме [KglBS 84 (43) fol. л. 90]. Другая копия была сделана для «Бергенского картулярия» (Bergens koribok), который представлял собой собрание актов Бергенского епископства и был начат в 1305 г. при епископе Арне (1304–1314), пополняясь регулярно до 1342 г. Текст исследуемой привилегии из «Бергенского картулярия» сохранился благодаря антиквару Т. Бартолину-младшему (1659–1690), скопировавшему его для своей коллекции средневековых источников (KglBk. Collectanea Bartholiniana. Tomus IV (E). S. 665–666). После его смерти картулярий был приобретен известным собирателем скандинавских средневековых рукописей Арни Магнуссоном (1663–1730), но погиб в пожаре Копенгагена 1728 г. «Шведская» и «датская» копии восходят к тому экземпляру, который хранился в Норвегии и был скопирован в «Бергенский картулярий».

Текст же, воспроизведенный в *Hansisches Urkundenbuch. Halle, 1879. Bd. II. S. 135–136*, дан с грамоты, хранившейся в Городском архиве Гамбурга и имевшей шифр **К 19**. Краткое ее описание с упоминанием всех шести сохранившихся печатей (одной королевской и пяти епископских) впервые было сделано Г.Ф. Сарториусом (1765–1828) и опубликовано уже после его смерти (*Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse / Hrsg. G.F. Sartorius. Hamburg, 1830. S. 300*). В издании из Халле, в отличие от сборника под редакцией Г. Торкелина 1778 г. (*Analecta quibus historia, antiquitates jura, tam publicum privatum Regni Norvegici illustrantur / Utg. Grimus Joannis Thorkelin. Havniæ, 1778. P. 112–113*), на котором основана публикация этого текста в норвежском дипломатари (DN VI 97), имя Хакона сына Халльдора (1318–1322), епископа Ста-

вангерского, не пропущено. В датском и норвежском издании верно передано латинизированное имя видного дипломата того времени архиепископа Нидаросского Эйлива (1309–1332) – Elaus (Elaii), названного в немецком издании Олавом (Olavus / Olavi). В *Regesta Norvegica*. Bd. III. Oslo, 1983. S. 326 указывается, что оригинальная грамота за шифром **К 19** по-прежнему хранится в Городском архиве Гамбурга, а текст, изданный в норвежском дипломатари, дан по «шведской» копии. Составителям норвежского регистра, как видно, о судьбе гамбургских архивов, а также о перемещении части средневековых памятников на территорию СССР было неизвестно. В немецком издании текст документа опубликован согласно правилам гуманистической латыни и не может считаться собственно транскрипцией оригинала.

Таким образом, томская рукопись является, по-видимому, тем самым «гамбургским» экземпляром привилегии, на основе которого сделана публикация этого текста, вышедшая в Халле в 1879 г. Эта рукопись попала в Томск в составе трофейной коллекции. Краткое архивное описание на немецком языке с шифром (№ 19) вложено в короб с грамотой на отдельном бумажном листе (формат 13,5x13,5 см; имеется филигрань) и сделано, судя по почерку, в XVII столетии. Датировка в данном описании не точна: документ датирован августом 1318 г.

Отдельный вопрос – зачем понадобилось заверять королевскую привилегию гамбургцам не только печатью самого государя, но и всех норвежских епископов, включая архиепископа Нидаросского Эйлива сына Арне (1309–1332)? Условия двустороннего договора, заключенного между Норвегией и Гамбургом еще в 1296 г., неоднократно не соблюдались норвежской стороной, на что указано в документе из Тёнсберга, а это порождало у гамбургцев обоснованное недоверие. Это вполне вероятно, учитывая также факты нечистоплотного поведения норвежских официалов в отношении других внешнеполитических партнеров. Тем самым, гамбургские послы воспользовались удобным случаем и смогли обеспечить соблюдение королем, взятых им на себя обязательств, путем привлечения собравшихся в Тёнсберге норвежских прелатов во главе с самим архиепископом Нидаросским в качестве гарантов.

Еще одним вопросом является отсутствие имени и, по всей вероятности, печати епископа Хакона Ставангерского в «норвежском» экземпляре капитуляции, и их наличие в «гамбургском». Оформление королевского решения в виде документа могло отстоять от его принятия на определенное время. Так, «гамбургский» экземпляр, хранящийся ныне в Томске, был составлен раньше

«норвежского», когда все прелаты, в том числе и епископ Ставангерский, присутствовали в Тёнсберге на провинциальном синоде. Наличие всех заверительных знаков и соблюдение формальностей в формуляре акта было наиболее важным для немецкой стороны. «Норвежский» же экземпляр мог быть составлен, что называется, *post factum*, когда епископ Хакон уже покинул Тёнсберг, увезя с собой и печать.

Когда это могло произойти? Следующий по времени документ, дающий понять, что епископ Хакон находился уже в пределах своей епархии, датируется 11 декабря 1318 г. (DN II 134). Архиепископ Эйлив 6 сентября того же года в день Воздвижения Креста Господня находился на севере страны, в Трёнделаге, в монастыре Rein (DN I 154). О перемещениях в 1318 г. других прелатов, упомянутых в изучаемом договоре, данных нет. Учитывая, что даже по морю путь с юга на север страны занимал не меньше месяца (а после 26 июля епископы в полном составе еще находились в Тёнсберге – DN IV 125), то архиепископ должен был отправиться в путь не позднее начала второй декады августа. Тем самым епископ Хакон Ставангерский покинул синод, который к тому времени, по-видимому закончился, не позднее этого срока.

*Л.И. Акимова, д.иск., в.н.с.
ГМИИ им. А.С. Пушкина*

К проблеме двух майкопских серебряных сосудов

В конце 1970-х гг. М.В. Андреевой была возрождена мысль М.И. Ростовцева о принадлежности вещей Большого Майкопского кургана (1897) ко второй половине IV тыс. до н.э. (*Rostovzev M. L'Âge du cuivre dans le Caucase Septentrional et les civilisations de Soumer et de l'Égypte protodynastique // Revue Archéologique. 1920. Série 5. T. 12. P. 1–37; Андреева М.В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // Советская археология. 1979. № 1. С. 22–34*). Принятая почти повсеместно высокая хронология майкопской культуры поставила ее на совершенно исключительное место в существующей истории искусства: она стала ровесницей не богатейших погребений Царского некрополя Ура, Трои II и Аладжа-Гююка, а додинастического Египта, Шумера и Элама.

Истоком для передатировок явились два знаменитых серебряных майкопских сосуда с изображениями, которые, несмотря на ряд посвященных им содержательных работ, пока еще не вписаны убедительно в контекст определенной эпохи и художественного центра.

Это – настоящая задача будущего, здесь же обратим внимание на один особый аспект – *парность* сосудов с изображениями. По общему мнению, один из них, сосуд «с пейзажем» – настоящий шедевр, а второй, «с розеткой» – ремесленная вещь, его композиция не вполне удачна, и фигурка маленького козла втиснута в ряд для исправления погрешности.

Попытаемся выяснить, зачем нужен был второй сосуд, если в первом уже «все сказано». На сосуде «с пейзажем» показана *космогоническая сцена* с «морем»-хаосом, в котором «под присмотром» жрицы-львицы (=Водной владычицы) возрождаются *солнечные боги-животные* – горный козел, самец антилопы и вепрь. Она гонит их в «море» – горный козел погружается в воды, самец антилопы достигает пика перехода, а вепрь уже выходит на горизонт. Воды первотворения связаны с Верхним миром двумя реками, из которых левая (для сосуда) – «материнская» река смерти-возрождения, обозначенная у истоков деревом, а правая – «отцовская» река возрождения-смерти: подплывающая к берегу утка указывает модель спасения для жертв-животных.

Средний мир, разделенный реками на Междуречье и Заречье, также не представляет «процессии» животных: на фасаде лев-жрец (с открытой пастью) следует за жертвой – диким жеребцом; ситуация конфликтна лишь потенциально. Здесь Средний мир слит с Верхним (как показывает фигура орла на спине льва; ср. деление космоса у греков: Море – Посейдону, Подземный мир – Аиду, Земля и Небо – Зевсу). Помещенные в Заречье антитетические быки представляют «формулу космоса», с умозрительной средней линией – Мировой осью. Они соотносятся с двумя равными половинами, на которые распадается хаос в процессе творения.

Что касается горного «пейзажа», это едва ли «портрет» кавказских или эламских гор – парность присутствует и в двух хвойных деревьях (кедрах – *Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982. С. 46), среди которых помещен медведь. Изображение процесса вкушения яств в Верхнем (горнем / горном) мире делает сцену исключительной, превосходящей будущие симпозиумы во всех их вариантах, доживших до конца античности.

Второй сосуд, «с розеткой», воплощает аналогичную концепцию: Низ – море, Верх – небесная река, между ними – Средний мир с животными. Но и здесь нет «процессии». Включение двух фигур пантеры (на деле одна – в двух ипостасях) и трех птиц позволяет разделить композицию на «фас» и «реверс». Спереди (как и на пер-

вом сосуде) – животные Земли / Неба, с птицами на спинах: пантера с хищной птицей, козел с уткой, и утка же возглавляет шествие, направляя животных в Нижний мир. Та же Владычица вод (пантера / утка) на другой стороне уже выводит спасенных жертв на небо-свод, что очевидно в «восходящей» поступи быка и в фигурке маленького, словно бы юного козлика-предводителя.

Но воды Низа здесь не хаотичны: в них возникает 4-лепестковая *космическая* розетка из трех последовательно возрастающих цветов.

И все же зачем таких сосудов, исполненных двумя разными мастерами, *два*? О неслучайности этого явления говорят: наличие в гробнице, кроме царя, еще двух погребенных; двух уровней захоронения там же – под курганом и в насыпи; двух пар трубок неизвестного назначения, соответственно с золотыми и серебряными бычками; двух золотых диадем с пятью двойными цветами (по 5 лепестков); двух фризов на первом сосуде; парных группировок животных; двух рек; двух деревьев; двух двуглавых гор; наконец, двух сторон самой вазы. Ярко выраженная *парность* элементов «сосуда с пейзажем» противостоит *непарности* сосуда «с розеткой»: у него одна розетка-солнце из трех цветов; один фриз с пятью животными, три жертвы пантеры: два козла и бык; три птицы – две утки и орел (?). *Материнская* суть сосуда «с пейзажем» (шаровидное тулово, слабая артикулированность частей) дополняется *отцовской* сосуда «с розеткой» (биконическое тулово с резко выделенным венчиком, жесткое разграничение изобразительных зон). Оба сосуда – ритуальная пара, а нечетное – число роста, рождения, умножения жизни.

Аналогом майкопским выступают парные золотые микенские кубки, найденные в толосной лаконской гробнице «принца из Вафио» (первая половина XV в. до н.э.; Афины: НАМ). Согласно Е. Дэвис, один – минойской, а другой – микенской работы (*Davis E.N. The Varheio Cups: One Minoan and One Mycenaean? // The Art Bulletin. Vol. 56. No. 4. 1974. P. 472–487*). Останки умершего в вырытой в полу могиле совершенно истлели, а богатые дары лежали в первоначальном порядке (*Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago, 1964. P. 156*): кубок со сценой поимки быков – у правой руки, со сценой укрощения – у левой; при каждом еще – по серебряной чаше (тоже одна минойской, другая микенской работы) и по горстке гемм. Кроме того, при умершем было: шесть бронзовых ножей, два топора, два бронзовых сосуда (в районе головы), две каменные вазы, две вазы из алебаstra, четыре глиняных горшка. Из «непарных» вещей: бронзовый меч, скипетр и ларчик над головой, а также ряд «женских» вещей, включая зеркало, проколку и ожерелье. Золотые

кубки с быками, положенные как бы «не у тех рук», на деле вполне соответствовали древней концепции: правое, *отцовское*, обречено на смерть, а левое, *материнское*, ведет к спасению.

*А.Н. Акинъшин, к.и.н., доц.
Воронежский ГУ*

О дворянских корнях власовского генерала Георгия Жиленкова

Георгий Николаевич Жиленков приобрел печальную известность как один из идеологов власовской армии. Написано о нем немало (*Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 2-е изд. М., 2009; *Елеуких В.* «Русский Геббельс» или диктатор из Воронежа // Воронеж. 2001. № 5. С. 62–64; *Дьяков Д.* «О, молодые генералы своих судьб!..» // Подъем. 2016. № 3. С. 174–175), но воронежская часть биографии излагается противоречиво. Это касается точной даты рождения, происхождения и судьбы отца.

Вариантов происхождения Жиленкова три – из крестьян, из рабочих и из дворян. Писатель Аркадий Васильев в романе «В час дня, Ваше превосходительство» (М., 1994. С. 238–239) утверждал, что он скрыл свое дворянское происхождение, а также тот факт, что его отец, начальник дистанции на железной дороге, был активным членом Союза Михаила Архангела.

Жиленковы – известный и разветвленный дворянский род Воронежской губернии, обосновавшийся в Землянском и Нижнедевицком уездах. Среди представителей этого рода – офицеры русской армии и флота, четыре георгиевских кавалера, в том числе генерал-майор Павел Максимович и полковник белой армии Борис Максимович Жиленковы. Служили Жиленковы и в статских чинах, и по дворянским выборам.

В 1792 г. в шестую часть дворянской родословной книги по Воронежской губернии был внесен нижедевицкий помещик подпоручик Максим Семенович Жиленков (род. ок. 1762) с женой Пелагеей Ивановной, урожд. Кривцовой, и детьми, число которых со временем достигло двенадцати человек (ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 24. Л. 97).

В 1793 г. в с. Солдатское, что на Геросиме, Нижнедевицкого уезда, родился Александр Максимович Жиленков. Он состоял на военной службе с декабря 1812 г., участвовал в заграничных походах русской армии и ее основных сражениях в 1813–1814 гг. Указ об отставке А.М. Жиленкова в чине майора из Отдельного корпуса военных поселений в феврале 1825 г. подписал А.А. Аракчеев.

Умер Александр Максимович между 1862 и 1864 гг. Женат был на Ольге Борисовне, от которой имел двух дочерей и четырех сыновей, в числе последних – Николай (род. 13 марта 1847 г.).

В деле о дворянском достоинстве нет дальнейших упоминаний о Николае Александровиче Жиленкове вплоть до 1910 г. Ни образование, ни служба его нам неизвестны. В архивном фонде Юго-Восточной железной дороги его личного дела нет (возможно, он занимал незначительную должность), в капитальной монографии В.Ю. Рылова о правомонархистском движении в губерниях Центрально-Черноземного региона Н.А. Жиленков не упомянут.

В декабре 1910 г. Н.А. Жиленков причислил к дворянскому сословию жену Ядвигу Яковлевну, урожденную Доманскую, и детей Николая (род. 19.12.1900), Ольгу (род. 23.4.1902) и Владимира (род. 5.12.1904). Венчание состоялось 9 мая 1907 г. в пригородной слободе Придаче под Воронежем. Невеста была католичкой, родилась в 1879 г. в крестьянской семье в с. Карвач Праснышского уезда Плоцкой губернии, приехала в Воронеж в 18-летнем возрасте на попечение сестры, Юзефы Маницкой. Дети были рождены до брака, считались незаконнорожденными, а Жиленков значился их воспитателем. Никто из родственников ни с одной, ни с другой стороны, при крещении и венчании не присутствовал. После венчания решением Окружного суда дети были узаконены и их метрики переписаны.

23 августа 1910 г. в Воронеже родился младший сын, Георгий, воспитателем при его крещении был родной дядя, Павел Александрович Жиленков. Он же в июне 1914 г. подавал прошение о внесении племянника во вторую часть дворянской родословной книги. Отец, Николай Александрович, упомянут в июле 1915 г.: о нем запрашивал следователь Воронежского окружного суда. В том же году в семье родилась дочь Вера, она не внесена в родословную книгу и о ней известно только от потомков. По данным К.М. Александрова, Н.А. Жиленков умер в 1915 или в 1916 г. (в местных газетах извещения о его смерти не было), что дало сыну возможность указывать в анкетах «из крестьян, беспризорный».

Дальнейшая карьера Г.Н. Жиленкова сейчас хорошо известна. Не может не вызвать удивления тот факт, как ему удавалось, живя в Воронеже, скрыть свое дворянское происхождение. Секретарь горкома комсомола в Воронеже, с 1930 г. – партийный функционер в Москве, в канун войны – секретарь Ростокинского райкома партии города Москвы. В начале войны аттестован бригадным комиссаром (при позднейшем переводе на общевойсковые звания – среднее между полковником и генерал-майором) и назначен членом Военного совета 32-й армии. Попал в плен, вступил в армию Власова, где

имел звание генерал-лейтенанта. После окончания войны выдан американцами советским властям. Казнен 1 августа 1946 г.

Г.Н. Жиленков был женат на внучке воронежского издателя, общественного деятеля и краеведа Григория Веселовского, Зое Борисовне (1910–1973). Она – дочь Бориса Григорьевича (1883–1915) и Зои Васильевны, урожд. Пустоваловой (1890–1983). У Г.Н. и З.Б. Жиленковых было двое детей, Ирина и Георгий. После ареста и осуждения Жиленкова арестованы и высланы решением Особого совещания при МГБ СССР от 25 января 1947 г. в Сибирь и в Казахстан его родственники: мать Ядвига Яковлевна (она находилась в эвакуации в Куйбышевской области, умерла в Актюбинске в 1966 или 1967 г.), теща Зоя Васильевна (с нею выслали малолетних внуков, позднее они все переехали в Ташкент), жена Зоя Борисовна, брат Николай Николаевич (член партии, жил в Мичуринске, работал на железной дороге), сестра Вера. Репрессии не коснулись лишь двух Жиленковых: служившего на Дальнем Востоке Владимира Николаевича, впоследствии полковника, и Ольги Николаевны, в замужестве Крутских.

Автор благодарит за помощь в подготовке доклада правнучку Г.Н. Жиленкова, Анну Владимировну Овчарову (Швейцария).

*А.И. Алексеев, д.и.н.
заведующий ОР РНБ*

Синодики Московского Богоявленского монастыря XVI–XVII вв.

Московский Богоявленский монастырь за Торгом принадлежит к числу известнейших московских обителей. Большинство исследователей относят возникновение монастыря к концу XIII столетия. Древность основания, столичное положение, особые отношения, связывавшие монастырь с митрополичьей кафедрой, сделали его притягательным для постриженников и вкладчиков из среды московской знати и приказного дьячества. Именно по этой причине синодики-помянники Богоявленского монастыря представляют первостепенный интерес для изучения генеалогии боярских, дворянских и дьяческих родов.

Исследователи не раз обращались к изучению помянников Богоявленского монастыря. В 1930-х гг. С.Б. Веселовский подготовил к публикации роспись родословных разделов помянника ГПБ (ныне РНБ) Ф. IV. 196 с привлечением отдельных статей из более ранних списков Q. IV. 129 и ГИМ. Епархиальное собрание. № 706. Ныне эта рукопись С.Б. Веселовского под названием «Синодики Москов-

ских Богоявленского и Чудова монастырей» находится в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН Ф. 276. Оп. 1. № 186. Для реконструкции текста «Синодика опальных Ивана Грозного» привлекал Богоявленские синодики Р.Г. Скрынников (*Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 13*). В.Д. Назаров, осуществивший совместно с Т.Н. Алексинской публикацию актов по тексту копийной книги Богоявленского монастыря, указал три из сохранившихся монастырских помянника (*Алексинская Т.Н., Назаров В.Д. Акты московских монастырей и соборов. М., 1984. Ч. 1. С. 18, 35*). На сегодняшний день известно четыре синодика, три из которых хранятся в РНБ. Древнейшим является синодик: РНБ. ОСПК. Q. IV. 129, который следует датировать 1576–1581 гг. (*Алексеев А.И. Роспись главам древнейшего синодика Московского Богоявленского монастыря // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. СПб., 2001. С. 7–33*). Взаимосвязь между сохранившимися синодиками Богоявленского монастыря представляется следующей. Древнейший синодик РНБ. ОСПК. Q. IV. 129 имел в качестве своего источника несохранившийся помянник, вероятно, середины XVI в. Он, в свою очередь, был использован при составлении синодика ГИМ. Епархиальное собрание. № 706. Последний послужил одним из источников для синодика РНБ. F. IV. 196. В силу своего объема (более 700 родовых рубрик!) этот помянник имеет значительную ценность для исследователей. По объему и полноте родовых рубрик с Богоявленским синодиком может конкурировать только синодик Чудова монастыря (*Алексеев А.И. Синодики московских Чудова и Богоявленского монастырей (опыт сравнительной характеристики) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (53) 2013 Сентябрь. С. 5*). В составе сборника РНБ. Q. XVII. 87 находится один из списков синодика опальных, переписанный в Богоявленском монастыре.

Наблюдения над водяными знаками синодика F. IV. 196 позволяют обнаружить, что его основная часть написана на бумаге 1650-х – 1660-х гг., а несколько вставных листов следует датировать концом XVII – началом XVIII вв. Изучение поминальных рубрик позволило прийти к выводу о том, что синодик был заведен в монастыре в 1660-х гг. и велся согласно единому плану вплоть до 1681/82 г. В дальнейшем синодик был выведен из активного оборота, но его продолжали пополнять записями вплоть до 1758 г. Эти записи, сверх обозначенных в оглавлении 701 главы, вносились как на оставшиеся свободными места, так и на вставные листы.

Изучение синодика позволит сделать немало интересных заключений относительно родственных связей в среде служилой ари-

стократии, приказной бюрократии, духовенства, а также даст материал для изучения культуры *metoġia* на этапе ее угасания в период петровских преобразований. Синодик имеет развернутое литературное предисловие, затем следуют поминания духовных властей (митрополитов, патриархов и иерархов), великих князей, царей, великих княгинь и цариц, рода митрополита Алексия, великих князей Тверских и Рязанских, благоверных удельных князей и княгинь. Например, лишь в нашем синодике в поминании великих князей обнаруживаем имена: «великого князя Вышеслава», «великого князя Бориса, великого князя Глеба, великого князя Станислава, великого князя Позвизда, великого князя Судислава».

Родовые рубрики открываются поминаниями князей Бельских, Шуйских, Мстиславских, перед которыми, однако, помещено поминание рода Ивана Павловича Матюшкина. Чем не яркое свидетельство превосходства придворного клана Романовых над знатнейшими представителями старинных боярских домов! Поминания старинных родов, выписанные из старых синодиков, перемежаются с родовыми рубриками князей Долгоруких, Морозовых и других. Репрезентативно представлена в синодике бюрократия московских приказов. В синодике обнаруживаем множество имен дьяков и подъячих из полутора десятков московских приказов XVI–XVII вв., а также приказных митрополитов и патриархов. Более скромно представлены роды купечества и посадских людей. Многочисленные поминания духовенства, в первую очередь, старцев и братии Богоявленского монастыря. Среди общих поминаний привлекают внимание помяник опальных царя Ивана Грозного, представленный в составе Богоявленского синодика кратким списком с упоминанием о вкладе под 19 января 1484 г., так и пространным перечнем с указанием фамилий и прозвищ жертв опричного террора. Также отметим поминание костромичей, убиенных под Конотопом в июле 1659 г. На последних листах синодика поминания аристократических родов соседствуют с поминаниями служителей монастыря, жителей посада, стрельцов и солдат.

Публикация синодика с научным комментарием позволит ввести в научный оборот ценнейший источник по истории правящего слоя Московского государства и более широких слоев населения Москвы последней трети XVII – первой половины XVIII вв.

Современные граффити о внешнеполитической ситуации как источник о настроениях отдельных групп населения

Ещё с античных времён, когда владение письменной грамотностью стало достоянием достаточно широких кругов населения, граффити являются одним из элементов повседневной культуры человечества. Сегодня граффити можно считать любую не санкционированную официально надпись, знак или изображение, выполненные в произвольной форме любым способом (нацарапанные, вырезанные, написанные от руки и т.д.) и нанесённые на изначально не предназначенные для этого поверхности на объектах общественной и частной собственности. В большинстве случаев граффити предстают в форме отдельных слов или коротких односложных фраз. В этом проявляется их типическая особенность как эпиграфического материала: лаконичность, завершённость, конкретность (*Рыбаков Б.А. Русская эпиграфика XV–XVI вв. (Состояние, возможности, задачи) // Его же. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 35*). Реже встречаются более развёрнутые предложения, выражающие завершённую мысль. Иногда к первичному граффито приписываются другие, комментирующие его, что в совокупности образует некий цельный сюжет. Как любой источник личного происхождения, они несут в себе информацию о своём создателе, о состоянии его личности в конкретный временной момент. Граффити выступают способом самовыражения, констатации внутреннего эмоционального или физического состояния, отражением реакции на окружающие факты реальности и текущие события.

Граффити также выполняют коммуникативные функции. По мнению исследователей современного городского фольклора, они в качестве неофициальной формы массовой коммуникации, находясь за рамками социальных институтов и цензуры, выступают своеобразной альтернативой официальному дискурсу (*Абаева Г.Б. Научные подходы к изучению неформальных графических изображений и надписей // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2011. Выпуск 3. С. 175*). Если в старину граффити преимущественно процарапывались или вырезались, то в настоящее время они преимущественно пишутся шариковыми ручками, карандашами, фломастерами, маркерами, т. е. средствами, позволяющими нанести чёткую красочную линию. Новым способом выполнения стал аэрозольный баллончик с краской. Он транспортабелен, полностью удовлетворяет потребностям в скорости и удобстве рисования, дос-

тижения визуальной эффективности, краска из него отлично ложится на большинство существующих поверхностей. Различные по размеру насадки и выпускные отверстия баллончиков способствуют достижению всевозможных спецэффектов, созданию разнообразных графических элементов и иллюзий в изображениях.

Поразительно, но, несмотря на наличие немалого числа социальных сетей в интернете, которые позволяют легко и доступно осуществлять общение в удалённом режиме, граффити сохраняют своё значение как способ манифестации собственного мнения относительно происходящего вокруг. В этом плане представляют интерес надписи, которые возникают в результате отклика на внешнеполитические события. Обычно они наносятся там, где существует большая возможность сразу быть замеченными, стать визуально доступными как можно большему количеству случайных свидетелей. Поэтому такие граффити нередко появляются вдоль железных или автомобильных дорог.

В последние десятилетия в центре внимания граффити, посвящённых внешнеполитической проблематике, оказывались наиболее крупные международные кризисы: война США против Ирака в 2003 г.; расчленение Республики Сербии и выделение в самостоятельное государственное образование Косово в 2008 г.; деятельность НАТО; гражданская война на Украине после свержения президента В.Ф. Януковича и нарастание ультранационалистических настроений, направленных против России; обстановка в Сирии в связи с агрессивией террористических группировок так называемого Исламского государства и т.п. Высказывания упоминают конкретные страны, инциденты на международной арене, политических деятелей. Как правило, в них содержится осуждение неприемлемых с точки зрения автора граффити акций, организаций или лидеров, порой с употреблением обсценной лексики. С другой стороны, выражается поддержка тому, что соответствует мироощущению граффера. Прослеживаются традиционные симпатии россиян к родственным славянам-сербам, негативная трактовка векторов политики НАТО и США, отторжение антироссийских проявлений и риторики. Вместе с тем, на территории Российской Федерации зафиксированы граффити прямо противоположной ориентации, что позволяет говорить об их использовании в рамках необъявленной информационной войны.

Анализ содержания граффити на внешнеполитическую проблематику позволяет утверждать, что их нанесение связано с определённым психологическим настроением и переживаниями, характерными для конкретного человека и той социальной группы, к которой он принадлежит. Параллельно можно выявить мировоззренческие

стереотипы, разнообразие ценностных ориентаций, направленность интересов, преломление геополитических явлений в индивидуальном сознании. Немаловажным представляется то обстоятельство, что граффити гибко реагируют на текущую ситуацию, их контент не подвержен опосредованию официальными структурами. Тем самым граффити предстают одним из дополнительных источников для изучения обыденного массового сознания в его динамике в рассматриваемый исторический момент.

*Н.А. Алексеенко, к.и.н., PhD Paris-Sorbonne
зав. филиалом «Чембало» ГИИМЗ «Херсонес Таврический»*

**Новый экземпляр монеты с изображением креста
в круговой надписи и большой «бетой» (Анохин 351)
с хоры византийского Херсона**

В конце 2017 г. нам стал известен новый экземпляр медной (бронзовой) монеты, атрибуция и датировка которых по-прежнему вызывает споры исследователей.

В недавней публикации, посвященной данному типу монет, мы постарались учесть все дискуссионные точки зрения и благодаря появлению экземпляра достаточно хорошей сохранности предложили вариант расшифровки представленной на монетах легенды, в известной мере отличавшийся от версий наших предшественников (*Алексеенко Н.А. О редких бронзовых монетах (Анохин 351) средневековой Таврики // МАИЭТ. Симферополь, 2016. Вып. XXI. С. 248–256*).

Очередной экземпляр (уже седьмой по счету) происходит из окрестностей византийского Херсона (район мыса Фиолент). Высокое качество гравированных изображений, скорее всего, предполагает чеканное происхождение монеты. Сравнительный анализ штемпелей с экземпляром 2016 г. (*Алексеенко Н.А. Указ. соч. С. 252, рис. 2*) показывает, что обе монеты принадлежат одной и той же паре матриц. В тоже время различная степень сохранности легенды лицевой стороны позволяет уточнить начертание отдельных литер, что в свою очередь дает возможность несколько скорректировать ее текст.

Новая находка подтверждает, что легенда монеты бесспорно содержит имя одного только Константина, хотя и начертанное с купюрами. Начальные *каппа* и *о микрон* здесь читаются хуже, однако следующие *сигма* и *тау*, которые на экземпляре 2016 г. лишь угадываются, видны совершенно отчетливо. Дальнейшая часть легенды вне всякого сомнения связана с лозунгом о всепобеждающей вере.

Исходя из стилистических и эпиграфических особенностей, мы сочли возможным отнести данный выпуск монет ко времени импе-

ратора Константина IV Погоната (668–685). Косвенно об этом свидетельствуют и данные византийской сфрагистики.

В одной из последних своих публикаций В.А. Сидоренко также вновь обратился к данному типу монет (*Сидоренко В.А.* Бронзовые монеты с изображениями «Креста Константина» и «беты», причисляемые средневековому Херсону // МАИЭТ. Симферополь, 2016. Вып. XXI. С. 257–286; *Герцен А.Г., Сидоренко В.А.* Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. Свердловск, 1988. Вып. 24. С. 120–135). Рассматривая их в контексте находки Чамнубурунского клада фальшивомонетчика, исследователь отмечает, что на рассматриваемых монетах представлен один из вариантов т. н. *креста Константина*, который с VI в. стал символом номинала тремисия. В тоже время, соглашаясь с предложенной нами датировкой, В.А. Сидоренко уточняет чтение легенды, усматривая в конечной литере вместо *эты* минускульную *альфу* (Сидоренко, 2017. С. 264). С чем нельзя не согласиться. Сопоставляя изображения двух последних экземпляров, становится ясным, что в конце легенды находится не плохо прочеканенная *эта* (как мы ранее полагали), а развернутая под углом *альфа* минускульного начертания.

В таком случае легенда вместо $\text{Ko}(\nu)\sigma\tau\alpha\nu\tau\acute{\iota}\nu(\omicron)\zeta \ \acute{\epsilon}\nu \ \Theta(\epsilon)\tilde{\omega} \ \nu\kappa\eta(\tau\acute{\eta}\varsigma)$, которую мы предлагали перевести как «Константин, в Боге (или *божьей милостью*) победитель» принимает вид: $\text{Ko}(\nu)\sigma\tau\alpha\nu\tau\acute{\iota}\nu(\omicron)\zeta \ \acute{\epsilon}\nu \ \Theta(\epsilon)\tilde{\omega} \ \nu\acute{\iota}\kappa\alpha$ – «Константин, в Боге (или *божьей милостью*) побеждай».

В.А. Сидоренко справедливо замечает о невозможности включения в надпись вместо традиционного для монетных эмиссий того времени латинского $\text{D}(\text{ominus}) \ \text{N}(\text{ostrum})$ греческого титула $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$, появившегося в практике лишь со времени правления Льва IV. Хотя сфрагистика дает нам иные примеры. И здесь, надо полагать, резчик матрицы в силу определенных причин или из-за ограниченности места опустил титул императора, как, впрочем, возможно, и не только его.

Вызывает безусловный интерес пассаж из Первого соборного послания апостола Иоанна Богослова, приводимый В.А. Сидоренко в качестве близкой аналогии надписи на рассматриваемом типе монет: $\delta\tau\acute{\iota} \ \pi\acute{\alpha}\nu \ \tau\omicron \ \gamma\epsilon\upsilon\epsilon\nu\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu \ \acute{\epsilon}\kappa \ \tau\omicron\upsilon \ \Theta\epsilon\omicron\upsilon \ \nu\acute{\iota}\kappa\eta \ \tau\omicron\nu \ \kappa\omicron\sigma\mu\omicron\nu \ \kappa\alpha\iota \ \alpha\upsilon\tau\eta \ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\nu \ \eta \ \nu\acute{\iota}\kappa\eta \ \eta \ \nu\acute{\iota}\kappa\acute{\eta}\sigma\alpha\sigma\alpha \ \tau\omicron\nu \ \kappa\omicron\sigma\mu\omicron\nu \ \eta \ \lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma \ \eta\mu\acute{\omega}\nu$ – «Ибо всякий рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин 5:4). Очевидно, не стоит сомневаться в справедливости точки зрения крымского исследователя, что и в нашем случае также «речь может идти о победе над миром» (*Сидорен-*

ко В.А. Указ. соч. С. 264). И в нумизматике, и сфрагистике известно достаточно примеров, когда резчики матриц используют в легендах библейские афоризмы или строфы псалмов.

Таким образом, появление нового экземпляра монеты с изображением креста в круговой надписи и крупной *беты* на этот раз на хоре Херсона, кроме уточнения чтения легенды, очевидно, в какой-то мере подтверждает мнение В.А. Сидоренко о провинциальном характере чеканки данной монетной эмиссии, однако по-прежнему оставляет открытым вопрос об ее административно-территориальной принадлежности.

С точки зрения В.А. Сидоренко этим монетам не находится места в монетном производстве самого Херсона, в связи с чем высказывается мысль о их возможной боспорской атрибуции, которой, по мнению автора, противоречит лишь отсутствие таковых находок на Боспоре (*Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 280*). Наша идея об их возможном мангупском происхождении пока тоже не находит достаточных аргументов. Так что дело за будущим.

*О.В. Андреева, д.и.н., проф.
Московский политехнический университет*

Книга в плакате начала 1920-х годов

Плакат, в силу своей функциональной природы, выражает культурные, идеологические, политические доктрины своей эпохи. Он дает представление о формах и приемах пропаганды и рекламы книги, применявшихся в библиотечной, издательско-книготорговой сферах. В плакатной продукции нашел отражение, хотя и фрагментарное, издательский репертуар. Сам факт публикации на плакате служит аксиологическим моментом и позволяет судить об оценках и предпочтениях времени.

Один из современников писал в начале 1920-х гг.: «Будущий историк полиграфического искусства и книговед обратят внимание на ту силу, с какой плакат завоевывал в наше время право на существование, проникая решительно во все области окружающей нас действительности» (*Варшавский Л. О плакатах // Книжный листок Центросоюза. 1924. № 3. С. 16*). Бурное развитие плакатной продукции в пореволюционный период объяснялось, при неразвитости средств массовой информации, задачами агитационно-пропагандистского характера на общем фоне низкой культуры страны: «Чем менее культурна страна, тем более она нуждается в плакате» (*Тугендхольд Я. Современный плакат // Печать и революция. 1926.*

Кн. 8. С. 57). Это обусловило доминирование идеологической и воспитательной функций плаката.

В первые пореволюционные годы ведущее место принадлежало пропагандистскому плакату. Печать, книга подавалась как неотъемлемая часть политико-культурных мероприятий власти. Основное место занимала пропаганда периодических изданий, как наиболее оперативного, злободневного, идеологически заостренного вида издательской продукции (*Онопко-Бабурина Н.И.* Русский и советский художественный книготорговый плакат // Книга: Исследования и материалы. 1960. Сб. 2. С. 57).

В эти годы началась работа по пропаганде чтения как одного из действенных инструментов овладения культурой, а следовательно, и идеологического наполнения последней. В начале 1920-х гг. было выпущено много плакатов с афоризмами о значении книги. Впервые подборка цитат была напечатана в петроградской «Красной газете» 14 сентября 1919 г. в связи с Днем советской пропаганды. Через несколько месяцев Петрогосиздат выпустил высказывания о книге отдельным изданием (Книга. Пг., 1920).

Призывы к чтению и овладению культурой через книгу издавались гражданскими, военными организациями в центре и провинции. Эти плакаты были наполнены революционным пафосом и в аллегорической форме убеждали в необходимости использования книги для разрушения старого строя и возведения нового: «Грамота – путь к коммунизму» (1920), «Товарищи, помните, грамота есть орудие борьбы и освобождения в руках пролетариата» (1921, Самарканд), «Неграмотный рабочий – точно слепой» (Владивосток, б/д) и др.

В годы гражданской войны существовала уникальная, не имеющая аналогов форма плаката – агитационно-инструкторские пароходы и поезда, которые оформлялись печатными и рукописными плакатами и лозунгами (художественный руководитель – И.И. Нивинский). Эти плакаты не сохранились; единственным визуальным свидетельством остались фотографии, приведенные в книге руководителя Литературно-издательского отдела Политуправления РСФСР В.П. Полонского. На одной из них виден плакат на вагоне поезда: «[Царское] правительство несло народу гнет, водку и нагайку. Советская власть дает трудящимся книгу, газету и бесплатное обучение» (*Полонский В.* Русский революционный плакат. С. 55).

Изобразительному плакату книжной тематики предшествовал тип наборного лозунга: «Вслед за книгой умом двигай», «Крестьянин! Книга нужна тебе» (Центросоюз; 1926). Литографированные плакаты-лозунги выпускались политорганами Красной армии: «Да

здравствует книга, да скроется тьма», «Торопись в библиотеку – она согреет твою душу» (обе – 1920?) и др.

Педагогико-пропагандистские устремления авторов плакатов привели к появлению листов, сближающихся по композиционно-стилистическим особенностям с лубочной картинкой (не случайно большинство таких плакатов было адресовано крестьянам). Они представляли собой изобразительное повествование, без подписи либо снабженное текстом в прозе или стихах: «Береги книгу. Она – верный товарищ в походе и в мирном труде», плакаты А. Радакова «Верный друг», «Жизнь безграмотного... Жизнь грамотного» (обе – 1920) и др. Эти листы были предназначены для медленного разглядывания и чтения; словесный нарратив был в них не менее важен, чем визуальный. В этих листах соблюдались традиции лубка: простота, наивность, наглядность, постепенное разворачивание темы, тщательная прорисовка изображаемого. При их разработке учитывалась эстетическая функция лубочной картинкой, призванной не только разъяснять и назидать, но и украшать стены избы-читальни, клуба, крестьянского жилища.

Отдельное направление плакатной сюжетики 1920-х гг. – агитация за аккуратное обращение с книгой. В них пропагандировались приемы обращения с книгой, рассчитанные на приобщающихся к книге читателей города и деревни. Наибольшей известностью пользовалась разработанная Главполитпросветом сатирическая серия художника И. Шлепянова из восьми листов формата 36×27 см. Она была доступна для любой небольшой библиотеки и красного уголка и получила одобрительные отзывы библиотекарей.

Для изобразительных решений плакатов первых лет советской власти характерны станково-академический рисунок, романтическая архаизация образов, аллегория, символическая атрибутика. Примером свойственного эпохе несколько наивного воплощения идеи служит плакат В. Спасского «К маяку Коммунистического Интернационала» (1919), показывающий рабочего, который плывет по бурному морю на книге сочинений К. Маркса. Книга раскрыта, страницы заливаются водой. В этом листе книга выполняет символическую роль как референт марксистского учения, помогающего рабочему классу бороться за светлое будущее.

Со второй половины 1920-х гг. книга оказывается представленной на плакатах, посвященных любым экономико-политическим вопросам. Показ книги включался в освещение тем сельского хозяйства, нового быта, строительства Красной армии и т.д. Через массовый библиотечный и книготорговый плакат и через саму книгу происходило как бы удвоение пропагандистского эффекта.

**Рукописные материалы в исследовании понятийной системы
феодалного права Кастилии и Леона XIII–XIV вв.
(на примере термина (*h*)*omenage*)**

В исследовании понятийной системы феодального права рукописные материалы, распространение и специфические характеристики которых в ряде случаев позволяют проследить векторы культурного взаимодействия, могут сыграть весьма значительную роль. В настоящем докладе это показано на примере изучения одного из ключевых понятий кастильского феодального права – термина (*h*)*omenage* (вар.: (*h*)*omenaie*).

В литературе в качестве наиболее раннего примера его употребления указывается текст «Поэмы о моем Сиде» (начало XIII в.), а к концу столетия слово прочно утверждается как в правовых, так и нарративных текстах, написанных на кастильском языке. Показательно и распространение латинские аналогов (*h*)*omenage* (*hominium*, *homagium* и т. п.) в кастильской и леонской латинской литературе первой половины XIII в.

Между тем, до конца XII столетия исследуемое понятие не фигурирует ни в латинской, ни в кастильской форме, что выглядит достаточно странным, учитывая не только географическую близость, но и тесную политическую и культурную взаимосвязь Кастилии и Леона со средневековыми землями Арагонской Короны, в том числе – с Каталонией, где в 978 г. впервые засвидетельствован латинский аналог кастильского слова – *hominaticum*, у которого начиная с XIII в. появляется и каталонский аналог – (*h*)*omenatge*. Лингвисты считают *hominaticum* производным от средневекового латинского *homūncūlus* (вассал, зависимый человек) и восходящим к общелатинскому *homo*. В XI–XII вв. это понятие широко распространяется в правовых текстах не только в Каталонии, но и в Арагоне и становится неотъемлемой частью каталонского и арагонского феодального права.

В каталонской компиляции XI–XIII вв. «Барселонские обычаи» *hominaticum* (*hominium*) именуется один из видов рыцарского феодального держания (в том числе – держания замка), связанный с ним платеж, клятва вассальной верности, связывающая сеньора и вассала и т.п. В документах XIII–XIV вв., фиксирующих вассально-сеньориальные отношения, под *homagium* подразумевается вассальный контракт, заключение которого с сеньором в обязательном

порядке подразумевало совершение «поцелуя верности» (*osculum in signum fidelitatis*).

Отдельное место в этом ряду занимают рукописные свидетельства, в частности барселонская иллюминированная рукопись (АСА. Real Cancillería. Registros. núm. 1), содержащая королевский картулярый (т. н. «Большую книгу феодалов»), где текстам вассальных контрактов (*convenientia*) с упоминанием об актах принесения оммажа (*hominaticum, homagium*) соответствуют миниатюры, изображающие вассала стоящим на коленях перед сеньором и совершающим жест вложения рук.

Между тем, содержание одного из законов Второй Партиды (Partid. II.9.26), входящей в состав знаменитого свода «Семь Партид», составленного под руководством Альфонсо X Мудрого, показывает, что клятва верности, приносимая на коленях и сопровождающаяся знаменитым жестом вложения рук, в Кастилии и Леоне вовсе не автоматически именовалась (*h*)*omenage*: это слово в тексте вообще не упоминается. В целом же, как в нарративных, так и в правовых памятниках Кастилии и Леона это понятие используется для обозначения особой формы договора, установившей особо жесткие формы ответственности за нарушение конкретных публично- и частно-правовых обязательств, причем они далеко не всегда касались отношений между сеньором и вассалом. Нарушивший обязательства, скрепленные посредством (*h*)*omenage*, объявлялся «предателем» и должен был понести соответствующее наказание вне зависимости от того, являлся ли пострадавший его сеньором или нет.

Очевидно, что прямой взаимосвязи между кастильским (*h*)*omenage* и каталонским (*h*)*omenatge* (несмотря на внешнее сходство двух слов) не существовало: в противном случае, степень деформации лексического значения следовало бы признать явно чрезмерной. Реальным кастильским аналогом каталонскому (*h*)*omenatge* являлась традиционная присяга верности, скреплявшаяся поцелуем руки (лат. *manus osculum*, каст. *besamanos*), на очевидное сходство правовых последствий которой с каталонским и французским феодальным оммажем указывали и современники.

Абстрагируясь от пиренейского материала, следует подчеркнуть, что восприятие оммажа как специфической формы договора характерно для ряда образованных юристов, специалистов в области т. н. *ученого феодального права* – систематизации феодальных обычаев на основе матрицы т. н. *ius commune*. Уже в начале XIII в. появились трактовки оммажа, изначально фигурировавшего лишь в контексте вассально-сеньориальных связей, как универсального типа договора, пригодного для особо жесткой фиксации гарантий исполнения лю-

бых обязательств (например, взаимных обязательств землевладельца и арендатора), что должно было отличать его от традиционных римско-правовых форм договоров – контрактов и пактов.

Первым такой взгляд в своем «Трактате об оммажах» (1230-е гг.) предложил болонский юрист Мартино дель Казеро да Фано (ум. в 1272 г.). Был ли, однако, его текст известен в Кастилии и Леоне? Данные рукописных источников позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. Помимо косвенных свидетельств, следует указать на присутствие названного трактата в составе рукописи Ms. 573 из собрания Национальной библиотеки (Мадрид) (fol. 28v–30v). Датированный по письму XIV в., этот кодекс включает еще пять правовых трактатов других авторов, посвященных трактовке содержания различных частей пятой книги средневековой версии Свода Юстиниана. Все эти тексты рассчитаны на королевских легистов, т. е. на ту среду, в которой сложились правовые памятники Альфонсо X и его преемников, отразившие, среди прочего, и специфическое значение понятия (*h*)*omenage*. Остается добавить, что в XIV столетии это значение утвердилось уже не только в правовых кодексах, но и в документальных источниках *stricto sensu*.

З.Б. Афанасьева, м.н.с.
НБ Украины им. В.И. Вернадского

Суперэкслибрис как исторический феномен книжной культуры

Статья посвящена историческим аспектам изучения библиотек учебных заведений г. Киева конца XIX – начала XX в.: Университета Св. Владимира, Коммерческого института и Реального училища, которые являются составной частью фонда Отдела библиотечных собраний и исторических коллекций Института книговедения Научной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского.

В книговедении и библиотековедении в понятие «провениенции» входят: маргинальные записи, экслибрисы, суперэкслибрисы, печати, штампы, наклейки, налечки и др. Они являются важными историческими библиотечными артефактами, изучение которых указывает на уровень культуры определенной эпохи, отраженной в библиотеках, книжных собраниях и коллекциях своих владельцев. Из всего перечня провениенций мы рассматриваем только суперэкслибрис – особый владельческий знак, вытесненный золотом или слепым тиснением обычно на крышках или корешках кожаного переплета книг и представляющий собой геральдическую, вензелевую или иную композицию. Появился этот знак в XVI в. во Франции и

был часто единственным украшением переплета книг в библиотеках королевского двора, знати и привилегированных учебных заведений.

Рассмотрим вкратце суперэкслибрисы на корешках книг вышеуказанных киевских учебных заведений. Литература в библиотеке университета Св. Владимира (основан в 1834 г.) имеет суперэкслибрис вверху и внизу на корешке, выполненный слепым тиснением. Верхнее тиснение соответствует разработанному в университете десятичному классификатору наук, состоящему из трех групп цифр: первая – римская, отражает отрасль знания; через точку – вторая группа цифр – арабская, соответствует подразделу указанной науки; через точку – третья группа цифр – тоже арабская, указывающая на порядковый номер книги на полке в этом подразделе отрасли знаний, которые преподавали в вузе. Например, в разделе «III – Правоведение» литература расположена в фонде на полках согласно следующим суперэкслибрисам: III.1.1–III.106.3. Нижнее тиснение на корешках книг выполнено латинскими буквами и отражает принадлежность литературы к университетской библиотеке: V.U.S.V. (V. – библиотека; U. – университета; S. – святого; V. – Владимира).

В библиотеке Университета было два каталога – алфавитный и систематический (предметный). Систематический каталог включает 15 разделов: I – Библиотекведение и науковедение; II – Богословие; III – Правоведение; IV – Государственные знания; V – Медицина; VI – Философия; VII – Педагогика; VIII – Филология; IX – Изящные искусства и словесность; X – История; XI – География; XII – Математика; XIII – Естествознание; XIV – Технология и агрономия; XV – Книги общего содержания.

Литература из фонда библиотеки Киевского Коммерческого института (организован в 1906 г.), имеет на корешках книг два суперэкслибриса, выполненные слепым тиснением. В отличие от книжного фонда университета Св. Владимира, верхнее тиснение является инвентарно-порядковым номером расположения книги на полке без указания принадлежности к отраслям знания, которые преподавались в Институте. Нижний суперэкслибрис – аббревиатура Ф.Б.К.К.И. (Ф. – фундаментальная; Б. – библиотека; К. – киевского; К. – коммерческого; И. – института) указывает на принадлежность литературы фундаментальной институтской библиотеке. На фонд библиотеки института был создан справочный аппарат, состоящий из алфавитного и систематического каталогов, а также каталога литературы на иностранных языках. Систематический классификатор, разработанный в Институте, состоял из 8 разделов основных учебных дисциплин, которые преподавались в вузе: I – Науки эко-

номические, социальные и юридические; II – Городское хозяйство; III – Естествознание и математика; IV – История; V – Публицистика; VI – Периодические издания; VII – Varia (Разное); VIII – Справочные издания.

В Киевском реальном училище (организовано в 1873 г.) литература в библиотеке также располагалась в соответствии с преподававшимися дисциплинами. На корешках книг из библиотеки училища просматривается два суперэкслибриса. В верхней части книжного корешка слепое тиснение в виде дроби, в числителе римская цифра соответствует отрасли знания, предмета преподавания в училище, а в знаменателе арабская цифра указывает порядковый номер книги на полке в этом разделе. Например: II/21, эта книга относится к разделу «II – Энциклопедии и справочная литература», 21 – порядковый номер на полке в этом разделе. Внизу на корешке суперэкслибрис в виде нескольких заглавных букв: Б.К.Р.У. (Б. – библиотека; К. – киевского; Р. – реального; У. – училища). Как и в предыдущих учебных заведениях, фонд библиотеки реального училища имел два каталога – алфавитный и систематический. К сожалению, эти каталоги не сохранились, и мы можем только приблизительно восстановить разделы в систематическом каталоге, проанализировав состав наполнения книжного фонда. Систематический каталог включал 13 разделов: I – Религиозное воспитание и образование (восстановлено нами по аналогии преподавания в других реальных училищах); II – Энциклопедии и справочные издания; III – Выдающиеся личности в истории; IV – Языкознание и словесность; V – История литературы, филология; VI – История европейских государств; VII – История России; VIII – География, картография; IX – Физика, математика, техника; X – Химия; XI – Химическая технология, механика; XII – Искусство, этнография, фольклор; XIII – Периодические издания.

Исследуя суперэкслибрисы на корешках книг, которые принадлежат библиотекам различных киевских учебных заведений, мы пришли к выводам, что, во-первых, различие в суперэкслибрисах, которыми наделялась литература в библиотеках учебных заведений, говорит об отсутствии в то время в библиотечной системе единой стандартной нормы систематизации книг; во-вторых, что, чем больше информации вытиснено на книге, в частности на ее верхней части корешка, тем удобнее работать с фондом, это облегчает поиск необходимых изданий; в-третьих, что суперэкслибрис повышает библиотечную и книжную культуру, способствует быстрому обслуживанию читателей, приводит к меньшему износу пе-

чатной продукции, более продолжительному периоду ее активной жизни на полках библиотек и частных коллекций.

*Т.А. Базарова, к.и.н., зав.
НИА СПбИИ РАН*

Сборники писем Петра I генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину в собрании Научно-исторического архива СПбИИ РАН

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-01-00192а

Архивы государственных деятелей Петровской эпохи сохранились до нашего времени в неполном и разрозненном состоянии. Уже в конце XVIII в. И.И. Голиков предположил, что хранившиеся среди фамильных бумаг письма Петра I безвозвратно утрачены и погибли (*Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. 2-е изд. М., 1841. Т. XIV. С. XII*). В связи с этим особое значение для исследования эпистолярного наследия первого российского императора приобретают рукописные сборники копий его писем и указов середины – второй половины XVIII в.

В числе исчезнувших архивов оказались бумаги ближайших сподвижников первого российского императора – Петра и Федора Матвеевичей Апраксиных. В 1811 г. гвардейским офицером Платоном Степановичем Яковлевым были подготовлены к изданию и опубликованы более двухсот писем государя братьям Апраксиным (*Собрание собственноручных писем Петра Великого к Апраксиным. Ч. I–II. М., 1811*). Приведенные в конце публикации воспроизведения автографов Петра I подтверждают, что в распоряжении издателя были оригиналы документов. Однако уже в 1887 г. в предисловии к первому тому «Писем и бумаг Петра Великого» отмечалось, что подлинники писем государя Ф.М. и П.М. Апраксиным не сохранились (*Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. СПб., 1887. С. XIX*). Надо полагать, что они погибли во время пожара 1812 г. в Москве, как и большая часть тиража издания.

В конце XIX в. Комиссия по изданию «Писем и бумаг Петра Великого» была вынуждена публиковать письма государя Апраксиным по печатному изданию, «сверяясь с рукописными сборниками писем к ним Петра Великого, сохранившимися в довольно значительном числе списков» (Там же. С. XX). За два десятилетия до выхода первого тома «Писем и бумаг Петра Великого» А.Ф. Бычков выявил в Публичной библиотеке семь рукописных сборников второй половины XVIII в. Он отметил, что сборники содержит 354 копии посланий царя Ф.М. Апраксину, расположенных в хронологическом порядке. В начале или конце рукописи, как правило, имелся

«реестр» писем. А.Ф. Бычков установил, что только часть их была ранее опубликована (Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке, и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования, составленное А.Ф. Бычковым. СПб., 1872. С. 65–71). В XX в. публикаторы «Писем и бумаг Петра Великого» также обращались к сборникам копий писем Петра I генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, хранящимся хранятся в РГБ, РГАДА и Научно-историческом архиве СПБНИИ РАН.

В Архиве СПБНИИ РАН находятся четыре таких сборника (in folio), которые по манере письма и филиграням можно отнести к середине – второй половине XVIII в. Несмотря на разные заголовки (или их отсутствие), состав сборников одинаков: копии петровских писем, реляций и указов 1700–1724 гг. Они хранятся в коллекциях Н.П. Лихачева (Колл. 238. Оп. 1. Д. 545) и Рукописных книг (Колл. 115. Оп. 1. Д. 433, 501, 1135). В собрании академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936) сборник мог отложиться как в результате его коллекционерской деятельности, так и из унаследованной фамильной библиотеки (см.: *Базарова Т.А.* «Альбом петровского навигатора» из собрания Н.П. Лихачева: Археографическое введение // Альбом петровского навигатора / Изд. подгот. Т.А. Базарова, Д.Н. Копелев. СПб., 2016. С. 30–33). Помет и записей, указывающих на предыдущих владельцев, рукопись не сохранила.

Основу сформированной в архиве коллекции Рукописных книг составили отдельные поступления, а также рукописи, изъятые из других фондов и коллекций. Старые шифры на форзацах двух сборников (Колл. 115. Оп. 1. Д. 443 и 501) указывают на то, что ранее они хранились в БАН и попали в Архив СПБНИИ РАН в начале 1930-х гг. в результате перераспределения рукописных фондов между академическими учреждениями.

На переплетном листе одного из них (Колл. 115. Оп. 1. Д. 501) сохранилась владельческая надпись: «Петр Демидов. № 8». Можно осторожно предположить, что она ранее принадлежала тайному советнику Петру Григорьевичу Демидову (1740–1826).

Второй сборник (Колл. 115. Оп. 1. Д. 433) имеет не только пространственный заголовок («Письма и реляции о военных делах государя императора Петра Великого, писанные собственною рукою его величества к адмиралу Феодору Матфеевичу Апраксину, состоящая с 1700 году по 1725 год»), но и указание на время и источник копирования – «списана с оригинала Адмиралтейской коллегии 1752 году» (Л. 270).

Сборники писем и указов Петра I генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину получили широкое распространение в рукописной традиции второй половины XVIII в. В настоящее время они известны и востребованы исследователями Петровской эпохи. Однако последовательное кодикологическое изучение этих сборников пока не предпринималось.

*А.П. Балаченкова, ст. преп.
СПбГУ промышленных технологий и дизайна*

**Материалы по истории русской бумажной
промышленности XVIII–XIX вв. П.А. Картавова
и научное наследие З.В. Участкиной**

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 17-01-00390)

Среди историков бумаги имя Петра Алексеевича Картавова (1873–1941) хорошо известно, главным образом благодаря исследованию «Исторические сведения о гербовой бумаге в России» (СПб., 1899) и собраниям образцов русской бумаги с филигранями и штемпелями. Однако главный труд Картавова в области изучения истории бумаги, который можно назвать «Собранием архивно-библиографических материалов по истории русской бумажной промышленности XVIII–XIX вв.» (РНБ. Ф. 341. № 72–83), не был опубликован его автором и даже не получил описания, хотя к материалам П.А. Картавова обращались многие исследователи, активно используя их в собственных работах. В частности, он определил направление деятельности З.В. Участкиной (1906–1975), с чьим именем связаны значимые работы в данной области, вышедшие в СССР в послевоенный период.

Судя по листам использования дел, З.В. Участкина просматривала эти документы в 1953–1954 гг. во время работы над диссертацией «История развития целлюлозно-бумажного производства в России» (М., 1954). В диссертации материалы Картавова отражения не нашли, более того, она не была ни защищена, ни полностью опубликована. Тем не менее, из трех наиболее известных историко-бумаговедческих работ Участкиной: «Русская техника в производстве бумаги» (М., 1954), «A History of Russian Hand Paper Mills and their Watermarks» (Hilversum, 1962) и «Развитие целлюлозно-бумажного производства в России» (М., 1972), знакомство с архивно-библиографическими материалами П.А. Картавова значительным образом повлияло на две последние.

В 1957 г. к З.В. Участкиной (в числе «нескольких историков бумаги») через посредничество В.А. Мошина обращается Э. Лабарр с

просьбой о создании альбома русских водяных знаков (*Uchastkina Z.V. A History of Russian Hand Paper Mills ...* P. 11). Участкина изъявила согласие, в результате чего в серии «*Monumenta Chartae Papiraceae Illustrantia*» в 1962 г. вышла её монография «*A History of Russian Hand Paper Mills and their Watermarks*». В этой книге влияние П.А. Картавова и его проекта большого свода материалов по раннему периоду истории русской бумаги наиболее заметно в структуре и содержании первой (текстовой) части монографии-альбома. В особенности, это главы: I – «Ранний период до конца XVII в.» («*The Early Period to the End of the Seventeenth Century*»), II – «Эпоха Петра I» («*The Period of Peter I*») и IV – «Наиболее значимые предприятия [с 1730 до середины XIX в.]» («*Some Important Mills [from 1730 to the Middle of the Nineteenth Century]*»). Есть все основания считать, что такая структура работы Участкиной возникла под влиянием ее знакомства с организацией архивно-библиографических материалов Картавова. Примечательно, что до этого все интересы З.В. Участкиной в области русской бумажной промышленности вращались главным образом вокруг истории техники и изобретательства; история же фабрик как самостоятельных производителей исследовательницу не интересовала (см. ее работы: Новаторы бумажной промышленности России // *Бумажная промышленность*. 1948. № 4; Творчество бумажников Красносельской мануфактуры // *Бумажная промышленность*. 1950. № 2; Русские бумагоделательные машины // *Бумажная промышленность*. 1950. № 5; Усовершенствование роллов в России // *Бумажная промышленность*. 1951. № 1; Русская техника в производстве бумаги. М., 1954), тогда как П.А. Картавов, формируя свое собрание материалов, с самого начала шёл по пути создания целостного свода данных по истории русских бумажных производств.

Во время работы с материалами П.А. Картавова З.В. Участкиной далеко не всегда удавалось воспользоваться его выписками, поскольку большинство из них маркированы лишь датой источника (например, «*Ведомость 1832*») или фамилией автора («*Потехин*», «*Орлов*», «*Мельников*» и т.п.). Так, исследовательница не смогла идентифицировать один из базовых для Картавова источников – печатные «*Ведомости о мануфактурах в России*» за 1812–1814 гг. и была вынуждена привести сведения из них в изложении Н.А. Резцова (*Uchastkina Z.V. A History of Russian Hand Paper Mills ...* P. 108). То же самое произошло и с большинством архивных выписок в материалах П.А. Картавова. Вместо этого для поиска сведений об исторических предприятиях Участкина обратилась к провинциальным (областным) архивам, чего совершенно не делал Картавов.

Замысел следующей монографии З.В. Участкиной «Развитие целлюлозно-бумажного производства в России» (1972), на две трети состоящей из исторических справок об отдельных предприятиях, сгруппированных по географическому принципу (в соответствии с административно-территориальным делением СССР), полностью совпадает с концепцией картавовского собрания выписок, которую исследовательница просто «продлевает» до современности, а также несколько расширяет этот исторический перечень за счет включения в него древесно-массных и целлюлозных производств. Правда, при подготовке этой работы Участкина уже опиралась не только на материалы П.А. Картавова, но и на обширный опыт отраслевой статистики, в частности, на «Справочник экономиста-бумажника» (М., 1967) и более ранние отраслевые справочники и указатели первой половины XX в.

Таким образом, даже краткий разбор этого вопроса позволяет уверенно говорить о том, что историко-бумаговедческие материалы Картавова оказали определяющее влияние на изучение истории русской бумаги и отечественного бумажного производства во второй половине XX в. При этом значение самого П.А. Картавова как исследователя бумаги до последнего времени в бумаговедческой историографии фактически было сведено к роли зачинателя изучения русской гербовой бумаги. Нам ещё только предстоит открытие научного наследия П.А. Картавова во всей его полноте.

*А.Г. Баранов, к.и.н.
председатель Союза бонистов*

О критериях отличий дензнаков РСФСР образца 1918–1921 гг., отпечатанных на разных фабриках Гознака

В период 1918–1922 гг. в РСФСР бумажные денежные знаки печатало несколько предприятий, входивших в систему Управления фабриками Гознака: Экспедиция заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ) в Петрограде; в Москве 1-я, 2-я Московские фабрики и 17-я типолитография; Пензенская, Уральская в Перми и Ростовская-на-Дону фабрики Гознака.

В это время находилось в обращении несколько «линеек» бумажных денежных знаков: «царские» в виде государственных кредитных билетов от 1 до 500 руб., казначейских знаков и марок-денег, заменяющих мелкие монеты, номинированные в копейках; «керенки» в 20 и 40 руб. и «думские» 250 и 1000 руб.; государственные кредитные билеты образца 1918 г., «пятакówki», от 1 до 10 000 руб.; расчетные знаки РСФСР образца 1919 г. достоинством

от 1 до 10 000 руб.; расчетные знаки образца 1920 г. в 3, 5 и 50 руб.; расчетные знаки РСФСР образца 1921 г. от 100 до 100 000 руб. Все это многообразие выпусков можно и нужно систематизировать.

Разменные казначейские знаки и марки-деньги печатались в Петрограде. Денежные знаки «царского» образца до середины 1919 г. печатались в Петрограде на ЭЗГБ, а затем на 1-й Московской фабрике. Аналогично изготавливались «думские» дензнаки образца 1917 г. достоинством 250 и 1000 руб. Все крупно-номинальные купюры в 5000 и 10 000 руб. образца 1918 и 1919 гг., имевшие индивидуальную нумерацию, печатались только на 1-й Московской фабрике Гознака.

Кредитные билеты 1918 г., «пятаковки», достоинством 1, 3, 5, 10 и 25 руб. печатались только на Пензенской фабрике. Место печати остальных купюр определяется по литерным сериям. Банкноты 50 руб. серии АА печатались в Пензе, а серии АБ – в Москве. Банкноты достоинством 100, 250, 500 и 1000 руб. в Пензе печатались с сериями АА и АВ, в Москве – с серией АБ, а в Перми – с серией АГ.

Казначейские знаки «керенки» достоинством 20 и 40 руб. и расчетные знаки РСФСР образца 1919 г. достоинством 1, 2 и 3 руб. не имели нумерации и вариантов по бумаге с водяными знаками. Хотя они и печатались на разных фабриках Гознака, но тем не менее не существует явных критериев отличия ни по способам печати, ни по бумаге, ни по краске, ни по печатным формам.

Все расчетные знаки РСФСР образца 1919 г. достоинством 15 руб. печатались только в Москве. Расчетные знаки достоинством 30 и 60 руб. изготавливались только серии АА, но для разных фабрик Гознака были выделены свои диапазоны номеров: Московская фабрика – с АА-001 по АА-052; Пензенская – с АА-053 по АА-099; Уральская – с АА-100 по АА-200. Полностью эти диапазоны не были использованы. Для расчетных знаков образца 1919 г. достоинством 100, 250, 500 и 1000 руб., печатавшихся на разных фабриках, присваивались свои литерные серии. Так, 100 руб. серии АА печатались в Москве, АБ – на Уральской фабрике, АЕ – в Пензе. 250 руб. серии АА печатались в Москве, АБ – в Пензе, серия АВ – на Уральской фабрике. 500 руб. серии АА и АГ изготовлены в Москве, АБ – в Пензе, АВ – в Перми. 1000 руб. с сериями АВ и АГ печатались в Пензе, серия АД – в Перми, все остальные серии – в Москве. Имеющиеся вариации по водяным знакам не являются критериями, по которым отличается продукция разных фабрик Гознака. Эти варианты представляют интерес только для коллекционеров.

Выпущенные в обращение расчетные знаки образца 1920 г. достоинством 3, 5 и 50 руб. не имели нумерации. Для отличия продук-

ции Московской и Ростовской-на-Дону фабрик применялась бумага с разными водяными знаками. В Ростове-на-Дону для изготовления этих расчетных знаков использовалась бумага как с водяными знаками «грибы», «ажурные звезды», так и без водяного знака. На бумаге с водяным знаком № 324 «теневые квадраты» на Московской фабрике печатались расчетные знаки достоинством 5 руб., а в Ростове-на-Дону – достоинством 50 руб. На бумаге с водяным знаком № 285 «большие теневые звезды» в Москве печатали расчетные знаки достоинством 50 руб.

Расчетные знаки РСФСР образца 1921 г. достоинством 100, 250, 500 и 1000 руб. не имели нумерации. Продукцию разных фабрик можно выявить по применяемой бумаге с разными водяными знаками. Бумага с водяным знаком № 285 применялась только на 17-й типографии Гознака в Москве. Бумага с водяным знаком № 324 применялась только на Ростовской-на-Дону фабрике. Расчетные знаки достоинством 500 и 1000 руб. с водяным знаком № 258 «светлые звезды» печатались на Московской фабрике Гознака, а 250 руб. – на Уральской фабрике. Бумага со специальным водяным знаком в виде цифр номинала (100, 250, 500 и 1000) использовалась на Пензенской и Уральской фабриках Гознака, а 250 руб. с водяным знаком цифры номинала, исполненной литографским способом, изготавливались в Ростове-на-Дону.

Более крупные купюры образца 1921 г. достоинством 5000, 10 000, 25 000, 50 000 и 100 000 руб., выпускавшиеся на разных фабриках, легко определяются по литерным сериям, назначенным Управлением фабриками Гознака для каждого номинала по всем предприятиям. 5000 руб. серий АА и АЛ печатались в Москве, серия АГ – в Перми, ББ – в Пензе. 10 000 руб. серии АБ отпечатаны в Москве, серия БА – в Перми, серия ВГ – в Пензе. 25 000 руб. серий АВ и АЭ отпечатаны в Ростове-на-Дону; серии АЖ, АЛ, АУ, АЧ, БЕ, БК – в Москве; серии АП и ББ – в Перми. Расчетные знаки достоинством 50000 руб. серии АА отпечатаны литографским способом в московской 17-й типографии; серия АЕ отпечатана на 2-й Московской фабрике Гознака; серия АЫ – в Ростове-на-Дону; в Перми – серии АХ и ВВ; все остальные серии этого достоинства отпечатаны на 1-й Московской фабрике Гознака. Расчетные знаки достоинством 100 000 руб. серии АБ отпечатаны литографским способом в московской 17-й типографии; все остальные серии этого достоинства отпечатаны на 1-й Московской фабрике Гознака. Имеющиеся вариации для купюр крупных номиналов по водяному знаку не являются критериями отличия и интересны только для коллекционеров.

К началу 1922 г. все местные филиалы Гознака были закрыты, а всё производство государственных бумажных денежных знаков РСФСР было сосредоточено на Московской фабрике Гознака.

*С.И. Баранова, д.и.н., проф.
МГОМЗ, ФИИ РГГУ*

Музейные учётные документы как исторические источники

Музейные учётные документы – самый многочисленный вид документации, связанной с музейным делом. Несмотря на появление их новых разновидностей (например, протоколы ЭФЗО), основной комплекс остаётся почти неизменным. Акты, описи, инвентарные книги, сохранившие шаг за шагом следы музейной истории, – именно на них ссылаются исследователи при описании тех или иных памятников, находящихся в музейных собраниях. Сделанные разными почерками записи с исправлениями и дополнениями, стоящие рядом с ними пометки, даты и т.п. позволяют воспринимать эти документы как подлинные собрания исторических источников.

Их значение чрезвычайно широко. Формирование этого вида документов связано с развитием музейного дела в России и ярко отражает не только этот процесс, но и те факторы, которые определяют его ход: уровень культуры, как материальной, так и духовной, политические и экономические изменения, а также развитие науки.

Тем не менее, роль музейных учётных документов в отражении различных аспектов жизни общества пока не обозначена, а исследовательские возможности и научный потенциал их как исторических источников явно недооценены. Между тем изучение в таком ракурсе показывает, что они являются источниками не только для уточнения каталожных данных, но и для выявления места и значения памятника или коллекции в историко-культурном контексте.

В учётной документации, связанной с формированием коллекций изразцов ГИМ и Московского государственного объединённого музея-заповедника (МГОМЗ), отразилась не только история комплектования, но и история направления науки, изучающего изразцы. Некоторые ранние записи о приёме изразцов в музейное собрание сделаны рукой И.Е. Забелина, бывшего в числе создателей в 1883 г. Исторического музея.

В собрание этого музея попал изразец, найденный в 1851 г. графом А.С. Уваровым в Суздале на «воеводском дворе» (одна из первых зафиксированных находок русских изразцов вообще). Судьба этого изразца очень показательна и как факт историографии рус-

ского искусства, и как отражение истории музейного хранения в России, и, разумеется, как эпизод в деятельности графа А.С. Уварова, причём далеко не случайный.

Главная интрига заключалась в том, что легендарный изразец никогда не публиковался, а музейная судьба изразца оказалась чрезвычайно запутанной. В 1933 г. изразец с надписью: «Уваровские раскопки в Суздале 1851 года» был принят директором музея в Коломенском П.Д. Барановским из ГИМа, куда он попал из Румянцевского музея. В том же году целый изразец был внесён в опись с лаконичным описанием. При этом его номер был ошибочно присвоен поступившему в составе этой передачи совершенно другому изразцу, также с изображением двуглавого орла. Видимо, к этому времени надпись на изразце стёрлась, что усугубило путаницу. Вскоре он был разбит, и суздальский изразец, утратив свою историю, растворился в огромной коллекции музея; он никогда не экспонировался. Благодаря изучению музейной учётной документации удалось выйти на след артефакта, относящегося ко времени, когда русские изразцы только входили в поле зрения исследователей, изучение их только начиналось (*Баранова С.И. Суздальский орел: изразец графа Уварова // Города и веки средневековой Руси. Археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М., 2015. С. 559–568*).

В эпоху закреплявшегося в общественном сознании историзма интерес к национальному наследию обрёл черты научного подхода, а изразец был признан одним из самобытных проявлений русской средневековой культуры. Находки сформировали коллекции, что позволило не только сохранить артефакты, но и придало им статус музейных, обеспечив внимание к отдельно взятому изразцу и к его учёту. В 1895 г., «согласно воле в бозе почившего Государя Императора, в музей препровождены высочайше учреждённым Комитетом по сооружению в Москве памятника Императору Александру II 196 изразцов цветных без поливы и 12 красных изразцов, найденных на месте постройки памятника» (цит. по: *Клюшкина И.В., Сидорова С.А. Материалы к Летописи Государственного исторического музея // Историческому музею – 125 лет: материалы юбилейной научной конференции. М., 1998. С. 352*). Находка в Московском Кремле стала важной вехой в изучении изразцов. Некоторые находки были опубликованы Н.В. Султановым и А.В. Филипповым, но большая часть долгое время оставалась неизвестной из-за несовершенства системы их учёта, а также передачи в разные годы из ГИМ в МГОМЗ. Лишь недавно изучение музейных учётных и архивных документов позволило идентифицировать значительную часть этой

коллекции (Баранова С.И. К истории первых находок изразцов в Московском Кремле // Образ христианского храма: сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А.Л. Баталова. М., 2015. С. 524–548).

Парадоксально, но и отсутствие важных учётных документов, например, актов поступлений, зачастую становится ярким свидетельством драматических событий. Поступление значительной части изразцов из снесённых храмов Москвы в собрание МГОМЗ в 1930-е гг. не фиксировалось в каких-либо документах, а записи в инвентарные книги сопровождались пометкой «без акта». В сохранившемся в архиве музея «Завещании» П.Д. Барановского сказано: «Очень большое количество имущества, привезённого в музей при моем участии, к сожалению, не инвентаризировано, и без меня никто не сможет большинству из этого имущества дать научное определение» (Архив МГОМЗ. Оп. 1. Д. 182. Завещание вшито в корешок папки). Источник поступления часто уточнялся значительно позднее по воспоминаниям современников событий, что приводило к возрастанию путаницы при атрибуции предметов, из-за чего в литературе до сих пор периодически появляются неточные сведения об их происхождении.

М.В. Батиев, н.с.

РНИИ Культур. и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва

Путевые записки

– история их создания, публикации и изучения:

Пруссия глазами русских путешественников

второй половины XVIII века

В связи с ростом в России второй половины XVIII в. интереса к окружающему миру поездки за границу империи становятся всё более популярными. Подданные Российской империи начинают изучать разные европейские страны, в том числе германские государства. Больше всего внимания из германских государств привлекала Пруссия.

Пруссия – одно из самых влиятельных германских государств XVIII в. – в России того времени воспринималась как «родственник» и противник одновременно. Наличие общей границы приводило к тому, что русские путешественники, отправлявшиеся в европейское турне, попадали на территорию Восточной Пруссии. Кто-то ехал дальше во Францию, Англию и Италию, но некоторые больше внимания уделяли красотам Прусского королевства. Однако есть путешественники, которые попадали в Пруссию не по своей

воле, как, например, А.Т. Болотов в составе русской армии во время Семилетней войны.

Многие из путешественников составляли путевые записки. Количество их на сегодняшний день точно не известно. Часть текстов опубликована и введена в научный оборот. История публикации и проблемы изучения этих документов и будет в центре нашего внимания.

Хотелось бы остановиться на трёх самых известных путевых текстах: «Жизнь и приключения А.Т. Болотова, описанные им самим для своих потомков», «Путешествия в Пруссию» Ф.В. Ростопчина и «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина.

Обширное документальное наследие А.Т. Болотова полностью не опубликовано до настоящего времени. Ф.В. Ростопчину чуть больше повезло с посмертными публикациями: большинство из написанных им текстов, если не считать писем, издано. Проблема с документальным наследием Н.М. Карамзина несколько иного характера. В нашем распоряжении имеется много публикаций произведений Карамзина, но утрачено большое количество рукописных оригиналов.

«Жизнь и приключения А.Т. Болотова, описанные им самим для своих потомков» («Записки») создавались с 1789 по 1816 гг. Публикация отдельных фрагментов в журналах началась с 1839 г. Полное издание «Записок» впервые появилось в 1870 г. в приложении к «Русской Старине». Объём «Записок» довольно внушителен: текст занимает четыре отдельных тома. Каждый том объединяет несколько частей, которые, в свою очередь, поделены автором на письма, адресованные некоему любезному приятелю.

Полного издания «Записок» автора, которое бы включало все известные на сегодняшний день его автобиографические тексты, исследователи до сих пор не имеют. Все осуществлённые издания «Записок» имеют лакуны в тексте, в том числе и вышедшее 25 лет назад большим тиражом издание в издательстве «ТЕРРА». Составители этого издания уместили в три тома 238 писем. Письма, относящиеся к пребыванию автора в Пруссии во время Семилетней войны, находятся в первом и в начале второго тома. Принципы, которыми руководствовались составители, сокращая части «Записок», не понятны. В кратком предисловии от редакции сказано, что «Редакция, не имея возможности печатать труд Болотова целиком, должна была прибегнуть к большим сокращениям» (Жизнь и приключения А.Т. Болотова, описанные им самим. М., 1993 Т. I. С. XVI). В издании отсутствует ряд писем с описаниями Восточной Пруссии.

В 1786 г. выходец из бедного дворянского рода Фёдор Васильевич Ростопчин, за два года до этого поступивший на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, подал в отставку и отправился за границу для завершения образования. Путешествие его заняло два года. Посетил он не только германские государства, но и Францию и Англию. Результатом этой поездки стало любопытное произведение – «Путешествие в Пруссию». Впервые оно увидело свет через 23 года после смерти автора, в 1849 г. Текст был опубликован в журнале «Москвитянин» (№ 1, 10, 13, 15), который издавал Михаил Петрович Погодин – сам большой любитель путешествовать по Европе. О его собственных путевых записках мы будем говорить дальше. Частично путевые записки Ростопчина были опубликованы в книге Сивкова о путешествиях. Полностью они были переизданы в 1992 г. Объём текста Ростопчина меньше, чем у Болотова. Путевые записки Ростопчина, в отличие от Болотова, не разделены на какие-либо главы, а написаны в виде целого текста.

«Письма русского путешественника» были написаны Николаем Михайловичем Карамзиным по свежим впечатлениям от увиденного в Европе в конце 1780-х гг. Фрагменты их печатались автором в издававшимся им «Московском журнале» в первой половине 1790-х гг. Первое полное издание «Писем русского путешественника» увидело свет в начале XIX в. Влияние этого произведения на мировосприятие двух поколений русских читателей было колоссальным. Особенности этого влияния до сих пор полностью не исследованы. Лучшим изданием «Писем русского путешественника» является вышедшее в 1984 г. в серии «Литературные памятники». В нём отражены правки текста, которые вносились Карамзиным в прижизненные издания.

*Н.В. Башнин, к.и.н., н.с.
НИА СПбИИ РАН*

К вопросу о стоимости медных денег в 1662/63 г.

Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента РФ МК–99.2017.6

В XVII в. в России основным монетным металлом было серебро, которое ввозили из-за границы. В 1654 г. русским правительством было отдано распоряжение о выпуске медных денег. В течение первых четырех лет разницы в курсе серебряных и медных монет не было заметно. Однако правительство начало выкачивание серебра у населения. Были произведены следующие мероприятия: неумеренный выпуск большого количества новых монет, ограничение их использования при торговых операциях с иностранцами и за-

прещение использования в Сибири, а также сбор недоимок, накопленных до издания указа о медных деньгах, старыми серебряными деньгами, сбор таможенных пошлин на 2/3 серебряной монетой, и, наконец, указ о принудительном обмене новых серебряных денег на медные по их номинальной стоимости. Эти действия подорвали доверие населения к медным деньгам и привели к падению их курса. Серебро начало исчезать из обращения, цены поднялись, часть товаров исчезла с рынка. Ситуацию усугубили неурожаи 1660 и 1661 гг.

Меры, предпринятые правительством (сбор стрелецких денег в 1661/62 г. не серебром, а хлебом; усиленное взимание недоимок; назначение чрезвычайного налога – пятой деньги), не дали желаемого результата. По наблюдениям К.В. Базилевича, в начале 1662 г. за рубль серебра давали 4 рубля медных денег. Введение в феврале 1662 г. государственной монополии на шесть экспортных товаров нанесло ущерб внутренней торговле, и курс медных денег продолжил падение: 1 сентября серебряный рубль стоил уже девять медных. Однако государственная казна пополнялась серебром, полученным от торговли с иностранцами, и это дало возможность восстановить серебряное денежное обращение через год после подавления Медного бунта. Медные деньги были отменены 15 июня 1663 г., к этому времени серебряный рубль равнялся 15 медным (*Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955).

В ОРКР ГПНТБ СО РАН в собрании акад. М.Н. Тихомирова выявлена приходо-расходная денежная книга Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1662/63 г. (№ 350). Эта рукопись даёт представление о том, как велся учет денежных средств накануне отмены медных денег. Казначей старец Исая и дьяк Лукьян Аленин раздельно считали медные и серебряные деньги. Так, с прошлого 1661/62 г. у них осталось «серебряных денег девятьсот рублей семнатцать алтын три денги да медных тысяча пятсот один рубль тритцать три алтына з денгой». Показательно соотношение при сборе «всяких розных зборов»: медных денег «нынешнаго 171-го году сентября с 1-го числа да по указу великого государя июня по 27-е число (в этот день на Вологду пришла царская грамота об отмене медных денег – *Н.Б.*) три тысячи семьсот пятьдесят рублей семнатцать алтын две денги» и серебряных денег «нынешнаго 171-го году сентября с 1-го числа да по 172-й год сентября же по 1-е число семьсот рублей тринацать алтын полпяты деньги». Очевидно, что архиепископ Вологодский и Белозерский Маркел, казначей старец Исая и дьяк Лукьян Аленин с большим доверием относи-

лись к серебряным деньгам. Так, в приходо-расходной книге частично зафиксирован указ иерарха: «171-го ноября в 25 день великий господин преосвященный Маркел архиепископ Вологодский и Белозерский указал в Софейскую домовую и в свою архиепископлю казну збирать церковную дань против прежнего окладу серебряных денег медными деньгами втрое. А кто учнет церковную дань платить серебряными денгами и на тех имать церковная дань против прежних окладных книг серебряными денгами». Из этого сообщения следует, что при сборе церковной дани серебряные и медные деньги соотносились как 1:3.

Имеется еще одна возможность узнать курс медных денег в Вологде. Соотнесем стоимость четверти ржи в серебряных и медных деньгах.

Согласно приходо-расходной книге, 24 декабря 1662 г. продали вологжанину Федору Резцу «казенной ржи в таможенную меру четверть» за два рубля с полтиной серебряных денег. 29 декабря 1662 г. продали «Кирилова монастыря соляново двора старцу Иосифу» 50 четвертей ржи в таможенную меру «на серебряные денги, взято за четверть по два рубля с полтиной». 10 февраля 1663 г. продали строителю Масленой пустыни старцу Генадии «ржи в таможенную меру пять четвертей на серебряные денги, взято за четверть по два рубля».

13 марта 1663 г. продали ключарю Софийского собора священнику Ивану Мефодьеву полторы четверти ржи в таможенную меру за 30 рублей (четверть – 20 рублей). 15 марта 1663 г. продали вологжанину «Борису Симонову сыну кузнецу казенной ржи пять четвертей да шесть четвертей овса в таможенную меру, взято за рожь за четверть по дватцати по два рубля, а за овес за четверть по десяти рублев».

Таким образом, из приведенных сведений видим, что цена четверти ржи в казенную меру в серебряных деньгах равнялась 2–2,25 руб., а в медных деньгах – 20–22 руб., что дает соотношение серебряного и медного рубля как 1:10. Приведенные данные дополняют уже известные в историографии факты, а также показывают региональную специфику и особенности финансовой деятельности Вологодского архиерейского дома.

Источники боярских списков середины XVII века

Источники боярских списков середины XVII в. (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола) многообразны. Источниками их основного текста являлись предшествовавшие боярские списки. Так, имена лиц, внесённых в боярский список после составления основного текста списка, записывали в том же месте основного текста следующего по времени составления списка. Например, в «подлинном» списке 7162–7163 гг. в конце перечня иноземцев сделана приписка «в рейтарех» и вписаны два иноземца; в «подлинном» списке 7165 г. весь этот текст (подзаголовок «в рейтарех» и имена двух иноземцев) является основным текстом, написанным ниже перечня иноземцев. Если в «подлинном» списке было указано, что тот или иной служилый послан в посольство, отправлен на воеводство, в «письмо» и т.д., то в «наличный» список текущего или следующего года имя этого служилого человека уже не записывали. Если в списке была отмечена смерть дворового человека, то в список следующего года это лицо, как правило, не включали (случались, правда, ошибки).

На основании помет боярского списка составлялись особые перечни дворовых людей в списке следующего года. Так, в «подлинном» боярском списке 7161 г. имеется помета: «отставных, которые во 161-м отставлены, написать по списку всех». И в «подлинном» списке 7162–7163 гг. на основании этой пометы появляется отдельный полный перечень дворян московских под подзаголовком «Во 161-м году отставлены».

Иногда в текстах списков приводятся ссылки на другие боярские списки. Так, имя дворянина М.Ф. Неелова было занесено в «подлинный» список 7160 г. «по списку 157-го году». В «подлинном» боярском списке 7158 г. есть ссылка и на другой учётный документ служилых людей: имя Р.В. Жукова было приписано в перечень дворян московских списка 7158 г. «по белгородскому смотренному списку 154-го го<ду>».

Кроме того, источниками боярских списков, как свидетельствуют тексты самих документов, являлись царские указы о пожалованиях в чины, лишении чинов, отставлении от службы, службе вместо члена двора его сына, племянника или даточных людей, пострижении в монахи, отпуске на немосковскую (воеводскую) службу (подьячие, делая при именах служилых людей пометы о «государевых указах»), часто ссылались на их челобитные, подписанные

думными дьяками), памяти приказов, данные смотров членов Государева двора, а также «сказки» служилых людей.

В большинстве «подлинных» и некоторых «наличных» боярских списках есть ссылки на царские указы о пожалованиях в чины, лишении чинов: «154-го августа в 15 день государь пож<a>ловал из околничих в бояре – Григорей Гаврилович Пушкин»; «и 161-го в ноябре по государеву указу Афонасью Заболотцкому в ловчих быти не велено, а на ево место в ловчих велено быть столнику Афонасью Иванову сыну Матюшкину».

Множество помет боярских списков имеет ссылки на челобитные служилых людей: «161-го марта в 8 день по челобитной за пометою думного дьяка Семена Заборовского Василей [В.И. Пестов] за старость и за увечье от службы отставлен, а с помесья ево велено служить сыну ево Михайлу, а по болшим вестем на службе велено быть самому», «по челобитью, в Таболску [князь Б.И. Ростовский]», «и 172-го, по челобитной отца ево, [Е.А. Бутурлин] под Конотопом убит».

Некоторые сведения вносились в боярские списки на основании «памятей», поступавших в Разрядный приказ из других приказов, однако ссылки на «памяти» делались в списках не очень часто. Так, в 7161 г. были вновь пожалованы «июня в 19 день рейтары из житья во дворяне, по памяти из Рейтарского приказу». «165-го августа в 7 день, по памяти ис Помесного приказу, с помесья» дворянина московского князя А.О. Львова был определён «в службу племянник князь Петр княж Иванов сын Лвов».

Итоги смотров служилых людей отражались прежде всего в «наличных» и «половинных» боярских списках, однако наиболее важные их результаты (в частности, пожалования в чины, отставление от службы) заносились в тексты «подлинных» списков.

Из «сказок» служилых людей в боярские списки попадали сведения о количестве принадлежащих им крестьянских и бобыльских дворов либо об отсутствии у них поместий и вотчин (отражено в «подлинном» списке 7174 г. и «наличном» списке июля 7174 г.). Кроме того, в боярские списки из «сказок» служилых людей вносились сведения об их готовности к полковой службе, а именно: в «подлинном» боярском списке сентября 7172 г. при именах многих стольников, стряпчих и дворян московских указано количество «людей з боем», служивших в полку со своим господином, а при именах служилых людей, получивших «государево жалованье деньги» за службу 7169–7171 гг., была сделана соответствующая помета. Эти сведения были необходимы для организации полковой службы стольников, стряпчих и дворян московских.

Таким образом, многообразие источников, привлекавшихся при работе с боярскими списками, в целом обеспечивало надлежащее ведение оперативного учёта изменений как в персональном составе Государева двора, так и в служебной деятельности его членов, а следовательно, высокую достоверность содержания боярских списков.

*О.Б. Бокарева, и.о. с.н.с.
Архив РАН (Москва)*

Русско-персидские грамоты первой половины XVII в. как исторический источник

В дипломатической коллекции РГАДА сохранились семь «персидских» посольских книг, их первоисточники в 161 столбце, проект двух договоров («взаимных записей») 1600 г., 28 иранских и 13 русских грамот, касающихся сношений России с Персией в первой половине XVII в. Реестр русско-персидских грамот был составлен в 1804 г. А.Ф. Малиновским, составлявшим обзоры архивной документации МГАМИД. В реестре упомянуты 92 русско-персидские грамоты за 1603–1717 гг.; 11 грамот были переданы в НКВД в 1946 г., об этом имеются соответствующие пометы на полях описи (РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 1–21). Все грамоты за 1603–1650 гг. сохранились в архиве (Там же. Ед. хр. 41. Л. 1–9).

Всего можно выделить пять тематико-хронологических групп.

I группа представлена семью персидскими верительными и проежными грамотами 1603–1610 гг. шаха Аббаса I (1587–1628/1629) (РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Д. 2–8). Они были переведены в Посольском приказе в XVII в. и переписаны служащими архива в XVIII в. на бумаге с филигранями Большой Ярославской мельницы С.Я. Яковлева: «медведь с секирой на плече», литерами «ЯМСЯ» и датой «1781» (*Клепиков С.А.* Филиграния и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 193).

Грамоты не были опубликованы. Прямых сведений о них нет в Описях Посольского приказа 1614, 1626 и 1673 гг.; возможно, они упомянуты как «грамоты от кизылбашского Аббас шаха и от его ханов к Борису Годунову, как был в правителех» (Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 90; *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2. С. 59–150) и «связочка старых кизылбашских грамот, присланных к ... царю Борису в розных годех, ... ветхи гораздо, исподраны и потлели» (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 82).

II группа (10 грамот, 1613–1617 гг.) – период контактов царя Михаила Федоровича с шахом Аббасом I (РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Д. 9–18). Она представлена шестью копиями царских и четырьмя переводами персидских верительных и проезжих грамот.

Грамоты в копиях XVIII в. на бумаге с филигранями ярославской бумажной мануфактуры выписаны из первоисточников в столбцах и «розни кизылбашской» (Опись 1626 г. С. 228, 285, 342; Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. С. 350–352; *Веселовский Н.И.* Указ. соч. С. 252–258, 361–366).

III группа (6 грамот, 1618–1626 гг.) – период сношений царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета с шахом Аббасом I (РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Д. 19–24). Группа представлена верительными и проезжими грамотами: тремя копиями царских грамот, двумя переводами персидских грамот к царю и патриарху, одной подлинной грамотой от шаха Аббаса I к астраханским воеводам.

Подлинная персидская грамота 1621 г. написана почерком «насталик» на бумаге, имеющей, вероятно, восточное происхождение. Грамота имеет оттиск шаховой печати, ветхая. Русский перевод является копией XVIII в. (филигрань Великосельской фабрики И.С. Яковлева: герб Ростовского уезда (олень) без щита на постаменте и дата «1788»), выписан из столбца, упомянут в посольской книге № 6 (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 6. Л. 418–421). Копии грамот выписаны из столбцов, упомянуты в Описях 1626 и 1673 гг. (Опись 1626 г. С. 228, 286; Опись 1673 г. С. 352–353).

IV группа (13 грамот, 1628–1645 гг.) – период контактов царя Михаила Федоровича с шахами Сефи I (1628/1629–1642) и Аббасом II (1642–1666) (РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Д. 1, 25–36). Она представлена верительными и проезжими грамотами: тремя копиями царских и девятью персидскими грамотами от шахов (частично подлинными, частично – в переводах), одним ханским проезжим «листом» к астраханским воеводам.

Подлинные персидские грамоты и ханский «лист» переведены (кроме «приветственной и дружеской» грамоты шаха Сефи I к патриарху Филарету, присланной с послом Хаджи-беком в 1628 г.). К «Листу» шемахинского Фарук-хана приложен перевод XVII в. Грамоты ветхие: филигранные не видны, бумага отличается от европейских образцов. В них присутствуют оттиски личных печатей с арабской вязью. Копии царских и переводы персидских грамот написаны на бумаге бумажных мануфактур С.Я. Яковлева и А.А. Гончарова (*Участкина З.В.* Водяные знаки русской бумаги // Труды ИИЕТ. М., 1956. Т. 12. С. 320). Грамоты не были опубликованы, упомянуты в посольских книгах № 9 и № 11 (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1.

Д. 9. Л. 28–40, 77–78, 201–208, 291–293, 294, 296–300, 477–529; Д. 11. Л. 242–245, 369–377) и Описи 1673 г. (С. 346–347, 350, 353–355).

V группа (5 грамот, 1647–1650 гг.) – период сношений царя Алексея Михайловича с шахом Аббасом II (РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Д. 37–41). Группа представлена копией «любительной» царской грамоты и четырьмя переводами персидских верительных и проездных грамот.

Копия царской и переводы персидских грамот выполнены на бумаге Большой Ярославской мельницы С.Я. Яковлева, выписаны из столбцов и посольской книги № 12 (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 12. Л. 26–26 об., 28–41, 198–203, 349–356). Грамоты не были опубликованы, упомянуты в Описи 1673 г. (С. 347, 350, 355–356).

Русско-персидские грамоты (подлинные, а также в копиях и переводах) являются ценным источником по истории дипломатических сношений двух стран в первой половине XVII в., объектом внимания отечественных и зарубежных исследователей.

Первоисточники копий и переводов грамот сохранились в столбцах, «персидских» посольских книгах (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Столбцы. Л. 87–154, 244–251; Оп. 1. Д. 6, 9, 11, 12). Грамоты упоминаются в Описях архива Посольского приказа 1614, 1626 и 1673 гг., а также в трудах Н.И. Веселовского, П.П. Бушева (*Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. М., 1976; Он же. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987*).

Несмотря на то, что в историографии грамоты упомянуты и частично представлены в издании Н.И. Веселовского, а также учитывая, что они не были микрофильмированы, представляется актуальным их научная археографическая публикация. Возможно, со временем их текст будет размещен на информационном сайте «Восточная Литература» (электронный ресурс: <http://www.vostlit.info>).

Н.Ю. Болотина, А.И. Комиссаренко, А.Ю. Кононова,
к.и.н., доц., гл. спец. д.и.н., проф. к.и.н., гл. спец.
РГАДА РГГУ РГАДА

**Писцовые и переписные книги как источник изучения
хозяйственной деятельности и социального быта
крестьян-корелян-переселенцев в Бежецкий Верх
в XVII – начале XVIII века**

Актуальной научной проблемой является создание полноценной источниковой базы для изучения этноэкономического освоения

отдельных территорий Русского государства во второй половине XVII – начале XVIII в. Особый интерес представляет история заселения Бежецкого Верха – территории в верховьях р. Мологи. В VII–X вв. средоточием поселений был пригород Новгорода Бежичи, затем поселения распространились по берегам рек Тверца и Шоша (*Любовский М.К.* Русская колонизация. М., 2014. С. 64). В период опричнины и Ливонской войны территория Бежецкого Верха подверглась разорению и опустошению.

История заселения Бежецкого Верха в XVII – начале XVIII в. тесно связана с историей исхода карел в центральную Россию. По заключенному между Швецией и Россией в 1617 г. Столбовскому миру, на земли Бежецкого Верха и Новоторжского уезда стало переселяться карельское население из переданного Швеции Карельского уезда (*Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. М., 1906; *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956; *Головкин А.Н.* История Тверской Карелии. Тверь, 2008; История карельского народа / Х. Киркинен, П. Невалайнен, Х. Сихсо. Петрозаводск, 1998; *Смирнов А.К.* Поречье Бежецкого края. Исторический обзор. М., 2015; *Степанова Ю.В., Савинова А.И.* Переписные книги XVII в. как источник по истории формирования диаспоры тверских карел // XX Всеросс. конф. «Переписные книги и другие массовые источники по истории России XVI–XXI вв.» памяти М.Ю. Зенченко. 9 июля 2017 г., в печати). Исследование этого вопроса невозможно без обращения к такому источнику, как писцовые и переписные книги.

В первой половине XVII в. русское правительство, выполняя условия Столбовского мирного договора, не имело возможности способствовать выходу карел. В связи с этим большинство переселенцев оседало на частновладельческих и монастырских землях (*Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998. С. 240). В 1649 г. между Россией и Швецией было оформлено соглашение, по которому за выкуп в 190 тыс. руб. серебром эти беженцы-переселенцы оставались подданными Русского государства (География Тверской области. Тверь, 1992. С. 120). За сбор откупных денег с карельских переселенцев из Швеции отвечал Пушкарский приказ (*Дмитриева З.В.* Карельские выходцы на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Вологда, 2003. Вып. V. С. 81–90). В связи с этим в 1650–1651 гг. по наказу из Пушкарского приказа была проведена первая официальная перепись карельских крестьян, переселившихся в Россию. Переписная книга, явившаяся ее результатом, ныне хранится в РНБ. Она была опубликована В. Салохеймо: *Veijo Saloheimo (toim.) Bezhetskin ylangon karjalais-*

luettelo vuosilta 1650–1651 // University of Joensuu. Karelian Institute. Working Papers. № 5. 1992).

Описанием стольника Ф.М. Аксакова по наказу из приказа Тайных дел 1661–1663 гг. «на государя» было отписано 1143 двора карельских крестьян, проживавших в поместьях, частновладельческих и монастырских вотчинах, была создана категория «государевых записных корелян» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 151–267 об.). В 1666–1669 гг. по наказу из Поместного приказа проходила «селитьбенная» деятельность писца О.Н. Лихарева и подьячего Ф. Космынина (Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11461. Л. 1). Она обозначала не только непосредственное поселение, но и официальное закрепление за государевыми записными «корелянами», проживавшими на владельческих землях, «государевых пустошей» (Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11461. Л. 1–14 об., 15). Через год Д.Г. Тютчевым и В. Второвым был проведен «сыск и дозор» государевых крестьян-корелян. До нас дошли в копиях две книги, составленные в ходе его проведения (Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 347–423 об.; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 33–152). Помимо подворного описания мужского населения карельских крестьянских и бобыльских дворов они включают подворное описание поголовья скота. Аналогичный формуляр описания животноводческого хозяйства крестьянина имеет поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. (История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Йоэнсуу, 1991. Т. II).

Сопоставимыми с книгами Тютчева и Второва являются свывозные и селитебные книги стольника И.И. Сумарокова 1702–1703 гг., составленные в ходе проведения правительством Петра I политики принудительного переселения крестьян-корелян, проживавших в поместьях, частновладельческих и монастырских вотчинах, на дворцовые земли. Сохранились копии двух, составленных в октябре 1702 – январе 1703 гг. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 298–341, 274–297 об.). Всего в книгах И.И. Сумарокова описано 180 семей. Они включают данные о мужской части семьи, поголовье скота и количестве зерна. Структура свывозных книг Сумарокова опять же аналогична структуре упомянутой уже поземельной книги Кексгольмского лена 1637 г. Используемые источники позволяют утверждать, что в Бежецком Верхе на протяжении всего изучаемого периода наблюдается рост крестьянской семьи. По писцовым и переписным описаниям средняя численность крестьянского двора составляла 5–8 человек.

В 70–80-е гг. XVII в. кадастр государевых корелян проводился четыре раза по наказам из приказа Большого Дворца – в 1677, 1678, 1682, 1686 гг. Формуляр, по которому было проведено описание

В.В. Хорошева 1677 г. и И.И. Тютчева 1686 г., аналогичен формуляру второго валового письма (*Зенченко М.Ю.* Второе валовое письмо как элемент реформы внутреннего управления Россией конца XVII века // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время.* М., 2015. Вып. 4. С. 309). От названных описаний 1677 и 1686 гг. сохранились только копии переписных, писцовых и межевых книг Чамеровской дворцовой волости (Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1450. Л. 118–177, 288–341). Они включают описание земельных угодий, отведенных каждому поселению, в том числе сведения о новоросчистых землях, а также перепись мужского населения карельских крестьянских дворов. В 1678 г. Хорошевым, а в 1682 г. Резановым были проведены переписи населения других волостей «Карельской дворцовой земли» (Там же. Кн. 1451. Л. 3–69 об.; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 153–234).

Книги Хорошева и Тютчева включают описания шести церквей. В каждом из них имеется запись о том, что храм был построен на мирские деньги. Приводятся сведения об особенностях первоначальной деревянной архитектуры храмов и их колоколен, описание иконостаса. В описании Покровской церкви с. Чистая Дуброва приводятся уникальные сведения об иконе св. Георгия – фамильной ценности карельского крестьянина Юрия Петрова, привезенной им из Швеции. Описания включают данные о печатных экземплярах и рукописях духовной литературы, принадлежавшей храмам.

*Т.С. Бондарева-Кутаренкова, к.ф.н., ст. преп.
ИАИ РГГУ*

Особенности символического воплощения образов мировых держав в карикатурах русской эмиграции (по материалам русскоязычной периодики в Европе 1920–1930-х гг.)

Тема международных отношений на страницах газет и журналов русской эмиграции раскрывалась не только в актуальных статьях, но и в карикатурах, изображавших все тонкости европейской и мировой политики. Этот жанр подразумевал использование определенной символики: на картинках каждая страна должна была иметь свою символическую персонификацию, легко узнаваемую читателем. И если редакторы и журналисты русскоязычной прессы в Европе в 1920–1930-е гг. нередко расходились во взглядах на мировую политику, то художники-карикатуристы были едины в вопросе её символического изображения: на страницах самых разных изданий встречаются практически одни и те же персонификации, что

позволяет говорить о существовавшей системе символического изображения в карикатурах.

Дореволюционная Россия практически всегда предстает в образе былинной героини с мечом. Художник-карикатурист Михаил Дризо (псевдоним – MAD) показал, как изменилась Россия и отношение к ней её вечных соперников после большевистского переворота. До революции это богатырка, которую боялись. Теперь же это чучело богатырки, которым только пугают (Прошлое и настоящее // Возрождение. 1926. № 541. С. 3). Советская Россия, напротив, предстает в образе босой, худой, болезненной женщины в оборванном русском сарафане, с пятиконечной звездой на платке (1926 // Возрождение. 1926. № 213. С. 1). Медведь выступал символическим воплощением русского народа, который эмигранты всегда противопоставляли большевистской власти. В карикатуре «Или – или...» (газета «Последние новости» от 28 апреля 1935 г.) символически показаны два варианта дальнейшего развития советско-германских отношений: или русский медведь задерёт Гитлера, или Гитлер усядется в кресло на медвежьей шкуре (Сатира и юмор русской эмиграции / Сост. С.А. Александров. М., 1998. С. 288).

Всемирно известный анималистический символ Франции – петух. На одной из картинок Н.И. Бухарин пытается приманить птицу «зерном» из мешка с надписью «Русские долги», но за его спиной скрывается нож (Французский петух // Возрождение. 1927. № 730. С. 3). Но гораздо более популярным был образ Марианны, традиционный символ Французской Республики. На карикатуре «Серенада» Франция предстает в образе женщины во фригийском колпаке, которая высунулась из окна, заслушавшись «песнями» советского полпреда Х.Г. Раковского. В это время в дверь к ней пытается влезть вор (большевик), приговаривая: «Пой, товарищ Раковский, громче, чтобы она не слышала моих шагов» (Серенада // Возрождение. 1926. № 275. С. 3).

Главная персонификация образа Великобритании – Джон Буль, грубоватый толстяк, вечно уверенный в своей полной безопасности на родине и с презрением относящийся ко всему иностранному (юмористическое олицетворение и собирательный образ типичного англичанина). Прогуливаясь по лондонским улицам, Джон Буль замечает усиленную охрану у советского посольства. «Этого достаточно для охраны большевиков, но недостаточно для охраны меня от большевиков», – замечает он (Безопасность // Возрождение. 1926. № 348. С. 3). Иногда в эмигрантской прессе Великобританию символизировал бульдог. Нередко он появлялся в подобных изображениях вместе с Джоном Буллем – в тех случаях, когда художники

хотели показать двойственную позицию «туманного Альбиона». Например, Джон Бульль пытается натравить своего пса на большевистских пропагандистов. Но пёс не слушается хозяина: он боится выпустить изо рта кость, которую дали ему большевики (Английский бульдог // Возрождение. 1926. № 534. С. 3). Чуть менее распространенный в эмигрантских карикатурах образ-символ – лев, «сошедший» с герба страны. На картинке журнала «Сатирикон» 1931 г. британский лев в короне, спокойный и умиротворенный, лежит на коленях у Махатмы Ганди, который вылавливает в его гриве блох («Весна идет!... Весна идет!...») // Сатирикон. 1931. № 3. С. 4).

На этой же картинке мы встречаем и образ Германии. С приходом к власти нацистов карикатурное изображение Адольфа Гитлера в эмигрантских карикатурах стало неизменной символической персонификацией Германии. На карикатуре журнала «Сатирикон» человек с характерной челкой и усами, со свастикой на мундире, очаровывает Марианну-Францию (Там же). Символ «догитлеровской» Германии – коронованный чёрный орёл, персонификация, заимствованная карикатуристами из геральдики. На карикатуре сатирического журнала «Бич» Россия-богатырка грозно замахивается мечом на согнувшего в страхе шею германского орла. Но на следующей картинке оба героя повержены. Россия «зарезана» большевиком, а орла (уже без короны), словно ощипанную курицу, тащат союзники (Россия // Бич. 1920. № 1. С. 16).

Швейцария предстает в карикатурах в образе коровы с крестом на лбу. На одной из карикатур советские дипломаты во главе с Чичериным отказываются верить, что корова склонилась перед ними голово. Им кажется, что животное готово их забодать (Швейцария и большевики // Возрождение. 1926. № 261. С. 3).

Художники-карикатуристы постоянно обращались к образу «старушки Европы»: это седовласая женщина, которая вечно недооценивает угрозу со стороны большевиков. На одной из карикатур старушка смотрит в телескоп на пятиконечную звезду и уверенно утверждает, что «коммунистическая опасность» совсем маленькая и очень далеко. При этом Европа даже не замечает, что по ту сторону телескопа большевик уже замахнулся молотом (Неумение смотреть // Возрождение. 1927. № 793. С. 3).

Символическое воплощение США – хитрый и дальновидный дядя Сэм. После отклонения американской Торговой палатой предложения Айви Ли об открытии отделения пакетов в Москве в газете «Возрождение» появилась следующая карикатура: Айви Ли пытается «поймать рыбку в мутной воде», приманивая огромную акулу, символизирующую здесь СССР. Однако стоящий за его спиной дядя

Сэм предупреждает: «Осторожно, мистер Ли! Эта рыбка может проглотить не только ваш крючок, но вместе с ним вас и меня!» (В мутной воде // Возрождение. 1927. № 789. С. 3).

Большинство описанных символических персонификаций государств, к которым обращались художники-карикатуристы, имели давнюю историю и вызвали устойчивые и однозначные ассоциации в сознании читателя. Среди этих воплощений преобладают образы людей (конкретные и собирательные образы, выдуманные и исторические) и животных (большинство из которых были связаны с геральдикой, меньшая часть – с общекультурными представлениями). Однако возникали и новые, актуальные символы под влиянием времени и происходящих событий.

*Н.М. Брусиловский, преподаватель
ИАИ РГГУ*

Некрополь дворян Яньковых в Москве

В Газетном переулке рядом с церковью Успения Божией Матери, что на Успенском вражке, стоит усадьба дворян Яньковых. Главный дом был выстроен Данилой Ивановичем Яньковым (Памятники архитектуры Москвы: Белый город. М., 1989. С. 96). В 1729 г., будучи на военной службе, он получил потомственное российское дворянство, при императрице Анне Иоанновне стал гоф-интендантом. Даниил Иванович Яньков скончался в 1738 г. в Санкт-Петербурге и был похоронен в Александро-Невском монастыре (Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 41). Самым известным представителем рода Яньковых и его своеобразным историографом стала Елизавета Петровна Янькова, от которой сохранились уникальные воспоминания – так называемые «Рассказы бабушки», записанные её внуком, Дмитрием Благово.

Сын Данилы Ивановича Янькова, Александр Иванович женился в 1745 г. на Анне Ивановне Татищевой, причём свадьба их была в приходе церкви Успения Пресвятой Богородицы в Овражке, где к тому времени уже стоял дом Яньковых. Таким образом, Яньковы уже были прихожанами этого храма. Но по воспоминаниям Е.П. Яньковой, мать Александра Даниловича, Анну Ивановну Янькову (урождённую Дмитриеву), в 1751 г. похоронили в Никитском монастыре как ближайшей к их дому обители (Рассказы бабушки ... С. 44). Это означает, что на тот момент Яньковы ещё не создали в церкви Успения своей родовой усыпальницы. Это произойдёт несколько позже. Точную дату установить невозможно, но примерные рамки опреде-

лить всё же можно. В конце 1766 г. Александр Данилович скончался. В связи с его смертью в «Рассказах бабушки» уточняется, что он «был погребён в своей приходской церкви у Успенья на Овражке, в приделе св. Николая, за левым клиросом у окон, рядом со своими малолетними детьми, там же погребёнными» (Рассказы бабушки ... С. 46). Таким образом, к 1766 г. в церкви сложилась родовая усыпальница рода Яньковых. Поэтому и сообщения в некоторых изданиях о том, что Яньковы построили придел св. Николая Чудотворца в 1767 г. и позднее лишь обновили его, на самом деле не соответствуют действительности.

История строительства нового Никольского придела берёт своё начало в июле 1770 г., когда вдова Александра Даниловича, Анна Ивановна Янькова, подала прошение на имя архиепископа Московского и Калужского Амвросия, в котором сообщила о «крайней ветхости» данного придела, где «во олтаре в церкви и в трапезе в стенах и сводах оказались великия разселины, от которых внезапному падению не без опасения, також святыи престол и святыя иконы и иконостас весьма обветшали». Такое состояние придела являлось серьёзным основанием для его разборки и последующего строительства на этом месте нового придела – о намерении сделать это за свой счёт и объявила Анна Ивановна в прошении (ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 108. Д. 8. Л. 1). В сентябре того же 1770 г. Анна Ивановна Янькова дала письменное обязательство перестроить и возобновить придел св. Николая Чудотворца, подтверждающее её прошение; при этом особо оговаривалось, что в случае её смерти все работы берут на себя её дочери – Анна и Клеопатра, которые в том же обязательстве расписались.

В 1771 г. на Москву обрушилась губительная чума. Анна Ивановна Янькова уехала в Санкт-Петербург, где умерла 26 декабря 1772 г. Так как после чумы хоронить в приходских храмах центра столицы было навсегда запрещено, то тело усопшей перевезли в подмосковное село Яньковых – Горки, где и похоронили в приделе пророка Даниила местной церкви св. Николая Чудотворца (Рассказы бабушки ... С. 46). Расширение усыпальницы Яньковых в Никольском приделе и упокоение в ней новых членов рода стало с этого времени невозможным.

Однако в 1774 г. вопрос о приделе Успенской церкви и его перестройке вновь становится актуален: с позволения Консистории старая постройка разобрана, а её материал – кирпич, железные связи, решётки и т.п. – переходит во владение к Яньковым. Но строительство придела в то время не началось, и причт храма изъявил намерение возвести из старого кирпича новую церковную ограду.

С этим не согласилась Анна Александровна Янькова, выставившая у материала, перевезённого на её двор, охрану; при этом она сохраняла намерение построить придел, но делать это немедленно отказывалась. Наконец, в июле 1781 г. в Консисторию поступил рапорт благочинного, протоиерея Покровского собора, что на Рву, Иоанна Харламова, о завершении строительства придела. В подтверждение этого рапорта последовало прошение от настоятеля церкви и прихожан (в том числе и Анны Александровны Яньковой) о выдаче нового антиминса и освящении придела, которое было удовлетворено Консисторией (ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 108. Д. 15. Л. 15–17).

Усыпальница Яньковых сохранялась в Никольском приделе вплоть до его разрушения. Однако сами Яньковы в конце XVIII в. уехали из Газетного переуллка: Елизавета Петровна вспоминала, что была в усадебном доме лишь однажды, в 1794 г., когда он уже был продан, с визитом к своей золовке – Анне Александровне. А после свадьбы Елизавета Петровна с мужем переехали в дом у церкви Неопалимой Купины (современные Неопалимовские переулки), очень скоро к ним присоединилась и Анна Александровна. Это время, 1794–1795 гг., представляется возможным считать датой окончательного ухода Яньковых из Успенского прихода на Вражке. Вследствие этого попечение над Никольским приделом Яньковы, по всей вероятности, уже не несли. В марте 1796 г. прихожане подали прошение о расширении придела и пристройке к нему трапезы, так как придел был зимний (в отличие от остальной церкви) и в холодное время года богослужения велись только в нём. Среди прихожан, подписавшихся под обращением, первыми значатся Обер-камергер князь Александр Голицын и майор Иван Васильевич Хотчинцев, Яньковы же отсутствуют (ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 108. Д. 45. Л. 1). Таким образом, представляется, что к этому времени они окончательно покинули Успенский Вражек и заботу о Никольском приделе более не несли.

*Е.В. Булычева, к.и.н., доц.
ИАИ РГГУ*

Данные эпиграфики как основной источник для изучения аренды священной земли в Аттике (IV в. до н. э.)

Изучение характера распоряжения священной землёй в древней Аттике IV в. до н. э. весьма важно для понимания развития аграрных отношений в античном обществе, а также при рассмотрении проблемы греческого полиса. Аренда храмовых земель-теменов бы-

ла важным средством для поддержания земельного фонда. Исследование этой проблемы даёт возможность представить многие социально-экономические аспекты жизни греческого полиса. Основным источником при этом являются данные эпиграфики – тексты арендных договоров. Сведения античных авторов по этому вопросу практически отсутствуют, поэтому изучение эпиграфических источников приобретает особую важность.

До нашего времени сохранилось немало надписей, посвящённых сдаче в аренду священных земель. Археологи продолжают находить новые свидетельства. К сожалению, большая часть текстов сохранилась весьма фрагментарно. Для того, чтобы на основе достоверных данных составить достаточно полное представление о процессе аренды священных земель, необходимо систематизировать и исследовать имеющийся в нашем распоряжении материал. Привлекаемые документы следует распределить в строгой хронологической последовательности, а также в зависимости от местоположения земельных участков и имён их владельцев.

В своей исследовательской работе мы подробно анализируем следующие тексты: договоры об аренде теменов Аполлона Ликейского, Гермеса, Афины Полиады, Геракла и Артемиды, надписи оргонов Иатра и Эгрета, а также договор об аренде священных пастбищ на территории дема Пирея в IV в. до н. э. Кроме того, для создания более полной картины аренды священных земель привлекается эпиграфический материал из Беотии об аренде земель храма Муз.

Большая часть текстов этих договоров содержится в сборнике «Inscriptiones Graecae», изданном в первой половине XX в. под редакцией Г. Диттенбергера (далее – IG), в сборнике под редакцией Х. Плекета 1964 г. (далее – Pleket) и в собрании эпиграфического материала, изданном в 2003 г. П. Роудзом и Р. Осборном. Надписи об аренде теменов Афины, Артемиды и Геракла также опубликованы в журнале «Hesperia», издаваемом Американской школой классических исследований. Важно отметить, что изучение эпиграфического материала за рубежом проходит гораздо успешнее, чем в нашей стране. В России долгое время эпиграфика мало использовалась при исследовании древнегреческой истории, особенно социально-экономических проблем. Отечественные учёные, как правило, обращались в своих исследованиях к сведениям, имеющимся у античных авторов. В связи с этим в нашей стране практически отсутствуют сборники надписей, что весьма осложняет работу. Несмотря на некоторые трудности, нами проводится изучение аренды священных земель на основе эпиграфики и удалось прийти к интересным выводам.

Тексты об аренде показывают, что в Аттике существовали весьма разнообразные земельные участки, которые составляли основу теменов. Это могли быть обычные земельные участки (Hesperia. 1983. 52. Parts I–III), территории, на которых было рекомендовано выращивать зерновые, бобовые культуры и ячмень (IG. II². 2493), сады (Pleket. 41). В ряде надписей содержатся указания на то, что темены включали в себя хозяйственные помещения и разного рода строения (IG. II². 2498, 2499).

В надписях имеется подробное описание условий аренды, что позволяет изучать характер земельных отношений в Древней Аттике (вопрос практически не изученный в историографии). Эпиграфический материал содержит весьма подробную информацию, связанную с финансовой стороной арендной сделки: указываются виды арендной платы, а также налоги, которые участники аренды должны уплачивать в полисную казну. При этом весьма важно отметить очень значимый факт. В договоре об аренде священных земель оргеонов Эг्रेга есть указание на внесение в казну полиса чрезвычайного налога – эйсфоры (IG. II². 2499, line. 26). Это важное указание, которое позволяет совершенно по-новому представить ситуацию с уплатой чрезвычайного налога. В историографии на основании сведений античных авторов сложилось мнение о том, что этот вид налога уплачивали исключительно частные лица. Благодаря эпиграфическому материалу, мы видим, что уплата эйсфоры возлагалась на ассоциации граждан. Кроме того, налог взимался при сдаче в аренду священной земли (*Булычева Е.В.* Эйсфора – военный налог в мирное время (по данным договоров об аренде общественной земли в Аттике середины IV в. до н. э.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». № 13 (135). М., 2014. С. 15–23).

Надписи об аренде священной земли в Древней Аттике – это не только важный источник по вопросу земельных отношений в Древней Греции. В договорах об аренде содержатся важные сведения о правовых отношениях между участниками сделки, что позволяет рассмотреть проблему существования правовых норм в Древней Аттике (*Булычева Е.В.* Правовые аспекты аренды общественной земли в Аттике в IV в. до н.э. // Кентавр. № 4. М., 2008. С. 28–43). Просопографический анализ имён арендаторов, арендодателей и поручителей отражает различные аспекты социального характера, показывает положение граждан греческого полиса (*Osborne R.* Social and Economic Implications of the Land and Property in Classical and Hellenistic Greece // Chiron. 1988. Vol. 18. P. 279–323).

Таким образом, эпиграфический материал по аренде священной земли в Аттике IV в. до н. э. даёт возможность представить многие

аспекты социально-экономической жизни афинского полиса. При этом из-за фрагментарности источника, некоторые вопросы, к сожалению, остаются малоизученными.

*Х.А. Буриева, к.и.н., доц.
НУУЗ (Ташкент)*

К исторической топонимии и исторической топографии Ташкента конца XIX – начала XX вв. (улицы Нового города)

Материалы по исторической топонимии и исторической топографии региона имеют важное значение в освещении его истории. Особенно ценную информацию в истории городов представляют данные об урбонимах. Так, например, изучение исторической топографии г. Ташкента посредством исторических топонимов позволяет более детально раскрыть особенности развития города на определенных этапах.

Во второй половине XIX – начале XX вв. Ташкент являлся центром Туркестанского генерал-губернаторства, что отразилось на его дальнейшем развитии. В этот период территория города увеличилась за счет присоединения к нему с востока новой части, получившей название Нового города, заселенного, в основном, европейским, в частности русским населением. Новый город был сооружен в европейском стиле, площадь его простиралась от р. Анхор на западе до р. Салар на востоке. Улицы новой части прокладывались по радикально-кольцевой системе согласно проекту планировки города архитектора А.В. Макарова.

Сведения об улицах Ташкента конца XIX – начала XX в. заключены в письменных источниках того времени: в топокартах города, административных документах, материалах периодической печати и научных трудах.

Этот период истории Ташкента характеризуется крупными топографическими изменениями вследствие проводимых широкомасштабных строительных работ и, соответственно, прокладки новых улиц. По размерам и расстоянию от центра городские улицы были разделены на две категории. В первую категорию входили улицы, расположенные близко к центру, а также широкие и длинные проспекты (Московский, Лагерный, Саларский, Садовый и др.). Переулки этих улиц тоже относились к первой категории. Более отдаленные от центра, а также меньшие по размерам улицы составляли вторую категорию (Учительская, Шахрисябзская, Владимирская, Варварьинская и др.). Тротуары улиц первой категории были замощены жженым кирпичем, а второй – камнем и гравием

(Обязательное постановление Ташкентской Городской Думы об устройстве тротуаров // Туркестанские Ведомости. № 8. 21 февраля 1884 г. Ташкент).

Ташкентская Городская Дума уделяла особое внимание благоустройству улиц. Осуществление ее указов в данном направлении, а также организация и надзор за чистотой и порядком на улицах были возложены на Ташкентскую Городскую Управу. По проекту А.В. Макарова ширина улиц этого периода составляла от 28 до 53 м, а основные радиальные и кольцевые проспекты были превращены в озелененные бульвары.

Наряду с благоустройством администрация города также занималась присвоением названий улицам. В начале XX в. в Новом городе насчитывалось всего 114 больших и средних улиц (Доклады, протоколы оценочной комиссии по организации дела оценки недвижимых имуществ в г. Ташкенте // Уз ЦГА. Ф. И-37. Оп. 1. Ед. хр. 175). Некоторые из них имели проезды и переулки с соответствующими названиями. По названиям улицы можно разделить на шесть групп. В частности, в 1907 г. в наименованиях улиц Новогодской части Ташкента было 40 антропотопонимов, 29 топонимов, отражающих социально-хозяйственную жизнь, 22 – связанных с историческими событиями и географическими названиями, шесть – связанных с природными объектами и условиями, два этнотопонима; 12 улиц имели цифровые обозначения.

Ниже остановимся на некоторых названиях улиц Ташкента конца XIX – начала XX в.

Улица Константиновская была построена в конце XIX в. и названа именем первого генерал-губернатора Туркестанского генерал-губернаторства – Константина Петровича Кауфмана (1818–1882, генерал-губернатор Туркестанского края в 1867–1882 гг.). Она считалась одной из центральных и относилась к первой категории. В 1887 г. на ней было сооружено здание Реального училища.

Саларская улица (совр. ул. Хамзы) была проложена в конце XIX в. во время строительства Нового города. Название улицы связано с гидронимом «Салар». Первоначально улица называлась Соборной (от названия Соборной площади, где находилась городская церковь), позднее – Кауфманской. Со временем по мере расширения городской площади она стала одной из основных дорог, ведущих на восточную границу города к реке Салар, в связи с чем и была переименована в Саларскую. В начале XX в. Саларская улица являлась общественным и торговым центром Ташкента. Известно, что в 1889 г. на ней, напротив Иосифо-Георгиевской церкви, был сооружен дворец Великого князя Н.К. Романова.

Лагерный проспект (совр. ул. Пушкина) был построен в конце XIX в. на дороге, ведущей из Нового города в русские военные лагерь, расположенные за городом, вследствие чего и получил свое название. По Лагерному проспекту можно было выйти к находящимся на левом берегу Салара Даче военного губернатора, лагерю 5-го Оренбургского казачьего полка, лагерям 1-го и 9-го Линейных батальонов (План Русской части Ташкента. Ташкент, 1890). В 1897 г. на Лагерном проспекте была построена Сергиевская церковь, в 1903 г. здесь прошла конка, а в 1913 г. – проложена трамвайная линия. В 1899 г. в связи со 100-летием со дня рождения А.С. Пушкина городская администрация переименовала Лагерный проспект в Пушкинскую улицу.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. вопросам благоустройства города уделялось большое внимание. Были разработаны специальные требования с учетом рельефа, климата, технических и гигиенических правил для проведения и благоустройства городских улиц. Следует отметить, что меры по мощению, озеленению, содержанию в чистоте и порядке городских улиц осуществлялись самими горожанами под контролем Городской управы, что было не только выгодно для города не только в экономическом плане, но и положительно влияло на быт и культуру населения в целом. Анализ наименований улиц Ташкента показывает, что среди названий улиц Новгородской части имеются как европейские (Московская ул., Владимирская ул.), так и местные топонимы (Наманганский просп., Андижанская ул.), содержащие разнообразный материал о рельефе, климате, хозяйстве, культуре и истории города Ташкента.

*С.С. Бытко, аспирант
Нижевартовский ГУ*

О структуре и жанровом своеобразии старообрядческого сборника из собрания Томского областного краеведческого музея

Старообрядческая рукописная книга за четыре века своего существования прошла немало этапов развития. Сменявшие друг друга периоды расцвета и упадка литературной традиции староверов наложили значительный отпечаток на состав, структуру и жанровую составляющую их книжного наследия. В настоящей статье предпринимается попытка изучения состава и структурного устройства старообрядческого сборника из коллекции ФКП ТОКМ, хранящегося под шифром 7351 (1).

Привлекает внимание специфическое устройство сборника. Составитель «зацикливает» повествование вокруг трёх сюжетных элементов: 1. призыв к покаянию; 2. устрашение смертью; 3. указание на путь исправления. А.В. Вознесенский обращал внимание на то, что душеспасительные сочинения в сборниках часто соседствуют с устрашающими эсхатологическими, а это позволяет им художественно усиливать друг друга (*Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века: введение в изучение. СПб., 1996. С. 80). Подобную «гроичную» конструкцию автор последовательно использует два раза на протяжении всей книги.

Так, вступительная часть открывается повестью «О воскресшем воине-таксиоте» (ФКП ТОКМ. 7351. Л. 1–3 об.). Сочинение повествует об ужасах посмертной жизни для грешников и необходимости предсмертного покаяния. Примечательно, что данный фрагмент не случайно помещён в одной из начальных частей книги. Получив широкое распространение в византийской книжности XI в., через южно-славянскую традицию названное сочинение проникло на территорию Руси и завоевало огромную популярность в XVI–XVII вв. Как на территории Балканского полуострова, так и на Руси оно часто помещалось в составе учительных сборников (*Фомина М.С.* Повесть о воине-таксиоте в составе списков Златоструя XIV–XVI вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68). С. 60–62). Ввиду этого использование повести во вступительной части старообрядческой компиляции казалось составителю вполне удачным способом «привязать» сборник к дореформенной книжной традиции и, как следствие, обеспечить необходимый уровень лояльности со стороны читательской аудитории (*Чумичева О.В.* «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 64; *Журавель О.Д.* «Мы безумны Христа ради...» (к вопросу о месте юродства в культуре старообрядчества) // ГНС. 2002. № 2. С. 32).

Вторая глава сборника (апокрифическая повесть о явлении дьявола Антонию Великому) развивает представленные ранее идеи и утверждает мысль об искушении сопричастников Христовой веры со стороны «мира антихриста» (ФКП ТОКМ. 7351. Л. 3 об.–8). Через взаимодействие данной главы с группой следующих текстов (Там же. Л. 8–13 об.) составитель вновь последовательно приводит читателя к необходимости спасения души через покаяние. Интересен приём, к которому обращается составитель в этой компиляции. В частности, сборник 7381 почти целиком состоял из учительных произведений. Здесь же фрагменты книги, «ответственные» за ука-

зание на наилучший путь спасения, целиком представлены в виде компилятивной агиографической подборки (Там же. Л. 14–112). Таким образом, по замыслу составителя читатели в своих духовных исканиях должны были вдохновляться не отвлеченными увещаниями, а «живыми» и эмфатически окрашенными примерами стояния за веру. Одновременно с этим жития авторитетных праведников должны были указывать на непосредственную связь старообрядческой традиции с историей первых веков христианства.

Достаточно редко удается обнаружить старообрядческие сборники, целиком состоящие из агиографических сочинений. По всей видимости, подобные компиляции, при сохранении своей нравоучительной составляющей, не могли убедительно отстоять необходимость следования описанным «идеалам». Таким образом, для полноценного воздействия на предполагаемую аудиторию книжники должны были умело совмещать житийные, учительные, исторические и эсхатологические тексты.

Книга оканчивается популярным в старообрядческой традиции «Словом о лжепророках и лжеучителях» (Там же. Л. 168–169). Ввиду своего обличительного антиклерикального пафоса данное произведение нередко включалось в беспоповские сборники и ко второй половине XVIII в. приобрело значительный авторитет среди широкого числа «старолюбцев» (*Бытко С.С.* Сборник «Слово о лжепророках и лжеучителях»: идея, структура, организация // Тюменский исторический сборник. Вып. XVIII. Тюмень, 2016. С. 74).

Примечательно, что данный текст расположен именно в конце книги. Как правило, составители стремились помещать полемические тексты в заключении компиляций. Это делалось для того, чтобы инославная аудитория была заранее подготовлена к содержанию обличительного сочинения. Так, по замыслу книжника, в предыдущих главах читатель мог удостовериться в преимуществах староверия от древнецерковной традиции, а также благочестия его приверженцев. В результате следующая за этим критика священства должна быть воспринята аудиторией с большей лояльностью, нежели бы полемический текст находился в начале книги. Таким образом, мы можем удостовериться в том, что составитель данной компиляции видел своей аудиторией преимущественно инославных читателей.

Выполненное исследование достаточно убедительно показывает, что проанализированный нами сборник был вполне типичным порождением культурных и политических реалий своего времени. Сосуществуя с государственными и церковными властями в состоянии «напряженной терпимости», староверы начиная с середи-

ны XVIII в. сосредоточились на решении внутренних богословских вопросов, организации существования общин и духовном совершенствовании своих «восприемников». Ввиду этого (с некоторыми оговорками) сборник почти не содержит полемических элементов. Вместе с тем мы можем наблюдать попытки староверов расширять численность своих приверженцев посредством создания душеспасительных компиляций, ориентированных на представителей инославных конфессий.

*Н.Т. Валеева, к.ф.н., доц.
ИЛ РГГУ*

**Сохранение и утеря второго *н*
в суффиксах кратких отпричастных прилагательных
женского и среднего рода и множественного числа.
История нормы и правописательная практика**

Под отпричастными прилагательными будем понимать конверсивные образования от страдательных причастий прошедшего времени с суффиксами *-енн-*, *-нн-* (*захламлённый*, *организованный* и под.); морфологический статус подобных слов будем устанавливать по контексту, считая формальным критерием их отнесения к отпричастным прилагательным отсутствие зависимого слова со значением деятеля, а также со значением места или времени.

Следует сразу отметить, что Русская грамматика – 80 вообще не упоминает о данном классе слов, признавая прилагательными только отглагольные образования с суффиксами *-ённ-*, *-нн-* от переходных глаголов типа *помешанный*, *пресыщенный*, *убеждённый* (от *убедиться*) и подобных (РГ. Т. 1. п. 664). Однако отпричастные прилагательные в указанном нами смысле присутствуют в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка и других серьёзных словарях. Кроме того, с ними связана орфографическая проблема, упоминаемая даже в школьных учебниках и пособиях по подготовке к экзаменам, а именно проблема выбора одного или двух *н* при написании кратких форм подобных слов.

Напомним, что в формах женского и среднего рода и множественного числа кратких причастий школьникам предлагается писать одно *н*, а в соответствующих формах кратких прилагательных – столько же, сколько в полных; ср.: *Она была воспитана своей матерью. – Дети умны и воспитанны.* (С.А. Грозов. Русский язык. М., 1998. С. 97, кстати, как и во многих других изданиях, прилагательные типа *воспитанный* называются в этом издании не отпричастными, а отглагольными). Однако даже анализ примеров из НКРЯ,

не говоря о неоткорректированных и неотредактированных примерах из Яндексa, указывает на сильные колебания правописательной практики относительно упомянутого школьного правила, и это касается даже «чистых», образцовых, по мнению составителей пособий, случаев, выбираемых обычно для иллюстрации.

Впервые данное правило, и в самом радикальном виде, не допускающим ни исключений, ни вариативности, появляется в «Правилах русской орфографии и пунктуации» М., 1956. С. 103: «Двойное *н* пишется во множ. ч. и в женском и среднем роде ед. ч. кратких прилагательных, образовавшихся от страдательных причастий прошедшего времени, в полной форме которых – двойное *н*, например: группы дисциплинированны и организованны; девочка воспитанна и умна; они очень рассеяны. Краткие же страдательные причастия пишутся с одним *н*, например: сломан, сломана, сломано, сломаны; юноша воспитан комсомолом; девочка изнежена воспитанием; мы ограничены временем; ученики организованы в группу».

Однако, так как правописательная практика продолжала настойчиво сопротивляться этому совершенно искусственному правилу, Д.Э. Розенталь, который никогда не позволял себе её просто игнорировать, попытался смягчить формулировку, введя два примечания: «Примечание 1. Некоторые отглагольные прилагательные пишутся в полной форме с двумя *н*, а в краткой – с одним *н*, подобно причастиям, с которыми их сближает наличие приставки и значенные вида. <...> Примечание 2. В некоторых именах прилагательных допускается двойное написание в краткой форме в зависимости от значения и конструкции...» (Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1996. С. 62).

«Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 2006. С. 106) ещё более расширяют круг случаев написания одного *н* в кратких прилагательных, вводя в него прилагательные, требующие зависимого слова и не имеющие формы сравнительной степени (*исполнена печали; слышаны о проделках*). Также там отмечена возможность двойного написания «в зависимости от передаваемых оттенков значения».

Наконец, в работе Е.В. Бешенковой и О.Е. Ивановой «Русское письмо в правилах с комментариями» (М., 2011. С. 56–57) впервые четко ставится вопрос о различении причастия и прилагательного и предлагаются критерии этого различения: «наличие указания на деятеля или на время, место совершения действия». Что касается собственно кратких форм прилагательных, то правило формулируется следующим образом: «В кратких формах отглагольных прила-

гательных с обязательным зависимым словом пишется одно *н*. В остальных случаях написание определяется по словарю».

Апелляция к словарю означает отсутствие чётких критериев выбора в пользу того или иного написания, которые можно было бы оформить в виде правила. Однако в данном случае и словарь не всегда помогает решить проблему, так как в узусе регулярно наблюдаются случаи двоякого написания, при этом не всегда понятно, чем мотивированного. Проиллюстрируем это утверждение на примере вполне хрестоматийного прилагательного *образованный* в значении 'получивший образование', традиционно выступающего в справочниках и словарях в оппозициях с соответствующим причастием типа *Была образована специальная комиссия. – Она была умна и образованна*. По данным Основного корпуса НКРЯ статистика употребления кратких форм этого прилагательного следующая:

	Всего	С зависимым словом	Без зависимого слова
<i>образована</i>	66	41	25
<i>образованна</i>	97	51	46
<i>образовано</i>	3	3	—
<i>образованно</i>	9	5	4
<i>образованы</i>	66	48	18
<i>образованны</i>	109	75	34

При этом в качестве зависимых слов во всех случаях с одинаковой регулярностью выступают *хорошо, плохо, прекрасно, недостаточно, довольно, более, менее* и подобные.

Очевидное наличие вариативности в выборе между сохранением и утерей второго *н*, которое наблюдается, конечно, не только в случае данного прилагательного, делает актуальными, во-первых, принципиальный пересмотр соответствующего орфографического правила, а во-вторых, активизацию исследовательских усилий с целью выявления причин этой вариативности.

**Уникальное явление из истории книжной культуры СССР
– общеакадемическая серия «Научно-биографическая
литература»**

В разные эпохи и у разных народов существовали традиции публикаций многотомных серийных изданий, продолжавшихся иногда на протяжении десятилетий. Однако проекты, рассчитанные на длительные промежутки времени, накладывают обычно достаточно тяжелые обязательства на своих организаторов, требуя их полной преданности делу и целеустремленности; они также нуждаются в политической и экономической стабильности. Комбинация многих факторов, необходимая для успеха подобных предприятий, гарантирует уникальность каждого такого проекта. Особенно это верно для серийных изданий, задуманных и исполненных в XX в., богатом на политические, экономические и прочие потрясения. В истории научного книгоиздания СССР второй половины XX в. есть целый ряд многотомных серийных изданий, и каждое из них по своему уникально. Однако серия книг, задуманная исключительно для публикации научных (не художественных, не научно-популярных) биографий ученых, инженеров, изобретателей – единственное начинание в своем жанре – выделяется даже на их фоне. Ее официальное название: общеакадемическая серия «Научно-биографическая литература», и она издается (она существует до настоящего времени) РАН (АН СССР) на базе Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

Не нуждается в доказательствах тот факт, что XX век не был милосердным к людям независимо от их пола, возраста, взглядов на мир, жизненных целей, профессий и специальностей, и ученые не являлись счастливым исключением из этого правила. Учитывая однако стремление правительства СССР представить стране и миру существовавший в государстве строй как наиболее справедливый и, главное, успешный в политическом, экономическом и даже гуманитарном отношении, многие детали «внутренней» жизни страны не могли быть преданы гласности. Общедоступная история должна была выглядеть образцово, без каких-либо смущающих дух и воображение черт. Очевидно, что написание биографий людей – жанр являющийся одним из самых распространенных и популярных книжных жанров во всем мире – не был в почете в СССР, поскольку в биографии самых разных деятелей (в том числе и профессиональных ученых) постоянно наваливали затесаться какие-то не особо

приглядные и годные для общего употребления факты, как, например, аресты, заключения, расстрелы, высылки, эмиграция, подневольный труд, идеалистическое мировоззрение, неподходящее происхождение, заграничные родственники и пр.

Конечно, это не значит, что в первой половине XX в. в СССР вовсе не публиковалось биографий ученых, но существовавшие исключения только подтверждали правило, как это обычно и бывает, почти полного отсутствия биографического жанра и, в том числе, биографий ученых и инженеров. Эта ситуация вызывала чувство глубокого неудовлетворения среди членов научного сообщества. Но надо было обладать незаурядным мужеством, решимостью, убежденностью в правоте своего дела, чтобы попытаться ее изменить. Именно этими качествами, без сомнения, обладали люди, задумавшие, создавшие и на протяжении более чем полувека поддерживавшие существование Общеакадемической научной серии «Научно-биографическая литература».

История серии началась в 1959 г., когда войны первой половины века остались позади, а тиски репрессивного режима немного разжались. Весной 1959 г. вновь организованный Институт истории естествознания и техники АН СССР, заручившись поддержкой некоторых должностных лиц, направил письмо в Президиум Академии наук, содержавшее предложение (просьбу) об основании на базе АН СССР книжной серии биографий ученых и инженеров. После обычных бюрократических процедур просьба была удовлетворена. Решение о создании серии научных биографий выдающихся деятелей естествознания и техники было принято 2 июля 1959 г.; 17 декабря 1959 г. утвержден состав редколлегии серии, получившей название «Научно-биографическая литература»; 16 января 1960 г. состоялось первое заседание редколлегии; 17 марта 1960 г. «Положение» о редколлегии серии утверждено официально. Председателем редколлегии серии с самого начала ее существования был назначен недавно избранный (в 1958 г.) академик Александр Леонидович Яншин (1911–1999), ученым секретарем после первого года работы серии стала тогда молодой еще кандидат технических наук, впоследствии доктор исторических наук Зинаида Кузьминична Соколовская (1927–2014). Эта пара провела серию через последующие 40 лет ее деятельности и фактически создала в СССР сам жанр научной биографической литературы. Когда А.Л. Яншин ушел из жизни, З.К. Соколовская продолжала эту работу фактически одна, оставаясь верна ей до последних дней своей жизни, посвятив серии в общей сложности более 50 лет.

К концу 1960 г. редколлегия рекомендовала в печать первые четыре книги; в 1961 г. они вышли в свет. Это были биографии А.М. Бутлерова, Д.И. Менделеева, Я. Берцелиуса и Леонардо да Винчи. Случайно или намеренно, но в качестве первых героев серии ее основатели выбрали ученых, чьи биографии не могли вызвать придирок даже со стороны самых требовательных проверяющих. С 1961 г. и вплоть до 2000-х гг., когда возникли проблемы с финансированием, книги серии выходили ежегодно, без перерывов. В эти годы серия публиковала от 9 до 27 книг в год. В 2000-е гг. выход книг сократился до 1–3 изданий в год. Всего с 1961 и по 2016 гг. серия выпустила в свет биографии около 700 ученых, инженеров, изобретателей, русских, советских, зарубежных. Все они – оригинальные, впервые опубликованные научные исследования. Целый ряд книг серии был переведен на иностранные языки, другие переиздавались отечественными издательствами. Несмотря на испытываемые трудности, серия «Научно-биографическая литература» продолжает свою деятельность. В настоящее время в издательстве «Наука» готовятся к выходу в свет три новых биографии и еще три включены в издательский план на 2018 г.

*И.А. Вознесенская, к.и.н., н.с.
НИОР БАН*

**Иллюстрированные рукописи
исторических сочинений XVIII века:
проблемы описания и атрибуции изображений**

Исторические сочинения XVIII в. получили широкое распространение прежде всего в рукописях. Списки сочинений П.Н. Крекшина, Антонио Катифоро, А.А. Матвеева, А. Манкиева, Федора Поликарпова и др. оказали значительное влияние на историографию в целом еще до своей публикации. Отличительной особенностью списков этих исторических сочинений является использование иллюстрирующих материалов: рисунков, карт, схем и гравюр. В XVIII в. традиция орнаментирования рукописей приобретает новые масштабы. Доступность печатных материалов позволяет составителям списков использовать широкий круг гравированных изображений целиком или в виде фрагментов, а также перерисовывать их.

Печатные экземпляры первого издания Книги Марсовой были изучены и классифицированы М.Н. Мурановой. Отчасти в своем исследовании она коснулась экземпляров и второго издания, отметив, что издание было осуществлено по дефектному экземпляру. Рукописи, содержащие текст Книги Марсовой, никогда не изуча-

лись. В связи с тем, что все экземпляры Книги Марсовой первого издания имеют разное количество гравюр, рукописи, содержащие рисунки с гравюр, представляются особенно важными, так как демонстрируют отдельную традицию бытования текста.

Одно из ранних исторических сочинений начала XVIII в. принадлежит директору Московской типографии Федору Поликарпову. Список «Истории о владении российских великих князей вкратце...», хранящийся в БАН (32.6.30), представляет собой том формата in-folio на 509 листах с иллюстрациями. В виде заставки выступает изображение государственного герба с виршами из Книги Марсовой. Изображение символов с девизами, вклеенное в рукопись, представляет собой рисунок с гравюры из Книги Марсовой. Важнейшей иллюстрацией рукописи стал план битвы при Лесной, которая также является копией с печатного плана из Книги Марсовой.

Одним из самых популярных сочинений о петровском времени в XVIII в. стало «Житие Петра Великого» Антонио Катифоро; в одном из списков БАН (16.2.16) вклеен редкий гравированный портрет Петра Алексея Зубова. Еще один список «Жития Петра Великого» (31.4.17) имеет портрет Петра с номером 56, этот портрет был вырезан из очень редкой гравюры, изготовленной к коронации Анны Иоанновны по заказу Синода.

Другим популярным автором в XVIII в. был новгородский дворянин Петр Никифорович Крекшин. Одно из его исторических сочинений «Экстракт из великославных дел великих князей и самодержцев...» в собрании БАН представлен сразу двумя списками с портретами великих князей, царей и императоров (25.1.11; 31.6.35). История создания этих портретов связана с именами Питера Пикарта и Алексея Зубова. Кроме того, в обе рукописи включены гравюры с портретами царей и императоров: Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Петра Алексеевича, Екатерины Алексеевны, Анны Петровны, Елизаветы Петровны, Петра Федоровича. Не все портреты относятся к сюите царских портретов, изготовленных по заказу Академии наук И. Штенглиным в 1742–1770 гг.

Пристального внимания заслуживает рукописный сборник Алексея Полозова (Тек. пост. 328), в котором, кроме рисунков, содержатся и вырезанные из книг изображения, например, портрет Петра из книги «Символы и эмблемата». Часть гравированных изображений (цветов и фигур) трудно атрибутировать, возможно, они были вырезаны из дешевых западнорусских изданий. Кроме того, сборник украшен рисунками, выполненными пером самим Алексеем Полозовым. Галерея портретов великих князей и царей, срисо-

ванная с гравюры А. Зубова, вполне возможно, готовилась для другой рукописной книги как иллюстрация.

Рукопись Истории Малороссии содержит замечательный рисованный портрет гетмана Даниила Апостола (16.8.12). Портрет является копией гравированного портрета из немецкого издания XVIII в. Рисунок незакончен, в оригинале за рукой с булавой изображено сражение. Можно сказать, что рисунок копировался с первых оттисков, позже доска была перегравирована, и вход в палатку уже не виден. Надпись под портретом на немецком языке, но не соответствует тексту гравюры.

Рукопись, содержащая посвящение Петру и предисловие к читателю А.И. Манкиева к «Ядру истории российской», имеет два рисунка (12.6.219). Как известно, рукопись была издана в 1770 г. Миллером, а затем переиздана в 1784, 1791 и 1799 гг. под именем князя Хилкова. Текста посвящения и предисловия, а также рисунков, которые помещены в рукописи, в изданиях нет. Более того, предисловие подписано «А. Манкиев», а не «А. М.» как во многих других списках.

Описание Санкт-Петербурга, составленное библиотекарем Андреем Богдановым, в рукописи 1760–1770-х гг. имеет 192 иллюстрации (16.3.19). Большая часть из них – это рисунки, но к ряду рисунков приложены гравированные копии, несколько гравюр не имеют рисованных оригиналов. Издание текста Богданова было осуществлено в 1779 г. Василием Рубаном. Сравнение рукописи с изданием показывает, что гравюры, вклеенные в рукопись, происходят из этого издания.

Атрибуция изображений порой затруднена, особенно в том случае, если гравюра утратила текст. Рисунки, скопированные с гравюр, можно атрибутировать только условно, так как автор-копиист часто вносит в рисунок свои собственные детали, упрощает композицию и т.д. Обычно в описаниях рукописей декору уделяется мало внимания, если это только не исключительный памятник. В последние десятилетия активно изучаются гравированные заставки в рукописях, которые изготавливались специально для рукописной книги. Представленные в докладе изображения изначально не предназначались для рукописи, их привлекли, поскольку они могут выполнять дополнительную иллюстрирующую текст функцию. Привлечение отдельных листовых гравюр, фрагментов из книг для украшения рукописи или даже копирование рисунков демонстрирует особое отношение к информативной функции изображения.

Воронежские служилые люди XVII в.: опыт составления родословных

Город-крепость Воронеж был основан зимой 1585/1586 г. До 1615 г. сформировался Воронежский уезд. Многие первые жители Воронежского края стали родоначальниками, за которыми следовали новые и новые поколения потомков. Приведем несколько родословных воронежцев XVII – начала XVIII вв.

Одни из самых видных дворян Воронежского уезда в XVII в. – Михневы, известная для России фамилия, родственники Михневых входили в состав государева двора. Воронежский родоначальник сын боярский Трофим Иванович Михнев был записан в десятне 1622 г. (последнее упоминание Т.И. Михнева 1673 г.). В 1630–1640-х гг. как сотенный голова неоднократно руководил конными отрядами, воевавшими с татарами и «воровскими» черкасами в Воронежском уезде (*Глазьев В.Н. Противоборство в степном пограничье в 20–40-е гг. XVII в.: русские и татары // Исторические записки ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 2004. Вып. 10. С. 9.; Он же. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII вв. Воронеж, 2007. С. 68, 73*). В 1644 г. совершил паломническую поездку в Соловецкий монастырь, чтобы «поклониться Соловецким чудотворцам». В 1646 г. находился во главе каравана судов с боеприпасами и продовольствием, направленным из-под Ефремова на нижний Дон. За служебные заслуги получил высший для провинции чин выборного дворянина, за ним числилось 15 крестьянских дворов.

Дети Т.И. Михнева – Василий, Иван, Александр, Осип. Василий в 1650 г. служил головой в Орлове-городке. Иван в 1670 г. – казачий голова в Воронеже. Александр в 1668 г. служил в полках на Украине, попал в плен, находился в плену в Крымском ханстве девять лет. Пасынком Т.И. Михнева был Никита Иванович Пешуров, воронежский губной староста 1664–1669 гг.

К 1678 г. из сыновей Т.И. Михнева в живых остался только Александр. Внуками Т.И. Михнева были Иван Иванович, Аким Иванович Михневы, Федор Осипович Михнев. А.Т. Михнев обратился в Поместный приказ с ходатайством о разделе отцовского поместья. Оно было разделено на три части между Александром и двумя его свояченицами (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1194. Стб. по Воронежу. Д. 34730. Л. 38–49). В 1680 г. А.Т. Михнев был записан в заведоводчики в Белгородский полк, где служил до отставки в 1696 г. Согласно его сказке, поданной в 1697 г. в заведоводчиках служил его

сын Степан Александрович, другому сыну Михаилу исполнилось 16 лет. У Степана было два сына Осип и Симон, приходящиеся правнуками Трофиму Михневу (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1567. Л. 3–4).

Пример движения вверх по социальной лестнице – Веневитиновы. Воронежские родоначальники Веневитиновых принадлежали к числу беломестных атаманов. Эта группа населения занимала промежуточное положение между дворянами и детьми боярскими, с одной стороны, и полковыми казаками, стрельцами, пушкарями, с другой.

В переписной книге 1646 г. назван атаман Герасим Веневитинов (Переписная книга Воронежского уезда 1646 года. Воронеж, 1998. С. 71, 73). Жил Герасим Веневитинов в городе в Беломестной слободе (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 80. Л. 2). В поручной записи 1636/37 г. названо отчество Герасима Веневитинова – Никифорович (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 59. Л. 32).

Сын Герасима Лаврентий находился уже в первых рядах воронежских дворян и детей боярских. Возможно, его возвышению способствовала женитьба В.М. Струкова, одного из самых состоятельных воронежских дворян XVII в. (о В.М. Струкове см.: *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 348–350), на сестре Лаврентия Веневитинова Ирине. Л.Г. Веневитинов был грамотным, в 1667–1668 гг. он назначался воронежским казачьим головой, а в 1678–1679 гг. – воронежским стрелецким головой.

В сказке 1675 г. Л.Г. Веневитинов сообщал, что служит в полках с 1658 г., сначала в копейщиках, затем в заводчиках, с 1669 г. носил чин дворового сына боярского. Наряду с отцовскими землями Л.Г. Веневитинов получил новые. Вдова В.М. Струкова Ирина передала брату свое прожиточное поместье (РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 12286. Л. 139–139 об., 44 об.). Правда впоследствии Ирина передала поместье подьячему Поместного приказа Семену Григорьевичу Струкову, ставшему затем дьяком. Лаврентий имел сыновей Антона, Андрея, Семена, Федора (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 760. Л. 15–16).

Внук Герасима Антон Лаврентьевич начал служить с 1672/73 г. В 1676/77 г. поместный оклад А.Л. Веневитинова составлял 250 четвертей. Для увеличения реального земельного владения Антон Лаврентьевич использовал московские связи. При помощи дьяка Поместного приказа С.Г. Струкова 28 января 1678 г. А.Л. Веневитинову было передано вымороченное поместье, пустовавшее около сорока лет (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1194. Стб. По Воронежу. Д. 34730. Л. 1–19). По сказке 1697 г. А.Л. Веневитинов служил в заводчиках,

кроме того исполнял обязанности капитана воронежских стрельцов, имел сына Фаддея (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1567. Л. 7).

Источники позволяют проследить родословные представителей других сословных групп. По документам прослеживается формирование некоторых стрелецких фамилий. От стрельца Ивана Тройни (1615) пошли Тройнины (1669), от Ивана Односума (1615) – Односумовы (1669), от Терентия Чехиры (1615) – Чехирины (1669). Упомянутый в 1611 г. стрелец по прозвищу Кривой Кузов положил начало Кривокузовым. В 1615 и 1634 гг. упоминался воронежский стрелец Степан Кучин, в 1666 и 1669 гг. – его сын Яков Степанович Кучин, в 1697 г. – внук Харитон Яковлевич Кучин.

Воронежский стрелец Полуна Дмитриев (1611) стал основателем фамилии Полунины. Его сын Полуект Полунин в середине XVII в. служил в воронежских стрельцах. Внуки – Сафон и Давыд Полунины в конце столетия были записаны в посадские люди, другой потомок Полуна – Сила оказался в рядах однодворцев стрелецкой службы.

Накопление подобных фактов позволит перейти к количественным характеристикам процессов социальной мобильности эпохи заселения и освоения южных окраин России.

*А.А. Голубинский, к.и.н., вед. специалист
РГАДА, ИРИ РАН*

Сведения о гербах городов в материалах генерального межевания

В XVIII в. значимой частью сбора статистических сведений о территориях были гербы губернских и уездных городов. Начало работ по составлению и систематизации сведений по городам связано с деятельностью Герольдмейстерской конторы и Академии наук. Сбор данных велся довольно продолжительное время; вопросы о городском гербе входили в несколько анкет, однако обобщающегося гербовника, охватывавшего всю территорию страны, долгое время создать не удавалось. Один из наиболее известных и в то же время обобщающих гербовников опубликован в Полном собрании законов Российской империи (1830-е гг. XIX в.). Он базировался на данных, собранных в ходе Генерального межевания – мероприятия по описанию границ между дачами – участками земли. Фиксация информации о гербах – как графическое изображение, так и текстовое описание – производилась в нескольких типах документов межевания. Как правило, это наиболее поздние примечания, приближавшиеся по времени появления к т. н. «павловским» Экономическим примечаниям. Вот как описан соответствующий

раздел по г. Балахне: «Герб города: щит разделенный на две части, в верхней герб губернского города, а в нижней в серебряном поле две кокоры» (РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Ед. хр. 112 – см.: <http://rgada.info/goroda/> и <http://rgada.info/goroda/descr/balakhna/balakhna.pdf>).

Данные о гербе сопровождали историческую справку о времени и особенностях возникновения города. В большинстве случаев она довольно коротка. Например, город Городок Витебской губернии: «Оной город по уверению некоторых летописателей начало свое возымел от выстроенной князем Агинским карчмы, а когда досталась оная графу Салагубу, то он наименовал ее местечком, потом по присоединении Белорусии к Великороссийской державе в 1772^м году июля 9го дня наименован городом, сей город занимает много болотных мест, по причине коих и от разлития речки Городенки есть препятствия к выстроению по новому прожекту нескольких кварталов, ГЕРБ представляет в верхней части щита половину Российского герба, в нижней всадник на коне в паласатом поле голубой з желтым» (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1). Изображение этого герба мы встречаем на плане города (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 127). В гербе нашло отражение представление о всаднике того времени, напоминавшем кирасира – специфический головной убор и доспех (<http://rgada.info/goroda/zapros.php?nomer=127>); вместе с тем использована основная тематика Витебской губернии, но изменен цвет поля.

Подчас историческая справка была более подробна, как сделано, например, в описании Москвы, причем составители примечания посчитали, что герб города общеизвестен: «... со описанием истории ея соединяется и вся история России, которая летописателями довольно пространна описана, почему, не распространяясь о сем далее...» (РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Ед. хр. 105. Л. 1. Цит. по: Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия / Подг. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула, 2016. С. 321).

Только в межевом архивохранилище РГАДА имеется порядка 1000 планов городов, из которых значительная часть имеет изображения гербов. География планов распространяется на Европейскую часть России, захватываются территории современной Беларуси. О типологии планов городов уже говорилось (Города Российской империи... С. 26–34). Как правило, гербы появлялись на планах в самый финальный этап их создания, являясь атрибутом чистовых планов – главным образом это типы планов «с поселенными при городе слободами», реже гербы бывали на «прожектированных»

планах, еще реже – на так называемом «межевом типе», который имел все классические атрибуты произвольного плана дачи.

В ходе работы над планами у землемеров сложился определенный алгоритм работы. Герб наносился на изображение плана в самый последний момент – таким образом, порядок создания плана города был следующим:

1. Выбор формата изображения;
2. Нанесение контурного изображения конфигурации города;
3. Раскрашивание плана города;
4. Фиксация сведений о смежных территориях, в соответствии с типом плана – наличие более или менее подробной шапки, экспликации;
5. Декорирование плана и нанесение герба.

План города наряду с Экономическим примечанием, атласом и картами уезда, а также губернскими картами являлся заключительным этапом систематизации собранных данных о географии, природно-хозяйственной эксплуатации и принадлежности земли.

Изображения гербов отличались как в зависимости от Межевой конторы, так и в зависимости от землемера, оформлявшего план. Для планов, например, по Псковской губернии было характерно применение монохромного рисунка (план Пскова – <http://tgada.info/goroda/zapros.php?nomer=4743>), для всего комплекса планов характерно использование относительно простой гаммы.

Разнообразное оформление гербов на планах свидетельствует о том, что их начертанием даже в рамках одного города занимались разные землемеры, таким образом, задача украшения плана – пусть в некоторых случаях чернового – трансформировалась в своего рода школу подготовки технических и землемерных кадров.

Источником информации о гербе города послужили, видимо, данные из Герольдмейстерской конторы, но документы массовой переписки между Межевой Экспедицией Сената и конторой пока не обнаружены (имеются лишь фрагментарные сведения о передаче данных о гербах, в частности, РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Ед. хр. 19679. Л. 1–2).

Все планы, входящие в коллекцию планов РГАДА, в настоящее время оцифрованы. Вследствие невозможности или крайней затруднительности репрезентации в бумажном виде они готовятся к публикации в электронном виде на основе системы, разработанной А.А. Фроловым, А.А. Голубинским и С.С. Кутаковым, подобно тому, как это уже было представлено выше для г. Балахны. В ней будет приведена вся имеющаяся информация о гербах последней четверти XVIII в., что особенно ценно вследствие того, что именно

тогда большое количество населенных пунктов обрело городской статус, а следовательно, могло получить и герб.

*Е.Н. Горбатов, специалист I катег.
РГАДА*

Служебные биографии московских чинов по материалам «подлинных» боярских списков второй четверти XVII в.

«Подлинные» боярские списки являются основным источником по истории личного состава государева двора. Они составлялись ежегодно и отражали все изменения, происходившие в составе двора. Ведением боярских списков занимался Разрядный приказ, учитывавший личный состав служилой части населения страны. Большая часть списков сохранилась в РГАДА в фонде Разрядного приказа по описи № 9 «Столбцы Московского стола». Остальные списки сохранились в том же фонде, но в составе других описей. Кроме учета личного состава в боярские списки заносились пометы о службе, состоянии здоровья, отпусках и смерти или пострижении в монашество московских чинов.

Пометы о службе московских чинов являются одним из основных источников сведений о служебной деятельности служилой части государева двора. Относительно полная сохранность за определенный период позволяет проследить, как изменялась карьера чиновника. Так «подлинные» боярские списки в период с 1626 по 1633 г. сохранились, за исключением списка 1626/27 г., пока не обнаруженного, в полном составе. К сожалению, не все списки имеют начало, а список 1632/33 г. сохранился только на треть. Тем не менее, перечни московских дворян, которые чаще всего назначались на службы, за данный период сохранились полностью, за исключением упомянутого списка 1632/33 г.

В период за 1634–1637 г. «подлинных» боярских списков не обнаружено. Начиная с 1637/38 г. до 1644/45 г., в который произошла смена царей, все «подлинные» боярские списки сохранились. Практически все списки этого периода сохранились полностью, за исключением начальной части списков, включающих имена думных и высших церемониальных чинов.

Кроме «подлинных» боярских списков служебные назначения московских чинов фиксировались также в «наличных» боярских списках, записных книгах Московского стола и разрядных книгах. Сравнительный анализ помет в «подлинных» боярских списках и вышеназванных источников привел к выводу о неполноте сведений о служебной деятельности, содержащихся в «подлинных» боярских

списках. Некоторые служебные назначения московских чинов остались без внимания составителей и редакторов «подлинных» боярских списков второй четверти XVII в. Наиболее полно в пометах «подлинных» боярских списков отражены воеводские и посольские службы. Не часто в списках в полном объеме фиксировалась служба в приказах московских чинов, различного рода отсылки и поручения, например, приставства у послов, приезжавших в Россию. Для списков 1638–1645 г. наблюдается также фиксация службы московских чинов в полках на засечной линии, обусловленной особыми обстоятельствами, вызванными взятием казаками турецкой крепости Азова и осложнением отношений России с Крымским ханством, являющимся вассалом Османской империи.

Анализ имен, наиболее часто встречающихся в «подлинных» боярских списках второй четверти XVII в. с пометами о службе, свидетельствует о том, что назначения зависели от материального положения московских чинов. Наиболее частые назначения на воеводства получали лица, имеющие большой денежный оклад от 70 рублей и выше. Другие отправлялись для различных посылок с поручениями, для работы в приказах и др. Имеются также служилые люди, ни разу за указанный период не помеченные служебной пометой. В некоторых служебных биографиях имеется только одна служебная помета за весь указанный период. Это объясняется, во-первых, тем, что служилый человек долгое время имел церемониальный чин и не назначался на службы, которые по большей части были уделом московских дворян. Функция церемониальных чинов заключалась в отправлении служебных обязанностей, находясь к непосредственной близости от государя. Стольники и стряпчие участвовали в царских пирах, приемах послов и царских походах и выходах. Некоторые стольники получали назначение на воеводство в города и начальство над полками засечной линии. Для стряпчих такие назначения практически не встречаются. Вторая причина малой занятости служилых людей на службе заключается в плохой обеспеченности служилого человека и отсутствии соответствующего оклада.

Среди лиц, часто получавших различного рода служебные назначения, наблюдается рост. Служебные назначения отдельных лиц по мере возраста чиновника растут по степени их значимости. Благодаря именам и возрасту чиновника можно выяснить наиболее значимые города, определить важность тех или иных служб.

Таким образом, наблюдение за служебными биографиями московских чинов, основанных на пометах в «подлинных» боярских списках второй четверти XVII в., дают возможность определить служебный статус чиновников, а также наиболее значимые центры

осуществления государственной власти. Для полноты исследования учета служебных помет в боярских списках необходимо привлечь «наличные» боярские списки.

*А.Л. Грязнов, с.н.с.
НП «НИЦ «Древности» (Вологда)*

**Родословная князей Белосельских
из местнического дела 1649 г.**

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-01-00073

В августе 1649 г. состоялось местническое дело между существовавшими в то время ветвями Белозерских князей. Суть его состояла в том, что в июле 1649 г. кн. Никифор Иванович Белосельский получил назначение во Владимирский судный приказ. Служивший в Московском судном приказе А. Зиновьев бил челом, протестуя против этого назначения, в результате чего и Белосельский и Зиновьев были отставлены. В свою очередь, подобный и ход дела задевал интересы остальных Белозерских князей, которые таким образом признавались равными роду Зиновьевых. Поэтому, уже представители всех трех фамилий Белозерских князей, представленных в это время на придворной службе (Вадбальских, Ухтомских и Шелешпальских), били челом на Никифора Белосельского, требуя признать его не принадлежащим к роду Белозерских князей (РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Стб. 30. Л. 1–10). В ходе разбирательства и состоявшейся очной ставки Никифор Белосельский представил две родословные росписи, которые должны были доказать его принадлежность к роду Белозерских князей. К сожалению, материалы дела обрываются на фразе «а в росписех пишет». Таким образом, оказались утрачены родословные росписи и окончание местнического дела. Именно в таком неполном виде материалы этого дела были введены в научный оборот в 1950 г. Фигурирует оно и в справочниках Ю.М. Эскина (Разрядный приказ (начало XVI в. – 1711 г.). Опись столбцов дополнительного отдела архивного фонда № 210. М., 1950. С. 25; Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. М., 1994. С. 187; *Он же*. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 415). Поскольку само местническое дело сохранилось в составе разрозненных столбцов Разрядного приказа, реальность обнаружения недостающих частей дела была довольно призрачной, однако, оказывается, родословные не только не были утрачены, но давно были известны исследователям, хотя и не связывались с этим местническим делом.

В описи 18 фонда 210 РГАДА под № 162 значится родословная князей Белозерских (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 162). Большинство дел этого фонда связано с составлением Бархатной книги, т. е. это сохранившиеся росписи, поданные дворянами в 1680-е гг. Однако, еще М.Е. Бычкова отметила, что роспись Белозерских князей не связана с составлением Бархатной книги и датируется серединой XVII в. (*Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 150). Непосредственное обращение к рукописи родословной показывает, что это и есть та самая роспись, поданная Никифором Белосельским в 1649 г. Причем именно подлинник рукописи из местнического дела, поскольку на всех листах росписи имеется скрепа Никифора Белосельского, а один из листов столбца является записью показаний Ивана Вадбальского, записанных во время очной ставки.

Сама роспись, а точнее росписи, представляют несомненный интерес, поскольку по ним генеалогия Белосельских предстает в совершенно новом свете и принципиально отличается от генеалогии этого рода, данной в Бархатной книге.

Первая родословная – роспись Белозерских князей, которая по структуре и по объему информации соответствует Румянцевской редакции родословных книг и Государеву родословцу. Однако, эта роспись не является дословным воспроизведением этих редакций и рядом оборотов и ошибок отличается от них. Кроме того, в этой части дается роспись только Белосельских и Шелешпальских. Нет росписей Андомских и Вадбальских, нет потомства Семена Согорского и Ивана Каргаломского. Об отсутствии утрат листов в представленном варианте росписи свидетельствует скрепа Никифора Белосельского. Здесь особо отмечено, что Юрий Васильевич (родоначальник Белосельских) – «большой» сын Василия Романовича. В разделе о родоначальниках отдельных фамилий Белозерских князей неправильно указано их отчество (Романовичи вместо Васильевичи). В родословной Шелешпальских несколько неправильно прочтенных имен и прозвищ.

Вторая родословная, представленная на отдельном столбце – роспись собственно Белосельских. Она также начинается с общего экскурса о происхождении Белозерских князей и их генеалогии в конце XIII–XIV вв. Как и в первой росписи здесь также перепутано отчество детей князя Василия Согорского, но в следующей ниже росписи собственно Белосельских Юрий назван с правильным отчеством. По сравнению с Государевым родословцем в этой росписи Белосельских добавлено еще четыре поколения. В общей сложности в росписи упомянуто 34 человека (в Государевом родословце – 11 человек), показано потомство всех трех сыновей Гавриила Бело-

сельского, а не только линия его старшего сына Шемяки, как это сделано в Бархатной книге. Значителен пласт биографической информации о людях Смутного времени. Сообщаются такие детали, как гибель в «Ноугороцкое взятие», под Порховым, «во Пскове из наряду на приступе», «как Кляус Хлямин воевал Ноугороцкой уезд». Рассказывается о пленении Василия Никитича с женой и детьми, его пребывании в плену и выкупе. В этом плане сведения росписи Белосельских о людях Смутного времени перекликаются с записями Летописца Шелешпальских.

Большая часть упомянутых в росписи персоналий известна по другим источникам. В ряде случаев подтверждаются сделанные ранее на их основе предположения о родственных связях Белосельских между собой. Однако, роспись неполна и в ней есть явные ошибки. Отсутствует около десятка человек, известных по актам, неверно показано родство Курбата Владимировича и Григория Петровича и, самое интересное, что нигде в явном виде не указано положение в родословной Белосельских самого составителя росписи – Никифора Ивановича.

Сама роспись Белосельских кроме существенного дополнения сведений Государева родословца дает материал для исследования практики сохранения, интерпретации и передачи генеалогической информации в первой половине XVII в. К сожалению, сведения росписи никак не нашли отражение в дальнейшей генеалогической традиции Белосельских и были забыты.

*А.Н. Гуслистова, н.с.
НИИ «Древности» (Вологда)*

Никольская улица в Вологде в XVII – начале XVIII вв.

Городские кадастры XVII в. содержат самую разнообразную информацию о рядовых жителях российских городов Раннего Нового времени. Причем, информативность писцовых и переписных книг многократно возрастает, если они относятся к нескольким хронологическим срезам. Вологда в этом плане представляет один из самых благоприятных объектов для изучения, поскольку на данный момент опубликованы все сохранившиеся описания города, которых в общей сложности семь – дозорная книга 1617 г., писцовая 1627 г., переписные 1646/47, 1677/78, 1686/87, 1687 и 1711/12 гг. Они равномерно охватывают все хронологические периоды, позволяя провести сравнительный анализ и выявить людей, не зафиксированных по каким либо причинам в одном из кадастров, узнать плотность населения в отдельных городских районах (слободах, сороках), ее

динамику, изучить изменение городской топонимики (наименования улиц, переулков, мостов), проследить этапы формирования и развития семейного дворовладения.

Наиболее перспективным методом представляется изучение населения города по отдельным улицам (районам). В современной историографии исследования были посвящены изучению возникновения и формирования дворов иностранного и привилегированного купечества (Булгаков М.Б. Деятельность западноевропейского купечества в городе Вологде в первой половине XVII в. // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2003; Тимошина Л.А. Расселение гостей, членов гостиной и суконной сотен в русских городах XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 117–151; Захаров В.Н., Черкасова М.С. Иностранные купцы и их дворы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII века // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 97–132). Дворы рядовых торговых и посадских людей привлекали внимание ученых на порядок реже.

Формирование больших городских районов – сороков (впоследствии слобод) и районов компактного проживания – улиц, как в «городе», так и на посаде продолжалось на протяжении нескольких веков. Первое сохранившееся описание – Дозорная книга 1616/17 г. – отразила состояние города после разорения 1612 г. В ней упомянуты только сорока. Местоположение конкретных улиц, их соотношение к сорокам можно определить только с привлечением других писцовых и переписных книг.

В Никольском сороке в 1617 г. было записано 29 жилых дворов посадских людей и 48 пустых дворов и дворовых мест. Предположительно в него входили Никольская, Введенская, Тесная, безымянная (от церкви Успения Богородицы на Завражье), Богородская улицы. И сорок и улица получили свое название от церкви Николая Чудотворца Золотые кресты, от которой начиналась улица.

По писцовой книге 1627 г. на Никольской улице зафиксировано три тяглых двора. Общая ширина дворов – 320 м. Спустя 20 лет в переписной книге 1646 г. – 21 двор. При сравнении книги 1646 г. с двумя предыдущими выясняется, что часть семей (фамилий) которые присутствовала в 1617 г., почему-то отсутствуют в 1627 г. и вновь появляются в 1646 г. По данным 1678 г., на улице записано 19 дворов (10 по правой и 9 по левой сторонам). А уже по переписной книге 1711/12 гг. видно, что на правой стороне находится всего два двора и два огородных/косебных места общей шириной 250 м, а на левой – два двора и три огородных места, шириной около 70 м.

Таким образом, общая длина улицы по описаниям 1627 и 1711 гг. одинакова (320 м по обеим сторонам).

В результате сплошного пофамильного изучения дворов по каждому хронологическому срезу, выясняется, что часть Никольской улицы в 1711 г. называли улицей Завражье (который как топоним существовала еще в середине XVII в.), также часть дворов отошла к Богородской улице и району около Горне-Успенского девичьего монастыря (*Суворов И.Н.* К истории церквей Вологды (о церкви Архангела Гавриила 1656) // Вологодские епархиальные ведомости. 1903. № 18. С. 527).

Несколько семей владели своими дворами на протяжении более чем 50 лет. Это семьи Дьяконовых, Горбуновых, Козьминых (Кузьминых), Овцыных. Семьи Кастиных и Драницыных проживали в своих дворах более 100 лет.

Особняком стоит семья Сычуговых. Эта фамилия зажиточных вологодских купцов, которые довольно часто упоминаются в таможенных книгах Сухоно-Двинского торгового пути. Изначально, в первой половине XVII в., члены семьи записаны как огородники, однако уже во второй половине XVII в. отец и сын Федор и Яков Сычуговы служат земским старостой и таможенным головой, а к началу XVIII в. внук – Василий Яковлев с. Сычугов имеет в собственности 37 торговых помещений, 19 огородных и косебных мест (в основном на Никольской улице и соседних Тесной и Завражье), шесть дворов. Земля и недвижимая собственность в районе трех улиц приобреталась разными путями: в переписной книге 1711 г. за период с 1667 по 1707 гг. указано 13 документов (закладных, купчих, поступных). Приобретение дворовладений синхронно с развитием предпринимательской деятельности семьи. До середины XVII в. Сычуговы владели всего двумя дворами на данной улице, будучи простыми огородниками, а начиная со второй половины XVII в. активно скупают участки рядом со своими родовыми дворами. Причем жилые дворы по писцовой книге 1711 г. уже переведены в разряд огородных и косебных мест, т. е. жилая недвижимость была переведена в производственную базу. Таким образом, большая часть целой улицы была скуплена в ходе динамичного развития семейной торгово-промышленной компании Сычуговых. Это же привело к фактическому запустению одной из старейших улиц города.

Благодаря просопографическому методу исследования одной небольшой улицы на окраине Вологды было выяснено общее количество семей, проживающих в ней в разное время, длительность владения двором каждой из них, а также этапы формирования не-

большой слободы из приобретенных дворов и дворовых и огородных мест семьи Сычуговых в течении более ста лет.

*А.Г. Гуськов, к.и.н., в.н.с.
ИРИ РАН*

Материалы к справочнику о служащих Посольского приказа (начало XVIII в.)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00511

Просопографические исследования о служащих приказов Российского государства в XVI – начале XVIII в. достаточно широко представлены в научной литературе. Самый значительный объем информации собран в справочнике Н.Ф. Демидовой «Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700)», основанном на материале фондов РГАДА.

Многочисленные исследования персонала дипломатического ведомства (Посольского приказа) позволили подробно охарактеризовать состав работников приказа, их оклады, служебные карьеры и пр. (Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017; Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003; Рогожин Н.М. Посольский приказ – колыбель российской дипломатии. М., 2003 и др.). Однако в процессе обращения к тексту первой описи фонда 138 «О Посольском приказе...» РГАДА, получившему формат открытого доступа благодаря сотруднику архива А.А. Голубинскому (Голубинский А.А. Сайт РГАДА и его посетители // Отечественные архивы. 2014. № 6. С. 34–39), удалось выявить ряд новых сведений о приказных «чиновниках», отсутствующих в научном обороте.

За 1700–1719 гг. (в связи с созданием в 1718–1719 гг. Коллегии иностранных дел Посольский приказ прекратил свое существование) в анализируемой описи сохранились данные по 1014 делам. Из-за ограничения объема тезисов было решено остановиться на кратком анализе первой трети имеющихся описаний (314 дел за 1700–1706 гг.).

В материалах упоминаются более 160 человек, в т. ч. один думный дьяк (Е.И. Украинцев), три дьяка (Вас. Посников, Мих. Родостамов, Иван Волков), 55 подьячих, 35 переводчиков, 33 толмача, шесть сторожей, четыре пристава, один гонец. За исключением нескольких подьячих, все служащие относились к ведению Посольского приказа.

Большинство подьячих удается атрибутировать по служебной принадлежности: 49 – из Посольского приказа и 2 – из Малорос-

сийского. Сведения о 31 подьячем встречаются в справочной литературе (причем информацию о 26 из них удастся расширить – как о службе в разных приказах, так и о годах работы). Из оставшихся к служащим дипломатического ведомства относятся 17 человек: Бахтеяров Алексей, Березин Алексей, Богданов Григорий, Богданов Михаил, Голосов Лев, Иванов Аврам, Клишин Иван, Ковригин Кирилл, Крылов Афанасий, Неелов Никита, Нестеров Михаил, Окуньков Илья, Парфеньев Василий, Рылеев Евсевий, Самойлов Алексей, Сахинский Василий, Шокуров (Шокурев) Емельян.

Наибольший интерес представляют данные о переводчиках, списки которых приводятся ниже (указаны крайние даты из названия дел за данный период и возможные языки перевода).

А. Переводчики, поступившие на службу в приказ в 1700–1706 гг. (8 человек):

- 1) Арсеньев Моисей – 18.07.1700–11.07.1705 г. (греческий, латинский, итальянский);
- 2) Васильев Андрей – 26.01.1701–9.12.1703 г. (греческий);
- 3) Волков Григорий – 23.01.1706 г.;
- 4) Почайнов Алексей – 27.12.1704 г. (греческий, латинский);
- 5) Гарнавский Иван – 21.01–10.07.1701 г. (латинский, польский и белорусский);
- 6) Шилинг Венедикт (Петр) – 17.12.1702–28.04.1706 г. (латинский, немецкий, итальянский, шведский);
- 7) Шафиров Михаил – 21.01.1706 г.;
- 8) Мунгалов Федот – 27.09.1701–30.01.1706 г. (китайский, мунгальский, калмыцкий).

Б. Переводчики, подавшие челобитные о зачислении в штат (т. е. из описания в описи нельзя понять, взят человек на работу или нет):

- 1) Асанов Родион – 25.03.1702 г. (турецкий, татарский);
- 2) Бочинин Тахтаралей – 28.11.1706 г.;
- 3) Голмер Андрей – 10.02.1703 г. (датский);
- 4) Коста Петр – 10.03.1701 г. (немецкий, голландский, шведский, датский);
- 5) Миндельдорн Иоаким – 6.03.1704 г.;
- 6) Носович Тимофей – 01.1705 г.;
- 7) Сафонов Петр – 15.11.1706 г.

В. Переводчики, работавшие в 1700–1706 гг. (22 человека):

- 1) Байцын Резеп – 6.06.1701–12.1703 г.;
- 2) Бахерт Давыд – 16.02.1704 г.;
- 3) Белецкий Матвей – 1.04.1703–9.07.1706 г.;
- 4) Ботвинкин Андрей – 23.12.1700–20.03.1705 г.;

- 5) Вульф (Вольф) Петр – 6.04.1700–17.03.1705 г.;
- 6) Гаврилов Матвей – 7.04.1703 г.;
- 7) Геймс (Гемс) Андрей – 14.04–4.06.1700 г.;
- 8) Големдовский Петр – 9.07.1706 г.;
- 9) Константинов Федор – 12.1700–21.08.1703 г.;
- 10) Кревет Андрей – 29.08.1700 г.;
- 11) Лаврецкой Семен – 21.09.1703–18.03.1706 г.;
- 12) Мунгалов Федот – 27.09.1701–30.01.1706 г.;
- 13) Орешек Иван – 27.07.1701–9.07.1706 г.;
- 14) Почайнов Алексей – 27.12.1704 г.;
- 15) Сеитов Дмитрий – 3.08.1700–09.1701 г.;
- 16) Спафарий Николай – 5.07.1700–29.03.1705 г.;
- 17) Тевкелев Рамазан – 22.06.1703–14.11.1706 г.;
- 18) Тонкачев Кутла Мамея – 27.11.1703 г.;
- 19) Тонкачев Сулейман – 23.06.1704–04.1706 г.;
- 20) Тяжкогорский Иван – 25.07.1700–28.06.1704 г.;
- 21) Шафиров Петр – 22.01.1701 г.;
- 22) Щуковский Лука – 14.01.1701 г.

По челобитным с просьбой о трудоустройстве удается определить возможную дату поступления на службу: четверых подьячих – Аврам Иванов (апрель 1702 г.), Алексей Березин (январь 1703 г.), Алексей Самойлов (сентябрь 1703 г.), Михаил Нестеров (август 1704 г.); пятнадцати переводчиков (см. выше); пятнадцати толмачей; одного пристава – Константин Алексеев (апрель 1706 г.); двух сторожей – Василий Никитин (октябрь 1703 г.), Сысой Якимов (июнь 1705 г.).

Встречаются отдельные известия о нескольких внештатных должностях Посольского приказа – курьерах (волошане Василий Юрьев и Дмитриев Константин 9 июня 1705 г. просили зачислить в курьеры), дворниках (Михаил Родионов в 1700–1706 гг.) и солдатах (Григорий Липутин – август 1706 г.).

В целом из анализируемых материалов удалось извлечь сведения о 139 работниках приказа начала XVIII в. Информация примерно о трети служащих отсутствует в имеющихся справочниках и исследованиях. Кроме того, уточнены биографические сведения о ряде известных служащих: 1) определены даты смерти переводчиков Дмитрия Сеитова (сентябрь 1701 г.) и Семена Лаврецкого (3 марта 1706 г.); 2) установлен уникальный факт выхода на «пенсию» старого подьячего Максима Алексева (9 ноября 1703 г. им подана челобитная «о увольнении его за старостию вечно от дел и о даче из его оклада ежегоднаго по смерть жалованья»).

Монастырское делопроизводство кануна петровских реформ: локальные практики

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00633

Развитие монастырского делопроизводства можно проследить, сравнивая комплексы книг, относящихся к одному типу хозяйственных служб. Для Вычегодского промысла Спасо-Прилуцкого монастыря сохранилось три больших комплекса книг, которые велись при одном и том же старце, возглавлявшем службу в течение долгого срока: книги старца Арсения (начало XVII в.), книги старца Гермогена (1640-е гг.) и книги старца Иоасафа Иннокентьевского (1690-е гг.).

Иоасаф принял промысел у старца Макария в марте 1690 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 21. Л. 61 об.), первая книга от его имени датирована 25 марта 1690 г. – 30 апреля 1691 г. Сравнение с другим крупным комплексом, книгами старца Гермогена 1640-х гг., показывает ряд отличий в ведении дел и оформлении документов при Иоасафе.

Некоторые особенности были связаны с состоянием промысла (появлением к концу века деревень с сенокосами, традицией безденежной раздачи соли), а также изменениями в структуре книг (перемещение книг продажи соли из конца формуляра в его начало). Специфика книг Иоасафа также была обусловлена влиянием самого старца и дьячка Федосейки (Федоски) Ушакова, который бессменно вел здесь все бумажные дела при Иоасафе. Иоасаф, в отличие от многих старцев, возглавлявших промысел, был человеком грамотным: по листам беловых книг стоит его своеручная скрепа довольно уверенным почерком.

Федосейка, по-видимому, находился в доверительных отношениях со старцем, что следует из того, что он продолжал работать, несмотря на то, что жалование ему выплачивалось не всегда вовремя: деньги за 1693/94 г. он получил в 1694/95, а за последние три года службы – только в 1698/99 г., уже после смерти Иоасафа, который скончался, вероятно, осенью 1698 г., поскольку уже 18 декабря промысел принимал у его помощника, Павла, прибывший из монастыря старец Киприан со своей «командой» – старцем Ларионом и слугой.

Федосейка Ушаков ввел практику промежуточных подсчетов. Так, в разделах о выварке соли по нижнему краю листов в углу идут подсчеты количества соли. После каждой выварки – запись о том, куда была отвезена и сыпана соль – в какой амбар и в какой

сусек (передний, задний). В частях книг, где фиксировалась продажа соли, также по низу листов указано количество проданной соли и полученных денег (учет велся по листам). По нижнему краю листов в расходной и приходной частях абаком сделаны подсчеты денег по листам. Наконец, в конце книг сделаны итоговые записи, причем, расположенные горизонтально по листу: здесь указан расход денег, выварка соли, ее продажа, итоги расходов по дровам, остаток, переходящий на следующий год.

После смерти Иоасафа, очевидно, скоропостижной, промысел временно возглавлял второй старец, Павел. Затем сюда был прислан из монастыря новый глава промысла, Киприан (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 162.), ведший дела недолго, его книга доведена только до июля 1699 г. Киприан расплатился с продолжившим работу Федосейкой, который за три года получил по 2 руб. на год (л. 213 об.). Киприаном же была составлена опись промысла, а его собственная книга также имеет скрепы (его и старца Лариона, но вместо них подписали священник борисоглебского прихода Иван Данилов сын Связев и пономарь Коземка Аникиев Стрекаловский).

Доставленная в монастырь, эта книга подверглась проверке – «счету»: на л. 43 об.–45 – счетная выпись, составленная по приказу архимандрита Авраамия и келаря Антония Максимова. В итоге была выявлена недостача, но ее Киприан перекрыл уплатой в расходе своими келейными деньгами, которые было велено вернуть ему из казны с вычетом недостачи. Книга имеет скрепу: «К сим книгам монах Корнилий Петряевской руку приложил; к сим книгам монах Иона Попов руку приложил; подъячей Матфей Жданов руку приложил». Саму счетную выпись писал четвертый из счетной команды – подъячий Алексей Субботин.

Эта выпись и сам факт проверки книг, возможно, согласуется с правкой, выявленной в последней из книг Иоасафа Иннокентьевского (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 147). Здесь подсчеты Федосейки Ушакова, которые он традиционно делал по нижнему полю листов, в ряде случаев зачеркнуты или взяты в рамку, сверху другим почерком и черными чернилами (Федосейка писал коричневыми) поставлена помета «не право» и рядом помещен новый подсчет, также абаком:

л. 15 об.: подсчет писца «42 руб. 4 алт. 4 ден.» – взято в рамку, сверху писано другим почерком «не право», рядом пересчет – «47 руб. 30 алт. 3 ден»;

л. 17 об.: подсчет писца «6 руб. 29 алт. 3 ден.», взято в рамку, сверху – «не право», рядом слева – «6 руб. 28 алт. 3 ден.»;

л. 21 об.: повторение другим почерком того счета, что у писца;

л. 25 об.: подсчет писца «35 руб. 9 алт. 2 ден.», сверху другим почерком подписано «не право», рядом – «35 руб. 26 алт.», и т.д.

Интерес представляет другой вид правки, также идущий по некоторым листам на нижнем поле. Например, внизу по полю л. 9 об. коричневыми чернилами дан подсчет денег арабскими цифрами: «323 р(ублей). 22 а(лтын) 4 д(енги)», на л. 12 об. в нижнем правом углу – «30 ру(блей) 23 а(лтын)», на л. 15 об. цифирью – «165 ру(блей) 20 ал(тын) 3 де(нги)», далее зачеркнуто написанное арабскими цифрами – «159 ру(блей) 28 а(лтын) 2 де(нги)».

Самое вероятное предположение – то, что эти пометы поздние, относящиеся к XIX в. Но в этом случае остается не совсем понятным, зачем нужно было пересчитывать столь старые книги. Возможно, пометы оставил кто-то, пытавшийся исследовать эти документы, но вольно обращавшийся с источником, впрочем, это характерно больше для любителей старины, живших в XVIII в. Второе предположение довольно смелое и связано с тем, что книги могли сверять вскоре после введения Петром I практики использования арабских цифр. Учитывая дату самой книги (1698/99 г.), это могло произойти вскоре после сверки книги Киприана, и в этом случае, возможно, мы имеем ранний случай употребления (или попытки употребления) петровского нововведения.

*Т.Н. Джаксон, д.и.н., г.н.с.
ИВИ РАН*

Гренландия, Сведия и Рифейские горы

Работа выполнена по гранту РФФ №14-18-02121

Цель доклада – выяснить, как представлял себе местоположение Гренландии автор самого раннего из созданных на северной периферии Европы исторических нарративов, северогерманский хронист Адам Бременский, автор знаменитой хроники «Деяния архиепископов гамбургской церкви» (1070-е гг.). Хорошо знакомый с трудами античных авторов, сформировавшими многие его географические образы и представления, Адам соединил в своем труде знание древнее и современное. Сведения по географии Севера, содержащиеся в четвертой книге хроники, основаны на рассказах «сведущего короля данов» Свена Эстридсена (1047–1074), с которым хронист встречался лично во время поездки в Данию.

Адам дважды упоминает Гренландию. Описывая в IV.10 «Западный океан», «тот, что римские [писатели] называют Британским» (а мы сегодня назвали бы Северным морем и северной Атлантикой), Адам утверждает, что на западе он омывает Британию, на юге Фри-

зию и часть Саксонии, а на востоке Данию. Также к востоку от него лежат «устье Балтийского моря» и те области «норманнов, которые обитают за Данией». На севере он «омывает Оркадские (Оркнейские. – Т. Д.) острова», и «дальше» (т. е. в северном направлении), по мнению Адама, океан «окружает земной мир бескрайними просторами, [так что] в левой его части расположена родина скотов Хibernия, которую ныне именуют Ирландией, [а] справа [лежат] утесы Норманнии», «дальше же» (т. е. еще севернее) находятся «острова Исландия и Гренландия. Там начинается океан, называемый Сумрачным (т. е. Северный Ледовитый океан. – Т. Д.)» (*Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 426*). Итак, в этом фрагменте Исландия и Гренландия – как и на современной карте – помещаются севернее Ирландии и побережья Норвегии, на границе Атлантического и Северного («Западного» и «Сумрачного») океанов. Единственное содержащееся здесь указание на знакомство автора с римской традицией – это именование Атлантического океана «Британским», а вся остальная географическая информация современна хронисту. Местоположение Исландии и Гренландии намечено схематично, но в целом верно.

Однако ниже в той же книге – после базирующегося на античных и раннесредневековых свидетельствах пространный описания «острова Фула», который «теперь называется Исландией» и который «бесконечно отнесен от прочих [и] расположен далеко в середине океана» (IV.36), – Адам сообщает (IV.37), что остров Гренландия лежит «еще глубже в океане против гор Свeдии или Рифейских хребтов (*profundius in oceano sita contra monte Suediae vel Riphea iuga*)», что к нему «от берегов Норманнии» идти под парусами столько же, сколько до Исландии, а именно пять или семь дней, и что гренландцы, хоть и «ведут такую же жизнь, как исландцы», «отличаются большей жестокостью и угрожают проплывающим пиратским разбоем» (Там же: 444). Вместо четкого представления о географии Севера, как в IV.10, Адам здесь преподносит читателю компиляцию из того, что король данов на основании личного опыта поведал ему про Свеонию и Норманнию («две обширнейших северных страны, в мире нашем до сих пор почти неизвестные»), и того, что он почерпнул из «древних авторов», в частности Солина и Орозия (Там же: 432). Описанная здесь картина уже другая: Исландия и Гренландия равно удалены от Норвегии, и если первый остров расположен «далеко в середине океана», то второй лежит напротив... гор Швеции или Рифейских хребтов.

Естественно возникает вопрос о том, как в сознании Адама Бре-

менского Рифейские горы соединились со Швецией. В.В. Рыбаков посвятил специальное исследование собственным именам «Швеция» и «шведы» у Адама и выяснил, что *Sueonia* и *Suedia* – это два варианта наименования Швеции: «заимствованное из книжной традиции» (в частности, из «Жития св. Ангария» Римберта) и «известное ему по устному употреблению» (*Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008. С. 168*). Автор установил известную логику в употреблении хронистом того или иного варианта топонима, но выделил как особый именно интересующий нас случай. Он предположил, «что в языке Адама или его информаторов наличествовало некое устойчивое сочетание (слово-комполит) для обозначения гор на территории Швеции», переводя которое на латинский язык, он «быстрее вспоминал именно те формы, корень которых был похож на соответствующий корень в его собственном языке» (Там же. С. 172, 179). Из этого, однако, не следует ответа на интересующий нас вопрос, и мне представляется целесообразным взглянуть на выражение «*Suediae montes vel Riphea iuga*», учитывая не только информаторов-современников Адама, но и его книжные познания.

В IV.21 Адам сам демонстрирует, что стало основой для его умозаключений: «О Свеонии также пишут древние авторы Солин и Орозий. Они сообщают, что большую часть Германии занимают свевы, а ее нагорья тянутся вплоть до Рифейских гор» (*Адам Бременский. Деяния... С. 432*). Именно *Suevia*, название родины свевов – северо-германских племен, известных античным авторам, – в средние века (по мере знакомства с новыми территориями, с «расширением горизонтов») стало порой восприниматься как обозначение Швеции (*Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 223*), а легендарная Свевская гора (*mons Suevus*), маркировавшая северо-восточную границу Германии, стала соседить (см. псалтырную карту Вестминстерского аббатства, XIII в.) с Рифейскими горами, которые в римской картографической традиции занимали прочное место на крайнем северо-востоке Европы (*Денисов А.О., Подосинов А.В. Рипейские горы в античной и средневековой геокартографии // Аристей. 2016. Т. XIV. С. 53–162*). Вот напротив этой «горной гряды» и поместил Адам Бременский Гренландию, о чем подробнее пойдет речь в докладе.

Старинные русские знамена в коллекции И.И. Срезневского

В Отделе рукописей БАН в коллекции воспроизведений И.И. Срезневского есть копии изображений старинных русских знамен XVI–XVII вв. из Оружейной Палаты Московского Кремля (БАН. Срезн. IV. 74. Л. 1–4): лицевые стороны Великого стяга царя Ивана Васильевича 1560 г. и знамен Сторожевого полка и Большого Наряда царя Алексея Михайловича 1654 г. Рисунки, вероятно, были выполнены Д.М. Струковым при подготовке альбома иллюстраций к известному труду Л.П. Яковлева (*Яковлев Л.П. Русские старинные знамена*. М., 1865; Рисунки к изданию «Русские старинные знамена» с. Лукиана Яковлева. М., 1865) и переданы И.И. Срезневскому.

Рисунки были без подписей, но легко определялись по указанному изданию. Однако внимательное их сличение навело на ряд предположений, которые отчасти совпадают с тезисами М.П. Головановой, опубликованными в работе, посвященной группе знамен сотен Государева полка (*Голованова М.П. Небесное воинство на знаменах сотен Государева полка. Об источниках иконографической программы // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды 7-й Междун. научно-практич. конференции*. СПб., 2016. Ч. 2. С. 208–119). Реконструируя историю Государева полка, его состава и связи с территориальной структурой в XVI–XVII вв., она отметила связь иконографической программы сотенных знамен второй половины XVII в. с искусством времени Ивана Грозного, а также обратила внимание на новые изображения, появившиеся в XVII в.

В настоящей публикации иконографическая программа знамен Государева полка Алексея Михайловича рассматривается как полностью перенятая, сформировавшаяся в середине XVI в.

На лицевых сторонах зарисованных знамен в средниках изображены Спаситель на белом коне (стяг 1560 г.), Господь, благословляющий обеими руками, со святителями и преподобными по сторонам (знамя Сторожевого полка 1654 г.) и Богоматерь Знамение с избранными святыми (знамя Большого Наряда 1654 г.).

Стяг Ивана IV с образом всадника Апокалипсиса был изготовлен к началу Ливонской войны (о зарождении иконографии Апокалипсиса в православной традиции и библиографию по теме см.: *Подковырова В.Г. Лицевые апокалипсисы второй половины XVII – начала XX века*. М.; СПб., 2016. С. 9–15). Знамена 1654 г. были сделаны к походам Алексея Михайловича в Польшу. Изображения были взяты с обветшавших знамен Михаила Федоровича: их опись

в Оружейной палате во многом совпадает с тем, что сохранилось от времени Алексея Михайловича к середине XIX в. (*Яковлев Л.П.* Указ. соч. Приложения. С. 1–4). А те, в свою очередь, могли быть скопированы с предшествующих образцов, так как иконография сюжетов этих знамен сложилась к середине XVI в., а почитание Церковью большинства изображенных святых на знаменах было установлено на Макарьевских соборах и раньше.

Так, на знамени Большого наряда 1654 г. по сторонам от Богоматери Знамение изображены святые Евдокия, Домника, Мария, Феодора, Мариамна, Мелания, Фетиния, Параскева, Матрона, Варвара, Параскева, Наталия, Агриппина, Матрона, Евлампия и Улиания. Едва ли они выбраны как святые, тезоименитые членам семьи Алексея Михайловича: патронессой царицы Марии Ильиничны считалась Мария Египетская, характерного изображения которой на знамени нет, а имена первых детей Алексея Михайловича повторяют имена детей Ивана IV, так что изображение св. Евдокии было одинаково значимо для обеих царей. Названные праведницы раннехристианской Церкви почитались и на Востоке, и на Западе. Изображения святых подвижников в откосе знамени также имеют отношение к Западному миру: Святые Петр и Онуфрий Пустынножители, Макарий Египетский, Марко Фряжский и Давид Солунский были аскетами-чудотворцами, почитаемыми и в Католичестве, причем мощи Давида в 1222 г. были перенесены в Италию; Авраамий Ростовский, русский святой XI в., почитался также и в Униатстве, другие святые, изображенные на оборотной стороне возле «Сошествия Святого Духа на апостолов», – Антоний Римлянин, Исидор Ростовский, Прокопий Великоустюжский, – были происхождением из Италии и Германии; Антоний Печерский был, несомненно, известен в Литве. Выбор святых на этих знаменах не только выражает молитвенное обращение, но также содержит полемическое высказывание: напоминание об общих истоках христианской веры, демонстрацию своего благочестия и намек на еретическое отступничество католиков через образы чудотворцев, оставивших Католичество ради Православия (один из них – Прокопий Великоустюжский, кстати, был из Любека, города, с которым и связан конфликт, приведший к началу Ливонской войны). Изображение преподобного Евфимия Суздальского, блаженных Максима и Василия Московских, Прокофия и Иоанна Устюжских отсылают нас ко времени Ивана Васильевича, так как они были канонизированы на Макарьевских соборах. О том же свидетельствует изображение Никиты Переяславского, прославленного в начале XVI в.: он занимал особенное место среди почитаемых в семье Ивана IV свя-

тых, так как у его гробницы получили утешение царь и царица, потерявшие своего первенца Дмитрия. Рождение второго царевича, по изложению Степенной книги, связывалось с молитвами именно этого святого.

На знамени Сторожевого полка среди сонма новгородских и ростовских архиереев и преподобных есть изображения святых, канонизированных в XVII в. – это Макарий Унженский и царевич Димитрий. Но такое дополнение к устоявшейся иконографии выражает лишь следование традиции.

При рассмотрении всех знамен Государева полка XVII в., становится очевидно, что их иконографическая программа целиком восходит ко времени Ивана Грозного, ко времени появления иконы Церкви Воинствующей, к знаменам второй половины XVI в., повторяющих много раз образ мчащегося всадника Апокалипсиса в лице Христа, архангела Михаила или же царя Константина.

Три разных иконографических сюжета знамен, оказавшиеся в коллекции Срезневского, предназначались, по нашему мнению, прежде всего, для стягов Ливонской войны, а позже пригодились для Польских походов XVII в.

*Л.И. Добровольская, к.и.н., зав. сектором
Гос. Эрмитаж*

Из истории производства двух памятных жетонов дореволюционной России

В последней трети XIX в. в Российской империи сложилась традиция отмечать памятные даты в жизни общества выпуском многочисленных жетонов. Эти мемории, более дешевые и простые, по сравнению с медалями, не всегда отличаясь высокими художественными достоинствами, прекрасно выполняли свое основное назначение – сохранение памяти о конкретном событии. Все это в полной мере относится к жетонам, выпущенным к памятным датам в жизни и творчестве деятелей искусства, прославивших империю.

Наибольшее количество такого рода памятников посвящено А.С. Пушкину. Почти все они начиная с 1901 г. опубликованы в многочисленных работах (см. например: *Ильин А.А.* Медали в честь Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1901; *Войтов А.А., Пискунова Л.С.* Медали, жетоны и медальоны в память А.С. Пушкина. Л., 1937; *Гдалин А., Робинсон Д.* Медальерная Пушкиниана // Советский коллекционер. № 23–27. М., 1985–1990; А.С. Пушкин и его время в памятниках нумизматики: Каталог выставки. СПб., 1999; *Коршиков А.С.* «Себя как в зеркале я вижу...» М., 1999; *Руден-*

ко И.В. Корпус жетонов. 1700–1917. Ростов-на-Дону, 2014. Т. 3.) Помимо систематизации памятников, издания включают в себя описания и метрические данные жетонов, имена медальеров и мастеровских, их производивших, иногда имеется информация, касающаяся истории учреждения жетона. Сведения же о тиражах практически всегда отсутствуют.

Около 10 жетонов, посвященных 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина, из собрания Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа (далее ОНГЭ) были отчеканены по проекту медальера А.А. Грилихеса (1849–1912), выпускника Академии художеств, с 1899 г. старшего медальера Санкт-Петербургского Монетного Двора (далее СПб МД). В их числе жетон для раздачи преподавателям и учащимся учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа, сведения о котором содержатся в одном из дел Медальной палаты (РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 575).

В конце января 1899 г. в канцелярию Монетного двора от окружного инспектора А.Д. Мохначева поступил запрос об изготовлении жетонов. В нем сообщалось, что министр народного просвещения Н.П. Боголепов (1846–1901) разрешил изготовить жетон «с непременным условием, чтобы портрет Пушкина не был заимствован с медали, проектированной Высочайше утвержденной при Академии наук Комиссией по устройству празднования памяти поэта». В данном случае речь идет о медали медальера СПб МД М.А. Скуднова (1861–1916). Она чеканилась в трех металлах и была впервые издана в книге «Чествование памяти А.С. Пушкина Императорскою Академией Наук в сотую годовщину дня его рождения. Май 1899» СПб., 1900 (*Ильин А.А.* Указ. соч. С. 5; Каталог... С. 18, № 2).

К письму Мохначева были приложены рисунок и описание предполагавшегося к производству жетона, утвержденные министром 22 января 1899 г.

В качестве материала была выбрана темная бронза, величина должна была равняться полуимпериалу (7 руб. 50 коп), вверху предполагалось маленькое ушко. На одной стороне жетона должен был располагаться «выпуклый портрет Пушкина в профиль», на другой – надпись в две строки: «26 мая | 1899 г.». Всего предполагалось отчеканить 40000 подобных жетонов. Вполне вероятно, что упоминаемые в некоторых изданиях аналогичные жетоны из других металлов предназначались для начальствующего состава (*Ильин А.А.* Указ. соч. С. 12, № 22; *Смирнов В.П.* Описание русских медалей. СПб., 1908. № 1161; Каталог... С. 25, № 27; *Щукина Е.С.* Монограммы и подписи на русских медалях XVIII – начала XX

веков. Киев, 2002. С. 103; *Дьяков М.Е.* Медали Российской империи. М., 2007. Ч. 7. № 1289.5; *Руденко И.В.* Указ. соч. № 2215.19).

Погрудный портрет поэта влево, в бюстике, с повязанным галстуком, из-под которого виден отложной воротник рубашки, помещен еще на нескольких жетонах и на медали работы этого медальера. Все они выполнены в частных мастерских в драгоценных и недрагоценных металлах и сочетаются с разными оборотными сторонами. В советское время штампами монетнодворского жетона (очевидно, для коллекционеров) были отчеканены значки, два варианта которых хранятся в ОНГЭ (Каталог... С. 36 № 99–101).

Один из наиболее изящных жетонов этой группы, судя по клеймам, был изготовлен в петербургской мастерской Э.К. Шуберта. Доминантой композиции на его реверсе является лира и чернильница с пером, расположенные на постаменте, вверху справа строки из стихотворения «Памятник» (*Ильин А.А.* Указ. соч. № 21; Каталог... С. 25, № 26).

В этой же мастерской по проекту А.А. Грилихеса были изготовлены штампеля жетона, выпущенного в память П.И. Чайковского, скончавшегося 25 октября 1893 г. (РГИА. Ф. 570. Оп. 11. Д. 437) В конце декабря 1893 г. от владельца мастерской Э.К. Шуберта поступило на имя начальника СПб МД заявление с просьбой изготовить 1000 штук жетонов из доставленных «15 фунтов алюминия и двух пар штампелей». Кроме того, предполагалось отчеканить 10 золотых, 500 серебряных и 2000 бронзовых жетонов. В обращении от 3 февраля 1894 г. Шуберт просил «в возможно непродолжительное время» изготовить 10 жетонов червонного золота весом в 3 ½ золотника каждый. Такая же просьба касалась и серебряных жетонов. Судя по документам, в течение марта были отчеканены 16 золотых и все серебряные жетоны. В собрании ОНГЭ хранятся жетоны, изготовленные в трех металлах.

На аверсе – погрудный портрет Чайковского $\frac{3}{4}$ вправо; по окружности в ободке фамилия, имя, отчество композитора и даты жизни, в обрезе руки слева подпись медальера. На реверсе – в центре лира с лавровой ветвью, под ней свиток с нотным станом. Вверху по окружности надпись «изъ шестой симфоніи (патетической)». На ушке клеймо фирмы ES (Э. Шуберт) (*Иверсен Ю.Б.* Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1896. Т. 3. С. 50–51; *Щукина Е.С.* Указ. соч. С. 56; *Дьяков М.Е.* Указ. соч. № 1074.1; *Кокарев А., Сальков А.* П.И. Чайковский в медальерном искусстве. М., 2010. С. 7, № 1; *Руденко И.В.* Указ. соч. № 2247).

Как видно из документов, автор проекта последнего жетона А.А. Грилихес был старшим медальером Монетного двора, местом

чеканки жетонов стал СПб МД. Фирма же Шуберта, ставившая свое клеймо на изделие, являлась в данном случае заказчиком этих памятников.

*А.В. Дюкарев, к.и.н., преп.
Кубанский ГУ (Краснодар)*

Кубанский казачий род Непокупных: материалы к генеалогическому поиску

Казачий род Непокупных из станицы Петровской Кубанской области является примером государственного служения провинциальной станичной элиты кубанского казачества. Подробного освещения в истории удостоился один из представителей этого рода – Константин Гаврилович Непокупной, в статье В.В. Слободенюка показана его военная служба и участие в Первой мировой и Гражданской войнах (*Слободенюк В.В.* Кавалер Георгиевского оружия, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода Константин Гаврилович Непокупной // «Гром победы, раздавайся!»: Материалы XI Междунар. Дворянских чтений. Краснодар, 2015. С. 177–187).

У истоков казачьего рода Непокупных станицы Петровской стоит Непокупный Емельян Иванович, войсковой старшина в отставке. Признан в дворянстве «Определением дворянского собрания» от 23 сентября 1871 г. Определение утверждено указом Сената 25 сентября 1872 г. № 6876 (Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г. Составлен Ставропольским депутатским собранием по постановлению очередного губернского собрания состоявшегося 16 декабря 1909 г. С. 55). Семья принадлежала к элите станичного общества, к т. н. «панам», что определялось штаб-офицерским статусом Е.И. Непокупного и соответствующим земельным наделом, который ему полагался. В записке таксатора Межевого учреждения Кубанской области коллежского советника Серафимовича, сделанной по результатам земельного обследования ст. Петровской от 6 октября 1873 г. значится, что войсковому старшине Емельяну Непокупному принадлежит 228 десятин удобной земли и 121 десятина 1384 сажень неудобной земли, всего 349 десятин 1384 сажень земельного надела (ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1149. Л. 75–76).

У Е.И. Непокупного было два сына: Гавриил и Дмитрий.

Непокупный Гавриил Емельянович имел офицерское звание с 20 апреля 1877 г., на 31 декабря 1885 г. в звании подьесаула, служ-

бу нес в Таманском конном полку (Кубанская справочная книжка, 1891. Екатеринодар: Типография А.П. Сташевского, 1891. С. 63).

Непокупный Дмитрий Емельянович проживал в станице Петровской Таманского отдела Кубанской области. Офицерское звание получил в 1877 г., с 6 мая 1889 г. есаул Урупского конного полка (Там же. С. 61). В 1896 г. присвоено звание войскового старшины (Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1898. С. 88). 25 июня 1904 г. назначен командиром 1-го Екатеринодарского конного полка. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. в составе Сводной Кавказской казачьей дивизии казаки-екатеринодарцы отличились при проведении 500-километрового рейда по японским тылам, в рейдах у Хайчэн, Дантуко, Факумынь, в боях при Суману, Донсязой. За самоотверженные действия многие казаки были представлены к заслуженным наградам, а командир полка полковник Д.Е. Непокупный награжден Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» (Офицеры Российской императорской армии. Режим доступа [http://gia1914.info/index.php?title=Непокупной Дмитрий Емельянович](http://gia1914.info/index.php?title=Непокупной_Дмитрий_Емельянович)). После русско-японской войны Д.Е. Непокупной командовал 1-м Екатеринодарским кошевого атамана З. Чепеги полком до 1910 г. (Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии. Составлен по 1-е января 1910 года. СПб, 1910. С. 642). В Первую мировую войну воевал в составе 2-го Таманского полка, в 1916 г. награжден Георгиевской медалью 4 ст. № 689507 (*Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Казаки Кубанского Войска в Великой, гражданской войнах и эмиграции. Чины конных полков, пластунских батальонов, артиллерийских батарей, особых сотен, военно-учебных заведений и войсковых структур. В 2-х тт. М., 2017. См.: Т. 2. С. 142).

Дальнейшая судьба Д.Е. Непокупного не прослеживается, равно как отсутствуют сведения и о его потомках, что требует дальнейших историко-генеалогических исследований.

Следующее, младшее поколение казаков Непокупных ст. Петровской, представлено сыновьями Гавриила Емельяновича Непокупного – Борисом, Константином, Анатолием.

Непокупный Борис Гаврилович обучался в 3-м Московском кадетском корпусе (1905 г.), затем прошел курс обучения в Николаевском кавалерийском училище, которое закончил в 1907 г. Службу проходил в 1-м Таманском конном им. атамана Безкровного полку, на 01.01.1909 г. значился в списках полка в звании хорунжего (Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии. Составлен по 1-е января 1910 года. СПб, 1910. С. 604). В период Первой мировой войны воевал в составе 2-го Таманского полка Кубан-

ского казачьего войска в звании войскового старшины. В Гражданской войне сражался в рядах Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России в чине полковника 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, с 6 марта 1919 г. назначен командиром 2-го Черноморского полка. После поражения Вооруженных сил Юга России в Гражданской войне находился в эмиграции, на 1933 г. являлся атаманом станицы Лесковацкой в Югославии (*Волков С.В.* База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016. Буква Н. Режим доступа: <http://swolkov.org/2bazabeloe/dvizhenie/pdf/UchastnikiBelogodvizheniavRossii13-N.pdf>).

Непокупный Константин Гаврилович – единственный из рода Непокупных, чья судьба достаточно полно рассмотрена, о чем мы уже упоминали. Его фотографии являются единственными на данный момент сохранившимися иллюстрациями казачьего рода Непокупных (Искры. Иллюстрированный художественно-литературный журнал с карикатурами. 1914. 30 ноября. № 47; Кавалеры ордена Св. великомученика и победоносца Георгия и Георгиевского оружия. Белград, 1935. С. 69).

В архивных документах Государственного архива Краснодарского края удалось выявить еще одного сына Гавриила Емельяновича Непокупного – Анатолия. В метрических записях Александро-Невского собора г. Екатеринодара за 1917 г. мелькнуло имя Анатолия Гавриловича Непокупного как восприемника при таинстве крещения. При этом он значится казаком станицы Славянской (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 44), в отличие от своих братьев, отца и дяди, которые являются казаками станицы Петровской.

Данные родословные наброски позволяют шире взглянуть на один из провинциальных казачьих родов Кубани – род Непокупных. В нашей работе мы в основном опирались на печатные материалы, изданные до 1917 г., и на современные справочные материалы, обобщающие служение кубанского казачества в рядах российской императорской армии. Дальнейшие перспективы исследования лежат в плоскости архивного поиска в рамках реконструкции семейной истории казачьего рода Непокупных.

*К.А. Елохин, к.и.н., н.с.
ИВИ РАН*

Европейские гербовые портреты как источник геральдики

Под гербовым портретом (далее – ГП) мы понимаем ростовое, поясное или погрудное реалистичное (с известными оговорками, касающимися изобразительной традиции Средневековья) изобра-

жение определённого человека, парный или групповой портрет, сделанные темперными или масляными красками на досках, ткани или холсте, чьи размеры составляют более 20 см (что исключает портретную миниатюру), с одним или несколькими гербами, созданное с целью увековечивания индивидуальности изображённых людей. Частным случаем групповых ГП являются гербовые портретные родословные (где портреты и гербы часто были вымышленными), получившие распространение в Западной Европе в XVI в. В ГП изображались мужчины, женщины и дети, но геральдически различия между ними не было.

Обычно ГП заказывались либо самими гербовладельцами, либо с целью поощрения или благодарности. Из-за высокой стоимости и с целью изъять почтение и преданность ГП преподносились в дар. Повод для написания портрета мог быть любым, например, неожиданный визит высокопоставленного лица к будущему дарителю или случайная встреча.

Функции ГП: репрезентативные, социальные, политические, юридические, генеалогические, религиозные. ГП могут существовать и сами по себе, и как часть других гербовых или обычных портретов и являются наглядными посланиями их заказчика потомкам или одаряемым и только потом случайным зрителям.

ГП вешались в местах с большим количеством посетителей.

К началу XIV в. герб воспринимался знатью как родовой знак. К началу Нового времени изображение герба в женском портрете стало общественно приемлемым. Герб в портрете женщины показывал социальный статус и отчасти происхождение её отца и указывал на её происхождение.

ГП использовались на различных церемониях как заместители и «подобия» отсутствовавших по разным причинам аристократов. С XV–XVI вв. ГП распространились в Европе (кроме Османских владений).

Наличие двух и более гербов встречалось чаще у женщин по причине демонстрации родового герба и герба супруга. Часто супруги изображались со своими гербами. С несколькими гербами женщина изображалась после вступления в наследство, демонстрируя с помощью герба новое земельное или титульное приобретение.

Изображавшиеся в ГП дети были законными потомками своих родителей; иной ребёнок мог считаться родоначальником новой ветви рода, а его герб мог быть изменён по желанию родителей. Родовые девизы могли изображаться на одежде ребёнка или в виде каких-либо дополнений.

XVI–XVII вв. – эпоха расцвета ГП. Менялось общество и функции ГП: произошёл отход от понимания ГП как свидетельств благочестия (в виде донаторских алтарных досок) в пользу понимания ГП как свидетельств родovitости и высокого положения в обществе.

Эпоха Гуманизма способствовала отходу от ГП к портретам с гербами и изобразительными девизами, которые стали актуальными средствами сообщения современникам каких-либо сведений о заказчике портрета. Именно влиянием идей Гуманизма можно объяснить появление гербовых портретов простолюдинов в начале XVI в.

С начала XVII в. в ГП появились картуши. Для характеристики эпохи, исторических реалий и условий возникновения источника картуш имеет решающее значение, так как зачастую по гербу невозможно определить род гербовладельца. В России первые ГП появились в конце XVII в. Первые русские парсуны исполняли те же мемориальные функции, что и польские мемориальные гербовые портреты. Известны ГП русской духовной и светской знати, аноблированных купцов.

Конец XVIII в. ознаменовался переменами, принесенными Французской революцией, пересмотром роли знати и изменением общества. Гербы в портретах могли изображаться не в полотне, а находиться на рамках, которые можно было заменить по воле владельцев.

С XVI в. сложился отдельный поджанр гербовых картин, когда центральной фигурой портрета был герб, а не изображённый человек, к XIX в. этот поджанр эволюционировал, и в картине изображался лишь герб без изображения персоны.

Традиция ГП в целом утасла к середине XIX в., но существует и сегодня, например, в странах Южной Европы.

Особые возможности ГП для геральдики проявляются в сравнении с гербовыми портретами других членов одного рода или его ветвей. Однако следует учитывать, что гербы с похожими фигурами, эмалями и металлами существовали в геральдических традициях разных стран совершенно самостоятельно.

С изучением ГП связан ряд проблем:

1) Многие художники не подписывали свои работы, другие оставляли монограммы и эмблемы, польские же мастера помечали свои работы руноподобными знаками *змерк* в укромных местах – на обороте или под рамой.

2) Изображение в портретах с помощью бризур или каймы гербов младших ветвей рода, незафиксированных в гербовниках или других официальных документах и отличающихся от гербов старших родов.

3) Намеренное искажение данных в картушах и надписях на портретах или ненамеренное при музейной описи, что существенно затрудняет идентификацию изображённых персон.

Ложные ГП (изображение персон с не принадлежащими им гербами или гербами искажёнными) – явление слабо распространённое из-за высокой стоимости и лёгкости разоблачения. Цели создания подобных портретов могли различаться – от обоснования как правомочных, так и неправомочных притязаний и подлога в имущественных и политических спорах, до прославления деятелей прошлого. ГП малороссийских казаков, ошибочно мнивших себя потомками польской шляхты, включали в себя воображаемые гербы, поддельность которых была настолько общеизвестна, что вошла в сатирические поэмы. Их ГП были выполнены часто в традициях т. н. сарматского шляхетского портрета, где герб был более важным, чем портретное сходство.

ГП оказали большое влияние на книжную миниатюру и гравюру Нового времени. ГП следует рассматривать регионально с привязкой к той эпохе, когда они были написаны, и вместе с другими источниками геральдики, ибо лишь полная картина гербового пространства может дать представление об обществе Позднего Средневековья и Нового времени и его изменении.

*И.Е. Ермолова, к.и.н., доц.
ИАИ РГГУ*

Данные эпиграфики о торговле римлян с варварами

Развитие экономики ни в одном древнем государстве не было приоритетным направлением, экономические отношения складывались стихийно без помощи правительств. Существенной частью экономики издревле были торговые связи. Изучение данной сферы жизни общества представляет значительные трудности, так как в письменных источниках ей уделяется немного внимания, а археологические данные без опоры на них сложно интерпретировать. Торговля Римской империи велась не только внутри государства, но охватывала и сопредельные, и территориально отдаленные народы.

Существуют различные мнения по поводу изменений уровня и масштабов торговых отношений римлян с другими народами в ранний и поздний имперские периоды. Часть антиковедов полагает, что они резко уменьшились в III–V вв., некоторые не видят заметной разницы в интенсивности торговли на протяжении I–V вв.

Данные нарративных источников свидетельствуют о достаточно оживленных торговых отношениях населения римских пригранич-

ных провинций с различными варварскими народами. Аммиан Марцеллин показывает, что для готов тервингов торговля с римлянами была не просто давно привычной, но и жизненно важной, так как они получали крайне необходимые им товары и лишались их, когда римские власти торговать запрещали (*Amm. Marc.* XXVII.5.7; XXXI.5.5). Не только для готов, но и для других племен торговля с римлянами была чрезвычайно значима. «При всей своей первоначальной агрессивности мир варваров был заинтересован в поддержании торговых отношений с Римом» (*Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. М., 2000. С. 184). Запретительные меры практиковались и позднее. В 466 г. сыновья Аттилы пытались возобновить пограничную торговлю на Дунае на тех же условиях, на которых она осуществлялась при их отце, но восточный император Лев I ответил отказом на их просьбу (*Prisc. Pan.* Fr. 36).

Хотя существует мнение, что в IV в. римские купцы вряд ли рисковали отправляться вглубь враждебной Европы, даже в беспокойные 70-е годы этого века римские отряды встречали в германских лесах за Рейном своих торговцев. В эпизоде «Деяний» Аммиана Марцеллина они погибают от рук соотечественников. Западный император Валентиниан приказывает убить их, чтобы сохранить фактор внезапности при нападении на маркоманнов (*Amm. Marc.* XXIX.4.4).

Плиний Старший пишет, что римские полководцы в войнах всегда заботились о торговле (*Plin.* Н. Н. XXVI.19: *curae Romani duces primam semper in bellis commerciorum habuerunt curam?*), ибо торговые связи с покоренными или умиротворенными племенами использовались как средство давления на них.

Римские власти стремились получать доход от внешней торговли, облагая экспорт и импорт пошлинами, достигавшими, по мнению исследователей, 5 %. При Октавиане Августе доходы от пошлин на вывоз и ввоз товаров в столь отдаленную область, как Британия, с успехом заменяли дань с острова (*Strabo.* IV.5.3), а жители Агриппиновой колонии во время восстания Цивилиса спасли себя и свой город ценой отмены пошлин и других ограничений торговли с германцами (*Tac. Hist.* IV.65).

Чтобы следить за внешней торговлей более результативно, римляне назначают определенные пункты для этого, объявляя остальные участки границы закрытыми. Еще Марк Аврелий в договорах с различными варварскими народами установил места и дни для торговли с ними, либо запретил некоторым посещать торжища (*Dio LXXI.* 15.1; 11.3; 19.2). Рынки торговли с варварами контролировала армия.

В поздней античности разрешенных переходов через границу Римской империи, как считает Р. Блокли, было мало. Ограничение было связано и с общей неохотностью разрешать людям путешествовать и встречать чужаков, и с желанием, с одной стороны, получать максимальный доход от сбора пошлины на экспорт и импорт, с другой стороны, эффективно препятствовать вывозу запрещенных товаров, а заодно и утечке стратегической информации. Император Валент после заключения мирного договора с тервингами в 369 г. ограничил их торговлю с римлянами двумя городами. По этому поводу Фемистий сообщает следующее: «хотя оба народа получали выгоду от торгового оборота, он устроил эмпории только в двух построенных подле реки городах. То был знак того, что, заключая договор с варварами, он диктует им все условия – и вместе с тем мера предосторожности, чтобы преступникам было труднее скрываться, коль скоро [пространство], отведенное для сношений с [варварами], будет замкнуто в определенных местах» (*Them. Or. X.135c-d*).

Вместе с тем, примерно в то же время на римских границах появляются новые поселения, ориентированные именно на торговлю с соседями, Фемистий, видимо, не зря писал о взаимной выгоде. Сохранилась уникальная, датируемая 371 г., надпись о строительстве нового укрепления на Дунае в Паннонии специально для торговли с окрестными племенами: «По важнейшему решению наших государей Валентиниана, Валента и Грациана, а также по распоряжению сиятельного мужа, магистра войска и комита Эквиция Фоскан, командир Первого Марсова легиона с вверенными ему воинами от основания и заложил, и построил, чтобы по обязанности завершить [его] в течение 48 дней второго консулата нашего божественного Августа Грациана и светлейшего мужа Проба это укрепленное поселение, название которого *Commercium*, с каковой целью оно и сооружено» (*ILS. 775: Iudicio principali dominorum nostrorum Valentiniani Valentis et Gratiani principum maximorum, dispositione etiam illustris viri utriusque militiae magistri Equitii comitis, Foscanus praepositus legionis primae Martiorum una cum militibus sibi creditis hunc burgum, cui nomen Commercium, qua causa et factus est, a fundamentis et construxit et ad summam manum operis in diebus XXXXVIII consulatus d. n. Gratiani Augusti bis et Probi viri clarissimi fecit pervenire*). Как следует из данного документа, военные не только должны были контролировать торговые отношения с варварами, но и создавать для этого соответствующие условия, вплоть до строительства особых поселений.

**Переписка афонских старцев с князем Андреем Курбским:
О датировке грамоты архимандрита Макария***

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-10091

В собрании Хиландарского монастыря Афона хранится грамота архимандрита Макария «князю Андрею Курумскому», которая еще ждет своего тщательного изучения. Она входит в коллекцию кириллических грамот и написана на столбце и отдельном листе почерком XVI в. Это, судя по исправлениям в тексте, составленная при участии самого главы сербского монастыря Св. Саввы на горе Афон черновая версия послания. В коллекции списков она выступает под поздним (арабским) номером «9». Датировка в известном ныне списке, по-видимому, отсутствует. Помета «Кнеговом» означает, что грамота входила в подборку посланий, адресованных князьям. Возникает вопрос, кто был адресатом этой грамоты. Можно предположить, что в прозвище «Курумский», которое отчетливо читается в тексте, следует видеть искаженное имя князя Андрея Курбского.

Датировка также вызывает вопросы, но все же находит свое предварительное обоснование. Обмен миссиями между Москвой и монастырем Св. Саввы происходил регулярно (Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 182–186 (№ 65), 181 (№ 64), 186 (№ 66), 187 (№ 67) и др.). В собрании монастыря хранятся малоизученные черновые версии грамот за время правления Ивана IV Васильевича. В этом ряду интерес вызывают две грамоты, на которых мы сконцентрируем наше внимание, – послания князю Андрею Курбскому и королю Стефану Баторию. Связаны ли они между собой? К какому времени относятся эти недатированные послания?

Сравнение данных о миссии из Хиландарского монастыря в Москву, отложившихся в Греческой посольской книге № 2 из РГАДА (Ф. 52. Оп. 1. № 2. Л. 12–15 об.), показывает, что к Курбскому и Стефану Баторию направились те же лица. В послании царю Ивану архимандрит Макарий называет только одного царевича-сына Ивана IV: «... ти и со благоданными твоими чеды царевичем Феодором Ивановичем и со всем православным воинством» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. № 2. Л. 14).

Старцы чутко реагировали на изменения в численности царской семьи, и неслучайно в собрании Хиландарского монастыря сохранилась грамота, в которой намечена новая перемена в семье Ивана IV. Один царевич Федор назван умышленно – на момент, когда создавалась грамота в Москву, монахам было известно о том,

что в семье Ивана IV при жизни остался только один царевич – Федор, а о рождении царевича Дмитрия еще ничего не известно. Царевич Иван скончался 19 ноября 1581 г., и уже вскоре после этого Иван Грозный направил щедрые поминальные пожертвования на Афон (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. № 2. Л. 14, 32–33 об.). Царевич Дмитрий родился у царицы Марии Нагой только 19 октября 1582 г., и таким образом, миссия Григория и Вениамина была подготовлена примерно между декабрем 1581 г. и ноябрем 1582 г.

В посольском portfolio монахов была и еще одна грамота, адресованная Стефану Баторию. Она играла роль «верительной» и одновременно содержала просьбу о милостыни. Впрочем, прямо о проезде в Москву в ней не говорилось. Вместо этого звучала формула «до твоее светлое кралевство и до всего православия» (Собр. Хиландарского монастыря. НМ. SDC. 153). Из этого не следует, что мы имеем дело с особой миссией, которая за пределы Речи Посполитой не планировалась. Просьба о пропуске через границы могла прозвучать и устно, а «все православие», конечно, в сознании современников предполагало право въезда на территорию Российского царства.

Таким образом, в составе Посольской книги № 2 из Российского архива древних актов и в собрании кириллических грамот Хиландарского монастыря под номерами 8 и 9 хранятся части одной миссии, направленной из Хиландарской обители около декабря 1581 г. – ноября 1582 г. в Речь Посполитую к Стефану Баторию и князю Андрею Курбскому, а оттуда нацеленной в Москву к Ивану IV. Вряд ли миссия собралась ранее весны – лета 1582 г., когда дорога облегчалась летним теплом и уже было заключено перемирие между Иваном IV и Стефаном Баторием, делавшее посольство монахов через Речь Посполитую в Москву более безопасным, чем была миссия митрополита Еврипского Иоасафа в сопровождении Исаяи Каменецкого в 1561 г.

Князь Андрей Курбский был вовлечен в отношения Константинопольского патриархата с Московской митрополией еще в период правления Избранной рады и возлагал надежды на миссию своего духовника Феодорита Кольского. В эмиграции Курбский поддерживал самостоятельные отношения с Константинополем и афонскими обителями. В Москве в феврале 1567 г. узнали, что «Курбсково человек» приезжал к патриарху. По предположению И. Ауэрбах, Курбский добивался от патриарха права на повторный брак, узнав о гибели своей семьи в Российском царстве (*Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985. S. 210. Anm. 3*). О связях Курбского с Афоном также известно. В Зографском монастыре хранится

поздний список с тома его переводов «Иоанн Дамаскин». Монахам Курбский мог присылать не только милостыню, но и свои ученые труды. Впрочем, для подобного вывода сведений в нашем распоряжении недостаточно.

* Наборы грамот по микрофильмам Хиландарской библиотеки США (Огайо) подготовлены к публикации Ю.Э. Шустовой. Благодарю коллегу за доступ к данным материалам. Благодарю также Брайана Боека, от которого в частной переписке в 2013 г. я впервые узнал об изучаемом здесь послании и получил цифровую копию его первого листа. Ниже мы ссылаемся на эти тексты из собрания Хиландарской библиотеки без указания более точных шифров (НМ. SDC. 153).

*А.Е. Жуков, к.и.н., н.с.
НИОР БАН, СПбГУ*

К вопросу о происхождении Музейного летописца

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 16-18-10137

Одним из ключевых памятников русского летописания третьей четверти XV в. является т. н. Музейный летописец. Данное произведение сохранилось в двух списках: в рукописи РГБ. Музейное собр. 3271, датируемой рубежом XV–XVI вв. (подробное описание см.: *Кудрявцев И.М.* Сборник последней четверти XV – начала XVI в. из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 25. М., 1962. С. 220–288, далее – Музейный список) и в сборнике БАН. 34.2.31, написанном в третьей четверти XVI в. (Описание рукописного Отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 1 (хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги). М.; Л., 1959. С. 328–332, далее – Воронцовский список; содержит неполный текст с 1432 г.).

В научной литературе существует две точки зрения относительно места Музейного летописца среди памятников русского летописания. Согласно первому мнению, сформулированному Я.С. Лурье, данный памятник наряду с Летописью И.А. Лавровского отражает одну из наиболее ранних редакций московского великокняжеского летописания. По другому мнению, высказанному Б.М. Клоссом, Музейный летописец (в фрагментах до 6988 г.) и Летопись Лавровского (в первой части – до 6977 г.) передают текст Вологодско-Пермской летописи, но содержат лучшие чтения по сравнению с другими ее списками (см.: *Клосс Б.М., Лурье Я.С.* Русские летописи XI–XV вв. (материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. Ч. 1. М., 1976. С. 122–

138). Вопрос, вокруг которого развивалась дискуссия Я.С. Лурье и Б.М. Клосса, не имеет однозначного решения до сих пор. В данной ситуации вызывает удивление то обстоятельство, что исследователи, изучая взаимоотношения Музейного летописца с другими памятниками русского летописания, фактически не рассматривали вопрос о его происхождении и историю текста. К данной проблеме мы и обратимся в настоящем докладе.

Прежде всего, остановимся на взаимоотношениях Музейного и Воронцовского списков. Я.С. Лурье считал, что они восходят к общему протографу (*Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 165*). Однако каких-либо текстологических доводов в пользу данного суждения исследователь не привел. Вместе с тем Воронцовский список вполне может восходить к Музейному. Прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что Музейный список не содержит позднейших и неисправных чтений, по сравнению с Воронцовским. Если бы обе рукописи восходили к общему протографу, то при копировании в них возникали бы ошибки прочтения или внутреннего диктанта. То обстоятельство, что в Музейном списке неисправные по отношению к Воронцовскому чтения отсутствуют, косвенно свидетельствует о восхождении последнего к первому. Кроме того, в Музейном летописце присутствует целый ряд поправок (л. 201 об., 216 об., 220 об., 221, 227, 229 об.), вносившихся справщиком с целью скорректировать неисправное чтение протографа. Во всех указанных случаях текст Воронцовского списка содержит исправленный вариант текста. Таким образом, весь комплекс исправлений Музейного списка вошел в Воронцовский. Два указанных обстоятельства позволяют предположить, что Воронцовский список восходит к Музейному.

Уточнив взаимоотношения двух известных списков рассматриваемого памятника, обратимся к вопросу о происхождении древнейшего из них. Музейный список находится во второй части конволюта РГБ. Музейное собр. 3271 (л. 66–291). Относительно происхождения первой его части (л. 1–65) существуют некоторые спорные вопросы. Однако исследователи единодушно признают, что она содержит материалы, связанные с Вологодско-Пермским летописанием (*Кудрявцев И.М. Сборник последней четверти XV – начала XVI в. из Музейного собрания. С. 225–233*). По поводу второй части конволюта подобной определенности нет.

В связи с вопросом о происхождении Музейного летописца хотелось бы обратить внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, в обеих частях конволюта РГБ. Музейное собр. 3271 встречается бумага с одинаковыми филигранями (филигрань «Голова

быка» на л. 99, 100, 103, 104 и др. совпадает с водяным знаком на л. 1). Во-вторых, отмеченные выше исправления, включенные в Воронцовский список полностью, частично отразились в различных списках Вологодско-Пермской летописи. Особое внимание хотелось бы обратить на одно из них. В известии об ослеплении великого князя Василия II в Музейном летописце читается: «А Ряполовские то вше князь Иванъ» (РГБ. Музейное собр. 3271. л. 229 об.). Такое же чтение присутствует в Летописи И.А. Лавровского (ЛННБ. Собр. Народного дома. № 217. л. 227 об.). Впоследствии один из справщиков Музейного списка приписал по нижнему полю со знаком вставки «слыша», в результате чего получилось чтение «слышавше». Данный вариант присутствует во всех списках Вологодско-Пермской (ПСРЛ. Т. 26. С. 203), а также в Никаноровской летописи (ПСРЛ. Т. 27. С. 112). Однако исправление Музейного летописца является неточным. В других памятниках, содержащих идентичный текст данного известия, читается «видевше» (ПСРЛ. Т. 28. С. 107, 274). Примечательно, что Вологодско-Пермская летопись не может восходить к Музейному летописцу непосредственно, поскольку последний содержит неисправные чтения. В частности, в известии о битве на Калке в Музейном летописце отсутствует чтение «памяти ради русских князеи и беды, яже бысть им от них», присутствующее в Вологодско-Пермской летописи (РГБ. Музейное собр. 3271; ПСРЛ. Т. 26. С. 66). Не вдаваясь в подробности взаимоотношений Музейного летописца с Вологодско-Пермской летописью, отметим лишь, что рассматриваемые произведения формировались в одном кругу. Вероятно, это была Вологодская владычная кафедра. Таким образом, Музейный летописец принадлежит к традиции Вологодско-Пермского летописания.

*Л.А. Заворотная, к.и.н.
(Москва)*

«Сталин» в Австралии (история одного жетона)

Сталин и Австралия – это сочетание, на первый взгляд, кажется необычным как в силу географического положения страны, так и исторически. После октябрьской революции Австралия прервала официальные связи с Россией. Ее правительство долгие годы подозрительно относилось к русским иммигрантам и ассоциировало их со словом «большевик», хотя большая часть русских состояла из белоэмигрантов, которые, покинув в 1922 г. Дальний Восток, вначале оказались в Китае, а затем переехали в Австралию. Все они

придерживались монархических взглядов и не признавали советскую власть (*Каневская Г.И.* Эмиграция с Российского Дальнего Востока в Австралию // «Австралиада – Русская летопись». Сидней, 1999. № 20. С. 34).

В конце 1930-х гг. обострились противоречия среди самих русских жителей Австралии. Одни называли себя националистами и выступали против коммунистов. Другие считали большевизм утопией, которая исчезнет сама по себе (Русские в Австралии. Исторический справочник. Сидней, 2008. С. 71–72). Православная Церковь старалась объединить разрозненных в политическом отношении иммигрантов. Так, священник Иннокентий Серышев считал, что главная цель русской диаспоры в Австралии – не бороться с Советами за тридевять земель, а сохранить русскую культуру, ознакомить с нею иностранцев, накопить знания чужой страны, создать семью (*Каневская Г.И.* Очерки русской иммиграции в Австралии (1923–1947). Мельбурн, 1998. С. 72).

После нападения Германии на Советский Союз Австралия вместе с Великобританией стала союзницей СССР в борьбе с фашизмом. В 1942 г. между Австралией и Советским Союзом были установлены дипломатические отношения. В годы войны австралийские моряки и летчики под командованием вооруженных сил Великобритании принимали участие в операциях по охране и сопровождению транспортных кораблей союзников. Они Северным путем доставляли в Архангельск и Мурманск грузы военного и хозяйственного назначения по «ленд-лизу». В это время в Австралии тех, кто наиболее активно выражал антисоветские взгляды, заключали под стражу и отправляли в лагерь, в котором они находились до конца войны.

В стране широко развернулась работа благотворительных организаций. В 1941 г. под руководством общественной деятельницы Джесси Стрит (1889–1970) были созданы «Общество советско-австралийской дружбы», «Комитет медицинской помощи России», «Русский комитет помощи Родине». В 1943 г. в Сиднее был зарегистрирован «Русский общественный клуб» под председательством П.И. Горской, которая была заместителем Джесси Стрит (*Стрит Дж.* В поисках правды. М., 1967).

В эти же годы на улицах Сиднея появились жетоны с портретом Сталина. Инициатором их выпуска стал русский иммигрант Иван Дмитриевич Репин (1888–1949). Жетоны продавались за два шиллинга в качестве благотворительного сбора в помощь России. На лицевой стороне в центре был изображен Сталин. Слева и справа от портрета надпись: «JOSEF / STALIN». На о.с. цифра «2», т. е. два

шиллинга. Жетоны были диаметром около 24 мм. (*Косицын Г. Иван Дмитриевич Репин // «Австралиада – Русская летопись». Сидней, 1996. № 8. С. 31).*

И.Д. Репин родился в 1888 г. недалеко от города Череповца в имении своего отца. Окончив горный факультет Санкт-Петербургского университета, он со званием горного инженера получил назначение на службу в Донбасс. Позже работал на Урале в Нижнем Тагиле. В 1919 г. И.Д. Репин уехал во Владивосток, где нашел залежи угля и открыл свои угольные копи, поставляя уголь железной дороге. После прихода к власти большевиков И.Д. Репин с семьей уехал в Харбин, затем они переехали в Шанхай, а оттуда в 1925 г. прибыли в Австралию и поселились в Сиднее (История русских в Австралии. Сидней, 2014. Т. IV. С. 236–237). В те годы в Австралии русские дипломы не признавались. Страна еще не была развита индустриально, и ей требовались прежде всего малоквалифицированные рабочие. Вначале И.Д. Репин работал таксистом. Накопив небольшой капитал, он открыл в центре Сиднея первое в Австралии кафе-ресторан «*Repin*». Чтобы улучшить состав кофе, И.Д. Репин дважды побывал в США. В последующие годы он открыл свой магазин и расширил сеть кафе. За это его прозвали «кофейным королем». Современники вспоминали, что у И.Д. Репина, единственного в стране, продавалось кофе из натуральных тут же поджаренных зерен. В то время многие австралийцы увлекались шахматами, и столики в репинских кафе были с шахматными досками, за которыми можно было подолгу играть и пить кофе (*Косицын Г. Указ. соч. С. 29).*

Как и другие русские предприниматели, И.Д. Репин много занимался общественно-благотворительной деятельностью (Русские в Австралии. Исторический справочник. Сидней, 2008. С. 58). Он оказывал помощь вновь прибывшим иммигрантам, давал им работу в своих кафе, внес крупную сумму на строительство в Сиднее Свято-Владимирского храма (*Суворов И. Новые страницы истории Свято-Владимирского храма // «Австралиада – Русская летопись». Сидней, 1997. № 10. С. 21).* И.Д. Репин старался и своим детям привить любовь к родине, к ее культуре и русскому языку.

С началом Второй мировой войны И.Д. Репин стал деятельным участником помощи Красной Армии и материально помогал общественным организациям в проведении различных благотворительных мероприятий. Этим он вызвал неприязнь некоторых русских иммигрантов, хотя в то время в Австралии все шло на борьбу с Гитлером (*Косицын Г. Указ. соч. С. 30–31).* Активно велись работы по сбору денег, медикаментов, одежды, упаковке посылок и от-

правки их в Советский Союз. В эти же годы австралийцы и русские иммигранты поддержали развернувшееся в стране движение «Овчины для России!». Рабочие, занятые выделкой овчины в дубильных мастерских, были освобождены правительством от службы в армии (*Прудкогляд С.А.* Благотворительная деятельность русских австралийцев по оказанию помощи исторической родине // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. 2 (14). Владивосток, 2011. С. 64).

За время Второй мировой войны из Австралии в Советский Союз было отправлено полмиллиона полушубков, сшитых из овчины, около 40 контейнеров с медикаментами и медицинским оборудованием, а также денежная помощь в размере 184 607 фунтов стерлингов от благотворительных организаций и частных лиц (Русские в Австралии. Исторический справочник. Сидней, 2008. С. 70).

Если в предвоенные годы большинство русских в Австралии не признавало СССР, то в годы Второй мировой войны русские иммигранты, охваченные патриотическим порывом, стремились помочь своей исторической родине в борьбе с врагом. Поэтому и стало возможным появление на улицах Сиднея жетона с портретом Сталина, как благотворительного сбора в помощь советской России.

*Р.В. Заратин, к.и.н., доц.
ИАИ РГГУ*

Этники администрации Птолемеевского Египта и миграционные процессы в эпоху эллинизма

Одной из наиболее перспективных тем современного антиковедения является изучение миграционных потоков в Восточном Средиземноморье, возникших в связи с Великой греческой колонизацией и походами Александра Македонского. Исследования по этой теме сравнительно немногочисленны, что вызвано как сложностью определения понятия «этнос» в древности (сочетание этнонимов с политонимами и т.д.), так и явным недостатком источников. Любые подсчеты в этой связи остаются приблизительными, так как масштабы переселения людей в связи с отсутствием постоянного учета окончательно установить невозможно.

Несколько больше возможностей решить этот вопрос дают материалы из раннептолемеевского Египта (конец IV—III в. до н.э.). Благодаря большому количеству папирологических источников, а также эпиграфическим данным возможно хотя бы приблизительно восстановить список территорий, откуда первые Лагиды рекрутировали свою военную и административную элиту. Сделать это позволяют содержащиеся в текстах указания на происхождение чи-

новников (этникионы). Уже в следующем поколении переселенцы будут считать себя жителями Египта (в первую очередь, Александрии) и войдут в состав греческой общины (политевмы). Поэтому греческий этникон можно по умолчанию воспринимать как место рождения человека и доказательство того, что из Греции в Египет переселился именно он, а не его предки. Одно из немногих исследований этниконов в Египте проводила Нафтали Льюис (*Lewis N. Greeks in Ptolemaic Egypt. Oxford, 1986*), которая доказала, что проживавшие в Египте греки очень быстро стали приобретать обычаи местного населения и даже забывать македонский язык (Plut. Ant., 27), тогда как египтяне ближе к концу птолемеевской эпохи, напротив, нередко давали своим детям греческие имена.

Систематизация данных позволяет выделить несколько основных групп переселенцев. Сравнительно немного среди них македонцев – «друзья царя» Киллес, Калликрат и Пелопс, катойки-всадники Пирр и Ятрокл. Среди выходцев из материковой Греции представлены жители Афин (главный эклогист Зенон и наварх Столос), Акарнании (царский телохранитель Аристомен), Ахайи (гиппарх Мнасис и архисоматофилак Поликрат), Беотии (стратег Ксоисского нома Кафисодор), Коринфа («близкий друг» царя Филипп). Особняком стоит Галаст – сын царя Афамании (города в юго-восточном Эпире), получивший при птолемеевском дворе титул «друга царя». Среди городов Малой Азии упоминаются Эфес (оттуда происходил Исидор, упоминаемый в P. Vad., II, 2) и Миласа (архидикаст Дионисий).

Поскольку в состав державы Птолемеев в III в. до н.э. входили так называемые «заморские территории» в островной части Греции, их уроженцы также пополняли собой армию и административный аппарат. Уроженец Родоса Селевк был назначен стратегом Кипра, критянами были архисоматофилак Сотерих и всадник Дионисий. Хиос представлен военачальником Леоннатом. Из Кирены, также относившейся к «заморским территориям», прибыли «родственник» царя Айгланор, стратег Дионисий, стратег Кипра Гелен.

Среди представителей птолемеевской администрации неожиданно многочисленны переселенцы из греческих колоний: Византия («друг» Птолемея IV Формион), Лампсакии («друзья» Птолемея III Аполлодор и Антиох), Эпидамна (фрурарх Итаноса Филота), Олинфа (фрурарх Тиры Андроник). Есть даже выходцы из Великой Греции – Сицилии (друг Клеопатры VII Аполлодор) и Тарента (архисоматофилак Сосибий). Появляются даже переселенцы из других эллинистических государств Востока – державы Селевкидов (антиохиец архидеатр Исидор) и Пергама (стратег южных рубежей Герод).

Разумеется, мы имеем данные только по наиболее состоятельным и влиятельным слоям общества. Однако анализ социального состава Фаюмского оазиса, проведенный некогда Анной Свидерек по материалам архива Зенона, позволил ей утверждать, что, по крайней мере, в III в. до н.э. не было бедных греков и богатых египтян (*Swiderek A. W* «panstwie» Apolloniosa. Warszawa, 1959). Анализ состава греческой общины, проведенный П.М. Фрэзером в своем классическом исследовании столицы Птолемеевского Египта (*Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Oxford, 1972*), позволяет согласиться с этим выводом. В стране еще до походов Александра Македонского существовала греческая колония Навкратис, однако значительную часть ее населения составляли военные, находившиеся на службе у египетских фараонов. Эту функцию они продолжали нести и при Птолемах, как, например, всадник-катойк Феоген. После восстания Дионисия Петосаралиса власть греков везде, за исключением Александрии, начинает падать, а доля египтян в административном аппарате, наоборот, расти.

Таким образом, анализ этниконов представителей птолемеевской военной и государственной администрации позволяет утверждать, что Египет стал центром притяжения для жителей практически всех регионов греческого мира, в том числе из ранее созданных колоний. Важно отметить, что миграционные процессы активнее всего шли в эпоху раннего эллинизма, когда процесс формирования бюрократического аппарата только начинался, а позже Лагиды обходились собственными кадрами. Среди переселенцев в Египет не удалось найти жителей Северного Причерноморья, что может объясняться тем фактом, что Египет и Боспор соперничали за хлебные рынки Восточного Средиземноморья (см.: *Шургая И.Г.* Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1974. Вып. 173. С. 51–59). С другой стороны, Ольвия и Херсонес вели с Египтом активную торговлю, и их торговцы должны были регулярно посещать Александрию.

Полученные данные имеет смысл сравнить с материалами по другим эллинистическим государствам, в первую очередь, по Пергаму и городам государства Селевкидов. Систематизация данных этниконов позволила бы создать карты, наглядно показывающие направление и объем миграционных потоков в Восточном Средиземноморье в эпоху эллинизма.

Образ крылатой Богоматери на иконах XIX века

Изображение крылатой Богоматери появляется в России через украинские земли в конце XVII в. Черниговское издание «Руна орошенного» свт. Димитрия Ростовского 1696 г. украшает гравюра с образом Девы Марии в рост, с распростертыми крыльями и распахнутыми полами плаща, которыми Она осеняет фигуры святых и правителей. К ногам Богоматери сложены знаки царской и церковной власти – царский скипетр и архипастырский посох. На гравюре присутствует надпись: «Покрый нас кровом крылу Твоею», давшая название распространившейся затем в России иконографии.

Эта композиция восходит к более ранним традициям, ее сравнивают с католическим образом *Misericordia*, параллели ей обнаруживаются в гравюрах из изданий Киево-Печерской лавры середины – второй половины XVII столетия. В 1696 г. в честь Азовской победы была создана икона «Богоматерь Ильинская Черниговская» с несколькими изображениями крылатой Богоматери, помещенными в отдельные аллегорические композиции (см., например: *Звездина Ю.Н.* Отражение Азовской победы в аллегорических клеймах иконы «Богоматерь Ильинская Черниговская» 1696 года // Макариевские чтения. Можайск, 2011. Вып. 18: «Воинство земное – Воинство небесное». С. 226–234).

Иконе, созданной в начале XVIII в. мастерами Оружейной палаты и ныне хранящейся в Церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии, посвящено исследование Л.П. Тарасенко (*Тарасенко Л.П.* Покрый нас кровом крылу Твоею // [Электронный ресурс] <http://pravicon.com/info-594>). Автор приводит надписи, помещенные в верхней части иконы, на рамке и на бандероли, а также внизу в картуше. Они воспроизводят тексты гравюры 1696 г. Вверху: «Покрый нас кровомъ крылу твоюю» и «Покрыю ихъ яко познаша имя Мое». Под крыльями текст: «Дани быша жене две крыле орла велика» (Откр 12:14). Внизу иконы помещены вирши: «Ведущих пр(есвя)тое имя Твое Мати || обещаешь покровом своимъ покрывати. || Азь всегда М(а)риену Тебе нарицаю, || Покрый мя убо яко имя Твое знаю.

Мы не будем специально рассматривать памятники этого времени, обратим внимание на поздние образцы, сохранившиеся на ростовской земле. Речь пойдет о двух иконах из собрания Ростовского музея изобразительных искусств и Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника. Оба памятника были созданы в XIX столетии, оба многочастные. Икона из Старочеркаска

воспроизводит традиционную для того времени четырехчастную композицию, составленную из богородичных образов, но добавлено пятое (об иконе см.: Бузнякова Т. Икона «Пять изводов Богородицы» // [Электронный ресурс] [http://www.proza.ru/ 2016/ 06/ 01/ 1039](http://www.proza.ru/2016/06/01/1039)). В верхней части иконы между двумя клеймами, и заходя на них, помещено изображение, созданное по композиции гравюры «Покрый нас кровом крылу Твоею» из «Руна орошенного» 1696 г. святителя Димитрия Ростовского.

Не удивительно появление на ростовской земле памятников, связанных с именем этого святого, поскольку именно Димитрий Ростовский стал ее покровителем. Первая крепость, основанная на месте будущего Ростова-на-Дону в 1761 г. по указу Елизаветы Петровны, называлась крепостью Святого Димитрия Ростовского. Но у нас вызывает удивление то, что именно гравюра с крылатой Богоматерью из издания 1696 г. была использована иконописцем второй половины XIX столетия.

Можно предположить, что таких икон на ростовской земле было создано больше, не все сохранились или выявлены. Особенно важно отметить, что икона из Старочеркасского музея-заповедника – подписание (местный иконописец Александр Григорьевич Чулимов) и датированная 1876 г. Мы, без сомнения, можем назвать этот памятник гордостью коллекции музея. Икона отличается не только тонкостью письма, но и тщательным воспроизведением текстов гравюры, которая послужила для нее образцом. Это интереснейший пример использования гравированного образца почти через два столетия после выхода книги из печати! Вероятно, это издание «Руна орошенного» бережно сохранялось и потому дожило до конца XIX столетия, став основой для создания новой иконы.

Вторая икона представляет три богородичных извода в верхней части и избранных святых с Улитой и Кириком в нижнем ряду. Нас интересует богородичный образ, помещенный вверху в центре – это крылатая Богоматерь, плащом милостиво осеняющая припадающих к ней святых, правителей, иерархов, мужей и жен. Здесь нет надписей, присутствующих на образе 1876 г., икона поименована как «Покровительница». Несомненна ее связь с украинской иконописью, воспроизводящей католический тип *Misericordia*, преобразованный в православной традиции. Очевидно, источником послужила не гравюра 1696 г., а другой образец. Это тем более вызывает интерес, потому что в обеих иконах композиции с крылатой Богоматерью отведено одно место (вверху в центре), но особенности иконографии различаются в деталях.

Можно сделать предварительный вывод о том, что в южных землях России в XIX в. имел хождение образ крылатой Богоматери,

восходящий к типу *Misericordia*, притом источники этой иконографии могут быть различные. Икона из собрания Старочеркасского музея-заповедника свидетельствует о том, что до конца этого столетия продолжают использоваться гравюры конца XVII в., и в данном случае использована гравюра из книги святого – покровителя ростовской земли.

С.В. Зверев, к.и.н.

зав. отд. Нумизматики и археологии Музеев Московского Кремля

Вопрос по обвинению членов английской Московской компании в подделке русских денег на русско-английских переговорах 1620–1621 гг.

Предположение об изготовлении в конце XVI в. английской Московской компанией подделок русских копеек было высказано А.С. Мельниковой в связи с попыткой определить эмитента группы фальшивых монет, которые имели явные признаки фабрикации в Европе (*Мельникова А.С. Систематизация монет Ивана IV и Фёдора Ивановича (1533–1598) // Нумизматика и эпиграфика. 1980. Т. XIII. С. 126–132*). Такая атрибуция вызвала возражения, что стало причиной длительной дискуссии, итогом которой стал вывод о чеканке этих поддельных копеек в 1595–1599 гг. для ввоза в Россию на одном из прибалтийских монетных дворов по инициативе европейских купцов, торговавших в русских «порубежных» городах, и не имевших, как англичане, свободного проезда в глубь страны и права чеканить из своего серебра копейки на русских денежных дворах (*Зверев С.В. О группе поддельных русских копеек XVI века, приписываемых Английской Московской компании // Междун. науч. конференция «Россия – Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений и торговых связей».* Тезисы докладов. М., 2003. С. 43–45).

Однако ещё в начале 20-х гг. XVII в. англичане не избежали обвинений в подделке русских денег, когда к 1620 г. выяснилось, что иноземцы привозят в Архангельск «денги худы, смешаны с медью мало не в полы, а иные привозят стальные, лишь посеребрены с лица» (ДАИ. 1851. Т. III. С. 190–191). Русские власти были очень обеспокоены притоком подделок и пытались определить их изготовителей.

Во время русско-английских переговоров 1620–1621 гг. посол Джон Мерик получил претензию от русской стороны: «А ныне иноземцы сказывают, что будто англичаня торговые люди делают деньги у себя на русской чекан лехче московского весу и привозят в московское государство и промышленяют ими тайно. И Великий госу-

дарь наш его Царское Величество без сыску тому веры не понял и тому верити не может. А только будет некоторые англичаня так делают и то делаютца не по пригоже. И того бы вперед не было, чтоб в том вперед меж Великих государей нелюбья, а в государствах их от того смуты и торговым людем убытков не было» (РГАДА. Ф. 35. Н-10. № 7. Л. 372–372 об.)

Английский посол с возмущением отвечал, что подобное обвинение является ложным и подрывающим честь английского короля и «доброй славы подданных ево», которые «во всех семидесят летех в торгу их николи не найдено, чтоб они неправдою служили Великим государям царем Российским в государстве сием, подданным здешним николи они обманные товары не даывали и у них товаров без платежу не имывали, да и николи на них жалоба не бывала о том злом деле, что они деньги чюжие делали. А у нас в государстве за то наказуют смертною казнью. А которые в ыных решях живут во всяких вольностях, тут на такие добрые уставы не взирают. Много бы возможно о том и об ыных худых заводех сказати что делаютца от тех иноземцов» (РГАДА. Ф. 35. Н-10. № 7. Л. 448–448 об.)

Джон Мерик 12 мая 1621 г., когда был у царя Михаила Фёдоровича «на отпуске», подал челобитную, которую составил «Английские земли гость Фабин Ульянов с товарищи на Григорья Шорина», обвинявшего англичан в сговоре с русским торговым человеком Семеном Иконниковым, который якобы «от них теми худыми деньгами промышляет». Англичане объявляли такое обвинение ложным и требовали расследования дела (РГАДА. Ф. 35. Н-10. № 7. Л. 530–531). Сам английский посол называл иных виновников фабрикации подделок. Упомянутые им «реши» (т. е. республики) в первую очередь касались Голландии, основного торгового соперника Англии.

Русская сторона дала послу обстоятельный ответ: «А что говорили еси нам Царского Величества дьяком, чтоб в Московское государство не велели привозити денег голанцом на московское дело. А одиноко то было, что принес был русский человек аглинскому гостю Фабину Ульянову за товары триста рублей денег. И Фабин рассмотрил и ему сказал, что те деньги не московские, привезены из-за моря на московское дело, малы и не чисты, и имать их не велено. И тот человек Фабину сказал, что он те деньги отдаст тому, у ково их взял. И Фабин ему те деньги отдал. А Царского Величества воеводам Фабин Ульянов про тово человека не объявил и ты посол о том именно про тово человека не сказал. И по Царского величества указу его Царского величества грамота к Архангелскому городу послана с великим подкреплением, велено голанцом и всяким приезжим иных земель торговым людем заказати под великою виною, чтоб на руское дело денег в своих землях не делали и в Московское

государство не привозили. А кто привезет и тому быть в великом наказанье. А Фабину было пригоже тово человека, хто ему те деньги принес, принимать и отослать, и с теми деньгами, к Царского Величества воеводам. И Царского б Величества воеводы тогда ж про то сыскали и тем бы людем и наказанье было в то время» (РГАДА. Ф. 35. Н-10. № 7. Л. 540–541 об.).

Анализ нумизматического материала и документов XVII в. доказали изготовление фальшивых русских копеек в Голландии, Дании и Швеции (*Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 146–151, 190–195; *Зверев С.В.* Изготовление русских фальшивых монет в Голландии в XVII в. // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVI. М., 2003. С. 243–256).

Но нет никаких сведений о чеканке копеек в Англии, хотя документы Московской компании хорошо исследованы. Большой проблемой для английских купцов стала ориентация экономики королевства на внутренние интересы. Вывоз серебра и золота из островной Англии был строго запрещен и требовал королевского разрешения. Для обеспечения своих торговых сделок английским купцам приходилось запасаться талерами на континенте. Как исключение, в 1590-х гг. Московской компании было разрешено вывезти из Англии на 500 фунтов денег в реалах или талерах за вывезенную из России рожь (*Любименко И.* История торговых отношений России с Англией. Юрьев, 1912. Вып. 1. С. 83). А в 1600 г. лишь после долгих обсуждений и по указу Елизаветы I для гораздо более мощной Ост-Индской компании было разрешено отчеканить серебряные торговые монеты, подражающие испанским талерам в 8 реалов.

Постоянный дефицит денег в английской казне заставлял королей из новой династии Стюартов опять вводить ограничения на вывоз драгоценных металлов. Английской Московской компании не так просто было наладить чеканку и вывоз подражательных монет. В любом случае это должно было получить отражение в документах торговой компании, чего не наблюдается.

Хотя английская Московская компания уже к концу XVI в. утратила часть привилегий, в том числе и право беспроцентной чеканки монет на русских денежных дворах, но посольство Е. Флетчера в 1588–1589 гг. добилось права перечеканивать свое серебро в русские деньги с уплатой обычных пошлин «по указу, как с своих, так и с них». В этих условиях Московской компании не было нужды в не слишком прибыльных и опасных операциях по сбыту поддельных копеек.

Промышленная революция и математика

Промышленная революция, начавшаяся в конце XVIII в., привела к переходу от ручного труда к машинному, к развитию производства с использованием сложных механизмов, к существенному увеличению внутренней и межграницной торговли, к изменению социальной структуры общества, к усилению роли государственных институтов.

Казалось бы, влияние промышленной революции на науку очевидно: новые инженерные задачи требовали математической поддержки, поэтому математики строили новые математические модели и решали новые математические задачи. Но не всё так просто.

Сначала заметим, что к середине XVIII в. большая часть населения Земли была безграмотна или малограмотна; образование было доступно только обеспеченным людям, которые составляли и основную часть студентов университетов. Университеты готовили, в основном, будущих чиновников; обучение математиков было, как правило, индивидуальным. А развивающаяся промышленность ждала обученных рабочих, квалифицированных механиков, счетоводов и проч. Поэтому все промышленные страны стали создавать массовые учебные заведения, для которых были нужны учителя. В начальной школе учителя – это выпускники средних учебных заведений (гимназий, технических училищ); в средней школе – выпускники университетов, и их следовало обучить.

С конца XVIII в. резко увеличивается количество университетов и высших технических училищ, в том числе в России. Растёт число студентов и профессоров-математиков. В то время профессор мог занимать кафедру только при условии регулярных публикаций результатов своих научных исследований. Но, несмотря на бурное развитие инженерных наук, теперь уже задач из практических приложений (инженерия, физика, статистика, экономика и пр.) не хватало для огромного количества профессуры. Поэтому многие математики занялись так называемыми теоретическими вопросами математики.

Это были: 1) упорядочение и структурирование математических знаний; 2) обобщение ряда математических задач и понятий; 3) произвольное изменение параметров ранее изученных задач; и т.п.

1) Преподавание высшей математики для большого количества студентов требовало упорядочивания и некоторой унификации математического знания таким образом, чтобы можно было обучать математике не в индивидуальном порядке, а массово. В то время

многие математические понятия не имели строгих определений. Использовались интуитивные представления для таких объектов, как функция, предел, исчисление бесконечно малых и др. Часто доказательства и логические конструкции не были строгими, однако при решении прикладных задач это не приводило к значительным ошибкам. Но развитие технического образования требовало решения методологических проблем математики, поскольку:

– *Удачно сформулированные понятия и удобные обозначения упрощают исследование.*

– *Для хорошего обучения математике нужны унификация и адаптация математических понятий и результатов для учащихся высших учебных заведений (в основном технических).*

Для массового обучения требуется некоторая общая структура, которая объединяет достаточно развитый математический аппарат. Математики XIX в. стали создавать структуру новой математики по образцу «Начал» Евклида.

Так, были созданы критерии строгости доказательства в математическом анализе; формализовано понятие предела и бесконечно малого, непрерывности и т.д.; предложены ответы на вопрос: «Что есть число?». Попытались создать универсальный язык вывода всех возможных математических фактов из базовых положений, что привело к созданию и развитию математической логики и теории множеств. Были созданы основы современной идеологии преподавания высшей математики.

Практически все реформаторы математики были профессорами; они хотели создать строгую логическую структуру математики, что заменило бы при решении задач интуицию на строгие логические структуры. Профессора-теоретики готовили студентов-теоретиков; утверждение «*математика=логика*» стало идеей университетской математики второй половины XIX в.

(2) Обобщения математических понятий и фактов были важны по следующим причинам.

– В прикладных задачах появились новые объекты исследования. Так, сначала функции были только многочленами; потом появились тригонометрические функции; потом логарифм и экспонента, а далее понятие функции было обобщено сначала Эйлером, затем Больцано, Л. Дирихле и Н. Лобачевским. Это *общее* определение функции дало необычные объекты, которые нельзя представить физически. Новые и необычные объекты не обладали свойствами математических объектов из практических приложений. Часто интуитивные предположения об их свойствах были ложными. Поэтому появились *контрпримеры* как важная часть проверки новых гипотез.

– Обобщение позволяет создать общее доказательство для многих теорем или универсальный метод решения многих задач. Так, ряд 1-, 2-, и 3-мерных задач имеет сходные решения, и вводится понятие многомерного (евклидова) пространства с обобщённой n -мерной задачей с обобщённым решением. То есть обобщение даёт новый метод решения, хотя произвольные обобщения часто приводят к парадоксам или отсутствию решения. Важным шагом в развитии абстрактного математического знания стало обобщение алгебраических понятий и их применение в различных областях анализа, геометрии и дифференциальных уравнений.

(3) В XIX в. многие математики решали задачи, полученные от других исследователей. Не зная происхождения конкретной задачи, математик произвольно обобщал её, и возникало мнение, что все математические задачи – продукт человеческой мысли, а не практики. И обобщённая задача часто не имела решения – появился вопрос о существовании и единственности решения.

К концу XIX в. математика изменилась настолько существенно, что на нескольких конгрессах математики обсуждали пути её развития; были классифицированы варианты построения математического знания: аксиоматико-дедуктивный, конструктивный и интуиционизм. Формально победил первый вариант, и во второй половине XX в. его пытались внедрить в среднюю школу. Однако современная математика удачно сочетает первый и второй варианты.

*М.В. Земляков, к.и.н., доц.
НИУ ВШЭ (Москва)*

**Англо-саксонские и англо-нормандские грамоты
об освобождении в церкви начала X – середины XII вв.
и их рукописная традиция**

Настоящая работа посвящена такому явлению раннеанглийской истории, как грамоты о даровании свободы, тексты которых сохранились в рукописях духовного содержания X–XII вв. Несмотря на то, что в англо-американской научной литературе традиция их публикации (например: *Codex Diplomaticus Aevi Saxonici* / Ed. by J.M. Kemble. London, 1846. Vol. IV. P. 308–317; *Diplomatarium Anglicum Aevi Saxonici* / Ed. B. Thorpe. London, 1865. P. 621–648; *A Hand-book to the Land Charters and other Saxon documents* / Ed. by J. Earle. Oxford, 1888. P. 253–264, 268–275; *Cartularium Saxonicum: a collection of charters* / Ed. W. de Gray Birch. London, 1887–1893. Vol. 2, p. 2. P. 315; Vol. 3, p. 2. P. 537–539 и др.) и комментирования (*Meritt H.D. Old English entries in a manuscript at Bern* // *The Journal of English and Germanic philology*. 1934. 33. P. 343–351; *Dick-*

ins B. The beheaded manumission in Exeter Book // The Early Cultures of North-West Europe / Ed. by C. Fox and B. Dickins. Cambridge, 1950. P. 363–367; Pelteret D.A.E. Slavery in Early Medieval England from the reign of Alfred until the 12th century. Woodbridge, 1995. P. XIII–XVI, 140–163 и др.) берёт начало в середине XIX в., в отечественной науке документы об отпуске на волю из англо-саксонских и англо-нормандских рукописей до сих пор не выступали предметом отдельного исследования. Цель настоящей работы – обзор рукописной традиции и текстуального окружения данного вида памятников, определение места и относительного времени их составления.

Следует указать на происхождение подавляющего большинства таких грамот из монастырей и аббатств Девоншира и Сомерсета в Юго-Западной Англии (Бат, Тэвисток, Эксетер), а также Корнуолла (Бодмин). Лишь несколько грамот (5 из 114) были созданы при кафедральном соборе Дарема (содержались в сгоревшем кодексе BL. Cotton Otho B. IX) и архиепископстве Кентербери в Кенте (BL. Royal 11, VII) (см. Таблицу). Причина этого становится понятной, если привлечь данные о количестве рабов и рабынь из «Книги Страшного суда» 1086 г.: в Корнуолле их насчитывалось 1149, в Девоншире – 3318, в Сомерсете – 2120 и в Уилтшире – 1588 чел., что составляло 16–21 % от общего числа жителей этих графств (Pelteret D.A.E. Op. cit. P. 192–193).

Грамоты об освобождении дошли до нас в составе крупноформатных, торжественно оформленных и украшенных рукописей. Большинство таких кодексов включало в себя тексты четырёх Евангелий (в таблице – № 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9). Только кодекс № 6 содержал Миссал Леофрика, епископа Эксетера (The Leofric Missal as used in the Cathedral of Exeter during the episcopate of its first bishop, A.D. 1050–1072 / Ed. and introd. by F.E. Warren. Oxford, 1883), а № 7 – «братскую книгу» Дарема (*Liber Vitae*).

В тех же рукописях встречаются богослужебные и метрические календари (№ 3, 4), списки англо-саксонских королей, епископов и пап римских (№ 4, 8), литургические гимны (№ 5), две поэмы в честь короля Альфреда Великого (№ 2) и фрагмент поэмы о литургических праздниках (*The Seasons for Fasting*, № 5). Несколько кодексов содержали документы о сделках с имуществом епископств Эксетер и Эли (№ 4, 6, 9), картулярии и сборники грамот (такие как Батский картулярий XII в. в рукописи Cambridge. Corpus Christi College ms. 111 и сборник грамот в кодексе № 2).

Тексты грамот об освобождении включались в кодексы двумя способами. Первый способ заключался в записи их текстов несколькими разными писцами в разное время на отдельных листах,

№	Наименование рукописи и листы	Датировка	Число грамот, язык	Место происхождения
1	BL. Royal 11 VII. л. 15 об.	[924 г.]	1 OE	Canterbury?
2	Bern. Stadtbibliothek. Ms. 671. л. 75 об.–76 об.	вторая четверть X в.	2 OE	Cornwall or South-West England (Little Betwyn, Wiltshire?)
3	BL. Add. 9381. л. 1–8 об., 13 об., 108, 133 об., 141–141 об.	вторая четверть X – первая четверть XI в.	10 OE 36 Lat	Bodmin monastery of St. Petros (Cornwall)
4	BL. Cotton Tiberius B V. л. 75–75 об.	середина X – первая четверть XI в.	2 OE	Exeter Cathedral of St. Peter (Devonshire)
5	[BL. Cotton Otho B. IX. л. 43]	первая половина XI в.	4 OE	Duhram Cathedral (Duhram)
6	Oxford. Bodley 579. л. 1–1 об., 8–8 об., 377 об.	вторая треть XI – начало XII в.	16 OE	Exeter Cathedral of St. Peter; Tavistock abbey of St. Mary (Devonshire)
7	BL. Cotton Domitian VIII. л. 47	середина XI в.	2 OE	Duhram Cathedral
8	Cambridge. Corpus Christi College ms. 111. л. 8 и ms. 140. л. 1–1 об.	последняя четверть XI – первая четверть XII в.	5 + 10 OE	Bath Abbey of St. Peter and Paul (Somerset)
9	Cambridge. UL. Li II. 11. л. 202 об. и Exeter. Cathedral Library. Ms 3501. л. 4–7	последняя четверть XI – середина XII в.	23 OE 1 Lat	Exeter Cathedral of St. Peter (Devonshire)

Таблица. Кодексы с текстами грамот об освобождении X – начала XII вв.

остававшихся незаполненными (англ. *blank leaves*), либо специально добавленных в начало кодекса (англ. *fly-leaves*). Такого рода работа была проведена писцами на л. 8 и 377 об. кодекса № 6, л. 1, 8 и 141 кодекса № 3, л. 4–6 и 7 кодекса Exeter 3501 и др.

Второй способ предполагал «вписывание» текста грамоты об освобождении в уже существующий текст рукописи (на полях вверху, внизу или сбоку от основного текста или между линиями). Так, древнейшая запись об освобождении, сделанная по приказу короля Этельстана до 924 г., встречается на полях Евангелия от Матфея (№ 1. л. 15 об.); в кодексе № 6 первые 10 строк л. 1 были заняты дарственной надписью епископа Леофрика на латинском и древнеанглийском, подтверждавшей факт его дарения церкви св. Петра, далее шёл текст грамот об освобождении. Ряд записей на л. 2–8, 13 об., 108 и 133 кодекса № 3 также были представлены в виде дополнений на полях. Такое расположение грамот может объясняться как постепенным усилением процесса отпуска на волю, так и экономией места для следующих записей.

*В.И. Иванов, д.и.н., проф.
КСЭИ (Краснодар)*

Печати церквей и священнослужителей Черноморского казачьего войска первой половины XIX в.

Каждая приходская церковь Черноморского казачьего войска имела свою печать. Заказывали их централизованно епархиальные власти. В 1837 г. из Новочеркасской духовной консистории была прислана 61 печать для церквей Черноморского войска, за каждую взysкивалось по 5,5 руб. серебром (ЦГА Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 245. Оп. 1. Д. 23. Л. 319). В результате проверки 1852 г. было установлено, что печати есть во всех церквях, кроме одного молитвенного дома; печать Таманской Покровской церкви была сильно изглажена. По результатам проверки были заказаны три печати для Святодуховского молитвенного дома станицы Вышестеблиевской и одна для Таманской церкви, по 3 руб. за штуку (Гос. архив Краснодарского края, далее – ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 185. Л. 7, 15, 24).

Изучение сажевых оттисков печатей нескольких приходских церквей на документах 1855 г. показало, что все они имели одинаковые изображения – трехкупольный храм с дверью, тремя окнами вверху и двумя окнами внизу. Легенды круговые однотипные: «Екат(еринодарского) уѣз(да) в(ойска) Ч(ерноморского) куреня Новонижестеб(левского) Николаев(ской) ц(еркви)» (Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелици-

на. Фонды). Из этого следует, что все печати, изготовленные в 1837 г., имели общую ошибку в легенде: Екатеринодарский округ назван уездом.

Похоже, что все или почти все священнослужители, помимо церковных, имели ещё и личные печати, которыми скрепляли документы, запечатывали рапорты, другую служебную и личную корреспонденцию. Личные печати священников, в отличие от печатей церкви, разнообразны по композиции и наполнены символическим значением.

В центре печати благочинного священника Пантелеймона Красницкаго (1819 г.) помещен медальон овальной формы с монограммой владельца «П» и «К». Над медальоном изображение головы птицы с раскрытыми крыльями (возможно, орла). Слева из-за медальона выступают три или четыре, вероятно, свитка. Справа от медальона изображение столика с искривленными ножками, на котором стоит круглая на поддоне чернильница-ваза с двумя перьями (ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 67. Л. 21 об.). Орел был древним символом силы и победы; Вознесения Христа. Перо символизирует веру, созерцание, Слово Божие, а свиток – символ философии и Ветхого Завета.

Печать священника Феодора Скидана (1821 г.) сверху имеет изображение, вероятно, спускающегося с небес голубя с колокольчиком в клюве, окруженного сиянием. Среднюю часть печати занимает монограмма из трех букв: «С», «Ф», «С» (это инициалы – Скидан Феодор Самуилов сын). Нижний сегмент печати заполнен сетчатым узором (ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 183. Л. 123 об.). Голубь – давний символ души и Святого Духа, а колокол (колокольчик) – символ Слова Божия.

Печать войскового протоиерея Петра Станкевского (1830 г.) имеет круговую легенду: «Войсковый протоіерей Петръ Станкевскій». Он возглавлял церковную организацию войска Черноморского в 1828–1842 гг. В центре печати над профилем раскрытой книги равносторонний греческий крест как основание канделябра с тремя свечами. Над свечами маленький государственный герб: двуглавый орел со скипетром и державой (Гос. архив Ростовской области. Ф. 226. Оп. 6. Д. 131. Л. 152). Изображения на печати передают основы священства. Открытая книга символизировала распространение мудрости и правды (прежде всего учения Христа). Греческий крест символизировал Церковь. Свеча – символ света и Христа, а три свечи означали Троицу.

Печать благочинного священника Диомида Попки (1848 г.) имеет надпись сверху: «Новая Благодать». В центре печати изображение потира на высокой ножке, по сторонам – тучи с молниями.

У основания потира Крест и Евангелие с хорошо прорисованным окладом. В самом низу – сердцевидный медальон с языками пламени, на котором монограмма: «Д» и «П». Справа рядом с книгой изображение горящей свечи, а под ней, вероятно, гроздь винограда (ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 180. Л. 18 об.). Потир символизировал Тайную Вечерю, Жертву Иисуса и христианскую веру. Сердце, объятые пламенем – символ религиозного рвения. Свеча – символ света и «Светоча Мира» – Иисуса Христа. Облака – символ вездесущности Бога, а молния – знак божественной силы и символ Божьей кары. Виноград имел много значений, в том числе олицетворял Кровь Иисуса Христа, «истинной виноградной лозы».

Отгиск печати священника Георгия Бардадимова (1848 г.) поврежден. В самом верху изображение ока в треугольнике с исходящими лучами. Ниже, похоже, инициалы «Г» и «Б». Под монограммой изображение якоря. Якорь – раннехристианский символ души, надежды, преданности, твердости и добродетели. Снизу вдоль края печати изображены слева лоза с гроздьями винограда, а справа – ветвь лавровой вишни с ягодами. Виноградная лоза и виноград – это древний символ мира и изобилия, символ Иисуса Христа, Его Крови. Виноградная лоза и виноградные листья ассоциировались с христианской Церковью и причастием. Лавровое дерево, лавр – символ вечности, бессмертия и целомудрия. Справа буквы – «у» и «ф» (ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 183. Л. 15 об.). Смысл и значение этой надписи непонятны. Возможно это сокращение от слова «уфзд», но на личной печати такая запись неуместна.

Печать Екатеринодарского приходского духовного училища была подвергнута повторному анализу с учетом замечаний, высказанных в ходе конференции 2017 г. В результате установлено, что в центре печати (ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 127. Л. 2) на щите изображен герб (рог изобилия и кадуцей) г. Харькова, который являлся центром учебного округа, включавшего земли Черноморского войска. В нижней части – глобус с циркулем, змея, весы, лира, символизировавшие некоторые из семи свободных искусств, составлявших основу классического образования. В Екатеринодаре одновременно с учреждением духовного училища (сентябрь 1818 г.) шла подготовка к открытию гимназии (1820 г.). Печать училища, очевидно, была изготовлена одновременно с печатью гимназии и повторяла ее композицию.

Эволюция способов изображения городов между серединой XVI и серединой XVII века

Составление подробного топографического плана городского пространства начинает входить в рутинную практику на рубеже XVIII–XIX вв. в период утверждения крупных империй в Европе. Вероятнее всего, это было одним из следствий общеимперских стратегий управления подчиненным пространством и, одновременно, сертификацией права на обладание той или иной частью этого пространства. Сомкнувшись рубежами, империи были вынуждены регламентировать процедуры разграничения, чтобы избежать беспочвенных обвинений в посягательстве на владения друг друга. Будучи обращенной вовнутрь, такая практика привела к сплошному картографированию всей территории империй, кадастровому учету земель и, конечно же, к составлению топографических планов городов и крупных селений – стерильных, неэмоциональных, очищенных от любого человеческого присутствия.

Нет нужды говорить, что поначалу это входило в острый конфликт как с предыдущей традицией изготовления подобного рода изображений, так и с самими обитателями городов. Города изображались и раньше, однако это были не планы, а, скорее, «портреты» городов, хотя и со своей художественной спецификой. В целом, эти изображения были весьма достоверны, хотя и содержали искажения, неприемлемые для строго математического взгляда топографа.

Появление топографического взгляда ознаменовало вторжение надзорных механизмов империи в область интимного соседства человека с местом его обитания. Однако, если внимательно приглядеться к тому, как менялась стилистика достоверного изображений городов, начиная с XVI в., можно заметить, что это вторжение долго и тщательно готовилось. В своем докладе я попытаюсь выявить в традиции изготовления изображений городов направления медленных изменений, едва заметных в пределах одного-двух десятилетий, но дающих разительные отличия на больших временных интервалах.

Нужно иметь в виду, что достоверность была отнюдь не главным качеством первых гравюрных изображений городов. Она регулировалась правилами, неочевидными для современного зрителя. Например, мастер мог убрать «неинтересное» или «мешающее» сооружение; выстроить шкалу масштаба в соответствии с символической значимостью, а не пространственной протяженностью объектов (чрезмерное возвышение храмов над остальными деталями городского пространства) и т.д. До какого-то времени это не влияло

ни на репутацию изготовителя картин, ни на коммерческий успех от их распространения. С культурно-антропологической точки зрения главным в этих изображениях было то, что художник, сообщая городу статус самостоятельного объекта, имеющего право на уникальность и самостоятельную различимость, освобождал, тем самым, и себя. Практика изготовления гравюрных досок не запрещала вмешательства художника или издателя как в трактовку деталей, так и в создание общей конструкции образа.

С развитием картографических практик изображение городов начинает включать ряд запретов, ограничивающих право художника на самостоятельное моделирование визуального пространства. Он уже не может произвольно смещать друг относительно друга отдельные элементы изображения, добиваясь синхронизации общего впечатления. Роль творца вытесняется функцией беспристрастного «свидетеля», опирающегося не столько на собственные художнические интуиции, сколько на технологические процедуры. Это, во-первых, постепенное уменьшение пространства, занимаемого небом, как не значащей компоненты изображения; во-вторых – стабилизация взгляда, достигаемая поиском ракурса и оптимального расстояния, позволяющего, с одной стороны, создать приемлемое разрешение, с другой – устранить повороты головы художника (и, тем более, его перемещения вдоль черты города); в третьих – освобождение от «субъективного» фактора, т.е. от всего, что связано с потребностью изображать увлечения, заботы и тревоги людей; в четвертых – придание монолитности всему изображению и его постепенный разворот на сторону вертикали.

То, что речь идет именно об эволюции, т. е. постепенном развитии таких тенденций, легко убедиться, рассматривая рисунки, изготовленные между серединой XVI и XVII в. Если выстроить в хронологическом порядке изученные нами гравированные рисунки городов, то можно заметить интересную тенденцию. Средний план изображения с каждым следующим десятилетием становится все более вертикальным, постепенно приближаясь к ортогональной проекции «вид сверху». Затем происходит разделение вида города и его плана на два отдельных жанра. Родается система двойного кодирования городского пространства, которой мы пользуемся и поныне: планы и карты с одной стороны; виды и достопримечательности – с другой.

Начиная примерно с середины XVII в. составление и вычерчивание карт и сама идея картографирования приобретают высокое практическое значение и одновременно наделяются рядом особых мировоззренческих характеристик. В эпоху Просвещения карты и вовсе помещаются в самый центр «математической космографии»,

понимаемой как концептуальное слияние астрономии и географии, точкой соприкосновения которых становится деятельность по изготовлению планов и карт. Затем быстрая экспансия империй (Британской, Французской, Российской, Османской, Австро-Венгерской, Германской) подключает к картографированию целую армию квалифицированных геодезистов и топографов. Именно они (в поисках образования, авторитета, социального престижа, возможностей реализации карьерных амбиций и удовлетворения материальных запросов) покрывают все белые пятна планеты густой сетью унифицированных топографических знаков, где топографические планы городов были лишь частью гораздо более масштабного проекта.

*Н.П. Иванова, к.и.н., доц. Е.А. Брюханова, к.и.н., доц.
Алтайский ГУ (Барнаул)*

**Оцифрованные генеалогические материалы
как источник по социальной топографии городского
населения Сибири на рубеже XIX-XX вв.**

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 17-06-00496)

В современном мире невозможно представить развитие какой-либо науки без использования информационных технологий. Развитие таких междисциплинарных направлений, как Digital Humanities и Digital History (Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 3 (26). С. 5) все чаще ставит перед исследователями методические, методологические и технологические вопросы развития той или иной отрасли науки.

О междисциплинарности научных исследований писал и Вяч. Вс. Иванов (*Иванов Вяч.Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М, 2004. С. 155-156). Не стоит в стороне от этих тенденций в науке и современная генеалогия. Возможность доступа к генеалогическим материалам, предоставляемая архивами, значительно упрощает и облегчает поиск, оценку и анализ исторических источников для исследователей.

«Социальная топография предусматривает изучение демографических, социальных, профессиональных, экономических и других характеристик населения на уровне городского пространства, т. е. в пространстве городских районов, улиц, домов, отдельных квартир и строений. Социальная топография позволяет выявить городские социальные сообщества, внутригрупповые связи и другие тенденции урбанизации, а социально-топографическое зонирование - оценить влияние «особых» факторов сибирских городов на формирование городской среды» (*Брюханова Е.А.* Материалы Пе-

реписи 1897 года как источники по социальной топографии сибирских городов // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): в 2 ч. Пермь, 2017. Ч. 2. С. 106).

Исходя из такого подхода к наиболее востребованным генеалогическим источникам, содержащим информацию по социальной топографии городского населения Сибири на рубеже XIX–XX вв. можно отнести:

- Метрические книги, которые содержат ценную информацию по интересующей нас тематике. Например, в разделе «О родившихся» - место жительства, сословие, род деятельности, ФИО отца ребенка, имя и отчество матери с указанием на законность брака и вероисповедание; в разделе «О бракосочетавшихся» - место жительства, сословная и владельческая принадлежность, национальность, вероисповедание жениха и невесты, их возраст; для каждого супруга отмечалось, каким браком он венчался (первым, вторым, третьим и т.д.); в разделе «Об умерших» – сведения о месте жительства умершего, его сословном и владельческом положении, имени, фамилии, отчестве, возрасте и причине смерти, месте захоронения. По принципу документирования и хранения делятся на приходские и консисторские.

- Исповедные росписи, в которых содержался посемейный список всех проживающих на территории прихода прихожан.

- Материалы Первой всеобщей переписи 1897 г. (в первую очередь, переписные листы, отчасти, обложки), содержащие информацию о семейном положении и отношении к главе хозяйства, поле, возрасте, сословию или состоянии, вероисповедании, месте рождения, месте приписки, месте постоянного жительства, родном языке, грамотности, роде занятий.

К менее популярным можно отнести:

- Документы административного учета населения (городовые (городские) обывательские книги, домовые книги). Городовые обывательские книги, в которых регистрировались сведения о городских жителях (обывателях), в том числе ФИО, возраст, данные о семье, имущественное положение, место жительства, профессиональные и общественные обязанности.

- Материалы городских и специальных переписей (например, материалы сельско-хозяйственной переписи 1917 г. на Алтае).

- Материалы отдельных обследований, например, пробного обследования 1895 г. (так, в Государственном архиве Красноярского края сохранились пробные переписные листы переписи 1897 г. по г. Енисейску).

Некоторые из указанных материалов в той или иной степени выставлены в оцифрованном виде на сайтах сибирских архивов. Представим наиболее удачный опыт их репрезентации. Так, более полный доступ к материалам Переписи 1897 г. предоставляют несколько архивов Сибири: Государственные архивы Красноярского края, Тюменской области и в г. Тобольске. В них разработаны индексированные информационно-поисковые системы. Например, описи представлены как в формате изображения JPEG, так и в виде гиперссылки на электронные дела или их аннотации. Доступ к автоматизированному научно-справочному аппарату в этих архивах предоставляется зарегистрированным пользователям. В них же есть возможность просмотра электронных копий метрических книг и исповедных росписей. В тюменских архивах доступ платный, в Красноярском – бесплатный. Частично доступ к метрическим книгам предлагает Государственный архив Иркутской области. Другие сибирские архивы предоставляют доступ к поисковым материалам на разном уровне от списка фондов и путеводителей до уровня описей. Большинство архивов Сибири предоставляют удаленный доступ к списку фондов и/или путеводителю, организованным различным образом: от информационных систем до электронного текста в формате Word.

Стоит отметить некоторые недостатки и достоинства информационных систем архивов и самих оцифрованных источников. Во-первых, это организация поиска (отсутствие индексации). Например, в метрических книгах не указан год, к которому они относятся. В некоторых случаях поиск по информационной системе отсутствует, в других - имеется возможность искать только по названиям фондов. Поэтому поиск по электронному тексту часто более результативен. Во-вторых, это пропуск или повтор листов в оцифрованных документах. Тем не менее, к безусловным плюсам можно отнести хорошее качество оцифровки и возможности масштабирования, что существенно облегчает их прочтение.

В целом в сибирских архивах содержится большой пласт оцифрованных генеалогических материалов по социальной топографии городского населения Сибири рубежа XIX–XX вв., что позволяет производить хотя бы часть исследовательской работы в режиме on-line.

Анализ известий о поездках церковных иерархов в новгородском летописании

Вячеслав Всеволодович Иванов был выдающимся лингвистом, семиотиком, антропологом и методологом, внесшим существенный вклад в развитие вспомогательных исторических дисциплин. В частности, он неоднократно высказывался за использование междисциплинарных подходов в гуманитарных исследованиях, соединение гуманитарных и математических методов (*Иванов Вяч.Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М, 2004. С. 155–156). Один из принципов, который отстаивал Вячеслав Всеволодович, – это «антропный (субъективный) принцип исследования (предполагающий учет позиции наблюдателя)» (*Дыбо В.А., Крылов С.А.* Академик Вячеслав Всеволодович Иванов (к 80-летию со дня рождения) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 4. С. 73).

Использование именно этих принципов (междисциплинарный, антропный), позволяет находить новые грани в исследованиях, казалось бы, таких уже хорошо изученных источников, как летописи. Сочетание технологии баз данных и метода контент-анализа позволило автору этой публикации выявить изменения в тематических предпочтениях летописцев, отразившиеся в новгородском летописании.

В базу данных «Хронология новгородского летописания XI – середина XV вв.» на данный момент внесены известия трех новгородских летописей, содержащие хронологические привязки: Новгородская первая летопись в двух изводах – старшем (далее – НПЛ-С) и младшем (далее – НПЛ-К); летописи новгородско-софийской группы – Софийская первая (далее – СПЛ) и Новгородская четвертая (далее – НЧЛ). Хронологическими указаниями в летописях сопровождалось либо наиболее важные, по мнению летописца, известия, либо сообщения, записанные по свежим следам, не стертые еще из памяти потомков. Это события, связанные с жизнью правящих князей, военные походы или сражения, природные катаклизмы, оказавшие влияние на жизнь людей, сюжеты из жизни Церкви и ее деятелей, внутригородские события и другие. По тематике описываемых в летописях известий можно судить о том, что волновало летописцев в тот или иной период больше всего, и отбору каких сообщений отдавали предпочтения летописцы. Использование базы данных позволило применить тематический частотный контент-анализ для изучения предпочтений летописцев. Это дало возможность проанализировать отношение летописцев к определенной

тематике, подсчитав, насколько много внимания они уделяли той или иной теме. В качестве примера продемонстрируем тему «Поездки церковных иерархов».

Всего в летописных известиях, внесенных в базу данных, содержится 51 сообщение о поездках церковных иерархов. Первое известие относится к XI в. – о поездке Луки Жидяты в Киев в связи с клеветой против него, где он был осужден и пробыл три года. Об этом сообщается во всех новгородских летописях. В XII в. уже встречается 12 известий по данной теме: в НПЛ-С – 11 сообщений, в НПЛ-К – 10, в НЧЛ – 7, в СПЛ – 4. Сравнительно мало известий о перемещениях церковных деятелей в XIII в. – всего 7, и это понятно, монгольское нашествие не способствовало этому. В летописях они распределились следующим образом: НПЛ-С – 5, НПЛ-К, НЧЛ и СПЛ – по 6 сообщений. В XIV в. количество поездок увеличивается практически вдвое – 17 по всем летописям: НПЛ-С – 4, НПЛ-К – 15, НЧЛ – 12 и СПЛ – 9. Наконец, в XV в. 14 сообщений по всем летописям, НПЛ-С – нет сообщений, НПЛ-К – 14, НЧЛ – 12, СПЛ – 3. Обращает на себя внимание незначительное количество сообщений этой тематики в СПЛ, в сравнении с НПЛ-К практически в два раза меньше (23 против 46). В НПЛ-С их тоже не так уж много – 20 известий, однако в ней большие утраты текста. В НЧЛ общее количество сообщений о поездках церковных деятелей сопоставимо с показаниями НПЛ-К – 38.

Большая часть поездок связана с перемещениями новгородских владык в связи с поставлением на (архи)епископский престол – 22 сообщения. Из них два не имеют отношения к новгородским иерархам: это поставление в 6807 г. владимирского митрополита Максима (Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 365) и в 6839 г. поездка Арсения из Пскова к митрополиту во Владимир Волынский для получения владычества в Пскове, митрополит ему отказал (Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. 264).

Восемь известий сообщают о поездках митрополитов (6849, 6890, 6899, 6903, 6918, 6945 (2), 6949 гг.). Из них три связаны с деятельностью митрополита Киприана (6890, 6899, 6903 гг.) и три – митрополита Исидора «Гречина», участвовавшего в заключении унии во время Ферраро-Флорентийского собора (6918, 6945 (2), 6949 гг.).

Пять сообщений – о поездках новгородского владыки, не связанных с церковными делами, обычно это посольства для заключения мира (6643 (2), 6680, 6820, 6888 гг.). Девять известий фиксируют поездки новгородских духовных правителей, не связанные с рукоположением, обычно по церковным делам (Москва, Псков) (6904, 6907, 6909, 6912, 6919/20, 6923/24, 6926, 6945, 6953/54/55 гг.).

В двух известиях излагается о ссылке одного из новгородских архиепископов (6719, 6931/32 гг.). Одно известие рассказывает о паломничестве митрополита Марка на Синайскую гору (6884 г.).

Сообщения данной тематики содержат различные хронологические привязки: косвенные («Тои же зимы», «бывъ весноу всю»), относительные («на 3 день»), месяцесловные («на святого Варихисия»), пасхальные («въ мясопоустную недѣлю», «на вѣрьбницю»), юлианские даты, дни недели и др. Наличие недельных указаний (10) и отсылок к пасхальному циклу (13) позволяет производить редукцию дат и времяисчислительных систем, использованных в новгородском летописании.

Таким образом, использование новых современных методов для изучения летописей позволяет открыть новые перспективы в этом направлении.

*Б.С. Илизаров, д.и.н., г.н.с.
ИРИ РАН*

Два уникальных Историко-революционных календаря на 1939 и 1940 гг.

Их уникальность не имеет отношения ни к форме, ни к содержанию. Оба рассматриваемые календаря были изданы в Москве Государственным социально-экономическим издательством в мрачном 1939 г. и в темном 1940 г. Страна находилась на пике господства беспредельного сталинизма во всех сферах, в том числе в идеологии и культуре. Издание 1939 г. вышло под общей редакцией историка проф. А.В. Шестакова, который обозначен в качестве номинального редактора учебника истории для младших классов средней школы, одобренного в 1938 г. специальной комиссией ЦК ВКП(б), руководимой Сталиным. Эти календари не следует путать с одноименными: Историко-революционным календарем 1939 г. / Под общей редакцией В. Лебедева, С. Бушуева, З. Эггерт. М., 1938. 730 с.; Историко-революционным календарем 1940 г. / Под общей редакцией В. Лебедева, С. Бушуева, З. Эггерт. М., 1939. 735 с.; Историко-революционным календарем 1941 г. / Под общей редакцией В. Лебедева, С. Бушуева, З. Эггерт. М., 1940. 736 с.

Историко-революционный календарь под редакцией Шестакова был издан форматом 70x24/32 и объемом 21,5 п. листа. У него был скромный по тем временам тираж 60 тыс. экз. Календарь отпечатан в основном кеглями номер 8–10 и петитом на 687 стр. с использованием низкосортной газетной бумаги. Заключен в картонный переплет, обтянутый дерматином вишневого цвета. Этот формат меньше всего мог служить утилитарным целям, так как с классиче-

ским изданием подобного типа его роднил только «табель» с помесячной разбивкой дней, а поверх него с принятой тогда разбивкой месяца на четыре «шестидневки». О постреволюционных попытках реформировать традиционный календарь написано достаточно, и поэтому останавливаться на этих вопросах не буду. Любопытнее содержание календаря на 1939 г., изданного сразу после «Большого террора» и предназначенного для массового «потребителя». В нем минимально представлены собственно календарные события: в начале каждой шестидневки указаны даты и кратко соответствующие им события мировой и отечественной истории. Все остальное содержание представляет собой «нарезанные» в соответствии с шестидневной структурой исторические и биографические справки главным образом о революционных деятелях, причем никакой явной системы в распределении этих нарезок внутри шестидневок нет. Нет даже хронологической последовательности в распределении постатейного материала. Для примера перечислю статьи, помещенные в третьей шестидневке июля: Летние стачки 1903 г. в Закавказье и на Украине; Разгром шведских «рыцарей» на Неве; Образование коммунистической партии Японии; Июльская демонстрация 1917 г. в Петрограде; Восстание в Средней Азии в 1916 г. и др.

Для многих статей указаны источники текстов, но и там, где таких данных нет, видно, что тексты заимствованы из официальных изданий. Наиболее часто цитируются речи и выступления Сталина на официальных форумах или очередной раз переизданный сборник его статей и выступлений «Вопросы ленинизма». После ознакомления со всеми статьями календаря становится ясно, что он был задуман ради очередного прославления «вождя», т. е. ради внедрения в толщу народного сознания богоборческой идеи о героеспасителе, предопределенном всем предшествующим ходом исторического развития страны, а то и человечества. Здесь в очередной раз помещена его официальная лживая биография, которая совсем недавно, т. е. в декабре 1938 г., была распечатана миллионным тиражом на шести полосах газеты «Правда». Здесь же под каждой датой, связанной с его политической деятельностью до революции или после нее (реальной или мифической), также напечатаны отдельные статьи, хотя их содержание перекрывается биографией. Но и там, где нет явного указания на причастность вождя к тому или иному «эпохальному» действию, в тексте обязательно упомянут главный герой хотя бы в связке «Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин». Для «приличия» и в пропагандистских целях даны краткие биографические справки и о соратниках вождя, не утративших его доверие. В календаре отразились существенные «поправки» в оценке некогда отрицательных исторических героев. Так, например, Петр I

после публикации одноименных книг Алексея Толстого уже возвращен в пока еще малочисленный сонм положительных героев СССР. Впервые в массовом календаре, подписанном в печать в октябре 1938 г., т. е. уже после выхода на экраны фильма С. Эйзенштейна и П. Павленко «Александр Невский», поместили небольшую статейку под названием «Ледовое побоище». В ней говорилось, что «5 апреля 1242 г. произошла одна из величайших битв в истории нашей родины». Стоит напомнить, что по сведениям, хорошо известным историкам того времени, в побоище могло участвовать не более 200 европейских «псов-рыцарей», среди которых преобладали не немцы, а поляки. Новгородцы же в плен взяли не более 50 человек. С конца 30-х гг. XX в. полуполюгендарный факт сражения стал обрастать все новыми и новыми подробностями, пока на волне хрущевского антисталинизма его не разоблачили профессиональные медиевисты. Почти каждая статья Историко-революционного на 1939 г. календаря содержит сознательную фальсификацию истории в форме домысливания, переписывания и искажения давно и надежно установленных фактов.

В «Историко-революционном календаре» на 1940 г. выпущенном ОГИЗом в том же формате и с теми же полиграфическими и календарными особенностями, что и предыдущее издание, было допущено не меньшее, а скорее даже большее искажение исторических реалий. Календарь отпечатан большим тиражом – 100 тыс. экз., объемом почти 23 п. л., на 735 стр. Картонная обложка обтянута простой красной материей. Календарь во многом повторяет структуру предыдущего издания, но его редакторами названы П. Борисенко, В. Кудрявцев и Б. Рубцов. Фамилия предыдущего редактора проф. Шестакова отсутствует. Из календаря полностью изъята западноевропейская историческая и революционная тематика, что отражает все более усиливающуюся тенденцию на отказ от интернационалистских революционных традиций и нагромождения «смеси» из грубых великодержавных пропагандистских конструкций и остаточных революционных. Несмотря на то, что очень успешный антигерманский фильм «Александр Невский» был уже снят с проката в связи с заключением пакта «Молотова – Риббентропа», в календаре статья «Ледовое побоище» переписана заново, расширена и расцветена дополнительными «историческими» подробностями.

**Новые материалы о нереализованном проекте учреждения
орденов имени М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева,
Н.И. Пирогова и И.П. Павлова**

Двадцать лет тому назад в Институте истории естествознания и техники РАН в процессе реализации исследовательского проекта по сплошному изучению архивного фонда Отдела науки ЦК ВКП(б) – КПСС, проводившемуся с привлечением тогдашних студентов ФТАД ИАИ РГГУ – стажеров-исследователей ИИЕТ РАН, удалось выявить небольшой яркий документальный комплекс. В нем были записка от 2 июля 1946 г. Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о проекте учреждения орденов Ломоносова, Менделеева, Пирогова и Павлова, к которой прилагались соответствующие проекты указов Президиума Верховного Совета СССР и 25 красочных эскизов означенных орденов. В 1999 г. вышла научная публикация этих документов (*Илизаров С.С.* Орден для советских ученых (нереализованный проект 1946 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 4. С. 103–123), а через год в *pendant* к ним были археографически изданы новые материалы, найденные также в РГАСПИ: проект 1949 г. по полной «мундиризации» Высшей школы, где ставилась задача одеть всех студентов, преподавателей и работников до министра включительно в форменные военизированные мундиры (*Илизаров С.С., Жидкова А.А.* Мундиры для советской профессуры (нереализованный проект 1949 г.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 2. С. 102–128). С тех пор к этой истории я не возвращался, хотя поступали предложения от «солидных», в смысле с цветной печатью, журналов о републикации данных материалов. Однако на тот момент для меня тема была исчерпана. Но вот в прошлом 2017 г. в Архиве РАН мне удалось обнаружить неатрибутированную коллекцию эскизов 1945 г. орденов для ученых в количестве существенно большем, чем в РГАСПИ. Такая находка позволила несколько по новому подойти к этой странной истории – примечательному фрагменту отечественной фалеристики.

От кого исходила инициатива учреждения государственных наград специально для советской научно-технической интеллигенции до конца не ясно. На эту роль претендовали как Секретариат ЦК партии, так и председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С.В. Кафтанов, по словам которого, именно возглавляемое им ведомство поставило вопрос перед Правительством «об учреждении почетных медалей имени выдающихся рус-

ских ученых» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 361. Л. 43). Вопрос о наградах ученым «за заслуги в области науки и за успехи в педагогической деятельности» обсуждался на Секретариате ЦК ВКП(б), и именно там было дано поручение Отделу пропаганды и агитации подготовить статуты и эскизы орденов. Судя по документам, отбор кандидатур из числа «великих русских ученых» ограничивался исключительно «естествоиспытателями». Четверка «наиболее крупных» ученых, которые являлись «деятелями, известными и близкими нашему народу» (система измерения такой «близости», разумеется, не предъявлялась) – Ломоносов, Менделеев, Пирогов и Павлов – была отобрана из двух десятков кандидатур.

Коллекция эскизов из Архива РАН свидетельствует, что первоначально, очевидно, жесткого ограничения учеными-естественниками не ставилось, поскольку среди эскизов имеется несколько вариантов проекта ордена имени Н.Г. Чернышевского. По проектам статутов орденов «близких» народу ученых предусматривалось награждение: орденом Ломоносова за выдающиеся достижения в области науки и техники; орденом Менделеева за выдающиеся достижения в области химических наук; орденом Пирогова за выдающиеся достижения в области медицинских наук; орденом Павлова за выдающиеся достижения в области биологических наук. Насколько осознано оказался отбор ученых, представляющих химию, биологию и медицину, и почему среди них нет математиков, физиков, астрономов, геологов, инженеров и др., трудно судить. Конечно, символическая фигура М.В. Ломоносова закрывала практически весь спектр научных направлений и, кстати, если бы весь «наградной» проект был ограничен только этим именем, то вероятность его реализации существенно возростала. Высокий статут ордена Ломоносова определялся тем, что он должен был носиться на левой стороне груди и, при наличии других орденов, располагаться после ордена Трудового Красного Знамени; статут остальных «научных» орденов шел по нисходящей.

Согласно проекту, этими орденами ученые могли награждаться также за успехи в педагогической деятельности, за создание ценных учебников, публикацию выдающихся трудов. Статут каждого из четырех орденов предусматривал, что первой степенью будут награждаться «высшие категории деятелей науки – академики [АН СССР. – *С.И.*], действительные члены академий наук, а также доктора наук» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 453. Л. 2). В свою очередь, второй степенью могли награждаться, кроме вышеназванных категорий, члены-корреспонденты академий и профессора, не имеющие степени доктора наук, кандидаты наук и другие деятели наук.

Работа по подготовке эскизов завершилась в июне – июле 1945 г. Изучение всех доступных в настоящее время графических листов позволяет выявить участие свыше двадцати художников. Среди авторов эскизов были весьма опытные в создании знаков государственных наград специалисты: художники, скульпторы, архитекторы, такие как И.И. Дубасов, А.И. Кузнецов, М.Л. Лукина, Н.И. Москалев, С.З. Маграчев, И.А. Француз и др.

В целом, хранящиеся в РГАСПИ и в АРАН коллекции эскизов орденов для ученых, при всей заданности их форм, художественного решения и смыслового содержания, дают обильный материал для анализа развития отечественной наградной символики, эмблематики и изобразительного искусства.

*Л.И. Илларионова, к.и.н., с.н.с.
НИОРК (Музей книги) РГБ*

Книжная традиция и новаторство профессиональных архитекторов*

Вторая половина XIX – начало XX вв. характеризуются всплеском книгоиздания, многообразием стилевых особенностей в оформлении книги, широким спектром читательского назначения. Причастными к изданию книг были профессиональные архитекторы и гражданские инженеры. Их работы по оформлению печатной продукции свидетельствуют о едином процессе художественного творчества (чему способствовало их образование), о родстве архитектуры, живописи с графическим искусством, что приводило к наивысшей культуре книгоиздания.

В этой связи интересно рассмотреть творческие работы академика архитектуры, художника-прикладника и графика И.П. Ропета (1845–1908), художника-архитектора И.Е. Бондаренко (1870–1947) и академика архитектуры Ф.О. Шехтеля (1859–1926) – разные по замыслу, тематике и читательскому назначению, но при всем этом являющиеся продолжением традиций книгоиздания на новой историко-культурной почве.

Изучение наследия прошлого (памятников архитектуры, декоративно-прикладного искусства), лежащее в основе творческого метода мастеров периода эклектики, их нескрываемый восторг по отношению к классике и отечественным памятникам старины отразились в графическом искусстве рубежа XIX–XX вв. Особенностью оформления изданий является тяготение к широкому распространению элементов классицизма и древнерусских традиций, при этом крайне осторожное использование новых тенденций, привнесенных модерном. Классицистические элементы, гармонично используемые

в проектах разных типов зданий и интерьеров, были успешно применены в оформлении печатной продукции.

Исключительным памятником книжного и полиграфического искусства является книга «История и памятники византийской эмали. Соч. Н. Кондакова» (1892). Располагая лучшей коллекцией византийских эмалей X–XI вв., А.В. Звенигородский пригласил профессора Санкт-Петербургского университета, старшего хранителя Эрмитажа Н.П. Кондакова написать текст книги, а И.П. Ропета оформить ее. Архитектор сумел сделать из своих композиций, украшающих книгу, настоящую сокровищницу мотивов византийской орнаментики. Художественное оформление ее богато и совершенно – посвятельный лист, заглавные листы, виньетки, рисунки обреза внутренних листов переплета, закладки, точно отражают стилистику византийских эмалей, гармонично воссоздают дух далеких времен. Отобранные раз и навсегда декоративные мотивы у И.П. Ропета приобрели характер академический, а наглядность его метода и преданность избранной идее сделали имя архитектора значимым для своего времени.

Книги, оформленные И.Е. Бондаренко – «Архитектурные памятники Москвы» (1904), «Остатки Москвы XVII в.» (1909), «Подмосковные дворцы XVIII в.» (1911), «Останкино» (1917), «Архитектор Матвей Федорович Казаков. 1733–1812» (1912, 1938), отражают его стремление к изучению истории архитектуры древней Москвы. Особенностью оформления всех этих изданий является тяготение к широкому распространению элементов традиционного классицизма и, уже в период неоклассицизма, гармонично вписываются в контекст общекультурных процессов эпохи. У него фасад здания как бы уподобляется плоскости листа, и наоборот, лист становится объектом архитектурной композиции.

Совершенно неожиданной для творчества Ф.О. Шехтеля стал маленький альбом «Весна красна. Аллегорическое шествие, устроенное на народном гулянии 21 мая 1883 г. [на Ходынском поле] М.В. Лентовским по случаю священного коронования их императорских величеств» (1883), похожий на лубочную картинку. Сюжет отражает народные гуляния на Ходынском поле по случаю коронационных торжеств Александра III. Их-то – жучков, червячков, лягушек, муравьев, пчел, богатырей земли русской и других персонажей – и изобразил в виде аллегорического шествия мастер. Они олицетворяют пробуждение природы после зимней спячки. В качестве прототипа в оформлении книги были использованы миниатюры русских рукописных книг. На каждом листе изящно размещены крупные красивые заглавные буквы, заставки, концовки, текст заглавий написан от руки в русском стиле.

Принципиально важной идеей, которой руководствовались новое художественное мышление, была идея «синтеза искусств». Она охватывала представление о необходимости целостного, ансамблевого решения любого объекта – архитектурного сооружения, интерьера, книги; она рассчитывала на взаимодействие разных искусств и стимулировала развитие универсально одаренной личности, какими, по праву, можно считать И.П. Ропета, И.Е. Бондаренко и Ф.О. Шехтеля.

Все представленные издания, будучи принципиально разными, имеют ряд схожих характеристик: все они вышли крайне малыми тиражами, распространялись (или дарились) и приобретались любителями книжных редкостей, были предназначены не только служить источником информации, но и играть роль «эксклюзива». Поэтому хранятся они в Отделах редких книг крупнейших библиотек (например, в НИО редких книг РГБ).

* Тезисы доклада на конференции 2017 г., пропущенные при подготовке прошлого сборника материалов. Редколлегия приносит автору свои извинения.

*Л.И. Илларионова, к.и.н., с.н.с.
НИОРК (Музей книги) РГБ*

Фотофиксация артефактов на Святой Земле (по материалам научной экспедиции 1891 г.)

Среди многочисленных путешественников, паломников и исследователей, посетивших с различными целями Святую Землю, были и фотографы, которые фиксировали все увиденное в пути: русский фотограф А. Яныш, английский фотограф Бедфорд, начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин, монах Русской Духовной миссии Тимон, фотографии Бонфис, Цангаки, Фиорилло, Дюма, Бруно Гентшель и др.

В августе – декабре 1891 г. по поручению Имп. Православного Палестинского общества осуществилась экспедиция по Сирии и Палестине, руководителем которой был назначен известный историк искусства и археолог Никодим Павлович Кондаков. В отличие от многочисленных паломничеств в Святую Землю, это была первая научная экспедиция Общества, поставившая перед собой цель исследовать христианские древности, архитектурные памятники, письменные источники. В состав экспедиции входил фотограф Иван Федорович Барщевский, который сделал более тысячи фотографий.

Среди наиболее интересных фотографий, сделанных Иваном Федоровичем, можно назвать Храм Св. Гроба Господня, Голгофу, Камень помазания и Св. Гроб. Особенно отличаются фотографии с

видами храма Воскресения (Анастасиса) и Золотых ворот. Много внимания члены экспедиции уделили и другим святыням: мечети Скалы, церкви св. Иоанна Предтечи, церкви св. Анны, церкви св. Стефана, царским гробницам и мечети Давидовой. В монастыре Святого Креста И.Ф. Барщевский запечатлел византийскую церковь с великолепным мозаичным полом. Привлекла внимание исследователей и Патриаршая библиотека в Иерусалиме. Из рукописей «Творения св. Григория Богослова» и «Творения св. Иоанна Дамаскина», которые там хранятся, были сфотографированы отдельные листы.

Целый цикл фотографий связан с храмом Рождества Христова в Вифлееме, который был сфотографирован с разных исходных точек, начиная с очень красивого вида на Вифлеем, раскинувшегося среди плодородных полей и окруженного со всех сторон холмами. Затем И.Ф. Барщевский много фотографировал и сам Храм Рождества Христова. Особенно много фотограф запечатлел каменных нагромождений, развалин, панорамных видов остатков Иерусалима и его окрестностей, весь его храмовый комплекс, уникальный ландшафт Палестины, который до него в таких объемах никто не зафиксировал ни в живописи, ни в графике, ни в фотографии.

Каждый из архитектурных объектов был сфотографирован неоднократно: сначала воспроизводился панорамный вид местности, объект крупным планом, затем – многочисленные детали остатков архитектурных сооружений, части зданий, развалины. Качество их, композиционное решение каждого кадра, степень детализации фотографируемого объекта настолько высокого уровня, что при их воспроизведении в различных изданиях, как то: «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине Н.П. Кондакова с 78 рисунками в тексте и 72 отдельными таблицами» (СПб., 1904), «Храм Воскресения Господня в Иерусалиме» (СПб., 1893), свидетельствуют о высоком мастерстве И.Ф. Барщевского, вдохновленного образами Святой Земли. На основе снятого материала в Москве и Санкт-Петербурге были организованы выставки. Заслуги И.Ф. Барщевского как фотографа в Палестинской экспедиции были отмечены орденом св. Станислава 3-й степени.

В настоящее время в Отделе эстампов Российской Национальной библиотеки (РНБ) хранятся три группы альбомов – «Экспедиция Императорского Палестинского Общества в Палестину. 1891 г.: Атлас фотографий И.Ф. Барщевского. В 2-х тт. – 126 л.»; «Экспедиция Императорского Палестинского Общества в Палестину. 1891 г.: Атлас фотографий И.Ф. Барщевского. В 4-х тт. – 341 л.»; «Экспедиция Императорского Палестинского Общества в Палестину. 1891 г.: Атлас фотографий И.Ф. Барщевского. В 4-х тт. – 340 л.». Они представляют собой сброшюрованные листы плотной бумаги разного

формата, на каждый лист наклеены разного размера фотографии. Обложка и корешок каждого тома содержат выходные данные. Они украшены полосками золотого тиснения, разделяющими желтый и красный фон переплета с изображением герба и инициалами «И.Б.». Ни одна из помещенных в альбомах фотографий не имеет конкретного названия (подписи) изображаемого объекта, а сопровождается цифровым обозначением (числитель и знаменатель), поэтому, просматривая альбомы, не представляется возможным атрибутировать большую часть фотографий.

Н.П. Кондаков в отчете, описывая увиденное, ссылается в скобках на «фотографии», «таблицы», «рисунки». Определить, на какие фотографии ссылается Н.П. Кондаков аббревиатурой «фот.», не представлялось возможным до тех пор, пока не были обнаружены альбомы в РНБ, но фотографии в них оказались подписанными цифровыми обозначениями (дробью).

После нахождения каталога «Палестина и Синай. Ч. 1. Вып. 3. Собрание фотографических снимков, принадлежащих Императорскому Православному Палестинскому обществу, привел в порядок и описал В.Д. Юшманов» (СПб., 1894) – все «встало на свои места». Каталог организован по территориальному принципу. В правой колонке перечня фотографий проставлено буквенное обозначение каждого фотографа, слева – порядковый номер фотографии по каталогу В.Д. Юшманова, отдельная колонка содержит обозначение номера фотографии в альбомах РНБ. Эти цифры и отражены в альбомах РНБ и тем самым позволяют атрибутировать каждую фотографию.

*Д.П. Исаев, к.и.н., ст. преп.
ИИМО ЮФУ*

Книжная культура в профессиональной культуре историка (на примере биографии П.П. Смирнова)

Продуктивное использование понятия «книжной культуры» в современных историко-научных исследованиях возможно не только на эмпирическом уровне при обращении к разного рода библиографическим, библиотечным сюжетам, но и в определенном теоретическом ключе. К примеру, в рамках изучения профессиональной, шире, научной культуры историка. Так, В.П. Корзун предприняла попытку внедрения в исследовательский арсенал понятия «профессорская культура», выделяя в ней сложную систему образовательных, коммуникативных, идентификационных практик, направленных на формирование и воспроизводство интеллектуальной культуры, норм профессионального академизма в рамках научного сообщества. Полагаем, что в данном контексте понятие «книжная куль-

тура» выступает одним из элементов, формирующих предметное поле вышеуказанной дефиниции на локальном уровне.

Значение книги, библиотеки для ученого трудно переоценить, хотя индивидуальные стратегии поведения разнятся. Обратившись к биографиям историков, видим, что одни тщательно собирали книги и издания источников по специальности (А.А. Зимин). Другие же предпочитали работать в библиотеке, ограничиваясь приобретением справочной литературы (Е.В. Тарле). В доцифровой век дополнительным фактором, инициирующим собирание собственной библиотеки, выступала степень удаленности от научных центров страны. Характерна в этом смысле научная биография провинциального, затем столичного историка Павла Петровича Смирнова (1882–1947). Воспитанник Киевского университета, Смирнов зарекомендовал себя серьезным исследователем русского феодализма уже в 1910-е гг., 1920-е гг. были омрачены арестом и заключением, после которого он с семьей был вынужден перебраться в Ташкент, став преподавателем местного университета. В 1938 г. Смирнов переезжает в Москву и работает в Историко-архивном институте до смерти. Воспоминания и письма дают интересный материал проявления его яркой научной индивидуальности, которая вместе с тем формировала и типический облик книжной культуры ученого-гуманитария того времени.

П.П. Смирнов собирал библиотеку со времен учебы, уделяя особое внимание источникам, литературе своей области знания. Она сопровождала его в многочисленных переездах из города в город. Так, при эвакуации в Саратов в 1915 г. Смирнов вывез лучшие материалы. И далее в письме Веселовскому сообщал, что «относительно книг здесь скверно: нет ни в продаже, ни (кажется) в публичной библиотеке исторических серьезных книг» (Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 335). Для архивных изысканий историк периодически ездил в Москву, непременно посещая места книжной торговли. Так, в 1916 г. жене, С.В. Смирновой, он писал: «Завтра пойду на Сухаревку посмотреть книги» (РГБ. Ф. 279. Карт. 37. Д. 22. Л. 15). Вспомним, что Сухаревский рынок был значимым местом для ученых и библиофилов.

В 1919 г. историк защищает магистерскую диссертацию по истории русских городов. Характерна запись жены: «Несмотря на то, что он сейчас много зарабатывал, чтобы расплатиться с типографией нам пришлось продать 50 книг за 60 руб.» (Там же. Л. 22). Очевидно значение библиотеки как материального ресурса. К этому способу семья прибегнет позже еще раз при переезде из Ташкента.

Важное значение библиотеки и книг для историка проявилось во время тюремных заключений 1923–1927-го и 1931-го гг. В перепис-

ке неизменно присутствует книжная тема. Там Смирнов продолжал работать, и Софья Васильевна приносила ему необходимые материалы. Так была написана монография о Волжском пути. Условия второго ареста были тяжелее. Об этом можно судить по признаниям историка супруге: «...мне разрешили иметь книги и газеты – это большое счастье». И далее: «Книг пока довольно. Читать могу, но работать научно по многолюдству невозможно» (Там же. Л. 64, 67).

В первое заключение Смирнов одно время работал библиотекарем. Воспоминания Смирновой содержат теплое описание повседневного быта своего мужа, проводившего много времени среди книг (Там же. Л. 46). Здесь можно наблюдать, как книжный мир историка выступает элементом профессиональной культуры. Нестановитно П.П. Смирнов после освобождения в письме С.Б. Веселовскому идентифицирует возможное место своей будущей работы в том числе с библиотекой (Переписка С.Б. Веселовского... С. 340). И, как кажется, уже естественным для него было занятие в Ташкенте должности директора университетской библиотеки.

Нормализация условий жизни в Ташкенте благотворно сказалась на упорядочении научных штудий исследователя. Библиотека формировала важное внешнее пространство историографического быта ученого. С.В. Смирнова оставила интересную его зарисовку: «У огромного солнечного окна была отгорожена книжными полками самая лучшая часть комнаты для занятий Павла Петровича. Он опять спокойно сидел у своего письменного стола в окружении своих книг и чувствовал себя отлично» (РГБ. Ф. 279. Карт. 37. Д. 22. Л. 72).

Книжная культура историка формировала определенные ценности, которые воплотились в стиле научного творчества, в коммуникативных практиках с учеными и студентами. По воспоминаниям Смирновой, «Павел Петрович говорил – “Единственная ценность, которую я имею – это моя хорошо подобранная библиотека”. Он собирал ее всю нашу трудную жизнь... Она была его рабочей, из нее он постоянно давал нужные книги своим аспирантам» (Там же. Л. 131–132). После смерти ученого жена передала профессорскую библиотеку в дар Историко-архивному институту. А к 60-летию со дня смерти П.П. Смирнова научной библиотекой РГГУ была организована ее выставка, включающая труды как самого ученого, так и подаренные ему другими авторами.

Таким образом, книжная культура на определенном этапе развития науки является органичной частью условно профессорской культуры, где библиотека и книга имеют интеллектуальный и материальный ресурс, выступают частью коммуникативных практик, формируют модель профессионального поведения, наконец, содействуют оформлению рабочего пространства ученого.

Морехозяйственный комплекс Европейской России в XIX в.: методы исследования и проблемы

Исследование исторического опыта освоения и функционирования приморских территорий России обусловлено, прежде всего, нарастающим интересом к их геополитической ситуации, природным ресурсам и транспортным возможностям как со стороны отечественных, так и транснациональных хозяйствующих субъектов и государственных структур. В отечественной науке подобная проблематика осваивается, в основном, экономистами, экологами и реже – географами. Однако в подобных работах, как правило, рассматривается лишь современное состояние этого важнейшего для страны хозяйственного и стратегического по своей значимости комплекса или отдельные компоненты его ресурсов за короткие исторические промежутки времени. В этой связи историко-географическое исследование морехозяйственного комплекса России XIX в. является несомненно актуальным и научно обоснованным.

Для решения задач по данной проблематике представляется необходимым уточнить понятийный аппарат исследования, а также обосновать с позиций системного подхода основные составляющие морехозяйственного комплекса и их функции. Объект исследования – приморская территория – это прилегающая к морю часть суши с присущими ей свойствами и ресурсами, характеризующаяся определенной площадью, уникальным географическим положением, социоэкономическими, политическими, экологическими и другими качествами, являющимися объектами конкретной деятельности или исследования. Кроме того, приморскую территорию можно определить как территорию, имеющую общую границу с прилегающей морской акваторией и выделенную по комплексу социоэкономических, политико-административных, физико-географических и военно-стратегических признаков. Приморские образования могут быть субъектами административно территориального устройства России или их части. Эти территории являются базой функциональных направлений морской деятельности. Статус подобных образований определяется в виде их морского потенциала, в котором заключены наиболее существенные (ключевые) социоэкономические, политические, природно-экологические и военно-стратегические факторы и признаки, воздействующие на функционирование размещенного на этой территории морехозяйственного комплекса.

В основе осмысления приморских территориальных объектов лежит особенность пространственной организации хозяйства, вы-

раженная в такой структуре как морехозяйственный комплекс. Содержание этого понятия представляет собой совокупность отраслей экономики, предприятий и организаций, расположенных на морском побережье страны и непосредственно связанных с морской деятельностью, что обеспечивает реализацию национальной морской политики и устойчивое экономическое развитие прибрежных морских территорий (*Савельева С.Б., Столбов А.Г., Соловьева И.С.* Теоретические и методологические проблемы формирования морехозяйственного комплекса региона // Морской сборник. 2005. № 3. С. 43–49). Рассматривая понятие «морское хозяйство» или «морехозяйственный комплекс» на первый план выходит задача осмысления его функционально-компонентной структуры, места и назначения ее отдельных элементов.

Морехозяйственный комплекс (или «морское хозяйство») включает в себя следующие составляющие: поселенческие структуры, торговое судоходство и его прибрежно-портовую инфраструктуру, промышленное рыболовство, добычу морских биологических ресурсов, а также полезных ископаемых морского дна и его недр (минерально-химического и строительного сырья) и прочие объекты, имеющие существенное значение для использования морских ресурсов.

Следует отметить, что среди значительного количества отраслей морехозяйственного комплекса именно портовая деятельность занимает видное место, представляя собой своеобразный стержень, на который замыкается деятельность практически всех остальных хозяйственных структур, относящихся к комплексу.

В исследовании любого направления функционирования морехозяйственного комплекса возникает вопрос о его границах. Как правило, границы прибрежных зон принято определять согласно той проблеме, которая выступает предпосылкой к разработке конкретной программы. Поскольку существует широкий набор возможных проблем прибрежных зон, применяется и широкий набор их возможных границ (*Денисов В.В.* Эколого-географические основы устойчивого природопользования в шельфовых морях. Апатиты, 2002. С. 364).

В XIX в. особенностью организации хозяйства приморских территорий являлась центрально-периферийная структура, обусловленная историческим ходом колонизации приморских территорий России и высокой централизацией управления страной, финансовыми и людскими ресурсами. Морское пространство Европейской России по географическим признакам имело разграничение на следующие зоны: Черноморско-Азовский бассейн, Каспийское море, Балтийское море и Белое, Баренцево и Печорское моря. Морехозяйствен-

ные комплексы их приморских территорий отличались неравномерным пространственным развитием, что объяснялось в значительной степени экономическими причинами: транспортно географическим положением, уровнем развития региональных рынков, наличием квалифицированной рабочей силы и т.д.

*Е.В. Казбекова, к.и.н., с.н.с.
ИВИ РАН*

Новые данные об иллюминации экземпляра Библии Гутенберга в РГБ

Экземпляр Библии Гутенберга в РГБ (до 1945 г. Лейпциг. DBSM), почти полный, первого набора печати уникален своими миниатюрами. К ним обращались до войны Й. Шиннерер и П. Кёниг, а в наше время – Т.А. Долгодрова, описавшая их иконографию. При подготовке кодикологического описания экземпляра были получены новые данные по миниатюрам и иллюминации в целом.

Иллюминация делалась в несколько этапов, но каждый раз в расшитых тетрадах. На первом этапе (середина XV в., Брюгге, стиль «gold scrolls») сначала были проставлены репрезентанты и вписаны красные рубрики и номера. Затем наведена темнорозовая разлиновка. После этого, вероятно, нарисованы полубордюры с растительным орнаментом над и под столбцами с большими инициалами и вписаны колонтитулы, затем выполнены сами большие инициалы.

Гамма полубордюров изначально была другая, не было оранжевого, коричневого, красно-кирпичного. Отличительной особенностью ателье, в котором они были нарисованы, является применение бежево-желтой краски с мелкими блестками, создающей эффект легкого золотого налета. Полубордюры делались несколькими мастерами мастерской с дробным разделением труда: набросок под них делали одни мастера, раскрашивали другие, наносили золотые шарики и трилистники и (?) рисовали филигранные между листьями аканта – третьи; причем одни работали с полубордюрами только на верхнем поле, другие – только на нижнем.

Большие инициалы-*champrie* и полурамки к ним также выполнены несколькими мастерами с разделением труда: сначала был сделан набросок, потом выполнен сам инициал и полурамка, причем не всегда мастера следовали наброску. Малые инициалы накладным золотом высотой в две строки выполнены после разлиновки, но до или после больших инициалов, определить затруднительно.

Кроме того, на вертикалях некоторых заглавных букв проставлены желто-бежевые пятнышки или штришки. Возможно, это – бежево-желтая краска с «искорками» под твореное золото. Пятнышки

хорошо видны лишь в нескольких тетрадах, в остальных, скорее всего, выцвели. Вероятно, нанесены вместе с полубордюрами или после них. Нанесение выборочное, экономное: мастер брал краску на кисть один раз, и вверху столбца пятнышки заметны, а внизу уже почти нет, нередко он, похоже, делал за один «заход» больше одного листа.

На втором этапе в экземпляре были врисованы миниатюры и наведены упомянутые новые цвета в полубордюрах. Скорее всего, его отделяет от первого этапа не более 1–2 десятилетий (середина – вторая половина XV в., Фландрия). Сохранилось 138 миниатюр, остальные были вырезаны и проданы в XVIII или XIX в., общее их число могло быть от 200 до 272.

Возможно, оба тома делались в разных ателье, так как принципы организации работы миниатюристов отличаются. В Т. 1 прослеживается 11–12 мастеров, различающихся по прорисовке и проработке цветом лиц, кистей рук, одежды, интерьеров, пейзажа. Каждый мастер делал по 1–3 тетради и рисовал всё: лица, фигуры, одежду, интерьер, пейзаж. В последних тетрадах Т. 1 (?) и в Т. 2, где миниатюр в 6 раз меньше, работал мастер с подмастерьями: мастер, судя по всему, делал набросок всей миниатюры и рисовал лица, подмастерья «раскрашивали» одежду, интерьеры, пейзажи.

Третий этап – это несколько полубордюров и инициалов, врисованных в 1878 г. при реставрации экземпляра в мастерской парижского художника А. Пилински. Прослеживается минимум две руки (Адам Пилински и его сын Станислав?), кое-где полубордюры его мастерской дорисованы подражавшими его стилю мастерами Г. Клемма.

Под вопросом пока остается время создания первых листов с рамками-бордюрами в обоих томах с имитацией стиля «gold scrolls» XV в. Скорее всего, они были изготовлены еще до А. Пилински, так как отличаются от его иллюминации более высоким уровнем. В Т. 1 бордюр выполнен на вклейке пергамена с другой раскладкой, нежели поле текста. В Т. 2 в бордюр врисована миниатюра, сам бордюр сделан после инициала с полубордюрами XV в. над и под столбцом текста.

По всей вероятности, бордюры были выполнены в XVIII–XIX вв. в одной мастерской. В пользу этого свидетельствует одинаковый порядок создания: оба бордюра нарисованы двумя мастерами, один выполнил бордюр на нижнем поле и на нижней половине внешнего поля, другой – на верхней половине внешнего поля, верхнем и корешковом полях. Их работа различается по гамме и прорисовке отдельных элементов. Эти мастера не знали секрета бежево-желтой краски с «искорками» под твореное золото, которая

используется во всех полубордюрах XV в. и миниатюрах XV в. в Т. 1 (в миниатюрах Т. 2 ее, правда, тоже нет); неудачную попытку ее воспроизвести, наведя бежевый на твореное золото, см. на нижнем поле л. 1 Т. 2.

Миниатюра на л. 1 Т. 2 нарисована одновременно с бордюром (на это указывает оттенок серого цвета в одежде на миниатюре и в бутонах бордюра), вызывает сомнения не встречающаяся у мастеров XV в. в обоих томах проработка лиц персонажей и их одежда. Отдельные детали явно скопированы с миниатюр и/или филиграней больших инициалов, но рисунок и проработка цветом лица второго придворного слева выглядит современно, а модная одежда другого придворного встречается в двух томах еще только один раз: длинные носки и широкие (но другие) рукава имеет шут, чья одежда призвана смешить.

Четвертый этап – 144 миниатюры и большая часть полубордюров, созданные по заказу Генриха Клемма после приобретения им экземпляра. По большей части они маскируют вклейки пергамена на месте вырезанных миниатюр XV в. Их выполнили три, возможно, четыре человека. Образцами для порядка трети миниатюр В.З., 1–2 миниатюр из Евангелий и 3–4 из Апокалипсиса послужили гравюры т. н. «Кёльнской Библии» 1478/79 г. из собрания Г. Клемма, для остальных миниатюр прямых аналогов среди инкунабулов и палеотипов собрания Г. Клемма найти не удалось, но, возможно, «античная» часть навеяна раскрашенными гравюрами из «Orlando furioso» (Венеция: Габриеле Джиолито ди Феррари, 1544). Каждую тетрадь делали одновременно 2–4 мастера: различаются полубордюры на мясных и волосяных сторонах (лицевых и оборотных). Мастерам Г. Клемма принадлежат многочисленные поновления в предшествующей иллюминации.

*Т.В. Кайгородова, к.и.н., доц.
Алтайский филиал РАНХиГС (Барнаул)*

В.И. Штейнгель: хронология и революционность

В 1819 г. в Медицинской типографии Санкт-Петербурга по утверждению цензора «статского советника и кавалера И. Тимковского» была напечатана книга отставного чиновника барона В.И. Штейнгеля с достаточно длинным и малопонятным для читающей публики названием: «Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месящесловного счисления старого и нового стиля». На трехстах с лишним страницах этого произведения автор описывал все известные к тому времени календарные и

летосчислительные системы, пробуя при этом производить их сравнительный анализ.

В выборе жанра В.И. Штейнгель не был оригинален. Еще в 1813 г. академик ИАН Ф.И. Шуберт опубликовал в «Санкт-Петербургском карманном месяцеслове» большую статью о древнем времяисчислении, тем самым пробудив интерес читателей к этой теме (С. 129–217). Заслугой барона стала «кристаллизация» общественного интереса к вопросам хронологии и попытка представить полное его удовлетворение.

Книга В.И. Штейнгеля была, пожалуй, единственным научно-хронологическим сочинением XIX в., которому уделялось большое внимание в отечественной историографии. Объясняется это тем, что ее автор был будущим борцом с самодержавием, входившим в круг тех людей, которых мы сейчас условно называем «декабристами». Именно поэтому В.И. Штейнгель в XX в. был назван «новатором» и «выдающимся исследователем хронологии» (Майстров, 1976. С. 341–348; Пасецкий, Пасецкая-Кременская, 1989. С. 51–57). Эти оценки представляются завышенными. Изучение обстоятельств появления этой книги и ее содержания позволяет признать, что она была типичным, но никак не выдающимся произведением этого жанра.

Работу над книгой В.И. Штейнгель начал примерно за полтора года до ее издания (разрешение цензуры на ее издание датировано 16 сентября 1819 г.). Осенью 1817 г. он вынужден был оставить службу в гражданской канцелярии московского главнокомандующего генерала А.П. Тормасова. В своих «Записках» В.И. Штейнгель вспоминал о том, что он очень быстро, «в три недели», сдал дела по канцелярии, после чего «не остался без дела: занялся сочинением “Опыта о времяисчислении”», написал «Рассуждение о наказании» [запомнил этот факт!], продолжал посещать благородное собрание, сблизился с И.И. Дмитриевым и П.Ю. Львовым (Штейнгель, 1981. С. 201). Становится ясно, что ни о каких «новаторских» и глубоких исследованиях В.И. Штейнгеля не может быть и речи. Сочинение «Опыта...» было, скорее, способом времяпровождения, а не итогом целенаправленной и кропотливой исследовательской работы.

В.И. Штейнгель соединил в своей книге обобщение уже давно известных науке хронологических и астрономических фактов. Источники его компиляции выясняются достаточно просто, так как он сам указал их на страницах «Опыта...» (Штейнгель, 1819. С. V–XII, 87, 348 и др.). Это были, во-первых, научно-популярные статьи из русской и иностранной периодики. Во-вторых, это – русские пасхальные сочинения конца XVIII – начала XIX в. Третью группу источников В.И. Штейнгеля представляли богословские сочинения.

Не осталась без внимания автора «Опыта...» и уже упомянутая статья Ф.И. Шуберта. Самое большое заимствование было сделано, однако, из другого сочинения.

Капитан-командор, член Адмиралтейского департамента, почетный член ИАН, действительный член Российской Академии Платон Яковлевич Гамалея (1766–1817) был преподавателем Морского корпуса, где в свое время обучал гардемарина В.И. Штейнгеля математике, морской практике и теории морского искусства. Об этом вспоминал сам В.И. Штейнгель (Штейнгель, 1981. С. 181). Связь между сочинением ученика и учителя становится очевидной при самом поверхностном сравнении «Опыта...» и сочинения П.Я. Гамалеи (Теория и практика кораблевождения. Ч. 2, 3. СПб., 1807–1808). Даже в названии книги будущего декабриста отразилось заглавие одного из разделов сочинения П.Я. Гамалеи (глава XXI в третьей части его книги называлась «О месяцесловном и хронологическом счислении»). Все это позволяет сделать вывод о том, что склонность В.И. Штейнгеля к познанию хронологических проблем появилась еще в 90-е гг. XVIII в. под непосредственным влиянием преподавательского таланта П.Я. Гамалеи.

Раскрывая компилятивный характер «Опыта...» В.И. Штейнгеля, нельзя не признать творческих моментов в работе составителя. Вполне самостоятельны и интересны штейнгелевские комментарии по вопросу принятия григорианского календаря в России, по объяснению смысла термина «Вруцелето» и пр. Полнее всего самостоятельное творчество В.И. Штейнгеля проявилось в двух последних главах третьей части «Опыта...»: здесь он пытался научно исследовать два сложных хронологических момента – время Рождества Христова и причину появления в православном летосчислении двух различных эр от Сотворения мира.

Нет необходимости выявлять все фактические ошибки В.И. Штейнгеля, поскольку эту работу тщательно проделали его последователи (Хавский, 1849. С. 202; 1855, С. 6; Ундольский, 1849. С. 44, 49; Яковкин, 1862. С. 26, 33 и др.). Куда важнее для нас становится совмещение выводов о несостоятельности В.И. Штейнгеля-ученого и В.И. Штейнгеля-революционера (Гордин, 1989; Мамсик, 1987), в чем прослеживается определенная связь характеристик исследователя и заговорщика.

Образ Земли как птицы в арабской картографии

Весьма древней и необычной визуальной картиной Земли является изображение ее в виде птицы.

‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам (IX в.): «Мир создан пятичастным по фигуре птицы с головой, грудью, двумя крыльями и хвостом. Голова ее – Мекка, Медина и Йемен; грудь – Сирия и Египет; правое крыло – Ирак, а за Ираком народ, называемый ал-вак, а за ним – народ, который называют ваквак, а за ними – народы, которых не знает никто, кроме Аллаха преславного и превеликого; левое крыло – это Синд, а за Синдом – Хинд, а за Хиндом – народ, называемый насик, а за ними – народ, который называют мансак, а за этим – народы, которых никто не знает, кроме Аллаха превеликого и преславного; а хвост – от Заг ал-Хумам (местность к западу от Александрии – Т. К.) до заката солнца; а то, что [составляет] хвост птицы – плохое» (*‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / С.Б. Певзнер. М., 1985. С. 18*). Здесь названы как реальные страны, так и легендарные народы.

Похожим образом, но по-другому описывал мир Ибн ал-Факих (903 г.): «Голова птицы – Китай, вак-вак и множество неведомых народов, правое крыло – Индия и море, левое – хазары, неизвестные народы маншак и машак, йаджудж и маджудж, грудь – Мекка, Хиджаз, Сирия, Ирак и Египет, хвост – области к западу от Египта (*Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Namadani / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. P. 3*). В этой версии левое крыло, как и у предыдущего автора, занимают жители отдаленных мест – хазары, за ними – легендарные племена: машак восходит к библейскому дикому, языческому народу мешех (Пс 119:5). Имя маншак не идентифицировано; как отмечал И.Ю. Крачковский, это – «дублет Мешака (евр.)» (*Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 51*). Йаджудж и Маджудж – арабское название библейских злобных племен Гог и Магог, которые в конце света должны наводнить мир (Иез 38:2–3, 14–16; Откр 20:7). Они известны и в Коране; там Зу-л-Карнайн (Александр Македонский) отгородил их от цивилизации крепкой стеной (18:83, 92–97; 21:96) (*Пиотровский М.Б. Йаджудж и Маджудж // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 119; Калинина Т.М. Легендарные народы на краю Ойкумены (по данным арабских средневековых ученых) // История наук о Земле. Сб. ст. М., 2011. Вып. 4. С. 30–32*).

Через несколько веков подобный рассказ передал географ ад-Димашки (1256–1327). Изобретение такой схемы было приписано

им герою иранского эпоса Феридуна; здесь левое крыло птицы занимали хазары и тюрки; хазары во время жизни нашего автора уже не существовали, см.: Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М., 2002. С. 24 (араб. текст); С. 334 (пер). Эта информация наглядно демонстрирует использование поздними авторами ранних произведений без ссылок на автора, а также живучесть традиций в арабской географической литературе. Такого рода описания встречались у Ибрахима ибн Васиф шаха (конец XII – начало XIII в.), Таки ад-Дина Ахмада ибн ‘Али ал-Макризи (1364–1442), Абу-л-Махасина ибн Тагриберди (ум. 1469) (*Крачковский И.Ю.* Указ. соч. С. 51–52).

В 50-х гг. прошлого века были обнаружены три рукописи с картами, где мир был изображен в виде птицы. В Кабуле – рукопись труда *Ашквал ал-алам* – сокращенный перевод географического труда с арабского языка на персидский, сделанный в начале XIII в., с указанием на авторство ал-Джайхани (начало X в.). Еще две карты из Британского музея были почти аналогичны первой (*Minorsky V. A False Jayhani // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1949–1951. Vol. 13. P. 90*). В.Ф. Минорский отметил, что автором их не был ал-Джайхани, возможно, это – персидский вариант карты ал-Истахри (X в.) с опорой на ал-Балхи (начало X в.). Подобное описание карты мира в виде птицы имеется и в сочинении Шамс ад-Дина ал-Мукаддаси (X в.) (*Ibid. P. 94*).

Минорский также описал карту: хвост птицы соответствует истокам Нила, вытекающим из Лунных гор (по традиции Птолемея) и впадающим в Средиземное море. Река на северо-востоке соответствует проливам Босфор и Дарданеллы, а голова птица, «по какой-то аберрации», как писал Минорский, указывает на Черное море и Каспий, далее на восток видно Аральское море и две реки: Амударья и Сырдарья (*Minorsky V. Géographes et voyageurs musulmans. Le Caïro, 1951. P. 26–27*).

Мой коллега Д.Е. Мишин, которому я выражаю глубокую благодарность, прочел некоторые персидские названия: Андалус, Франг – вероятно, франки; Ашкунс – видимо, баски; Кустантинийа – Константинополь и великое Море Румов; сакалиба; вади-и-рус (не ясно, почему *вади* – араб. «долина» или «высохшее русло реки», хотя слово *рус* читается четко); йаджудж и маджудж.

Б.Н. Заходер, опираясь на работу В.Ф. Минорского 1951 г., писал, что «народы Восточной Европы на этих найденных картах расположены следующим образом: ближе всего к северу находятся русы, к востоку от них – Гог и Магог, к юго-востоку – Мавараннахр, к югу – славяне, к юго-западу – Рум; хазары, болгары и бурта-

сы на карте отсутствуют» (*Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. С. 51).

Дж. Тиббетс привел аналогичное изображение из рукописи Бригтанской библиотеки, хотя в описании не упоминал об образе птицы и полагал, что эта картина «является грубым наброском карты мира ал-Истахри» (*Tibbets G.R.* The Balkhi School of Geographers // The History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1992. Vol. 2. Pt. 1. P. 126–127).

На последних картах не обозначены «крылья», как в описаниях ‘Абд ар-Рахмана ал-Хакама и Ибн ал-Факиха. Тем не менее карты (вероятно, персидского происхождения) показывают пятчастное деление Земли как стилизованный образ птицы, на которой встречаются имена некоторых восточноевропейских и среднеазиатских объектов.

*А.Н. Кежутин, к.и.н., доц.
Нижегородская гос. медицинская академия*

Периодика национальных автономий Нижегородского края 1920–1930-х гг. как исторический источник по проблеме социальных болезней

Периодическая печать является уникальным источником для изучения социальной проблематики 1920–1930-х гг. Как справедливо отметил исследователь данного периода А.Ю. Рожков, заметка в газете или журнальный очерк могут дать намного больше полезной информации, чем «формальный архивный документ, составленный полуграмотным чиновником» (*Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2016. С. 26). Особенную актуальность данное положение приобретает при рассмотрении деятельности общественности и власти по решению важнейших социальных проблем, резко обостряющихся в кризисные периоды истории.

Советскому государству в наследство от дореволюционной России досталась масса нерешенных общественных проблем. Массовый характер носило распространение социальных болезней – венерических заболеваний, малярии, туберкулеза, особенно свирепствовавших среди народов Поволжья, в которых и без того слабая сеть медицинских учреждений царского времени была практически полностью разрушена в годы революционных событий (*И.Д.* Некоторые данные о санитарном положении и врачебно-санитарной организации в Поволжье // *Общественный врач.* 1922. №. 2. С. 110–114).

Русскоязычная периодика образованных в 1920-е гг. в составе Нижегородского (с 1932 г. – Горьковского) края Чувашской, Ма-

рийской и Вотской (Удмуртской) национальных автономий позволяет проследить процесс борьбы с социальными болезнями, восстановления и развития здравоохранения в наиболее трудный период. Анализ крупнейших краевых изданий «Горьковский край», «М.А.О. (Марийская автономная область)», «Марий Эл», «Марийское хозяйство», «Социалистическое строительство Ч.А.С.С.Р.», «Чувашское хозяйство» за 1924–1937 гг. позволил выявить пласт публикаций по тематике социальных болезней и обобщить их в три основные группы: «венерические болезни», «малярия», «туберкулез».

По своему жанру большинство публикаций представляют собой информационные материалы и оригинальные научные статьи. Среди авторов преобладают врачи-специалисты, доктора медицины И. Абрамов, Н.Ф. Лопатин, В.С. Обухов, Н. Евдокимов и другие, что повышает их научность и информативность по сравнению с первичными документами обследований, отложившимися в фондах местных и центральных архивов. Основной характерной чертой большинства публикаций по рассматриваемым проблемам является их ретроспективный характер. Осевой является идея противопоставления дореволюционного и советского этапов развития здравоохранения национальных автономий на основе выдвижения на первый план достижений последнего времени: увеличения числа медицинских работников, больниц, амбулаторий, диспансеров, здравпунктов, коек.

При публикации планов и задач на первые пятилетки, широкая общественность получала возможность ознакомиться с данными предшествовавших периодов, вводился в оборот обширный статистический материал (Контрольные цифры строительства хозяйства и культуры МАО на 1929–30 г. Здравоохранение // Марий Эл. 1929. № 10. С. 44–45; *Лопатин Н.Ф.* План здравоохранения МАО во втором пятилетии // М.А.О. (Марийская автономная область). 1933. № 1. С. 45–67). И наоборот, обобщающие статьи, посвященные развитию здравоохранения отдельных автономий, содержат не только собственно медицинских, но и географических, демографических, финансово-хозяйственных показателей. Данные публикации представляют собой не только обзоры результатов предшествующей деятельности, но выступают своеобразной программой перспективного развития медицинской сферы (*Обухов В.С.* Лечебное дело Чувашии за 15 лет // Социалистическое строительство Ч.А.С.С.Р. 1933. № 3–4. С. 39–53).

С другой стороны, для национальной медицинской периодики характерны недостатки, общие для всей советской прессы исследуемого периода: политизированность, акцентирование внимания на отдельных позитивных сторонах процесса в отрыве от других, не

подтверждающих заданную линию; завышенность достигнутых показателей путем особой «выборочности» статистических данных; сокрытие истинных масштабов распространения общественных проблем, социальных болезней; замалчивание фактов, ставящих под сомнение правильность проводимой партийными и государственными органами политики по борьбе с ними.

Так, вплоть до конца 1930-х гг. в национальных автономиях Горьковского края имелись поселения, где уровень заражения венерическими болезнями (сифилисом) достигал 90 % (Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 2256. Л. 21). Практически отсутствуют в национальной прессе и сравнительные данные с регионами с русским населением. Между тем, в то время как в Горьковской области имелось 78 здравпунктов, в Марий Эл – 13, в Удмуртии – шесть, в Чувашии – только пять. Аналогичной была ситуация с туберкулезными и венерологическими диспансерами и койками в них (ГАРФ. Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 53. Л. 47). Все это вело к искажению настоящей картины борьбы с социальными болезнями, но формировало у широкой общественности веру в поступательное развитие отечественного здравоохранения, временность переживаемых трудностей, надежду на скорое избавление от социальных недугов.

Таким образом, периодика национальных автономий Нижегородского (Горьковского) края является важным историческим источником по проблеме борьбы с социальными болезнями в 1920–1930-х гг. Несмотря на свою политизированность и избирательность, она содержит значительный пласт информации по проблемам широкого распространения и борьбы с венерическими болезнями, малярией, туберкулезом, тенденциям развития здравоохранения на местах.

*М.Ю. Киселев, к.и.н.
руков. ЦУОСД Архива РАН (Москва)*

Из истории дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины

Архив Российской академии наук по праву считается одним из крупнейших информационных центров по истории РАН, ее учреждений и организаций, отечественной и зарубежной науки и культуры, научного наследия российских ученых. В фондах архива сохранились документы о дипломатике как вспомогательной исторической дисциплине.

В Архиве РАН хранится фонд А.Т. Николаевой (1908–1988), историка-архивиста, доктора исторических наук, профессора. Среди

документов фонда отложилась рукопись доклада (машинопись с правкой и вставками) «О месте дипломатики среди вспомогательных исторических дисциплин», подготовленного Александрой Тимофеевной совместно с А.А. Зиминным, Е.И. Каменцевой, А.Ц. Мерзоном и другими и датированного 19 мая 1955 г. (Архив РАН. Ф. 1950. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–60).

К докладу был составлен план, который состоял из следующих разделов:

1. Определение дипломатики и ее основные задачи (в том числе происхождение названия и данной отрасли знания). Акт и его особенности. Место актов в общей классификации исторических источников.

2. Классификация актов. Значение основных разновидностей. Хронологические рамки дипломатики (в том числе вопрос об актах эпохи капитализма и социализма).

3. Содержание дипломатики. Приемы изучения актов.

4. Место дипломатики среди других вспомогательных исторических дисциплин и в общей системе источниковедения истории СССР.

5. Отличие советской дипломатики от буржуазной.

6. Развитие советской дипломатики (издания и исследования).

7. Изучение актов в Историко-архивном институте.

Значительный интерес представляют определения предмета и задач дипломатики, включенные А.Т. Николаевой в текст доклада. По ее мнению, отличительной чертой актовых документов является то, что их отдельные разновидности писались обычно по определенной для данного времени и места установленной форме, которая в дальнейшем иногда закреплялась законом. Она считала, что изменение составных частей актов в историческом развитии показывало, какие изменения происходили в социально-экономическом развитии общества, в классовой борьбе, во взглядах общества, нашедшие свое отражение в актовых материалах. Александра Тимофеевна полагала, что иногда отдельные формуляры актов оказывались более консервативными, чем сама жизнь. Исторически сложившиеся составные части актов, возникшие в силу определенных условий общественной жизни, продолжали сохраняться, хотя вызвавшие их условия изменились. Здесь было налицо отставание формы акта от его содержания.

А.Т. Николаева сделала вывод, что эта специфика построения актовых документов по особой форме вызвала к жизни дипломатику как научную историческую дисциплину, которая вырабатывает методику и способы изучения актового материала. Изучение формуляра акта не являлось самоцелью советской дипломатики, а толь-

ко средством для достижения цели – глубокого изучения содержания документа (источника). Задачи современной дипломатики другие, чем буржуазно-дворянской дипломатики, – всестороннее раскрытие содержания акта, его классовая направленности, подлинности, времени и места его составления. В то время как буржуазно-дворянские источниковеды задачи дипломатики сводили к изучению формуляра актов и к их описанию. Она утверждала, что дипломатика, как научная историческая дисциплина, всесторонне изучающая акты, имела все права на существование и в 1950-е гг.

По мнению ученого, дипломатика как научная дисциплина тесно связана с другими вспомогательными историческими дисциплинами. При изучении внешних особенностей актов (писчего материала, почерка и других) дипломатика обращается к палеографии. При анализе печатей, имеющихся на акте, дипломатика пользуется наблюдениями сфрагистики. Для уточнения дат актов она обращается к хронологии. При изучении содержания актов (характера мер и денежного счета) дипломатика использует данные метрологии. Таким образом, дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина шире палеографии, хронологии, метрологии и сфрагистики, так как она изучает акт всесторонне, используя данные этих дисциплин, изучающих источник с какой-либо одной стороны. В то же время дипломатика уже этих дисциплин, так как объектом ее изучения является только один вид источника – акты. Всестороннее критическое изучение источника требует знаний всех вспомогательных исторических дисциплин, комплексного применения всех способов анализа документа. В то же время общие методологические основы, на которых строится источниковедение, определяют направление всех вспомогательных исторических дисциплин, в том числе и дипломатики.

В заключение доклада А.Т. Николаева представила краткую характеристику работ по изучению дипломатики на кафедре вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ. В частности она сообщала, что из 130 дипломных работ, защищенных на кафедре в последние годы, 10 работ были подготовлены по актовым материалам. Она констатировала, что при работе над дипломными и курсовыми темами по актам, так же как и по другим видам источников, главное внимание уделялось методике работ с актами как специфическими документами, помогающими раскрыть историческое содержание этого сложнейшего вида источников.

Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории вспомогательных исторических дисциплин и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

**Некоторые вопросы
московской монетной чеканки XIV–XV вв.**

В настоящее время существует множество спорных вопросов чеканки русских средневековых монет. Некоторые из них рассмотрим здесь.

1. Так называемые монеты Ивана Владимировича Серпуховского с изображением барса. Аверс: четвероногое животное вправо, с головой, повернутой назад, следы круговой нечитаемой надписи. Реверс: подражание арабской надписи с именем хана Токтамышша.

В.Н. Марьянов и Г.А. Федоров-Давыдов отнесли их к чекану Владимира Андреевича Серпуховского по типу о.с., схожему с реверсами денег указанного князя (*Марьянов В.Н., Федоров-Давыдов Г.А.* Арзамасский клад русских монет конца XIV – начала XV в. // Нумизматика и эпиграфика. 1989. Т. XV. С. 133, 134. № 5. рис. 2–5). Волков относил эти деньги к чекану Ивана Владимировича Серпуховского на том основании, что якобы в круговой легенде написано имя князя Ивана (*Волков И.В.* Заметки о русской нумизматике удельного периода. Монеты Ивана Владимировича Серпуховского // Нумизматический сборник МНО. № 10. М., 2003. С. 32, 33. № 1, 2; С. 39. Рис. 1, 2; С. 41. Рис. 1, 2; *Он же.* Хронология монетного чекана Москвы и Серпухова начала XV в. Нумизматический сборник ГИМ. М., 2003. Т. XVI. С. 38. Табл. 1, 12; *Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л.* Серебряные монеты московских удельных князей. Конец XIV – начало XV в. М., 2010. С. 40; *Гулецкий Д.В., Петрунин К.М.* Русские средневековые монеты. М., 2017, С. 209. № 3080А, 3080В). Некоторые из таких монет Д.В. Гулецкий и К.М. Петрунин отнесли вслед за В.Н. Марьяновым и Г.А. Федоровым-Давыдовым к чекану Владимира Андреевича Храброго (*Гулецкий Д.В., Петрунин К.М.* Указ. соч. С. 208. № 3068А, 3068В).

Все выявленные полтора десятка таких монет не дают практически никакой возможности реконструировать круговую надпись полностью или даже частично, чтобы было видно имя князя Ивана. Причем сохранившееся сочетание на одном экземпляре надписи «...ИВА...», прочитанное И.В. Волковым, как часть княжеского имени вполне может быть прочитано и как последняя буква в титуле «(ВЕЛИК)И» (великий) и начало имени «ВА(СИЛИЙ)» (*Колызин А.М.* О времени чеканки монет Владимира Андреевича Храброго с изображением барса // Нумизматика. 2004, март. С. 19).

Монеты с изображением барса (в т. ч. и барса вправо с именем хана Токтамышша на о.с.) в чеканке Василия I известны давно, и они не относятся к массовому чекану этого князя. Кроме того, исследователями отмечена небрежность их чеканки (*Толстой И.И.* Монеты великого князя Василия Дмитриевича. СПб., 1911. С. 44, 45. Табл. I, II. Рис. 1633). Средний вес этих спорных монет по опубликованным И.В. Волковым экземплярам равен 0,84 г, что соответствует весовой норме монет Великого княжества Московского и его уделов, чеканенных до денежной реформы 1409/1410 г. Если учесть, что после смерти Владимира Андреевича Храброго в 1410 г. монеты его сыновей Семена Боровского и Ярослава Малоярославецкого, получивших уделы в 1410 г. одновременно с их старшим братом Иваном, которому достался Серпухов, чеканены по более низкой весовой норме – пореформенной, следует заключить, что и монеты Ивана Владимировича должны были быть чеканены по более низкой пореформенной весовой норме, что и показывают заведомо неоспариваемые его монеты.

Считаю, что данные спорные монеты с барсом могут относиться к чекану одного из указанных князей – Василия Дмитриевича Московского или Владимира Андреевича Серпуховского. С большей долей вероятности – именно к чекану Владимира, так как оборотные стороны более схожи с реверсами его монет, на что уже обращали внимание исследователи.

2. Деньга с двумя головами затылками друг к другу на аверсе, нечитаемой круговой надписью, и подражанием одной из сторон дирхема хана Узбека, имеющей на реверсе четыре решетки (т. н. узлы счастья).

П.Г. Гайдуков и И.В. Гришин не так давно довольно осторожно высказывались по атрибуции этих денег и отнесли их к московскому великокняжескому чекану времени Дмитрия Донского и Василия I (*Гайдуков П.Г.* Русские полуденьги, четверетцы и полушки. М., 2006. С. 49. Рис. 29-8: *Гайдуков П.Г., Гришин И.В.* Городецкий клад // XVI Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 126. Илл. 1–2).

В более поздней работе авторы безо всякой аргументации в таблицах уже отнесли их к чекану Дмитрия Донского, что довольно странно, ведь для атрибуции должны были быть приведены конкретные доводы (*Гайдуков П.Г., Гришин И.В.* О проекте издания «Корпуса русских монет XIV – первой трети XVI вв.» и его первой книге // Российский рубль. 700 лет истории. Великий Новгород, 2017. С. 70, 72, 80). В этой же работе ими было отмечено, что автор этих строк занимался изучением монет Дмитрия Донского лишь в последней четверти прошлого века. Это утверждение выглядит

удивительно, поскольку подавляющее большинство моих статей по истории монетного чекана Дмитрия Донского, заведомо известных П.Г. Гайдукову и И.В. Гришину и приведенных ими в конце статьи в списке литературы, было опубликовано именно в период 2002–2017 гг., о чем авторы по непонятным причинам умалчивают.

3. В этой же книге к т. н. «700-летию юбилею рубля» авторы продолжают настаивать на том, что чеканка в Москве началась до Куликовской битвы (*Гайдуков П.Г., Гришин И.В. О проекте издания... С. 73*). Главным аргументом, по их мнению, является наличие на незначительной части именных денег Дмитрия Донского реверса с подражанием дирхему хана Узбека, а не Токтамыша. Мной уже была показана несостоятельность такой точки зрения (*Колызин А.М. Спорные вопросы ранней московской чеканки // Нумизматические чтения 2012 года. К 150-летию со дня рождения Павла Васильевича Зубова (1862–1921). Материалы докладов и сообщений. М., 2012. С 67–71; Он же. Начало чеканки монет в Москве при великом князе Дмитрии Донском: Спорные вопросы // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Междун. науч. конференции. М., 2013. Ч. II. С. 354–357*).

Добавлю один существенный аргумент. Все известные на сегодня шесть экз. денег Дмитрия Донского с петушком на аверсе и подражанием дирхему Узбека на реверсе так же, как и остальные его именные монеты с подражанием Узбеку на реверсе, изготавливались не по весовой норме первых его анонимных монет 0,98–1,02 г (1381/1382 г.), а по более низкой пореформенной норме 0,91–0,95 г. (с лета 1382 г.), о чем свидетельствует их средний вес. Это подтверждает, что все монеты Дмитрия Донского, включая и те, где на реверсе помещено подражание дирхему хана Узбека, чеканились после Куликовской битвы.

Вполне понятно, что недопустимо приписывать монеты тем или иным правителям без четкой аргументации, выдавая свою точку зрения за истину в последней инстанции, что в последнее время, к сожалению, в силу непрофессионализма многочисленных авторов-коллекционеров и обилия коммерческих журналов и книг, где можно публиковаться без рецензий со стороны профессиональных нумизматов, приобретает уже катастрофический характер.

Жалованные грамоты в трудах С.П. Григоровой-Захаровой

Изучение жалованных грамот в русской дипломатике имеет давние традиции, при этом источники XVII в. долгое время оставались в стороне от исследований (обзор историографии см.: *Комочев Н.А.* Царские жалованные грамоты светским лицам (1613–1696): Источниковедческое исследование. М., 2016. С. 8–18). После работ С.Б. Веселовского, Л.В. Черепнина и других авторов эстафету принял С.М. Каштанов, в классических трудах которого жалованным грамотам уделено всестороннее внимание. На этом фоне малоизвестной остается статья С.П. Григоровой-Захаровой, посвященная анализу актов из собрания ГИМ (*Григорова-Захарова С.П.* Русские жалованные грамоты XVII века // Письменные источники в собрании Государственного Исторического музея. М., 1958. Ч. 1. С. 24–38; То же [2-е изд.] // Антология научных трудов Государственного исторического музея. М., 2002. Ч. II. С. 167–184; ОПИ ГИМ. Ф. 453. Д. 34. Л. 1–118).

Софья Павловна Григорова-Захарова (1896–1972) – историк, палеограф, библиограф, многолетний сотрудник Исторического музея. Ее исследование жалованных грамот связано с подготовленным ею описанием двух фондов-коллекций ОПИ ГИМ, содержащих жалованные грамоты (Ф. 388, 389). Описи к этим двум фондам были закончены в апреле – мае 1953 г. Кроме того, использовались материалы некоторых других фондов ГИМ и ряд документов ЦГАДА (ныне РГАДА).

Статья С.П. Григоровой-Захаровой представляет интерес для дипломатики, поскольку является первым опытом анализа жалованных грамот XVII в. на достаточно большом материале. Всего в работе учтено 294 жалованные грамоты за период 1613–1696 гг. Из них грамот царя Михаила Федоровича – 76, Алексея Михайловича – 52, Федора Алексеевича – 29, Ивана и Петра Алексеевичей – 137. С методологической точки зрения статья продолжает принципы, намеченные в трудах Н.П. Лихачева, А.С. Лаппо-Данилевского, М.Н. Тихомирова и Л.В. Черепнина, на которых ссылается автор.

Думается, что продолжение описания архивных фондов стояло перед С.П. Григоровой-Захаровой в качестве основной задачи, и это существенно сдерживало ее в выводах. Работа не получила дальнейшего продолжения на более широком материале, хотя, по всей видимости, такие планы у С.П. Григоровой-Захаровой были, о чем свидетельствует наличие в фонде выписок из ЦГАДА со ссылками

на вотчинные грамоты и запись о будущей публикации таблицы с указанием дьяков и подьячих.

Основное значение работы С.П. Григоровой-Захаровой состоит в опыте доказательств на материале грамот тезиса Л.В. Черепнина о политической направленности средневекового акта. Речь идет о том, что выдача каждой грамоты была связана с конкретными политическими обстоятельствами, понять которые необходимо для правильной интерпретации источника. Таким образом, исследовательница шла в авангарде самой актуальной историографии тех лет. Напомним, том книги Черепнина «Русские феодальные архивы XIV–XVI вв.», где говорится о жалованных грамотах, вышел в свет в 1951 г.

Мысль Л.В. Черепнина применительно к иммунитетным грамотам XVI в. получила свое законченное развитие в трудах С.М. Каштанова, статьи которого по XVI в. выходят начиная с 1955 г. (первая монография – 1967 г.). Политическая направленность актов рассматривается С.М. Каштановым на основании изучения и сопоставления формуляров конкретных грамот и их групп. При этом им привлекался максимально полный корпус источников, и данные «статистики» сочетались с формулярным анализом.

С.П. Григорова-Захарова, не занимавшаяся собственно дипломатикой и изучением эволюции формуляров и, очевидно, не знакомая на тот момент с трудами С.М. Каштанова, лишь частично пошла по этому пути. Из ее работы явствует, что политическую направленность можно увидеть и из «статистических», сводных данных – количественного, территориального распределения грамот и социального состава получателей грамот. При этом отдельные особенности редакций вотчинного формуляра С.П. Григорова-Захарова отмечала, но не ставила задачи комплексного анализа формуляра в его развитии.

Без сомнения, это был для своего времени свежий взгляд, к тому же в применении к новому материалу. Отметим, что текст вотчинных грамот XVII в. значительно более формализован по сравнению с грамотами предшествующего столетия, чему сильно способствовало появление напечатанных типографским образом «бланков», известных с 1660-х гг. Поэтому применительно к изучаемым источникам метод С.П. Григоровой-Захаровой следует признать удачным.

Представляют большую ценность и архивные машинописные материалы, связанные с выявлением дьяков и подьячих, участвовавших в составлении грамот, и определением приказов, в которых они работали. Это не только уточнение и продолжение известной работы С.Б. Веселовского, но и шаг к выяснению канцелярского

происхождения грамот – проблема малоизученная в отечественной историографии.

В историографии тех лет статья С.П. Григоровой-Захаровой занимает свое место благодаря оригинальному подходу, позволившему по-новому взглянуть на проблему и соединить формальную архивную работу по описанию фонда с интересным научным анализом. В итоге перед нами талантливое исследование, открывающее для своего времени новые пути изучения жалованных грамот.

*И.Г. Коновалова, д.и.н., г.н.с.
зам. директора ИВИ РАН*

Географическое описание и географическая карта

Карта, по словам географа и историка картографии Дж.Б. Харли, служит «посредником между внутренним ментальным миром человека и внешним физическим миром» (*Harley J.B. The Map and the Development of the History of Cartography // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1987. Vol. I. P. 1*). Это образное выражение очень точно определяет место карты – как материализованной формы пространственного мышления – в общем массиве представлений человека о пространстве. Дошедшие до нас средневековые карты опирались на огромный объем информации, бытовавшей в различных формах, – в виде устных сведений, записок путешественников, ученых трудов, административно-политических документов, литературных произведений и т.п., среди которых собственно картографические изображения составляли лишь малую часть. Этот обширный информационный контекст, помноженный на особенности пространственного мышления в различных культурных традициях, часто недооценивается при анализе карт и их истории. Между тем ментальные карты и географические образы, лежащие в основе географических описаний, являются не менее важной частью картографического наследия, чем сами карты, и поэтому изучение географических текстов может быть чрезвычайно полезно не только для исследования пространственных представлений, но и для понимания практики картографирования как таковой.

К средневековой исламской географии и картографии сказанное выше относится, может быть, в большей степени, чем к другим традициям. Исследования последних лет в области средневековой исламской картографии показывают, что карты исламских географов вряд ли существовали в виде самостоятельных произведений: почти все они дошли до нас в составе нарративных сочинений и являлись неотъемлемой частью последних (*Karamustafa A.T. Introduction to Islamic Maps // History of Cartography. Chicago; London, 1992*).

Vol. II. Book 1. P. 4–6). Именно с иллюстративной ролью исламских карт историки картографии связывают то обстоятельство, что в арабском языке длительное время отсутствовал точный термин для обозначения географической карты как таковой. Использувавшиеся для этой цели слова подходили для обозначения любых визуальных объектов: *сура* («вид, образ, картина, изображение, копия»), *расм* («чертеж, план, рисунок, изображение»), *накш* («рисунок, украшение»). Термин *харита* («географическая карта») в арабском языке является поздним заимствованием из французского (*Maqbul A.S. Kharita // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 1997. Vol. IV. P. 1077–1078*).

Редкую возможность проследить взаимозависимость картографической и текстовой информации дает сочинение ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак*, 1154), составленного по заказу норманнского правителя Сицилии Рожера II (1130–1154) (о сочинении ал-Идриси см.: *Oman G. Al-Idrisi // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 1971. Vol. 3. P. 1032–1035*). Центральное место в труде ал-Идриси отводилось не дошедшему до наших дней серебряному диску с картой мира. Сохранившаяся же часть сочинения представляет собой описание всех областей ойкумены, сопровождающееся подробной прямоугольной картой мира (на карту нанесено около 2500 наименований, а в тексте сочинения их в 2,5 раза больше), разбитой на семь широтных зон-климатов, каждый из которых, в свою очередь, подразделялся на десять секций.

В предисловии к сочинению ал-Идриси подробно описал ход работы над ним: после завершения сбора и проверки информации Рожер приказал отлить серебряный диск и «начертать там изображения семи климатов с их странами и областями», а затем составить «книгу, соответствующую тому, что в этих формах и изображениях», включив в нее также данные исторического, этнографического и экономического характера (*Al-Idrisi. Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant" / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al.; una cum aliis ediderunt A. Bombaci et al. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. 1–9. P. 7, 13–14*). Таким образом, согласно первоначальному замыслу, описательная часть сочинения составлялась на основе уже изготовленной карты, и поэтому содержание книги теоретически должно было полностью соответствовать картографическому изображению в том, что касается номенклатуры приведенных географических объектов и их взаимного расположения. В связи с этим в историографии, посвященной ал-Идриси, при сравнении данных текста и карты как из само собой разумеющегося исходят из того, что текстовая информация о ка-

ком-либо объекте и его изображение на карте являются не просто сопоставимыми, но могут рассматриваться как дополняющие или уточняющие друг друга данные. Если информация текста и карты не абсолютно идентична – а именно так почти всегда и обстоит дело, – то исследователи отдают предпочтение либо описательным, либо картографическим данным, не затрудняя себя обоснованием правомерности такого предпочтения (историографию см.: *Конова-лова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006. С. 52–55).

Между тем текст и карту следует рассматривать как два разных способа презентации информации, каждый из которых имеет свою специфику. Карта отражает представления самого ал-Идриси о том или ином регионе или объекте, а его информаторы могли иметь и другую пространственную картину перед своим мысленным взором – хотя бы уже потому, что в силу неизбежной ограниченности своего личного опыта представляли себе только какой-то фрагмент пространства. Если в тексте данные о разных маршрутах ал-Идриси мог соединять довольно небрежно, не заботясь о том, что сведения о разных объектах повторялись дважды или даже многократно, то как составитель карты он уже не мог себе этого позволить. Поэтому если в тексте могло быть представлено несколько личных точек зрения на организацию пространства, то на карте все было сведено воедино ее составителем. Таким образом, карту правомерно рассматривать как версию самого ал-Идриси, которая может служить дополнительным источником информации, особенно если в тексте содержатся противоречивые данные о каком-либо объекте.

*М.А. Корзо, к.и.н., с.н.с.
ИФ РАН*

Новая модель Требника в Киевской митрополии XVII в. и ее католические образцы

Публикация киевского «Евхологиона» 1646 г. было частью масштабных реформ Церкви, предпринятых в XVII в. Киевским митрополитом Петром Могилой. Реформы были нацелены в том числе и на упорядочение и унификацию богослужебных практик и обрядности. Значительным новшеством издания 1646 г. стало появление больших блоков поучений о таинствах: в форме адресованной духовенству теоретической «науки» о времени установления того или иного таинства, его составляющих, ритуалах, и т.п. и в форме «образцовых» проповедей о таинствах на «простой мове», которые могли послужить для священника основой для составления своего – авторского – поучения. В то время как «науки» встроены в

состав отдельных чинов, все восемь проповедей собраны компактно в конце «Евхологияна», образуя своего рода приложение к основной части Требника.

Помещение проповедей-образцов в составе Требника было явлением новым для православной письменности Речи Посполитой. В более ранней рукописной традиции данного региона, а также в греческих и сербских рукописных и печатных Евхологиях могли спорадически встречаться пред- и поисповедные поучения, которые были исследованы А.И. Алмазовым, убедительно доказавшим их югославянское происхождение. Некоторые из этих пред- и поисповедных поучений могли использоваться и как наставления для новобрачных. При этом в литературе не встречается упоминаний о включении в Требники каких-либо погребальных поучений, развернутых толкований церковных таинств и тем более обращенных к верующим назиданий на разговорном языке, составленных в форме проповедей-образцов.

Но подобная модель богослужбной книги сложилась к началу XVII в. в польской католической Церкви: в подготовленный к печати архипресвитером Мариацкого костела в Кракове Иеронимом Поводовским Требник («*Agenda seu Ritus Sacramentorum Ecclesiasticorum*». Краков, 1591) были включены как теоретические наставления для духовенства (в форме вступления к каждому из чинов), так и проповеди-образцы на все семь таинств и на погребение на латыни, польском и немецком языках. Поводовский опирался на опыт своих предшественников – епископа Вармии Мартина Кромера (составил унифицированный Требник для Гнезненской провинции (Кёльн, 1572)) и примаса Польши Станислава Карнковского (по решению Варшавского провинциального синода 1561 г. составил адресованные верующим «образцовые» проповеди о таинствах «*Napominania potrzebne, których plebani w Kujawskim biskupstwie używać mają*». Краков, 1569).

Карнковский, в свою очередь, опирался не на предшествующую польскую рукописную традицию, но на современные ему печатные Требники, издававшиеся в немецких землях. Основным источником для него стал новый Требник Майнцкого диоцеза 1551 г. («*Agenda Ecclesiae Moguntinensis*»), который начинается с пространныго теоретического введения по сакраментологии для духовных лиц («*Pro Simplicioribus Sacerdotibus instructio*»). Важным новшеством данного Требника было включение во все латиноязычные чины по отправлению таинств обращенных к участникам данных таинств развернутых поучений («*Ansprache*» или «*Vermanung*») на немецком языке. Майнцкий Требник послужил впоследствии образцом для аналогичных изданий в других католических диоцезах

на немецких землях. Обращенная к духовенству латиноязычная «наука» о таинствах могла помещаться как в вводной части, так и внутри самих чинов и содержательно не всегда повторяла «Instructio» Майнцкого Требника. Зато адресованные к мирянам немецкоязычные наставления о таинствах почти во всех случаях представляли собой или перепечатку аналогичных проповедей из издания 1551 г., или их незначительную переработку.

Осознание важности наставлений о таинствах актуализировалась в XVI в. в значительной мере в связи с распространением протестантских конфессий: перед Католической Церковью вставала задача утвердить «правильное» понимание таинств как среди духовенства, так и мирян в противовес «ложному» учению протестантов. Подобные интенции прочитываются в «Liber Sacerdotalis» (Венеция, 1523) доминиканца Альберто Каstellани, в котором каждому чину предшествует подробное теоретическое введение, а в приложении помещены пять «образцовых» проповедей на латинском языке. Сочинение многократно переиздавалось до конца XVI в. как в полной, так и в краткой версиях и стало впоследствии одним из источников для унифицированного посттридентского «Римского Ритуала» (1614) папы Павла V. Данный унифицированный Требник отказался, правда, от каких-либо обращенных к мирянам «образцовых» проповедей, но они продолжали публиковаться в польской редакции Требника, известной как «Пётровский Ритуал» 1631 г.

Известно, что теоретические «науки» для духовенства в «Евхологионе» 1646 г. в значительной степени зависят от поучений из «Римского Ритуала»; но в случае с проповедями-образцами о таинствах можно с большой долей вероятности утверждать, что митрополит опирался именно на польский католический опыт. При этом заимствование новой модели Требника отнюдь не означало, что Могила слепо скопировал и сами тексты проповедей – источниками для них могли быть сочинения совершенно других жанров.

*Е.С. Кравцова, к.и.н., с.н.с. Ю.К. Рогова, к.и.н., г.н.с.
Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург)*

Пергаменные грамоты XVI–XVIII вв. из архива пинского монастыря францисканцев в собрании Государственного музея истории религии

Пергаменные грамоты из монастыря францисканцев в Пинске, хранящиеся в Государственном музее истории религии, по содержанию могут быть условно разделены на три части. К первой части относятся три конфирмационные привилегии францисканскому монастырю, выданные канцеляриями королевы Боны (XVI в.) и короля Владислава IV (XVII в.). Ко второй – два бреве из канцелярии

папы Климента XI. К третьей – буллы папы Климента XI, относящиеся к деятельности епископа Бакэу.

Самая ранняя грамота собрания – конфирмационная привилегия королевы Боны, датированная 22 января 1556 г. Написана железо-галловыми чернилами на пергамене западнорусской скорописью на русском языке. На привилегии стоят подписи самой Боны (*bona regina*) и секретаря ее канцелярии Яна Маковецкого, каноника Варшавского. Речь в тексте идет о подтверждении владений францисканского монастыря после перепланировки города, проведенной в Пинске. Выдана на челобитную «к гвардыяна Пинского князя Миколоя». Пергамен сильно пострадал от сырости, имеются серьезные утраты в местах сгибов. На левом поле грамоты имеется приписка на польском языке, касающаяся снятия копии для городских книг, произведенной 5 января 1742 г. Текст грамоты был опубликован с копии в Приложении ко второй части Описания рукописного отделения Виленской Публичной библиотеки под номером 13 (С. 45–48).

Следующая грамота – привилегия францисканскому монастырю от короля Владислава IV Вазы, датированная 22 февраля 1633 г. Она написана на пергамене, курсивом на латинском языке, также железо-галловыми чернилами. Под текстом имеется личная подпись Владислава (*Vladislaus*). На документе сохранилась печать короля Владислава – красного воска на голубом шелковом шнуре. Печать была помещена в кустодию, крышка которой утрачена. Грамота в плохом состоянии, практически нечитаема, имеет утраты на местах сгибов. Текст ее почти полностью идентичен тексту следующей грамоты.

Третья грамота, также на латыни, представляет собой привилегию короля Владислава пинскому францисканскому монастырю. Написана на пергамене курсивом железо-галловыми чернилами. На документе имеются две даты – 22 февраля 1633 г. и 26 февраля 1633 г. Подписана грамота не самим королем Владиславом, а канцлером великим литовским Альбрехтом Станиславом Радзивиллом, князем Олицким и Несвижским и Франтишекком Долмат-Исайковским, каноником Виленским, секретарем короля Владислава IV. Печать на грамоте не сохранилась. В левом поле грамоты имеется приписка о снятии в 1742 г. с нее копии. Текст привилегии – подтверждение всех предыдущих даров владельцев Пинска и Великих князей Литовских в ответ на прошение гвардиана Пинского конвента Яна Поднесенского. На сгибах имеются сильные утраты. Текст ее был опубликован с копии в Приложении к Описанию рукописного отделения Виленской Публичной библиотеки под номером 16 (С. 50–52).

Две грамоты на латыни, датированные началом XVIII в., написаны курсивом и представляют собой папские бреве. В первом бреве, датированном 10 июля 1714 г., речь идет об учреждении в соборе Вознесения Девы Марии при ордене братьев миноритов в Пинске привилегированного алтаря св. Франциска. Второе бреве, дати-

рованное 16 (возможно 26) мая 1719 г., сильно повреждено, сохранилось только около трети правой части текста. Это бревне также посвящено учреждению привилегированного алтаря, название которого утрачено. Следует отметить, что оба бревне связаны с постройкой собора Вознесения Девы Марии в Пинске, которая была начата в 1712 г.

Пять пергаменных грамот принадлежат папе Клименту XI (1700–1721), все они очень плохой сохранности: половина одной грамоты утеряна, три грамоты с лакунами в местах сгибов, ещё одна грамота не подвергалась реставрации, что привело к частичной утрате сохранившегося текста. Сохранилась одна печать. Грамоты написаны в стиле, принятом в Римской курии в XVII–XIX вв., т. н. *Scriptura Bollatica* или *Littera sancti Petri*. Во всех пяти буллах упоминается епископат Бакэу (*dioces Bacchoviensis*, в настоящее время – Румыния). Четыре из них направлены Йосафату Парысовичу (*Jozafat Parysowicz*; ок. 1670–1732), гвардиану пинского францисканского монастыря, одна – королю Польши Августу II (годы правления 1697–1704, 1709–1733). Все грамоты датированы 1717 г., две из них – Парысовичу и Августу II – отправлены в один день, 18 июля. Во всех речь идет о назначении Парысовича епископом Бакэу. Йосафат Парысович продолжал жить в францисканском монастыре в Пинске и после назначения епископом Бакэу, выезжая туда только для визитаций. После его смерти его бумаги оказались в архиве монастыря. Текст булл до настоящего момента не публиковался.

*А.В. Краско, гл. библиограф
Центра генеалогии РНБ*

Родовой архив Шереметевых в РГИА как источник сведений о генеалогии служащих их главной петербургской усадьбы (Фонтанного дома)

Родовой архив Шереметевых в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 1088) – один из самых обширных и содержательных личных фондов, он насчитывает почти 37 тысяч единиц хранения и охватывает период с XVI по начало XX вв.

В нем сосредоточены документы личного характера членов рода, прежде всего его графской ветви, отражающие их служебную, научно-общественную и благотворительную деятельность, эпистолярное наследие. Не менее важны и хозяйственные документы почти двух десятков крупных вотчин Шереметевых. Помимо ценных сведений об их экономической истории, там немало документов, которые относятся к дворовым людям из крепостных Шереметевых и вольнонаемным служащим: главноуправляющим, архитекторам, докторам, учителям, музыкантам, священнослужителям и т.д. Многие документы уже использовались исследователями, прежде всего

касающиеся художественного наследия и личностей наиболее талантливых шереметевских крепостных (династия художников и архитекторов Аргуновых, артисты и музыканты крепостного театра и капеллы). Вместе с тем генеалогия и история абсолютного большинства семей крепостных служителей пока мало изучена, хотя среди них было немало неординарных личностей.

Целенаправленное изучение документов, сосредоточенных в описях 3 и 12 этого фонда, позволяет понять, что устройство «двора Его Сиятельства графа Шереметева» строилось по образу и подобию царского двора, а в первой половине XIX в. в определенной степени копировало министерскую систему с ее канцеляриями, экспедициями, столами и пр.

Удалось в значительной степени проследить историю тех семей, которые в нескольких поколениях исполняли в Фонтанном доме обязанности управителей, домоправителей, поверенных служителей и др. Это такие семьи как Александровы, Бизяевы, Черкасовы, Чубаровы, Прахаевы, Дубовы, Глебовы, Жарковы, Алабушевы, Мамантовы, Ермаковы и др. Они составляли элиту крепостной администрации как в штате Главной конторы по управлению именными (переведена из Москвы в Петербург в 1807 г.), так и среди личных слуг (камердинеры, дворецкие, повара, официанты и т.п.). Они имели определенные предпочтения, а также достаточно неформальные, а в XVIII в. ярко выраженные патриархальные отношения с владельцами усадьбы. Это отчетливо видно, когда сведения из родового архива сопоставляются с данными метрических книг приходской церкви свв. Симеония и Анны (к которой приписана шереметевская домовая церковь вмц. Варвары). Владельцы усадьбы или их родственники выступали восприемниками или поручителями при венчании у наиболее заслуженных и доверенных крепостных служителей, и этим подчеркивалось их привилегированное положение в доме. Характер отношений между хозяином и служителями отразился в письме московского управителя Никиты Александрова к своему старшему брату петербургскому управителю Петру Александрову после смерти в 1788 г. графа П.Б. Шереметева «... Мы потеряли отца и питателя...».

Материалы родового архива позволяют проследить социальную эволюцию тех семей крепостных, которые оказались связанными родством и свойством с графской семьей (Ковалевы, Калмыковы, Казаковы). Можно также проследить процесс эволюции семей крепостной верхушки: накопление ими капиталов, выход (за заслуги или за деньги) из крепостной зависимости, запись в купечество, получение высшего образования их детьми, а в отдельных случаях – и получения детьми и внуками прав потомственного дворянства. До-

кументы показывают, как меняется положение служащих, характер их отношений с владельцами после отмены крепостного права – в сторону более формальных отношений. Однако можно проследить и сохраняющиеся отношения графа С.Д. Шереметева (последнего владельца усадьбы) с потомками бывших служителей, причем некоторые из них стали сотрудниками тех научно-исторических обществ, которые он возглавлял.

Изучая по документам родового архива историю и генеалогию семей служащих одной из самых знаменитых фамилий России, можно видеть, что отношения даже в эпоху крепостного права между ними и графами не были столь однозначными, как принято было их описывать в советской историографии. Вероятно, аналогичные наблюдения уже делались или еще будут сделаны исследователями, изучающими жизнь семей такого же социального статуса, как Шереметевы.

*О.С. Кротов, аспирант
ИИМО ЮФУ*

Распространение старообрядчества на Дону во второй половине XVIII – начале XIX века

В течение XVIII в. на земле донских казаков старообрядчество получило широкое распространение. По различным источникам можно говорить о проживании старообрядцев практически во всех станицах Войска Донского. Если в первой половине XVIII в. география донского старообрядчества ограничивалась территорией среднего течения Дона и его притоков Хопра и Медведицы, то после подавления Булавинского движения география старообрядчества стала охватывать и станицы, находящиеся по нижнему течению Дона.

Во многих донских станицах староверие не просто прижилось и стало частью жизни станичного казачества, но и оказывало сильное влияние на православных. Именно эти станицы активно поддерживали движение Е. Пугачева, а затем оказались в центре волнений 1792–1794 гг.

В первую очередь стоит упомянуть станицы Верхне-Чирская и Нижне-Чирская. Эти станицы с самого начала распространения староверия на Дону стали центрами притяжения для многочисленных беглецов-старообрядцев. О существовании старообрядцев в данных станицах известно по источникам 20-х гг. XVIII в. Район р. Чир стал одним из центров первых поселений старообрядцев еще в конце XVII в. Более того, именно здесь появился и первый раскольничий монастырь, организованный одним из лидеров донского раскола Досифеем. Впоследствии, он был разрушен, однако искоренить староверие из этих мест правительству не удалось. В XVIII в. вокруг Верхне- и Нижне-Чирских станиц было построено около 32 хуторов,

которые в большинстве своем также были заселены как православными казаками, так и старообрядцами. Общее количество староверов, проживавших в указанных станицах в XVIII в., колебалось и доходило до 10 тыс. лиц обоего пола (практически все население обеих станиц).

Подобная ситуация сложилась и в станице Камышевской, где старообрядчество распространилось в 60-е гг. XVIII в. Проповедник Симион доносил в епархию, что «жители станицы перестали принимать православного священника и отобрали у него ключи на сборе». В 1770 г. в той же станице казаки отказались передавать сведения о точном числе старообрядцев, браках и составе семьи.

Аналогичная ситуация была и в станицах Верхне-Каргальской и Романовской. Отказавшись от репрессивных мер в отношении старообрядцев донских станиц, епархия пыталась увещеваниями и проповедями вернуть в истинную православную веру перешедших в раскол казаков. Указ 1765 г. о переходе в раскольничий оклад казаков прояснил общую картину с положением староверов в указанных станицах. Оказалось, что в Верхне-Чирской станице практически не осталось православных казаков. В 1798 г. ряд казаков Верхне-Чирской станицы предпринял попытку организовать старообрядческий монастырь, открыв вблизи станицы около 30 келий. Местные жители вместе с женами и детьми приходили в кельи, крестили своих детей и проводили обряды по старым книгам. Узнав об этом, местный священник Пономарев написал донесение в Черкасское духовное правление с требованием принять меры. Одно расследование показало, что данный монастырь пользовался покровительством станичного атамана и старшин, и начатое в отношении казаков дело было прекращено. В этих станицах старообрядцы не только мирно жили среди жителей, но и пользовались покровительством со стороны станичных органов управления.

Данные источников говорят о проживании старообрядцев и в станице Терновской. Священник станицы Терновской в 1763 г. доносил, что «в ней не обреталось ни одного жителя во изображении и заключении тайны Святыя Троицы в троеперстном сложении». Масштабы распространения староверия в этой станице настолько испугала церковные власти, что они решили создать специальную комиссию по раскольничьему делу.

Комиссия, расследовавшая обстоятельства распространения старообрядчества в Терновской станице, выявила, что казаки не желают исповедоваться у священников, присланных епархией, и «сами ставят в своих станицах священников из числа раскольников». По материалам раскольничьего дела выясняется, что в ряде станиц были распространены браки между православными и староверами. И снова по постановлению архиерея Тихона, было запрещено вступать в брак православным и старообрядцам и крестить детей от таких браков. Следственное дело было ограничено всего лишь станицей Терновской, поскольку войсковая канцелярия запретила прове-

рять другие станицы. Выявлено было 544 человека, исповедовавших по старым обрядам в станице Терновской. Однако сколько их было на самом деле, комиссия установить не смогла

Пятиизбянская была еще одной станицей, где казаки-старообрядцы мирно проживали с православными жителями и пользовались покровительством станичного атамана и старшин. После указов Екатерины II большая часть казаков станицы вместе с детьми и женами подали списки в канцелярию с пожеланием платить двойной раскольничий оклад, отказавшись от несения воинской службы. Всего таких казаков насчиталось до 10 тыс. душ (вместе с казаками Пятиизбянской станицы, в раскол пожелали записаться казаки станиц Верхне-Чирской, Нижне-Чирской, Верхне-Курмоярской, Верхне-Каргальской, Терновской, Есауловской).

Таким образом, проанализировав ряд источников, можно сделать вывод, что старообрядчество активно распространялось среди донских казаков. Во многих донских станицах старообрядчество занимало ведущие позиции. Большое количество станиц Войска Донского по низовьям Дона оказались под влиянием староверия. Особенно сильными были позиции донского старообрядчества во второй половине XVIII – начале XIX в.

*А.К. Круглов (Санкт-Петербург)
художник-реставратор переплетов 1-й категории*

Монограмма переплетчика XV века

Неизменным интересом специалистов пользуется тема обозначения писцом, мастером, владельцем собственной причастности в отношении вещи посредством не обычных записей, а монограмм, шифровок и загадок, в которых можно увидеть как игру, так и социально значимую, но сокрытую коммуникацию. В этой связи может быть интересна монограмма, оттиснутая на коже переплета Служебной Минеи на май (Соф. 340), написанной в 1470-х гг. в Новгороде. Рукопись датирована Е.М. Шварц (*Шварц Е.М.* Новгородские рукописи XV века: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной библиотеки. М.; Л., 1989. С. 45.). Переплет изготовлен в те же годы.

Использованная для тиснения басма имела очерченный контур киота-кивория. В верхней части отпечатка расположена треугольная буква «Д». Правая ножка буквы напоминает треугольные ножки этой буквы, которые обычны на берестяных грамотах, граффити и вислых печатях Новгорода. Левая ножка «Д» сливается со штамбом буквы «Р». Ниже крупной петли «Р» расположен знак, который похож на правую часть «к», как она выглядит на берестяных грамотах и граффити. Этот знак вместе со штамбом «Р» образует полную букву «к». Изредка в берестяных грамотах можно встретить «к» без

штамба. Например, в грамоте № 301 (Новгород, 1420–1430) буква «к» употреблена со штамбом один раз и без штамба четыре раза. Отсутствие связи элемента «к» со штамбом вызвано затруднением сблизить толстые линии в тесном пространстве басмы. В верхней части «Д» справа имеется «ухо», которое можно понимать как титло. В целом конструкция монограммы вполне соответствует технике составления кириллической вязи.

Подобные басмы в форме киота-кивория неизвестны среди опубликованных изображений. В публикации С.А. Клепикова басмы этого типа конца XV – первой половины XVI в. помещены под № 120–281 (*Клепиков С.А. Орнаментальные украшения переплетов конца XV – первой половины XVII веков в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1960. Вып. 22*). Из 162 басм нет ни одной в форме кивория, только круглые, луковичные, ромбовидные и квадратные. Среди басм XVI–XVII вв. басмы с очерченным контуром редки и, по-видимому, являются долгоживущим инструментальным наследием прежних мастеров. У Клепикова среди басм, которые он датирует этим временем, басм-кивориев нет. Нет такой формы и среди басм, опубликованных Е.М. Шварц и Е.В. Крушельницкой (*Шварц Е.М. Переплеты XV в. Софийско-Новгородской библиотеки // ВИД. Т. XII. СПб., 1981. С. 242–252; Крушельницкая Е.В. Переплеты соловецких рукописных книг XVI века // Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 170–223*) Таким образом, это единственный пример басмы-кивория среди известных нам басм.

Редкую форму басмы и ее острый верх можно объяснить формой буквы «Д», помещенной в верхней части, но это не исключает возможности предполагать другие мотивы. Необычную для басм форму можно сравнить с дробницами окладов напрестольных Евангелий в форме киотов-кивориев, многочисленных с конца XIV в. (Евангелие Федора Кошки и др.). Можно вспомнить и миниатюры рукописей, заключенные в арки, киоты, кивории. Во всех случаях в киотах-кивориях мы видим лицевые изображения. Символическое осмысление формы восходит, несомненно, от поздней античности через византийскую традицию к древнерусскому церковному осознанию священного и, вероятно, подпитывалось славянской традицией домовин-голубцов. Возможно, монограмма, заключенная в киот, могла восприниматься как хотя и сокрытое, но более статусное представление личности.

В качестве возможного прочтения монограммы «ДРК» можно предложить «Дарюк» («Дарюк Ивашков, крестьянин, 1498 г., Новгород» – *Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 92*) или «Дорко, Дрока, Дурак» и

производные от него (*Тутиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903).

Миняя Соф. 340 входит в комплект (*Шварц Е.М.* Указ. соч. С. 47), из которого сохранилось пять рукописей в изначальных переплетах. Их технология шитья не отличается от новгородских переплетов XV в. Судя по схожести тиснения, они были переплетены в одной мастерской. Всего использовано девять различных басм, не считая монограмму. На каждом переплете используется от пяти до семи басм из этого набора. Три басмы есть на всех переплетах. Две басмы встречаются по одному разу на разных переплетах. Общая схема тиснения обычна для новгородских переплетов конца XV в. На верхней крышке оттиснуты две рамки двумя разными бордюрами басмами и отчеркнуты дорожником. Среднее поле заполнено басмами наполнения. На нижней крышке прочерчена рамка дорожником и по пять косых линий, разделяющих поверхность на ромбы и треугольники. В отличие от того, что можно видеть на большинстве новгородских переплетов этого времени, в треугольниках и ромбах басмы не оттиснуты. Только на Соф. 340 в правом треугольнике верхнего ряда оттиснута монограмма, описанная нами. Одинокость басмы-монограммы столь же необычна и, возможно, значима, как необычна ее форма. Только на этом переплете использовано всего пять басм из основного набора. Кроме того, верхняя крышка этого переплета отличается от остального комплекта стилистически при полном сохранении общей схемы тиснения.

Подводя итог нашим наблюдениям и предположениям, можно думать, что монограмма принадлежала переплетчику, который работал в Новгороде непродолжительное время, и на данный момент неизвестно, откуда он пришел и куда ушел.

*Т.А. Круглова, к.и.н., доц.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

«Записка о беспорядках в Малой России»: история и перспективы текстологического анализа

С.М. Соловьев первым из историков назвал недатированную и анонимную «Записку о беспорядках в Малой России» (далее – «Записка») официальным документом, составленным статс-секретарем Г.Н. Тепловым по заданию императрицы Екатерины II, которая, приняв во внимание содержание этого документа, ликвидировала в 1764 г. в Малой России институт гетманства. Историк предложил, безусловно, новый взгляд на происхождение источника. Предшественники Соловьева (П.А. Кулиш, Н.И. Костомаров, М.А. Максимович и др.) датировали «Записку» последними годами правления

императрицы Елизаветы Петровны и не видели государственного назначения источника, объясняя его появление личными мотивами и личностными качествами Теплова, руководившего в те годы домашней канцелярией малороссийского гетмана К.Г. Разумовского. Единственным, в чем Соловьев соглашался с коллегами, было авторство «Записки». Подавляющее большинство нынешних исследователей (З. Когут, И. де Мадариага, А.Б. Каменский, Т.Ф. Литвинова и др.) в целом принимает мнение о «Записке», высказанное Соловьевым в 1870 г.

В то время, когда Соловьев выдвинул свою версию происхождения и назначения источника, был известен один его список, опубликованный П.А. Кулишом в 1857 г. (список Кулиша). Позже были изданы еще два списка: П.И. Бартеневым в 1882 г. (список Воронцова) и Н.П. Василенком в 1911 г. (список Василенка). Ни один рукописный список «Записки» пока, к сожалению, не обнаружен.

При наличии трех списков можно решить с помощью текстологического анализа ряд источниковедческих проблем, к примеру, выяснить взаимоотношения списков «Записки», что важно для понимания процесса создания данного исторического источника и его ценности для конкретных исследований.

История создания «Записки», между тем, не восстановлена до сей поры. Сложившаяся ситуация отчасти объясняется судьбами опубликованных списков: в течение полувека историкам был доступен только список Кулиша, список же Воронцова сразу после публикации «выпал» из поля зрения исследователей почти на столетие, и причиной тому стала его «неузнаваемость» из-за несовпадения заглавия и инципита текста с аналогичными элементами единственного известного в тот период списка Кулиша.

Только в начале XX в., когда был издан третий список «Записки», у историков появилась возможность сопоставить текст нового списка и списка Кулиша. Результатом сравнительного анализа стало заявление Василенка об отсутствии в списке Кулиша предисловия и первой главы. О других несходствах не было упомянуто, и это умолчание допустимо интерпретировать как признание публикатором тождества текста второй главы, сохранившейся в обоих списках.

На список Воронцова исследователи обратили внимание только во второй половине XX в. Так, З. Когут текст каждого из трех списков назвал вариантом «Записки». Говоря о соотношении списков Кулиша и Василенка, Когут сослался на неполноту текста в первом списке, установленную еще в начале XX в. Соотношение же списков Воронцова и Василенка он сформулировал предельно кратко: «Были опубликованы три варианта меморандума. ... Он (список Воронцова. – *Т.К.*) отличается только несколькими второстепенны-

ми предложениями от версии, опубликованной Н. Василенком... Я придерживаюсь версии Василенка как более авторитетной» (*Когут* 3. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830. Київ, 1996. С. 90. Сноска 4). Впрочем, Когут не разъяснил, почему для него авторитетен именно список Василенка, от которого список Воронцова отличается, по словам самого историка, «несколькими второстепенными предложениями».

Сведенные воедино итоги текстологического анализа «Записки», о которых кратко в разное время заявляли и Василенко, и Когут, подводят исследователей к осознанию максимальной схожести трех текстов. В самом деле, если близки, с одной стороны, списки Кулиша и Василенка, а с другой – списки Василенка и Воронцова, то списки Кулиша и Воронцова также должны, по правилам логики, совпадать. Таким образом, в последние десятилетия XX в. появилось негласное обоснование нецелесообразности дальнейшего текстологического изучения «Записки».

Однако выводы о соотношении списков «Записки», сделанные ранее, нуждаются в верификации, поскольку сопоставления охватывали не весь текст «Записки», а исключительно ее вторую главу. Традиция выборки этой главы была заложена в начале XX в., когда полный текстологический анализ источника был невозможен из-за отсутствия в списке Кулиша предисловия и первой главы. Однако и впоследствии по спискам, где наличествуют все части «Записки», сравнивался текст только второй главы. Данная ситуация отражает, по-видимому, стремление исследователей использовать источник как иллюстративный материал для рассуждений о состоянии Малой России в середине XVIII в., чему посвящена вторая глава, и свидетельствует о недооценке источниковедческого анализа полного текста «Записки».

В свете выявленных особенностей текстологического изучения «Записки» перспективы дальнейшего ее исследования видятся в повторении сравнительного анализа второй главы всех списков, а также осуществлении аналогичного анализа предисловия и первой главы, находящихся в списках Воронцова и Василенка. Анализ совокупности, составленной из разночтений трех списков, поможет определить последовательность написания вариантов текста, отраженных в списках источника, установить состояние текстов, с которых снималась каждая опубликованная копия, а также выявить наличие или отсутствие ряда характеристик «Записки», обязательных для того, чтобы, как заявил С.М. Соловьев, быть использованной императрицей Екатериной II для реформирования управления Малой Россией.

Сердце флибустьера, или Почему веселился «Веселый Роджер»?

Символика, использовавшаяся морскими разбойниками, даже если речь идет об ограниченном периоде и регионе (последняя треть XVII – первая треть XVIII вв. с «пиратским империализмом» в Вест-Индии, разбоями в Атлантике и набегами в западную часть Индийского океана), оказывается более сложной и разнообразной, чем это обычно считается. Некоторые из бытовавших в этой среде символов сведены, например, на «обобщенно-пиратском» флаге из сочинения К. Алярда (3-я часть – ок. 1709), где красное полотнище разбойников (Roovers) несет изображения черепа с костями, крылатых песочных часов и руки с обнаженной саблей. Другая наиболее проработанная композиция, т. н. «Old Roger», представляет собою скелет с песочными часами и кровоточащее сердце, пробитое дротиком (иногда в описаниях указывается, что дротик принадлежит скелету, иногда это неясно). В целом угрожающий характер всех символов очевиден и как будто не требует пояснений, и исключением, пожалуй, является лишь сердце.

Хотя сегодняшнее толкование в большинстве случаев и отнесет изображение сердца лишь к сфере любовных переживаний, значение его этим отнюдь не исчерпывается. К примеру, в антверпенской «Amogum Emblemata» (1608) пронзенное сердце встречается лишь дважды и оба раза в качестве второстепенной фигуры (любопытно, что оба сердца изображены пробитыми двумя стрелами «по диагоналям», невольно напоминая «череп со скрещенными костями»). Помимо любовной символики, сердце может относиться к «этической» (и даже иллюстрировать размышление Пророка Иеремии, Иер 17:9 – «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?») или религиозной (в том числе при обозначении Ран Христовых) или же носить не вполне ясный смысл воодушевления, ревности (как на знаменах Санкт-Петербургских полков образца 1712 г. с их пламенеющим сердцем). Пожалуй, именно многообразии интерпретаций, ни одна из которых не имеет прямого отношения к области морского разбоя, и наталкивает на догадку о переосмыслении этого, да и других символов в ходе их бытования в пиратской среде.

Первоначальное использование различных геральдических и псевдогеральдических фигур пиратскими капитанами XVII в. представляется аналогичным изобретению своих знамен, значков, прапорцев офицерами-наемниками того же периода (их описывал, на-

пример, А. Олеарий). Учитывая, что, как правило, капитаны, совершавшие плавания в малоизученных «колониальных водах» или набеги из Европы и Северной Америки к горловине Красного моря, должны были по образованию и интеллекту стоять выше сухопутных наемников (кроме храбрости и качеств военного вождя необходима была серьезная навигационная, да и общеобразовательная подготовка), можно предположить и осознанное использование ими в личной символике популярных эмблем и аллегорий, подлинные мотивы для которого в каждом конкретном случае мы, вероятно, уже никогда не узнаем. Закат же эпохи «пиратского империализма» и усиление колониальных позиций государств и крупных компаний закономерно должны были приводить к маргинализации тех «честных приватиров», кто не пожелал переходить на легальную службу, а в интересующем нас вопросе это означало понижение культурного уровня и вульгарное толкование символики, в глазах пиратской массы утрачивавшей первоначальный смысл.

Определенное переосмысление должно было происходить и при переносе символических изображений на черный и красный флаги. Если считать два последних изначально сигнальными (требование капитуляции или угроза резней), то и символика их должна была быть теперь обращена, в первую очередь, не к своей команде (как у обычного знамени или национального флага), а к противнику, т. е. угрожающая функция многократно усиливалась за счет всех остальных. Соответственно, меланхолический образ быстротекущего времени, воплощенный песочными часами, превращался в предупреждение: «У вас мало времени на раздумья»; вооруженная рука символизировала уже не Божию десницу, как на военных знаменах того же периода, а похвальбу собственной силой («Strong Arm»); а кровоточащее сердце рядом со скелетом говорило лишь о муках и смерти, ожидавших непокорных.

То же касается и самой «классически пиратской» фигуры – скелета или черепа. Общий смысл здесь ясен, однако есть и нюансы, прежде всего связанные с упомянутым выше именованием одного из вариантов этого изображения «Старым Роджером», что было эвфемизмом для обозначения дьявола. Заметим, что воплощенная Смерть вовсе не являлась синонимом или персонификацией нечистого духа как в «высокой культуре» («Потерянный Рай» Дж. Мильтона, «Рыцарь, смерть и дьявол» А. Дюрера), так и, скажем, в лубочной картинке. Поэтому использование для «Короля-Смерти» (еще одно бытовавшее название черепа или скелета) выражения «Старый Роджер» опять-таки выглядит вульгаризацией образа, когда для «среднего» пирата, из тех, кто, собственно, и создает «народные этимологии» и расхожие клички, всё отталкивающее и уст-

рашающее было однозначно дьявольским, а общее «послание» такого флага, адресованное потенциальной жертве, вероятно, читалось теперь просто как «чорт тебя побори». Определение «веселый» (Jolly Roger) также отходит от первоначального значения «позитивной человеческой эмоции», что может быть проиллюстрировано по-русски «обратной» аналогией – «лихой», где осуждающее «лихо, зло» трансформируется в одобрительное «храбрый, отчаянный».

Интересно и еще одно обстоятельство. Если располагать флаги внутри одной знаменной иерархии (по уменьшению значения) как «гербовый» – «крестовый» – «полосный» (состоящий из полос), то перенесение на одноцветный флаг символических изображений как будто уподобляло его гербовому, т. е. наивысшему и наиболее полно обозначающему страну или суверена. Возможно, поэтому в историографии и звучали предположения, что полотнище с черепом было quasi-государственным флагом для пиратских общин на Мадагаскаре; однако, будучи исключительно умозрительными и не имея конкретных подтверждений в источниках, они представляют собой чрезмерным преувеличением.

*А.В. Кузьмин, к.ф.-м.н., к.иск., с.н.с.
ИИЕТ РАН*

Космос Петера Апиана

Обратимся к «Космографии» (Cosmographia Petri Apiani, per Gemmam Frisium apud Lovanienses medicum et mathematicum insignem, iam demum ab omnibus vindicata mendis, ac nonnullis quoque locis aucta. Additis eiusdem argumenti libellis ipsius Gemmae Frisii. Antverpiae: Apud Ioannem Withagium, 1564) и «Императорскому Астрономикону» (*Apianus Petrus. Astronomicum Caesareum. Ingolstadt, 1540*) – основным астрономическим трудам П. Апиана (об Апиане см.: *Пчелов Е.В. Петер Апиан // Земля и Вселенная. № 3. 1995. С. 20–23*).

«Императорский Астрономикон» увидел свет в 1540 г. за четыре года до появления «Об обращениях небесных сфер» Н. Коперника (1543). В трудах Апиана изложена астрономическая картина мира, непосредственно предшествующая т. н. коперниканской революции. Издания «Космографии», выходившие до 1584 г., также продолжали утверждать геоцентрическую модель Космоса (Apiani Petri Cosmographia, sive Descriptio universi Orbis, Petri Apiani et Gemmae Frisii, mathematicorum insignium, iam demum integritati suae restituta ... Antverpiae: apud Ioan. Bellerum, ad insigne Aquilae aureae, 1584).

Космос Апиана – геоцентрический Космос с шарообразной Землей, включающей четыре основных континента: Европу, Африку,

Азию и Америку. Модель Космоса Апиана призвана решать практические задачи с опорой на инструментальные наблюдения, осуществляемые непосредственно при помощи человеческого глаза (Apiani Petri Cosmographia .. 1584. [Prima pars. P. 2]).

Земля, которую теперь благодаря достижениям математики (созданию системы сферических координат и способов её проектирования на плоскость) можно буквально охватить единым взором, вместе со сферой Космоса, которая также представима теми же математическими методами, обе составляют единый механизм, основа которого – единая система сферических координат, задаваемая динамикой Земли.

Космос возможен как математически выверенный механизм, познание Космоса – суть познание совокупности круговых неравномерных движений, неравномерность которых подчинена особым пропорциям. Их возможно выявить и представить геометрически в виде «линеек», как прямых, так и круговых, цена делений которых, может увеличиваться или уменьшаться согласно существующей гармонии, как правило, выражаемой геометрической прогрессией. Достаточно описать («схватить») такими «линейками» все движения, которые можно наблюдать при помощи органов чувств, чтобы создать «вечную» модель, которая сможет показать любой – «настоящий», «будущий» и «прошлый» – Космос.

Математический Космос – это Космос, проекцию которого на небесную сферу можно измерить, представить на чертеже, построить аналоговую модель и на её основе построить динамическую модель. Вычислительная точность достижима путём построения большого числа номограмм, своеобразных логарифмических линеек различных форм, аналоговым способом отражающих различные сферические движения, описанные К. Птолемеем (II в. н.э.).

Общая (космологическая, теоретическая) картина Космоса Апиана, основанная на модели Аристотеля (Schema praedictae divisionis), представляет собой сферу. Пространство «выше сферы» представляет собой Coelum Empireum habitaculum Dei et omnium electorum. Небеса пронумерованы так, как это, в целом, принято в настоящее время: от более «низких», к более «высоким».

Всего небес – десять. Десятое, девятое и восьмое небо представляют собой зодиакальные круги. Десятое небо (внешний круг), названное Primum Mobile, символизирует т. н. «подвижный Зодиак», т. е., по сути, эклиптику (большой круг небесной сферы, разделённый на 12 равных частей, каждая из которых обозначена одним из 12 знаков Зодиака). Термин «подвижный» отражает свойство совершать прецессионное движение, полный цикл которого равен приблизительно 26 тысячам лет.

Восьмое небо, озаглавленное Firmamentum, – собственно звёздное небо, также содержащее «зодиакальную шкалу», но в отличие от Зодиака десятого неба, это – «звёздный Зодиак», где в качестве неизблемой основы существуют Зодиакальные созвездия, на фоне которых происходит движение десятого неба (знаков Зодиака).

Девятое небо – Crystallinum, дополнительный *умозрительный* круг (физически не обоснованный), полный цикл которого равен 49 тысячам (7 раз по 7 тысяч) лет, символически представляющий христианское учение о временах творения и гибели мира.

Далее следуют седьмое небо Сатурна; шестое – Юпитера; пятое – Марса; четвёртое – Солнца; третье – Венеры; второе – Меркурия; первое – Луны. Далее – огненная сфера, воздушная, и стилизованные земные пейзажи с водными пространствами.

Весьма оригинально представлено отдельное изображение самой Земли, а если точнее – земли, воды и воздуха. На другой карте (Ariani Petri Cosmographia ... 1584. [Prima pars. P. 72–73]) представлены контуры континентов. Южная Америка разделена проливом (Магелланов пролив) не с группой островов, а с достаточно обширной землёй, простирающейся в сторону южного полюса. Подобное изображение Южной Земли можно видеть на иллюстрации в издании 1564 г., где также изображена часть обширного южного континента. Ответ на вопрос о происхождении этой гипотезы о южном материке, вероятно, можно найти в вольных интерпретациях идеи Антихтона (Антиземли), восходящей к Пифагору и отражённых в произведениях ранней схоластики.

Разделение Земли на климатические пояса показано с использованием «пояса созвездий» как детерминативов климатов от севера к югу: Малая Медведица, Дракон и Большая Медведица, Персей, Орёл, Близнецы, Овен, Телец, Орёл, Возничий, Весы, Козерог, Южная Рыба, Волк (Зверь), Южная Корона, Корабль Арго, Кентавр, расположенных в своеобразном «поясе», обрамляющем правую часть псевдо-проекции земного шара в направлении меридиана.

*О.Ю. Кулаковская, к.пед.н., доц.
Петрозаводский ГУ*

Путешествие на родину предков – вологодский след

Память о прошлом своей семьи, сбереженная моей матерью Людмилой Александровной Сахаровой, урожденной Шиловой, и ее близкой родней, была достаточно крепкой, «цепкой», разветвленной и охватывала несколько поколений предков. Эта память явилась той «питательной средой», в которой еще в отроческие годы во мне пробудился живой интерес к истории моей семьи. Когда же я,

повзрослев, не только обратилась к изысканиям в Национальном архиве Карелии, но и дважды посетила в Обонежье деревни – родовые гнезда Шиловых и их предков по женской линии Олюшкиных, мне сравнительно легко удалось восстановить их генеалогию до начала XVIII в. (см.: *Кулаковская О.Ю.* Генеалогическая экспедиция на «малую родину» в Обонежье в 2015 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII междунар. науч. конференции.* М., 2016. С. 314–317).

Что касается моего отца Юрия Георгиевича Сахарова (род. в 1939 г.), то он мало интересовался происхождением своей семьи и мало что об этом знал. Отчасти это было связано с тем, что он совсем не помнил своего отца – мой дед Егор Афиногенович Сахаров накануне войны (когда отцу было два года) исчез, и его судьба до сих пор остается загадкой. Оставались неизвестными ни место, ни год его рождения. Прадед отца Афиноген Григорьев умер задолго до его рождения. Было известно только, что девичья фамилия моей бабушки Марии Кирилловны (1896–1971) была Ледкова и что она была родом из деревни Еремеево Вологодской губернии. Во время войны она была эвакуирована с детьми в Рыбинск, а после войны обосновалась в Петрозаводске и тесно общалась с моими родителями. Но она умерла, когда я была еще совсем маленькой, и все, что она знала о своей родне, кануло в вечность. Немногочисленные старшие родственники моего отца Сахарова тоже ушли из жизни, когда я была слишком молода, чтобы просить их подробно рассказать об истории семьи и зафиксировать полученные сведения.

В июне 2014 г. я отправилась на Вологодчину (добавлю, что Вологду мне удалось посетить во второй раз в феврале 2015 г.). Выяснилось, что Еремеево (тогда Братковская волость Вологодского, по другим данным Грязовецкого уездов, ныне Любомировское сельское муниципальное образование Чобсорского района Вологодской области) входило в приход Благовещенской Мишехонской церкви, метрические книги которой неплохо сохранились в Вологодском областном архиве (Ф. 496). Оказалось, что Сахаровы, как и Ледковы, из поколения в поколение были крестьянами этой деревни. При этом некоторые мои предки носили достаточно редкие имена (например, по линии Ледковых – Зотик, Каллистрат, Кодрат, Кирилл, Зиновий, Христина), что позволило достоверно установить персональный состав предков по отцовской линии даже в тот период, когда местные крестьяне еще не имели устойчивых фамильных прозваний (общее число только прямых моих предков, о которых удалось собрать метрические данные, составило 27 человек). Особенно важным было обнаружить запись о венчании 3 сентября 1912 г. Георгия Афиногенова и Марии Кирилловой – моих деда и

бабушки, причем и жених, и невеста (равно как и их отцы) названы только по именам и отчествам, а у поручителей по бракосочетавшимся указаны и их фамилии, а именно – Сахаровы и Ледковы.

Наконец, благодаря содействию местного почитателя истории и генеалогии С.А. Желтова мне удалось совершить поездку в Еремеево. Выяснилось, что в деревне до сих пор проживает несколько семей Ледковых, и оказалось, что некоторые из них являются потомками упомянутого выше Кодрата, т. е. моими достаточно близкими родственниками. Но кульминационным моментом этой поездки была встреча с 90-летней Александрой Ивановной Левашовой, прекрасно помнившей моего деда Егора Афиногеновича Сахарова и всю его семью. Она поведала о том, что жена его была хорошей хозяйкой в доме, а сам он был, что называется, первым парнем на деревне – гармонист, силач и драчун, и добавила несколько шокировавшую меня характеристику (впрочем, надо думать, в этом было некоторое преувеличение, сказанное «для красного словца»): «А дед твой – всё по бабам да по тюрьмам» (!). Как я теперь жалею, что тогда не имела времени подробно расспросить старушку и отложила расспросы «на потом», а уже через полгода узнала, что она скончалась.

Опыт работы в области генеалогии и семейной истории показывает, что не только работа в местных архивах, но и посещение тех мест, в которых некогда жили предки, существенно обогащают историю семьи как новыми находками (и даже обнаружением родственников), так зачастую и живыми деталями, сохранившимися в народной памяти.

*С.В. Кулинок, к.и.н.
зав. отделом БГАНТД (Минск)*

Историография изучения картографических и градостроительных материалов по истории Минска фондов Белорусского государственного архива научно-технической документации

В целях централизации хранения и широкого использования научно-технической документации Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 мая 1968 г. № 164 был организован Центральный государственный архив научно-технической документации, переименованный в мае 1993 г. в Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). Значительный корпус документов представлен картографическими и градостроительными материалами по истории Минска различных периодов. В первую очередь это материалы фондов № 6 «Коллек-

ция планов и схем городов Белоруссии» и № 3 «Проектный институт Белгоспроект».

В фонде № 6 представлен картографический материал по истории дореволюционного Минска. Это планы города за 1783, 1793, 1797, 1800, 1858, 1903, 1905, 1910 и 1911-е годы (БГАНТД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 6–9, 13, 14, 29–30). Эти планы использовались исследователями и историками, в первую очередь, при написании работ по истории г. Минска и истории градостроительства (*Шыбека З.В.* Мінск сто гадоў таму. Мінск, 2007; Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска. У 5 кн. Кн. 2. Мінск, 2003). Также эти документы активно используются для определения урбанонимов (дореволюционных названий улиц, площадей, отдельных объектов). Легенды к планам широко использовались разработчиками при создании и наполнении сайта «Минск старый и новый» (<http://www.minsk-old-new.com/>).

Следующая группа документов представлена планами, в том числе генеральными, Минска советского периода: за 1925, 1934, 1936, 1939, 1940, 1957-е годы (БГАНТД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 12, 18–22, 26). Эти документы позволяют проследить развитие города в советский период, изменение его топонимов и планировки. Белорусский исследователь Л. Моряков использовал эти материалы, в частности, при написании своей книги, посвященной истории центральной улицы Минска (сейчас – проспект Независимости) (*Маракоў Л.* Галоўная вуліца Мінска. 1880–1940. Кнігі 1–2. Мінск, 2012–2013). Также эти документы использовались при написании биографических работ (*Чернатов В.М.* Владимир Король. Жизнь и творчество. Минск, 2007).

Уникальным и наиболее ценным картографическим документом является «Генеральный план восстановления и развития города Минска» (1946 г.), который был разработан сотрудниками Белгоспроекта (архитекторы М. Андросов, Н. Трахтенберг, В. Кондратович, инженеры К. Иванов, А. Образцова, В. Толмачева в 1944–1946 гг.) (БГАНТД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1). Какой была столица после освобождения? Из 1100 тысяч м² жилой площади, насчитывавшейся в Минске к моменту начала Великой Отечественной населении войны, после освобождения сохранилось 250 тысяч м². Таким образом, город был уничтожен примерно на 80%. Оккупанты разрушили 5975 жилых домов. Из почти 300 тыс. жителей, проживавших в Минске перед войной, к маю 1943 г. осталось порядка 100 тыс., а к моменту освобождения – около 45–50 тыс. Из 332 государственных и кооперативных предприятий осталось только 19. Общий урон городу, нанесенный войной, составил около 6 млрд. рублей. Поэтому разработка и принятие генерального плана 1946 г. позволяет отнести

этот документ к числу самых важных в истории послевоенного Минска.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что комплексно этот документ (который включает в себя как графическую, так и текстовую часть) не изучался и в научный оборот не вводился. Только в 2017 г. была проведена определенная работа по его изучению (*Кулинок С.В.* Восставший из пепла // *Беларуская думка.* 2017. № 7. С. 66–73; *Он же.* Восставший из руин: развитие Минска в 1944–1950-х гг. // *Архитектура и строительство.* 2017. № 5. С. 23–27; *Возрожденный из руин. Восстановление и развитие Минска в 1944–1955 гг.: документы и материалы.* Минск, 2017). Кроме того, в стенах БГАНТД в ноябре 2017 г. была организована выставка документов, посвященная этому генеральному плану, которая вызвала значительный интерес как среди ученых, так и среди обывателей.

Отдельно следует сказать несколько слов о документах периода Великой Отечественной войны. Это «План города Минска» (1942 г., на немецком языке) и «План окрестностей города Минска» (1943 г.) (БГАНТД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 24–25). План Минска за 1942 г. снабжен подробной легендой, в которой указываются названия (немецкие) улиц и расположение основных административных, военных, хозяйственных и культурных объектов.

Подводя итог, отметим, что в фондах БГАНТД хранится значительный комплекс картографической и градостроительной документации по истории Минска с конца XVIII в. до 1960-х гг. XX в. Эти документальные источники активно использовались при написании научных статей, монографий, диссертационных работ. Для полного раскрытия информативного потенциала этих документов необходимо тесное сотрудничество историков, архитекторов и картографов.

*В.Д. Лебедев, к.и.н., ст. преп.
ИАИ РГГУ*

Знаки отличия как политические символы двух эпох: к истории разработки нагрудного знака «Летчик-космонавт СССР» и медали «Михаил Калашников»

Изучение истории советской и постсоветской России осложняется тем, что значительный комплекс архивных документов находится на секретном хранении. В силу этого обстоятельства повышается роль вспомогательных исторических дисциплин, особенно фалеристики, символики и эмблематики, поскольку устанавливаемые государственной властью наградные знаки отличия, изображаемые на них эмблемы и символы позволяют определить те полити-

ческие ценности, которые актуальны для того или иного исторического периода.

Наиболее ярко данные ценности проявляются в отношении государственных институтов и общества к развитию национальных вооруженных сил и новых технологий. Как отметил еще в 1951 г. видный мыслитель И.А. Ильин, «мы не имеем никаких оснований считать, что русские границы замирены, что государственное достояние России закреплено в международном отношении, и что нам не грозят новые оборонительные войны. По-видимому, дело обстоит как раз наоборот, и сильная власть будет необходима для России, как, может быть, еще никогда...» (*Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России*. М., 1992. С. 316). Одна из форм поддержки национального военного строительства – награждение выдающих деятелей армии и флота, а также конструкторов и изобретателей. Среди мероприятий следует выделить создание двух знаков отличия: один создан в советскую эпоху (нагрудный знак «Летчик-космонавт СССР», 1961 г.), а другой – в современной России (медаль «Михаил Калашников», 2014 г.).

Создание нагрудного знака «Летчик-космонавт СССР» было связано с известным событием – полетом Ю.А. Гагарина в космос, вызвавшим, с одной стороны, восторженные отклики многих политиков, общественных деятелей и частных лиц по всему миру, а с другой – крайне настороженное отношение военных и политических деятелей ряда геополитических противников нашей страны. В сообщении ТАСС о реакции американской печати на это событие, в частности, приведены слова американских астронавтов: «Русские одержали большую победу, – заявил с мыса Канаверел подполковник Джон Гленн. – Я, естественно, разочарован, что не мы совершили первый полет, открывший новую эру» (ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 43. Д. 1011. Л. 122).

В условиях Холодной войны советское правительство не жалело усилий для всесторонней поддержки отечественной космонавтики. В частности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1961 г. было учреждено звание «Летчик-космонавт СССР», а 11 мая того же года вышел Указ об утверждении Положения о звании «Летчик-космонавт СССР» и описания нагрудного знака «Летчик-космонавт СССР». Согласно Указу, знак представлял собой серебряный пятиугольник с выпуклым позолоченным ободком. Его ширина – 25 мм, высота – 23,8 мм. В центре знака расположено изображение земного шара с обозначенной красным цветом территорией СССР, выполненное из эмали. Земной шар опоясан золотой орбитой спутника со спутником на орбите. Из звездочки, обозначающей Москву, выходит вторая золотая орбита, переходя-

шая в эмалевый шлейф золотого космического корабля, устремляющегося в межпланетное пространство. В верхней части знака над земным шаром помещена выпуклая золотая надпись «Летчик-космонавт», а под земным шаром – выпуклые золотые буквы «СССР». В нижней части знака расположены две выпуклые золотые лавровые ветви. На оборотной стороне нагрудного знака надпись: «Учреждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1961 г.» и номер знака. Знак с помощью ушка и дужки крепится к серебряной позолоченной планке, покрытой красной муаровой лентой. С задней стороны планки имеется винт с гайкой для крепления знака к одежде.

Подлинники указов хранятся в ГАРФ (Ф. Р-7523. Оп. 77. Д. 149. Л. 52–54). Несмотря на подробное описание, в технологию изготовления знака вносились коррективы. Так, сохранилась служебная записка зам. начальника Главного управления Гознака Министерства финансов СССР П.А. Пирогова заведующему Отделом наград Президиума Верховного Совета СССР Ф.С. Сазикову о причинах задержки представления к утверждению технических условий на изготовление знака. Его первые образцы изготовили с отступлениями от утвержденного описания. Технические условия были представлены лишь в 1964 г. (ГАРФ. Ф. Р-7723. Оп. 78. Д. 1878. Л. 19, 21).

Изменения внешнеполитического курса России в 2010-х гг. вызвали потребность в модернизации всех видов вооруженных сил к 2020 г., что проявляется в создании новых знаков отличия. К их числу относится ведомственная награда Министерства обороны России – медаль «М. Калашников», учрежденная согласно приказу № 221 министра обороны России С.К. Шойгу. Медаль утверждена благодаря активной общественной позиции коллективов отечественных военных предприятий и вузов (Известия. 2014. 14 апреля). Медаль изготавливается из металла серебристого цвета, имеет форму круга диаметром 32 мм с выпуклым бортиком с обеих сторон. На лицевой стороне медали: слева – рельефное изображение генерал-лейтенанта М.Т. Калашникова; справа – рельефная надпись в две строки: «Михаил Калашников»; под портретом – рельефное изображение автомата АК-47. Подробное техническое описание медали представлено на сайте Министерства обороны России.

Политические события современной России, как и Советского Союза, наиболее заметным образом нашли свое отражение в фалеристике. Историческая ситуация вновь вызвала потребность в создании новых художественных символов, отражающих и прославляющих достижения в области науки и техники.

**«История камня в истории культуры»:
списки драгоценных камней и ювелирных изделий
дома Романовых в личном фонде академика А.Е. Ферсмана**

Камень занимал воображение А.Е. Ферсмана всю его сознательную жизнь. Он «владел мною, моими мыслями, желаниями, даже снами», – говорил ученый (*Ферсман А.Е.* Воспоминания о камне. М., 1958. С. 54). Став минералогом и геохимиком с мировым именем, А.Е. Ферсман постоянно продолжал углублять научные знания в области петрологии. Причем камень интересовал его не только как минерал, обладающий определенным набором физико-химических свойств, но и в качестве предмета искусства. Стремясь познать камень во всех его проявлениях, А.Е. Ферсман планировал написать и издать обстоятельный двухтомник под заглавием «История камня в истории культуры». Согласно предварительному содержанию, каждый том предусматривал включение трех частей. Первый том – «История камня в России», «Камень в недрах Земли», «Цвета камней»; второй том – «Камень в истории культуры», «Камень в искусстве и технике», «Камень в жизни» (АРАН. Ф. 544. Оп. 1 (1713–1933). Д. 1. Л. 1–10). В полном объеме этот замысел так и не реализовался. Часть подготовленных А.Е. Ферсманом материалов была опубликована при жизни («Драгоценные и цветные камни России / СССР», «Занимательная минералогия», «Цвета минералов» и др.), часть – уже после его смерти («Из истории культуры камня в России», «Рассказы о самоцветах», «Очерки по истории камня»).

А.Е. Ферсман хорошо известен и как выдающийся специалист по камням, и как активный популяризатор науки. Однако до сих пор мало внимания уделено той базе, на основании которой создавались столь увлекательные и разноплановые труды. Выходу изданий предшествовала, помимо непосредственной профессиональной деятельности, многолетняя кропотливая работа по сбору всевозможных сведений и архивных документов о месторождениях камней, их добыче, использовании, обработке, изготовлении ювелирных изделий. Многие из них сохранились в личном архиве А.Е. Ферсмана (АРАН. Ф. 544. Оп. 1–8) и сами по себе представляют богатый материал для исторических и источниковедческих изысканий. Однако некоторую трудность для исследователей при первоначальном поиске источников такого рода создает отсутствие их перечня в путеводителях (хотя еще *С.О. Шмидт* указывал на необходимость проведения подобной работы).

В отношении фонда А.Е. Ферсмана отмечено, что в нем имеются копии архивных документов XVII–XIX вв., без каких-либо более подробных разъяснений. Вместе с тем данный блок документов содержит информацию о рудниках и приисках цветных камней в губерниях Российской империи; донесения, рапорты и отчеты об обнаружении различных месторождений; переписку департаментов по вопросам добычи и обработки цветных металлов; материалы о выработке законодательства по добыче драгоценных камней дореволюционного периода; вырезки из русских и иностранных газет о съездах горнопромышленников; карты месторождений различных пород и многое другое. В большинстве случаев это действительно копии (переписанный от руки или перепечатанный на машинке текст), но иногда встречаются и оригиналы.

Отдельной коллекцией внутри фонда могла бы стать подборка копий документов о драгоценностях дома Романовых. В апреле 1922 г. А.Е. Ферсман возглавил комиссию по разбору царских сокровищ из Зимнего дворца, найденных в Оружейной палате Московского Кремля (см.: *Зимин И.В., Соколов А.Р.* Ювелирные сокровища Российского императорского двора. М., 2013). В связи с этим понадобилось привлечение специалистов ювелирного дела, искусствоведов, историков. Важную часть работы составили поиски архивных материалов об изготовлении царских регалий и фамильных украшений императорского дома, хранении драгоценных камней, их оценке и обработке. Многие из этих документов, хоть и в разрозненном виде, сохранились в фонде А.Е. Ферсмана в основном в виде приложений к различным главам «Истории камня в истории культуры».

Здесь можно найти списки ювелирных украшений дома Романовых с подробным описанием драгоценных камней, описи кладовых, документы о коронации императриц Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, императоров Николая I и Александра II; дела Камерального отделения (например, «О передаче по Высочайшему повелению коронных бриллиантовых вещей, печати и ключей от шкапов члену Кабинета Его Величества г[осподину] действительному статскому советнику Петухову»); сведения о подарках от высочайшего имени и т.д. На части из них присутствуют пометки «Московское Отделение Дворцового Архива», «Государственный архив» или «Из дела Камерального отделения» (подробнее см.: *Лиманова С.А.* Неочевидные источники из личных фондов ученых (на примере «царских сокровищ» в научных материалах А.Е. Ферсмана) // *Документальная память России: проблемы сохранения и трансляции.* М., 2017 С. 112–132).

В совокупности эти материалы позволяют изучать широкий спектр проблем по таким темам, как история камня, развитие юве-

лирного искусства в Российской империи, изготовление и значение императорских регалий, символика власти и трансформация ее восприятия, не исключая и более прикладного значения указанных источников – возможности уточнять и пополнять данные каталогов по императорским драгоценностям.

*Д.В. Лобанов, методист
ЦМ ВОВ 1941–1945 гг.*

Некрополь Бове в Донском монастыре

Фамильный некрополь Бове в Донском монастыре связан с именем выдающегося русского архитектора, участника Отечественной войны 1812 г., Осипа Ивановича Бове (1784–1834). Его захоронение положило начало некрополю. Памятник О.И. Бове, расположенный недалеко от церкви Михаила Архангела, представляет собой вертикальную стелу из черного полированного гранита с закругленным верхом, увенчанном небольшим оригинальной формы беломраморным крестом (*Домбровский И.Е.* Некрополь Донского монастыря. М., 2007. С. 32). Несколько в отдалении, но на том же участке № 3 (нумерация участков дается по схеме московского краеведа М.Д. Артамонова) сохранился памятник жене О.И. Бове Авдотье Семеновне Бове (1786–1871). В 1816 г. О.И. Бове женится на княгине Авдотье Семеновне Трубецкой, урожденной Гурьевой. Она была дочерью математика, механика, ординарного академика Санкт-Петербургской академии наук Семена Емельяновича Гурьева (1766–1813) (*Боголюбов А.Н.* Математики. Механики. Биографический справочник. Киев, 1983. С. 153). Первым мужем Авдотьи Семеновны был князь Алексей Иванович Трубецкой, представитель третьей ветви рода князей Трубецких, скончавшийся 3 февраля 1813 г. (*Трубецкая Е.Э.* Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891. С. 150).

Тогда же, в 1816 г., О.И. Бове переехал жить из Пименовского переулка в особняк жены в Богословском переулке (теперь Петровский переулок, д. 6). Это владение еще в 1730-е гг. принадлежало деду князя А.И. Трубецкого капитан-поручику лейб-гвардии Измайловского полка князю Алексею Юрьевичу Трубецкому (*Данилова Л.И.* Улица Москвина, 6. М., 1987. С. 24; *Сорокин В.В.* Белый город. М., 2008. С. 181). Интересно отметить, что в 1776 г. «под папертью» Большого собора в Донском монастыре была погребена бабка князя А.И. Трубецкого, статс-дама княгиня Анна Львовна Трубецкая, урожденная Нарышкина, племянница царицы Натальи Кирилловны, супруга князя А.Ю. Трубецкого. Рядом с ней под одним памятником был погребен сын княгини, отец князя А.И. Трубецкого, князь Иван Алексеевич Трубецкой. К сожалению, в списки

«Московского некрополя» его имя не вошло, только общая с матерью эпитафия (Московский некрополь / Сост. Б.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. Т. 3. СПб., 1908. С. 226). О месте захоронения князя можно узнать из архивного описания надгробных памятников. С помощью надписи на надгробной доске можно уточнить годы жизни князя И.А. Трубецкого: 20 ноября 1730 – 25 декабря 1793. На той же надписи указан чин князя: капитан лейб-гвардии Измайловского полка (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 421 Оп. 1. Д. 7353. Л. 14).

Двое младших братьев О.И. Бове – коллежский ассессор, старший чиновник Московской мастерской команды Михаил Иванович (1798 – после 1862) и титулярный советник Александр Иванович (1803–1846) Бове впоследствии тоже стали архитекторами (*Покровская З.К.* Осип Бове. М., 1999. С. 11). В 1861 г. на территории некрополя была погребена жена М.И. Бове Варвара Карповна. Общий памятник В.К. Бове с ее сыном Иосифом Михайловичем Бове (1836–1865) в форме аналога стоит рядом с памятником А.С. Бове. В.К. Бове была дочерью потомственного почетного гражданина, мануфактур-советника Карпа Ильича Доброхотова-Майкова (Материалы для истории московского купечества / [Ред.-изд. Н.А. Найденов]. Т. 7. М., 1888. С. 256; Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А–И / Под ред. Л.М. Савелова. М., [1914]. С. 135). 20 июля 1863 г. в некрополе был похоронен сын А.И. Бове Николай Александрович Бове, имевший от роду 20 лет (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7911. Л. 32). Здесь же были найдены последний покой дети М.И. Бове, умершие в младенчестве: Александр (погребен 19 апреля 1840 г.), Сергей (погребен 26 июня 1841 г.), Мария (погребена 15 февраля 1843 г.), Владимир (погребен 31 января 1847 г.), Екатерина (погребена 1 апреля 1847 г.) (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 421. Д. 5500. Л. 24 об, 30 об, 39; Д. 5638. Л. 2 об, 5 об.).

В фамильном некрополе Бове были погребены сын и дочь О.И. Бове. Сын – доктор медицины статский советник Михаил Осипович Бове (ум. 28.03.1883), консультант в Первой градской больнице на Калужской улице. Дочь – девица Вера Осиповна Бове (запись о погребении 25 мая 1843 г.) (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 421. Д. 5500. Л. 40 об.). 22 февраля 1847 г. некрополь Бове пополнился захоронением внука архитектора младенца Николая Бове, сына штабс-ротмистра Николая Осиповича Бове (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 421. Д. 5638. Л. 3 об). Здесь же была погребена мать младенца, жена Н.О. Бове, Анна Николаевна Бове (1824–1849), урожденная Воейкова. Памятник над захоронением А.Н. Бове поставила ее мать Екатерина Дмитриевна Воейкова, урожденная Бегичева (Московский некрополь. Т. 1. СПб., 1907. С. 113).

На том же участке № 3, где стоит стела О.И. Бове, сохранился памятник из белого мрамора с крестом гвардии подполковнику Гавриилу Александровичу Варженевскому (1828–1891). Г.А. Варженевский был похоронен рядом с женой Евдокией Николаевной Варженевской (1848–1887), дочерью Н.О. Бове (Там же. С. 177; Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. С. 215). Примыкает к фамильному некрополю Бове также захоронение подпоручика Александра Павловича Булгакова (ум. 1887) (памятник не сохранился), мужа Веры Николаевны Булгаковой, урожденной Бове, сестры Е.Н. Варженевской (Московский некрополь. Т. 1. С. 144).

*Е.А. Ляховицкий, к.и.н.,
зав. ЛКИиНТЭД ОР РНБ*

*М.А. Скопина, преп.
Центр искусства каллиграфии
«От Аза до Ижицы» (Санкт-Петербург)*

К вопросу о древнерусских представлениях о сортности бумаги в связи с различными типами и техниками древнерусского письма

Основным документальным источником информации о функционировании западноевропейской бумаги в России XVI–XVII вв. являются приходо-расходные книги. Анализ данных этих документов приводит к выводу, что при изучении потребления бумаги древнерусскими письменными центрами следует обязательно принимать во внимание обстоятельства каждой конкретной покупки, ее назначение. Различия в ценах покупок отражаются как на их объемах, так и на цене закупаемой бумаги: нередко мы можем видеть очень близкие по времени покупки, одна из которых (в расчете на десть) оказывается заметно дороже другой.

Бумага зачастую, но далеко не всегда, дифференцировалась не только ценой, но и терминологическим обозначением. Для определения относительно дорогой бумаги используются термины «александрийская» и «книжная». Среди расходных записей за XVI в. первый термин используют только записи Соловецкого монастыря. Н.П. Лихачев связывал его с бумагой большого формата. В.В. Калугин и С.М. Каштанов обоснованно трактуют это определение более широко, как наиболее роскошную, выделяющуюся качеством бумагу.

Значительно чаще в расходных записях XVI в. можно увидеть определение «книжная» бумага. Такая бумага, как правило, превышает стоимостью другую, не «книжную», на 1–3 московки (в расчете на десть), что должно было быть чувствительным в случае относительно крупных объемов. Как правило, в этом диапазоне на-

ходится и разница между более и менее дорогой бумагой, когда они не разграничиваются терминологически.

Относительно дешевая бумага маркируется терминами «писчая» и «скорописная». Семантическая природа первого термина, вероятно, состоит в противопоставлении «хлопчатой» бумаге (вате). Более интересен термин «скорописная» бумага. Тенденция обозначать более дешевую бумагу как «скорописную» и более дорогую как «книжную» коррелирует с древнерусской понятийной системой для обозначения видов письма, которая имела два основных элемента – «скоропись» и «книжное письмо» (см.: *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки книжной культуры XVI–XVII вв. Л., 1977. С. 119–122; *Цыпкин Д.О.* Азбука Фряская 1604 г. как источник по истории искусства письма древней Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. ст. Вып. VI. 2016. С. 805–809; *Ляховицкий Е.А.* Закупки бумаги и книгописание в Николо-Корельском монастыре во второй половине XVI в. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Т. 7. № 7. 2017. С. 186–187). Встает вопрос, как эти определения соответствуют различным типам и техникам древнерусского письма.

Для того, чтобы пролить свет на этот вопрос, была осуществлена серия экспериментов. Были использованы четыре образца бумаги: 1) современная бумага марки Hahne Muhle Ingres, характеризующаяся относительно высокой плотностью; 2) бумага ручного отлива XVI–XVIII вв. (относительно высокой плотности); 3) рисовальная бумага ручного отлива начала XIX в.; 4) бумага ручного отлива XVI–XVII вв.

На каждом из образцов были исполнены древнерусские исторические шрифты: 1) книжное «полууставное» письмо XVI в. – воспроизведение манеры письма Евангелия РНБ. Софийское собрание. № 20; 2) крупное книжное письмо (увеличенный вариант письма Соф. 20): высота строки – 9 мм; 3) мелкое книжное письмо (уменьшенное воспроизведение манеры письма Лицевого Летописного свода): высота строки – 2,5 мм; 4) скоропись, соответствующая ряду типичных образцов XVI в. Шрифты выполнялись птичьими перьями и железо-галловыми чернилами.

Результаты эксперимента разделили образцы на две группы. Первые два образца, отличающиеся относительно медленным приемом чернил, оказались наиболее пригодными для выполнения книжного («полууставного») письма, поскольку позволяли уверенно исполнять волосяные штрихи и не давали растекания чернил. Однако в случае со скорописью медленный прием чернил в сочетании с более высоким темпом письма довольно часто приводил к «непрокрашен-

ности» штрихов, вплоть до возникновения необходимости в повторных движениях.

Обратная ситуация наблюдалась в случае с образцами 3 и 4, продемонстрировавшими относительно высокую скорость приема чернил. При относительно медленном темпе движений, характерном для выполнения книжного письма, это свойство бумаги приводило к возникновению затеков в местах пересечения штрихов, а для образца 4 еще и ореолов вокруг букв. Волосяные штрихи не удавалось исполнить настолько тонкими, насколько этого требовала модель письма.

Для скорописи, напротив, именно эти образцы оказались наиболее пригодными. Проблема непрокрашиваемости штрихов существенно уменьшилась, а для образца 4 практически исчезла, затеков при этом не возникало за счет высокой скорости исполнения.

Итак, скорость приема чернил является ключевым параметром для соответствия бумаги различным писцовым задачам. Он зависит от плотности бумажного листа, которая определяется качеством размола и проклейкой и выражается в таких легко доступных для органолептического диагностирования свойствах, как равномерность просвета (т. е. четкость разграничения относительно светлых зон, непосредственно примыкающих к понтюзо, и более темных при осмотре листа на просвет) и звонкость (характер звука, издаваемого листом при энергичном сгибании). Нет причин сомневаться в том, что эти свойства использовались при оценке бумаги и древнерусским покупателем.

Таким образом, имеются основания для гипотезы о существовании в представлениях древнерусского покупателя двух сортов бумаги, соответствующих двум основным типам письма, которые предназначались для разных задач и, соответственно, закупались и расходовались в различном режиме.

*А.А. Малыгина, м.н.с.
отдел «Покровский собор» ГИМ*

Дипломатические отношения России и Англии во второй половине XVI в. по документам из русских и английских собраний

В 1553 г. три английских корабля под руководством Хью Уиллоби и капитана Ричарда Ченслера, отправленных на поиски северного пути в Китай и Индию, оказались в устье Северной Двины, и Ченслер с королевской грамотой, обращенной к правителям севера, был доставлен в Москву, где его принял Иван Грозный. Ответную грамоту от февраля 1554 г., означавшую установление дипломати-

ческих отношений, получила уже сестра почившего короля Эдуарда VI Мария I Тюдор вместе с супругом королем Испании Филиппом II. После этого контакты, в том числе в форме переписки монархов двух стран, приняли регулярный характер.

Первым значительным трудом по истории русско-английских отношений был сборник Ю.В. Толстого, в котором опубликованы документы из различных английских собраний (Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875). Следующей вехой в изучении отношений двух стран стали труды И.И. Любименко, одним из результатов которых явилось издание “*Les Relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand*”. Paris, 1933. За период от установления дипломатических отношений (1554) до смерти Ивана IV (1584) ей удалось выявить в английских и русских архивах 39 писем, из которых 26 адресовано царю, а 13 – английской стороне (*Lubimenco I. The Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars // The American Historical Review. Vol. 19. No. 3 (Apr. 1914). P. 525–542*). Безусловно, часть писем была утрачена, однако сохранившаяся переписка позволяет оценить интенсивность дипломатических и торговых контактов в этот период.

Ныне основной массив посланий хранится в Национальном архиве Лондона, Британской библиотеке и в РГАДА в Москве. В сентябре 2017 г. автором доклада в рамках подготовки научного издания дипломатической переписки Ивана Грозного (Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-10091) была совершена поездка по английским архивам и библиотекам в Оксфорде (Бодлианская библиотека), Лондоне (Национальный архив, Британская библиотека) и Хатфилде (архив поместья Хатфилдхаус). Итогом стало выявление, описание и копирование в общей сложности 48 документов – как оригинальных писем, так и их списков на разных языках, а также «вспомогательных» документов, таких как речь английского посла перед русским царем из Бодлианской библиотеки (Bodleian Library. Tanner MSS 50. *Speech of the English ambassador to the Tsar of Russia. л. 155*). Дополнительно расширить круг источников позволило исследование коллекции И.Х. Гамеля (Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 3. Ед. хр. 30–33). Документы собраны в конволюты объемом от 220 до 634 листов. Один из конволютов посвящен путешествиям английского натуралиста Джона Традесканта. Все документы представляют собой как личные записи Гамеля (в том числе черновики его научных статей), так и копии XIX в. тех или иных документов по истории русско-английских отношений. Один из документов в Ед. хр. 33 датируется карандашной пометой – 17 сентября 1845 г.; датировка других требует дальнейших уточнений. В их числе удалось обнаружить 38 документов, среди

которых 36 списков посланий эпохи Ивана Грозного на различных языках и два вспомогательных документа. 24 из них удалось на данный момент соотнести с уже известными оригиналами и списками посланий. Одной из проблем идентификации является отсутствие архивных и библиотечных шифров на части копий.

В результате этих разысканий автору доклада удалось обнаружить рукописи 34 посланий из упомянутых И.И. Любименко (некоторые грамоты, упомянутые или опубликованные ею и Ю.В. Толстым, не были обнаружены). Из них 22 послания адресовано Ивану IV и 12 – английским королям и королевам. Периоды активности в переписке распределяются следующим образом: 1553–1555 гг. – три послания; 1557 г. – одно послание; 1561–1562 гг. – два послания; 1564 г. – одно послание; 1566–1576 гг. – 20 посланий; 1581–1583 гг. – семь посланий. Из них на русском языке семь грамот (оригиналы; одна из них – опасная), две на немецком (оригиналы), остальное – либо списки отправленных грамот, либо переводы полученных, как на английском, так и на латыни.

Динамика переписки тесно связана с вопросами русско-английских отношений. После вступления в Ливонскую войну Иван IV рассматривал возможность военного союза с Англией. Оживленная торговля, которой покровительствовала Елизавета I Тюдор, вносила немалую лепту в снабжение русской армии иностранным военным снаряжением. План такого союза появился в 1568 г., вероятно, благодаря влиянию короля Швеции, уже ведшего подобные переговоры с Англией. Переговоры эти успеха не имели. Вновь о военном и политическом союзе заговорили лишь в 80-е гг. (*Лурье Я.С.* Английская политика на Руси в конце XVI века // *Ученые записки ЛГПУ им. А.И. Герцена.* Т. 61. Л., 1947. С. 121–145). Можно заключить, что всплески активности в переписке связаны как раз с союзными переговорами. Однако не следует забывать, что попутно решались и вопросы торговли. Также в начале 80-х гг. Иван IV вновь затеял переговоры о брачном союзе. Отправленное в 1582 г. в Англию посольство Ф.А. Писемского и Н. Ховралева, кроме военного союза, вело переговоры о женитьбе русского царя на королевской родственнице Марии Гастингс. Важно отметить, что кроме вопросов, обсуждавшихся в официальной переписке, были также тайные указы с обеих сторон. Вполне очевидно, что заключение военного и политического союза «заодин» с московским царем не входило в планы Елизаветы. Переговоры всячески затягивались английской стороной. Одним из негласных вопросов было обсуждение предоставления убежища Ивану IV в случае непредвиденных обстоятельств на родине. Об этом королева сообщает в своей грамоте от 18 мая 1570 г. (РГАДА. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 3). Таким образом,

вновь обнаруженные и ранее известные источники по истории русско-английских отношений открывают новые возможности исследования данной проблематики.

*А.В. Марей, к.и.н., доц.
НИУ ВШЭ (Москва), amarey@hse.ru*

***Consagrados y coronados: к вопросу о датировке
Второй Партиды Альфонсо X Мудрого по данным
ее рукописной традиции***

Вторая Партида обладает самой разветвленной на сегодняшний день рукописной традицией из всех «Семи Партид». До нашего времени сохранилось 20 полных или условно полных рукописей, содержащих весь ее текст или по крайней мере значительную его часть, и еще 10 отдельных фрагментов. Следует предположить, что ее рукописная традиция была значительно богаче. В рамках доклада я выскажу ряд соображений относительно датировки «Второй Партиды», основываясь на анализе структуры сохранившихся рукописей и на данных транскрипции всех рукописных и раннепечатных кастильских свидетельств титула «О рыцарях», входящего в состав «Второй Партиды» под номером 21.

Восемь из 20 полных списков Второй Партиды хранятся в фондах Королевской библиотеки монастыря св. Лаврентия в Эскориале. Второе по величине собрание рукописей Второй Партиды принадлежит Национальной библиотеке Испании (Мадрид) – в ее фондах хранятся четыре списка, еще один, ранее принадлежавший этой же библиотеке, находится сейчас в частном фонде Сабальбуру. По одной рукописи Второй Партиды есть в библиотеке капитула Толедского собора, в библиотеке Восточного королевского дворца (Мадрид), в Национальной библиотеке Франции (Париж), в библиотеке епархиальной семинарии (Витория-Гастеис) и в университетской библиотеке Овьедо. Наконец, две рукописи, одна из которых представляет собой перевод Второй Партиды на каталонский язык, принадлежат Библиотеке Каталонии (Барселона).

Существующая на сегодняшний день рукописная традиция, без сомнения, представляет собой лишь остаток от иного, гораздо более богатого комплекса материалов. Однако даже имеющихся рукописей хватает для того, чтобы выстроить линию эволюции текста Второй Партиды. Это становится возможным благодаря трем сохранившимся версиям так называемого «трактата о войне», т. е. последней трети Второй Партиды. В отличие от двух первых ее частей – «трактата о короле» и «трактата о народе», – «трактат о войне» подвергся наиболее значительным структурным пере-

стройкам, следы которых мы и можем видеть в сохранившихся рукописях.

Опираясь на имеющиеся данные, можно выделить три поколения текста Второй Партиды. Первое поколение будет включать рукописи **E³, E⁷, E⁸, M¹⁰, B¹⁸, M¹²** и **O²²**, причем среди них две последних сохраняют в себе, по всей видимости, наиболее архаичную из имеющихся версию Второй Партиды. Для текста этого поколения характерна максимальная синкретичность изложения нормативного материала, относительно малая его структурированность и доктринальная проработанность.

Второе поколение представлено рукописями **E⁵** и **E⁶**. В этой версии текста «трактат о войне» предстает уже более структурированным и продуманным, расположение титулов относительно один другого становится логичнее. Единственным «слепым пятном» этой версии является титул «О вознаграждениях», объединяющий в себе все законы как о вознаграждении, так и о воздаянии за проступки, совершенные в военное время.

Третье и последнее поколение представлено двенадцатью рукописями из проанализированных двадцати одной (не считая здесь рукописи **B²⁰**, содержащей только 18-й титул Второй Партиды), т. е. **E¹, E², E⁴, E⁹, M¹¹, M¹³, M¹⁴, M¹⁵, T¹⁶, P¹⁷, B¹⁹, V²¹**. Все перечисленные рукописи содержат привычный и, можно сказать, канонический текст Второй Партиды, закрепленный во всех существующих полных изданиях Партид.

Отсутствие в рукописной традиции Второй Партиды рукописей XIII в. не позволяет исследователю положить выстроенную генеалогию текстов на линию времени, однако можно сделать одно наблюдение относительно даты появления и распространения текста третьего поколения. Речь идет об одной фразе из 11-го закона титула «О рыцарях» (Part. II. 21), в которой законодатель устанавливает, что ни император, ни король не могут быть освящены и коронованы прежде, чем они станут рыцарями. Формула, закрепленная во всех существующих изданиях Партид – *«los enperadores nin los rreyes non deuen ser consagrados nin coronados fasta que caualleros fuesen»*, вроде бы, не позволяет никакого иного толкования, кроме предложенного выше. Однако она содержится лишь в текстах второго и третьего поколений, тогда как рукописи, сохранившие текст первого поколения, дают немного отличную формулу: *«los enperadores nin los rreyes non deuen ser consagrados nin ordenados fasta que caualleros fuesen»*, в которой говорится не о коронации, но, скорее, о поставлении в сан (*ordenar*).

Как известно, в Кастилии долгое время отсутствовала традиция короновать монархов – их, как правило, «поднимали на трон», но

указаний на практики коронации ни в одном источнике не было. Исключение составляли лишь Альфонсо III и Альфонсо VII Император. Торжественная коронация была возвращена в политическую жизнь королевства лишь Альфонсо XI, короновавшим себя самостоятельно в год своего 14-летия с целью выйти из-под власти регентов и легитимировать себя как самостоятельного правителя. Позднее им же был предпринят еще ряд мер, направленных на укрепление престижа королевской власти, в частности, установлена первая в кастильской истории иерархия источников права и придана сила закона «Семи Партидам».

Сказанное позволяет предположить, что текст второго поколения Второй Партиды появился не ранее 1325 г. и вскоре был переработан еще раз, в текст третьего поколения, который и получил королевское одобрение на кортесах в Алькале-де-Энарес в 1348 г.

*А.В. Матисон, д.и.н.
зав. сектором ЦГА Москвы*

Ставленнические допросы кандидатов в священно- церковнослужители как источник по генеалогии православного духовенства России XVIII в.

При изучении генеалогии российского духовенства XVIII столетия исследователь часто сталкивается с недостатком источников, которые позволили бы выяснить происхождение отдельных клириков, уровень их образования, данные о супругах и другие сведения биографического характера. Особенно это относится к периоду до конца 1760-х гг., когда клировые ведомости еще не появились, сказки 1-й и 2-й ревизий не содержат данных об изменении в составе семей в период между ревизиями, ведомости духовных учебных заведений сохранились лишь фрагментарно (последнее в значительной степени касается также метрических книг и исповедных ведомостей). В этих условиях значительную роль играют делопроизводственные материалы духовных дикастерий и консисторий, содержащие, по некоторым епархиям, большой объем дел о производстве на священнослужительские и церковнослужительские места в различные приходы. При этом, если в конце XVIII – начале XX вв. к прошению кандидата на приходское место присоединялись разного рода документы (выписки из метрических книг о его рождении и венчании, копии аттестатов духовных учебных заведений, выписки из клировых ведомостей и т.д.), то в более ранний период подобных материалов в делах консисторий нет. Тем самым, одним из немногих источников, содержащих сведения биографического и генеалогического характера, включенных в дела о произ-

водстве к приходским местам, являются ставленнические допросы кандидатов.

Процедура допроса кандидата в священнослужители сложилась очень рано. По свидетельству профессора И.С. Бердникова, «порядок удостоверения епархиального архиерея в беспрепятственности посвящения в священный сан известного просителя, соблюдавшийся в Киевской митрополии, был переходом к канцелярской форме удостоверения, вошедшей в употребление впоследствии, известной под формой ставленнического допроса» (Православная богословская энциклопедия. СПб., 1907. Т. 8. С. 407).

Непременной частью ставленнических допросов было (и остается поныне) ручательство кандидата, что отсутствуют препятствия к рукоположению в священный сан. В середине XVIII в. запись об этом выглядела следующим образом: «В солдатех и матрозех и в прочих службах и в публичных наказаниях не бывал, и в подушной оклад не положен, падучей и никакой вредной скорби, расколу и Церкви Святей противности и другаго никакого священническому чину препятствующаго подозрения не имеет и потаенных раскольников и противящихся Святей Церкви никого не знает, а ежели таковых впредь чрез какие приметы усмотрит или от кого уведает о них, не будет молчанием укрывать, но будет об них доносить в духовной Его Преосвященства консистории и где надлежит без всякаго упущения».

Вместе с тем, для генеалогического исследования особую роль играют включаемые сюда сведения о биографии кандидата. Прежде всего, это данные о принесении им присяги царствующему монарху. Однако, поскольку на почетные места претендовали, как правило, молодые люди, то здесь присутствуют сведения об отце (иногда деде или ином родственнике мужского пола) кандидата, принесшем в свое время присягу вместо него. Например, в ставленническом допросе одного из кандидатов на диаконское место в Твери в 1757 г. имеется следующая запись: «у состоявшихся в прошлых «1741-м» и «1742-м» годах в верности службы ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВА высокому законному наследнику ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ благоверному Государю Великому Князю ПЕТРУ ФЕДОРОВИЧУ присягу в городе Тфери в соборной церкви Преображения Господня он, Григорий, был, и на присяжных печатных листах вместо его, Григорья, за малолетством подписался тогда отец ево города Тфери Заволжскаго посаду церкви Вознесения Господня дьячек Иван Петров, которой в прошлом «755-м» году умре» (ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 207. Л. 2–2 об.). Здесь же указывается, где находился кандидат во время проведения предшествующей ревизии

(«по бывшей в «744-м» году ревизии написан он при показанном отце своем» и пр.). Таким образом, ставленнические допросы, как правило, сообщают информацию об имени, звании и месте служения отца кандидата.

Не менее важным являются содержащиеся в допросе сведения о возрасте кандидата, его образовании («в школах не был», «в семинарии обучался и дошел до риторики» и т.п.), и о предшествующем служении, если таковое имело место («в прошлом «753-м» году ис той семинарии от науки взят в дом Его Преосвященства, где и поныне имеется певчим»).

В допросе в обязательном порядке сообщается о семейном статусе кандидата, так как рукополагаемые в священный сан в Русской Православной Церкви вступают брак еще до посвящения (за исключением немногочисленных целибатных священников и диаконов). Абсолютное большинство кандидатов уже были женаты к моменту проведения допроса, указание на что присутствует в документе. Иногда это делалось достаточно кратко («женат»), иногда более подробно («женат на поповой дочери», «женат на диаконовой дочери» и т.д.), а иногда даже сообщались и более подробные сведения («женат на дочери дьячка погоста Воскресенского в Понизовье» и пр.).

Допросы кандидатов в церковнослужители (дьячки и пономари) в целом содержат сходные сведения. Отличия объясняются тем, что поступавшие в причетники не готовились при этом к рукоположению в священный сан, и, соответственно, допрашиваемый кандидат нередко бывал холостым.

В целом, сохранившиеся ставленнические допросы, при скудости иных источников, часто могут стать отправной точкой для изучения генеалогии того или иного клирика XVIII в.

*И.С. Матусевич, к.иск., н.с.
ГИМ*

Гимнастика во второй половине XIX – начале XX вв. в жетонах, знаках, значках (по материалам коллекции Государственного Исторического музея)

В обширной коллекции жетонов отдела нумизматики Государственного Исторического музея выделяются призовые жетоны, членские значки, памятные жетоны и знаки, посвященные становлению и развитию гимнастики в Российской империи.

Спортсмены должны были носить клубные значки при посещении любых общественных мероприятий, подчеркивая тем самым принадлежность к определенному объединению. На членских значках принято было изображать эмблему общества, указывать его

название, дату основания. Их могли носить на цепочке для часов, в розетке.

К членским значкам относились очень почтительно. В уставах некоторых клубов отмечалось, что если член общества будет замечен в предосудительном поведении, находясь при этом с членским значком, то его могут лишить права носить значок на время или навсегда (Устав Харьковского гимнастического общества «Сокол». Харьков, 1910. С. 17).

Призовые жетоны выдавались в качестве награды за победу в соревнованиях. Иногда призовые жетоны заказывались заранее, и в таком случае мастера оставляли место для гравировки имени победителя, когда он будет определен. В других случаях жетоны изготавливались после состязания, тогда все сведения наносились одновременно, чаще всего методом штамповки.

Памятные жетоны и знаки выдавались участникам или зрителям какого-либо важного мероприятия и обычно содержали информацию о дате его проведения и указание на то, что это было за мероприятие (юбилей, праздничный вечер, межклубные встречи и съезды, событие в спортивной жизни члена общества и т.д.).

Занятие гимнастикой – выполнение упражнений для укрепления здоровья и физической силы – начинает активно практиковаться с середины XIX в. и постепенно достигает признания на государственном уровне.

В собрании Исторического музея отражено развитие гимнастики в любительских обществах. В коллекции хранятся жетоны Санкт-Петербургского атлетического общества (I приз Всероссийского чемпионата любителей, полученный Н.Ф. Крундышевым за гимнастику в 1916 г.), Орловского общества гимнастов (II приз 1908 г.), Минского атлетического общества (I приз за бег на выносливость, 1909 г.), Рижского гимнастического общества и др.

Интересны памятники, относящиеся к Русскому гимнастическому обществу (с 1910 г. – «Сокол»), учрежденному в Москве в 1883 г. (ходатайство об учреждении было подано в 1882 г.). Среди 53 подписавшихся учредителей общества были А.П. Чехов, В.А. Гиляровский, известный предприниматель Н.Н. Шустов. В гимнастическом сезоне 1907–1908 гг. в честь 25-летия Русского гимнастического общества было решено организовать в Манеже юбилейный праздник. Этому событию посвящен жетон, представленный в коллекции ГИМ. Праздник состоялся в воскресенье 2 декабря 1907 г. (дата указана на жетоне). Несмотря на плохую погоду, метель и мороз, посетителей и гостей собралось около 2000 человек (*Беляев И.С.* Двадцатипятилетие Русского гимнастического общества в Москве. XXV. 4 Мая 1883–1908 г. М., 1909. С. 49).

Эмблема общества «Сокол» – сокол, несущий в когтях гирию, размещалась на значках и жетонах, печати, знамени общества. Значок Общества носился на цепочке (Устав гимнастического общества Сокол III в Москве. М., 1912. С. 14).

Наряду с сокольской была распространена немецкая гимнастика. В 1863 г. учреждается устав гимнастического общества «Пальма». Основу занятий в нем составляла немецкая гимнастика – Turnen. Знак в честь 25-летия такого общества в Санкт-Петербурге (1883–1908 гг.) представлен в собрании ГИМ. Фридрих Людвиг Ян, основавший первый гимнастический союз «турнферайн», популяризировал лозунг «Frisch, Fromm, Fröhlich, Frei» («Бодрый, набожный, веселый, свободный»), отраженный и на знаке – эмблема в виде четырех букв «F».

Помимо любительских обществ, гимнастика развивалась в армии, в военных образовательных учреждениях, что иллюстрирует жетон «За отличную гимнастику», вручавшийся военным. Чаще всего такие жетоны носили на цепочке вместе с призовыми часами «За гимнастику». В коллекции ГИМ хранится несколько жетонов Главной гимнастическо-фехтовальной школы, подчинявшейся Главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Жетоны, знаки и значки могли изготавливаться из золота, серебра, драгоценных металлов, с использованием эмалей. Они были как российского, так и иностранного производства. Например, знаки для русских «соколов» поставляла специальная гимнастическая фабрика Мирослава Захе в Праге (Вестник русского сокольства. СПб., 1914. № 1. С. 24).

Заслуживают внимания знаки в память Высочайших смотров, прошедших в 1912 г. С 1908 г. стали создаваться молодежные спортивные организации, т. н. «потешные», по аналогии с «потешными полками» Петра I. Дети занимались гимнастикой и изучали военный строй под руководством отставных унтер-офицеров. 1 августа 1912 г. на Марсовом поле прошел Высочайший смотр (смотр принимал Николай II), на который приехало более девяти тысяч потешных со всей России. Знак этого смотра из коллекции Исторического музея был изготовлен в Германии, вероятно, для членов немецкой делегации. Представлен в собрании и знак в память высочайшего смотра Сокольского спортивного общества (5.VII. 1912 г.).

Жетоны, знаки, значки и медали, содержащие имена и фамилии участников соревнований, информацию о дате и месте проведения состязаний, являются не только вспомогательными историческими источниками, дополняющими архивные данные и фотоматериалы. Иногда они становятся единственным сохранившимся свидетельст-

вом соревнований, спортивных объединений того времени, напоминают ныне забытые имена спортсменов.

*А.Н. Медведев, к.и.н., доц.
ИАИ РГГУ*

Китайгородская крепость на древнерусских чертежах (предварительные наблюдения)

Археологические исследования китайгородской крепости в 2016–2107 гг., создание подземного музея в парке «Зарядье», где экспонируется часть москворецкого участка этой стены, возродили интерес специалистов и общественности к этому незаслуженно забытому памятнику оборонного зодчества. Среди огромного списка вопросов, возникших в процессе изучения остатков крепости, одним из главных остается реконструкция ее облика и планировки в разные годы существования. К сожалению, не сохранилось ни одного изображения крепости в XVI в. (за исключением Петрова чертежа 1597 г.), мало изображений осталось от XVII в., причем, большая их часть относится к его второй половине. При этом все изображения созданы либо иностранными путешественниками, либо по их рассказам, поэтому не всегда эти чертежи могут использоваться как достоверные исторические источники.

Особое место в этом ряду занимают русские чертежи. Русских чертежей, изображающих китайгородскую крепость в контексте средневековой Москвы, чрезвычайно мало и они почти не становились объектами исследования. Мы рассмотрим несколько чертежей, хранящихся в фонде № 27 РГАДА.

Первый чертеж относится к 1660-м гг. и представляет собой изображение местности в юго-западной части Китай-города и на набережной Москвы-реки (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 1. № 32). Китайгородская стена изображена на нем как простая линия, однако план позволяет сделать вывод о том, что в это время частные дворы находились в отдалении от внутренней части стены, а в непосредственной близости к стене были сооружены рыбные ряды. Также в стене отмечены Москворецкие ворота (в виде двух арочек).

Чуть более поздний план (по филиграням ближе к 1670-м гг.) показывает участок внутри Зарядья (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. ч. 2. № 4). Крепостной стены на плане нет, однако есть любопытная особенность – прямо от церкви Св. Анны в южном направлении идет дорога, которая явно должна была упираться в стену крепости. Эта дорога является как бы ответвлением от Мокринской улицы, шедшей к Космодамианским воротам Китай-города. Интересно, что о такой дороге нет упоминаний в описании крепости 1645 г., однако

в более раннем описании (1629 г.) мы читаем о воротах, расположенных в этом месте. Любопытно и другое: на известной гравюре Пикара начала XVIII в., представляющей москворецкий участок стены Китай-города, нет никакого указания на наличие выхода к р. Москве. Возможно, к началу XVIII в. этот выход был заложен, однако в самом конце XVII в. продолжал существовать.

Еще один план представляет ситуацию, сложившуюся между 1668 и 1673 гг. в районе нынешнего Китайгородского проезда и Варварской улицы (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. ч. 4. № 49). Здесь мы видим фрагмент стены «города Китая» и схематично изображенную Варварскую башню. Интересно, что по верху стены изображены зубцы типа «ласточкин хвост» (на изображениях XVIII–XIX вв. на этом участке мы видим совсем иные мерлоны).

Иная ситуация в Зарядье представлена на плане 1698 г. (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. ч. 4. № 56). Здесь мы видим изображение одновременно двух крепостных стен – кремлевской и китайгородской. Они почти не отличаются друг от друга. Автор чертежа изобразил эти стены, пытаюсь схематично повторить рисунок кладки. Но даже этот очень упрощенный рисунок показывает, что кремлевская стена была выше китайгородской (8 рядов кладки против 6). Важно, что на чертеже отмечена кровля, покрывавшая стену Китай-города, – она изображена в виде косых линий. Также отметим характерные зубцы типа «ласточкин хвост». К сожалению, чертеж имеет утраты: например, строго на месте, где должны были бы быть изображены Водяные (Спасские) ворота, красуется большая дыра.

Еще один план довольно трудно датировать по филиграням (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. ч. 1. № 14). Здесь также изображен москворецкий участок китайгородской крепости, прилегающий к Кремлю. Изображение стены упрощено и представляет собой прямую линию, однако мы видим Москворецкие ворота, изображенные в виде двух стрельчатых арок.

На планах, хранящихся в РГАДА, представлена и часть северного участка китайгородской стены, обращенного к Тверской улице. Можно отметить два чертежа. На одном из них (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. ч. 1. № 10) показана стена с примыкающим к ней комплексом зданий (Монетный двор?). На Китайгородской стене схематически отмечена кирпичная кладка. Зубцы типа «ласточкин хвост», равно как и деревянная кровля на этом чертеже отсутствуют. Интересно и изображение Воскресенских (Иверских) ворот, которое весьма похоже на другие известные нам изображения этого объекта – два проезда, увенчанные двумя шатрами. Слева от ворот нарисована некая конструкция. Дворы отделены от крепости узким

проходом, ширина которого равнялась «сажени без трети», т. е. около 2 аршин (1,4 м).

Если уж мы упомянули башни и ворота Китай-города, то нельзя не отметить и давно известный в историографии чертеж ул. Ильинки, опубликованный еще в 1914 г. в сборнике «Старая Москва» (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стлб. 482. Л. 38–39). На нем изображен участок прясла, примыкающий к Ильинским воротам крепости и сами ворота. На прясле имеются зубцы типа «ласточкин хвост», хотя на изображениях начала XIX в. (например, на картине Ф.Я. Алексеева) это прясло увенчано характерными «китайгородскими» широкими мерлонами с тремя амбразурами. Изображение Ильинской башни довольно условно, хотя четко выделяется шатровый верх со навершием.

Возможно, дальнейшие исследования позволят расширить корпус изобразительных источников, связанных с китайгородской крепостью. Но уже сейчас можно утверждать, что даже столь условные изображения крепости являются хорошим дополнением к актовым материалам, описывавшим ее состояние в XVII в., и помогут в исследовании истории китайгородских укреплений.

*А.Н. Медушевский, д.филол.н., проф.
НИУ ВШЭ (Москва)*

**Собрание сочинений О.М. Медушевской:
замысел, структура, вклад в научно-педагогическую мысль**

Ольга Михайловна Медушевская (1922–2007) – заслуженный профессор ИАИ и РГГУ, классик российской исторической науки XX – начала XXI вв. Она выдвинула теорию и методологию когнитивной истории, представляющую новую парадигму в современном гуманитарном познании, сформулировала особое научное направление, связанное с разработкой теоретических и конкретных проблем источниковедения, повлияла на целый ряд направлений в исторической науке – философию истории, историографию, историческую антропологию, историческую географию, архивоведение, весь комплекс специальных исторических дисциплин. Сформулированные ею положения о месте и задачах исторической науки определяют нерв современных дискуссий по методологии истории. Этим объясняется большой и возрастающий интерес к идеям, трудам и личности ученого на современном этапе.

Издательством Директ-Медиа предпринято издание собрания сочинений О.М. Медушевской. Оно разделено на четыре тома – по основным направлениям деятельности ученого. В первом томе «Философия истории и теория исторического познания» публику-

ется главный итоговый методологический труд «Теория и методология когнитивной истории», а также основные статьи по этой и близкой проблематике, написанные в основном на завершающей стадии научной деятельности. Данный труд, обладающий всеми признаками «обжигающей новизны», представил новую научную парадигму, вызвавшую поляризацию научного сообщества и способствовал методологической переориентации всей постсоветской гуманитарной мысли и историографии. Его дополняет ряд последних статей, получивших особенно широкий резонанс в научном сообществе как открывающих новые перспективы гуманитарного познания на стыке теории информации, истории, психологии, социологии и исторической антропологии.

Во втором томе «Источниковедение: теория, история, метод» сведены работы разных лет по центральным проблемам теории, истории и методологии источниковедения. К их числу относятся теоретические работы, пособия и главы в коллективных научных и учебных изданиях, отражающие становление, развитие и направления применения методов данной исторической дисциплины в разных областях гуманитарного знания. Можно сказать, что в этих трудах О.М. Медушевской сформулирована та концепция источниковедения, которая остается господствующей в научном сообществе до настоящего времени. Прослеживается эволюция взглядов ученого, позволившая связать проблематику источниковедения с широким кругом других гуманитарных дисциплин – философии, когнитивными науками, вспомогательными историческими дисциплинами. Показан общий вклад источниковедческого подхода в развитие критической научной мысли и гуманитарную культуру XX в.

В третьем томе «Историческая география и антропология» представлены труды ученого в области исторической географии – дисциплины, у истоков формирования которой она находилась, подготовив целый ряд исследовательских трудов по исторической географии, картографии, антропологии и др. Среди них выделяется ее кандидатская диссертация о русских географических открытиях в Сибири, на Тихом Океане и в Северной Америке во второй половине XVIII в., сопутствующие труды по отдельным вопросам и историческим источникам, отражающим географические знания прошлого. Это была новая интерпретация предмета исторической географии, видевшая в ней не просто вспомогательную историческую дисциплину, но фактически – основу исторической антропологии, когнитивного пространственного конструирования и его фиксации в картографических источниках. Эти работы показывают, с какими проблемами сталкивались исследователи этих вопросов в советский период, и как шло становление исторической географии

и исторической антропологии в самостоятельные области знания, которыми они являются сегодня.

Четвертый том «Научно-педагогическая школа» обобщает материалы о становлении, развитии и практическом значении научно-педагогической школы О.М. Медушевской, получившей широкое национальное и международное признание. В данный том включены статьи по вопросам обоснования новой когнитивно-информационной парадигмы – научно-педагогической концепции гуманитарного знания и преподавания в высшей школе. Она была положена в основу создания РГГУ, задумывавшегося О.М. Медушевской как университет нового типа. Представлены труды исследователя, отражающие становление и развитие научной школы ИАИ со времени его образования, в частности – работы о выдающихся ученых и учителях О.М. Медушевской. Здесь сведен комплекс концепций и программ лекционных курсов по тем общим и специальным дисциплинам, которые преподавала О.М. Медушевская, учебно-методические материалы к ним, которые сохраняют несомненную актуальность и в новейшее время.

В собрании сочинений представлен ряд современных исследований о концепции О.М. Медушевской, ее вкладе в формирование научного сообщества историков, а также воспоминания о ней как профессоре и учителе. В данном издании впервые опубликован общий список трудов О.М. Медушевской, диссертаций, защищенных под ее научным руководством, а также список многочисленных трудов о взглядах и вкладе О.М. Медушевской в разные области гуманитарного знания, российскую и мировую науку, педагогическую мысль.

Корпус публикуемых трудов создавался в с 1950-х до 2000-х гг., включает работы различного профиля, имеющих разных адресатов – от ученых до студентов и широкой общественности. В целом, они показывают эволюцию взглядов ученого, неустанную работу по отстаиванию и популяризации научных методов исторического познания, несмотря на навязываемые государством ограничения, особенности педагогической практики рассматриваемого периода. Сохраняет безусловную актуальность призыв О.М. Медушевской к отказу от суррогатных информационных продуктов в гуманитарном познании, пониманию истории как строгой, точной и доказательной науки, выстраиванию новых этических и профессиональных стандартов в академическом сообществе.

Сборники служб русским святым конца XV–XVI века

Ранее считалось, что новый тип книг – сборники служб русским святым, обычно называвшиеся «Книга новых чудотворцев» или «Минея новым чудотворцам», – появился одновременно с созданием Великих Миней Четых в середине XVI в. Но это мнение опровергается дошедшими до нас подобными сборниками конца XV в. Поскольку более ранних таких сборников не обнаружено, то время возникновения первых из них следует отнести к концу того же XV столетия. Данные сборники являются важным источником по истории почитания святых.

Основная идея этих сборников заключалась в объединении прежде разрозненных богослужебных текстов, посвященных святым отдельных центров Руси, в единый цикл. Иными словами, рассматриваемые сборники представляют собой первые примеры осуществлявшейся в то время кодификации служб русским святым с целью упорядочивания почитания последних. Следовательно, в конце XV в. обозначилась тенденция воспринимать русских святых как особую общность, отличную от сонма общехристианских угодников Божиих. Это представление было тогда явным новшеством, хотя предпосылки к его формированию обозначились в Москве еще в середине XV в.

Возникновение указанной обобщающей тенденции совпало с завершающим этапом формирования единого Русского государства в конце XV – начале XVI в. Синхронность того и другого процессов трудно признать случайной. Вряд ли можно сомневаться в том, что политическое объединение вокруг Москвы русских земель обусловило возникновение указанной тенденции.

Значит, самые чуткие к запросам времени и широко мыслящие представители Церкви, наблюдая процесс собирания отдельных земель московским великим князем Иваном III, осознали необходимость подобного же объединения культов русских святых с целью утверждения их почитания в столице и по всей стране.

Чаще всего в рассматриваемых сборниках конца XV в. встречаются службы Алексею митрополиту, Леонтию Ростовскому, Михаилу и Феодору Черниговским, Петру митрополиту, Сергию Радонежскому; несколько реже – Антонию Печерскому, Варлааму Хутыньскому, Димитрию Прилуцкому, Игнатию Ростовскому, Кириллу Белозерскому, Феодосию Печерскому; еще реже – Борису и Глебу, князю Владимиру, Евфимию Новгородскому, Ионе митрополиту, Исаии Ростовскому, Никите Переславскому, Савве Вишерско-

му, Феодору, Давиду и Константину Ярославским и реже всего – Авраамию Ростовскому, Дионисию Глушицкому, Исидору Ростовскому, Пафнутию Боровскому, Стефану Пермскому.

Сам обобщающий характер исследуемых сборников свидетельствует, что все эти святые воспринимались в конце XV в. как признанные Церковью и достойные всеобщего почитания.

В тех же сборниках иногда встречаются службы славянским святым Стефану Сурожскому, Иоанну Рыльскому, а также некоторым другим общехристианским подвижникам благочестия.

Состав рассматриваемых сборников конца XV в. не был унифицирован и определялся, очевидно, доступностью для их составителей соответствующих текстов служб и бытовавшими тогда представлениями о значимости культов святых, которым были посвящены эти песнопения.

Вероятно, если сборник конца XV в. составлялся в определенном регионе, то к службам самым популярным в России на тот момент святым добавлялись службы, посвященные подвижникам благочестия данного региона. Например, в сборник, написанный в 1494 г. в Великом Новгороде для Соловецкого монастыря, были включены, кроме служб древним киевским, московским и другим известным святым, службы угодникам Божиим Новгородской епархии Евфимию Новгородскому и Савве Вишерскому.

В XVI в. сборники служб русским святым получили самое широкое распространение. Они тогда имелись в книжных собраниях Антониева Краснохолмского, Антониева Сийского, Иосифо-Волоколамского, Корнилиева Комельского, Костромского Ипатьевского, Московского Симонова, Московского Чудова, Николо-Корельского, Новгородского Духова, Новгородского Хутынского, Соловецкого, Спасо-Прилуцкого, Троице-Сергиева, Успенского Свинского монастырей. До нас дошел также ряд подобных сборников XVI в., первоначальное местонахождение которых ныне не известно.

Таким образом, представление о русских святых как об особой общности, зародившись в конце XV в., в следующем столетии стало общепризнанным.

В рассматриваемых сборниках конца XV в. количество служб русским святым колебалось от семи до двадцати. В XVI в. подобные сборники начинают включать в себя все больше и больше служб. В сборниках второй половины XVI в. число таких служб стало доходить до сорока и более.

В общей сложности в указанных сборниках XVI в. фигурируют службы следующим русским святым: Авраамию Ростовскому, Авраамию Смоленскому, Александру Невскому, Александру Свирскому, Алексею митрополиту, Антонию Печерскому, Антонию

Римлянину, Арсению Тверскому, Борису и Глебу, Варлааму Хутынского, князю Владимиру, Всеволоду-Гавриилу Псковскому, Григорию Пельшемскому, Димитрию Прилуцкому, Дионисию Глушицкому, Евфимию Новгородскому, Евфимию Суздальскому, Евфросину Псковскому, Ефрему Перекомскому, Зосиме и Савватию Соловецким, Зосиме Соловецкому, Иакову Ростовскому, Игнатию Ростовскому, Иоанну Новгородскому, Ионе митрополиту, Ионе Новгородскому, Исаии Ростовскому, Исидору Ростовскому, Кириллу Белозерскому, Константину, Михаилу и Феодору Муромским, Леонтию Ростовскому, Макарию Колязинскому, Максиму Московскому, Михаилу и Феодору Черниговским, Михаилу Клопскому, Михаилу Тверскому, Никите Новгородскому, Никите Переславскому, Николе Кочанову, Никону Радонежскому, княгине Ольге, Павлу Обнорскому, Пафнутию Боровскому, Петру и Февронии Муромским, Петру митрополиту, Петру царевичу Ростовскому, Прокопию Устюжскому, Савватию Соловецкому, Савве Вишерскому, Савве Сторожевскому, Сергию Радонежскому, Стефану Пермскому, Феодору, Давиду и Константину Ярославским, Феодосию Печерскому.

Своим составом все рассмотренные сборники отражают процесс актуализации культов русских святых и расширения почитания последних в России на протяжении конца XV–XVI в. В XVII в. подобные сборники пополнились службами другим русским святым.

*В.В. Мильков, д.филос.н., в.н.с.
ИФ РАН*

Тема иноного мира

в «Вопросах князя Антиоха и ответах святого Афанасия» и ее место в классификации редакций древнерусского апокрифа

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-04-00523

Древнерусские списки апокрифа восходят к греческому прототипу, в котором читалось 137 вопросно-ответных блоков. В сравнении с ним даже в самых полных древнерусских списках апокрифа не достает от одного до нескольких вопросов-ответов: РГБ. Унд. № 1071. Втор. пол. XVII в. Л. 389б–430б (136 вопросов-ответов); РГБ. Егор. № 63. Нач. XVII в. Л. 126а–155а (134 вопроса-ответа); РНБ. Сол. № 129 (1046). Л. 407а–448а (133 вопроса-ответа); РГБ. Прянишн. № 93. XVIII в. Л. 233а–302б (132 вопроса-ответа); Тр. № 122. XV в. Л. 225а–275а (129 вопросов-ответов); Тр. № 166. XVI в. Л. 206а–255б (129 вопросов-ответов); РГБ. Тр. № 750. XV в. Л. 116а–158а (129 вопросов-ответов); РНБ. Сол. № 259 (317). XVII в. Л. 391а–458б (123 вопроса-ответа). Фиксируется значитель-

ное количество списков, которые содержат по 120 вопросов-ответов, или списки, отличающиеся от них на несколько позиций: РГБ. Тр. № 190. 1418 г. Л. 208а–250а (120 вопросов-ответов); РГБ. Волок. № 158 (522). XVI в. Л. 6а–84а (120 вопросов-ответов); РГБ. Волок. № 163 (529). Втор. пол. XVI в. Л. 216а–290а (120 вопросов-ответов); РГБ. МДА. Ф. 173/1. № 50. Перв. четв. XVI в. Л. 1а–42б (120 вопросов-ответов); РГБ. Егор. № 339. Перв. пол. XVI в. Л. 1а–45б (120 вопросов-ответов); РГБ. Волок. № 149 (512). Втор. пол. XVI в. Л. 38а–93б (120 вопросов-ответов); РНБ. Сол. № 289 (98). XVII в. Л. 151а–198а. (119 вопросов-ответов); РНБ. Сол. № 355. XVII в. Л. 488а–508а (115 вопросов-ответов); РГБ. Егор. № 253. 40-е г. XV в. Л. 366а–400а (111 вопросов-ответов). Посредником между греческой и древнерусской книжностью в трансляции апокрифа, скорее всего, выступали балканские страны. Известны болгарские списки, которые датируются более ранним временем, чем древнерусские (РНБ. F.1.376. 1348 г.; БАН. 12.3.19. Кон. XIV в.).

Апокриф относится к жанру бесед. В нем предлагается разъяснение важных, но не проясненных Писанием проблем. Большая часть вопросов нацелена на раскрытие сокровенного. Среди них выделяются разъяснения, касающиеся смерти, спасения и имеющих к ним отношение ритуалов. К этому же кругу относятся сюжеты о загробной жизни: где находятся души после смерти; что за гробом ожидает грешников и праведников; идут ли души в рай чувственный, или в рай мысленный; как они узнают свое тело в момент воскресения; есть ли общение между умершими, а также между умершими и живыми; бесконечны ли муки; тленен рай или не тленен и каково его местоположение. Композиционно в произведении данные сюжеты образуют ядро, замыкающее на себе другие тематические блоки. В соответствие с онтологической значимостью тем повествование выстроено в следующей последовательности: Бог – ангелы – души – инобытие – человек – ритуальные действия – поступки (грех и благодеяния). Сюжетное решение позволяет подвести базовые постулаты монотеизма под требования нравственного и ритуального поведения человека в перспективе ожидаемой смерти и создать суммарный образ инобытия.

Извлечения из апокрифических ответов Афанасия Антиоху фиксируются уже в ранней русской книжности в виде незначительных по объему подборок. В «Изборнике 1076 года», например, извлечения были соединены с заимствованиями из Кормчей и ответами, которые приписаны Анастасию Синаиту (Изборник 1076 года. 2 изд. Т. 1 / Изд. М.С. Мушинская и др. М., 2009. С. 492–610). В этой выборке абсолютно преобладают суждения о характере и природе греха, а инобытийная тематика не затрагивается. Отличная от

«Изборника 1076 года» выборка из апокрифических «Вопросов и ответов» читается в рукописи конца XII – начала XIII вв. (РГБ. Тр. № 12. Л. 1886–193а). Там дается толкование природы души, вопросов ангелологии и признаков существа бесов. Танатологическая проблематика составителя данной выборки не интересовала. Этот текст типологически сопоставим с выборкой «Изборника», поскольку в нем имеется добавление с отсылкой к Анастасию Синаиту (Тр. № 12. Л. 185а–1886). Исследователи обращали внимание на то, что заимствования из апокрифа в названных рукописях упрощены и адаптированы по сравнению с пословным переводом греческого апокрифа. Указанные подборки предлагалось считать особой, или упрощенной редакцией «Вопросов и ответов» (*Архангельский А.С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1889. С. 37–38). Поскольку в рукописях XVI–XVII вв. также встречаются вопросно-ответные композиции, в которых объединялись тексты Псевдо-Афанасия и Псевдо-Анастасия, данная разновидность повествования оценивалась еще как смешанный тип (*Мочульский В.Н.* Апокрифический элемент в «Вопросах и Ответах св. Афанасия к кн. Антиоху». Одесса, 1900. С. 4–5). Единую линию, которую можно было бы считать особой редакцией, вопросно-ответные композиции не образуют, поскольку представлены разными по составу выборками, ставшими частью разных произведений.

Широкое распространение в древнерусской книжности получили устойчивые в своем составе выборки из апокрифа, включавшиеся в Измарагды, Златоусты и сборники смешанного состава. Нередко в них воспроизводятся по две подборки, составленные на основе «Вопросов князя Антиоха и ответов святого Афанасия»: РГБ. Попова А.Н. № 67. XVII–XVIII вв. Л. 60а–62а, 131а–132а; РГБ. Ф. 173/III. МДА. № 135. Измарагд XVI в. Л. 188а–192б, 3876–391а; РГБ. Тихонр. № 429. Златоуст. XVII в. Л. 239а–241а, 258а–260а. Аналогичные или вариативные им тексты (с сокращениями, дополнениями и иным композиционным построением) читаются в РНБ. Сол. № 259 (317). Измарагд XV–XVI вв. Л. 1356–136а; РГБ. Рогож. № 633. 1593 г. Л. 596–66а; ГИМ. Увар. № 740. Измарагд XVI в. Л. 157а–160а; РГБ. Тр. № 202. Измарагд XVII в. Л. 118а–120а; РГБ. Тр. № 204. Измарагд XVI в. Л. 187а–215а; РГБ. Тр. № 203. Измарагд XVI в. Л. 265а–267а; РГБ. Больш. № 46. XVIII в. Л. 254а–263а; РГБ. Попова А.Н. № 97. XVIII в. Л. 327а–329б; РГБ. Тр. № 204. Л. 187а–214а. Общим признаком является устойчивость состава сходных между собой подборок (*Архангельский А.С.* Указ. соч. С. 62–71). Отличительной чертой указанной группы текстов является проявление большого интереса к тематике иного мира и посмертного существо-

вания, которые рассматриваются в контексте толкования душевных помыслов и спасительных добрых дел.

Итак, распространение апокрифического текста «Вопросов князя Антиоха и ответов святого Афанасия» в древнерусской книжности было представлено двумя редакциями и извлечениями, на основании соединения которых с другими текстами создавались новые произведения. Все разновидности апокрифического повествования восходят к разным переводам. Ближайшая к греческому протографу редакция может быть названа редакцией полного вида, хотя она и представлена списками с разным объемом сокращений (от одного до нескольких десятков статей). Четкой цели и системности в варьировании числа вопросов-ответов не просматривается, а центральная для апокрифа тема иного мира и посмертного существования в качестве идейного ядра произведения остается не размытой. Выборки для Измарагдов и Златоустов, сохранившие чтения идейного ядра произведения, окружались конвоем статей из «Вопросов и ответов». Их можно отнести к редакции подборок постоянного состава, бытовавших в разных версиях. Варианты отдельных извлечений из апокрифа следует считать обычными заимствованиями, которые в смешении с ответами Афанасия Синаита выходят за критерии редакционных признаков. Характерно, что тема инобытия, являющаяся идейным ядром апокрифа, не получила в новообразованиях отражения.

*Н.А. Мининков, д.и.н., проф.
ЮФУ, namininkov@sfsedu.ru*

О численности донских казаков в XVI – первой половине XVII века

Историческая география населения включает вопрос о его численности. За XVI–XVII вв. численность казачьего населения на Дону возрасла. Однако в силу особенностей внутренней жизни казачьего сообщества, боевых потерь и пополнений, а также при отсутствии сколько-нибудь точного учета эта численность определяется приблизительно.

Рост числа казаков на Дону происходил в конце XVI в. Однако данные об их количестве отрывочные. К середине XVII в. был составлен дорожник с указанием 30 казачьих городков по Дону и числом казаков в них. Этот дорожник отражал устаревшие сведения о казачьих городках, относившиеся к концу XVI в. Сведения о числе казаков в городках не точные, с точностью до десятка. При этом о двух низовых городках, Маныче и Черкасском, просто указывалось, что казаков в них «много». Не учитывались городки по притокам

Дона, Хопру и Медведице. Судить об общей численности казаков на основании этого источника трудно.

Капитан Ж. Маржерет писал, что в годы Смуты всего казаков на Днепре, Дону и Волге было 8–10 тыс. человек. Шведский дипломат П. Петрей указывал, что в помощь Лжедмитрию I могло выйти 12 тыс. донских казаков, но это преувеличение. Сведения Маржерета точнее, он, как военный, лучше знал казаков. Под казаками с Днепра капитан понимал также донских казаков, которые жили в Сечи. На Волгу же донские казаки выходили постоянно для «воровского» промысла.

По данным за 1614 г., у семи атаманов низовых городков имелось 1888 казаков. В это число входили далеко не все казаки того времени. Более точные сведения об общей численности донских казаков относятся к 1621 г., когда войско Донское отвечало запорожцам, призывавшим его к участию в Хотинской войне, что «их тепере на Дону немного, только с семь тысяч судовых и конных, ... а большое де их войско пошло на море». Поэтому войско Донское отказало на этом основании запорожцам в помощи. Но группа донских казаков, по более поздним данным, 700 человек, вышла на войну под Хотин.

Известен обычай третчины на Дону, когда при уходе походного войска треть казаков оставалась в своих городках для их защиты на случай нападения противника. И если 7 тыс. казаков составляла треть от войска Донского, то общая его численность была близка к 20 тысячам. На допустимость такой цифры указывает и то, что независимо друг от друга польские авторы, хронисты Збинецкий и Остророг, участник войны Я. Чаплинский, комиссар Я. Собесский, автор дневника Д. Титловский говорили о приходе на помощь полякам и запорожцам под Хотин 20 тыс. донцов. Но, возможно, что среди казаков, о которых говорили польские авторы, имелись и казаки с других рек. Например, Титловский говорил о приходе с донскими казаками волжских казаков. На самом деле с Дона под Хотин пришло 700 казаков.

В 1625 г. станичный атаман А. Старой сообщал в Посольском приказе: «всех де их на Дону и с верхними городки есть с 5000 человек». Есть основание считать, что атаман преуменьшил численность войска Донского. Правительство было недовольно тем, что казаки продолжали активные боевые действия против Турции и Крыма, несмотря на запрет из Москвы. В донских казачьих городках проживало, помимо донских казаков, немало запорожцев. Запорожский полковник А. Шафран, живший на Дону 18 лет, сообщал в 1626 г., что запорожцев на Дону «есть с 1000 человек». В Сечи также проживали донские казаки, по словам Шафрана, «мало не в по-

лы того», или около 500 человек. Тем самым донские и запорожские казаки поддерживали постоянные контакты между собой, и не только в совместных походах, но и в возможности проживания на территории другого казачьего войска.

О росте казачьего населения на Дону в 20-е гг. свидетельствовало некоторое увеличение числа городков. Значительное население было в низовых городках. В 1624 г. казаки городка Маныч разбили отряд азовцев, в котором было 620 татар и ногаев. Значит, в этом городке проживало сопоставимое число казаков. Столь же крупным был Черкасский и некоторые другие городки. Из верховых городков крупными были поселения вблизи Волго-Донской Переволоки – Есаулов, Чир, Голубые, Паншин и Иловля. Это объяснялось близостью городков к Волге, куда казаки ходили для грабежа торговых судов, с выходом на Каспийское море.

Усилившееся войско Донское сумело воспользоваться благоприятной ситуацией и в 1637 г. взять Азов и сделать его своим центром. Во взятии Азова участвовали прежде всего казаки ближайших низовых городков. Казаки из верховых городков оставались в них, и на призыв идти на защиту Азова от турок отвечали: «мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки». За период пребывания казаков в Азове сохранилось больше сведений о численности казачества на Дону, поскольку в Москве интересовались, смогут ли донцы отстаивать Азов. Атаманы отвечали, что по традиции «письма у них людем не живет», но сведения давали. Такие сведения в Москве получали и от приезжавших в Азов служилых людей. В начале 1638 г. воронежец Т. Михнев говорил о 5 тыс. казаков в городе. В том же году атаман М. Татарин подчеркивал, что казаки без помощи царских войск могут защитить Азов и говорил, что на Дону живут 10000 донских казаков и столько же запорожских черкас, что было преувеличением. Казаки со временем несли боевые потери. В период Азовского осадного сидения 1641 г. благодаря приходу в Азов верховых городков, а также черкас «всех людей в Азове тысяч 5 или 6». По официальным данным, Азов защищало 5367 казаков и 800 казачек.

Войско Донское отстояло Азов. Но для защиты разрушенного города на следующий год сил у войска Донского уже не было. По требованию Москвы казаки в мае 1642 г. оставили Азов. Борьба за город привела к ослаблению войска Донского. Турки не только вернулись в город, но временно «сбили» казаков с низовьев Дона. Однако в 1644 г. войско Донское отвоевало Нижний Дон и сделало своим центром Черкасск. Такое ослабление привело к попыткам русских властей полнее подчинить Дон, которые предпринимались при царе Алексее Михайловиче.

Эмблематическое пространство революционной Франции и его расширение. Опыт земель Сардинского королевства

Более чем двухвековая история символов Французской революции хорошо демонстрирует, что они способны играть как объединяющую, так и разъединяющую роль, что они могут оформить национальное сознание и являются неизбежными знаками формирования нации, особенно в периоды восстаний, гражданской войны, борьбы против деспотизма или авторитаризма. Но пространство, в котором эти эмблемы возникали и распространялись, вначале было структурировано традициями. Перефразируя А.П. Черных, можно сказать, что в раннее Новое время и город и государство представляли собой «сложноструктурированное эмблематическое пространство, состоявшее из нескольких уровней визуальных признаков» (Черных А.П. Визуальные признаки в европейском городе средневековья и раннего Нового времени // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике. Сборник статей II Междун. науч. конференции. Казань, 2016. С. 168–169).

Революция несла в себе не только политические перемены, но и стремление к единству, унификации, стиранию границ. «... По естественной ассоциации обретенная свобода с первых революционных дней уподобляется завоеванному пространству. Решетки сокрушены, рвы преодолены, можно свободно прогуливаться там, куда раньше было запрещено входить, – вот вехи важнейшей радости, даруемой революцией, радости освоения пространства, которое было необходимо открыть и подчинить себе» (Озуф М. Революционный праздник. 1789–1799. М., 2003. С. 175–176). По мнению М. Озуф, деятелям революции был присущ «последовательный пространственный волонтаризм», у них имелась «рациональная программа обновления пространства». Революционная аккумуляция, о которой существует обширная литература, происходила быстрыми темпами и в пограничных с Францией регионах. Прежде всего, в землях Сардинского королевства (Савойя, Ницца), где отсутствие языкового барьера, а также тесные экономические связи способствовали проникновению новых идей и повседневных практик.

Отметим, что именно жители Савойи первыми столкнулись с последствиями революции во Франции, именно сюда отправились первые эмигранты. Первая реакция на эмиграцию спровоцировала символическое ее осмеяние: в Шамбери к городским собакам прикрепляли белые кокарды, выражая тем самым презрение к сторон-

никам Старого порядка. За несколько месяцев до этого обсуждался случай в Пуату, где некий дворянин привязал трехцветную кокарду к хвосту своей собаки, за что был подвергнут особому «ритуальному» наказанию. И хотя случай в Пуату оказался вымышленным, вокруг старых и новых эмблем происходили самые настоящие сражения. Тема насмешки над символами прошлого активно развивалась в популярных сатирических эстампах 1790 г., появляется серия картин с посвящением «савойской знати». Именно в Савойе, как это известно из донесений российских дипломатов при Сардинском дворе П.И. Карпова и А.М. Белосельского, задолго до присоединения этой территории к Франции в 1792 г., местным населением были приняты эмблемы революции: кокарды, красные колпаки и установлены деревья свободы. Профранцузский энтузиазм савойцев не был пропагандистским конструктом, в самом деле, эта область практически без особого труда отошла французам.

Основная же территория королевства – Пьемонт и о. Сардиния были лучше защищены от вторжения французских войск и флота, кроме того, иной здесь была как языковая среда, так и ситуация с политическими коммуникациями. Среди просвещенной элиты Пьемонта циркулировали не только тексты о французских событиях, но и эмблемы. Так, во время следствия по делу Н. Вансона отмечалось, что он появлялся в публичных местах в красном колпаке и носил часы с революционной эмблемой. Вместе с тем влияние Французской революции на общественные настроения нельзя было недооценивать. Так, королевским указом в 1792 г. создаётся милиция, при анализе устава которой просматриваются аналогии с французской национальной гвардией. В попытке вызывать патриотический подъем копируют и еще одно французское новшество: «Туринское мещанство получило на сих днях позволение носить синюю кокарду, такую же как у военных людей, в знак верности и приверженности к государю. Эта мелкая уловка, отличающая будто добрых, не может одобрена быть степенными людьми. Злонамеренные также в состоянии нарядится в эту вывеску. Она же пахнет как-то парижскою теперешнею гнилью; а сверх таво и может открыться явно в две противныя партии, кокардники и безкокардники и которыхя со временем отрыгнут межеусобную злобу; что по причине ехидной природы здешнего народа очень статья может. Надлежало было или предоставить военный бант одним только вооруженным и записным охотникам, или приказать его носить всякому здоровому человеку, без разбору состояния чина и рода. Теперь только одни черные мастеровые и лавочные сидельцы в кокарде щеголяют, а мужики, домовые люди, купцы, художники дворяне, или о том не думают или насмеваются» (АВПРИ. Ф. 85. Сношения России с

Сардинией. Оп. 85/2. Д. 101). Как видим, новаторство двора не вызвало широкой волны народного сочувствия.

Таким образом, реальное расширение государственных границ Франции хронологически, как это видно на примере Савойи, не совсем совпадало с процессом утверждения революционного дискурса в сознании общества на данной территории, иными словами, принятие дискурса и повседневных практик произошло до прихода французских войск. Эмблематическое пространство в близлежащих от Франции землях расширялось вместе с распространением печатного слова и устной информации. Примеры из жизни Пьемонта позволяют сделать вывод о том, что местные элиты адекватно воспринимали идеологическую угрозу, исходившую из революционной Франции, и в визуальных коммуникациях пытались найти ей соответствующий противовес. Расширение на эти земли французского эмблематического пространства, произошедшее уже в 1796–1797 гг. во время Итальянского похода под командованием Бонапарта, а также позднее, было хорошо подготовлено.

*Е.Ю. Мокерова, к.и.н., доц.
Вятский ГУ*

Архивные источники и формирование региональных топографических сводок нумизматических материалов до начала XX в. (на примере Вятской губернии)

Реконструкция денежного обращения любого региона России определенного хронологического периода должна проводиться с учетом изучения топографической сводки нумизматических материалов (кладовых комплексов, единичных находок, находок в археологических памятниках), составленной на основе разнообразных источников. На данный момент исследователи выделяют следующие категории источников: опубликованные отчеты Императорской Археологической комиссии (ОАК), списки монетных находок, составленные в свое время нумизматами; информация из прессы и музейный фонд (*Смирнов М.И.* Значение находок кладов с медной монетой XVIII столетия для изучения социально-экономической истории России. К вопросу о создании топографии медных кладов // Нумизматический сборник. М., 1992. № 2. С. 13, 14). Однако, на наш взгляд, для формирования топографических сводок, по крайней мере, досоветского периода, не менее важное значение имеет архивная информация: сведения из архива Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН) и региональных архивов (в данном случае ГАКО – Государственного архива Кировской области).

Императорская Археологическая комиссия (ИАК) – единственное государственное учреждение, претендовавшее с 1859 до 1917 г. на значение единого научного центра, где стремились зафиксировать все найденные в стране разного рода «древности». Под влиянием комиссии в 1860-е гг. Вятский губернский Статистический комитет (ВГСК) приступил к регистрации находок в Вятской губернии. Обнаруженные предметы проходили по «цепочке»: находчик передавал их уездному исправнику; тот, в свою очередь, посылал их вятскому губернатору с соответствующим рапортом. Губернатор представлял находки и рапорт в ВГСК. Далее, комитет посылал найденное в ИАК (Санкт-Петербург), где члены комиссии определяли ценность и публиковали весьма краткие сведения в ОАК. «Древности», датировка которых относится к периоду до XVIII в., проходили по этой «цепочке» в обязательном порядке. Для некоторых монетных кладов более позднего времени «цепочка» обрывалась уже в Статистическом комитете, в ряде случаев самостоятельно принимавшего решение не отсылать их дальше.

Следовательно, в ГАКО наиболее информативными являются фонды Ф. 574 – дела ВГСК и Ф. 582 – дела вятского губернатора, а в архиве ИИМК РАН – ДАК – дела Императорской Археологической комиссии.

Автором были изучены свыше двух сотен архивных дел с информацией о нумизматических находках, датируемых VII–XIX вв., сделанных на территории Вятской губернии в XIX – начале XX вв.: восточных и русских монетах, платежных слитках. В целом выявились следующие моменты:

1. Немаловажное значение имеет вопрос о том, кто определял вятские «древности». В ДАК сохранились рукописные заметки крупнейших нумизматов второй половины XIX – начала XX вв. (И.И. Толстого, В.Г. Тизенгаузена, А.А. Ильина А.К. Маркова и др.) о составе вятских монетных кладов – ценные дополнения к тем кратким сведениям, которые публиковались в ОАК, и к тем скромным отпискам, высланным в ВГСК.

2. В ДАК находится информация о совершенно неизвестных по делам ГАКО вятских монетных кладах и, наоборот, в ГАКО хранится информация о находках, не отосланных в Санкт-Петербург. При этом данные из разных архивов могут быть не повторяющимися, а дополняющими друг друга.

3. Часть рапортов уездных исправников содержала определения монет из кладов XVIII–XIX вв. (именно они часто не попадали в ИАК) по номиналам, датам чеканки, в некоторых случаях и по местам чекана, в то время как монеты предыдущего периода исправниками определялись исключительно как «древние» или «старин-

ные». Таким образом, нам удалось восстановить, по крайней мере, состав 1/3 известных кладов указанного периода.

4. Рапорты фиксировали довольно точные сведения о месте тазаврации. Эти знания необходимы при картографировании находок, так как существовала и существует созвучность некоторых топографических названий. Вследствие чего неверные топонимы, связанные с местонахождением «нумизмов», были напечатаны в разного рода материалах. Например, Яранский уезд Вятской губернии подменяли Яренским уездом, который входил в состав Архангелогородской / Вологодской губернии.

5. В рапортах уездных исправников отмечены обстоятельства находки и фамилии находчиков, что позволило в отдельных случаях однозначно соединить некоторые разновременные находки, сделанные на одном и том же поле представителями одной семьи, в единые комплексы.

6. В ряде архивных дел находились рисунки и фотоснимки монет и платёжных слитков, по которым можно получить визуальное представление о находках. При помощи архивного изобразительного материала появилась возможность идентифицировать часть депаспортизированных предметов нумизматической коллекции Кировского областного краеведческого музея.

7. По архивным материалам прослеживается судьба разрозненных предметов из когда-то единых кладов монет и платёжных слитков. В ИАК сильно сказывался исследовательский приоритет единичной монеты над комплексом, а так же то, что к выборочным монетам из кладов сохранялся не научный, а скорее коллекционный интерес. Наиболее ценные экземпляры отбирали для коллекций Исторического музея или Эрмитажа. Кладовые комплексы часто дробили: часть пересылали в Вятку вместе с ответом для публичного музея либо владельцу клада, распределяли по архивным комиссиям, музеям, университетам других городов, часть находок переплавляли на Санкт-Петербургском монетном дворе.

8. В XVIII – начале XX вв. зарегистрированы монетные клады на территории губернского города Вятки. Установление конкретных адресов и владельцев городских усадеб по архивным материалам (другим фондам ГАКО) позволит в дальнейшем проанализировать социальную природу монетных комплексов.

Таким образом, архивные источники позволяют ввести в научный оборот и совершенно новые, и дополнительные сведения о нумизматических находках, сделанных на территории Вятской губернии.

О времени возникновения Каргополя

В древнейшей истории Каргополя много загадок, так как сохранилось крайне мало достоверных письменных источников о городе. Даже первое сообщение, официально принятое за дату основания города, вызывает много вопросов, поскольку взято из недошедшей до нас летописи.

Этот источник видел в XVIII в. местный губернатор Г.Р. Державин, но потом летопись бесследно исчезла. В ней сообщалось, что Каргополь основал в 1146 г. белозерский князь Вячеслав после похода на племя чудь. Однако из существующих ныне летописей известно, что род белозерских князей образовался только в середине XIII в. Его родоначальником был сын ростовского князя Василько Константиновича Глеб (ПСРЛ. М., 2004. Т. 23. С. 167). Князь Вячеслав, которому приписывается основание Каргополя в 1146 г., мог быть сыном великого князя Владимира Мономаха, но в 1138 г. он правил в Переяславле Южном, а с 1139 г. по 1150 г. находился в Киеве вместе с великим князем Изяславом Мстиславичем (Там же. С. 287, 291, 326).

В середине XII в. Белоозеро с окрестностями принадлежало сначала Юрию Долгорукому, потом его сыну Андрею Боголюбскому, в конце века – Всеволоду Большое Гнездо (Там же. С. 410).

Сообщение неизвестной летописи об основании Каргополя только в 1146 г. представляется странным. Водный путь по р. Онеге был известен русским князьям со времен легендарного новгородского князя Рюрика, отправившего на Белоозеро своего брата или соратника Синеуса в 862 г. (Там же. С. 19). Археологические данные подтверждают этот факт.

Заставу у истоков р. Онеги около оз. Лаче уже в XI в. могли создать энергичные новгородские князья, активно осваивавшие северные районы. Одним из них был Ярослав Мудрый, правивший в Новгороде не менее 20 лет. Крупная застава была у него на р. Которосль в районе впадения ее в Волгу. Там возник город Ярославль. Аналогичным образом, очевидно, был основан и Каргополь, находившийся на той же транспортной магистрали, ведущей с севера в центр и на юг.

Название Каргополь, видимо, было связано с особенностями местности, в которой он был расположен, а не с именованием ворон «карга» и полем, над которыми они якобы летали. Согласно толковому словарю Даля, «карга» – это железная скоба, коряга на дне реки, пешая дорога по краю реки (*Даль В.* Толковый словарь. М.,

1979. Т. 2. С. 91). Слово «поле», по мнению Даля, означает простор. Поэтому можно предположить, что названия Каргополь означало широкую дорогу вдоль реки или озера. В древности она, видимо, существовала, поскольку оз. Лаче было мелким для судоходства.

Данное толкование позволяет понять и название находившегося недалеко от Каргополя города Карголом. Слово «лом» у Даля означает кусок, часть чего-то. Значит, Карголом может означать отрезок прибрежной дороги или излом на ней, но никак не «сломанную ворону».

О существовании Каргополя в домонгольское время дают сведения некоторые литературные сочинения, например, «Моление» или «Слово» Даниила Заточника. Различия между этими произведениями небольшие, поэтому их можно считать двумя редакциями одного текста. В произведении Даниила нет конкретных данных ни о нем самом, ни о времени, когда он жил. Автор лишь сообщал о том, что находился в заточении на оз. Лаче и просил о заступничестве князя Ярослава (Древнерусская литература: Хрестоматия. М., 1966. С. 100–106).

Сведения о Данииле обнаруживаются в Троицкой летописи начала XV в. и в связанной с ней Симеоновской летописи в статье 1378 г., рассказывающей о некоем попе, взятом в плен великим князем Дмитрием Ивановичем во время битвы на р. Воже с ордынским военачальником Бегичем. В выяснилось, что поп привез целый мешок ядовитых корешков, которыми, видимо, хотел отравить русских воинов. За это по указанию Дмитрия Ивановича он был отправлен в тюрьму на оз. Лаче. Там, как заметил летописец, некогда сидел Даниил Заточник (*Приселков М.Д.* Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 417).

Данная информация позволяет сделать вывод о том, что в XIV в. на оз. Лаче существовала великокняжеская тюрьма, куда отправляли наиболее опасных преступников. В их числе был и Даниил Заточник. Но он жил раньше попа-отравителя, поскольку просил защиты у князя Ярослава. Ряд исследователей предположили, что адресатом Даниила был великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович, получивший верховную власть в Северо-Восточной Руси после ордынского нашествия. Однако в произведениях Даниила нет даже намека на то, что он писал после этого страшного для русских земель события. Значит, адресатом Даниила был другой князь, например, Ярослав Владимирович, правивший в Новгороде в 1182–1199 гг., правнук Владимира Мономаха, о котором Даниил упоминал как о предке своего адресата. Именно к этому князю Ярославу, по нашему мнению, и обращался за помощью Даниил, поскольку он не называл его великим князем.

Острог около оз. Лаче, видимо, существовал несколько веков, поэтому вокруг него и стал возникать торговый город Каргополь.

В начале 1447 г. в этом городе пытался заточить в тюрьму великую княгиню Софью Витовтовну двоюродный брат и соперник великого князя Василия Темного Дмитрий Шемяка (Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000. С. 365–366)

В конце XV в. в Каргополе вновь появились знатные узники-казанские князья и члены их семей. Проводя политику подчинения Казанского ханства Москве, великий князь Иван III не раз сменял в нем правителей и отправлял в далекую тюрьму тех, кто был ему неугоден. В 1537 г. после смерти правительницы Елены Глинской в один из каргопольских монастырей была пострижена мамка будущего царя Ивана Грозного Аграфена Челяднина. В 1562 г. в этой же обители оказалась опальная княгиня Курлятева (ПСРЛ. М., 2009. Т. 29. С. 32, 300). В 1587 г. в Каргополь отправили провинившегося князя А.И. Шуйского, в 1607 г. – мятежника Ивана Болотникова и др.

Таким образом, проведенное исследование дает право сделать вывод о том, что Каргополь возник приблизительно в то же время, что и Ярославль. Местом закладки будущего города стал левый берег р. Онега около оз. Лаче, на котором сначала была организована княжеская таможенная застава и возведен острог. Сам город стал формироваться приблизительно в XIV–XV вв. уже как торговый центр.

*В.В. Мурзин-Гундоров, н.с.
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Князья Мещерские: две семьи из первой линии третьей ветви в некрополе Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря

Данная публикация является частью исследования посвященного изучению семейного некрополя 1-й линии 3-й ветви князей Мещерских, которые нашли упокоение в стенах Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в 40-х – 80-х гг. XVIII столетия. В одной из своих работ нами уже делась попытка внести коррективы в родословную роспись этой княжеской династии. В частности, атрибутированы члены семьи и близкородственное окружение князя Михаила Ивановича Мещерского (1702 – до 1761 гг.) и его супруги княгини Екатерины Васильевны, урожденной Юшковой (1720? – после 1761 гг.) (*Мурзин-Гундоров В.В.* Некрополь Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря: уточнение к родословной росписи первой линии третьей ветви князей Мещерских // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII ежегодной междунар. науч. конференции Мо-

сква, 14–16 апреля 2016 г. / Ю.Э. Шустова (отв. ред.) и др. М., 2016. С. 384–386). Шесть поколений из их родственного клана Юшковых – Борщовых – князей Мещерских – Алексеевых – Самариных – Лизогуб – Петровских нашли упокоение в обители, хоронясь на протяжении 149 лет (1726–1875 гг.) (МВК МО «Новый Иерусалим» (ИАХМ – «Новый Иерусалим»). Ф. 1. Оп. 1. Д. 389, Д. 1597).

Проблематика настоящей работы затрагивает некрополь 2-й семьи князей Мещерских – семью князя Фёдора Васильевича Мещерского (8.11.1698 – 14.07.1756 гг.), видного российского государственного деятеля, сенатора, генерал-майора, члена Военной коллегии, обер-коменданта Санкт-Петербурга и обер-коменданта Санкт-Петербургской Петропавловской крепости, погребённого на комендантском кладбище Петропавловской крепости. Ближайшие члены его семьи составляют второй некрополь этой семьи, он охватывает четыре поколения родственного клана князей Мещерских – Вельяминовых – Плещеевых – князей Голицыных – де Боли и составляет 48 лет (1773–1821 гг.). Перечислим погребённых в Ново-Иерусалимском некрополе членов семьи князя: его супруга княгиня Марфа Петровна Мещерская (ок. 1706 – 07.03.1772, в первом браке жена Семена Ивановича Плещеева, дочь прокурора Камер-коллегии П.Б. Вельяминова, перезахороненная в некрополе Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в феврале 1773 г.) (МВК МО «Новый Иерусалим» (ИАХМ – «Новый Иерусалим»). Ф. 1. Оп. 1. Д. 343. Л. 1–3; Истринская земля. М., 2004. С. 177, 178, 208–210), его внучка – княжна Анна Юрьевна Мещерская (06.06.1787 – 27.02.1789 гг., дочь князя Юрия Федоровича и княгини Прасковьи Платоновны Мещерских), его падчерица – княгиня Мария Семеновна Голицына (ум. 18.12.1776 г., урождённая Плещеева), внучка его супруги от первого брака – княжна Елена Петровна Голицына (ум. 30.12. 1820 г.), правнучка его супруги от первого брака – девица Екатерина Августиновна Де-Боли (ум. 08.01.1821 г.) (МВК МО «Новый Иерусалим» (ИАХМ – «Новый Иерусалим»). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1049, Д. 1050).

Исследование показало, что более позднее по времени захоронение 2-й семьи князей Мещерских по отношению к 1-й семье, начавшей хорониться раньше в обители, выглядит совсем не случайным. Поэтому в своей работе нами была сделана очередная попытка прояснения неточностей родословной росписи князей Мещерских с целью привязки не внесённого в родословную роспись князя Фёдора Васильевича к конкретной ветви рода. Для этого был проведён анализ по шести князьям Мещерским с XV–XVIII колена (один – 1-й ветви, один – 2-й ветви, три – 1-й линии 3-й ветви, три – 2-й линии 3-й ветви) репродуктивного возраста и носителям имени «Василий», родившихся в 1640-х гг. и умерших не ранее 1698 г.

Используя его дату рождения и отчество «Васильевич», а также информацию о его близкородственном окружении, мы пришли к выводу, что наиболее очевидным выглядит потенциальное отцовство князя Василия Алексеевича Мещерского (XV колено) по отношению к князю Ф.В. Мещерскому и его сёстрам княжне Анне Васильевне Мещерской (ум. после 1736 г., супруги крикс-комиссара, действительного статского советника Л.В. Боборькина) и княжне Марии Васильевне Мещерской (ок. 1692 – 1736 гг., в первом браке жене М.С. Милославского, во втором браке жене генерал-майора Н.И. Румянцева, их дочь известная наперсница Екатерины II – Анна Никитишна Нарышкина, двоюродная сестра генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского).

Предполагаемое нами отцовство с привязкой князя Ф.В. Мещерского наиболее убедительно выглядит на фоне последующего погребения в некрополе Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря членов его семьи в том же родственном окружении соплеменников из той же 1-й линии 3-й ветви князей Мещерских. Подчеркнув принадлежность князя Ф.В. Мещерского к ветви вышеупомянутого князя Михаила Ивановича Мещерского, члены семьи которого в то же самое время погребались в обители, мы склонны принять, что к близкому для нас выводу склонялся и автор «Российской родословной книги». Однако, в отличие от нас, он приписывал в отцы князю Ф.В. Мещерскому родного брата князя Михаила Ивановича – князя Василия Ивановича (1698–1778), коллежского советника, генерал-провиантмейстера и сенатора. Князь П.В. Долгоруков, вероятно, знал, что эти лица являлись членами одной семьи. Заблуждение историка можно оправдать исключительно незнанием даты рождения князя В.И. Мещерского, рождённого в том же 1698 г., что и приписанный ему в сыновья князь Фёдор Васильевич, который доводился ему троюродным дядей. Дальнейшее продолжение работы предполагает внесение существенных корректив в родословную роспись князей Мещерских.

*Л.П. Муромцева, к.и.н., доц.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Роль книги в сохранении культурной идентичности русской послереволюционной эмиграции

Книга как символ отечественной культуры, продукт творческой и научной деятельности, наконец – предмет искусства, занимала одно из центральных мест в общественной и повседневной жизни зарубежной России. Трудно переоценить и роль периодической печати, на протяжении нескольких десятилетий создававшей единый

информационный каркас российского зарубежья, выражавшей интересы различных социальных и профессиональных групп эмиграции.

В ситуации национального «рассеяния» русский язык оказался главным признаком принадлежности к ушедшей России. Печатное слово было не только самым эффективным, но и практически единственным действенным способом сохранения и передачи культурных традиций. Именно поэтому издательская деятельность и система распространения русскоязычной литературы являлись важнейшим аспектом общественно-политической и историко-культурной жизни зарубежной России. Процесс сохранения языковой идентичности в эмиграции требовал постоянного возобновления, количественного и качественного развития литературного слова, что обеспечивалось творческим трудом писателей, поэтов, публицистов и журналистов зарубежной России, а также феноменальной по своей активности и многообразию издательской деятельностью, которая включала и собрания сочинений русской классики, и элитарные художественные альбомы, и рукописные информационные листки, размножавшиеся на ротаторе для нескольких десятков читателей.

В условиях послевоенной инфляции и относительной дешевизны в Германии была создана особенно благоприятная обстановка для издательского предпринимательства. В Берлине в первой половине 1920-х гг. действовало 87 русских издательств и 20 книжных лавок (*Попов А.Н.* Русский Берлин. М., 2010. С. 161–162). Наиболее значительный вклад в издание классической русской литературы и произведений ведущих авторов российского зарубежья внесли такие издательства, как «Слово», «Геликон», «Знание», «Медный всадник», «Петрополис», в деятельности которых возрождались и развивались литературные традиции, создавались замечательные образцы книгоиздательского искусства.

Развитию высокого уровня русского книгоиздательства способствовала деятельность созданного в Берлине «Общества ревнителей русской книги», ставившего целью объединение любителей русского книжного искусства и содействие последнему путем выпуска специальных изданий, проведения выставок, конкурсов, организации докладов. В этом же направлении действовали «Союз журналистов и литераторов», образованный в сентябре 1921 г. И.В. Гессеном и созданный в 1922 г. «Клуб писателей».

Изменение внутривосточной обстановки в Германии обусловило перемещение центра литературно-издательской деятельности российской эмиграции в Европе из Берлина в Париж. В.В. Ефременко упоминает о 27 русских издательствах, существовавших во Франции в межвоенный период (*Ефременко В.В.* Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917–

1939 г. Автореф. канд. дисс. М., 2008. С. 29). Среди них выделялись издательства двух ведущих русских журналов – «Современных записок» и «Иллюстрированной России». Старейшее в Париже издательство Я.Е. Поволоцкого, основанное еще в 1910 г., получило наибольшую известность благодаря начатому девять лет спустя выпуску серий книг под названиями «Детская серия», «Библиотека современных писателей», «Миниатюрная библиотека». Одно из центральных мест в издательском мире российского зарубежья занимало издательство «YMCA-PRESS», основанное в 1921 г. в Праге «Христианской ассоциацией молодых людей» (YMCA). С 1925 г. «YMCA-PRESS», переместившееся в Париж, становится главным издателем русской периодики, религиозной, философской и частично художественной литературы, которая вошла в золотой фонд русской и мировой научной мысли: труды Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, С.Л. Франка (Журналистика русского зарубежья XIX–XX вв. / Под ред. Г.В. Жиркова. СПб., 2003. С. 14).

Крупным центром была также Прага. Необходимо упомянуть основанное в 1919 г. Б.В. Морковиным при «Чешско-Русском обществе» («Чешско-русская еднота») издательство «Наша речь» и ставшее его преемником издательство «Пламя». За период 1923–1926 гг. им было издано более 100 наименований книг и брошюр.

Издательскую деятельность вели также научные учреждения и общества, учебные заведения, культурные организации, прежде всего Институт им. Н.П. Кондакова, Экономический кабинет профессора С.Н. Прокоповича, Русский институт, «Русское историческое общество», Русский народный (с 1934 г. – Русский свободный) университет и др.

В Белграде в 1920–1941 гг. существовало не более 20 русских эмигрантских издательств и книготорговых предприятий. Наиболее известными были издательство братьев Грузинцевых и Русская типография С.Ф. Филонова в Новом Саде, которые отпечатали почти половину всех русских книг, вышедших в Югославии.

С 25 по 30 сентября 1928 г. в Белграде состоялся единственный в русском зарубежье Всеэмигрантский съезд русских писателей. Результатом его стало образование при Сербской Академии наук особой «Издательской комиссии», выпустившей в 1928–1936 гг. три серии изданий: «Русская библиотека», состоящая из 43 книг современных русских авторов; «Детская библиотека», в которой вышло 11 книг; «Библиотека для юношества» – 2 издания.

На Дальнем Востоке активность литературно-издательской деятельности российской эмиграции была сосредоточена в Харбине и Шанхае. Многочисленность российской диаспоры в Китае создава-

ла высокий спрос на русские книги и периодику (*Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. С. 431–443*).

Российская эмигрантская интеллигенция придавала огромное значение периодической печати, следуя и дореволюционной традиции, и насущной потребности в коммуникативных связях, которые диктовались условиями эмиграции. По подсчетам зарубежных исследователей с 1918 по 1932 г. за границей выходило от 1054 до 2120 газет и журналов русских эмигрантов (*Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов // Русский мир в XX веке. В 6 т. М., СПб., 2014. Т. 2. С. 286*).

В целом можно сделать вывод, что книжное дело русской эмиграции первой волны в неблагоприятных экономических и финансовых условиях сумело не только выполнить поставленные задачи – обеспечить русскую диаспору русской книгой и периодикой, но сохранить и развить традиции русского дореволюционного книжного дела. Г.П. Струве писал, что «зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который – придет время – вольется в общее русло этой литературы» (*Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Париж; М., 1997. С. 24–25*). Это предсказание воплотилось в жизнь в конце 1980–1990-е гг., когда в России был открыт свободный доступ к эмигрантским книгам и журналам, хранившимся в «спецхранах», и началось переиздание литературного наследия российской эмиграции.

*В.Д. Назаров, с.н.с.
ИВИ РАН*

Три загадки завещания П.М. Плещеева

Свою духовную Петр Михайлович, третий сын от первого брака М.Б. Плещеева диктовал в начале 1510 г. (АРГ. № 59. С. 64–65). Его возраст нетрудно определить: он родился в начале 1440-х гг. и в 1510 г. ему было от 65 до 70 лет (АСЭИ. Т. 1. № 181. С. 131). Первое значимое назначение он получил в 1478 г., в 1482–1483 г. ездил со старшим братом А. Плещеевым в Молдавию за дочерью Стефана Великого, будущей женой великого князя Ивана Ивановича Молодого. Не позднее октября 1487 г. он получил чин окольничего (РИО. Т. 35. С. 1, 4). В 1490 – начале 1495 гг. Петр Михайлович – второй наместник в Новгороде (*Пащикова Т.Н. Наместники и волостели. С. 142*), в 1495–1496 г. сопровождал Ивана III в поездке в Новгород (он первый из окольничих), в 1499 г. – наместник в Козельске и участник в пограничных конфликтах (РИО. Т. 35. С. 280, 282 и др.). В 1500 г. в походе на Путивль большой рати командовал Сторожевым

полком, в 1501 г. сопровождал как окольничий будущего великого князя Василия III в поездке в Тверь. Последняя его официальная служба – глава русского посольства в Великое княжество Литовское в мае – сентябре 1503 г. Затем он упоминается в июне 1504 г., когда выиграл местническое дело у П.Г. Заболоцкого. (РИО. Т. 35. С. 412–439; РК. 1605. С. 81–86). Службы и назначения Петра Михайловича при Василии III неизвестны. Перед нами представитель старомосковского боярского рода, видный администратор, воевода и дипломат, чья успешная карьера пришлась на правление Ивана III.

Таков биографический контекст духовной. В нем нет свидетельств о связи завещателя с Троице-Сергиевым монастырем. А ведь перед нами подлинник духовной (точнее один из экземпляров подлинника), дошедший до нас во владельческом архиве обители. В завещании монастырь не упоминается в качестве адресата заупокойных вкладов. Что удивительнее – в тексте вообще нет привычных распоряжений по этому поводу. Правда, стандартный вклад для «вечного поминания» в 50 руб. в Троицу обитель Плещеев сделал уже в августе 1508 г. Ничего не меняет и присутствие среди душеприказчиков троцкого старца Вассиана Ковезина. Разгадку находим на обороте документа и в купчей 1517/18 г. Помета гласит: «духовная на село Нохабинское с деревнями», купчая же фиксирует продажу в монастырь села за 400 руб. Василием Петровичем, старшим сыном завещателя (ВКТСМ. С. 41; АРГ. № 59. С. 62, 65; № 152. С. 147). Правда, село должно было перейти обители гораздо раньше и бесплатно. Троицкий инок Иона (в миру Иван Михайлович Плещеев) в августе 1482 г. передал Нахабенское своей матери Марии с обязательство отдать в монастырь после смерти. Но село оказалось у Г.М. Плещеева, а у трех его сыновей приобрел завещатель, отдавший его Василию (АСЭИ. Т. 1. № 499. С. 377–378; АРГ. № 59. С. 62; см. также комментарий к завещанию Л.И. Ивиной – Там же. С. 308).

Вторая загадка связана с датой явки завещания – 24.02.1510 г. Обычно духовные составлялись незадолго до смерти завещателей, но в особых обстоятельствах писались и заранее. В 1510 г. их вроде бы не было, прожил же Петр Михайлович еще не менее семи лет: 13.09.1516 г. и 28.01.1517 г. он сделал два крупных вклада в обитель деньгами и серебряной посудой (ВКТСМ. С. 41). В начале 1510 г. он явно был в неплохой физической форме: в сопровождении свидетелей (дмитровских детей боярских Ф.С. и И.С. Сурминых) и писца документа (протопопа Успенского собора в Дмитрове) Плещеев лично явил грамоту митрополиту Симону. Думаем, что диктовал он ее в Дмитрове, откуда и прибыл в Москву. При том вряд ли роль Сурминых была чисто формальной – их родственник Ф.Ф. Сурмин в 1505–1519 гг. был дворецким митрополита (Плещеев знал его).

Стремительность в оформлении духовной связана с семейными и конъюнктурными причинами. Плещеев отделил Василия и Ивана (их службы известны в 1495–1496, 1499 гг.) до 1510 г. Главное в завещании – движимость и недвижимость, передаваемые третьему сыну, Андрею, в т. ч. подворье отца «со всем подвореным и домашним животом». Трижды подчеркнут запрет братьям как-либо «вступатца» в долю Андрея. О владениях и имуществе самого Петра Михайловича ничего не говорится. Отсюда выводы. Первый: Плещеев прожил последние семь лет с Андреем. Второй: он придал завещанию высший правовой статус – официальную санкцию митрополита, причем во время долгого отсутствия Василия III в Москве (он выехал 23.09.1509 г. и вернулся после присоединения Пскова 17.03.1510). Он явно опасался опалы великого князя.

Третья загадка – упоминания великих князей и государей в завещании. Первое связано с судом о луге с крестьянами Переяславского уезда: завещатель надеялся, что «пожалует мяне государь князь великий тем лугом». Это Василий III, не названный по имени. Во втором случае речь идет об обмене землями в Верейском уезде: Плещеев получил великокняжеское село от дьяка Н. Кобелева. Он неизвестен при Василии III, так что здесь имеется в виду Иван III, фигурирующий также без имени (обмен произошел или в конце 1480-х гг. или в 1496–1498 гг.). По имени назван только Юрий Иванович, удельный князь Дмитровский. Его Петр Михайлович именуется «своим государем», в духовной излагается и прямо цитируется (что уникально) жалованная грамота князя Юрия «с отводом» ему на две деревни и луг в Звенигородском уезде «в вотчину» (они соседствовали с владением Плещеева, купленным до 1504 г.). Переход завещателя в удел князя Юрия датируем летом – началом осени 1509 г. или 1508 г. Обычно межевали владения в эти месяцы, а цитирование разъезда в духовной говорит о нем как недавнем событии. Прямые и косвенные данные фиксируют службу в уделе Андрея Плещеева и И.В. и Н.И. Плещеевых – сыновей старших его братьев. Не исключено, что к концу 1510-х гг. на службу в удел перешли и сами братья – В.П. и И.П. Плещеевы. Но во время составления духовной (вряд ли очень быстрого) «государем» отца и младшего сына был князь Юрий; старшие же сыновья служили великому князю (по духовной у них не было земель в уделе). И здесь прямой стимул для закрепления санкцией митрополита земельных распоряжений завещателя.

Были и факты, порождавшие опасения П.М. Плещеева. Он не получал назначений при Василии III, а судьба князя В.Д. Холмского, который фактически вел местническое дело Плещеева в 1504 г., была для него показательной. Бывший зять Ивана III (свадьба со-

стоялась в феврале 1500 г., а умерла Феодосия в 1501 г.), претендовавший на роль и статус князя И.Ю. Патрикеева (до его опалы в январе 1499 г.), утратил позиции в 1506–1508 гг., в ноябре 1508 г. был арестован в Москве, а в 1509 г. отправлен в заточение на Белоозеро, где и умер в следующем году. Об аресте и ссылке князя Холмского Петр Михайлович наверняка знал. Так что «обретение» им удельного «государя» мотивировано политическими соображениями, а также статусными (он стал боярином князя Юрия) и материальными интересами.

*В.В. Незговорова, с.н.с.
ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург)*

Изобразительные источники к биографиям офицеров лейб-гвардии Сапёрного батальона (по материалам ВИМАИВиВС)

В фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится большое количество фотографий из собрания музея лейб-гвардии Сапёрного батальона: портреты офицеров «визитного» и «кабинетного» размеров, фотографии учений, парадов, лагерных сборов, снимки интерьеров офицерского собрания, солдатских казарм; немало живописных и графических портретов, акварельных рисунков. Изобразительные материалы собирал составитель истории и создатель музея лейб-гвардии Сапёрного батальона, военный историк Г.С. Габаев (1877–1956). Он обращался к родственникам и потомкам гвардейских сапёров с просьбой присылать портреты и биографические данные бывших офицеров батальона, поскольку собирался «издать биографии бывших гвардейских сапёр, а портреты поместить как в этих биографиях, так и в истории и в музее батальона» (ВИМАИВиВС. Инв. ИДФ А-1019/24). Издание не было осуществлено.

После 1917 г. материалы батальонного музея многократно перемещались, и в настоящее время слились с другими коллекциями ВИМАИВиВС; информация о них во многом оказалась утраченной.

В ходе начатой работы по систематизации и атрибуции данного собрания, был выявлен альбом в твёрдом переплёте с золотым тиснением: «Ю. Гончаренко. Карикатуры на офицеровъ 1898 г. л. гв. Сапернаго баталіона (Усть-Ижора)» (ВИМАИВиВС. Инв. ИДФ 23/19). В альбоме девять подписных аннотированных рисунков, выполненных карандашом и чернилами.

Для поиска сведений об обстоятельствах создания и авторе карикатур, биографических данных изображённых офицеров и выявления их фотографий использовались материалы фондов и архива

ВИМАИВиВС; списки офицеров по старшинству; мемуарная литература; материалы периодической печати.

С 1860-х гг. лейб-гвардии Сапёрный батальон на лето отправлялся в Усть-Ижорский лагерь. Это было «опытное поле, на котором испытывались, всесторонне изучались, а затем демонстрировались не только различные типы фортификационных построек и изобретения военной техники, но и многие предложения относительно методов ведения будущих войн» (Аранович А.В. Усть-Ижорский военный лагерь в начале XX века // Петербургские военно-исторические чтения. Международная научная конференция 11 марта 2009 г. СПб., 2010. С. 43).

В 1898 г. смотр войскам Усть-Ижорского лагерного сбора проводил великий князь Михаил Александрович (187–1918) («Русский инвалид». № 154 от 17 июля 1898 г. С. 2). В учениях, кроме инженерных частей, принимали участие сводная пехотная рота и сводный кавалерийский взвод «из команд, прикомандированных к Усть-Ижорскому лагерю для изучения сапёрного дела» (Там же).

Юрий Гончаренко, «офицер Кирасирского полка, прикомандированный к л.-гв. Сапёрному батальону в Усть-Ижоре» (АВИМАИ-ВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Д. 1. С. 11), рисовал молодых гвардейских офицеров в моменты отдыха. Рисунки можно отнести к жанру шаржей, отличающихся юмором с долей иронии. Двух офицеров автор изобразил с теннисными ракетками, одного – с балалайкой, ещё одного – с гантелей (рядом разорванная подкова). Двое красноречиво изображены со спины, двое курят...

В 1898 г. трое из девяти офицеров – подпоручики Бурман Георгий Владимирович (1865–1922), Лукницкий Николай Николаевич (1876–1951), Рыздзевский Николай Георгиевич (1873–?); пятеро – поручики Заботкин Александр Дмитриевич (1873–1938), Зеленский Михаил Михайлович (1866–?), Лялин Николай Николаевич (1869–1920), Подымов Борис Александрович (1866–1931) граф Тотлебен Николай Эдуардович (1873–1945); один штабс-капитан – Гештовт Константин Иванович (1864–?).

Автор мастерски передал индивидуальные черты своих «героев». Об этом свидетельствуют выявленные фотопортреты изображённых офицеров, выпускников Николаевского инженерного училища (ВИМАИВиВС. Инв. ИДФ: А-1021/27, А-1029, А-1031, А-1039, А-1372; Инв. ФФ 7/4799-10, 26, 35, 68, 69, 102, 114). Кроме того, их можно видеть на групповых фотографиях разных лет из собрания батальонного музея. Эти снимки существенно дополняют сухие строчки официальных списков о «прохождении службы». (ВИМАИВиВС. Инв. ИДФ: А-946; А-1021/4, 9, 11, 13, 14, 16, 17,

44). Показательно, что из девяти офицеров восемь – сыновья генералов, в своё время окончивших то же самое инженерное училище.

Перед мировой войной бывшие обер-офицеры уже в чинах генералов и полковников. Октябрьскую революцию 1917 г. приняли двое: Бурман Г.В. – генерал-майор (1910), начальник офицерской электротехнической школы (1908) (Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1912 г. СПб, 1912. С. 887), организатор противовоздушной обороны Петрограда в годы войны. С 1919 г. инспектор инженерных школ и курсов (*Голотюк В.* Организатор воздушной обороны Петрограда // Военно-промышленный курьер. 2005 г. № 43 (110). С. 11); Лукницкий Н.Н. – полковник (1910), военный инженер Главного инженерного управления (1910) (Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1913 г. СПб, 1913. С. 1278). В советские годы – член-корреспондент Академии архитектуры, доктор технических наук, инженер-генерал-майор (1942) (*Лукницкая В.К.* Перед тобой земля. Л., 1988. С. 20–21).

Генералы Подымов Б.А. и Заботкин А.Д., полковники Тотлебен Н.Э. и Лялин Н.Н. воевали против большевиков, трое из них умерли в эмиграции. Полковник Лялин скончался в 1920 г. от тифа под Харьковом вместе с женой, А.К. Князевой (внебрачной дочерью великого князя Константина Николаевича), и старшей дочерью.

Гончаренко Ю.И. (1877–1940), генерал-майор (1917), в эмиграции приобрёл известность на литературном поприще под именем Юрия Галича; с 1923 г. проживал в Риге, был успешным журналистом, писал повести и рассказы. После вступления советских войск в Ригу Галича вызвали в НКВД... Он покончил с собой в декабре 1940 г. (*Абызов Ю.* О Юрии Галиче // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. I. 1997. С. 264).

*Е.И. Носова, к.и.н., н.с.
СПБНИИ РАН*

Автографы короля Людовика XI из собрания СПБНИИ РАН: попытка почерковедческого анализа

*Исследование выполнено в рамках
Президентского гранта для молодых ученых МК-5297.2018.6*

Готовя публикацию писем и актов французского короля Людовика XI, хранящихся в НИА СПБНИИ РАН (*Nosova E.I.* Chartes et lettres inédites de Louis XI (1461–1483) aux Archives de l'Institut d'histoire de Saint-Petersbourg // Bulletin de la Société de l'histoire de France. 2018. P. 41–68), мы руководствовались рекомендациями Национальной школы хартий (Париж), которая является одним из европейских лидеров в области археографии и вспомогательных ис-

торических дисциплин (*Conseils pour l'édition des textes médiévaux*. 3 fasc. Genève, 2001–2002). В числе прочих характеристик документа отмечается наличие или отсутствие автографов. Всего в НИА СПбИИ РАН нами было обнаружено 17 грамот и писем Людовика XI, пять из которых имеют на себе королевские подписи.

Вместе с тем, исследователям давно известно о наличии у Людовика XI секретарей с правом подписи документов за короля (*secrétaire de la main*) (Musée des Archives Nationales. Paris, 1872. P. 273). Таким образом, перед нами встала сугубо практическая задача отделения автографов короля от тех подписей, которые оставлены рукой его доверенных лиц.

В своей новой монографии Клод Же (*Jeay C. Signature et pouvoir au Moyen Âge*. Paris, 2015. P. 163–270) отводит целую главу автографам Людовика XI и именно на материале его подписей пытается решить проблему *secrétaire de la main* и определения авторства самого короля или его секретаря. При этом основное внимание уделяется дукту и модулю. Однако движения при начертании всех пяти подписей из Архива СПбИИ РАН варьируются слабо и не могут быть надежным критерием для атрибуции.

Нельзя ли применить какую-то другую методику работы, отличную от сугубо палеографической, которую использует автор? Мы обратились к разработкам отечественных специалистов в области русского почерковедения (*Цыпкин Д.О. Понятие почерка в изучении русского исторического письма: К проблеме разработки методологии почерковедческого анализа древнерусских рукописей // Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 64. СПб., 2016. С. 836–881).

Прежде всего, для исследования необходим сравнительный материал – образец, с которым мы будем сопоставлять имеющиеся в распоряжении автографы Людовика XI. Самым крупным и не вызывающим сомнений является письмо, полностью выполненное рукой Людовика, датированное 1460 г. и адресованное Джованни Арнольфини (ок. 1400–1472). Несомненным плюсом этого образца является то, что в 1460 г. Людовику XI было 37 лет, он был взрослым человеком, закончившим обучение и умевшим писать. Это означает, что почерк данного образца не носит характера формирующегося, которые можно наблюдать в почерках молодых людей, но еще не подвержен старческим изменениям. По всем показателям почерк короля можно назвать средневыработанным, а его подпись можно отнести к подписям сложной конструкции, имитировать которую нелегко. Вместе с тем, кандидатов на роль имитаторов его подписи следует признать специалистами высшего разряда. Следовательно, от них нельзя ждать грубых ошибок.

Одним из ярчайших признаков является снижение координации движений, что является следствием деавтоматизации. Непосредственными признаками подражания почерку другого лица являются крупная и мелкая извилистость и угловатость штрихов, преобладание присоединений над слитным выполнением, тупые начала и окончания штрихов, необоснованные остановки пера, а также недифференцированный нажим (Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть. Исследование рукописных текстов. М., 2007. С. 253). Попробуем проверить на наличие или отсутствие этих признаков документы из НИА СПбИИ РАН в хронологическом порядке, так как, благодаря этому, можно уловить тенденции в изменении почерка.

Обобщая наблюдения над пятью имеющимися в наличии образцами, можно заметить, что постепенно нарастает угловатость штрихов, хотя для почерка Людовика XI были характерны округлые формы. Во всех пяти образцах наблюдаются тупые окончания, которые свидетельствуют о выполнении подписи в замедленном темпе. Нельзя не отметить, что буквы больше по размеру, чем в образце. Это объясняется тем, что при подражании чужому почерку внимание имитатора концентрируется на исполнении отдельных элементов и контроль за общим расположением подписи в пространстве теряется, поэтому протяженность движений по горизонтали и вертикали увеличивается. Наконец, для всех пяти исследуемых подписей характерно восходящее направление движения, чего не наблюдается в письме Людовика к Арнольфини. Таким образом, мы можем заключить: высока вероятность того, что ни одна из пяти подписей не является автографом короля Людовика XI.

Почерковедческая экспертиза может предложить не только методы, но и интерпретации. Например, Клод Же видит в увеличении королевской подписи укрепление власти монарха, прошедшего путь от дофина-изгоя, бежавшего от гнева своего отца во владения его вассала герцога Бургундского, до «короля-паука», сосредоточившего в своих руках все нити власти. Со своей стороны, мы можем также добавить, что это явление можно объяснить увеличением доли подписей, выполненных секретарями, так как подражание чужому письму приводит к растяжению букв по горизонтали и вертикали.

Кроме того, руководствуясь инструментарием почерковедения, следует пересмотреть состав известных автографов короля: многие из них могут оказаться результатами деятельности его секретарей. Изменение набора контрольных образцов может, в свою очередь, повлечь пересмотр выводов об авторстве исследуемых экземпляров.

**Толмач Посольского приказа
Афанасий Буколов (1633/34-1672).
Материалы к биографии**

Афанасий Буколов (Букалов) – один из немногих толмачей, который привлекал внимание исследователей своей дипломатической службой и необычной биографией: в 1616/17 г. он попал в плен, где провел много лет, побывав в Стамбуле, Александрии, на Кипре, в Венеции и Амстердаме (*Фаизов С.Ф.* Хождение за три моря Афанасия Букалова // Отечественные архивы. № 4. 1998. С. 86–88). Вернувшись в Москву в сентябре 1633 г., А. Буколов начал служить толмачом греческого, турецкого и татарского языка в Посольском приказе с обычным новичным окладом (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1635 г. № 6. Л. 83). Вскоре он был отправлен гонцом в Константинополь. Почему выбор властей пал на него, и что помешало такому высококвалифицированному толмачу в дальнейшем стать переводчиком?

Когда Фома Кантакузин не смог приехать в очередной раз в Россию в 1635 г., он передал письмо через архимандрита Нила, в котором предложил послать гонцом в Константинополь знакомого ему турецкого толмача Федота Ельчина, но архимандрит Нил отказался ехать с Федотом, так как он «по-гречески не умеет» и просил выбрать одного человека, который бы «разумел достаточно по-гречески и по-русски» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1635 г. № 2. Л. 25). Таким образом, выбор русских властей пал на толмача Афанасия Буколова: кроме него в Посольском приказе был лишь греческий толмач Дементий Чернцов, никогда не заявлявший о знании турецкого языка.

В первое посольство в Константинополь в 1636 г. А. Буколов получил по 8 рублей на год и 84 рубля подмоги и «в приказ» – всего 100 рублей, также ему было дано на раздачу соболей на 50 рублей (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1642 г. № 3. Л. 5–6). В столице Османской империи гонец жил на дворе у Ф. Кантакузина, который во многом помогал ему, но задержал в Константинополе в ожидании своего собственного отправления в Москву в качестве посла (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1635 г. № 2. Л. 156, 165). На обратном пути из Азова толмач послал письмо на греческом языке думному дьяку Федору Лихачеву, дошедшее до Москвы 2 января 1637 г. От письма сохранился лишь русский перевод. Возможно, толмач надиктовал кому-то из сопровождавших греков письмо и отправил его таким образом, чтобы его содержание стало известным лишь в Москве (Там

же. Л. 163–164). 5 июня 1637 г. Афанасий Буколов стал свидетелем убийства Ф. Кантакузина казаками (Там же. Л. 194). По возвращении толмачу был в два раза увеличен оклад и поденный корм.

31 марта 1639 г. толмачи Афанасий Буколов и Дементий Чернцов проходили как свидетели в деле о нападении на Ивана Петрова, у которого они были в гостях накануне. Они были приглашены к знаменитому греку вместе с молдавским послом Исайей и Константином Остафьевыми (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1639 г. № 7. Л. 32–33).

16 мая 1641 г. в столицу Османской империи с молдавским посланником Исайей Остафьевым в качестве гонцов были отправлены польский переводчик Богдан Лыков и толмач Афанасий Буколов. Перед посольством А. Буколов получил по 16 рублей на год, 32 рубля подмоги, 36 рублей «в приказ», а также 4 рубля и 20 алтын на вино и запасы – всего 104 рублей и 20 алтын (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1642 г. № 3. Л. 6–7). Все отписки о ходе посольства Богдан Лыков отправлял по-литовски; знания А. Буколовым греческого языка пригодились на приеме у молдавского господаря Василия Лупу: Василий Воевода «велел перевесть (царскую грамоту. – *З.О.*) на греческой язык, а чол перед ним писарь ево волошским языком, а говорил с нами, холопи твоими, греческим языком» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1640 г. № 1. Л. 88).

В Константинополе, по свидетельству Ивана Петрова, А. Буколов вел себя неподобающе: он ходил по домам греков, которые, почитая московского государя, с радостью принимали его, свои же прямые обязанности турецкого толмача Буколов исполнить не мог. По свидетельству Ивана Петрова, на приеме у визиря толмач не смог ответить на протокольный вопрос о государевом здоровье (Там же. Л. 163–164). Антон Константинов также сообщил, что Афанасий Буколов не смог перевести речи визиря, и помогать пришлось переводчику Порты Зульфикару (Там же. Л. 202). Иван Петров отметил, что А. Буколов не только не мог «ростолмачить», но «пьет табак», а также «только и знает грозить гречаном и говорить им и хвалитца, как де я зделал у казаков над Фоною, такожде чаю зделать и над иными, да не увидят они впредь Москвы» (Там же. Л. 163). В следующий раз в 1647 г. Афанасий Буколов в Константинополь послан не был (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1647 г. № 1).

После возвращения из посольства в Константинополь, в начале 1642 г. А. Буколову было прибавлено 100 четей и 10 рублей оклада, а поденный корм был увеличен с 3 алтын и 2 денег до 5 алтын, также полностью были возмещены убытки в размере 263 рублей (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1642 г. № 3. Л. 62). Таким образом, поместный оклад толмача стал равняться 350 четям, а годовой – 26 рублям. Достигшее верхнего предела, возможного для толмачей, жало-

вание А. Буколова не повышалось в течение 30 последних лет его службы (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. № 12. Л. 87). Буколов, не знавший русской грамоты в начале своей карьеры (РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1635 г. № 26. Л. 22), видимо, так и не освоил ее, поэтому не смог стать переводчиком.

Из наиболее примечательных моментов биографии толмача второго периода его службы следует отметить отправление А. Буколова в Коломну 25 января 1655 г. для встречи антиохийского патриарха Макария. Из шести кандидатов выбор пал на А. Буколова, написанного в перечне последним другой рукой (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1654 г. № 21. Ч. 2. Л. 27). 19 марта 1656 г. вместе с греческим переводчиком Дементием Чернцовым толмач был назначен приставом для сопровождения антиохийского патриарха до Путивля (Там же. Ч. 3. Л. 125).

Последняя запись об Афанасии Буколове относится к декабрю 1672 г., когда было удовлетворено прошение толмача о поступлении в Новинский монастырь без вклада (*Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг.* СПб., 2017. С. 146). Таким образом, в возрасте не менее 75–80 лет толмач оставил службу в Посольском приказе, которой он посвятил без малого 40 лет.

*О.В. Окунева, к.и.н., PhD Paris-Sorbonne
с.н.с. ИВИ РАН*

Визуальное представление «индейской монархии» на нидерландских картах Южной Америки (конец XVI–XVII вв.)

В докладе будет представлено продолжение исследования «информационного шлейфа», порожденного недолго просуществовавшей французской колонией в Бразилии («Антарктическая Франция», 1555–1560). На ряде нидерландских карт конца XVI–XVII вв. (преимущественно авторства Питера Планция, Йодокуса и Хендрика Хондиуса, Питера ван ден Кеере, Виллема Блау) нами были обнаружены свидетельства того, что создатели карт были знакомы с сочинениями французских путешественников в Бразилию, хотя никак не маркировали своих заимствований.

Среди выявленных случаев использования информации французского происхождения (изображение вождя племени тупинамба по имени Куониамбек с соответствующей подписью; помещение среди топонимов прибрежной части Бразилии названий четырех определенных индейских племен без специальных пояснений; упоминание топонима, придуманного французским автором второй половины XVI в., но не находящего прямого аналога в португаль-

ских картах данной части Бразилии) наиболее распространенным и тиражируемым из карты в карту является упоминание четырех племен, а наиболее зрелищным – изображение вождя Куониамбека (крупно посередине контура Южной Америки – у П. Планция в 1595 г., в отдельных декоративных медальонах в верхней части карты всей Америки, а не только южной ее части – у Й. Хондиуса в 1598 г., у П. ван ден Кеере в 1609 и 1618 гг., у К. Клаеса в 1602 г.).

Несмотря на внешнюю простоту такого визуального решения (на географических картах Нового Света не редкость встретить сцены повседневной жизни индейцев, как ее воображали себе европейцы, или найти аллегории четырех частей света, представленные человеческими фигурами), за заимствованным у французских авторов изображением вождя Куониамбека в оригинале стоит не только история, но и определенная идеологическая программа.

Исторический Куониамбек – персонаж, существование которого зафиксировано одним немецким, одним французским и несколькими португальскими авторами (в последнем случае, вероятно, речь идет о близких родственниках рассматриваемого лица с тем же именем, а не о нем самом). В любом случае сфера его действия – контакты и взаимодействие с французскими путешественниками и колонистами на побережье в районе бухты Гуанабара (на месте совр. Рио-де-Жанейро) в период с конца 1540-х гг. приблизительно до 1556 г. Как и в случае с другими заимствованиями голландских картографов у французских авторов, изначальная конкретно-историческая информация, имеющая четкую географическую и хронологическую привязку, становится вневременным атрибутом «Бразилии вообще», одной из постоянно присутствующих экзотических деталей.

Согласно некоторым сведениям, исторический Куониамбек пал жертвой занесенной французами инфекции, к которой у коренного индейского населения не было иммунитета, однако его образ стал актуальным уже после смерти, по мере публикации книг двух французских путешественников, Андре Теве и Жана де Лери. Они побывали в «Антарктической Франции» в разное время и оставили подробные и яркие описания увиденного, но оставались непримиримыми оппонентами (чему способствовало и то, что первый из них был католиком, а второй – протестантом). Образ Куониамбека как раз и стал одним из камней преткновения.

Под пером Андре Теве встреченный некогда в Бразилии индеец последовательно превращался в индейского монарха как на уровне описания, так и визуального представления (два из трех произведений Теве, где идет речь о Куониамбеке, сопровождаются гравюрами, которые также были заимствованы нидерландскими картогра-

фами). За этим стояло укорененное в европейском сознании представление о естественной иерархии в любом человеческом обществе. Встреча с индейским населением не только Южной, но и Северной Америки, где европейцам не удалось сразу же найти прямых аналогий с привычным им социальным устройством, потребовала длительного осмысления. Одним из путей разрешения такого конфликта между выученным и наблюдаемым стало своеобразное «дополнение» реальности, когда наблюдатели «находили» в ней недостающие им элементы.

Идеологический противник Теве, Жан де Лери, критиковал подобное изображение Куониамбека, нападая на идею «индейской монархии» не только ради этнографической достоверности, но и исходя из присущих протестантам тираноборческих настроений: мишенью его критики стал не просто Куониамбек, но в большей степени «идея» Куониамбека.

Зайствованные нидерландскими картографами элементы изображения и характеристики Куониамбека свидетельствуют о знакомстве с мнением как Теве, так и Лери: как и в случае с названиями четырех племён, происходит синтез информации двух непримиримых оппонентов в произведениях третьей стороны.

В докладе будут подробно представлены как меняющиеся, так и постоянные визуальные атрибуты и словесные характеристики «индейского монарха» Куониамбека от книг французских авторов до изображения на нидерландских картах, где они, в свою очередь, также могли быть фигурировать не в полном составе.

*В.Б. Перхавко, к.и.н., в.н.с.
ИРИ РАН*

Атмосфера выборов в Учредительное собрание на страницах российских газет 1917 года

После свержения царя Николая II в результате Февральской революции 1917 г. Россия стала, пожалуй, самым свободным из всех государств, участвовавших в Первой мировой войне. Страна в одночасье приобрела свободу слова, печати, союзов, собраний. В центре и провинции появилось множество новых легальных газет разного политического толка. Новая пресса, как и периодика, издававшаяся до Февральской революции (газеты «Правда», «Утро России» и др.), не могла не затронуть тему выборов и созыва Всероссийского Учредительного собрания (ВУС). Хотя российские газеты 1917 г. и привлекаются как источник по истории выборов, созыва и разгона ВУС (см., например: *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997; *Выборы*

во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009; Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Авт.-сост Л.Г. Протасов. М., 2014), однако специально эта тема до сих пор не рассматривалась (Окорочков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970; Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М., 2002).

Юридическим совещанием, созданным Временным правительством 25 марта 1917 г., и возникшим позже в его структуре Особым совещанием было подготовлено самое демократичное на тот момент в мире Положение о выборах Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права для граждан страны с 20-летнего возраста (в том числе женщин) и с участием военнослужащих. Оно публиковалось и вводилось в действие по частям, начиная с первой части, утвержденной 20 июля.

В центральной и местной прессе уделялось немало внимания разъяснению Положения о выборах. Всероссийская по делам о выборах в Учредительное Собрание комиссия (Всевыборы), образованная Временным правительством 1 августа 1917 г., издавала «Известия Всероссийской комиссии» (редактор И.В. Яшунский). С августа дважды в неделю выходила газета «Учредительное собрание» – бюллетень Областного объединенного бюро по созыву Учредительного собрания при Омских Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Количество публикаций на данную тему заметно возросло по мере приближения выборов, первый день которых был назначен на 12 ноября 1917 г.

18 октября 1917 г. вышел № 1 газеты «Учредительное собрание» – органа Центральной избирательной комиссии РСДРП (объединенной). В газете «Право народа» (орган кооперативных союзов и объединений), выходившей в Петрограде, завели специальную рубрику; она выпускалась в ноябре – декабре 1917 г. под лозунгом «Вся власть Учредительному Собранию. Учредительное Собрание – единственный полноправный хозяин русской земли». «Газета для всех», издававшаяся в Москве Г.Н. Семенцовым, 8 ноября 1917 г. опубликовала призыв «Довольно братоубийственной резни! Готовьтесь к выборам в Учредительное Собрание; оно – последняя надежда нашей родины». 10–12 ноября 1917 г. датирован единственный номер экстренной газеты «Учредительное собрание», изданной в Пскове объединенной демократической группой – горожан, крестьян и рабочих, – призывавшей голосовать за свой беспартийный список № 7.

Омская газета «Заря» («орган объединенной социалистической мысли») помещала в каждом номере лозунг «Вся власть Учредительному Собранию!», а 12 ноября 1917 г. призывала: «Граждане!

Необходимо до 17-го ноября каждому из вас проверить списки избирателей в Учредительное Собрание, составленные Городской Управой. Не внесенные в списки не смогут воспользоваться своим избирательным правом. Напоминайте другим об этой обязанности и помогайте не имеющим возможности исполнить ее лично». Спустя четыре дня она вновь напоминала: «В день выборов в Учредительное Собрание все граждане, достигшие 20 лет, должны подать свой голос. Уклонение – смертельная опасность для родины. Не забывайте этого!..».

«Об Учредительном собрании говорят с необычайной тоской и, главное, неверием в него, – отмечала накануне выборов 11 ноября 1917 г. эсеровская газета «Дело народа». – Призывают голосовать, но где шум избирательной борьбы, где уличная агитация за те или другие списки, где громяхющие автомобили с плакатами, знаменами, листовками? В атмосфере мрака и отчаяния происходят выборы в Учредительное собрание: и в этом весь ужас нашего положения».

«В ряде мест, – свидетельствует корреспондент газеты “Дело народа”, – перед началом выборов служили молебны, в русской деревне мужики шли на выборы в совершенно необычном настроении, как будто для какого-то святого таинства».

Один из руководителей самарских большевиков В.В. Куйбышев в статье «Советская власть и Учредительное собрание», опубликованной в первый день выборов 12 ноября 1917 г. в большевистской газете «Приволжская правда», прямо заявил: «Государственная власть, отнятая в бою у буржуазии, сегодня должна быть отнята еще раз мирным путем. Мы убеждены в победе на выборах, но... Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне, идя к избирательным урнам, ни на минуту не должны забывать, что правые законы зиждутся на организованной силе того класса, который станет у власти. Учредительное собрание не должно быть господином над вами. Наоборот, Учредительное собрание должно быть послушным исполнителем вашей классовой воли». Таким образом, большевики заранее начали пропагандистскую кампанию по обоснованию классовой целесообразности силового разгона ВУС.

А эсеровская газета «Воля народа» 7 декабря 1917 г. обнародовала свидетельства совершенно иного отношения к голосованию в деревне: «В то время как при выборах в волостные земства наблюдался полный индифферентизм, выборы в Учредительное собрание прошли с необычайным энтузиазмом. К урнам на руках приносили больных стариков, старух и слепых». В прессе помещалась информация о разного рода нарушениях Положения о выборах: в Исагорском уезде Архангельской губернии, как и в ряде других мест, к урнам для голосования не подпускали женщин (Известия ЦИК. 1917.

17 ноября); порой, как сообщалось в газете «Дело народа» (Ярославль, 1917. 2 декабря), голосовали согласно приговору сельских обществ либо под давлением большевистских агитаторов из числа солдат. В публикациях «Правды» (1917. 17 ноября), наоборот, в нарушениях обвинялись эсеры. Многолетняя «история борьбы за Учредительное собрание, – подчеркивалось в номере за 2 декабря 1917 г. газеты «Народная свобода», издававшейся в Тифлисе, – это Голгофа подвижничества».

Можно и нужно ранжировать центральную и региональную газетную прессу России 1917 г. с точки зрения не только партийно-политической направленности, но и оперативности, полноты и объективности освещения выборов ВУС, сравнения источников газетной информации, ее дозирования, целевого назначения публикаций, приемов манипулирования фактами и общественным мнением. Наиболее активно освещали избирательную кампанию эсеровская пресса, а также газеты «Известия Всероссийской комиссии» и «Известия ЦИК».

*Т.П. Петерс, ст. преп.
Одинцовский филиал МГИМО*

Награждение французского подполковника Анжели орденом Св. Георгия 4-го класса и обстоятельства его пребывания в России в правление императрицы Екатерины II

Награждение иностранцев орденами Российской империи, особенно сугубо военными, – явление не частое. Одним из примеров может служить пожалование ордена Св. Георгия 4-го класса подполковнику Анжели. Документы с подробными сведениями о его жизни, в том числе в России, а также об обстоятельствах награждения хранятся в отдельном деле из фонда РГАДА «Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии». Дело объемом 263 листов с оборотами включает прошения Анжели к разным лицам, документы по генеалогии его семьи на французском и немецком языках, его письма во Францию, переписку Екатерины II с обер-прокурором А.А. Вяземским, переписку обер-прокурора А.А. Вяземского с Лифляндским губернатором и Вяземским воеводой Телегиным, материалы допросов Анжели в Тайной канцелярии, его наградные документы, в том числе аттестаты о военных отличиях в кампании 1770 г. и пр.

Анжели родился в 1732 г. Его древний дворянский род происходил из Бургундии, но в России по документам он значился как Франц фон Анжели. В 1770 г. в чине майора датского гусарского полка он оказался в числе «20 искусных офицеров», их «Российская

императрица попросила у Датского короля... для своей армии, которая вела войну» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2383. Л. 200–203). Его послужной список в России включает: волонтер в Тверском Карабинерном полку, подполковник Сибирского полка (1770), командир в звании полковника Драгунского Владимирского полка в 1771 г. (Историческая памятка 38-го Драгунского Владимирского Его Императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка. 1701–1901 гг. / Сост. подполковник кн. Багратион. СПб., 1901. С. 65–66).

Анжели участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Первоначально его определили в 1-ю армию фельдмаршала П.А. Румянцева в «передовой корпус генерала Боура» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2383. Л. 200–203). Кампанию он закончил под Бендерами, куда перевелся за восемь дней до взятия города. Он заметно отличился в июльских сражениях 1770 г.: 5 июля, 7 июля на р. Ларге и 21 июля на р. Кагул. По совокупности подвигов, отмеченных в представлениях своих командиров генерал-майора Ф.В. Боура, генерал-поручика П.Г. Племянникова и генерал-поручика графа И.П. Салтыкова, он был представлен П.А. Румянцевым к награждению орденом, которым и был пожалован указом от 22 сентября 1770 г. Крест Св. Георгия 4-го класса со всеми преимуществами, предоставленными кавалерам этого ордена согласно Статуту, подполковник Анжели получил 10 октября 1770 г. вместе с письмом Екатерины II (Там же. Л. 236).

Одно из его военных отличий, а именно 7 июля при р. Ларге, приведено в аттестате командира корпуса генерала П.Г. Племянникова. В тот день, командуя шестью карабинерными эскадронами, шедшими позади каре основных сил русских, Анжели отразил нападение турецкой конницы на правое крыло войск, которые поднимались на занятую противником высоту, и «сделал против неприятеля сильное и храброе сопротивление и обратил его в бегство с великим уроном, рубя его и гнав» (Там же. Л. 318).

В мае 1771 г. Анжели уволился с датской службы и перешел с повышением в чине (полковник) в русскую службу. Об обстоятельствах своего перехода Анжели писал, что из Бендер после взятия штурмом крепости 15 сентября 1770 г. его послал в Санкт-Петербург «с реляцией» граф П.И. Панин, императрица его приняла и вручила орден, предложив перейти с датской службы. Кроме того обещала кавалерийский полк, деревню в Лифляндии и определение его сына «на воспитание» (Там же. Л. 203). Свои обещания Екатерина II, как следует из документов, сполна осуществила.

Фамилия подполковника Анжели значится в списках кавалеров ордена Св. Георгия 4-го класса, опубликованных в 2004 г., с поме-

той о том, что он был лишен ордена в 1774 г. Но в архивном деле РГАДА никаких документов или записей о лишении полковника Анжели Георгиевского креста не имеется.

Вместе с тем, среди материалов архивного дела имеется много документов допроса подполковника Анжели, которые объясняют причины, по которым он был лишен российской награды. Также нельзя исключить, что он мог оказаться жертвой обстоятельств, невольно оказавшись вовлеченным в отношения Екатерины II и П.И. Панина, ухудшившиеся после штурма Бендер.

Анжели был арестован в 1774 г., его перевезли в Санкт-Петербург и неоднократно допрашивали. Свою вину Анжели признал, он не отрицал помощь пленным французам, «которые хотели в Турцию», переписку с Францией, не отрекся от своих слов из писем о желании «служить Франции», признался, что скрыл родство с французским министром при Венском дворе и масонские речи. Вынесенный приговор гласил, что он «достоен наказания и смерти» (Там же. Л. 208–211). Екатерина II, напротив, не усмотрела государственной измены в поступках француза и отметила, что в Анжели «...к каверзе немалая есть склонность, коя соединена с обыкновенной французской легкомысленностью, и во всем он по сию пору уже признан мною за неверного и непрочного слуга», а в масонских речах не нашла «ничего, окромя обыкновенных бредней» (Там же. Л. 34). Он был исключен из полка и по высочайшей резолюции от 1 июня 1774 г. выслан из России без права въезда в ее пределы.

Д.А. Петров
ген. директор ООО «Архитектурные мастерские – Классика»

Двуглавые орлы на дворцах первых Романовых

В истории русской архитектуры и геральдики, насколько нам известно, вопрос об использовании государственных символов на зданиях и сооружениях XVI–XVII вв. практически не ставился. В то же время установление государственного символа на верхней точке резиденции правителя, на наш взгляд, свидетельствует об определенной стадии распространения геральдического «бытового» сознания в народе и важности «пропагандистского» значения этого действия, хорошо понимаемого властями. В настоящей заметке мы хотим дать краткий обзор примеров использования двуглавого орла для «маркировки» и «выделения» царских резиденций среди других построек во время Михаила Федоровича (1613–1645), Алексея Михайловича (1645–1676) и Федора Алексеевича (1676–1682).

Первый дворец, построенный Романовыми, был комплекс, возведенный над северным крылом старого дворца Ивана III. На внут-

ренный двор этой постройки, посреди которого стоял собор Спаса на Бору, к 1630-м гг. вели три проезда: под Золотой палатой («Красные ворота»), под Сретенским собором (из внутреннего двора Запасного дворца) и от улицы, шедшей из Боровицких ворот мимо конюшен и церкви Иоанна Предтечи. На плане «Кремленаград» эти ворота показаны в виде простого арочного проема в стене.

Помимо надстройки корпуса дворца в 1630-х гг., были устроены ворота в виде надвратной башни с шатром (т. н. «Колымажная» или «Гербовая» башня). В верхние ярусы дворца вело Постельное крыльцо, над которым был возведен шатрик. При реконструкции дворца въезд, имевший ранее, скорее всего, техническую функцию, сделали значительно более парадным. «Гербовая башня» и шатер над крыльцом дворца, ведущим «в Верх», т. е. непосредственно в покои царя, завершались позолоченными орлами. Таким образом, главным государственным символом были отмечены въезд на двор и собственно вход в дворцовые палаты. Время устройства орлов не известно, но они показаны в «Книге избрания...» 1672–1673 гг. (Книга об избрании на превысочайший престол великого Российского царствия великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея великия России самодержца. Рукопись. Комментарии. Текст. М., 2014. Л. 39 об.–40, 43 об.–44, 46 об.–47). Очевидно, что они входили в первоначальный замысел. Возможно, что резной белокаменный орел находился и на сандрике Челобитенного окна (*Гращенков А.В.* Белокаменная резьба Теремного дворца // Царские и императорские дворцы. М., 1997. С. 24, 26).

Вероятно, в середине 1650-х гг. начал строиться царский дворец в Коломенском, перестраивавшийся в 1667–1668 гг. В 1671–1673 гг. на месте более ранних простых дубовых ворот (*Желудков Д.Г.* Чертежи Коломенского дворца XVII века как источники по истории его планировки и развития // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1993. С. 137, рис. 1) на обширный двор был устроен парадный въезд, завершенный башней с шатром, на котором был установлен двуглавый орел. Сам дворец, находившийся на противоположной стороне двора, с юга, над покоями царя, имел шатровую башню, завершенную двуглавым орлом, а одно из окон этих покоев на восточном выходящем на двор фасаде было выделено богатым архитектурным оформлением и двуглавым орлом над ним (*Савостьянова Л.П.* Некоторые сведения о селе Коломенское по материалам коллекции Ф.В. фон Берхгольца // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 13. М., 2011. С. 176–196). Таким образом, в Коломенском дворце двуглавым орлом на шатре были отмечены парадный въезд и место пребывания царя.

В последней четверти XVII в. в Измайлово на острове, окруженном прудами, была устроена царская резиденция. К ней через пруд вел мост, в конце которого была возведена проездная башня (1674 г.), завершавшаяся шатром с двуглавым орлом. Царский дворец имел вид большого каре из построек вокруг огромного внутреннего двора, с южной стороны которого были срублены царские хоромы (1676–1678 гг.), а на западной и восточной стороне построены каменные проездные ворота с шатровыми башнями (начало 1680-х гг.) (*Данилова Н.С.* Архитектурный ансамбль Измайловского острова в конце XVII в. // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 11. М., 2008. С. 46–48). На башнях были установлены фигуры двуглавых орлов. Во дворце, перестроенном в 1702 г. для царицы Прасковьи Федоровны, в его центральной части на гравиюре И. Зубова 1720 г. мы видим башенку («светлицу») – надстройку с кубоватым покрытием, завершенным двуглавым орлом. Таким образом, в Измайлово двуглавые орлы были установлены на въездной башне, ведущей на остров, на воротах парадного двора и на здании дворца.

Дворец царя Алексея Михайловича в Саввино-Сторожевском монастыре был построен в 1652–1654 гг. В это же время была возведена Красная башня со Святыми воротами. На шатровом завершении башни был установлен двуглавый орел (*Косточкин В.В.* Саввино-Сторожевский монастырь в XVII–XVIII вв. (По записям современников и неопубликованным архивным чертежам) // Сообщения Института истории искусств. № 12. Архитектура. М., 1958. С. 127; *Клименко Ю.* Проект перестройки Саввино-Сторожевского монастыря 1778 г. // Царские и императорские дворцы... С. 226–230). Установление орла над монастырскою башней представляется нам чрезвычайно показательным. В данном случае орел «маркировал» нахождение дворца в монастыре. В самом дворце по сторонам входа в Царицыны палаты были установлены белокаменные орлы.

Из приведенных примеров легко заметить, что для всех дворцовых комплексов характерно использование одной схемы помещения «геральдических» акцентов: они устраиваются на въездах на парадный двор и на самом дворцовом здании в той части, где находятся покои царя или царской семьи.

Известен только один аналог такой системы размещения – на Опричном дворе Ивана Грозного (1565–1567 гг.), где двуглавые орлы размещались на воротах и крыше дворца. Если в XVI в. мы знаем только один такой пример, то при новой династии он, по видимому, стал композиционно «идеологическим» стандартом.

От миграции к цивилизации (О методике реконструкции путей германских народов)

В докладе обсуждается реконструированный путь странников, пилигримов, паломников и др. из Франкии (Ахен [Aahen]) в Рим и обратно (Муленхайм [Upper Mulinheim – Seligenstadt]), осуществляемый с различными целями – политическими, экономическими, религиозными и пр. Реконструкция выполняется на основании анализа сочинения Эйнхарда (IX в.) «О перенесении мощей и чудесах Марцеллина и Петра» (*Translatio et miracula sanctorum Marcellini et Petri* / Ed. G. Waitz // MGH SS. Vol. 15, 1. Hanover, 1888. P. 239–264) с учетом соответствующих итинерариев (например, *Itinerarium Antonini Augusti et Burdigalense*, 1600). Выявляются различные мотивы и цель путешественников; анализируется возможность совершения запланированного пути; рассматриваются его продолжительность, сезонность, дорожные трудности, наличие остановок для ночлега и отдыха; показывается инфраструктура пройденных мест. Отмечается возможная связь части такого пути с перемещением людей по старым римским дорогам, его вероятное использование мигрирующими германскими народностями и их союзными племенами, обитавшими в северной части Европы в эпоху Великого переселения народов (IV–VI вв.) и период раннего Средневековья (VI–VIII вв.). Делается вывод о типичности аналогичных перемещений для германских племен и их высокой мобильности. Обсуждается применимость указанной методики исследования при воссоздании путей кочевников (например, гуннов), вторгшихся в 370-х гг. в Европу из Азии, а также иных мигрирующих народов, обитавших в различных частях Евразийского континента; указывается на необходимость задействования самых разных письменных источников (литературных, нарративных, поэтических) с целью уточнения деталей их маршрутов.

*А.В. Подосинов, д.и.н., г.н.с.
ИВИ РАН*

Северо-Западная Европа по данным Певтингеровой карты

Работа выполнена по гранту РФФ №14-18-02121

Знаменитая римская карта мира первых веков н.э., так называемая Певтингерова карта (*Tabula Peutingeriana*, далее – TP), содержит богатую географическую номенклатуру Северной Европы и Северной Азии. Я намерен проанализировать расположение и значение

этнонимов в Северо-Западной Европе от Атлантического океана до Паннонии, где начинается перечисление сарматских племен. На карте это узкая полоса, которая на севере граничит с океаном, на юге – с Рейном и Дунаем и тянется до самого Черного моря.

Севернее Рейна от сегмента I на западе до границы между сегментами II и III, где находятся истоки Дуная, расположены только имена германских народов; названия рек, гор, городов, дорог полностью отсутствуют: *Chamavi, qui et Pranci (=Franci?), Hasi, Vapii, Varii, Chrepstini, Francia, Burcturi, Svevia, Alamannia*.

От истоков Дуная на восток дальнейшее пространство до середины сегмента V занято тоже только именами германских народов: *Armalausi, Marcomanni, Vanduli, Quadi, Iut[h]u[n]gi, Bur[i]*. Здесь на меридиане, на котором находится Рим, севернее Паннонии, заканчивается «германская» территория и появляются названия сарматских племен.

Возникает вопрос, каков же возраст германских этнонимов и хоронимов на ТР, хотя понятно, что время появления того или иного названия едва ли можно установить с большой точностью.

Большинство упомянутых имен встречаются в «Германии» Тацита. Освященные авторитетом Цезаря, Тита Ливия, Плиния и Тацита, эти имена стали стандартным набором этнонимов для этой части Европы в последующие века. Поэтому время их появления на ТР – это I в. до н.э. – I в. н.э.

Карта содержит также некоторые этнонимы и хоронимы германских племен, которые появились на исторической арене позже других. Это имена *Franci, Francia, Alamanni* и *Iuthungi*, которые еще неизвестны Плинию и Тациту.

Свебское племя аламанны стало известно впервые в Южной Германии под 213 г. н.э. (*Dio Cass. LXXVIII, 13*). Во второй половине III в. н.э. аламанны в союзе с ютунгами постоянно тревожили римский лимес, угрожали Галлии и даже Италии.

С III в. н.э. на Нижнем Рейне появляются франки, а в середине этого века они продвинулись до Среднего Рейна (*Flav. Vopisc. Aurel. VII, 1–2*).

Примерно тем же временем датируется приход сюда германского племени ютунгов. Упоминание их на ТР является, вероятно, первым в античной географии и истории.

Таким образом, можно датировать появление всех этих этнонимов III в. н.э., вероятно, второй его половиной.

Если даже характер нанесения имени на карту и его место на ней могли быть изменены в процессе копирования и переработки оригинала, я думаю, свобода копииста в изменении и дополнении карты была ограничена. По расположению названия иногда можно

понять, было ли оно внесено позже других, пересекаясь с ними из-за недостатка места, иногда даже вписываясь между буквами, или же оно находится на своем исконном месте. Важно отметить, что такая чересполосица в написании этнонимов встречается на ТР только в Северо-Западной Европе.

Так, например, «новое» название *Iuthungi* вписано в название квадов (*Quadi*), которое было известно уже Тациту; то же самое можно сказать про *Chamavi qui et Pranci*, хотя чересполосица в этой части ТР типична и для «старых» названий.

Если мы согласимся с гипотезой М. Ратманна об эллинистическом происхождении ТР (Ратманн 2015. С. 98–131), то мы должны будем признать, что эта часть карты, показывающая чисто римскую ономастическую номенклатуру, была поначалу либо пуста и только позже во время «романизации» эллинистического оригинала наполнена римскими названиями, либо «устаревшие» названия были заменены «новыми».

Следует, однако, заметить, что эллинистические авторы IV в. до н.э. еще не знали германцев и Германию, само это имя появилось очень поздно, сначала в Риме ок. 80 г. до н.э. Так, Тацит в «Германии» пишет (2, 3): ...*Germaniae vocabulum recens et nuper additum* («название Германии новое и недавно появившееся»). Эллинистическая география знала в Западной Европе только кельтов, которые граничили на востоке со скифами (см. *Strabo* I, 2, 28). Замечу, что как кельты, так и скифы эллинистической географии отсутствуют на севере Европы на ТР.

Известно, что эллинистические авторы знали европейскую территорию, которая лежала южнее Дуная, а римляне – Западную Европу только до Эльбы. Европа севернее Дуная и восточнее Эльбы оставалась *terra incognita*. Это подтверждает Страбон, в начале I в. н.э. писавший (VII, 2, 4): «Из германцев, как я сказал, северные живут вдоль Океана: [нам] известны те, которые занимают область, начиная от устьев Рейна вплоть до Эльбы ... [Народы] же по ту сторону Эльбы у Океана неизвестны нам вовсе. Мы не знаем никого из прежних, кто совершил бы плавание вдоль [этих мест] до восточных частей, то есть до устья Каспийского моря; римляне также еще не достигали [областей] за Эльбой. Да и по суше никто не доходил».

М. Ратманн считает, что на ТР, если бы она возникла в Риме при Августе, должно было бы быть больше информации о римских завоеваниях в Германии: “Schließlich hat Augustus diese Landgewinne in seinem berühmten Tatenbericht ausdrücklich erwähnt. Ebenso hätte man als Basisangaben die Elbe sowie die Nordseeküste oder Jütland zumindest als geographische Fixpunkte ‚im Norden‘ auf einer Karte dieser Zeit erwarten dürfen“ (Rathmann 2016. S. 10). К этому я хотел бы за-

метить, что побережье Северного и Балтийского морей представлено на ТР таким образом, как если бы это было побережье Северного океана. Отсутствие Ютландии объясняется тем, что океанское побережье на ТР во всех частях карты изображено как прямая линия.

Что же касается Эльбы, то ее отсутствие на ТР может быть связано с тем, что во времена Августа влияние римлян на территории между Рейном и Эльбой было очень непрочным (так же полагают Weber 2016. P. 254; Amaud 2016. P. 216).

Все вышесказанное позволяет отнести составление ТР (или, по крайней мере, ее североευропейского региона) к первым векам новой эры.

*Д.Г. Полонский, к.т.н., с.н.с.
Архив РАН (Москва)*

**Миниатюры и антропоморфные инициалы
в сборнике книжника начала XVIII в. Велько Поповича
из собрания Библиотеки Сербской Патриархии в Белграде**

В отечественной историографии практически неизвестно имя южнославянского книжника Велько Поповича, трудившегося в конце XVII – начале XVIII в. на территории нынешней Венгрии, где он состоял при духовном лидере сербской диаспоры в Священной Римской империи патриархе Арсении III Черноевиче (1633–1706; о нем, с указанием библиографии: *Чакић С.* Велика сеоба срба и патријарх Арсеније III Црнојевић. Нови Сад, 1990). Между тем с книгописной деятельностью Велько Поповича связаны значимые факты сохранения как выдающихся памятников славянской письменности, так и исторических свидетельств сербских хроник и сербско-русских отношений конца 1690-х – начала 1700-х гг. Следует заметить, что каждая из научных школ сербской и болгарской археологии относит имя Велько Поповича к собственной рукописной традиции (*Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Књ. 2. Београд, 1903. № 2128, 2129, 2147; *Христова Б., Караджова Д., Узунова Е.* Бележки на българските книжовници X–XVIII век. Т. 2. София, 2004. С. 258. № 360). Для этих расхождений есть основания: сам книжник в своих записях подчеркивал, что он происходил «отчъством же от Българские земли, от места Кратова» (г. Кратово в современной Македонии), а трудился «под властию сръбско-словенскаго святеишаго патриарха нашего кир Арсениа Чръноевича» (*Стојановић Љ.* Op. cit.).

Главное свидетельство книгописной деятельности Велько Поповича – составленный им в 1704–1706 гг. богато орнаментированный

и иллюстрированный сборник различного состава (18,7x14,5 см; 166 л.), писанный одним почерком и хранящийся ныне в Библиотеке Сербской Патриархии в Белграде (БСП. Рс 36). Сборник имеет краткое инвентарное описание (Инвентар рукописа Библиотеке Српске Патријаршије / Уред. З. Недельковић. Београд, 2012. С. 35). Что касается содержания рукописи, то оно было известно еще в XIX в. выдающемуся слависту П.-Й. Шафарику, который знал об этом кодексе как о находившемся в то время в сербском монастыре Врдник (Раваница) на Фрушской горе, и частично описал состав сборника, отметив, что его открывает грамматический трактат Константина Костенечского «Словеса избранные вкратце»; также туда входит фрагмент сербской хроники, представляющий собой оригинальную компиляцию исторического труда графа Георгия Бранковича (1645–1711); ряд богословских сочинений и иллюстрированный сербский письмовник (*Šafarik P.J. Geschichte der südslawischen Literatur* [Bd. III]. Prag, 1865. S. 244. № 201). Имени Велько Поповича Шафарик не упоминал. Примечательно, что письмовник включает послания сербских иноков царю Петру I (л. 65–68 об.), «бл[а]-гоч[е]стивой ц[а]рици Московской» Софье Алексеевне и Евдокии Федоровне (л. 69–71), а также патриарху Московскому Адриану (л. 71 об.–74 об.), причем последнего, как и царевны Софьи, на момент создания сборника уже не было в живых.

Состав рукописи БСП. Рс 36 и исторические обстоятельства ее создания заслуживают более подробного разбора, здесь же остановимся на художественном оформлении сборника. В работе над ним использовались киноварь, лазурь, желтая, зеленая, серебряная и золотая краски. Различные сочинения, входящие в сборник, украшают семь незаурядных по своим достоинствам цветных миниатюр, вписанных в заставки плетеного балканского орнамента, часть из них с растительными и зооморфными элементами. Так, в их числе полуфигура Богоматери (л. 1), Христос Вседержитель (л. 65), две фигуры мужей в патриаршем облачении (л. 104, 119), евангелист Матфей (л. 135). Наряду с этими классическими для православной книжности образами в рукописи присутствуют и весьма оригинальные. Большинство из них включены в письмовник и представляют собой инициалы с изображениями человеческих лиц, помещенные в заголовках посланий либо формулярных изводов. В некоторых лицах наблюдается тонко уловленное миниатюристом портретное сходство с адресатами посланий. Например, «титла к всесветлейшему кардиналу церкви римской Леопольду архиепископу Калачкому» (л. 82 об.) украшена антропоморфным инициалом, схожим с обликом адресата – в 1690–1695 гг. главы архиепископии в городе Калоча, а затем Эстергома, примаса Венгрии кар-

динала Леопольда фон Колонича (1631–1707), деятельного противника духовной автономии сербов (ср. гравюру: Österreichische Nationalbibliothek. Bildarchiv und Grafiksammlung. Inv.-Nr. PORT_00080148_01). В другом случае заголовок послания к «великому государю канцелару угарскому господину Георгию Сечении» (л. 83) тоже отсылает к облику, который передает инициал: это другой примас Венгрии, архиепископ Дьёрдь Сеченьи (1592–1695) (ср. гравюру: Ibid. Inventar-Nr. PORT_00003782_01). Примечательно, что строгому формализму титулатур миниатюрист противопоставил изображения обоих католических епископов в шутовских колпаках, фактически введя прием карикатуры. Еще одно лицо в инициале, карикатурно схожее с обликом знаменитого предводителя восстания венгров против власти Габсбургов Ференца II Ракоци (1676–1735), сопровождает подпись «хайдук ракоцин» (л. 85).

Инициалы в рукописи БСП. Рс 36 рисовались прежде, чем был написан основной текст кодекса: в ряде случаев буквы перекрывают рисунки. Это позволяет думать, что Велько Попович сам целиком оформил сборник. В пользу самостоятельности книжника при создании миниатюр свидетельствует и такой факт: как показали наши палеографические наблюдения, в конце XVII – начале XVIII в. Попович участвовал в составлении и другого сборника (Архив Српске академије наука и уметности у Београду. Стара збирка. № 46), также содержащего письмовник с формулярными изводами посланий русским царям, светским и духовным властителям Восточной Европы, а помимо этого, краткую инструкцию для художников книги и оформителей грамот («типик», л. 23–27) о том, как делать золотую и лазурную краски, «сказание како позлатити хартию», и т.д. Таким образом, можно полагать, что Велько Попович был не только талантливым книгописцем, но и оригинальным книжным художником, сведущим в изготовлении красок.

*И.Г. Пономарева, к.и.н., доц.
МГЛУ*

К датировке «первого» договора Василия II с Новгородом

Археографическая комиссия опубликовала акт под 1434 г. без комментария (АИ. Т. I. № 258. С. 486–487). С.М. Соловьев связал его с боевыми действиями Василия II против новгородцев в 1441 г. (*Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. М., 1988. С. 412*). В академической публикации представлена датировка Л.В. Черепнина – 1435 г., опирающаяся на летописное известие о заключении договора Василием II с Новгородом зимой 6943 (1434/35) г. (ГВНП. № 19; ПСРЛ. Т. 3. С. 418; *Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв.*

М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 356–357). А.А. Зимин отметил именование в акте новгородского архиепископа Евфимия «священноиноком». Отождествив его с Евфимием II, историк указал на то, что будучи избранным 13 ноября 1429 г., тот так титуловался до хиротонии 26 мая 1434 г. Он также учел время, проведенное Василием II в Орде с 15 августа 1431 г. по 29 июня 1432 г., заключение 25 января 1431 г. Новгородом договора с правителем Литвы Свидригайлом (ГВНП. № 63) и приезд оттуда осенью 1432 г. Юрия Семеновича Лугвенье-вича, предположительно, наместником от литовского великого князя (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 40). В итоге, А.А. Зимин пришел к заключению, что договор с Василием II появился не ранее осени 1432 г. (не разъяснив, почему акт не мог быть оформлен до отъезда в Орду), и отнес его появление к двум периодам, позднее признав второй единственно возможным:

I. После прибытия Василия II из Орды – до его свержения: осень 1432 г. – 25 апреля 1433 г.

II. После возвращения престола Василию II (между 25 апреля 1433 г. и 28 сентября 1433 г., думается, ближе к концу указанного промежутка) – до его вторичной утраты 20 марта 1434 г. (*Зимин А.А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 318–320; *Он же.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 61, 63).

В.Л. Янин заключение московско-новгородского dokonчания в 1435 г. объяснил необходимостью восстановления сюзеренитета Василия II над Новгородом, так как договор, заключенный с ним ранее как преемником Василия I, утратил силу после потери престола. Рассматриваемый акт В.Л. Янин признал первоначальным и датировал августом – сентябрем 1424 г., опираясь на известие Воскресенской летописи 6932 г.: «Князь великий Василеи целовал Новгороду Великому» (ПСРЛ. Т. 8. С. 92). Исходя из отсутствия сведений о разрыве отношений Василия I с Новгородом, что потребовало бы возобновления договора между ними, историк сделал вывод, что упомянутый без отчества «князь великий Василеи» – это юный Василий II. Появление договора при жизни его отца он объяснил желанием Василия I закрепить за сыном великое княжение (*Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М. 1991. № 97. С. 173–177). В подтверждение В.Л. Янин написал, что названные в акте новгородские должностные лица упоминаются в перечнях посадников и тысяцких 1423 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 472–473), при том, что их состав не соответствует лицам из летописного известия за 6944 (1435/36) г. о посылке новгородцев на

развод земель с великокняжескими людьми после заключения договора в 1435 г.

Аргументацию В.Л. Янина нельзя принять безоговорочно.

1. В списках должностных лиц 1423 г. встречается имя только одного из трех посадников из договора – Михаила Ананьича, а отождествление тысяцкого Анании Васильевича с Аникием Власьевичем сомнительно. Два других посадника (Афанасий Федорович и Михаил Иванович) упомянуты в актах 1421 г., но Михаил Ананьич упомянут в документе начала 1450-х гг. (ГВНП. № 60, 61, 75), а один из перечисленных в договоре черных людей (Кузьма Тарасьин) в 1436 г. участвовал в разводе земель. Совместная деятельность всех этих людей вероятнее в 30-е, а не 20-е гг.

2. Едва ли в акте фигурирует архиепископ Евфимий I. Хиротония избранного в 1423 г. Емилиана Брадатого была проведена в Москве 24 сентября 1424 г. и сопровождалась сменой его имени (ПСРЛ. Т. 11. С. 239). Тогда же, как полагает В.Л. Янин, в Москву прибыло посольство, заключившее договор. Он предположил, что по разуре в заготовленную грамоту (к сожалению, дошла в списке XVI в.) вписали новое имя Емилиана – Евфимий (акт начинается со слов, что по благословиению священноинюка Евфимия от посадника, тысяцкого и всего Новгорода послы приехали и оформили dokonчание). Исправление только имени странно, так же как и благословение Емилианом послов при отбытии, ведь они поехали в Москву вместе. Если же именованный Евфимием (следовательно после хиротонии) архиепископ, оставаясь в Новгороде, благословил отбывавших послов, то почему в договоре он назван «священноинюком»? Все встает на свои места, если согласиться с А.А. Зиминим и считать, что речь идет о Евфимии II.

3. В акте упоминается жена Василия II. Обручение великого князя состоялось осенью 1432 г., брак – 8 февраля 1433 г. Означает ли это, что договор, упоминающий жену Василия II не мог быть заключен в 1424 г., когда ему было 9 лет? Теоретически, так как договор в идеале заключался на все правление, в него могли внести упоминание о будущей великой княгине, но почему тогда не упомянуты и дети?

Датировка А.А. Зимина остается убедительнее, но предпочтение следует отдать первому из ее вариантов. Договор, скорее всего, стоит в ряду с другими известными dokonчаниями Василия II, составленными после утверждения его на престоле в 1432 г., завершающим актом которого стала состоявшаяся 5 октября интронизация: времени до 25 апреля было более чем достаточно.

Вместе с тем, выявление В.Л. Яниним факта заключения договора Василия II с Новгородом в 1424 г. имеет значение. Во-первых,

это сохраняет возможность появления рассматриваемого акта после утраты и возвращения им престола (второй вариант А.А. Зими́на). Во-вторых, что существеннее, дополнены немногочисленные известия о действиях Василия I, направленных на передачу великого княжения сыну.

*В.П. Пушков, к.и.н., с.н.с.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Торговая отчётность Московского печатного двора о книжных покупках приказных чинов 7145 (1636/37) г.

В продолжение целой трети века, с 1632 по 1664 г., Московский печатный двор вёл не имеющую аналогов в мировой культуре отчётность о розничной продаже своей продукции. Многочисленные «записные книги продаж» содержат десятки тысяч записей имён, чинов и званий покупателей с точной регистрацией дат и размеров их покупок. С помощью современных информационных технологий на примере 7145 г. рассмотрим малоизученный вопрос о книжной культуре приказной администрации (*Пушков В.П., Пушков Л.В. Опыт построения базы данных «Книжный рынок Москвы 1636/37 г.» // Фёдоровские чтения – 2005. М., 2005. С. 356–368. БД построена по: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 29).*

В 1636/37 г. весь первичный книжный рынок дал около 2000 покупателей из 82 городов, которые в результате 2703 посещений типографской лавки в общей сложности приобрели 4010 книг разных названий. На этом фоне весьма заметна высокая, 10 %, доля приказных служащих: 194 человека – 300 покупок – 398 книг. В основном этот контингент был представлен образованными дьяками и подьячими (соответственно 52 и 105 человек).

Приказные люди проявили интерес ко всем продававшимся в тот год девяти изданиям Печатного двора. Это Псалтырь с воследованием – 127 экз., Евангелие – 86, Треник – 76, Трефологион – 48, Каноник – 22, Минея декабрьская – 16, Триодь постная – 11, Устав – 6, Триодь цветная – 4. Поскольку все эти книги были богослужебными, прежде всего они приобретались для ведомственных, приходских, вотчинных и домовых церквей, а также предназначались для вкладов на помин души своих родителей в храмы и монастыри. А тот факт, что содержащие жития святых и повседневные молитвы Псалтыри и Треники составили большинство купленных книг, убедительно свидетельствует о широком чтении этих двух изданий и в домашнем, семейном кругу.

Весьма показательны неоднократные (24) групповые покупки сослуживцев, что говорит о соборном отношении русского человека к сокровищам православной книжности.

Книги покупались 94 дня в году (в среднем по 8 дней каждый месяц). Чаще всего, 218 раз, приобретали по одной книге, а размер максимальной разовой покупки составил 11 экземпляров. Самым активным торговым днём был вторник 8 ноября 1636 г. – 17 покупателей взяли 23 книги.

Характерна большая неравномерность распределения покупок по временам года. Абсолютное большинство покупок и проданных книг пришлось на осень – 161 и 206, причём с каждым месяцем эти показатели возрастали: сентябрь – 35/47, октябрь – 55/70 и ноябрь – 71/89. Зима приводит к многократному декабрьскому обвалу рынка (10 продаж, 12 книг), после чего наблюдается постепенное его восстановление в январе и феврале (соответственно: январь – 14/20 и февраль – 24/29). Однако начало весны отмечается мартовским всплеском – 36/53 (этот месяц был отмечен максимальным числом торговых дней – 15). Однако в апреле и мае рынок практически стагнирует: соответственно 1/1 и 4/5. Но летом наблюдается новый подъём продаж: июнь – 15/22, июль – 22/25, август – 9/25.

Сезонная цикличность книжных покупок, совершённых приказными чинами, выявляет их зависимость от ряда факторов. Это прежде всего структура хозяйственного цикла, обычай выдачи государева денежного жалованья в начале и середине календарного года и начало учебных занятий в первый день зимы (Наумов день), а также традиция приобретения церковных книг в дни Великого поста – время духовного просветления (Пасха в 1637 г. была 9 апреля).

По дням недели размеры продаж также сильно варьировались. Первая половина недели демонстрировала стабильный рост числа покупок и проданных книг, достигая максимума в среды: в понедельник – 32/48, во вторник – 47/62 и в среды – 63/78. По четвергам наблюдается резкий спад продаж: 36/42, но по пятницам происходит новый подъём: 52/72, падая до минимума в последние дни недели: соответственно суббота – 36/42 и воскресенье – 35/51. Такой расклад продаж по дням недели наглядно подтверждает проведение общемосковских базаров по постным дням.

О большом разнообразии родового состава приказных покупателей свидетельствуют 155 записанных в книге продаж фамилий. Представители 81 из них ограничились покупкой лишь одной-единственной книги, но носители остальных 74 фамилий приобретали не менее двух книг. Максимально широко были представлены Патрикеевы (стряпчий Борис, два подьячих, Василий и Гурий, и два дьяка, Иван и Михаил), пять членов этой фамилии в результате

восьми посещений книжной лавки приобрели 18 книг. Также среди покупателей оказалось пять подьячих Васильевых: Богдан, Дмитрий, Иван, Осип, Томила. Больше других (19 книг за 9 покупок) приобрели дьяки Ларионовы – Василий, Григорий и Иван. За ними следовали трое Левонтьевых – Гавриил, Никита и Яков (17 книг за 10 покупок). Персонально чаще других (6 раз) лавку посещал «греческий переводчик» Иван Боярчиков. Максимальную же разовую покупку (10 Трефологионов) совершил дьяк Григорий Ларионов в воскресенье 27 августа 1637 г.

По четыре покупки сделали десять человек: подьячий Разрядного приказа Томила Васильев, дьяк Челобитного приказа Василий Волков, подьячий Печатного двора Фёдор Забелин и дьяк Гавриил Левонтьев, подьячий приказа Большого дворца Яков Левонтьев и дьяк Григорий Львов, дьяк Иван Нестеров, дьяк Фёдор Рыбинский, подьячий Разрядного приказа Иван Северов и дьяк Патриаршего разряда Фёдор Торопов.

Примерно для половины покупателей были записаны места их службы. Центральные правительственные ведомства представляли 25 учреждений, однозначным лидером из которых стал Разрядный приказ: 14 чиновников приказа (13 подьячих и 1 «приказной человек») за 22 посещения лавки купили 24 книги. С заметным отрывом от Разрядного приказа шли Поместный приказ и Патриарший разрядный приказ, представители которых соответственно приобрели 14 и 12 книг. По 10 экземпляров пришлось на три приказа: Большого дворца, Земский и Сытный двор. Служащие этих шести ведомств приобрели основную часть – 80 из 140 духовных книг, купленных представителями правительственных учреждений. Остальные ведомства шли в следующем порядке: Казанский дворец, Челобитный приказ, Патриарший дворец, Устюжская четь, Стрелецкий приказ, Кормовой дворец, Большой приход, Иноземный приказ, Новгородская четь, Суконный двор, Хлебный дворец, Галицкая четь, Патриарший казённый приказ, Светной дворец, Таможня, Холопий приказ, Белгородский приказ, Большая казна, Нижегородская четь, Печатный приказ, Померная изба.

В следующем нашем докладе по аналогичной базе данных мы рассмотрим, как изменились книжные интересы приказных чинов через четверть века, в 7171 (1663/64) г.

Сборники сказаний о древнерусских святых в рукописях XVIII в.

Русские рукописные сборники XVIII–XIX вв. неоднократно становились предметом изучения историков, филологов, книгovedов, прежде всего в контексте соотношения рукописной и печатной книги (Мильников А.С. Вопросы изучения поздней рукописной книги (проблематика и задачи) // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 19–36; Луппов С.П. Печатная и рукописная книга в первом десятилетии XVIII в. (проблема сосуществования) // Там же. С. 182–192).

Сборники XVIII в. как жанр хорошо известны в исследовательской литературе, хотя привлекали внимание, в первую очередь, благодаря традиции переписки светских повестей (Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века / Предисловие, подг. к печати, ред. и прим. В.Д. Кузьминой. М., 1963). К числу рукописей, создаваемых на заказ демократического читателя, и объединяющих как образцы назидательного чтения, так и беллетристические «истории», относятся, например, сборники ГИМ. Собр. Уварова. № 1084 и РНБ. Собр. Погодина. № 1603, исследованные Л.В. Титовой (Титова Л.В. Русская повесть в составе сборников XVII–XVIII веков // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 12.: Филология. С. 117–122).

Сборники XVIII в. многообразны, так отдельный вид их образуют рукописи, посвященные Петру I (Базарова Т.А., Вознесенская И.А. Рукописные сборники о Петре Великом: проблема кодикологического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 3. С. 75–84).

Для XVIII в. характерны сборники житий и сказаний, примечательные своим составом – создаваемые, очевидно, в качестве «малой домашней библиотеки». Благодаря публикациям Д.К. Уо в научный оборот в полной мере был введен сборник начала XVIII в. дьячка хлыновского Богоявленского собора Семена Федоровича Попова. (Уо Д. История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003). Д.К. Уо, в частности, было сформулировано очень важное наблюдение, касающееся распространения массовой книжности в петровское и несколько более позднее время: она сохранила многие черты традиционной книжной культуры предшествующего периода.

Сборники универсального содержания, значительную часть в которых, впрочем, могли составлять религиозные тексты, в том числе

сказания о местных святынях, собирались зачастую непрофессиональными книжниками, необязательно связанными с церковным причтом. В этой связи особенно интересен пример «библиотеки в одной книге» иконописца Василия Никитина (ум. после 1759). Им была собрана и частично переписана большая рукопись, включившая, помимо подборки сочинений о почитании икон, перечней чтимых икон и сообщений об иконописцах, также ряд сказаний об иконах и записки, по существу являющиеся семейной хроникой Никитиных. В середине XIX в. сборник находился в собрании известного ярославского краеведа В.И. Лествицына, а в настоящее время он хранится в Музейском собрании Государственного исторического музея под № 3194 (*Романова А.А.* Сборник из собрания В.И. Лествицына в Музейском собрании ГИМ // Сборник в честь В.К. Зиборова. СПб., 2017. С. 205–212).

Большой формат не слишком характерен для четких сборников, он чаще используется для парадных рукописей, но именно от XVIII в. сохранился ряд сборников сказаний об иконах такого формата. Одна из них хранится в собрании Отдела рукописной и редкой книги МГУ: это сборник № 302, первая треть XVIII в., 853 л. Он включает, как и Муз. 3194, Сказание о Богоматери Одигитрии Песошенской и ряд других редких Сказаний, что позволяет выдвинуть предположение об использовании близкой подборки сказаний об иконах составителями рукописей МГУ. № 302 и Муз. 3194.

Интересно отметить, что тенденция к увеличению размеров отразилась и на традиции создания святцев, или месяцесловов – рукописей, которые традиционно тяготеют к «карманному» формату. Так, рукопись святцев 1720-х гг. из собрания Е.И. Усова (современный шифр: РГБ. Ф. 651. № 88) объединяет с упомянутыми выше сборниками сказаний об иконах не только интерес к российским святыням, но как формат, так и размер 1°, 902 л.

К сожалению, рукопись не сохранила начало, текст святцев начинается с середины 3 сентября. Сборник содержит не только памяти святых, краткие жития и сказания об иконах, но также ряд текстов о современных составителю рукописи событиях астрономического характера, в частности составитель отмечает «гибель солнцу» 17 апреля 7226 г. и 27 января 7227 г. Судя по этим записям, рукопись не могла быть создана ранее 1719 г. Особенно интенсивными были наблюдения за 7227 г., о чем свидетельствуют подробные записи под 24 марта (л. 453): «Сего же дни в лета 7227 во вторник страстные недели округ солнца бысть кроваво видимо из за беловодных облак яко на 120 градусов. Над 13 часов дни 7 минут 30 секунден» и 31 марта: (л. 459 об.): «В сий день 7227 – округ солнца бысть кровав величеством яко на 200 градусов небесных. На 13 ча-

сов дни 33 минуты и 45 секунден». Отмечена в тексте святцев дата Полтавской битвы под 27 июня: «В сий день празнуем благодарственное к Богу в Троице святой славимому о великом благодарованной победе над свейским кралем Каралом 12 и воинст//вом его содеяно под Полтавою в лето 1709» (л. 634).

Составитель святцев внимательно отнесся и к разночтениям в своих источниках. Так, под 25 июля он отмечает (л. 744 об.): «В Минеи пишет в сий день преподобномученице Параскеви, в новоисправленных же Прологах пишет в 26 день Параскеви». На л. 792 об. под 7 августа приписано: «В месяцсловах киевских и львовских в сей день положено память святой царицы Пулхерии, мы же положихом септевриа в 10 день».

Сохранившиеся рукописи демонстрируют сочетание традиционного и нового в русской книжной культуре XVIII в., которое не всегда прослеживается по другим видам источников.

*А.И. Рупасов, д.и.н., в.н.с. М.М. Сафонов, к.и.н., с.н.с.
СПБНИИ РАН*

Неизвестная публикация манифеста об отречении Николая II

3 марта 1917 г. газета «Ревельское слово» опубликовала сообщение: Николай II подписал акт отречения. (Ревельское слово. 1917. 3 марта). Утром 3 марта известие об отречении царя было расклеено на улицах. «Ревельское слово» уже в этот день обнародовала текст манифеста. (Красный архив. 1927. № 3(22). (далее – КА) С. 30.) Публикацию осуществили по приказанию командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина. Опубликованный газетой абдикационный документ завершился так:

«Город, Псков, 2 марта 1917 года, три часа дня
Николай».

Тексту предшествовал набранный заглавными буквами заголовок: «МАНИФЕСТ». Никаких других признаков манифеста опубликованный документ не содержал. В нем не было ни титула императора, ни обращения к верным подданным. Подпись Николая не была заверена. Газета сообщила, что царь подписал «акт отречения», но опубликовала она не акт, а, условно говоря, «манифест».

Опубликованный в Петрограде «Известиями» на следующий день 4 марта текст «манифеста», полученного так же от Непенина, имел некоторые отличия от обнародованного в Ревеле (Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 марта). В петроградской публикации, как и в ревельской, отличия эти касались оформления документа. Можно даже сказать, что петроградский вариант был «усовершенствован» и стал ближе к офи-

циально принятой форме этого документа. Хотя в ней тоже не было ни титула императора, ни обращения к подданным. Но подпись царя оказалась уже заверенной: «Скрепил министр Императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс». В известинском тексте дата была обозначена по-другому: «2 марта, 15 часов 1917 г.», и она располагалась после подписи «Николай». После даты под ней было напечатано: «Гор. Псков», в то время как в ревельском тексте подписи Николая предшествовала фраза: «Город, Псков, 2 марта 1917 года, 3 часа дня».

Очевидно, атрибуты манифеста, появившиеся в опубликованном документе это – «самодеятельность» не подготовленного для такой работы вице-адмирала. Фраза же «Город, Псков, 2 марта 1917 года, 3 часа дня», несомненно, сочинена и вставлена в текст самим командующим. Полный расцвет такого рода «творчества» допустили редакции ведущих газет. Они импровизировали, чтобы придать абдикационному тексту правильные формы манифеста. «Русское слово» опубликовало «манифест» с титулом и обращением к подданным. Подписи царя предшествовала надпись: «На подлинном е.и.в. рукою подписано». Была и скрепа Фредерикса, а под ней стояла дата: «2 марта 1917 года, 15 часов. Город Псков» (Русское слово. 1917. 4 марта). Публикация «Утра России» отличалась тем, что слово «Город» было заменено аббревиатурой «Г.», а скрепа Фредерикса располагалась не над датой, а под ней (Утро России. 1917. 4 марта).

Журналистскую «самодеятельность» проявили и другие газеты. Но Николай II никогда не подписывал опубликованных в таком виде этих фальшивых, сфабрикованных редакциями ведущих газет документов.

3 марта в 1.00 Ю.Н. Данилов начальник штаба Северного фронта, расположенного в Пскове, послал телеграмму в Могилев начальнику штаба М.В. Алексееву о том, что царь подписал «акт отречения от престола», текст же его будет передан «дополнительно». Она была принята в Могилеве в 1.28. В телеграмме, отправленной из Пскова в Петроград А.И. Гучковым и В.В. Шульгиным, говорилось: «Государь дал согласие на отречение... Манифест последует немедленно». (КА. С. 15, 16). Телеграмма была получена в Петрограде в 2 ч 17 м (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. № 1245. Л. 10.) Очевидно, когда она отправлялась, манифест еще не был готов.

В 2.57 Алексеев начал рассылку телеграммы Данилова главномам вместе с приказом, чтобы текст манифеста был немедленно передан войскам по телеграфу, напечатан и разослан (КА. С. 17–18). В 3.30 в Гельсингфорсе в штабе флота получили текст манифеста с указанием даты его подписи: «2-го марта 15 часов в Пскове»

(РГА ВМФ. Ф. 3-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 91). Непенин немедленно распорядился напечатать его и расклеить в городе. В 8 часов он донес в Ставку, что «в Ревеле уже объявлено, расклеено». (КА. С. 30). Поскольку вице-адмирал считал, что время не терпит, он попытался придать полученному тексту вид манифеста, полагая, что второстепенные детали не так уж и важны. (КА. С. 3). Командующий назвал этот документ «манифестом» и придал ему форму, как он полагал, присущую этим правительственным сообщениям. Очевидно, атрибуты манифеста, появившиеся в опубликованном документе, это – «самодеятельность» не подготовленного для такой работы моряка. Но его публикация чрезвычайно важна. Она свидетельствует: полученный Непениным документ, представлял в чистом виде тот текст, который был на руках тех, кто около 3 часов ночи поспешил отправить его в Ставку.

Сравним опубликованный в Ревеле текст с текстом, который считается подлинником манифеста об отречении (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 5). Манифест открывается словами: «Ставка. Начальнику штаба». В ревельской публикации они отсутствуют. Завершается текст манифеста так: «Г. Псков. 2-го марта 15 час. мин. 1917 г.». Ниже этой надписи в правом углу находится сделанная химическим карандашом подпись «Николай». Еще ниже в правом углу располагается выполненная чернилами и разбитая на две строки заверительная подпись: «Министр императорского Двора Генерал-адъютант Граф Фредерикс».

Очевидно, в подлиннике в момент передачи текста А.И. Непенину этих аксессуаров манифеста еще не было. Их внесли уже после того, как текст оказался в Гельсингфорсе. Это означает, что Николай II не ставил своей подписи под документом, оформленным таким образом, и дошедший до нас подлинник «актаманифеста» является фабрикацией.

Комментарий:

На основании текста т. н. Манифеста об отречении Николая II, опубликованного в газете «Ревельское слово» 3 марта 1917 г. по распоряжению вице-адмирала А.И. Непенина, и его сравнения с подлинником Акта об отречении, хранящемся в ГА РФ, авторы делают вывод о том, что этот подлинник «является фабрикацией». Каковы основания для таких выводов? Понятно и вполне объяснимо, что сам Акт не был оформлен в делопроизводственном виде Манифеста (он и не мог быть оформлен таким образом в силу походных условий и чрезвычайности обстоятельств), и все заголовки и соответствующие виду Манифеста формулировки были внесены при публикациях текста уже в редакциях тех или иных

изданий. Форма же сохранившегося подлинника Акта (всего было сделано два экземпляра) объясняется тем, что документ предназначался для объявления в армии и был послан, прежде всего, начальнику штаба М.В. Алексееву. От Алексеева же получил этот текст и Непенин. Сравнение опубликованного им текста с подлинником не обнаруживает существенных смысловых различий, но текстуально отличается лишь в указании места и даты подписания: подлинный Акт датирован «2-го марта 15 час.», в «Ревельском слове» – «2 марта 1917 года, три часа дня». Как пишут сами авторы, в полученном Непениным по телеграфу тексте была указана дата его подписания «2-го марта 15 часов в Пскове». Ясно, что по телеграфу передавался только самый текст документа, указания же даты и места подписания текстуально варьировались уже при самой телеграфной передаче. Точно так же скорректировал их и Непенин, попытавшись тем самым как бы «восстановить» тот вид, который они имели первоначально (и о котором он, разумеется, не знал). Эти вариации, связанные с особенностями передачи текста, ни в малейшей степени не могут свидетельствовать о подложности самого документа. В этом отношении столь же вторичной была и контраССИгнация Акта графом Фредериксом. Тем самым авторы придают решающее значение деталям, которые в реальности такового значения не имели и иметь не могли. Ошибочно и утверждение о том, что архивный подлинник Акта подписан химическим карандашом.

Е.В. Пчелов

*Е.В. Русина, к.и.н., в.н.с.
ИИИ Украины НАН Украины*

К характеристике Волынской краткой летописи

Специалисты не раз отмечали крайнюю скудость литературного ландшафта украинских земель периода их пребывания в составе Великого княжества Литовского. Данный феномен еще ждет своего объяснения; мы же хотим обратиться к одному из уникальных памятников местной книжности, дошедшему до нас в составе Супрасльского летописного сборника первой половины XVI в. (опубл.: Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836). Указанный сборник, находящийся ныне в фондах Российского государственного архива древних актов (Ф. 181. Оп. 1. Ч. 1. № 21/26), состоит из двух частей.

Первая – это список т. н. летописи Авраамки; он, как и Толстовский список данной летописи, прерывается на описании разорения Москвы Тохтамышем в 1382 г. Вторая летопись имеет более слож-

ный состав и была при издании Супрасльского сборника названа Киевской сокращенной. Это название не вполне соответствует ее содержанию. На всем протяжении летописи прослеживается явный интерес ее составителя к истории Смоленска, а находящиеся в ней оригинальные известия конца XV в. фиксируют события, происходившие на территории Волыни. Именно поэтому авторитетный исследователь летописания Николай Улащик переименовал данную летопись в Волынскую краткую; он же издал ее в серии «Полное собрание русских летописей» (Т. 35. М., 1980. С. 118–127).

Летопись содержит обширную «Повесть о битве под Оршей», на которой сфокусировались интересы анонимного книжника. Известно, что эта битва (1514 г.) была одним из этапных моментов борьбы за Смоленск, а ее героем стал волынский князь Константин Острожский, командовавший литовскими войсками. До сих пор литературоведы усматривали в «Повести» преимущественно эпические мотивы, сближая ее со «Словом о полку Игореве», былинами и украинскими думами. Кроме того, специалистам было ясно, что в «Повести» князь Константин Острожский сопоставляется с некоторыми из героев «Александрии» – переводного романа об Александре Македонском, очень популярного в средневековье и в раннее Новое время. Однако до углубленного изучения этого вопроса дело так и не дошло.

Предпринятый нами анализ показал, что автор «Повести» был знаком с т. н. Сербской «Александрией», появившейся на Руси в XV в. Упоминание в «Повести» мифической «реки Арсинорской» прямо указывает на использование книжником текста Сербской «Александрии», где эта река фигурирует как место сражения объединенных сил царей Дария и Пора с Александром Македонским (Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.; Л., 1965. С. 34, 35). При этом утверждается, что Острожский, «великий гетман» Сигизмунда I, уподобился «великому гетману царя Александра Македонского» Антиоху, когда, подойдя к Днепру, увидел, что через реку будет непросто перебраться. Однако, вопреки логике, следующее за этим описание действий князя восходит к другому эпизоду Сербской «Александрии» – форсированию воинами Александра мифической речки Алфолон (Анфилон). Героем сюжета здесь выступал не Антиох, а македонский полководец Филон, который, преследуя войско царя Пора, обнаружил, что водная преграда «непреходна есть конскими ногами» (Александрия. С. 51).

Смешение двух разных эпизодов жизнеописания Александра в тексте «Повести» (если только оно не является следствием дефектности списка «Александрии», бывшего у ее составителя) остается

непонятным по своим интенциям. Характерно, что оно ведет к явной и грубой ошибке: Антиох руководит переправой не «храбрых македонян», а «войска персидского». Объяснение данного недоразумения заключается в том, что Филон, упоминаемый, кстати, только в Сербской «Александрии», фигурирует в ее тексте как наместник Александра в Персии после поражения Дария; соответственно, на помощь Александру, воюющему с Пором, он приходит «от Персиды».

Стоит отметить, что использование текстуальных элементов Сербской «Александрии» при описании батальных сцен в восточнославянской письменной традиции отнюдь не беспрецедентно. Скажем, ее влияние весьма ощутимо в «Сказании о Мамаевом побоище», куда переместились не просто отдельные цитаты, а целые сюжетные линии «Александрии». В случае с нашей «Повестью» такое заимствование имело довольно ограниченный характер и порой практически недоказуемо. Можно лишь предполагать, что адресованное Острожскому обращение «честная и велеумная главо» / «пречестная и премудрая главо» восходит к обращению Александра к Аристотелю «многочестная и мудрая главо» (Александрия. С. 64); при этом стоит напомнить, что в своем «Слове о законе и благодати» Иларион обращался к князю Владимиру «честная главо».

Как бы там ни было, автора «Повести» вряд ли можно назвать искусным в создании образного ряда. Сравнивая Константина Острожского со славным «гетманом» Александра Македонского Антиохом, он параллельно находит в нем черты поверженного недруга Александра – «великого царя индийского Пора, которому ж многи цари и князи противни быти не могоша». Одновременно ему приписывается храбрость властителя Армении Тиграна II Великого. При этом автор «Повести» ссылается на «Фролоса», под которым следует понимать римского историка Луция Аннея Флора, составителя компендия трудов Тита Ливия под названием «Эпитомы». Однако на самом деле наш книжник не был знаком с этим сочинением, так как данное известие он почерпнул из 8-й книги Хроники Иоанна Малалы, несколько его видоизменив и сократив (ср.: *Истрия В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. С. 226, 249; Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 189).

В целом, его творение вряд ли может служить источником данных о битве под Оршей. Однако оно немало говорит нам как об ее восприятии современниками, так и о способах глорификации этого события. Анонимный автор «Повести», кем бы он ни был, не обладал, по-видимому, широким литературным кругозором, но, тем не

менее, постарался ввести битву под Оршей в широкий культурно-исторический контекст, возвысив ее до античных аналогий.

*И.И. Руцинская, д.культ.н., доц., проф.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Путеводитель: парадоксы жанра

Во второй половине XX – начале XXI века путеводитель вошел в число самых востребованных книжных жанров. Многомиллионные тиражи, однако, не стали достаточно веской причиной для привлечения научного внимания к данному виду изданий: путеводитель был и остается малоизученным культурным феноменом.

В словарях и энциклопедиях он определяется как «справочное издание, содержащее сведения о стране, городе, туристских маршрутах, историко-культурных достопримечательностях» (Большой энциклопедический словарь. М.-СПб., 1997. С. 979), т. е. подчеркивается его монофункциональность и предельная жанровая однозначность. Подобные определения являются примером редуцирования содержания и сужения смыслового поля жанровых канонов. Они отсекают целый ряд важнейших функций путеводителя, скрывают сложность его структуры и содержания, разнообразие функций, противоречивость форм бытования.

В итоге можно говорить о парадоксах жанра путеводителя, о тех его жанровых особенностях, которые существенно расходятся с общепринятыми определениями.

1. Путеводитель считается монофункциональным изданием, однако он выполняет целый ряд функций, которые по умолчанию признаются, но никак не артикулируются. К ним относится прежде всего рекламно-имиджевая функция. Путеводитель выступает элементом рекламирования конкретных туристских дестинаций, использующим весь арсенал имиджевых стратегий (позиционирование, персонификация, мифологизация и т.д.). Не менее значимой является функция перевода научного знания на уровень обывденного сознания – то есть функция, которую традиционно выполняют научно-популярные издания. Реализация данных функций предопределяет значительные отступления от нейтрального, научного стиля изложения и обращение к расширенному арсеналу языково-стилистических средств. Преувеличения, эмоционализация, использование эпитетов оценочного ряда, обращение к словесным штампам и клише не позволяют говорить о «жанровой чистоте» путеводителя и свидетельствуют о синкретичности его стилистики.

2. справочный жанр предполагает, что текст служит задачам беспристрастного информирования своего читателя. Однако в ре-

альности путеводитель является формой управления туристским поведением (что отражено в самом его названии). Он формирует стереотипы поведения, манипулирует желаниями и поступками своей аудитории, конструирует тот мир, тот набор объектов, которые увидят его читатели, задает ту систему передвижения и способы восприятия, которыми они воспользуются. Он в значительной степени стимулирует логику престижного потребления в туристском пространстве.

3. Считается, что путеводитель призван рассказывать своей аудитории о произведениях и памятниках культуры и искусства. Однако данное определение также требует уточнения. Путеводитель рассказывает об объектах массовой культуры. Более того, можно утверждать, что он выступает своеобразным инструментом перевода произведений высокого искусства в пространство масскульты. По точному выражению А.В. Костиной, «в массовом обществе любой артефакт становится ценностью, если он является продуктом массового потребления» (*Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2009. С. 19*). Путеводитель принимает активное участие в регулировании процесса потребления культурных ценностей. Он вводит их в пространство массовой культуры. Выполнение этой функции включает ряд операций: упрощение, схематизация, а порой и искажение его смыслов ценностей и значений, тиражирование и организация массового потребления в сферу престижного потребления. В итоге памятники культуры обретают статус туристских достопримечательностей, т. е. специально отобранных и особым образом поданных объектов, существующих в особом социокультурном пространстве. Данную функцию можно было бы оценивать негативно (как обычно негативно оценивается функционирование массовой культуры в целом), однако упрощение и стереотипизация культурных смыслов и ценностей, создание особого пространства для функционирования, рекламирования и тиражирования артефактов одновременно является формой их популяризации, а в итоге – формой сохранения.

4. Считается, что путеводитель – источник точных знаний, что он транслирует проверенную, объективную информацию. Любой читатель обращается к нему как надежному справочнику. В реальности можно утверждать, что справочная надежность никогда не была сильной стороной книг данного жанра. И хотя в последние десятилетия ситуация значительно изменилась в лучшую сторону, путеводители продолжают оставаться источником ложных стереотипов. Прежде всего национальных стереотипов, поскольку описание национального характера, обычаев и нравов, национального

образа жизни является важным элементом страноведческой информации, предлагаемой практически каждым путеводителем.

5. Предполагается, что сохранение информации о территории на страницах путеводителей превращает данный жанр в один из надежных инструментов сохранения исторической памяти. Однако путеводитель – важнейший инструмент государственной политики памяти, а это значит, что он в равной степени может служить и инструментом забвения. Любые революционные изменения в обществе, влекущие за собой переоценку ценностей, в полной мере отражаются на страницах книг данного жанра. Путеводитель способен «стирать», убирать из описываемого пространства те объекты, которые «не вписываются» в идеологические конструкции. Особенно яркий пример «перекодирования» туристского пространства демонстрировали книги 1920-х и 1990-х гг.

Таким образом, полифункциональность, стилистическая синкретичность, прямая зависимость от социокультурного контекста превращают путеводитель в сложный конструкт массовой культуры, выходящий далеко за пределы существующих определений и дефиниций.

*Д.С. Рыжова, м.н.с.
ИВИ РАН*

Два герба Симона де Монфора

Гербовник Гловера, один из самых ранних известных гербовников, представляет собой перечень придворных Генриха III. Сравнение имен, перечисленных в гербовнике и в призывных грамотах, позволяет с большой уверенностью говорить о датировке оригинала 1255 г., то есть временем до формирования баронской оппозиции (*Nicholas N.H. Rolls of Arms of the Reigns of Henry III and Edward III. London, 1829*). Имя Симона V де Монфора, 6-ого графа Лестера (1208–1265) в этом гербовнике расположено под четвертым номером в списке, уступая только королевским особам (*Armytage G.J. Ancient Rolls of Arms. Glover's Roll of the Reign of King Henry III. London, 1868*).

Семья Монфоров на протяжении нескольких поколений занимала высокое место при королевских дворах Англии и Франции, однако столь претенциозное положение в гербовнике, не уступающее никому, даже лорду-маршалу Англии, позволяет предположить, что гербовник был создан по заказу самого Монфора (*Denholm-Young N. History and Heraldry, 1254 to 1310. Oxford, 1965*) и являлся визуальным выражением его политических амбиций (*Рыжова Д.С. Гербов-*

ник как инструмент политического влияния в эпоху Эдуарда I // *Signum* / Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 9. М., 2017. С. 31–46).

Немаловажным аргументом в пользу того, что именно Симон де Монфор мог быть заказчиком гербовника, является и то, что только у него, помимо личного герба «*Le Counte de Leister goules ung leon rampand dargent le cove le fourchee*», указано и его знамя: «*Et le Bannr pty endentee dArgent & de goules*». И если лев с раздвоенным хвостом не вызывает сомнений, – он встречается на ряде личных печатей и изображений семейства Монфоров с начала XIII в., – то красно-белое знамя оставляет много вопросов.

Х. Николас пишет, что многие источники, хранящиеся в Геральдической коллегии и в Британском музее, упоминают этот герб как «старый герб Лестера» (*Nicholas N.H. Op. cit.*). Принято считать, что этот герб принадлежал Хинкли, одному из крупнейших городов графства Лестер, благодаря которому Монфоры занимали положение лорда-распорядителя Англии, и использование его Монфорами было визуальным выражением занимаемой должности. Надо отметить, что этот герб до сих пор является частью герба современного Хинкли, официально зарегистрированного в 1974 г., активно используется в сувенирной продукции города и включен в эмблему его футбольных команд.

Должность лорда-распорядителя Англии была учреждена в XII в. Генрихом II для англо-нормандского аристократа Робера де Бомона, графа Лестера в качестве награды за поддержку монарха и должна была передаваться по наследству по линии графов Лестер. Таким образом, установилась связь между должностью и земельным владением.

Мы знаем, что место лорда-распорядителя Англии вместе с держанием графства Лестер Симон V де Монфор получил от своего отца Симона IV де Монфора, 5-ого графа Лестера (ок. 1165–1218), лидера крестового похода против альбигойцев. Согласно изображению на витраже Шартрского собора, он также носил на щите льва Монфоров и красно-белое знамя Хинкли.

Однако, вопреки предположениям, герб Хинкли вряд ли может быть старым гербом города или графства: предыдущие графы Лестера Бомоны этим гербом никогда не пользовались.

Более того, на витражах собора в Шартре, помимо Симона IV, изображён и его старший сын Амори VI де Монфор (1192–1241). Известно, что подобно тому, как Симон V наследовал английские владения отца и должность лорда-распорядителя Англии, Амори был наследником французских держаний (Монфор, Тулуза) и должности сенешаля Франции. Таким образом, графом Лестера он не был, но, так же как и отец, изображён со знаменем Хинкли.

Этот же зазубренно-рассечённый на серебро и червлень герб встречается на печати Амори VI, графа Эврё и Глостера (1170–1213), двоюродного брата Симона IV, что говорит об изначальной принадлежности герба к семье Монфоров.

*Ю.Р. Савельев, д.иск., чл.-корр. РАН, проф., г.н.с.
ПСТГУ, НИИТИАГ (Москва)*

О программе мозаичного декора памятника Императору Александру II в Московском Кремле

История проектирования и строительства памятника императору Александру II в Московском Кремле только в наши дни становится предметом все более подробного изучения из-за большого значения, которое он имел в истории страны и ее искусства. Одним из главных вопросов символики и художественного убранства памятника является история замысла и осуществления галереи портретов «державных правителей Руси».

В 1895–1897 гг. шло сооружение галереи и центральной сени памятника. Галереи покрывались бетонными сводами системы Монье для облицовки их мозаикой. Всего итальянскими мастерами было установлено около 200 м² мозаичных панно. «Мозаичный портрет, сделанный одним из итальянских мозаичистов, работающих на установке мозаики, императора Николая Александровича, был приобретен Н.В. Султановым» (РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 12. Л. 190. «Петербургский листок». № 207. 31 июля 1898 г.).

Заслугой Н.В. Султанова было расширение исторической программы памятника, которая первоначально заключалась в изображении главных событий царствования Александра II. Благодаря зодчему «государь одобрил мысль Султанова не ограничиться одним орнаментом, и дать на сводах галереи портреты русских правителей, начиная с первого неязыческого государя – Св. равноапостольного Владимира, заканчивая отцом Александра II – Николаем Павловичем. Султанов выработал список портретов, государь утвердил» (Там же. Д. 42. Л. 19).

Закономерно, что в программе портретов преобладала «единодержавная» концепция русской истории, которая, однако, берет начало лишь со становлением московской великокняжеской династии в конце XV в., а до этого сложная система старшинства среди княжеских династий Средневековой Руси была иной. По первоначальному замыслу Н.В. Султанова, три первые столетия христианской истории (до Ивана Калиты) представляли 13 великокняжеских портретов, но в окончательном варианте их осталось только восемь. Вместо 35 портретов правителей России было выполнено 33. Среди

них не нашлось места для св. блгв. князя Михаила Черниговского, князя Романа Волынского, короля Галицкого Даниила I, псковского князя св. Довмонта и св. великого князя Михаила Тверского. Вместо них в галерею портретов были включены московские великие князья Симеон Гордый, Василий I и Василий II (ЦИАМ. Ф. 1080. Оп. 1. Д. 14. Л. 21). Тем самым утверждался приоритет московской династии, в то время как портреты верховных правителей Средневековой Руси других великокняжеских домов исключались.

Когда художник П.В. Жуковский приступил к работе над портретами, он обращался к Н.В. Султанову: «Жуковский взялся создать для мозаичистов все несуществующие портреты. А портреты, которые дошли до нас – написать на основании этих изображений; задача для Жуковского была громадная и непосильная. Он не настолько знал русскую историю, чтобы постичь внутреннее лицо какого-нибудь Ивана Калиты или Василия Темного, и приезжал постоянно к Николаю Владимировичу разрабатывать вместе портреты, и затем о каждом из них советовался с царем» (РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 42. Л. 19).

«Не уступал он [Жуковский] государю и в вопросе о мозаике. <...> Государь поднял вопрос о способах наиболее прочного укрепления сводов памятника живописью, причем рекомендовал живопись на лаве, рассказав, что ему поднесли образ Александра Невского, писанный на лаве, и он ему очень понравился. <...> ни Жуковскому, ни Султанову тусклая живопись на лаве не понравилась, и Жуковский передал это царю, просил его разрешить сделать все орнаменты мозаичные, на что государь согласился, но заметил: “Боюсь климата ... Мозаика для Италии, для Византии, а не для кремлевских морозов”. Но на лаве не настаивал» (Там же. Л. 17–18, 19).

На заседании Комитета по постройке памятника 15 декабря 1895 г. встал вопрос о выборе подрядчика для исполнения мозаичного декора, и производители работ просили сравнить качество русской и итальянской мозаики: «решение вопроса из какой мозаики надлежит исполнить орнамент и портреты в куполе сени и сводах галереи памятника императора Александра II. <...> Производители работ ходатайствуют о том, чтобы Комитет попросил Комиссию по постройке храма Воскресения в Санкт-Петербурге в память 1 марта сообщить копию с протокола с произведенных ею испытаний образцов мозаики: «русской» из мастерской Фролова и «итальянской» из мастерской «Societa Mussiva» в Венеции» (ЦИАМ. Ф. 1080. Оп. 1. Д. 13. Л. 125, 128). Выбор был сделан в пользу известных венецианских фирм «Venezia-Murano» и «Societa Musiva Veneziana», а документы Комитета сохранили имена венецианских мастеров, работавших в Кремле: Джакомо Сонсоньо, Габриэле Сон-

соньо, Антонио Костама, Джованни Самбо (Товарищество «Венеция Мурано») и Франческо Трани, Анжело Стефанутти, Джованни Кампанато (Венецианское мозаичное общество) (ЦИАМ. Ф. 1080. Оп. 1. Д. 21. Л. 14). Скорее всего, выбор итальянских мастеров не определялся исключительно производителями работ, особенно П.В. Жуковским, сторонником неоренессанса.

Предпочтение венецианским мастерам было отдано не случайно. «Венецианское мозаичное общество» (1876–1913) вскоре после основания завоевало европейскую известность благодаря высокому качеству своих изделий, которые получали награды на национальных и всемирных выставках. Среди его клиентов находились королевские особы, а в ряду главных произведений – мозаичная декорация неовизантийской церкви Нотр-Дам-де-ла-Гард в Марселе и мавзолея папы Пия IX в римской церкви Сан Лоренцо. В их число вошло и мозаичное убранство московского монумента, за которое художественный руководитель общества Аттилио Анелли-Монти (1854–1924) был удостоен ордена св. Станислава III степени. Вероятно, Н.В. Султанов побывал в венецианской мастерской на Ка'Бернардо во время одной из своих поездок по Италии в конце 1890-х гг.

Приглашение венецианских мастеров отражало состояние мозаичного дела в Европе, и именно их выбор для изготовления и монтажа мозаичного убранства памятника в Московском Кремле основывался на объективном анализе художественного и технического качества изделий этих мастеров. Требуется дальнейшего исследования история создания проекта мозаики по картонам П.В. Жуковского, а также поиск материалов о работе итальянских фирм по ее установке в Москве.

*И.В. Сахаров, засл. работ. культ. РФ
руководитель Центра генеалогии РНБ*

**Е(Э,Я)нд(а)г(в)уровы – орфографический рекорд:
к вопросу о вариативности написания
российских дворянских фамилий**

Хорошо известно, что в старину написание русских фамилий не было устойчивым. Например, безударные литеры «о» нередко писались так, как их слышало русское ухо, – через «а», в том числе и в начале некоторых фамилий: Алсуфьевы вместо Олсуфьевых, Афросимовы вместо Офросимовых и т.д. (отчасти это зависело от того, из какого региона происходили писцы, оформлявшие те или иные документы, и каков был их родной говор – «акающий» или «окающий»). В конце некоторых фамилий безударные «о» и «е» нередко замещали друг друга – примером могут служить Новосиль-

цевы и Новосильцовы). Другая распространенная закономерность – замена звонких литер на глухие, например, Ватковские вместо Вадковских. В некоторых фамилиях то появлялся, то исчезал мягкий знак – Неболсины со временем превратились в Небольсиных, а позже члены одной из семей стали снова писаться Неболсиними; Ельчаниновы иногда фигурировали как Елчаниновы. Разумеется, неустойчивым было написание и некоторых татарских по происхождению и особенно иностранных фамилий. С последними иногда происходили самые замысловатые орфографические метаморфозы. Так, один член знатного немецкого рода фон Менгденов, попавший в конце XVII столетия в плен к русским и перешедший на русскую службу, стал писаться Фамендиным, и эта фамилия закрепилась за его потомками, пока один из них во второй половине XIX в. не добился возвращения изначального ее написания. В некоторых случаях нестабильная орфография весьма затрудняет поиск интересующих генеалогов персон в алфавитных указателях.

Уникальный случай представляет собой написание фамилии Ендогуровых. Носители этого прозвания впервые зафиксированы в документах XVI в. (причем уже тогда они писались как Ендогуровыми, так и Ендагуровыми). Однако со временем первая буква фамилии некоторых членов этого рода «превратилась» в «Э» или, реже, в «Я». Четвертая буква этой фамилии во всех ее вариантах – то «о», то «а»; а на пятом «месте» взаимозаменяют друг друга то «г», то, реже, «в»; более того, во многих случаях и «г», и «в» вообще выпадают, и на пятом месте оказывается литера «у». В документах нами зафиксировано не менее десяти вариантов написания этой фамилии – абсолютный рекорд! Самое замечательное состоит в том, что известны случаи, когда не только отец и сын писали свою фамилию по-разному, но один и тот же человек в разных документах, в том числе имевших официальный характер, мог писаться то через «Е», то через «Э» (не говоря об отмеченной выше вариативности последующих букв этой фамилии)!

Ю.Н.Полянская, н.с.   И.В.Сахаров, засл.работ.культ. РФ
Центр генеалогии РНБ   руков. Центра генеалогии РНБ

Собирательство как форма научной деятельности: на примере архивного наследия генеалогов А.А. Сиверса

Среди ученых, оставивших свой след в истории генеалогии как исследователи *par excellence* и как собиратели и коллекционеры, видное место принадлежит Александру Александровичу Сиверсу (1866–1954).

После революции некогда единое личное архивное собрание Сиверса по ряду причин оказалось расчлененным и ныне хранится в четырех государственных архивах в Санкт-Петербурге и в Москве: в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН (Ф. 121), в ГАРФ (Ф. 1068), в РГИА (Ф. 720) и в Отделе письменных источников ГИМ (Ф. 471); впрочем, фонд, отложившийся в ОПИ ГИМ, пока что закрыт для исследователей, так как до сих пор остается необработанным. Однако, к счастью, собрание Сиверса в целом практически полностью сохранилось, и это позволяет нам основательно и всесторонне ознакомиться с творческим наследием ученого.

Прежде всего, его вклад в науку представлен печатными трудами, в первую очередь монографиями «Материалы к родословию Мухановых» (СПб., 1910. 376 с.), «Родословие Озеровых» (СПб., 1911. 174 с.) и сборником «Генеалогические разведки» (СПб., 1913. 182 с.), включающим поколенные росписи ряда дворянских родов, связанных с Поволжьем. Между прочим, отложившиеся в его личном собрании записи свидетельствуют о том, что даже после опубликования указанных выше трудов, сколь ни высок был их научный уровень, Сиверс продолжал накапливать относящийся к ним материал, как бы намереваясь впоследствии выпустить их вторым изданием, что отражает такую важную сторону его личности, как перфекционизм и неутомимое пассионарное трудолюбие.

Более того, в архиве ученого сохранились и составленные им поколенные росписи многочисленных других дворянских родов, фактически готовые или почти готовые к печати, и, очевидно, опубликовать их Сиверсу помешали условия советской действительности, когда генеалогия оказалась в положении «нелюбимой падчерицы» отечественной исторической науки, а сам генеалог подвергся неоднократным репрессиям со стороны властей.

Наконец, в собрании ученого отложились обширные собранные им материалы по тем или иным родам, представляющие лишь черновые заготовки родословных, которые Сиверс, вероятно, планировал впоследствии обработать и подготовить к печати, но не успел эту работу завершить (в эту группу входят, в частности, материалы по генеалогии и семейной истории той ветви Сиверсов, к которой принадлежал сам генеалог, и ряда родственных ему семей).

Однако при ознакомлении с собранием Сиверса с самого начала обращает на себя внимание важное обстоятельство: в нем представлены материалы, которые хотя и имеют генеалогический, просопографический и историко-семейный характер, но, по-видимому, не были связаны с его научными планами. Иными словами, Сиверс собирал такие материалы, к которым ему не придется обращаться впоследствии никогда, причем, подчеркнем, это не могло не быть

очевидным для него самого! Так, Сиверс из года в год выписывал ежедневную газету «Новое время» и аккуратно вырезал помещенные тысячи извещений о смерти различных лиц – независимо от того, понадобятся ли ему эти сведения или нет. Другой пример: просматривая те или иные архивные дела, Сиверс то и дело делал на небольших листках бумаги разного рода выписки, касающиеся множества персон; по теории вероятности, эти данные в подавляющем большинстве случаев в будущем опять-таки не могли ему понадобиться.

Здесь следует сказать, что просопографическая и историко-семейная «всякая всячина» нередко «как бы сама» попадает в рабочий архив едва ли не каждого генеалога как некий побочный продукт, хранить который, как рассуждают многие, вроде бы и не обязательно, но выбросить жалко.

Однако ситуацию с собранием Сиверса нельзя назвать обычной. Это связано прежде всего с огромными масштабами его собирательства, разнохарактерным составом собранных им материалов и поистине необъятном разбросом содержащейся в них персональной информации.

Вероятно, нет другого генеалога, которому удалось бы сформировать такое большое по объему собрание: в целом, по нашим приблизительным подсчетам, оно содержит не менее 50 тысяч листов (при этом нередко записи сделаны на двух сторонах листа), причем в эту цифру мы не включили несколько тысяч карточек малого формата из нескольких картотек и множество упомянутых выше вырезок газетных извещений о смерти (не говоря о пометах, иногда весьма обширных, сделанных на страницах книг его личной библиотеки).

Важной особенностью собрания Сиверса является то, что в нем представлены далеко не только его собственные записи, но и бумаги многих других лиц (идентифицировать некоторых из них по пометкам нам не удалось). Между прочим, его собрание включает материалы других генеалогов, таких как А.П. Барсуков, Г.А. Власьев, А.О. Гернет, С.Н. Кознаков, С.В. Любимов, В.В. Руммель и Н.К. фон Эссен. Однако часть этих материалов (в частности, бумаги С.Н. Кознакова и Н.К. фон Эссена) в свое время были выделены из его состава и, соответственно, не была нами учтена при определении его общего объема.

Из всего сказанного нельзя не сделать вывод о том, что собрание или, употребим здесь и это слово, *коллекционирование* Сиверсом «всякой всячины» нельзя назвать *побочной* формой его научной деятельности. Собирательство превратилось для него в полноценное занятие, наряду с научной работой как таковой, превратилось в самоцель. Ему он стал отдавать все свободное время, все свои силы,

всю свою душу. Его увлечение в свое время приняло столь всепоглощающий характер (сопровождаясь, в частности, отказом от принятых в его кругу форм светской жизни), что это имело следствием распад его семьи: его жена ушла от него к одному из его приятелей и сослуживцев. В первые годы после революции, вероятно, именно эта увлеченность стала одной из главных причин, побудивших Сиверса отказаться от легальной эмиграции из страны, оппировав гражданство Эстонии: с одной стороны, он не мог решиться расстаться со своим собранием (в связи с этим необходимо отметить заслугу ученого в сбережении собранной им коллекции в трудные революционные и последующие годы), а, с другой, он вообще не видел себя в отрыве от российских архивов как источника своего собирательства. Характерно, что когда в последние годы его долгой жизни полоса репрессий в отношении его завершилась и ему было позволено обособиться в Москве и даже устроиться на соответствующую его интересам и компетентности работу в ГИМ, он снова обратился к собирательству генеалогического и историко-семейного материала.

В завершение подчеркнем, что собрание Сиверса представляет собой бесценный и поистине бездонный источник информации по просопографии, генеалогии и семейной истории российских родов. Однако пользоваться им было весьма затруднено из-за отсутствия адекватного справочного аппарата. Ввиду этого нами была сделана первая попытка составить «Алфавитный указатель родов, материалы по генеалогии которых отложились в личных фондах А.А. Сиверса».

Составленный нами перечень включает около двух тысяч фамилий с указанием каждый раз на единицы хранения, в которых присутствуют сведения по этим фамилиям. В настоящее время указатель размещен в свободном доступе в интернете на сайте РНБ (www.nlr.ru/nlr/div/genealogy/fond_sivers).

*Д.В. Сень, д.и.н., проф.
ИИМО ЮФУ*

Казачье население Крымского ханства: малоизученные аспекты расселения (конец XVII–XVIII в.)

Проблематика исследования включена в пространство следующих научных тем: «Казачество Дона и Северного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья» и «Казачьи сообщества Крымского ханства и Османской империи: проблемы и перспективы компаративного изучения». История пребывания казаков на территории Крымского ханства получила в последние годы основания для дальнейшего изучения, включая постановку учеными новых перспективных исследовательских вопро-

сов. Прежде всего, это оказалось связано с появлением в начале 2000-х гг. статей Б. Боука и О.Г. Усенко. Нами публиковались многочисленные результаты обращения к заявленной теме (Сень 2006; Сень 2009; Сень 2011; Сень 2013), посвященные изучению времени возникновения и локализации некрасовских городков, их количества, названий и пр. Новейшая историография пополнилась новаторскими работами П.А. Авакова (*Аваков П.А. Жизнь казаков-некрасовцев на Кубани в 1710–1711 гг. в свете новых данных // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. Ростов н/Д., 2014*) и Ю.Ю. Каргина (*Каргин Ю.Ю. Казаки-некрасовцы на правом берегу Старой Кубани (по материалам охранных раскопок поселения Белое Юго-Восточное в 2014 г.) // МАИАСК. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2016. Вып. 8*). Речь идет об интерпретации учеными новых документальных и археологических источников, позволивших по-новому локализовать проживание разных групп некрасовцев на Кубани (в бассейне р. Псекупс; на Таманском о-ве).

Актуальность темы связана с несколькими обстоятельствами: во-первых, расселение казаков-старообрядцев по территории Крымского ханства изучено в целом менее результативно, чем многие другие аспекты их истории. Между тем, выбор места (мест) для временного и, тем более, для постоянного проживания отражал прежде других факторов первоначальный / последующий опыт освоения казачьими группами *нового* природного, этнографического и др. пространств (в т. ч. путем инфильтрации в «ниши» ногайцев), их опасения / надежды на выживание, на адаптацию к местным условиям, к новым «вызовам», групповые реакции казаков на состояние и перспективы своего правового статуса и безопасности (не исключая конфликтного разрешения ситуаций). Во-вторых, изучение расселения казачьего населения по территории Крымского ханства имеет существенное значение при реконструкции демографических показателей, характеризующих состояние казачества Кубани. Речь идет об отношении казаков к местам своего компактного проживания (городкам) *в связи с массовым распространением в их старообрядческой среде семейно-брачных отношений* с одновременным проживанием в казачьих куренях представителей разных поколений. В-третьих, при определении этапов в истории освоения казаками вышеуказанного региона актуально обратить внимание на «рубежные точки» в коллективной истории казаков Крымского ханства, на их жизненные стратегии в связи с миграциями по территории Кубани; с началом переселения казаков-некрасовцев примерно в середине XVIII в. на территорию Османской империи (По-

дунавье); с возведением казаками одних городков и с оставлением других, с непродолжительностью / длительностью проживания кубанских казаков на одном и том же месте. Причины, по которым казаки покидали насиженные места, чаще всего были связаны с внешними для них факторами (хотя решение об оставлении городков часто принималось самими казаками). Впрочем, за исключением правления хана Шагин-Гирея, подобные причины напрямую не были связаны с ограничительными (репрессивными) мероприятиями в отношении казаков со стороны правящих Гиреев.

История освоения казаками Северо-Западного Кавказа не может быть продуктивно исследована без обращения специалистов к вопросам *локализации казачьих поселений*, в привязке к которым необходимо рассмотреть организацию казаками *новой жизни* на Кубани. Сюда можно отнести объединение разных казачьих групп в единое Кубанское (ханское) казачье войско, его территориальную организацию; участие казаков в набегах / походах и возвращение домой; организацию ими «сманивания» из России мирян и священников, их занятия: разведение скота, рыболовство, работорговлю и пр. Кроме того, нужно исследовать топонимическое пространство городков, включая соотношение их славянских и неславянских (тюркских) вариантов названий: Копын-Агаш, Хан-Тюбе, Савельевцы (Себелей?) и др.

Хронология нашего исследования охватывает период 1690-х – 1770-х гг., география – территорию Северо-Западного Кавказа, включая пространство ногайской Кубани, входившей в состав Крымского ханства. Речь идет о реконструкции прошлого казаков, подданных Гиреев, происхождение которых было связано с Доном и с его казачьем (старообрядческим) населением. Это не только некрасовцы, но и «старые» кубанские казаки, начало освоения которыми региона пришлось на рубеж 1680-х – 1690-х гг. Акцент сделан на сравнительно-историческом изучении казачьих поселений – городков, о которых сохранились свидетельства в многочисленных документальных и картографических источниках. Сегодня известно, что первый городок был возведен казаками, выходцами с Дона, в 1693 г. при поддержке ногайцев Кубека-аги в междуречье Кубани и Лабы. Некрасовцы изначально тоже «тяготели» к пространству кубанского региона, удаленному от пристального внимания ханских властей: несколькими группами они, по-видимому, уже во второй половине 1708 г. поселились в Закубанье (междуречье Псекупса и Белой), включая юрт ногайского Аллавата-мурзы. В целом наблюдается интересная тенденция в отношении обеих групп: они последовательно оставили места «изначального» проживания и продвинулись в разные годы XVIII в. вниз по течению Кубани, вплоть до

Таманского о-ва с его лиманообразующей частью. Войсковой же центр оставался в одном и том же городке – Хан-Тюбе, основанном еще первыми кубанскими казаками.

*А.В. Сергеев, к.и.н., зам. зав. каф.
ЧОУ ДПО «ИПБОТСП» (СПб)*

**Источники, использованные в описаниях родословий
княжеских фамилий в «Российской родословной книге»
князя П.В. Долгорукова и «Русской родословной книге»
князя А.Б. Лобанова-Ростовского**

Со времени издания в XIX в. родословных справочников князя Петра Владимировича Долгорукова (РРКД), его младшего современника и продолжателя князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (РРКЛ) превосходящих их по масштабам работ написано не было, поэтому и современные исследователи обращаются к ним при решении генеалогических вопросов, количественной оценке состава фамилий и др. Однако отсутствие явных ссылок на источники является препятствием для использования этих монументальных трудов в научных работах, поскольку затруднительна проверка приведенных в них сведений. Необходимо выяснить основной массив источников, определить достоверность информации РРКД и РРКЛ. Указанная задача решается далее на примере княжеских родословий.

В РРКД описаны 49 княжеских фамилий, существовавших в XIX в., или об угасании которых П.В. Долгоруков не имел определенных сведений. А.Б. Лобанов продолжил предшественника, поместив данные о 117 княжеских фамилиях, не рассмотренных им, но пропустив описанные. Ниже приведен краткий перечень основных видов источников, использованных при составлении указанных родословий.

Родословные книги. Основным источником информации РРКД и РРКЛ была «Бархатная книга» (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787. Ч. 1–2). В 1851 г. были напечатаны еще три списка родословных книг (Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. Отдел II. С. 1–266). П.В. Долгоруков эту публикацию не учел, поскольку его справочник уже был завершен, но А.Б. Лобанов обращался к ней. Не изданный до настоящего времени источник, широко использовавшийся обоими авторами, – «Родословная книга князя А.И. Лобанова» (РГАДА. Ф. 181. № 173). Этот памятник содержит сведения о составе княжеских фамилий, отсутствующие в опубликованных родословных.

Труды историков. Кроме Истории Государства Российского Н.М. Карамзина в РРКЛ учтены некоторые редкие публикации. Например, часть материалов к родословию князей Щетининых взята из писем К.Ф. Калайдовича (*Калайдович К.Ф. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому...* М., 1823).

Актовые материалы. Одним из главных источников РРКЛ для родословной князей Пожарских была публикация актов Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря и выдержек из них (*Тихонравов К.Н. Владимирский сборник.* М., 1857. С. 52, 91, 128). Учитывались авторами РРКД и РРКЛ акты, издававшиеся Археографической экспедицией и Археографической комиссией.

Разрядные книги. Еще Н.П. Лихачев и Л.М. Савелов указывали на использование П.В. Долгоруковым «фальшивых разрядов» походов 1540 г. Кольванского, 1544 г. Казанского, 1549 г. Шведского и 1551 г. Полоцкого (*Савелов Л.М. Родословные записи.* Вып. 1. М., 1906. С. 3). Эти сведения перешли в РРКД из сочинения Спиридова (*Спиридов М.Г. Сокращенное описание служеб благородных российских дворян.* М., 1810. Ч. 1–2). А.Б. Лобанов использовал разрядную книгу и «Свадебные разряды», изданные Н.И. Новиковым (*Древняя Российская вивлиофика.* М., 1790. Ч. XIII–XIV).

Дипломатические документы в РРКД и РРКЛ учитывались по изданию Н.П. Румянцева (*Собрание государственных грамот и договоров...* М., 1813. Ч. 1).

Писцовые книги. П.В. Долгоруков для фамилий, существовавших в 1699 г., поместил сведения о владении населенными имениями из публикации П.И. Иванова (*Иванов П.И. Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей, в России существовавших.* М., 1836).

Списки служилых людей. В РРКЛ использовалась информация Боярских книг XVII в. (Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах... М., 1853), а также Шереметевского боярского списка (*Древняя Российская вивлиофика.* Ч. XX. С. 1–131).

Выводы. Обзор источниковой базы показал, что в основе РРКД и РРКЛ лежат преимущественно сведения родословных книг, хотя в той или иной мере привлекались почти все виды источников, на которые опираются и современные биографические исследования. Меньше всего в них учтены данные писцовых книг, актового материала, вкладных монастырских книг, синодиков. Следовательно, РРКД и РРКЛ в наибольшей мере отражают общий состав, уровень социального статуса фамилий и отчасти родственные связи между ними. П.В. Долгоруков и А.Б. Лобанов опирались на опубликованные памятники, а также рукопись РГАДА. Ф. 181. № 173 и лишь

изредка на документы фамильных архивов, как в случае князей Щетининых (*Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. С. 402).

Отметим ряд часто встречающихся погрешностей РРКД и РРКЛ:

– Неточность хронологии – опуская дату «от сотворения мира» в источнике, авторы переводили ее на современный календарь простым вычитанием числа 5508 без учета месяца события;

– В «Бархатной книге» есть указания о гибели некоторых лиц под Казанью. П.В. Долгоруков и А.Б. Лобанов полагали, что подразумевался поход 1552 г., но эти пометы иногда относятся к предшествующим военным экспедициям с 1487 г.;

– В отдельных случаях состав фамилий не полон или неточен. Родословная князей Белосельских приведена в РРКД по «Бархатной книге» и включает 25 человек, тогда как ее реконструкция, осуществленная на основе известных сегодня источников, содержит около 50 князей (*Грязнов А.Л.* Генеалогия князей Белосельских в XV – начале XVII в. // Управление социально-экономическим развитием территорий: оперативное реагирование на текущие и стратегические вызовы. Вологда, 2017. С. 15–30). Сходная ситуация с Шехонскими, Гундоровыми и некоторыми другими. Однако число таких примеров невелико, и большая часть информации РРКД и РРКЛ подтверждается источниками. Поэтому с определенной осторожностью эти издания могут использоваться в исследованиях и сегодня.

Пока нет эквивалентной замены РРКД и РРКЛ, выполненной с учетом достижений исторической науки, было бы целесообразно осуществить их комментирование с указанием источников информации, а также допущенных в силу разных причин погрешностей.

И.И. Синчук, науч. конс. (Минск)

Издательство «Белорусская энциклопедия»

Система мер и атрибуция стеклянных изделий

Прежде всего, речь пойдет об атрибуции стеклянных изделий Российской империи на основе системы мер, и примеры будут относиться к российской территории. Однако, предлагаемый подход вполне может быть применен к стеклянным изделиям иных государственных субъектов Нового времени.

Выявление использованной при производстве изделия системы мер в ряде случаев позволяет установить:

- 1) страну / страны производства;
- 2) зарубежное влияние на отечественное производство;
- 3) явно отечественные изделия;
- 4) время производства.

Подлежащие изучению артефакты могут быть открыты археологически, находиться в музеях или в частных коллекциях. Метрические характеристики археологически выявленных фрагментов тарной и столовой посуды в силу характерной для этих изделий симметрии часто достаточно легко реконструируются, что позволяет определить линейные размеры горизонтального сечения туловища сосуда.

Сосуды музейного хранения описываются, как правило, по трем параметрам: высоты, длины и ширины без дифференцированного учета высоты горлышка тарного сосуда. В дореволюционной и современной документации музеев постсоветских государств и стран Европы ни разу не было встречено указание на эффективный объем сосуда. Аналогичным образом обстоит дело и с этикетажом исторической стеклянной тары в музейных экспозициях. Письменные источники в виде инвентарей также, как правило, не определяют точно объем перечисляемых сосудов.

Бытовая посуда. По указам второй половины XVIII – первой трети XIX вв. в ведре считалось восемь штофов, причем штофы-емкости делались так, чтобы при налипании ведерной осьмушки до верха оставалось 2–3 пальца (40–60 мм в точном современном измерении) для предотвращения их разрушения при наполнении жидкостью (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. СПб., 1830. С. 915 (№ 14984)).

Для штофов, найденных в сезоне 2008 г. во время подводных раскопок в Великом Новгороде, получены при переводе довольно точные значения линейных размеров в дюймах и их долях в виде натуральных дробей ($2\frac{3}{4}$, $3\frac{1}{2}$ и $3\frac{1}{4}$ дюйма), что может указывать на их импорт либо на заимствование метрических параметров при производстве собственных изделий (*Синчук И.И.* Археологическое стекло из подводных раскопок на дне реки Волхов // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 6 (72). С. 55, 61).

Если предположить, что они являются остатками штофов российского производства, принять для расчета высоту аналогов и учесть законодательно утвержденный недолив в 400–600 мл, то найденные фрагменты можно идентифицировать как водочные штофы восьмиричного штофового объема несмотря на несовпадение физического объема с мерным (*sic!* – *И.С.*).

Дореволюционное собрание Смоленского государственного музея-заповедника содержит коллекцию тарной посуды (Смоленский историко-этнографический музей. Общий каталог / Ист.-этногр. музей кн. М.К. Тенишевой в Смоленске. Смоленск, 1909). Отнесение штофов к десятиричным либо к восьмиричным (1/10 либо к 1/8

ведра), соответственно полуштофов и четверть штофов позволило уточнить их датировки.

Все выявленные новгородские бытовые стеклянные изделия XVIII–XIX вв. Дворищенского раскопа привязаны к дюйму и его долям (*Синчук И.И.* Бытовые стеклянные изделия Дворищенского раскопа (Великий Новгород, 2007–2008 гг.) // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 6 (72). С. 62–72).

Оконное стекло. Если об импорте или отечественном производстве оконного стекла в каждом конкретном случае без применения специальных физико-химических методов говорить сложно, то выявление в элементах оконного полотна российских мер длины однозначно указывает на появление самостоятельных местных стекольщиков даже при использовании тех же приемов подготовки оконных пластин и собирания их переплетом.

Такой материал дал Дворищенский раскоп в Великом Новгороде 2007 г. с хорошо датированными стратиграфически фрагментами оконного стекла. Удалось соотнести нижнюю мощную угольную прослойку с пожаром 1679 г., слой строительного мусора с ремонтными работами 1680-х гг., верхнюю тонкую угольную прослойку с пожаром 1696 г. Отходы от резки оконных пластин из слоя строительного мусора можно датировать 1680-ми гг.

Один из фрагментов оконного стекла (угловая дополнительная пластина с ретушью с трех сторон) позволил установить, что окно, из которого происходит данная угловая дополнительная пластина, состояло из ромбов со стороной 80–85 мм и с углами 120 и 60 градусов. Исходя из предположения, что длина не является случайной величиной, а соотнесена и кратна принятым в XVII–XVIII вв. в России отечественным линейным мерам, можно уточнить полученные эмпирические данные. Претендентами на роль использованной в данном случае единицы длины являются вершок и четверть (пядь) – 4,44 см и 17,76 см в метрическом исчислении. Скорректированная длина короткой диагонали для идеального случая составит 8,9 см (пол пяди или два вершка), а длиной – 17,8 см (пядь).

Там же найден фрагмент дополнительной ретушированной с трех сторон треугольной пластины, которая в целом виде имела размеры 43 x 45 x 72 мм. В этом случае очевидно использование вершка, которому равны две боковые стороны равнобедренного треугольника-пластины.

Использование вершка в качестве единицы измерения при разметке подтверждает и квадратная тонкая оконная пластина со стороной в 43 мм. В данном случае был найден фрагмент вершкового

квадрата или прямоугольника с соотношением сторон 1:2, т. е. 44 x 44 мм или 44 x 89 мм.

Можно утверждать, что остекление Никольского собора в Великом Новгороде в 1680-х гг. производилось отечественными мастерами.

*Е.А. Скворцова, к.иск., ст. преп.
СПбГУ*

**От эмблемы к иллюстрации:
Фронтисписы к «Разговорам в царстве мертвых
замечательного русского царя Петра Великого и ужасного тирана
Ивана Васильевича II» (Ивана Грозного) Д. Фассмана (1725)**

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект 17-78-10130). Полный текст статьи см.: Скворцова Е.А. Иллюстрации к «Разговору в царстве мертвых замечательного русского царя Петра Великого и ужасного тирана Ивана Васильевича II» (Ивана Грозного) Д. Фассмана (1725) как инструмент конструирования представлений о России в Европе // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 6. no. 2.

«Разговоры в царстве мертвых» (“Gespräche in dem Reiche derer Todten”) – раннепросветительский журнал, издававшийся в Лейпциге с 1718 по 1740 гг. Каждый выпуск построен в форме беседы в загробном мире исторических личностей, которые встречаются, чтобы поведать друг другу историю своей жизни и обсудить политические, моральные или философские вопросы.

Автор «Разговоров...» Давид Фассман (1683–1744) – создатель целого ряда периодических изданий. Его становлению как публициста способствовало обучение в гимназии и в нескольких университетах, а также многочисленные путешествия и приключения. Прежде чем обратиться к журналистике, он испытал себя на военном поприще, в роли секретаря, учителя словесности, переводчика, придворного историографа.

«Разговоры...» Фассмана наследуют традиции Лукиана Самосатского, а также Б. де Фонтенеля и Ф. Фенелона. Идею представить сочинение в виде периодического издания Фассман заимствовал у своего университетского наставника Х. Томазия, создавшего первый регулярный пользовавшийся успехом немецкоязычный журнал “Monatsgespräche” (1688–1690). Позиционируя «Разговоры...» перед читателями как средство обрести по меньшей мере «видимость учености», Фассман обрел такую популярность, что смог работать в качестве независимого журналиста – редкость для той эпохи.

Привлекательности журнала для читателей содействовали иллюстрации, использование которых в оформлении было сравни-

тельно дорогим делом. Каждый из 240 диалогов открывает гравированный фронтиспис. Обычно на гравюрах представлены заглавные герои диалога на фоне городского пейзажа или идеализированного ландшафта. С. Драйфюрст – автор новейшего фундаментального исследования о «Разговорах...» Фассмана, предложившая новую методологию их изучения – указывает на ориентацию в оформлении разворота на барочную эмблематическую традицию, построенную на игре трех элементов: *picture* (изображения), *inscriptio* (девиза) и *subscriptio* (эпиграммы). Однако изображение, в эмблематике весьма лаконичное, здесь в духе новых тенденций тяготеет к пространной иллюстративности, а девиз, обычно краткий, становится столь обстоятельным, что занимает всю правую страницу разворота (*Dreyfürst S. Stimmen aus dem Jenseits: David Fassmanns historisch-politisches Journal "Gespräche in dem Reiche derer Todten"* (1718–1740). Berlin, Boston, 2014).

Интерес к журналу Фассмана, возникший еще в XIX столетии, не угасает по сей день. Но иллюстрации удостоила вниманием лишь С. Драйфюрст. Еще предстоит установить имена их создателей (в большинстве случаев не указаны ни рисовальщик, ни гравер), выявить иконографические источники портретов и пути их проникновения в Лейпциг. Важным представляется анализ иллюстраций, являющихся визуальной частью целостной структуры эмблемы, в их взаимосвязи с текстом.

С этой точки зрения большой интерес представляет серия из четырех диалогов, в которой собеседниками выступают Петр Великий и Иван Грозный (83–86 энтрею). Фронтисписы к ним были введены в научный оборот Д.А. Ровинским (*Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 3. СПб, 1888. Стб. 1723–1724*). С тех пор они не привлекали исследователей, тогда как текст диалогов стал предметом рассмотрения Э. Маттеца (*Matthes E. Das veränderte Russland und die unveränderten Züge des Russenbilds // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. München, 1987. S. 109–135.*) и Н. Марчиалис (*Marcialis N. Caronte y Catarina: Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo. Roma, 1989*).

Ввиду соображений предосторожности, стремления заинтриговать читателя, а также представить идеи более доказательными Фассман, отдавая дань приемам эпохи барокко, предпочитает прямым декларациям окольные пути. И иллюстрации являются одним из действенных инструментов в этой игре. Раскрытию их роли служит настоящий доклад:

1. Впервые переведены на русский язык стихотворные четверостишия, комментирующие иллюстрации.

2. Предпринят анализ иллюстраций к 83 и 84 энтрею, в которых образы Ивана и Петра преподнесены по принципу противопоставления и уподобления соответственно, в их взаимодействии. На фронтисписе к 83 энтрею Петр и Иван представлены друг напротив друга, первый в европейском наряде, второй – в традиционном русском, зримо воплощая антитезу старой (для Фассмана – варварской) и новой (читай: просвещенной) России. На иллюстрации к 84 энтрею изображен палач, рубящий головы, в котором Ровинский распознал Петра Великого, и тиран-тигр, торжествующе наблюдающий сцену массовой казни – Иван Грозный.

3. Основание для идентификации тигра как царя Ивана содержится в сопроводительных виршах. Палача как Петра Ровинский определил верно, но без аргументации. Однако с точки зрения иконографии это отнюдь не очевидно, а в стихотворной подписе Петр не упоминается. Предпринята попытка описать механизм, при помощи которого Фассман внедряет в восприятие читателя идею о том, что палач – это Петр.

4. Оспорено утверждение Ровинского, что персонажи иллюстрации к 85 энтрею – также Петр и Иван. Выдвинуто предположение, что в персонаже с тростью следует видеть секретаря, приносящего вести из мира живых и служащего в дидактическом журнале связующим звеном между прошлым и настоящим, историей и политикой.

*Я.Г. Солодкин, д.и.н., проф.
Нижевартовский ГУ*

«Написание» и ранняя редакция синодика «Ермаковых казаков» (О зарождении книжной культуры в «стольном» Тобольске)

Проблемы возникновения книжной культуры в Тобольске, в частности, генезиса там летописной традиции, интересовавшие еще Г.Ф. Миллера, во многом остаются дискуссионными и в настоящее время.

Основной редакции Есиповской летописи (далее – ОЕЛ), завершенной, по свидетельству ее автора, 1 сентября 1636 г., предшествовало, как поведал тот же «слогатель», являвшийся дьяком Тобольского архиерейского дома, анонимное «писание» или относительно краткая летопись (таково, например, заключение Р.Г. Скрынникова и Е.К. Ромодановской), или синодик атаманов и казаков, источником которого стало «написание» (далее – Н), переданное ветеранами «взятия» «Кучумова царства» первому тобольскому архиепископу Киприану Старорушанину (утверждать, будто «традиционное летописание» в Сибири зародилось в 1636 г. *Резун Д. Я.* Городовое летописание // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск,

2009. Т. А–И. С. 412), после разысканий Р.Г. Скрынникова и И.Ю. Серовой не приходится).

Убежденные в том, что Н (о котором сообщается только в ОЕЛ) утрачено, исследователи в суждениях о нем ограничивались предположениями и догадками, например, уподобляли его «скаске» или отписке, краткой летописи, принимали за «произведение изящной словесности», повесть, сопровождавшуюся мартирологом, череду поминальных записей, иногда отождествляли с Кунгурским и Погондинским летописцами, а то и протографом второго из них. Однако по объему известий Н, если исходить из свидетельства о нем Саввы Есипова, явно уступает названным летописным сочинениям (по словам А.М. Дубровского, Н «обретено» благодаря С.В. Бахрушину, нашедшему упоминание об этом сочинении в ОЕЛ (*Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 60, 62; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 197*). Но данное упоминание привлекало внимание еще многих исследователей XVIII–XIX вв., начиная с Г.Ф. Миллера, считавшего Н основой сибирских летописей (*Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 2. С. 80*).

В одной из рукописей «отца сибирской истории» имеется перечень (далее – П) «ермаковых казаков» и их атаманов. Интересовавшиеся Н ученые не обратили внимания на данный список участников «Сибирского взятия», в частности, потому, что ранее он причислялся к синодикам. Уже ввиду отсутствия в П обязательного атрибута поминальных списков – обозначения степеней «вечных памятей» (большой, средней, малой или меньшей), к примеру, имеющегося в синодике «ермаковым казакам» (далее – С), найденном Е.К. Ромодановской в рукописи Чина православия тобольского Софийского собора (ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 78, 380, 381), – такая оценка должна считаться неверной. Как посчитала эта видная исследовательница ранней русской книжности Азиатской России, данный «реестр» составлен по С (*Ромодановская Е.К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 65 (Избр. труды)*). Однако в последнем говорится об Абалаке, а не Абалацком озере, упоминаемом и в других источниках. Там были «побиты», если верить П, «Окул, Иван Карчига, Богдан Брязга, Сергей, Иван, Андрей, Тимофей», тогда как в С трое первых названы в числе «убиенных» и в «первом бою» «под Чювашею» (о котором в П не сказано), и погибшие тогда, когда «безо опасения» шли «к рыбной ловле под Обалак». Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в П в отличие от С многие имена приведены в простонародной форме, а не в церковном написании.

Возможно, П передает текст ранней редакции Н, где еще не говорилось о том, как «единомысленная и храбрая дружина» попала в Сибирь, где произошла решающая битва русских «воев» с «ополчением» Кучума и пал Ермак, а также о взятии Назимского городка. Со временем П мог быть расширен и сделаться известным создателям С и ОЕЛ уже с дополнениями.

Не исключено, что указание (которое привело к дублированию свидетельств) на павших под Абалаком служит дополнением к основному тексту С; его составитель, не зная, кто там погиб, воспроизвел одну из последующих записей, но следом забыл опустить ее. В преамбуле С налицо те же вставки из какого-то нарративного сочинения о постройке городов и храмов, о принадлежности казачьего «вождя» не к славным мужам, а к простолюдинам, которые выявлены в «помяннике», заключающем ОЕЛ. Примечательно, что в соответствующем фрагменте «Сказания о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы» этих вставок нет (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К. Ромодановская и О.Д. Журавель. Новосибирск, 2001. С. 87 (История Сибири: Первоисточники. Вып. X)).

Итак, перечень атаманов и казаков (с тремя ремарками об обстоятельствах их гибели), сохранившийся в одной из рукописей Г.Ф. Миллера, можно сблизить или отождествить с Н ветеранов «Ермаковой эпопеи», которое легло в основу С. Его старшая среди известных ныне редакций (открытая Е.К. Ромодановской) содержит почти такой же перечень, но с более или менее подробными рассказами о главных событиях прославленной казачьей экспедиции 1582–1585 гг. В преамбуле этого С выявлены вставки, восходящие к какому-то нарративному, скорее всего летописному, источнику; к нему составитель мог обращаться, повествуя и о сражении на Чувашевом мысу, убийстве «православных воев» под Абалаком, гибели Ивана Кольцо, Ермака и их сподвижников. Указанный источник, возможно, и был тем «писанием» (по-видимому, ранней тобольской летописью), которое «распространил» Савва Есипов, создавая в середине 1630-х гг. «Повесть о Сибири и о сибирском взятии». П или его раннюю разновидность есть основания принять за Н. С не может рассматриваться как оригинал «помянника» атаманов и их «товарищей», «взвзвших» «за саблю» «Сибирскую страну»; ему предшествовало утраченное, по всей видимости, «писание» того же жанра, причем зависимое от какого-то нарративного, думается, летописного, памятника времени тобольского «первопрестольства» Киприана.

К изучению церковно-приходских летописей как исторических источников

Церковно-приходские летописи часто называются «хрониками жизни» населения. Работы, написанные на основе таких летописей, долгое время служили главными пособиями по истории того или иного края. В последние два десятилетия заметно возрос интерес к этим источникам. Истории их создания, законодательному закреплению, обязанности фиксирования событий и статистических данных в этих летописях, формам и практике их ведения посвятили работы Е.А. Агеева (*Агеева Е.А. Церковные летописи – важнейший источник для изучения приходской жизни второй половины XIX – начала XX вв. // Исторический вестник. 2001. № 4 (15). С. 155–169*), Н.В. Глухих, А.А. Миронова (*Глухих Н.В., Миронова А.А. Церковные летописи XIX века как хроника жизни уральского города // Русская жизнь. 2008. № 1. С. 74–78*), Л.М. Добролюбова (*Добролюбова Л.М. Церковная летопись Знаменской церкви села Бор Семёновского уезда Нижегородской губернии: Возвращение истории. Бор, 2012. 256 с.*) и другие исследователи. Значительный вклад в изучение приходских летописей внес С.И. Добренский, рассмотревший их как источники по региональной и локальной истории, а также историографические памятники, признавая их самостоятельными церковно-краеведческими работами в летописной форме (*Добренский С.И. Значение церковно-приходских летописей в развитии краеведения // Отечественная культура и краеведение. Материалы IV Всероссийской научной конференции (Пенза, 26–27 июня 2000 г.). Пенза, 2001. С. 102–106, и др.*).

Следует выделить составленное на основании распоряжений Синода «Церковное письмоводство» протоиерея И.Л. Чижевского которое подтверждает, что церкви должны были иметь «тетради для ведения церковной летописи» (*Чижевский И.Л. Церковное письмоводство: Собр. правил, постановлений и форм к правильному ведению оного / Сост. на основании законов и указов св. правительствующего Синода. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 1881. 393 с.*). Священник А. Левицкий издал церковно-приходскую летопись с. Глубочка Житомирского уезда Волынской губернии (Церковно-приходская летопись села Глубочка Житомирского уезда Волынской губернии / Сост. А. Левицкий, свящ. Почаев, 1898. 133 с.), которая в общих чертах сходна с изученными нами летописями Тобольской епархии.

Церковно-приходские летописи считаются массовым историческим и историографическим источником середины XIX – начала XX вв. К функциям церковно-приходских летописей можно отнести следующие: 1) стремление церковных властей получать из всех приходов их описание для создания подобного труда по всем епархиям; 2) приучение духовных лиц к обязанности заполнять исторические сведения о приходе; 3) сближение служителей церкви с прихожанами; 4) помощь вновь прибывшим священно- и церковнослужителям в получении информации о приходе, в котором им предстояло служить. Церковно-приходские летописи были своеобразным «дневником» священника, который в его исторической части можно отнести по содержанию к документам личного происхождения.

Из просмотренных нами в Государственном архиве Курганской области (далее – ГАКО) 29 фондов церквей за 1733–1928 гг. и 54 фондов церквей, соборов и фонда Тобольской духовной консистории (далее – ТДК), находящихся на хранении в Государственном архиве в г. Тобольске (далее – ГАТ), только в четырех были обнаружены две церковно-приходские летописи и две памятные книги, причем все в ГАКО. В ГАТ найдены два дела лишь о выдаче из ТДК «чистых книг» для ведения церковно-приходских летописей за 1909 и 1911 гг. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 18. Д. 630; Д. 816). Это свидетельствует о том, что летописи крайне редко велись в церквях Тобольской епархии.

Благодаря этим летописям можно узнать о времени посещения церквей епархиальными архиереями, о несчастных случаях, произошедших в церкви, о волнениях жителей, о необычных природных явлениях, военных действиях, повальных болезнях, произошедших в приходе, о многих других любопытных событиях в церкви, приходе и епархии (ГАКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–19 об.; Ф. 21. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–39; Ф. 30. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–14; Ф. 235. Оп. 1. Д. 177. Л. 4–13). Многие ученые рассматривают церковно-приходские летописи второй половины XIX – начала XX вв. в качестве особых и чрезвычайно ценных источников по истории русской церковной и общественной жизни того времени. Действительно, церковно-приходские летописи, судя по материалам Тобольской епархии, содержали ценную информацию обо всех сторонах жизни и деятельности приходского населения, подробно запечатлели историю церквей и приходов, включали списки церковно- и священнослужителей, данные об их перемещениях по службе, статистические материалы о динамике количества приходского населения, браков, религиозном состоянии жителей (выписки из метрических книг и духовных росписей).

**О формуляре немецких писем XVI в.:
переписка личного характера
(по материалам Научно-исторического Архива
Санкт-Петербургского Института истории РАН)**

Изучение немецких писем позднего Средневековья – начала Нового времени переживает в настоящее время своего рода ренессанс в германской историографии (например: *Holzapfl J. Fürstenkorrespondenz // Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich. Hof und Schrift / Hrsg. v. W. Paravicini (Residenzenforschung Bd. 15. III). Ostfildern, 2007. S. 299–328; Briefe aus dem Spätmittelalter: Herrschaftliche Korrespondenz im deutschen Südwesten / Hrsg. v. P. Rückert, N. Bickhoff, M. Mersiowsky. Stuttgart, 2015*). В процессе обращения к приобретшим актуальность исследованиям по истории межличностных связей и средств информации (Kommunikations- und mediengeschichtliche Forschung) письма «как важнейшее средство прямых межличностных контактов времени Средневековья и последующей эпохи» (M. Mersiowsky) оказались в центре пристального внимания источниковедов и специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин. В частности особое значение придается анализу формуляра и языка писем.

Обращаясь к изучению писем представителей княжеских династий, исследователи различают официальные письма политического или административного содержания (приказы, распоряжения, ходатайства) и переписку личного характера. Если первые построены по строгим канонам, принятым в княжеских канцеляриях, и отличаются неизменными формулами предупредительности и церемониальности, то личные послания не связаны канцелярскими условностями и, обладая известной свободой и непосредственностью, могут быть ценными источниками по истории повседневности, ментальности и культуры.

Источниковой базой доклада послужили письма немецких княгинь XVI в. из колл. 25 «Германия. Акты и письма феодальных владетелей XIV–XIX вв.» Западноевропейской секции НИА СПбИИ РАН. Они были приобретены Н.П. Лихачевым в немецких антиквариатах в начале XX в. По рождению и замужеству авторы писем принадлежали к значительным княжеским династиям эпохи: Мария, герцогиня Померанская, урожд. герцогиня Саксонская, 1553 г. (38/432), Анна, пфальцграфиня Рейнская, урожд. ландграфиня Гессенская, 1554 г. (3/435), Доротея Сюзанна, пфальцграфиня Рейнская, впоследствии герцогиня Саксонская, 1558 г. (1/435), Катарина,

графиня Шварцбургская, урожд. графиня Нассау-Дилленбург, сестра Вильгельма Оранского 1566 г. (30/440), Анна Мария, герцогиня Вюртембергская, урожд. маркграфиня Бранденбург-Ансбах, 1568 г. (3/421), Элеонора, ландграфиня Гессенская, урожд. герцогиня Вюртембергская, 1591 г. (21/423). Все письма адресованы близким родственникам: родным братьям (4), родной сестре (1) и близкой родственнице (1).

Внешние особенности писем убеждают в значительных отступлениях от принятых в профессиональных канцеляриях норм составления писем. Прежде всего, это собственноручные письма. Они написаны на ранненововерхненемецком языке и исполнены беглым готическим курсивом с ярко выраженными индивидуальными чертами и большим количеством сокращений и помарок. Собственноручное писание писем становится в XVI в. для женщин княжеского сословия привычным делом. Ведение переписки делало их важным коммуникативным звеном, ее задачей было поддержание связей в большой княжеской семье. При этом написанные собственной рукой от первого лица (*Ich-Stil*) письма служили своеобразным знаком родственной близости, особого интимного отношения. Темами писем являются здоровье и благополучие родственников, советы относительно лекарств, сообщения о посылке подарков или подтверждение их получения, приветы близким, родственные чувства любви, благодарности, добрые пожелания.

Авторы, хотя и следовали при написании писем принятому формуляру (*salutatio, exordium, narratio, petitio, conclusio, intitulatio*), все же часто отступали от него, путали или сокращали некоторые части. Для женских родственных писем характерны стилистические особенности. Прежде всего это большая эмоциональность и интимный тон обращения к адресату. Она находит свое выражение в постоянно употреблявшихся словах «*herz*», «*liebe*», «*treue*».оборот начального приветствия «*schwesterliche lieb und trew* (сестринская любовь и верность)» является характерным шифром, выражающим отношение фамильного родства, подобное выражение употребляется и в заключавшей письмо подписи: «*getreue schwester bis in tod*», «*getrewe schwester allezeit die wei ich leb* (верная до гроба сестра)».

Характерным приемом женских писем является культивируемая вербализация тоски по адресату-брату – близкому родственнику, который является представителем отчего дома, где была рождена. Это проявляется в апеллирующем тоне писем и принижении собственного образа («и прошу вас чаще вспоминать преданное сердце вашей старушки (*eures alten weibling getreues hertz*) и всегда оставаться моим верным братом, во всем со мной связанным, и никогда не забывать свою старушку», 21/423). По этой же причине обраще-

ния к адресату содержат преувеличения особого рода: младший брат – правящий князь называется отцом, а близкая родственница – матерью (30/440).

Язык посланий пестрит отступлениями, разговорными выражениями, подчас прорывается неприемлемая в официальных письмах непосредственность. Так юная пфальцграфиня Доротея Сюзанна Пфальцская, описав все домашние новости и передав приветы от домочадцев, замечает в конце письма: «не знаю, о чем еще написать» (vnd ich weis dir auff dismal nit mer zu schreiben, 1/435). Два раза встречается извинение за плохой почерк: «mein pose geschriff» (1/435), «bossen schreiben» (30/440).

Формальное несовершенство личных женских писем по сравнению с официальными письмами канцеляристов-профессионалов вместе с тем является и их достоинством: в них выступают живые обстоятельства реальной жизни во всей их эмоциональности и наглядности.

*Н.Н. Тимошина, с.н.с.
Ивановский ГИКМ им. Д.Г. Бурлына*

Местные лотерейные билеты в собрании ИГИКМ им. Д.Г. Бурлына

Первые розыгрыши «игры на счастье» появились более пяти столетий назад. Поводы для проведения лотерей были самые разнообразные. В собрании ИГИКМ им. Д.Г. Бурлына хранятся несколько лотерейных билетов, выпущенных ивановском крае или связанных с ним.

В 1903 г. с разрешения правительства была организована лотерея в пользу Шуйского детского приюта ведомства учреждений императрицы Марии. Билет этой лотереи представлен в коллекции музея. Он был напечатан в Шуе в Типо-Литографии И.С. Лимонова (ИГИКМ 84617/7). Всего для лотереи было напечатано 6000 билетов на сумму 1500 рублей, выигрышей объявлено 100, цена билета 25 копеек. Розыгрывались золотые часы и цепь, самовар, серебряный сервиз в дубовом футляре, серебряные столовые приборы, портсигар, а также мельхиоровые изделия. В билете указывалось, что по истечении шести месяцев после розыгрыша, не востребованные выигрыши будут считаться пожертвованием. По ходатайству Шуйского уездного попечительства детских приютов, основатель ивановского музея Д.Г. Бурлын с 1900 г. был определён вдовствующей императрицей Марией Федоровной почетным членом Шуйского уездного попечительства детских приютов. В пользу приютов им проводились выставки предметов из своего собрания

редкостей и древностей, которые он устраивал в Иваново-Вознесенске, в детские приюты на Новый год Дмитрий Геннадьевич отправлял ёлки с украшениями и подарки.

В 1920-е гг. ставилась задача ликвидировать неграмотность населения. Было основано общество «Долой неграмотность!», которое активно включилось в работу. В 1925 г. оно провело книжную лотерею, выпустив 1 млн билетов, где были разыграны две с половиной тысячи библиотечек стоимостью от 10 до 100 рублей. А в 1923 г. в Иваново-Вознесенской губернии была проведена «Неделя просвещения», в её пользу губернский отдел Народного образования организовал лотерею для жителей губернии, было выпущено 500 000 билетов стоимостью 2 рубля (ИОКМ 65130/350). Главный выигрыш был объявлен 25 тысяч рублей в денежных знаках 1923 г., а всего предполагалось 44 выигрыша на сумму 100000 рублей, которые должен был выплатить организатор лотереи. Розыгрыш самой лотереи был установлен к празднованию 1 мая 1923 г.

В 1932 г. в г. Иваново была проведена книжная лотерея под девизом «Книгу – на службу развернутому социалистическому наступлению». Стоимость билета «1 культ рубль» (ИОКМ 71582). На билете было указано, что каждый, купивший лотерейный билет, получит «литературу на 1 рубль» в любом магазине Ивановского городского отделения книгоцентра, к билету прилагался купон на получение книг на указанную сумму. К тому же билет участвовал в лотерее, где разыгрывалось 511 библиотечек стоимостью от 3 до 30 рублей. Всего было напечатано 75 тыс. билетов в Типо-Литографии «Красный Октябрь» г. Иваново. Получить выигрыши можно было в магазинах книгоцентра г. Иваново № 1 и 2.

В коллекции музея имеются два билета г. Иваново начала 1990-х гг.: билет благотворительный Ивановского отделения фонда культуры Пушкинского клуба 1991 г. Средства от этого билета должны были пойти на сооружение памятного знака в честь 200-летия А.С. Пушкина на площади Пушкина (ИГОИРМ 81528). В результате был установлен лишь камень с надписью об установке в будущем памятника поэту. Второй билет благотворительный суперспринт клуба «Деловая женщина», его цена 5 рублей. Средства от этой лотереи должны были пойти на реставрацию Дворца бракосочетания в Иваново (ИГОИРМ 83752). Лотерея также не имела большого результата, учитывая сложный период 1990-х гг. в нашей стране. Дворец располагается в жилом особняке, который был построен в 1915 г. для сына Д.Г. Бурылина Ивана.

Представлены в коллекции билеты денежно-вещевой лотереи РСФСР 1989 г. 2-го «праздничного» выпуска в марте. Интересны они тем, что тираж этой лотереи проходил в г. Иваново, причем

выпуск 1989 г. был один из самых крупных. Его сумма была 30 млн рублей, всего 100 млн билетов, в тираже разыгрывались 8 млн 980 тыс. вещевых и денежных выигрышей на сумму 18 млн рублей. В их числе 300 автомобилей «Жигули», «Москвич», «Запорожец», 200 телевизоров, 1600 магнитофонов и радиоприемников, 400 фотоаппаратов, 900 холодильников и морозильников, 1000 ковров и др., а также денежные выигрыши от 1 до 500 рублей. За 1988 г. жители города приобрели лотерейных билетов на сумму 2 млн рублей, а выигрышей ими получено 1,2 млн руб. С учетом того, что тираж проводился в областном центре, городу было выделено билетов на 375 тыс., что на 102 тыс. больше обычного.

На лотерейных билетах, как и на других информативных источниках того или иного временного отрезка истории, мы видим изображения актуальных предметов своего времени и разные призывы – от благотворительности до розыгрышей современной техники. Музей продолжает пополнять коллекцию лотерейных билетов современными экземплярами, иллюстрирующими разные события жизни общества.

*Ю.В. Тихомиров, к.ф.-м.н., доц.
Павлодарский ГУ им. С. Торайгырова*

О некоторых вопросах истории казахской национальной валюты и каталогизации денежных знаков Казахстана

Со дня введения на территории Казахстана национальной денежной единицы тенге 15 ноября 2018 г. исполнится 25 лет. За четверть века опубликовано значительное количество газетных и интернет-статей, книг, посвящённых тенге, выпущены памятные и юбилейные печатные издания, каталоги казахстанских бумажных денежных знаков. Среди последних наиболее полными и детализированными являются каталоги Д. Загоренко и О. Линцмайера (*Zagorenko D. The Banknote Register. CIS and Baltic Countries. WBA Banknoter, 2016; Linzmayer O.W. The Banknote Book: Kazakhstan. London: Spink, 2014; далее – Каталоги*). Однако большая часть каталожной информации, относящейся к Казахстану, не основана на документах и представляет собой набор предположений, версий разной степени обоснованности.

Так, принято считать (см. Каталоги), что печать всех номиналов первых тенге от 1 до 1000, выполнявшаяся вначале банкнотной фабрикой Harrison & Sons (H&S), была продолжена банкнотной фабрикой Национального банка Республики Казахстан (БФ НБ РК). Однако эта версия в части, касающейся банкнот младших номиналов 1–20 тенге, встречает ряд возражений (*Тихомиров Ю.В. Об одном во-*

просе истории становления национальной валюты Республики Казахстан // Вестник ПГУ. Сер. Гуманитарная. 2016. № 3. С. 115–123).

1. В литерных сериях банкнот тенге, производимых БФ НБ РК, используются только литеры из диапазона А–Л, тогда как в сериях банкнот номиналами 1–20 тенге наблюдаются литеры от А до Х включительно.

2. Не известно ни одной устойчивой вариации в банкнотах 5, 10, 20 тенге. Вариации банкнот 1 и 3 тенге (*Тихомиров Ю.В.* Об одном вопросе ...) указывают на существование дополнительных тиражей, но не на их осуществление разными фабриками.

3. Считается (Каталоги, см. также: *Mehilba A.* *Mehilba World Replacement*. 1st Ed. 2013. P. 268–270), что литерная серия ЛЛ является серией замещения банкнот тенге и используется БФ НБ РК в этом качестве с самого начала работы фабрики. Однако в номиналах 1–20 тенге не известно ни одной купюры с этой серией.

4. Ко времени начала работы БФ НБ РК (май 1995 г.) инфляция обесценила тенге, его средневзвешенный годовой курс составил около 61 тенге за доллар США. Старшим номиналом бумажных денег уже являлся 1000 тенге, а в октябре 1995 г. были введены в обращение монеты достоинством от 1 до 20 тенге. Поэтому изготовление купюр младших номиналов стало экономически невыгодным и нецелесообразным.

5. Производство банкнот первой серии тенге на БФ НБ РК требовало дополнительных затрат в связи с тем, что авторские права на дизайн банкнот принадлежали фирме Н&S.

6. Собраны и систематизированы данные по литерным сериям и атрибутике свыше 300 банкнотных образцов номиналами от 1 до 1000 тенге 1993–1994 гг. выпуска (*Тихомиров Ю.В.* О значении образцов денежных знаков в бонистических исследованиях на примере казахстанской валюты // Вестник ПГУ. Сер. Гуманитарная. 2017. № 4, в печати). Анализ показал, что образцы каждого номинала можно разделить на группы – «пакеты», связанные с отдельными тиражами банкнот данного номинала, либо со вводом этого номинала в обращение. Если основываться на литерных сериях и упомянутых выше вариациях, то приписываемым БФ НБ РК тиражам банкнот номиналами 1–20 тенге соответствуют последние пакеты их образцов. Однако все известные образцы номиналами 1–20 тенге были изготовлены фабрикой Н&S (*Тихомиров Ю.В.* О значении образцов...), следовательно, ею печатались и все рядовые банкноты этого достоинства.

Мы полагаем, что банкноты номиналами 1–20 тенге никогда не изготавливались БФ НБ РК, а приписываемые ей их тиражи суть допечатка, произведённая фабрикой Н&S, предположительно, в

середине 1994 г. Соответствующие банкнотные разновидности по фабрике-изготовителю следует исключить из каталогов как несуществующие.

Показано (*Тихомиров Ю.В. О значении образцов...*), что указанная допечатка первых тенге не является единственной, выполненной фабрикой Н&S после изготовления ею в начале 1993 г. первого тиража банкнот 1–100 тенге. Известно, что расчёт первоначально необходимого количества банкнот был проведён в том числе с использованием данных о советской денежной реформе 1961 г. Основываясь на них (*Засько В. Бумажный рубль 1961. М., 2011. С. 36*) и собранных сведениях об образцах, сделан вывод, что весной 1993 г. фабрика Н&S изготовила только часть того, что принято считать первым тиражом банкнот 10–100 тенге. Значительное их количество (не менее 220 млн шт.) было изготовлено дополнительным тиражом, заказанным НБ РК сразу после решения о введении тенге. Эта первая допечатка тенге была выполнена Н&S в конце 1993 – начале 1994 г.

Примерно в то же время фабрика печатала первый тираж банкнот 200 тенге образца 1993 г. Все произведённые Н&S банкноты 200 тенге принято относить к первой разновидности банкнот этого номинала, отличающейся красным цветом части букв в надписи об ответственности за подделку (см. Каталоги). Нами обнаружена устойчивая вариация указанной окраски, предположительно, возникшая при допечатке. На существование допечатки указывает также третий пакет образцов 200 тенге производства Н&S. Однако вопрос о границе дополнительного «английского» тиража остаётся открытым.

Допечаток первых тиражей номиналов 500 и 1000 тенге фабрика Н&S уже не выполняла. С 1995 г. печать банкнот 50–1000 тенге 1993–1994 гг. выпуска производилась БФ НБ РК. Все «казахстанские» образцы банкнот номиналами от 50 до 500 тенге имеют литерную серию БА – начальную серию «казахстанской» печати. Однако на образцах 1000 тенге стоит серия АБ, следовательно, именно с неё началась печать этого номинала на БФ НБ РК, а не с серии АГ, как утверждается в каталогах.

*А.С. Усачев, д.и.н., проф.
ИАИ РГГУ, МГИМО*

Какова была производительность писцов в России XVI в.?

Для изучения истории книгописания в России XVI в. и русской культуры этого времени в целом большой интерес представляет вопрос о том, какова была производительность писцов. Сколько рукописных книг они переписывали за свою жизнь?

В поисках ответа на этот вопрос обратимся к 730 выявленным нами датированным выходным записям рукописных книг интересующего нас столетия, а также к некоторым другим источникам. Выходные записи, в большинстве случаев сообщая имена писцов, сведений об общем числе переписанных ими книг, как правило, не содержат. Каким образом мы можем определить производительность писцов?

В поисках ответа на этот вопрос обратимся к сведениям монастырских описей книг. Они фиксируют хранившиеся на момент их составления рукописи в библиотеке той или иной обители (значительная часть из них в настоящее время не дошла). Нередко монастырские описи фиксируют имена переписчиков. Как правило, речь шла о насельниках соответствующих обителей, которые основную часть своей жизни провели в их стенах, либо об иных связанных с ними лицах (например, о монастырских слугах). Лучше всего от XVI в. сохранились описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря. Что они сообщают о производительности писцов?

В работах М.В. Кукушкиной, Б.М. Клосса, А.И. Алексева и других исследователей уже приводились соответствующие сведения: Иосиф – переписал не менее 10 рукописей, Герасим Черный – не менее 16, Досифей (Топорков) – не менее 10, Евфимий (Турков) – не менее 12, Фотий – не менее 13, Нил (Полев) – не менее 14. Подчеркнем, что речь идет о насельниках обители, которая в рассматриваемый период являлась одним из крупнейших книгописных центров России. Эти данные можно пополнить сведениями о выявленных книгах двух других известных книгописцев первой половины XVI в. – Исаака Собака и Михаила Медоварцева. Н.В. Сеницына, Б.М. Клосс и другие исследователи с именами каждого из них связали происхождение чуть более 20 рукописей. Насколько полны эти сведения?

В полной мере на этот вопрос ответить вряд ли возможно. Однако обратим внимание на писца, который на склоне лет в недатированной выходной записи сообщил сведения о числе переписанных им книг. Речь идет о самом известном книгописце Кирилло-Белозерского монастыря XVI в. Гурии (Тушине). Длительное время являясь насельником этой обители, он переписал не менее 37 книг. Несомненно, существовали писцы, которые переписали примерно столько же или даже несколько больше рукописей. Однако вряд ли стоит сомневаться в том, что речь шла о редких исключениях из общего правила. Вероятно, большинство писцов переписывало существенно меньше книг. Судя по приведенным выше данным, речь шла об 1–2 десятках книг или о несколько большем числе. С чем это могло быть связано? Обратим внимание на три обстоятельства.

1. В ходе анализа текстов выходных записей нами были выявлены имена, по меньшей мере, 467 писцов. В большинстве случаев их социальный статус известен. Это иноки, клирики, монастырские слуги, «паробки» знатных лиц, пушкари. Несомненно, к этим слоям принадлежала и какая-то часть писцов, социальный статус которых нам определить не удалось. Это, в свою очередь, означает, что книгописанию они могли посвятить лишь то время, которое у них оставалось свободным от выполнения их непосредственных обязанностей – церковной или воинской службы, выполнения хозяйственных поручений, переписки актов и т.д.

2. Судя по имеющимся данным, переписка одной книги занимала довольно значительное время. На это указывает материал выходных записей, часть из которых сообщает о сроках переписки книг. Из 50 выявленных нами рукописей, содержащих такие сведения, 6 (12%) переписывалось от 3-х недель до 2-х месяцев, 18 (36%) – от 2-х месяцев до 5, также 18 (36%) – от 5 месяцев до 10, 8 (16%) – от 1 года до 5. Как нетрудно заметить, основная часть привлеченных рукописей (72%) переписывалась несколько месяцев – от 2-х до 10. Рукописей, которые переписывались в течение очень короткого срока – до 2-х месяцев (12%) – и очень длительного – от 1 года до 5 (16%) – относительно немного.

3. Есть основания полагать, что ранее определенного возраста, как правило, книгописанием не занимались. Косвенно на это указывают две выходные записи. В них писцы, следуя традиции, призывали читателей не клясть их за допущенные ошибки. Среди прочего они отмечают, что извиняющим их обстоятельством является их возраст – в первом случае 19 лет, во втором – 20. О возрасте, в котором, вероятно, уже редко переписывались рукописи, дают представления две другие писцовые записи. Первая принадлежит белому священнику Михаилу, переписавшему список Евангелия-апракос. Он отмечает, что извиняющим его обстоятельством является преклонный возраст – 65 лет. На свою немощ сетует и уже упоминаемый выше Гурий (Тушин), который переписал 37-ю рукопись на 71-м году жизни. Очевидно, что основная масса писцов была несколько старше 20 лет и моложе (вероятно, значительно) 65 лет. Соответственно, какая-то более или менее значительная часть писцов занималась книгописанием, по-видимому, не более 3–4 десятилетий.

Учитывая то, что время, потребное на переписку одной книги, составляло в среднем несколько месяцев, трудно сомневаться в том, что число книг, переписанных одним писцом, не могло превышать несколько десятков даже в том случае, если книгописание для него было основным занятием. Принимая во внимание время, которое было необходимо для переписки одной книги, теоретически можно

допустить, что писец каждый год мог переписывать по 1–2 книги. Скорее всего, в реальности писцы переписывали книги существенно реже. На это указывает уже приведенный выше пример Гурия (Тушина). Он, будучи иноком Кирилло-Белозерского монастыря на протяжении примерно 47–48 лет, за свою жизнь переписал 37 или несколько больше книг. Вряд ли стоит сомневаться в том, что таких активных писцов, как Гурий, было относительно немного.

*И.А. Устинова, к.и.н., с.н.с.
ИРИ РАН*

Записные книги печатным пошлинам патриаршего Казенного приказа XVII века

Одним из интересных, но малоисследованных видов делопроизводственной документации Московского государства XVII в., являются Записные книги печатным пошлинам – сводные ежегодные книги для фиксации пошлин, взятых за оформление грамоты и предоставление на нее печати. В первой половине столетия Печатный приказ превратился в централизованное нотариальное ведомство и своеобразную справочную систему страны (*Иванова Е.В.* Книги Печатного приказа 1613–1649 гг. как исторический источник. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 21). Однако подобными регистрационно-нотариальными функциями помимо Печатного приказа в довольно широком объеме обладали приказы при патриархе. Право сбора печатных пошлин с патриарших грамот на патриаршем дворе было закреплено указом царя Михаила Федоровича 1618 г. (*Иванова Е.В.* Книги Печатного приказа 1613–1649 гг. как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 35). В ходе реализации этого указа собственные записные книги печатным пошлинам возникли в делопроизводстве Патриаршего Казенного приказа.

В настоящее время исследователям удалось выявить пять сохранившихся книг, датируемых XVII в.: 1632/33 (РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 738, в четверку, 355 л., обнаружена Е.В. Акельевым в фонде Поместного приказа), 1633/34 (весь год) и 1634/35 (с 1 сентября по 18 июля) гг. (РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 21, в четверку, 357 л.; выявлены Е.И. Ивановой в фонде Поместного приказа), 1643/44 г. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 19, в лист, 153 л.; опубликована: *Устинова И.А.* Записная книга печатных пошлин Патриаршего Казенного приказа 1643/44 года // Вестник церковной истории. 2013. № 3–4. С. 5–84), 1651/52 г. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 31, в лист, 105 л.). О существовании специальных пошлинных книг в делопроизводстве патриарших приказов упоминается с 1627 г. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 1.

Л. 459), хотя резонно предположить, что подобные записи велись с 1618 г. во исполнение царского указа.

Книги 1630-х гг. содержат больше записей, чем книги 1640-х и 1650-х гг. (например, книга 1632/33 г. содержит почти 1500 записей, тогда как книга 1643/44 г. – всего 692). Ранние книги богаче и с точки зрения номенклатуры запечатанных грамот. Так в книге 1632/33 г. наиболее многочисленную группу составляют грамоты по искам, второе место принадлежит грамотам по земельным делам и сыску беглых крестьян и лишь третья группа грамот – собственно церковные (духовные (завещания), иски по духовным делам (споры по завещаниям, сыски о беглых супругах, разрешения на повторный брак, другие вопросы семейно-брачных отношений и т.п.), благословенные (на освящение новой церкви)), настольные (на поставление нового архимандрита, игумена, строителя, казначея в монастырь, протопопа в собор), отпускные (освобождение от игуменства и т.п. должностей), патрахильные, оранные, постихарные (право совершать богослужение священникам, служить при храме диаконам и причетникам)). В книге 1643/44 г. наиболее часто упоминаются грамоты, выданные духовенству по церковным нуждам, грамоты от патриаршей администрации на места по церковным духовным делам и сыскам, значительно меньше в этой книге грамот по прочим административным вопросам, практически отсутствуют грамоты по делам поместным, по вопросам сыска беглых крестьян. Записи книги 1643/44 г. менее информативны, чем в ранних книгах, они содержат только основную информацию о виде грамоты, мере пошлины и факте ее взимания. В книге 1632/33 г. нередко допущены о сути дела, зафиксированного в грамоте. Хронологически наиболее поздняя из книг (1651/52 г.) самая маленькая по объему и содержит почти исключительно сведения о взимании печатных пошлин с грамот, выдаваемых духовенству и по духовным делам.

Изменение видового состава грамот в книгах сбора печатных пошлин на патриаршем дворе иллюстрирует процесс постепенной централизации сбора печатных пошлин в специализированном светском учреждении – государевом Печатном приказе. В 1620-40-е гг. продолжается развитие приказной системы, уточняются функции приказов, происходит концентрация функций в центральных московских приказах в ущерб полномочиям местных органов власти, церковной администрации и т.п. Развитие государственного аппарата ведет к бюрократизации всех видов его деятельности, в том числе и приемов ведения делопроизводства. В этом контексте патриаршие приказы, по-видимому, утратили ряд функций. Законодательное оформление эта тенденция нашла в XVIII главе Соборного Уложения 1649 г. «О печатных пошлинах». Вероятно, вследствие

дальнейшего развития этого процесса Записные книги печатным пошлинам неизвестны (или пока не обнаружены) среди документов Патриаршего двора.

*Д.З. Фельдман, к.и.н.
гл. специалист РГАДА*

Еврейское население Мещанской слободы XVII века

Начиная с первой трети XVII в. в Московском государстве вследствие военного противостояния с Речью Посполитой появляется большое количество евреев, в основном военнопленных, некоторые из которых осели в столице Московии у горожан в качестве дворовых слуг. Наша работа посвящена анализу еврейского населения Мещанской слободы, поселенной по принципу происхождения ее жителей. Историография вопроса насчитывает всего лишь несколько работ дореволюционных авторов (*Кунин И.* Евреи в Москве во второй половине XVII века // *Еврейская старина*. СПб., 1913. Т. 6. С. 96–101; *Гессен Ю.И.* Евреи в Московском государстве XV–XVII вв. // *Еврейская старина*. СПб., 1915. Вып. I. С. 1–19; Вып. II. С. 153–157), относительно недавно переизданных (Москва еврейская: Сб. статей и материалов. М., 2003. С. 227–262, 304–310). В связи с этим имеется настоятельная необходимость рассмотреть первоисточники, хранящиеся в собрании РГАДА.

Сведения о евреях Мещанской слободы содержатся в двух переписных книгах 1677 и 1685 гг. из фонда «Боярские и городовые книги» (РГАДА. Ф. 137. Д. 6. Л. 32–33; Д. 7. Л. 31–33, 35, 57 об., 92 об., 94 об., 113, 167; опубли.: *Материалы для истории московского купечества / Сост. Н.А. Найденов*. М., 1886. Т. I. Прил. 2. С. 11–12, 78–79, 85, 95–96, 100, 113). В указанные книги занесены выходцы из Польско-Литовского государства – мещане, которые или добровольно переселились в Россию, или были пленены во время Русско-польской войны 1654–1667 гг., стали холопами тех, кто их «полонил» или кому они были проданы, а затем освободились после смерти своих хозяев либо по царскому распоряжению. Многие из этих людей впоследствии были взяты к Москве по государеву указу, где и остались на жительство. Среди них мы встречаем и евреев.

В переписной книге 1677 г. указан «Матюшка Григорьев, еврей. У него сын Петрунка, да у него ж брат ево родной Федка Григорьев; родиню Мстиславля города». В 1654 г. он попал в плен и был отдан в Гостиную сотню Кирилу Волосатому, по указу царя в 1667/68 г. освобожден, проживал в Новоникитской слободе, а в 1671 г. взят в Новомещанскую слободу и торговал в Овощном ряду. Переписная книга 1685 г. сообщает, что «Матвей Григорьев, еврей»

служил в 1673/74 г. «в мещанских старостах», а в 1677/78 г. «на мещанских кружечных дворах головою» и в том же году взят в Гостиную сотню. Как видно из второй переписной книги, к двум еврейским дворам прибавились еще восемь дворовладений, и одним из владельцев был «Федор Григорьев, евреин», который раньше проживал со своим братом Матвеем, а теперь с сыном Данилкой занимал самостоятельный двор. Другим дворовым евреем, согласно слободской переписи 1676–1677 гг., был «Андрюшка Лукьянов, еврей, Дубровны города». В 1654/55 г. люди боярина князя Я.К. Черкасского вывезли его в Москву, где он прожил во дворе у боярина по 1662/63 г., а после его смерти был отпущен на волю и жил в Казенной слободе; в 1671 г. по указу царя еврей был взят Новомещанскую слободу и вел торг в Шёлковом ряду. Через семь лет в переписной книге 1685 г. об Андрее Лукьянове сказано, что он служил в 1674/75 г. «на мещанских кружечных дворах головою», а в 1677/78 г., как и Матвей Григорьев, взят в Гостиную сотню.

Перепись Мещанской слободы 1684–1685 гг. помимо вышеупомянутых лиц зафиксировала следующие еврейские дворы. «Федор Иевлев, еврей», уроженец Быхова, служил во дворе думного дворянина П.К. Елизарова и его сына А.П. Елизарова, а после их смерти купил двор в слободе, где жил с сыновьями Миткой и Ивашкой; служил в 1683/84 г. «в слободцких старостах в слободцкие харчи» и имел лавку и сenniцу (сеновал). «Степан Иванов сын Копьев... родиную из Дубровны, еврейские породы», служил у боярина С.И. Заборовского, а в 1680/81 г. после его смерти был отпущен на волю и проживал с сыном Данилкой в купленном дворе Мещанской слободы. Уроженец Могилева «Давыд Тимофеев, еврейские породы», служил во дворе боярина князя Ю.А. Долгорукова, а после его смерти освободился и жил в слободе в купленном дворе, торговал «красным питьем». «Володимер Елисеев сын Израилев... родиную из Мстиславля, еврейские породы», служил во дворе боярина Б.М. Хитрово и, освободившись после его смерти, проживал в слободе с сыном Алешкой и двоюродным братом Кирюшкой Афонасьевым. «Семен да Иван Яковлевы дети, да Павел Степанов, все еврейские породы»; известно, что П. Степанов освободился после смерти боярина В.Б. Шереметева, во дворе которого был в услужении. Рядом находился двор отца Семена и Ивана Яковлевых: «Яков Самойлов, еврей... родиную дубровленин», служил во дворе Д.И. Рагозина, после его смерти царским указом получил свободу и жил в Мещанской слободе с сыновьями Сенкой и Ивашкой (П. Степанов приходился Я. Самойлову зятем). «Иван Костянтинов... еврейские породы», служил в доме боярина Б.М. Хитрово и после его боярские смерти поселился в слободе. Проживал здесь и один без-

дворный еврей (подсоседник), но вследствие неполноты переписной книги 1677 г., о нем мы узнаем только из книги 1685 г.: «Лучка Гаврилов, еврейские породы» с сыном Ивашкой.

Документы показывают, что все перечисленные в книге 1685 г. евреи, кроме детей Я. Самойлова, при поступлении в слободу дали по себе поручные записи, а один из них (Ф. Иевлев) дослужился до слободских старост. Все они попали на территорию Московии после войны с Польшей, затем служили при боярских и дворянских дворах, а освобождались с этих дворов по смерти своих хозяев с отпускными записями, которые в то время были необходимы для обеспечения своей свободы. Только один из мещан (Я. Самойлов) был освобожден по государеву указу.

Приведенные материалы показывают, что некоторые евреи не только могли проживать в средневековой Москве, но и добивались определенных успехов в своей деятельности, и что государство позволяло им заниматься своим ремеслом, не меняя традиционной веры. Это позволяет с несколько иной позиции взглянуть на сложившуюся историографическую картину, основным тезисом которой считался запрет иудеям на постоянное проживание на территории Русского государства XVII в.

*В.Г. Фоменко, к.г.н., доц.
Приднестровский ГУ (Тирасполь)*

Корни тюркских топонимов на исторических картах Приднестровья

На территории Приднестровья расположено множество физико-географических объектов и населенных пунктов, названия которых имеют тюркское, смешанное тюрко-романское или тюрко-славянское происхождение. На карте Королевства Польши и Великого княжества Литовского И.М. Пробста (1628 г.), на Генеральной карте Украины Гийома Левассера де Боплана (1648 г.), на карте Молдавского княжества господаря Дмитрия Кантемира (1715–1716 гг.), на карте Молдавии российского генерала Ф.В. Бауэра (1769–1770 гг.), а также на карте «Области Озу или Едизан» Франца де Волана (1790 г.) обозначены многие тюркские топонимы долины Днестра – города, крепости, лагеря, реки, овраги и балки. Среди них, *Бендеры* – самый известный тюркский топоним (вероятно, персидский, но сегодня однозначно воспринимаемый как турецкий). Вариант древнего названия г. Тигина (город носил это имя в 1460–1535, 1918–1940 и 1941–1944 гг.) и производные от него формы *Тигинакечю* / *Тегенякечю* являются татарским лексическим образованием, включающим кыпчакский элемент *кечю* со значением

«переходить; проходить; переправляться; переправа на реке (брод)» и *тигин* (тат. «князь»). Современное название было официально закреплено за городом в 1541 г. и в переводе с персидского означает «гавань, порт или пристань». Именно «Бендеры» фигурируют на польских, немецких, османских, российских картах XVI–XVIII вв. (Лобанов Е.А. Бендеры. Страницы истории. 1408–1812. Бендеры, 2003. С. 22). Топоним *Дубоссары* (помимо основной версии, согласно которой название города происходит от дубовых лодок – «дубасов»), возможно, тюркского генезиса (от тат. *Тембосары* или *Дембосары* – «жёлтые холмы») (Аниупов И.А. Города и местечки Приднестровья // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1998. № 2. С. 28). Город-крепость впервые обозначен на карте Молдавского княжества 1501 г. На военных картах XVII–XVIII вв. на месте закладки Новых Дубоссар обозначено несколько укрепленных татарских селений. Название села Ягорлык, возможно, связано с северокавказским гидронимом *Большой Егорлык* (др.-тюрк. *egri* «кривой; изогнутый», тур. *egrilik / igrilik* «кривизна, изгиб, изогнутость» или «лук, излучина»; в переводе с ногайского языка означает «река, текущая в возвышенном месте» (Еремия А.И. Географические названия рассказывают. Кишинев, 1990. С. 187). Населенный пункт обозначен на карте Польши Рицци-Заннони 1667 г. Существовал и другой вариант названия села: на турецких, польских и французских картах XVII–XVIII вв. оно фигурирует под названием *Кайнар(да)*, что в переводе с татарско-ногайского означает «горячо(ий)». Поселение и речушка остались в дипломатической истории (Карловицкий мир 1699 г.) как геополитический стык трех границ – Молдавского княжества, Речи Посполитой и Крымского ханства (отсюда пословица: «Петух поет на трех границах»). Наименование села Ташлык (возникло в середине XVIII в. на месте татарского лагеря) представляет собой типичный тюркский топоним – собирательно-локальное производное от *таш* («камень») и суффикса *лык*, т. е. «каменистое место», что объясняется особенностями окружающего ландшафта (Еремия А.И. Указ. соч. С. 174). Название балки Тамашлык также является тюркизмом, но генезис его не ясен. Топоним *Сукля*, вероятно, происходит от искаженного названия традиционного татарского сельского дома «сакля». На месте молдавского села Старая Сукля был заложен город Тирасполь (Фоменко В.Г., Константинов Е.В. Историко-географический очерк села Сукля (к 210-летию поселения) // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2003. № 7. С. 130–136). Название реки Кучурган, по одной версии, обозначает «высокая могила» от тюрк. *kurhan* (Янко М.П. Топонімічний словник України. Киев, 1998. С. 203), по другой, его выводят от тат. *kuru* «сухой» и *çikçur*

казаков Черноморских») не очень ясно представляли себе, кого же следует включать в состав «войсковой старшины». С февраля 1788 г. войско готовило ежемесячные отчеты для Главного дежурства 3-й дивизии Екатеринославской армии (Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК) Ф. 249. Оп. 1. Д. 16). Проанализировав эти отчеты, мы выделили три интересные особенности.

Во-первых, войсковой атаман ни в одном из рапортов Коша не включен в состав войсковой старшины. Он всегда сам по себе занимает первую строчку. Во-вторых, в состав войсковой старшины первоначально входили войсковые есаул, писарь, хорунжий. С июня 1788 г. войсковой хорунжий «исчезает» из рапортов. В-третьих, и это самое удивительное, в отчетах вообще не упоминается войсковой судья.

Учитывая приведенные обстоятельства, мы решили оперировать понятием «войсковая старшина» в значении, известном нам по Запорожской Сечи: кошевой атаман, кошевой судья, кошевой писарь и кошевой есаул (Українське козацтво: Мала енциклопедія. Київ; Запоріжжя, 2002. С. 73). Все эти четыре должностных лица входили в военно-административную структуру Черноморского войска и лишь назывались «войсковыми».

В документах ГАКК нам удалось разыскать оттиски печатей трех высших руководителей Черноморского казачьего войска: атамана З. Чепеги, войскового судьи А. Головатого и войскового есаула М. Гулика. Печати можно разбить на две группы. Печать атамана выполнена с соблюдением геральдических правил того времени. Печати А. Головатого и М. Гулика – продукт «самодельного герботворчества». Эмблемы на них более образны и символичны, что затрудняет их интерпретацию (в первую очередь, это относится к печати А. Головатого).

Печать З. Чепеги выполнена в форме овала размером 32x27 мм (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3366. Т. 3. Л. 24). В центре – щит, представляющий одну из форм геральдических щитов немецкого типа. В нем изображены перекрещенная стрела и сабля (стрела острием вверх). Над щитом – дворянская корона с пятью зубцами, завершающимися жемчужинами и тремя страусовыми перьями. По сторонам короны – инициалы: «З» и «Ч». С правой стороны щита два ниспадающих знамени, с левой – вставший на дыбы конь (единорог?). К нижней части щита «подвешен» Георгиевский крест. По его сторонам из-под щита выходят казенные части оружейных стволов. Рядом с ними два предмета, не поддающиеся идентификации (на других личных печатях этого времени рядом со стволом обычно изображаются артиллерийские принадлежности или же литавры, что нам представляется более вероятным). Семантика этой сцены

достаточно ясна. Она скомпонована из военных атрибутов и свидетельствует об успехах владельца печати на боевом поприще.

Печать войскового судьи Антона Андреевича Головатого также овальной формы размером 30х27 мм (ГАКК Ф. 249. Оп. 1. Д. 336. Т. 2. Л. 349). Вся левую половину печати А. Головатого занимает изображение казака, одетого в шаровары, резко суживающиеся в районе колен, короткую куртку и грушевидной формы головной убор с узким околышем (вероятнее всего, «крымская шапка», иначе «шапка-татарка»). В левой руке он держит знамя с двумя косицами (хвостами) и с крестом на полотнище, в правой – ружье. Иконография казака, на наш взгляд, практически полностью заимствована с войсковой печати 1788 г.

На второй половине печати в верхней части расположена сердцеобразная фигура. По мнению О.А. Однороженко, сердце в казачьей геральдике символизировало шляхетность и военную доблесть (*Однороженко О.А. Геральдичні традиції українського козацтва // Історія українського козацтва. Київ, 2007. С. 181, 195*). По обе стороны от сердца находятся два четырехконечных креста с расширяющимися концами. Не очень понятные завитки, отходящие от верхних лучей крестов, по-видимому, представляют собой попытку изобразить орденские ленты. Вне всякого сомнения, перед нами награды войскового судьи: знак ордена Св. Георгия 4-й степени и знак ордена Св. Владимира 3-й степени. По сторонам крестов вырезаны две буквы «А» и «Г», означающие «Антон Головатый». Под сердцем находится схематичное изображение военной лодки XVIII в. с развевающимися на высокой мачте брейд-вымпелом. Напомним, что войсковой судья А.А. Головатый длительное время являлся командиром казачьей гребной флотилии.

На печати Мокия Семеновича Гулика, несколько раз назначавшегося войсковым есаулом, изображено небольшое одномачтовое судно с двумя флагами. Изображение канонерской лодки, из которых была составлена казачья гребная флотилия, попало на печать М. Гулика, поскольку он командовал одной из частей флотилии (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 19). В центре судна изображена непропорционально большая фигура казака, держащего в руке булаву или пернач. Вероятнее всего, это изображение самого владельца печати. По сторонам мачты вырезаны буквы «М» и «Г». На корме лодки у румпеля сидит рулевой казак.

Печати З. Чепеги и А. Головатого обнаружены нами в документах 1796 г. Наличие на печатях наградных крестов позволяет установить примерную нижнюю границу их изготовления. Грамота на пожалование З. Чепеге ордена Св. Георгия датирована 4 декабря 1792 г. Таким образом, печать не могла быть изготовлена ранее 1793 г. Печать

М. Гулика встречается на документах 1796–1799 гг. И хотя рисунок на печати представляет собой отзвук его успехов на морском поприще в годы русско-турецкой войны 1787–1791 гг, она не могла быть изготовлена в те годы. Документы периода войны М. Гулик заверял малой войсковой печатью. Да и субординация не позволила бы изготовить ее раньше атамана и войскового судьи. Грамоту на пожалованный в 1788 г. орден Св. Владимира 4-й степени М. Гулик получил 9 марта 1794 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 273. Л. 22).

Таким образом, мы можем констатировать, что печати войсковой старшины Черноморского казачьего войска конца XVIII в. не являются только лишь знаком удостоверения документа. Набор эмблем и символов отражает вкусы владельцев и уровень их эрудиции. Печати репрезентируют социальный статус владельца; его претензии на шляхетство, подчёркивают его личные положительные качества. Даже далёкие от геральдического канона сюжеты представляются владельцем как синоним его личного герба. Недаром А.А. Головатый в переписке употреблял выражение: «... с приложением герба моего печати».

*С.И. Хазанова, к.и.н.
РГАДА*

Полная и краткая редакции «Заветов двенадцати патриархов»: некоторые текстуальные особенности

Апокриф «Заветы двенадцати патриархов» был написан первоначально на еврейском языке во II в. н.э. и уже в ранние годы христианства переведен на греческий (*Charles R.H. The Greek versions of the Testaments of the twelve Patriarchs. Oxford, 1908. P. IX*). Время и место славянского перевода «Заветов» еще не установлены, но, видимо, памятник был переведен у южных славян. Апокриф сохранился в двух редакциях – полной и краткой. Большинство списков относится к краткой редакции. Собственно полная редакция представлена только четырьмя списками – Архивским Хронографом (РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание МГАМИД. Д. 279. Л. 69–88 об.), Палеей с прибавлениями XVI в. (РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Д. 730. Л. 58–110), Палеей Толковой 1477 г. Московской Синодальной библиотеки, изданной Н.С. Тихонравовым (*Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 146–232*), и Креховской Палее, изданной И. Франком (*Франко И. Памятники украинско-русской мови і літератури. Апокрифі старозавітні. Т. 1. Львів, 1896. С. 218–366*). Краткая редакция «Заветов двенадцати патриархов» помещалась почти во всех списках Толковой Палеи. Она встречается также в некоторых сборниках.

Еще И.Я. Порфирьев заметил, что в краткой редакции все «Заветы» сокращены почти наполовину, кроме «Завета Левгия», и что сокращению больше подвергалась легендарная, нежели дидактическая часть «Заветов» (*Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1853. Т. 1. С. 155). Но и в дидактической части «Заветов» читаются незначительные отличия между текстами пространной и краткой редакций. Так, в «Завете Симеона» пространной редакции отсутствующая в краткой вставка от слов «тогда погибнет племя Ханаоне» и до слов «тъ спасть вся языки и племя Израилево» (*Тихонравов Н.С.* Памятники ... С. 155). В «Завете Иуды» пространной редакции после предложения «тогда просветится скипетр царства моего и от корени вашего будет отрасль, и из нея изыдет жезль правды языкомъ, создати и спасти всех призывающих Бога» идет продолжение: «И потомъ встанет Авраамъ и Исаакъ и Иаков, азъ и брагтя моя..» и до слов «все людие въсхвалят Господа въ век» (Там же. С. 185). Вставки, отсутствующие в краткой редакции, читаются и в пространной редакции заветов других патриархов. Конец «Завета Дана» в краткой и пространной редакции несколько отличается. В пространной редакции отличия начинаются со слов: «Разоумехъ бо в книгах Еноха праведного, яко князь вашъ боудет Сатона» и до конца (Там же. С. 197–199). «Завет Нефталима» пространной редакции содержит отсутствующее в краткой видение Нефталима, когда он видел Левгия как солнце, Иуду как месяц, а также корабль Иакова, на котором все его двенадцать сыновей приплыли «в буря невредимыми» (Там же. С. 202–203). В краткой редакции «Завета Нефталима» читаются слова, которых нет в пространной «слушающимъ его оуготаваемъ престоли и славы на небесехъ» (Там же. С. 129). Отличия между текстами двух редакций встречаются и в заветах Асира, Вениамина. Даже в «Завете Левгия», где сокращений почти нет, в пространной редакции читается продолжение, отсутствующее в краткой: «И восхотят мнози от человекъ работати емоу и слышати законъ от оустьего» (Там же. С. 173). Все отличия между двумя редакциями заключаются, в основном, в более подробном изложении полной редакции или незначительных текстуальных разночтениях между полной и краткой редакциями.

Разночтения встречаются не только между полной и краткой редакциями, но и между двумя списками пространной редакции. Так, Е.А. Вологина выявила в «Завете Левгия» в Архивском Хронографе и в Палее с прибавлениями ряд разночтений как текстуальных, так и языковых, при этом в некоторых случаях списки не совпадают ни друг с другом, ни с греческим оригиналом (*Вологина Е.А.* Два списка полной редакции «Заветов двенадцати патриархов» // Древняя

Русь. Вопросы медиевистики. 2015. Сентябрь 3 (61). С. 2–26). При сличении списков в дидактической части разночтения между ними начинаются от слов «того ради и церквию, юже избереть Богъ, опоустее в нечисте» и до слов « и поновить домъ господень» в Архивском Хронографе (РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание МГАМИД. Д. 279. Л. 74–74 об.) и от слов «без вины есмь от всего бесчестия вашего и преступления, еже ставите кончине века» и до слов «въ день радости его на спасение миру въстанет» в Палее с прибавлениями (РГБ. Ф. 304. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Д. 730. Л. 68 об.–71). В конце «Завета Левгия» между двумя списками про странной редакции тоже можно наблюдать некоторое отличие. В Архивском Хронографе читаем: «И слава вышняго печется о немъ, и духъ разоума истиня почитать на немъ водою» (РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание МГАМИД. Д. 279. Л. 74 об.), в Палее с прибавлениями: «Небеса радуются и отвръзутся, и от дому славы придет на нь странникъ гласомъ отчемъ аки от Авраама отца, Исаака, Иякова, и слава вышняго печется о немъ. И духъ разоума истиня почитать на немъ водою» (РГБ. Ф. 304. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Д. 730. Л. 72). В греческом тексте «Завета Левгия» находим ряд отличий от двух славянских списков (*Charles R.H. The Greek versions ...* P. 48–49, 55–61). Видимо, «Завет Левгия» как самый обширный повлек за собой больше всего разночтений как при переводе, так и при переписке.

Некоторым заветам в Палее дается толкование. Оно встречается только в четырех из них, а именно в «Заветах Рувима, Семиона, Левгия и Иоисифа» (*Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания ...* 1863. Т. 1. С. 151). Толкование «Завета Рувима» объясняет, что он узрел вечного царя, родившегося от Иуды (*Тихонравов Н.С. Памятники ...* С. 151), Семион предсказал пришествие Христово (Там же. С. 156). В толковании «Завета Левгия» при обращении к иудею говорится, что сам Господь спасет людей, а неверующие в него будут осуждены на вечную муку (Там же. С. 163–164). Толкования были призваны заставить иудеев обратиться к истинной вере. С этой целью были выбраны те из «Заветов», где наиболее ясно, по мнению составителей Палеи, говорилось о пришествии Христа.

Денис А. Хотимский, PhD (Уолтем, Массачусетс)

О титуле плана Москвы, гравированного Гесселем Герритцем

Среди ранних европейских карт России особое место занимают планы Москвы и Кремля, награвированные около 1613 г. амстердамским картографом Гесселем Герритцем (Hessel Gerritsz, 1581–

1632). По словам В.С. Кусова, «отечественное происхождение про-тооригиналов обеих карт очевидно, так как имеется несколько над-писей, выполненных затейливой русской вязью» (*Кусов В.С. Исто-рия познания земель Российских. М., 2002. С. 24*).

Оба изображения в высоком разрешении можно найти по ссыл-кам, любезно предоставленным Пьером Йоппенем, см.:

<http://www.swaen.com/zoomV2.php?id=13690|5875>. В целях иденти-фикации будем называть первый план «Кремленаград», а второй – «Град Москва», понимая под этими названиями уникальную мед-ную гравюрную доску, а также любой из оттисков на бумаге, отпе-чатанных с этой доски.

Первоначально посвященные новоизбранному царю Михаилу Федоровичу, два плана дополняли друг друга и предназначались для совместного распространения (*Клепиков С.А. Библиография печатных планов города Москвы XVI–XIX веков. М., 1956. С. 12–16, 27*). После смерти Гесселя Герритца доски перешли к Виллему Блау (*Willem Jansz. Blaeu, 1571–1638*), а затем к его сыну Йоану Блау (*Joan Blaeu, 1596–1673*), который в 1662 г. включил оба плана во второй том своего Большого Атласа. При этом в посвящении Кремленаграда имя Михаила Федоровича было заменено именем Алексея Михайловича, а имя Герритца счищено. Медная доска Гра-да Москвы, скорее всего, погибла при пожаре 22 февраля 1672 г., нанесшем издательскому дому Блау непоправимый урон. Крем-ленаград в огне уцелел (была утрачена внешняя часть доски) и в конце XVII в. использовался Фредериком де Витом. Кроме того, де Вит заново выгравировал план Москвы, скопировав как изображе-ние, так и текст Герритца (Там же. С. 29–30).

И оригинал, и перегравировка плана Москвы знамениты своим русским титулом, традиционное прочтение которого мы пытаемся пересмотреть. Задача выглядит амбициозной – казалось бы, что но-вого можно найти в тексте, состоящем из восьми слов «затейливой вязи», который на протяжении 180 лет был транскрибирован мно-жество раз? (За начало отсчета примем 1837 г., когда среди бумаг Петра I был найден оттиск девитовой копии, от которого пошло название «Петров чертеж»). Чтобы доказать разрешимость постав-ленной задачи, первым делом сосредоточимся на работах, авторы которых уделяют должное внимание деталям, и рассмотрим, как трактуется в них прилагательное «московский».

И.М. Снегирев, этнограф и археолог: «Царствѹющей град Москва начальной городъ всѣхъ Московскихъ государствъ» (*Снегирев И.М. Памятники московской древности. М., 1842–1845. С. 98*). С.А. Кле-пиков, историк гравюры: «црствающей град москва начально^и го-родъ всѣ^х москвски^х гдрства^х» (*Клепиков С.А. Библиография. С. 27*).

М.Н. Тихомиров, историк и палеограф: «...царствующей град Москва начальной город «всѣхъ» московских государств. Надпись сделана москвичом с характерными ошибками (вместо «въ всѣхъ» написано «всѣхъ») и без ударных гласных (царствующей)» (Там же. С. 4). П.И. Гольденберг, архитектор: «Ц[а]рствующей град Москва начальной городъ всѣх Моск[о]вских г[осу]д[а]рствах» (Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 59).

Разделенные более чем столетием исследователи согласны в том, что ударная «О» в слове «московских» подверглась контракции. При этом ученый XIX в. восстанавливает ее буквою Ѡ, или *онь*. Взглянем однако внимательнее на план: остроконечное основание буквы **Г**, изящно выгибаясь назад, переплетается с передней ножкой буквы **К**, образуя великолепную в своем совершенстве омегу **Ѡ**, или *отъ!*

В конце XVI в. писали двояко: как **Московский**, так и **Москвский**. Например, в грамоте Патриарха Иова от марта 1598 г. об избрании царем Бориса Годунова (Собр. Госуд. грамоть и договоров. М., 1819. Т. 2. С. 144–150) в 22 случаях находим *онь*, а в восьми – *отъ*. *Отъ* был упразднен петровской реформой 1708 г., за 130 лет до попадания Града Москвы в ученые руки. Похоже, что с тех пор никому так и не удалось разглядеть **Ѡ** в титуле плана.

Мы подходим к ключевому наблюдению и выводу работы. При всей своей затейливости, выполненный вязью титул Града Москвы не содержит чисто декоративных излишеств – каждый графический элемент находится на своем месте как часть буквы, лигатуры или надстрочного знака. Завиток под буквой **Д** в последнем слове, который игнорируется традиционными прочтениями титула, является не исключением, а стилизованной правой ножкой буквы **П**. Само же слово в подтитловом написании выглядит как гѣдрѣтва.

История появления в русском языке слов *государь* и *государство* была проанализирована венгерским славистом Андрашем Золтаном (András Zoltán) в статье 1983 г. (К предистории русск. «государь» // *Studia Slavica*. Т. 29. С. 71–110), а затем – в диссертации (МГУ, 1984), опубликованной спустя 30 лет (Золтан А. *Inter-slavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. М., 2014). Золтан показал, что вплоть до второй половины XVII в. в русском языке преобладали формы *господарь* и *господарство* с подтитловым написанием в виде гѣдрѣ и гѣдрѣ(ь)ство, и что «древность» форм *государь* и *государство* связана лишь с произвольным и необоснованным раскрытием этих сокращений в позднейших текстах. Выводы Золтана могут подтвердить нумизматы на примерах монет княжеской и царской чеканки, специалисты по

сфрагистике на примерах государственных печатей, лингвисты на примерах фонетической фиксации русских слов иностранцами. Наша работа свидетельствует в пользу теории Золтана на примере памятника исторической картографии.

Отметим в заключение, что форма *гѣдѣство* в отличие от *гѣдѣство* не допускает двусмысленного толкования, поэтому титул Герритцева плана следует однозначно раскрывать как «Царствующій градъ Москва научалииъ городъ всѣхъ Москвитинихъ господствахъ». Пусть история 180-летнего заблуждения послужит напоминанием о том, как важно, имея дело с историческими документами, читать по писанному и не полагать ожидаемое за данность.

К.С. Худин, н.с., м.н.с.

РГАДА, ИВИ РАН, ИАИ РГГУ

Английское торговое клеймо на аптекарских запасах из Лондона (1662 г.)

В фонде Аптекарского приказа сохранилась челобитная российскийского «комиссариуса и резидента» Ивана Гебдона (John Hebdon) на русском языке (Л. 1–3) и подклеенная к ней роспись аптекарских товаров на английском языке (Л. 4–5). (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 572). Имеется фрагмент красной сургучной печати (Л. 1 об.), изображение частично сохранилось, но разобрать его не удалось (вероятно, на печати изображена фигура орла).

Челобитная была опубликована в XIX в., с указанием, что «после отписки следует роспись предметам на английском языке» (Материалы для истории медицины в России / Н.Е. Мамонов. Вып. 2. № 292. С. 210–211). Подлинник изучали: Е. Капитановский, В.В. Томашевский, [?]. Тилл (Англия), Ю.М. Эскин, Клэр Гриффин (Англия) и Одра Йодер (США).

Обстоятельства создания источника изложены в челобитной и позволяют утверждать, что роспись была создана в Лондоне между 24 июня и 5 июля 1662 г. Первая дата обозначает день, когда Гебдону была «прислана ... грамота из Аптекарского приказу», а 5 июля датирована его челобитная. В ней он сообщает, что исполнил все указания: ему надлежало купить «аптекарских запасов против росписи, какова роспись прислана ко мне, иноземцу, вместе с твоею <...> грамотою» (Ф. 143. Оп. 2. Д. 572. Л. 1). Роспись, подклеенная к челобитной, написана лондонским аптекарем Иваном «Батерсби» (John Battersby (Buttersby)), у которого были куплены лекарства, записанные «в росписи <...> за ево обтекаревою рукою». Аптекарь учился вместе с Robert Benyon, с 1647 г. служившим под именем Романа Биниана аптекарем в Аптекарском приказе (*Appleby J.H.*

Ivan the Terrible to Peter the Great: British formative influence on Russia's medico-apothecary system // *Medical History*. 1983. Vol. 27. P. 297; РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 30). На закупку лекарств было потрачено 542 фунта 8 шилингов и 4 пенса «английских денег», или, 1356 руб. 1 алтын 4 денги «мелкими серебряными деньгами», в пересчете. Такой значительной суммы денег у Гебдона не оказалось, и он занял их в Лондоне «у торгового человека у Юрья Юрьева», выдав тому «заемную память». С этим человеком (или его представителем) груз был отправлен в Архангельск. Местный воевода И.Б. Милославский и дьяк Л. Ермолаев должны были принять товар и расплатиться по займу. В Англии лекарства были упакованы: «во шти сундуках да в дву боченках, да одном тючке и наклеяемы». Рисунок клейма расположен прямо в строке текста челобитной: но отсутствует в публикации (Ф. 143. Оп. 2. Д. 572. Л. 2). В отписке Милославского сказано, что «аптекарские лекарства» «за Ивановым клеймом Гебдона», «за рыцарцовой печатью» были отправлены в Москву через Вологду (Ф. 143. Оп. 2. Д. 609; *Новомбергский Н.* Материалы по истории медицины в России. Т. 1. СПб., 1905. № 24. С. 15). Слово «рыцарь» не обязательно обозначало воина, но могло иметь собирательное значение «дворянин» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. Вып. 22. С. 278).

Знак клейма представляет собой схематичное изображение сердцевидного щита с литерами внутри и крестом сверху. Форма сердца передана условно и, на наш взгляд, случайно. Корректнее говорить о треугольной форме щита. Щит разделен на 3 части (полурассечён и пересечен): горизонтальная черта делит его пополам, а верхняя половина разделена пополам вертикальной переключиной креста. В верхней правой (зеркально) области расположена буква «Ц», в верхней левой – буква «В», в нижней – буква «М». Структурно печать похожа на английскую купеческую (XIV в.) (см.: *Harvey P.D.* A Guide to British Medieval Seals. L., 1996. P. 96).

Филигрань хорошо различима, ее анализ ранее не проводился. Она относится к типу: «Рожок (охотничий, почтовый), рог, труба, англ.: horn, bugle, франц.: cornet, hushet)» с перевязью, на французском щите с декоративным наметом, без литерного сопровождения. Клепиков выделяет семь основных элементов рожка: 1) мундштук, 2) петля перевязи, 3) перевязь, 4) отверстие раструба, 5) раструб, 6) корпус, 7) линии, продолжающие шнур перевези. Все они, кроме последнего, есть в нашей филигрань: мундштук имеет крестообразное завершение, отверстие раструба открыто, место крепления перевези к корпусу украшено небольшими кружками, корпус без линий (*Клепиков С.А.* Филигрань «Рожок», ее история и опыт анализа ее эволюции (1314–1600 гг.) // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 59–68).

Наиболее близкие примеры: в альбоме Гераклитова: № 1103 (1697 г.), в альбоме филиграней из собрания ГИМа: № 1156 (1669 г.) и 1158–1161 (1690–1699 гг.), альбоме Heawood: № 2674 (1681 г.), 2681 и 2686 (1683 г.). Все они имеют более позднюю датировку. (*Гераклитов А.А.* Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963; *Филиграния XVII века по рукописным источникам ГИМ.* М., 1988. С. 134–135; *Heawood E.* Watermarks Mainly of the 17th and 18th Centuries. Hilversum, 1950. P. 341–342).

Важно отметить, что если аптекарь, создавший роспись, прямо указан в тексте челобитной, кто написал саму челобитную – вопрос не вполне ясный. Можно предположить, что русский перевод был создан в Посольском или Аптекарском приказе. Но филиграния на челобитной и на росписи (однозначно созданной в Лондоне) абсолютно совпадают, значит, челобитная и роспись были созданы одновременно. Но челобитная написана почерком приказного служащего: даже если допустить, что Гебдон, длительное время живший в России, хорошо владел русским языком, такой почерк он приобрести не мог. К тому же, привлекает внимание, что год в челобитной указан от Сотворения Мира, в то время, как иностранцы, даже проживая в России, пользовались летоисчислением от Р.Х. (см. например, рецепт Андрея Энгельгардта, датированный 8 июля 1662 г. (Ф. 143. Оп. 2. Д. 580. Л. 2).

Вывод, который можно сделать: при Гебдоне находился какой-то русский представитель – чиновник, ведший его дела и контролирувавший его со стороны России. Заманчиво предположить, что это кто-то из состава посольства Прозоровского, но оно прибыло в Англию только в ноябре 1662 г.

*Д.О. Цыпкин, к.и.н., доц.
ИИ СПбГУ*

Что такое древнерусское «метное письмо»?

Исследование выполнено при поддержке РФФИ: грант № 16-01-00210

В докладе рассматривается термин «метное письмо», встречаемый в описях книг и других древнерусских текстах XVI–XVII вв. Он обнаруживается в профессиональном языке русских книжников начиная с 70–80-х гг. XVI в. Указание на «метное письмо» впервые встречено нами в приписках в рукописи описи книг Иосифо-Волоцкого монастыря 1573 г. (Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. / Публ. Р.П. Дмитриевой // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 59).

Ещё в 1977 г. на словосочетание «метное письмо» в описаниях рукописей в севернорусских монастырях XVII в. обратила внимание М.В. Кукушкина. При этом исследовательница отметила, что «для нас значение этого термина не вполне ясно» и предположила, что «метное» означало четкое и красивое письмо (Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л., 1977. С. 120). К сожалению, такое толкование, как и толкование «Словаря русского языка XI–XVII вв.», где прилагательное «мѣтный» отнесено к письму документов, связанных «с переписью и учетом пашни, земельных владельцев и их наделов» (Словарь русского языка XI–XVII вв. / Глав. ред. Ф.П. Филин. Вып. 9 (М). М., 1982. С. 128), не может быть принято. Обе интерпретации «метного письма» не соответствуют реалиям употребления этого словосочетания в языке Древней Руси применительно к характеристике письма.

Особое значение для понимания смысла «метного письма» имеет текст статьи «Сказание грамотичнымъ степенем до колика степеней азбучной слога всходитъ», находящейся в рукописной Грамматике второй четверти XVII в. РГБ. Тихонравов. № 339 (памятник был опубликован И.В. Ягичем: Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1896. С. 688–689). Среди прочего, в этом учебном грамматическом сочинении описан основной состав письма, овладение которым рассматривалось как необходимое для образованного древнерусского книжника. Так, там сказано: «Сего ради построена бысть сия буковница [...] Дабы съдѣя во училищи ученикъ имена буквам и лица ихъ по начертанию изящно в различыяхъ ведаль, какъ которую зовуть и какъ коа написана буква в книжномъ писмѣ, и какъ таже пишется в метномъ писмѣ и в скорописи» (Л. 64–64 об.). Соотнося упоминания «метного письма» в «Сказании грамотичнымъ степенем ...» с использованием этого понятия в древнерусских описаниях рукописей и других документах XVI–XVII вв., мы можем сделать вывод о том, что «метное письмо» обозначало *обычное (обиходное) письмо*, противопоставленное профессиональному письму: профессиональному «*книжному письму*» («*уставу*») и профессиональной *скорописи*. А если учесть также однокоренные слова, то «метное письмо» можно понимать как указание на письмо, характерное для помет, записей, заметок, резолюций и т.п.

«Метное письмо» – понятие учебной литературы, предназначенной для подготовки профессиональных пишущих (так, например, «Сказание грамотичнымъ степенем ...» завершается словами: «вѣнмаи о сихъ, о каллиграфе»), которое может рассматриваться

как термин. Однако в языке Древней Руси XVII в. существовало и определение «обычное письмо» как указание на *обиходное* («повседневное») письмо. С таким словоупотреблением встречаемся в тексте, функционировавшем в качестве предисловия в рукописях Хронографа III редакции, Младшего извода Пространной редакции Степенной книги («дополнительное предисловие» по определению А.В. Сиренова) и Второго Азбуковника (по определению Л.С. Ковтун). Текст этот хорошо известен в науке (последней по времени выхода публикацией, в которой о нем идет речь, стала статья М.А. Савинова: *Савинов М.А.* Холмогорский книжник Федот и хронографические предисловия XVII в. // *Летописи и хроники. Новые исследования.* 2015–2016. Сборник статей памяти О.В. Творогова. М.; СПб, 2017. С. 437–444). В нем мы встречаем указание на систему письма, состоящую из профессионального «книжного письма» («лѣпотное писмо»), *профессиональной скорописи* («скорописное тончайшее писание»), *обычного письма* («обычное, сирѣчь скорое писмо»): «Да такожде и сия Бжественная писания печатана или лѣпотнымъ писмомъ, или обычнымъ, сирѣчь скорымъ писмомъ, или скорописнымъ тончайшимъ писаниемъ, не едино ли глаголетъ и исповѣдаетъ силу и славу Божественныхъ писании ...» (Азбуковник последней четверти XVII в. РНБ. Q.XVI.12. Л. 3). Здесь «обычное, сиречь скорое писмо» противопоставлено формам профессионального письма и, очевидно, обозначает ненормированное (*обиходное*) письмо. При этом, если для *профессионального письма* в тексте основная характеристика – эстетическая («лепотное», «тончайшее»), то для *обиходного* – высокий темп исполнения текста («скорое писание»).

Подводя итог, отметим, что, исходя из древнерусских текстов, в которых упоминается «метное письмо» и «обычное сиречь скорое письмо», а также из материала рукописных каллиграфических пособий (о них см.: *Цыпкин Д.О.* Рукописные каллиграфические пособия в изучении письма Древней Руси // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 3(69), сентябрь 2017 г. М., 2017. С. 157), мы можем сделать вывод о том, что в представлениях профессиональных пишущих XVI–XVII вв. существовала структура письма, состоящая из двух его *профессиональных типов*: «устава» («книжного письма») и «скорописи», а также из *обычного (обиходного)* ненормированного письма – «метного письма».

К истории палеографии: деятельность академика А.Е. Крымского в Трапезунде летом 1917 г.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект №14-28-00213)

С 18 апреля 1916 г. по 11 (24) февраля 1918 г. русскими войсками был занят г. Трапезунд. 17 марта 1916 г. главнокомандующий кавказской армией великий князь Николай Николаевич издаёт указ № 117, в котором запрещает «куплю, продажу и соби́рание» старых книг и рукописей, кроме специально уполномоченных лиц. Таковыми лицами в Трапезунде была экспедиция византиниста Ф.И. Успенского, посланная в город от Комиссии Академии наук для регистрации и охраны памятников. К выполнению своих обязательств участники экспедиции приступили незамедлительно по приезде в город (13 мая 1916 г.) и обнаружили «мерзость запустения».

Город находился в разграбленном состоянии: «открытые двери, разбитые ящики и сундуки, выпущенная шерсть из тюфяков, пух из подушек, разбросанные книги и деловые бумаги...», – писал Успенский. «Не менее безотрадное впечатление производит вид Св. Софии. <...> При нашем посещении здесь оказались разбросаны по полу обрывки бумаги и рукописей, целый архив книг и разных деловых записей, валялись по полу в беспорядке на хорах» (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 310. Л. 1–2). Вокруг церкви Св. Евгения ситуация была не лучше: «Кругом церкви следы разрушения, брошенные рукописи и книги» (*Успенский Ф.И.* Дневниковые записи академика Ф.И. Успенского из Трапезунда // Исторический архив. № 3. 2017. С. 163.). Во внутренней части собора Богородицы Златоглавой, куда, по преданию, греки «перед падением города замуrowали где-то в стене собора обширную библиотеку, состоящую из древних манускриптов» (Трапезондский военный листок. № 30 от 4 декабря 1916 г. С. 3.), тоже находились вещи, могущие привлечь внимание палеографа: «На древних, христианских хорах, в вечных полусумерках навалены груды сундуков с восточными документами и книгами», – вспоминает в «Трапезондской эпопее» чиновник особых поручений при генерале А.В. фон Шварце С.Р. Минцлов (*Минцлов С.Р.* Трапезондская эпопея. Берлин, 1925. С. 44.). 13 мая 1916 г. Ф.И. Успенский запишет в своём дневнике: «Целые кипы деловых бумаг, тюки и мешки с книгами и бумаги валялись на хорах в беспорядке, оставленные грабителями как не заключающие реальной ценности» (Отчёт Ф.И. Успенского // ИИАН. Сер. VI. Т. 11. № 16. 1916. С. 1473). «Когда под руководством учёных эллинистов

мы группой обходили храм, стаи летучих мышей вспархивали из темных его углов и скрывались в противоположной стороне», — пишет Кефели (BAR. Kefeli papers. P. 30).

Именно в мечети Орта Хисар (бывшей Хрисокефалос) Ф.И. Успенский и начнёт приводить в порядок разбросанные там рукописи и приносить новые. Причём отбирались не только те, которые имели отношение к научным интересам Успенского, но и те, которые могли бы дать понятие о новейшей истории края. То, что уже было в «архиве» Хрисокефалос на момент приезда экспедиции, Успенскому удалось дополнить рукописями «из соседнего с мечетью помещения», турецкой библиотекой «из частного дома, занятого третьим отрядом Государственной Думы», а также найденными им самим и Минцловым рукописями. Также Ф.И. Успенский задумывается о переносе библиотеки из греческого училища Трапезунда (Фронтистирион), но поскольку не может предложить надежной охраны, отказывается от этой мысли сразу же (Ф.И. Успенский. Записная книжка. 1916 г. / Публикатор А.Г. Цыпкина // Исторический Архив. 2017. № 4. С. 129).

Возможность разобрать архив в Хрисокефалос появилась в 1917 г., когда в Трапезунд вместе с экспедицией Ф.И. Успенского для описания этого архива приехал востоковед и полиглот академик А.Е. Крымский. Вместе с помощником П.Н. Лозевым он прибыл в Трапезунд 15 июня 1917 г. (в Москву из Трапезунда Крымский вернулся 4 октября 1917 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 640. Л. 3)), и они «тотчас приступили к работе». Описать следовало «около 3 тысяч пудов» различных рукописей: «Бумаги громадными кучами заполняли пять верхних помещений (хоры и гинекей) <...> и особую архивную комнату внизу, с левой стороны притвора» (Отчёт Крымского // Известия Российской Академии Наук. Сер. VI. № 5. 1918. С. 212) и представляли собой 1) «богатую турецкую библиотеку, которая в совокупности могла бы дать исчерпывающее понятие о турецкой литературе»; 2) рукописи и 3) документы, важные для «восстановления картины всех юридических отношений г. Трапезунда» (Там же. С. 213). Хотя за зиму 1916–1917 гг. в отсутствие членов экспедиции с архивом в мечети Орта-Хисар в Трапезунде произошли изменения («В течение зимы много незваных посетителей проникало туда и с ключами, и без ключей, через окна и двери. Хранившиеся на хорах и в других помещениях акты, рукописи и разные собрания подверглись грубому пересмотру и новому расхищению»), «интересных рукописей отложено всего сотни три — цифра всё же достаточно внушительная» (Там же. С. 214), — отметил А.Е. Крымский.

В результате экспедиции был собран ценный материал, но с изданием результатов возникли проблемы. В письме к В.И. Вернадскому от 9 октября 1917 г. (почти сразу после возвращения из Трапезунда) А.Е. Крымский подытожит: «Считаю результаты экспедиции в общем удачными (все-таки свыше трехсот одних рукописей), хотя многое только теперь и наметилось» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 880. Л. 29). Опубликовать результаты экспедиции не удалось по нескольким причинам: из-за конфликта между ее участниками, из-за частичной утраты архива вследствие Первой мировой войны, а также вследствие революции и Гражданской войны. До конца проследить историю потерь пока не удастся.

«Моё пребывание в Трапезунде дало мне массу впечатлений, выразившихся даже стихотворно (здесь имеется в виду его стихотворный цикл «В Трапезунде»). <...> Кое-что я набросал в виде докладов, к[ото]рые прочту в Археол[огическом] Общ[ест]ве, а потом, конечно, напечатаю», – писал Крымский в письме к В.Ф. Минорскому 20 октября 1917 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 2. Д. 640. Л. 3 об. Сложилось ли у А.Е. Крымского с выступлениями в Археологическом обществе, удалось ли впоследствии опубликовать доклады, автору доклада выяснить пока не удалось).

*В.Г. Ченцова, к.и.н., ассоц. н.с.
Maison française d'Oxford (Оксфорд)*

О дате завершения росписей могилянского времени в церкви Спаса на Берестове

Древняя киевская церковь Спаса на Берестове, перестроенная и украшенная фресками при митрополите Петре Могиле, является уникальным памятником поствизантийского искусства на территории Украины. Фрески могилянского времени, скрывающие фрагменты древнерусских росписей, оказались, в свою очередь, под более поздними записями и в настоящее время лишь частично реставрированы. Для украшения восстановленного храма Петр Могила пригласил греческих мастеров Иоанна и Георгия, позже работавших в румынских землях (Ченцова В.Г., Питателева О.В., Лопухина О.В. Авторство фресок XVII ст. церкви Спаса на Берестові в світлі нових досліджень. Письмові джерела й історико-художній контекст // Лаврський альманах. Церква Спаса на Берестові. 2014 [2016]. Т. 29 (11). С. 182–201). Если исследования и публикация граффити, покрывающих стены церкви Спаса, были начаты уже давно (Корнієнко В.В. Корпус графіті церкви Спаса на Берестові, остання третина XI – перша третина XVIII ст. Київ, 2013), то греческие и славянские надписи, сохранившиеся на самих фресках, остаются неизученными

и неизданными. Уже первые их исследователи отмечали сложность прочтения этих текстов, что связано прежде всего с большим количеством ошибок в написании слов, порой позволяющих лишь с трудом догадываться о смысле некоторых из них.

Существует и проблема датировки окончания работ: две большие ктиторские надписи, славянская и греческая, указывают две разные даты завершения росписей, 1643 и 1644 г. В греческой надписи транскрипцию даты от Рождества Христова, которую ранее читали как 16 ноября 1644 г. (*Петров Н.И.* Древняя стенопись в киевской Спасской на Берестове церкви // Труды Киевской Духовной Академии. 1908, Т. 2. С. 269; *Ченцова В.Г.* Греческая ктиторская надпись XVII в. в киевской церкви Спаса на Берестове // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. Вып. 3 (65). С. 111–117), пришлось значительно откорректировать.

Фрагмент транскрипции надписи в современном состоянии: ...|| ΕΜ ΕΤΕΙ ΑΙΟ ΝΤΙΕΕΩΣ ||⁸ 'Η ΤΟ Χ(ριστο)ῦ ΑΜΡ Μ Δ † || ΝΟΕΜΟΥ 71ς ||⁹ 'Εν μηνὶ † [Νοε]μβρίου, || ἰν(δικτιῶν)ος ιβ'.

Текст фрагмента в предположительной «авторской версии»: ...|| ΕΝ ΕΤΕΙ ΑΠΟ ΚΤΙΣΕΩΣ (||^{8/2}) ΚΟΣΜΟΥ 71ς<2>, ||⁸ 'Η ΤΟ<ῦ> Χ(ριστο)ῦ Α<χ>{ΜΡ}Μ Δ † ||⁹ 'Εν μηνὶ {†} [Νοε]μβρίου, || ἰν(δικτιῶν)ος ιβ'.

Нормализованный текст фрагмента: ...|| 'Εν ἔτει ἀπὸ κτίσεως (||^{8/2}) κόσμου 7152, ||⁸ ἡ τοῦ Χριστοῦ ἀχμδ'. † ||⁹ 'Εν μηνὶ Νοεμβρίου, || ἰνδικτιῶνος ιβ'.

Перевод: || В лето от сотворения ||^{8/2} мира 7152, ||⁸ а от [Рождества] Христова 1644 † ||⁹ Месяца ноября, || индикта 12. Указанием на прочтение в конце надписи цифр как «7152» я обязана любезности Е.П. Кабанца.

Обозначенная в этом тексте дата не соответствовала имеющимся в других надписях. Возле изображения митрополита, преклонившего колени перед Христом, на фреске «Дар Петра Могилы» имеется еще одна греческая надпись с датой. В ней хорошо просматриваются указание года от Сотворения мира – 7151, от Рождества Христова – 1643, индиктиона (предположительно, 11): ΕΝ ΕΤΕΙ (?) 7151 || ΑΠΟ Χ(ριστο)Υ ΑΧΜΓ, || ἰν(δικτιῶν)ος ια (?) †. Таким образом, этот текст указывает ту же дату, что и славянская ктиторская надпись на западной стене нартекса с внутренней стороны: «АХМГ [1643] года, || от сотворения же миру ЗРНА» [7151 г.]

В греческой ктиторской надписи хорошо прочитываются лишь две первые цифры указания года от сотворения мира. По-видимому, так понимал эту часть надписи епископ Порфирий (Успенский), предложивший датировку от «сотворения мира 7152, индикта 12» (*Петров Н.И.* Древняя стенопись. С. 268. См. также: *Кабанец Е.П.*

Студії з середньовічної історії церкви Спаса на Берестові // Лаврський альманах: Церква Спаса... С. 169–170). Последние цифры в надписи должны быть либо 7152 г., (1643–1644 г., индикт 12), либо 7151 г. (1642–1643 г., индикт 11). Однако месяц в подписи-менологеме, по-видимому, следует читать как «ноябрь», и в таком случае 7152 г. от сотворения мира соответствует не 1644, а 1643 г. от Рождества Христова (как и на фреске с изображением «Дара Петра Могилы»). Таким образом, либо греческая ктиторская надпись была написана через год после завершения всех работ (и создания всех остальных надписей с датами), но тогда следовало бы читать год от сотворения мира как 7153, индикт 13 с инверсией букв в индикте; либо в дате последняя цифра «4» (буква дельта) указана ошибочно, и на месте «дельты» в ней должна была быть «гамма», т. е. 1643 г.

Наиболее вероятным объяснением появления в греческой ктиторской надписи указания на 1644 г. является одновременный переход обеих дат, и от Сотворения мира, и от Рождества Христова, на «новый» год в сентябре по церковному календарю. В подписи на фреске «Дар Петра Могилы» и в славянской ктиторской надписи указаны даты 7151 – 1643 г., индикт 11, т. е. речь идет о начале 1643 г. (до сентября), в то время как дата греческой ктиторской надписи, видимо, соответствует представлениям писавших об изменении года в сентябре. Они знали, что к ноябрю год от сотворения мира изменился на 7152, индикт – на 12-й, и это соответствовало также началу церковного нового года от Рождества Христова. Подтверждение этого предположения обнаруживается в опубликованной в Киеве в 1643 г. пасхалии, приложенной к Псалтири (С. 222–223): в ее тексте прямо указывается, что году 7151 «от створения света» соответствует год 1643 «по плоти», индикт 11, «круг солнцу 11, круг луне 7...», а год 7152 соответствует 1644 г. и 12-му индикту. Такое понимание единовременного перехода к новолетию «по плоти» и «от створения света», видимо, и привело к указанию даты 1644 г. в ктиторской греческой надписи. На самом деле работы по украшению храма Спаса фресками были полностью завершены уже к ноябрю 1643 г.

*М.С. Черкасова, д.и.н., проф.
Вологодский ГУ*

Унские акты XVI века

Торгово-промысловый посад Уна находился в Нижней половине («Низовской стан») Двинского уезда на Летнем (приморском) берегу Двинской губы (*Семушин Д.* Русский север: Пространство и

время. Архангельск, 2010. С. 22–24). В платёжной книге Двинского уезда 1560 г. Уна, Луда и Нёнокса называются «посадцами» (Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 527, 529, 535). В XVI в. на Унском посаде происходит интенсивная мобилизация земельных угодий, дворов, варниц, что отразилось в нескольких десятках частных актов. В полном объёме они ещё не выявлены, а расширение их состава возможно при обращении к архиву вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. С 1570-х гг. Уна для него становится третьим центром солеварения после Тотьмы и Соли Вычегодской. По этой причине в службе приказных старцев монастыря отложились акты по сделкам корпорации здесь с 1575 по 1597 гг. (всего 18, по видам – данные, купчие, поступные). Подлинники некоторых из них имеются в Ф. 281 (ГКЭ) РГАДА и были опубликованы (Сборник грамот Коллегии Экономии. Пгд., 1922. Т. 1. № 204, 209, 213, 216, 217, 274, 325, 327, 329, 336, 354, 359), а недавно были отмечены А.В. Антоновым в капитальном «Описании ГКЭ» (Т. 1. М., 2015. Вологодский раздел. № 2606–2608, 2611, 2612, 2615, 2624, 2625, 2626, 2629, 3035). Наряду с собственно прилуцкими грамотами, в службе приказных старцев оказался ещё 21 частный акт по Уне за 1532–1572 гг. Ныне данная совокупность документов представлена в Коллекции столбцов (Ф. 1260. Оп. 2, 10) Гос. архива Вологодской обл. (ГАВО). Коротко остановимся на унских актах «доприлуцкого» периода. По хронологии они распределяются так: 1530-е гг. – два, 1540-е – четыре, 1550-е – восемь, 1560-е – шесть, 1570-е – один.

Объектами частных сделок в них были дворы (целые или их доли), дворища, небольшие земельные угодья. Наиболее многочисленной среди актов является группа купчих (они же с характерным для севера самоназванием *посильные*). В терминологии актов встречаются и другие особенности – не данная, а «даница». Известный в купчих центральных уездов Руси пополник в некоторых унских грамотах называется «подеренок», а представлял 2 пуда соли с указанием её цены – по 5 денег за пуд. Включение таких сведений в акты отражает наличие у контрагентов и земель, и варниц.

Заметны сделки между родственниками – отца с сыном, двоюродными и родными братьями. Последних можно предполагать в формуле именованя «Исак да Ефим братчаники Васильевы дети Шадрина». Свидетели в купчих называются то послухами, то мужами («ку купчие седели мужи...»). Объекты сделок передавались второй стороне «в дернь без выкупа»; «впрок без выкупа / без вывета и без выноса», формулировались обязательства продающей стороны очищать дворы и земли в случае предъявления к ним чьих-

то исков. Влияние новгородского диалекта видно во фразах «а в оыщенье в снимке тому двору мы, Иван да Ефим».

В поземельных актах заметна старинная формула «куда топор и плуг и коса ходила, а отвод по старым межам». При отчуждении дворов, дворищ и огородцев-капустников указывались межи с частоколами и с упоминанием «улицы волостной» или «улицы проезжей». Иногда в самоназвании актов совмещалось два вида: «А ся купчая и отводная на ту куплю»; «Ся отступная и отводная на сю куплю». Во всех купчих говорится о передаче второй стороне прежних актов на данные объекты (старых купчих, поступных, закладных, меновных) иногда до 4–5–7, совокупно называемых «управною» или даже державою («от отца своего старые державы грамоты купчие выдали»). Об их важности говорит фраза «А межа тому дворишку и огороду по старым межам, что по старым купчим». Нередко отмечается и утрата прежних документов. Всё это свидетельствует об активном обороте земли и дворов на Уне, интенсивном циркулировании актовых источников как видов деловой письменности. Сказанное относится и к морским промыслам: «держати им те тони промеж собою по своим крепостям». Денежный счёт в актах приведен в рублях и гривнах на «московские деньги ходячие».

Частные унские акты 1532–1575 гг. имели всецело светский характер, были написаны земскими, а не церковными дьяками. Чаще других в них упоминается «дьяк унской старой волосной Ивашко Рогоза Тимофеев сын». В ряде актов он же фигурирует как послух. Другие писцы унских актов – земский дьяк Тихон Карпов сын и Федко Никитин сын Куколкин. В платежной книге Двинского уезда 1560 г. дьяки эти упомянуты как владельцы соляных варниц. В составе послухов нередко отмечены земские старосты, но индивидуальный либо семейно-родственный характер сделок выражен однозначно, как и доленое, жеребьеное владение варницами, дворами, земельными угодьями.

О ремесленной специализации контрагентов говорят определения кузнец, сыромятник. От них позднее формируются некоторые местные фамилии (Сыромятниковы). При продаже дворов отмечается, что «земля того дворного места великого князя», после 1547 г. – «земля царя и великого князя». Размеры дворовых участков и огородов приведены в сажнях и локтях. Межи указываются «с нижнего конца», а затем «с верхнего конца» – это характерные для Двинской земли пространственные ориентиры.

В двух купчих 1550 и 1552 гг. фигурирует представитель шестого поколения известного на Двине крестьянского рода Молодых бояр Игнатий Матфеев. Вместе со старшим братом Васи-

лием он, кроме земель, владел несколькими варницами и морскими тонями, отмеченными в платежной книге 1560 г. Род Молодых бояр А.И. Копанев проследил с начала XV в. (*Копанев А.И. Крестьянство русского севера в XVI в. Л., 1975. С. 74, 83*). В августе 1550 г. И. Матфеев купил у кузнеца Тимофея Семенова двор с хоромами за 4,5 руб., а в июле 1552 г. продал его сыромятнику Гавриле Павлову за 5 руб. Эти акты расширяют собранные А.И. Копаневым сведения о хозяйственной деятельности рода Молодых бояр на Двине.

*А.П. Черных, к.и.н., в.н.с.
ИВИ РАН*

Буквенная составляющая в итальянских гербах XVI века

Герб построен как комплекс визуальной информации. Природа герба принципиально чужда буквам, но они всё же наличествуют. Запрета на их использование нет, и они могут быть такой же частью герба, как и любое другое изображение, но поскольку буквы обладают дополнительной, не визуальной информацией, ощущение противоречия, тем не менее, существует.

Итальянские гербовники 1550–1555 гг. (Cod. icon. 266 – Cod. icon. 280) из Баварской государственной библиотеки (BSB) представляются репрезентативным собранием для попытки рассмотреть вопрос о буквенной составляющей в гербах. Эти 15 гербовников неоднородны: в одних гербы с буквами отсутствуют полностью (Cod. icon. 266, Cod. icon. 269, Cod. icon. 280), в других их доля доходит до 6–9 % (Cod. icon. 272, Cod. icon. 273). Из общего количества 7730 гербов с буквами – 232, то есть 3 %.

Гербовники без «буквенных» гербов – это гербовники верховных понтификов и кардиналов, орденских магистров. Традиция городской, в частности венецианской знати, оказывается весьма благосклонной к буквам в гербах. В большинстве случаев это начальная буква имени рода или сеньории родопроисхождения (например, в гербе рода Дафан (Dafan) – F) (VII. *Insignia Venetorum nobelium II (A–IP) – BSB. Cod. icon. 272. Fol. 116r*). Теоретически в гербах с буквенной составляющей могут присутствовать все буквы латинского алфавита, но J, K, W, X, Y в данной выборке отсутствуют.

Буквенный компонент в гербах иногда не имеет текстовой функции и живёт как изобразительный, фигуративный. В гербе рода Фабиани (Fabiani) в пересечённом красном и золотом поле на линии деления буква «F» переменных цветов (VIII. *Insignia Venetorum nobilium II (A–I) – BSB. Cod. icon. 272. 1550–1555. Fol. 151r*); у рода Фьоло (Fiolo) в рассечённом синем и золотом на линии деления буква «F» переменных цветов (VIII. *Insignia Venetorum nobilium II*

(A–I) – BSB. Cod. icon. 272. 1550–1555. Fol. 155r). Это далеко не единственные примеры того, как буква становится геральдической фигурой. Иногда такую букву-фигуру нельзя охарактеризовать иначе, как энигматическую, как, например, буква «A» в гербе рода Бартолини (Bartolini) (IX. Insignia Veneta, Mantuana, Bononiensia, Anconitana, Urbinatia, Perugiensia – BSB Cod. icon. 274. N 511) или «V» в гербе рода Юлио (Ivlio) (VIII. Insignia Venetorum nobilium III (IP–Z) – BSB. Cod. icon. 273. Fol. 4r).

Практически роль геральдической фигуры играют золотые буквы аббревиатуры SPQR (Senatus PopulusQue Romanus) правой перевязью в красном поле герба Рима (III. Insignia nobilium urbis Romae praecipuorum item Viterbiensium – BSB. Cod. icon. 268. Fol. 2r), или LIBERTAS правой перевязью в гербе Пизы (XIII. Insignia Lucensium, Senensium, Pisanorum, Pistoianorum, Volterrano-rum, Aretinorum, Cortonensium, Borgo a S. Sepolcro – BSB. Cod. icon. 278. Fol. 69r), или SPQP в гербе Палермо.

Д. Гэлбрейс, указавший на это обстоятельство, опирался на материал гербов неблагородных (*Galbreath D.L., Jéquier L. Manuel du Blason. Lausanne, 1977. P. 121*), но на материале итальянских гербовников закономерностей, которые указывали бы на мотивированное предпочтение или отторжения букв в гербах, я не заметил. Скорее всего, это зависит от региональных подражаний, своего рода местных традиций. То, что буква не всегда сохраняет характер знака письменности, превращаясь в геральдическую фигуру, конечно, вывод частный, потому что в большинстве гербов с буквенной составляющей литеры работают именно как буквы.

В области воображаемой геральдики одними из первых гербов с буквами были рисуемые на башне Давида или же отдельно гербы трёх иудеев с надписями на иврите (Das Wappenbuch Konrad von Grünenbergs, Ritters und Bürgers zu Constanz – BSB. Cgm 145. 1480. Fol. 108r). Большинству геральдических художников и их зрителей эти надписи были непонятны ни полностью, ни частично, за исключением того, что они относятся к иудеям. Художники, судя по иллюстрациям, копировали эти надписи как декоративный элемент.

Похожий, но принципиально иной случай помещения в гербовое поле краткого текста представляет собой начало Богородичной песни, характерное для гербов не Аппенинского, а Пиренейского полуострова. Блазон одного из самых известных гербов гласит: «де ла Вега носят в золотом поле синий аве мариа» («de la Vega porte dor a ing avemaria dazur». Grand armorial colorié, dont les blasons sont rangés sous les rubriques suivantes. BNF. Ms. Fr. 5232. 1501–1600. Fol. 543v). Подобный текст может быть разной степени полноты, от

«Ave Maria gratia plena» до «АМ»). Располагается, как правило, каймой, то есть по краю щита, может обременять действительную кайму. В итальянских гербах подобные изречения встречаются на-ного реже.

Итальянские гербы XVI в. с точки зрения буквенной составляющей отразили общие закономерности всех гербов с буквами. Одиночная буква в пространстве родового или коллективного (городского, коммунального) герба поддерживала функции гласного герба. Иногда это было явным указанием на имя, иногда более сложным – на сеньора или небесного покровителя. Буквенные аббревиатуры в гербовом поле играли ту же роль, что и аббревиатуры в девизе. В принципе текстовые, они подчинялись правилам формирования пространства гербового поля и потому подчас приближались к геральдическим фигурам. Длинные изречения в гербах, к которым следует отнести LIBERTAS, начальные слова или буквы Богородичной молитвы, были, как правило, вотивными.

*Е.К. Шадунц, к.и.н., с.н.с.
Переславский гос. историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

«Книга вкладная Феодоровского девичья монастыря» из собрания СПбИИ РАН: текстологический анализ

Вкладная книга Переславского Феодоровского монастыря, далее ФВК, (СПБИИ РАН. Кол. 102. Ед. хр. 170) привлекалась, в основном, как источник для изучения истории строительства обители и личностей отдельных вкладчиков (*Левицкая Н.В.* Вкладная книга Переславль-Залесского Феодоровского монастыря // История и культура Ростовской земли, 1993 г. Ростов, 1994. С. 122–129; *Шадунц Е.К.* К истории формирования комплекса Феодоровского женского монастыря // Материалы XVI межрегиональной краеведческой конференции. Владимир, 2012. С. 288–292). Н.В. Левицкой дана общая характеристика документа без публикации текста, при этом основное внимание уделено записям вкладов. Содержание первых двух частей вкладной книги, сведения о датах поминовения и особенностях последних по времени записей ФВК предметом специального исследования не являлись.

Начатая в 1593 г., ФВК относится к типу немногочисленных известных вкладных книг с предисловиями. «Предзнаменование сенатика» занимает 12 листов и отличается от текста предисловий вкладных книг Троице-Сергиева (*Рыбаков Б.А.* Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987) и Владимирского Рождественского монастырей (Вкладные книги Владимирского Рож-

дественского монастыря. Сообщ. К. Тихонравова // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. 3. 1865. С. 1–46), являясь самостоятельным литературным произведением. В отличие от других предисловий, созданных после Стоглавого собора 1551 г., ФВК не содержит выдержек из текста 75 главы. Предисловие построено на «апостольских писаниях» и «отеческих учениях» от первого иерусалимского патриарха Иакова до Седьмого Вселенского собора. По сути, «Предзнаменование» ФВК представляет собой развернутую проповедь, адресованную прежде всего монастырской братии. Об этом свидетельствует следующий раздел вкладной книги, начатый красными чернилами и поясняющий причины составления документа. Н.В. Левицкая обратила внимание, что источниками ФВК служили не монастырские документы, а устные свидетельства. Келарь Варсонофий и казначей Арсений приступают к опросу и написанию книги в лето 7101 года, «после игуменов Федоровского монастыря», первым из которых назван Харитон, последним Никон (Л. 12–12 об.). Игумен Харитон управлял монастырем с 30 апреля 1561 г., а Никон – с 1588 г. (*Свирилин А.И.* Описание Федоровского женского монастыря в Переяславле-Залесском. Переяславль, 1903. С. 20). Судя по тексту, во время составления ФВК игумена в монастыре не было.

Первыми записаны вклады царей Ивана Васильевича, Федора Иоанновича и Бориса Федоровича (Л. 12 об.–15). Старцы сообщают о даче Иваном Васильевичем новых вотчин «к старой федоровской отчине», деревням Хорошеву и Потанину. Позднейшие монастырские описи ссылаются на жалованную грамоту Василия Ивановича от 24 августа 7019 г., по которой эти владения перешли к монастырю. Ко времени составления ФВК память о времени основания и первых вкладчиках была утрачена.

Особенностью записей, начиная с Федора Иоанновича, являются даты поминания тех, по кому были даны вклады. Жертва царя Ивана Васильевича «по сыне своем по царевиче Иване» пятисот рублей не сопровождается подобными сведениями, отстоя от времени составления книги не более чем на двенадцать лет. Обращает внимание запись на л. 14 вклада царя Федора Ивановича «по Государе царевиче иване ивановиче на его преставление ноября 18 понахида пети и обедня служити; игумену собором; и на братию ставити корм болшей. Да по нем же государе на его рожение марта 30 дня понахида пети и обедня служити». Дата поминания царевича Ивана на его рождение «марта в 30 день, на память преподобнаго отца нашего Иоанна, писателя Лествицы» указана также во Вкладной и кормовой книге Московского Симонова монастыря, а дата преставления 19 ноября во всех других известных упоминаниях

вкладных книг сопровождается уточнением «на память святого мученика Варлама» (Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / А.И. Алексеев; А.В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184). Остальные даты ко вкладам царя Федора Иоанновича (преставление отца и матери, «рожение» – дата крестин) совпадают с известными по другим источникам.

Запись царских вкладов с датами поминовения заканчивается пожертвованиями Бориса Федоровича по царю Федору Иоанновичу и по царице «иноке скимнице александре феодоро...» – здесь лист обрывается. С л. 15 начинаются вклады «князей и бояляр и детей боярских», первый из которых датирован 7106 г.

Н.В. Левицкая обратила внимание, что систематизацию ФВК по вкладчикам в дальнейшем выдержать не удалось, с середины XVII в. все вклады стали записываться в хронологической последовательности. Анализ записей начала XVIII в. показал, что практика более поздней фиксации вкладов в ФВК сохранялась.

Записи с 1700 по 1705 гг. (л. 58 об.–63) сделаны одним почерком, принадлежавшим, очевидно, архимандриту Переславского Свято-Троицкого Данилова монастыря Варлааму (Высоцкому), поскольку все записи заканчиваются словами «писал архимандрит Варлаам». Однако поставление Варлаама в архимандриты произошло в 1710 г. (РФ ГАЯО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 70), ранее он был игуменом Переславского Борисоглебского на Песках монастыря (*Титов А.* Архимандрит Варлаам Высоцкий (Из архивных дел XVIII века) / Русский Архив. 1901. № 1. С. 353–363). Очевидно, что записи за 1700–1705 гг. в ФВК сделаны значительно позже описанных там событий по памяти. Именно этим может объясняться странная сумма пожертвования царевны Наталии Алексеевны в 1703 г. на строительство теплой Введенской церкви – «две тысячи денег» (л. 61), что в то время по номиналу соответствовало десяти рублям. Сравнивая эту запись с именованным царским указом от 11 июня 1703 г. из монастырского приказа «взнести в хоромы к сестре ево Государеве к великой Государыне благоверной царевне и великой княжне Наталии Алексеевне в Преображенском денег две тысячи рублей» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 63), можно предположить пропуск слова «рублей» в записи ФВК.

Трактат «Тарих-и Сахиб Гирей хан» Реммалы Ходжи как источник по исторической географии Крымского ханства

Трактат Мухаммеда Нидаи Кайсуни-заде, по прозвищу Реммаль (т. е. «астролог») Ходжа, «Тарих-и Сахиб Гирей хан» («История хана Сахиб Гирея»; далее – «Тарих»), давно уже привлекает к себе внимание специалистов как один из важнейших источников по истории Крымского ханства первой половины XVI в. Написанная непосредственным свидетелем событий, личным врачом и советником Сахиб Гирея (1532–1551), эта хроника по своей информативности еще не до конца оценена исследователями, в том числе по причине отсутствия ее перевода на русский язык.

Свое сочинение Реммаль Ходжа составил в 1553 г. по просьбе дочери погибшего хана – Нур-Султан Хани. Трактат известен в двух рукописях. Одна хранится в Национальной библиотеке в Париже, вторая – в библиотеке Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербургскую рукопись впервые использовал В.Д. Смирнов при написании своего труда по истории Крымского ханства (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 414–422, 425). Первое издание «Тарих» – на турецком языке с французским переводом – было подготовлено О. Гекбилгином в 1973 г. (*Tarih-i Sahib Giray Han / Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551 / Ed. crit., trad., notes et glossaire par Ö. Gök-bilgin.* Ankara, 1973). Именно благодаря этому изданию большое количество историков смогло использовать сведения, содержащиеся в трактате Реммалы Ходжи, в своих теоретических построениях.

Так, Х. Иналджик на основе «Тарих» сумел прекрасно показать внутривосточную борьбу в Крымском ханстве между Сахиб Гиреем, с одной стороны, и племенной аристократией Крыма – с другой (*Inalcik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // *Harvard Ukrainian Studies.* 1979–1980. Vol. 3–4. Pt. 1. P. 445–466). А.М. Некрасов использовал богатый материал по черкесским походам Сахиб Гирея, содержащийся в «Тарих», для освещения истории адыгских племен в первой половине XVI в. (*Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI века) // *Некрасов А.М.* Избранные труды. Нальчик, 2015. С. 45–140). Канадский историк В. Остапчук привлекал трактат Реммалы Ходжи как

ис-точник по развитию военного дела в Крымском ханстве (*Осман-чуж В.* Хроника Реммалю Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 391–421). Переводом Гекбилгина пользовался и В.В. Трепавлов при описании борьбы Сахиб Гирея с ногаями и их расселения в крымских владениях (*Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 35).

Из вышесказанного очевидно, насколько разноплановая информация содержится в этом историческом источнике. Наш доклад будет посвящен изучению хроники Реммалю Ходжи как источника по исторической географии Крымского ханства и сопредельных с ним территорий в период правления Сахиб Гирея, т. е. в 1532–1551 г. В первую очередь это будет касаться территорий за пределами собственно Крымского полуострова.

Первые интересующие нас сведения мы встречаем уже при описании прибытия Сахиб Гирея в Крым из Стамбула в 1532 г. Дело в том, что Реммалю Ходжа, будучи по происхождению турком, по собственному желанию примкнул к отряду Сахиб Гирея, который должен был сопровождать его по пути в Крым по повелению султана Сулеймана I Великолепного (1520–1566). Назначение в ханы Крыма произошло именно в Стамбуле, где на тот момент и находился Сахиб Гирей. Узнав о приближении нового хана, крымские карачи-беки и огланы отправились встречать его к Днепру (*Özi Suyu* у Реммалю Ходжи) (*Tarih-i Sahib Giray Han*. P. 156). Логично сделать вывод, что на тот момент именно Днепр служил западной границей Крымского ханства, так как подданные хана должны были воздать все полагающиеся ему почести на границе его новых владений. На другой стороне Днепра к ханскому corteжу стали присоединяться «народы, проживающее в этой стране», чтобы посмотреть на его священное лицо (*Ibid.* P. 157).

Следующие данные по исторической географии Крымского ханства мы находим в описании Реммалем Ходжой Молдавского похода 1538 г., в который Сахиб Гирей выступил по указанию своего сюзерена Сулеймана I. Описав движение татар в Молдавию, встречу там с османским падишахом, саму военную компанию и обратный путь татарского войска, автор указывает реку Днестр (*Turlu*), как границу земли татар (*Ibid.* P. 171). Таким образом, получается, что к 1538 г. западная граница Крымского ханства отодвинулась на запад от Днепра до реки Днестр. Интересно перечисление Реммалем Ходжой городов, в которых прошли праздничные торжества с фейерверками по случаю удачного возвращения Сахиб Гирея из молдавского похода. Это были *Or Agzi* (Перекоп), *Güzli* (Гёзлев –

Евпатория), *Ak Mescid* (Акмескит – Симферополь), *Kirim* (Старый Крым), *Kefe* (Кафа – Феодосия) и *Kertch* (Керчь) (*Ibid.*).

Большой вопрос вызывает идентификация страны, которую османский хронист называет словом *Gürel*. Впервые этот термин встречается в перечислении Реммалем окрестных с Крымом правителей, устранившихся известием об успешном молдавском походе Сахиб Гирея. Это были «беи *Gürel*, Москвы, черкесов и ногаев» (*Ibid.* P. 172). Само именование этих правителей беями, т. е. князьями, говорит о более низком их политическом статусе по отношению к крымскому хану – царю. Возможно, под хоронимом *Gürel* следует разуметь Литву, о чем свидетельствуют дальнейшие его упоминания (*Ibid.* P. 188, 189, 195, 201, 204).

*С.Ю. Шокарев, к.и.н., доц.
ИАИ РГГУ*

Коммеморативные практики московского боярства в XVI–XVII вв.

В Средние века историческая память измерялась генеалогическими категориями, а судьба человека во время конца истории – Второго пришествия – оказывалась тесно связанной с судьбой рода. Примером этого служат погребальные, поминальные и коммеморативные практики московского боярства в XVI–XVII вв.

Общеизвестно, что забота о спасении душ предков, детей, умерших при жизни родителей, и собственной отражалась в многочисленных и богатых вкладах в монастыри и храмы. Главным адресатом боярских вкладов были монастыри. С.Б. Веселовского писал: «В монастырскую ограду привлекало тесное соединение места упокоения тела с образцовой организацией поминания душ» (*Веселовский С.Б. Очерки по истории опричнины. М., 1963. С. 328*). Работами Л. Штайндорфа, С.В. Сазонова, А.И. Алексеева и других исследователей установлено, что дифференцированная практика поминовения была разработана в конце XV в. в Иосифо-Волоколамском монастыре, а затем распространилась в Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском и других монастырях.

Эти монастыри, наряду с московскими – Чудовым, Новоспасским, Новодевичьим, Богоявленским и Симоновым – являются основными местами упокоения и поминовения членов Боярской думы. Известны также усыпальницы аристократии в суздальском Рождественском соборе, Спасо-Евфимьевом, Покровском Суздальском, Костромском Ипатьевском, Ярославском Спасском и некоторых других монастырях.

Бояре стремились, чтобы их род был записан в как можно большее число различных помянников. Они записывались в синодики провинциальных монастырей и храмов по соседству с именами, в храмах городов, где служили воеводами. Однако местом погребения становился только монастырь. Какими же обстоятельствами был обусловлен выбор родовой усыпальницы в определенной обители (реже – в храме)?

В домонгольский период погребения бояр совершались в ктиторских и общегородских монастырях и городских соборах (в XIII в. известны погребения новгородских бояр в Софийском соборе и галицких бояр в храме Пресвятой Богородицы в Холме). Эти традиции (за исключением погребений в соборе) перешли в Московское государство. Есть основания полагать, что на XIV в. приходится значительное число случаев создания ктиторских (вотчинных) монастырей в Москве и ее окрестностях. Известно о боярских усыпальницах в следующих ктиторских монастырях: Вельяминовых в Богоявленском, потомков Ивана Квашни в Спас-Тушинском, митрополичьего боярина Ивана Тропаря в Тропаревском, Ховриных и Головиных в Симоновом; Георгиевский монастырь был ктиторским монастырем Захарьиных-Кошкиных, но их захоронения там неизвестны (ПСРЛ. Т. 11. С. 122; *Выголов В.П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 19–20; *Назаров В.Д.* Генеалогия Кошкиных-Захарьевых-Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря // Историческая генеалогия. № 1. Екатеринбург; Париж, 1993. С. 22–31; *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (кон. XIII – нач. XV вв.) по данным археологии. М., 1994. С. 58, 78–85, 88–99). Скорее всего, и самый известный русский монастырь – Троице-Сергиев – был основан на вотчинных землях боярина Кирилла, отца Сергия Радонежского.

XV век, к сожалению, является белым пятном в истории аристократического некрополя Москвы. Летописи отмечают только захоронения князей и митрополитов, а надгробные надписи в это время еще не появились. Можно проследить начало формирования боярского некрополя в Троице-Сергиевом монастыре и также начало создания родовой усыпальницы Романовых в Новоспасском в Москве. В XVI в. все больше аристократов избирают для погребения Троице-Сергиев монастырь, где на кладбище создаются их родовые места (см., например: *Вишневский В.И.* Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004. С. 375–386). Нет сомнений в том, что привлекательность Троице-Сергиева монастыря была связана с пребыванием там чудотворных мощей величайшего из русских святых – Сергия Радонежского (*Миллер Дэвид Б.*

Погребения рядом с Сергием: погребальные обычаи в Троице-Сергиевом монастыре. 1392–1605 гг. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы II междунар. конференции. Сергиев Посад, 2002. С. 74–89). В то же время на формирование этого некрополя влияли родство (в XV в. в составе троицкой братии появляются представители московских боярских родов, рядом с которыми находят упокоение их потомки) и соседство (многие из погребенных – землевладельцы соседнего Переяславского уезда).

Соседство и личные связи с Иосифом Волоцким определили круг вкладчиков и погребенных в Иосифо-Волоколамском монастыре в XVI в. Неясно, как сложилась традиция московских бояр хорониться в отдаленном Кирилло-Белозерском монастыре, хотя, погребения здесь потомков удельных Белозерских князей легко объяснить. Удельные связи повлияли на создание усыпальниц суздальской знати и князей Бельских в Рождественском соборе и Покровском монастыре в Суздале, потомков Стародубских князей – в Спасо-Евфимьевом монастыре, потомков мурзы Зета (Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых) в Костромском Ипатьевском монастыре.

По имеющимся данным, в Троице-Сергиевом монастыре известны погребения 48 боярских родов, в Кирилло-Белозерском – 14, в Иосифо-Волоцком – 12, в суздальском соборе и монастырях – 13. В московских монастырях (с XVII в. и при храмах) известны погребения 65 родов, из них 38 пересекаются с теми, кто похоронен вне Москвы. Таким образом, известно о месте погребения 114 родов, и еще около 10 были погребены в других провинциальных монастырях и храмах (124). Согласно подсчетам А.А. Зимина и Е.Я. Водарского, в XV–XVII вв. было 188 родов, чьи представители служили в чинах бояр и окольных. Таким образом, перед нами предстает достаточно полная картина предпочтений мест погребения и поминовения московской аристократией. Причины, влиявшие на выбор той или иной обители были разнообразными и включали как духовные, так и вполне земные (родство и соседство по земельным владениям) факторы.

**Оглавления к украинским печатным
Анфологионам (Минеям праздничным) XVII в.
как календарно-хронологические источники**

В XVII в. печатные Анфологионы (Минеи праздничные) – объемные Богослужбные книги, включающие службы великим праздникам и избранным святым неподвижного календарного цикла, а также последования на праздники – обеспечивали потребность в минейных текстах. Практики издания 12-томных Минеи службных в украинских типографиях не было. При большой значимости этой богослужбной книги, описаний изданий во многих каталогах, они до сих пор остаются малоизученными. Незамеченным исследователями остался и оригинальный календарно-хронологический текст, включенный в оглавление к книге, который содержит важные сведения, в первую очередь, касающиеся названий месяцев, имевших хождение в XVII в.

Первое издание Анфологиона было напечатано Памвой Берындой в типографии Киево-Печерской лавры 16 января 1619 г. Это книга формата in folio, состоящая из 1068 страниц. Источниками для нее послужили славянские рукописи и венецианские издания XVI в. В предисловии говорится, что над текстом книги работали Иов Борецкий, Захария Копыстенский и Памво Берында. Начиная с 1632 г. Анфологион издавала типография Львовского Успенского братства. В XVII в. в ней вышло пять изданий книги (1632 г., 523 л. (типограф [Андрей Скольский]); 26 октября 1638 г. (тип. Иван Кунотович), 645 л.; 12 апреля 1643 г., 720 л. (тип. Андрей Скольский); 24 мая 1651 г., 680 л. (тип. Михаил Слёзка); 15 марта 1694 г., 680 л. (тип. Симеон Ставницкий)). Последнее шестое издание, исправленное в соответствии с требованиями к греко-католическим богослужбным книгам, вышло в 1738 г. В 1678 г. было осуществлено издание Анфологиона в Новгород-Северске (772 л.) стараниями архиепископа Черниговского и Новгород-Северского Лазаря Барановича. Таким образом, на украинских землях в XVII в. было выпущено семь изданий Анфологиона. Они получили широкое распространение среди православного населения Речи Посполитой, а новгород-северское издание было адресовано, в первую очередь, украинским читателям, проживавшим на землях, вошедших в состав Российского государства.

В шести изданиях Анфологионов, за исключением первого львовского 1632 г., имеется Оглавление. Помимо собственно росписи содержания книги, этот текст имел самостоятельное значение

как календарь (месяцеслов). Так как структура книги построена по датам празднеств 12 месяцев начиная с сентября, то начало каждого раздела – месяца – снабжено краткой информацией о названиях месяца, а также о количестве в нем дней и дневных и ночных часов.

В оглавлении киевского издания Анфологиона (1619) такой своеобразный календарь является не полным. Сообщениями о других названиях месяца снабжены пять месяцев, а дополнительной календарно-хронологической информацией – только три. Так, сообщается, что сентябрь «сирѣчь седмый, рекомый вресень, по древних роуень», т. е. дается буквальный перевод названия месяца с латинского языка, употребляемое в повседневной жизни славянское название, а также древнерусский вариант. Перевод с латинского дается для всех «номерных» месяцев (с сентября по декабрь): октябрь – «осмый», ноябрь – «деватый», декабрь – «десатый». Приводятся следующие народные названия месяцев: октябрь – «листопад», ноябрь – «груден», декабрь – «студень», январь – «просинец». Для остальных месяцев в оглавлении не указываются славянские названия. Однако они встречаются в колонтитулах книги. Так февраль обозначен как «сѣчень» (С. 731–733) и «пютый» (С. 735, 741); март – «сухий» (С. 749, 757, 759, 765) и «березозоль» (С. 753), апрель – «березень» (С. 777, 779) и «березозоль» (С. 789, 793). Украинское название мая месяца «травень» помещено в качестве украшения вокруг заставки, предваряющей последования этого раздела (С. 795), также это название используется в колонтитуле (С. 804). В колонтитуле приводится славянское название месяца июня «чръвца, рекома» (С. 826, 849, 863), июля «сирѣч липца» (С. 869) и «червна» (С. 884, 888, 901), а также сразу два его названия «чръвень, или липецъ» (С. 905); августа «сръпна» (С. 920) и «зарева» (С. 987, 991, 995), и сразу два его названия «заревъ, или сръпень» (С. 948–949). Таким образом, для большинства месяцев указываются два варианта названий, один из которых более архаичен.

В оглавлении к киевскому Анфологиону даются сведения о количестве дневных и ночных часов только для трех месяцев: сообщается, что в сентябре «д(е)нь имать часовъ 12, а ночь 12», в октябре дневных часов 11, а ночных – 13, в ноябре 10 и 14 часов соответственно. Для всех остальных месяцев эти сведения приводятся в тексте книги. Также в оглавлении только для первых трех месяцев года даются сведения о количестве дней (для сентября, октября, ноября), а для остальных – в тексте.

В львовских изданиях Анфологиона 1638–1738 гг. месяцеслов отличается от киевского. В «Оглавленіе въ Аноологію...» последовательно приводятся сведения для всех месяцев. Для сентября объясняется, что равное количество дневных и ночных часов обу-

словлено тем, что «въ том бо равноденствіе совершается». Начиная с издания 1643 г. и во всех последующих, также и для марта указывается, что в этом месяце «равноденствіе весеннее съвершается». При истолковании названий месяцев дается буквальный перевод латинских номерных названий месяцев («септемврій, сирѣчь седмый», «октоврій сирѣчь осмый» и т.д.).

Славянские названия месяцев, приводимые в оглавлении, сочетают древнерусские, украинские, польские, белорусские (видимо, как имевшие хождение в повседневной жизни львовян). Так, октябрь называется «паздерникъ», ноябрь – «листопадъ», декабрь – «студень», январь – «сѣчень», февраль – «лютый», март – «березозоль», апрель – «цвѣтень», май – «Грѣ вещи рекомый», июнь – «червецъ», июль – «липецъ», август – «серпень». В единственном случае для месяца сентября помимо украинского / польского варианта названия указывается древнерусское: «вресень, по древних же руень». Месяц март отмечен как начальная точка отсчета многих календарно-хронологических циклов и поэтому называется «первый въ м(е)с(я)цехъ». Указывается, что в этом месяце был создан Адам (в древнерусской традиции считалось, что Адам был сотворен 1 марта в пятницу, что связано с циклом вращений), отмечается, что с марта отсчитываются такие циклы, как круги солнца и круги луны, вращелето, високосы «и проча».

Источником месяцеслова в оглавлении Анфологиона 1678 г., изданного в типографии Лазаря Барановича, явилось оглавление львовских изданий 1643 или 1651 гг. Все приводимые календарно-хронологические сведения повторены буквально слово в слово.

Названия месяцев в киевском и львовских изданиях отличаются. Киевский месяцеслов содержит больше архаичных названий, в то время как во львовских используется вариант названий месяцев, имевший хождение в повседневной практике. Интересно, что этот вариант ближе к первому печатному тексту, содержащему названия месяцев – «Хронологии...» Андрея Рымши, напечатанному Иваном Федоровым в Остроге в 1581 г.

Острог, 1581	Киев, 1619	Львов, 1643, 1651, 1694, 1738
вресень	вресень, роуеннь	вресень, руень
паздерникъ	листопад	паздерникъ
грудень	груден	листопадъ
просинець	студень	студень
стычень	просинец	сѣчень
лютыи	сѣчень, лютый	лютый
марец	сухій,	березозоль

	березозоль	
кветень	березень, березозоль	цвѣтень
май	травень	май
чырвецъ	чръвц	червецъ
липецъ	чръвень, липецъ	липецъ
серпень	сръпень, заревъ	серпень

Таким образом, включенный в оглавление украинских Анфологионов месяцев имел самостоятельное значение для читателя как справочный календарно-хронологический материал и представляет собой интересный в этом плане исторический источник.

*Л.И. Щеголева, к.ф.н., н.с.
ИВИ РАН*

**Фрагмент Слепченского апостола
в Российской Государственной библиотеке
(РГБ. Ф. 87. № 14): греческий текст**

В собрании рукописей крупнейшего русского филолога и историка, одного из основоположников отечественного славяноведения В.И. Григоровича (РГБ. Ф. 87) под № 14 хранятся шесть листов из знаменитого Слепченского апостола – греческо-славянского палимпсеста из монастыря Иоанна Предтечи в Слепче (Македония). Отрывок был приобретен собирателем 22 мая 1845 г. (*Фонкич Б.Л. Греческие рукописи Одессы // ВВ. Т. 39. 1978. С. 184–200. Здесь С. 189*). Основная часть кодекса (136 лл.) хранится в РНБ, один лист – в БАН, два листа – в НБУ им. В.И. Вернадского в Киеве, девять листов – в Народной библиотеке «Иван Вазов» в Пловдиве (*Сводный каталог рукописных книг, хранящихся в СССР. М., 1983. С. 138–142*). Верхний текст предположительно конца XII в. (Апостол-апракос среднеболгарского извода) написан по смытому греческому X в.

Нижний текст основной части рукописи (там, где его удалось прочитать) содержит метафрастовские Житие Иоанна Златоуста и Страдание свв. мучеников Евстратия, Авксентия, Мардария и Ореста (*Гранстрем Е.Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 2 // ВВ. Т. 18. 1961. С. 254–274. Здесь С. 263–264*). Л. 1–1 об., 2 об., 4–4 об. и 6 московской части кодекса в XIX в. были залиты химическим реактивом с целью восстановить смытый греческий текст, благодаря чему удалось определить их содержание: на л. 1–4 об. находится отрывок из Страдания Евстратия, Авксентия, Мардария и Ореста (ВНГ 646), а на л. 6–6 об. – Слово на Сретение Григория Нисского.

Текст написан в два столбца. На полях листов, содержащих Житие Евстратия, более мелким почерком написаны глоссы – комментарии к основному тексту. Текст пяти глосс основной части рукописи был разобран Е.Э. Гранстрем: три из них, видимо, принадлежат писцу (*Гранстрем Е.Э. Палимпсесты Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // ВВ. Т. 17. 1960. С. 78–84 (далее – Гранстрем 1960). Здесь С. 82–84*), две частично вошли в компилятивный энциклопедический труд «*Etymologicum magnum*», составленный анонимным автором около 1150 г.

В московской части кодекса читаются глоссы на верхнем, нижнем и боковых полях л. 4–4 об. Они представляют собой схолии к диспуту св. Евстратия с правителем Агриколаем (*Patrologiae cursus completus. Series graeca. Т. 116. Col. 492–493, главы 22–23*). Глосса на верхнем поле л. 4 является отрывком из «Апологии» Афинагора (*Athenagoras. Legatio pro Christianis / Ed. by M. Marcovich. Berlin; New York, 1990. P. 33*). В русском переводе: «Аристотель и его последователи, признавая Бога единого, представляют Его в виде какого-то сложного животного, состоящего из души и тела; телом Его почитают эфир, блуждающие звезды и сферу неподвижных звезд, которые двигаются кругообразно; а душою – разум, который управляет движением тела, и, сам в себе не движимый, служит причиною его движения» (Антология. Ранние отцы Церкви. Брюссель, 1988. С. 416; перев. протоиерея Петра Преображенского). Далее следует комментарий о Гермесе Трисмегисте, источник которого установить не удалось.

Комментарий на нижнем поле л. 4 с перечислением сочинений Платона частично соотносится с Жизнеописанием Платона Диогена Лаэртского (*Diogenis Laertii vitae philosophorum / Rec. H.S. Long. Oxford, 1964. P. 146*), однако не является точной выпиской из него. Вторая половина комментария переключается с «Государством» Платона (379b–c), но также не повторяет дословно это сочинение. Соответствующее место из «Государства» в русском переводе: «Значит, благо – причина не всяких действий, а только правильных? В зле оно неповинно. – Безусловно. – Значит, и Бог, раз Он благ, не может быть причиной всего, вопреки утверждению большинства. Он – причина лишь немногого для людей, а во многом Он неповинен: ведь у нас гораздо меньше хорошего, чем плохого. Причиной блага нельзя считать никого другого, но для зла надо искать какие-то иные причины, только не Бога» (*Платон. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 158–159; перев. А.Н. Егунова*). Далее следует комментарий, посвященный Гомеру, который заканчивается на верхнем поле л. 4 об. Он дословно совпадает с анонимными схолиями на «Стихотворения» Григория Назианзина в кодексе X в. Bodleian Library. Clarke 12

(Catalogus sive Notitia manuscriptorum, qui a cel. E.D. Clarke comparati in Bibliotheca Bodleiana adservantur. P. 1. Oxonii, 1812. P. 46–47).

На нижнем поле л. 4 об. читается отрывок из трактата «О вселенной», принадлежащий предположительно Ипполиту Римскому. Трактат полностью не сохранился, до нас дошли лишь несколько отрывков (Ткаченко 2011. С. 214–215). Текст, представленный в рукописи РГБ, известен лишь по одному кодексу XI в. – единственному списку древнейшей редакции Хроники Георгия Амартола Coislinianus 305. В парижском кодексе сочинение озаглавлено «Против эллинов» и надписано именем Иосифа [Флавия] (*Malley W.J. Four unedited fragments of the De universo of the Pseudo-Josephus found in the Chronicon of George Hamartolus (Coislin 305) // Journal of Theological Studies. 1965. 16. P. 13–25. Здесь P. 15–16.*

По предположению Е.Э. Гранстрем, греческая рукопись была привезена в Болгарию представителем образованного греческого духовенства в X или XI столетии (Гранстрем 1960. С. 84). Содержащийся в ней компилятивный Комментарий анонимного автора к Житию св. Евстратия является неизвестным памятником византийской книжной культуры второй половины X в. и в этом качестве заслуживает исследования и публикации.

В.Г. Щекотилов
к.т.н., с.н.с., нач. отд.
УПЦ «ТВЕРЬ-
КАДАСТР»

М.В. Шалаева
секр. Москов. районного
суда г. Твери

Т.В. Дёмина
н.с. Шахунского
фольклорно-
этнографического
музея

Комплекс согласованных баз данных по списку населенных мест Ветлужского уезда Костромской губернии и многолиственным планам дач

Исследования выполнены с использованием научных и практических результатов грантов РФФИ № 14-06-00282 а и № 97507 р_центр а

Одним из перспективных направлений исторических исследований является автоматизированное использование объединения геокодируемых данных с архивными и современными картами (*Владимиров В.Н. История, карта, компьютер... (о возможностях исторического компьютерного картографирования) // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996. С. 297–305.*

Совместное использование технологий ГИС и БД позволяет создавать новые базы данных, например, геокодированные писцовые книги, списки населенных мест (СНМ), а затем и объединять их в автоматизированные программно-информационные системы (*Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С. Веб-ГИС «Чертежи русс-*

кого государства XVI–XVII вв.» // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования. 2017. Ч. 1–2. С. 61–64; *Щекотилов В.Г.* Комплекс баз данных и программ для ЭВМ по крупномасштабным архивным картам и геокодированным данным // Вестник ТвГУ. Сер.: география и геоэкология. 2016. № 2. С. 246–253; *Зыков И.А.* Ресурс «Родная Вятка» – <https://rodnaya-vyatka.ru/>).

При создании баз данных по СНМ XIX в. геокодирование выполняется с использованием картографических материалов не только XX в., но и XVIII–XIX вв. При этом желательно использование крупномасштабных карт, адаптированных в ГИС.

Таковыми могут быть комплексы СНМ XIX в. с архивными картами губерний:

– одно- (1:42000) и двухверстные топографические межевые карты 8 губерний Центральной России, изданные в 1847–1866 гг. под руководством А.И. Менде на Тверскую, Ярославскую, Владимирскую Нижегородскую, Ярославскую, Рязанскую, Пензенскую, Тамбовскую (*Щекотилов В.Г., Щекотилова С.Н. Шалаева М.В.* Комплекс баз данных по топографическим межевым картам XIX в. восьми губерний съемки А.И. Менде // Изв. высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2016. № 5. С. 81–87);

– одно- (1:42000), двух- и трехверстные военно-топографические карты Европейской России и приграничных пространств (*Щекотилов В.Г.* Создание баз данных по трехверстной военно-топографической карте Европейской России // Строительство и землеустройство: проблемы и перспективы развития. Тверь, 2017. С. 118–125).

К сожалению, на значительные территории России XIX в. топографических межевых и военно-топографических карт не было издано.

Исследования северо-восточных районов Нижегородской области (ранее Костромская губерния) показали, что в середине XIX в. выпускались многолистные планы дач с непрерывным покрытием некоторой территории, например, «Костромской губернии, Ветлугского уезда, дачи сел Ново-Успенского и Хмелевицкого с дер. владения государств. крест. Ново-Успенской и Хмелевицкой волостей. Съемка 1865 года» (в 1 англ. дюйме 100 сажен, 1:8400). Четыре листа данного комплекса планов дач имеются в фондах Народного фольклорно-этнографического музея г. Шахунья Нижегородской области (*Демина Т.В.* Там, где слышно тишину ... Больше-свечанский сельский совет. Из цикла «История малых деревень». Шахунья, 2016 – <http://shahmuzei.ru/>). На двух листах читаются номера N-55 и N-36.

По перечню населенных мест, указанных в описи 12 фонда 380 РГИА (<http://www.fgurgia.ru>), комплекс листов планов дач Ново-Успенской и Хмелевицкой волостей охватывает 184 населенных места. Комплекс для Какшинской волости включает 44 населенных места. По СНМ 1877 г. в Ветлужском уезде 887 населенных мест, т. е. два комплекса многолистных планов включают по количеству 25,7% населенных мест.

С учетом совмещения части населенных мест, указанных в описи, и предварительно сформированной сетки листов планов дач, а также с учетом наличия листов N-36 и N-55 и их положения на сетке можно предположить, что в данном комплексе около 70 листов. Двухверстная (1:84000) топографическая межевая карта 1853 г. съемки А.И. Менде Тверской губернии состоит из 94 листов. Следовательно, многолистный блок планов дач (1:8400) Ново-Успенской и Хмелевицкой волостей по количеству листов соизмерим с картой губернии. Детальность карт по масштабу при этом в 10 раз выше. Особенностью является наличие и других комплексов многолистных планов дач, например, отстоящего на более 20 км и находящегося в основном на территории Кировской области блока листов на Какшинскую волость.

Для имеющихся четырех листов с применением метода обработки многолистных крупномасштабных архивных карт (*Лазарев О.Е., Шалаева М.В., Щекотилова С.Н., Щекотилев В.Г.* Адаптация в ГИС архивных карт поволжских губерний съемки А.И. Менде // Геодезия и картография. № 7. 2015. С. 42–51) была выполнена процедура расчета сетки листов и формирования тайлового комплекса формата *Google Map*.

При этом были выполнены следующие процедуры:

- раздельная регистрация 4-х листов в ГИС *MapInfo*;
- подготовка данных и расчет координат сетки листов посредством решения оптимизационной задачи;
- формирование тайлового комплекса и размещение его на геопортале «Обработка и представление архивных карт».

Геокодирование СНМ Ветлужского уезда за отсутствием на данном этапе адаптированных в ГИС крупномасштабных карт XIX в. производится с использованием на геопортале топографических карт XX–XXI вв. (1:100 000 и 1:25 000).

Таким образом, на основе апробированных методических решений для адаптации в ГИС многолистных одно- и двухверстных топографических межевых, а также двух- и трехверстных военно-топографических карт XIX в. и последующего геокодирования по ним СНМ губернии произведена апробация на примере Ветлужского уезда Костромской губернии адаптации многолистных стоса-

женных планов дач Ново-Успенской и Хмелевицкой волостей с последующим геокодированием по ним СНМ уезда.

*А.Л. Юрганов, д.и.н., проф.
зав. каф. ИАИ РГГУ*

Сергей Есенин и несостоявшийся журнал «Вольнодумец»

24 сентября 1919 г. А.В. Луначарский подписал распоряжение, дающее право на жизнь «Ассоциации вольнодумцев». Устав «Ассоциации вольнодумцев» подписали так и в таком порядке: С. Есенин, Д. Марьянов, Як. Блюмкин, А. Мариенгоф, А. Сахаров, И. Старцев, М. Герасимов, Марк Криницкий, А. Силин, Колобов, В. Шершеневич, М. Ройзман.

В Уставе утверждалось, что Ассоциация «есть культурно-просветительское учреждение, ставящее себе целью духовное и экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции» (РГАЛИ. Ф. 2809. Оп. 1. Д. 161. Л. 18). А.В. Луначарский заверил документ гербовой печатью Наркомпроса и сделал помету (24.09.1919 г.): «Подобные общества в Советской России в утверждениях не нуждаются. Во всяком случае, целям Ассоциации я сочувствую и отдельную печать разрешаю иметь» (Там же. Л. 23).

По воспоминаниям М. Ройзмана, Есенин предложил ему подписать Устав «Ассоциации Вольнодумцев», оговаривая практическую надобность организации:

– Прочитай и подписывай! – заявил Есенин.

– Сергей Александрович! – заколебался я. – Я же только-только начинаю!

– Подписывай! – Он наклонился и, понизив голос, добавил: – Вопрос идет об издательстве, журнале, литературном кафе (*Ройзман М.* Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 31–32.)

В распоряжении имажинистов находилось несколько издательств, две книжные лавки, кафе «Стойло Пегаса» (на Тверской, дом 37).

20 февраля 1920 г. состоялось первое заседание «Ассоциации вольнодумцев»: Есенин был выбран председателем, Ройзман – секретарем. Ассоциация вольнодумцев планировала выпускать сугубо литературный альманах («Гостиница для путешественников в прекрасном») и толстый журнал «Вольнодумец».

Под маркой «Ассоциации» в столице и в провинциальных городах проводились литературные вечера, главным образом, поэтов, а также лекции (В. Шершеневич, Марк Криницкий и др.). В 1920–

1921 г. «Ассоциация» устроила несколько вечеров в пользу комиссии помощи голодающим (Ройзман М. Указ. соч. С. 38).

Если альманах «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (под общим руководством А. Мариенгофа) увидел свет в четырех номерах, то журнал «Вольнодумец», который взялся курировать Есенин, так и не был отпечатан.

Зимой 1924 г. М. Ройзман встретил поэта на углу Брюсовского переулка: «...он был в своей знаменитой шубе с бобровым воротником, в шапке с черной плюшевой тульей, опоясанной полоской такого же меха с сединкой. Он уже хлопотал об издании журнала «Вольнодумец» и рассказал о своих хождениях по мукам».

В апреле 1924 г. между ними состоялся разговор на эту тему.

– Хорошие стихи, а напечатаны в подборку, – произнес с досадой Есенин, захлопывая сборник. Такого безобразия в «Вольнодумце» не будет! Я спросил, дано ли разрешение на издание «Вольнодумца». Он ответил, что теперь это его меньше всего волнует. Он подбирает основных сотрудников журнала, для чего встречается с многими писателями и поэтами. По его планам, в «Вольнодумце» будут участвовать *не связанные ни с какими группами литераторы. Они должны вольно думать!* (курсив мой – А.Ю.) Он хотел печатать в «Вольнодумце» прозу и поэзию самого высокого мастерства, чтобы журнал поднялся на три головы выше «Красной нови» и стал образцом для толстых журналов... Есенин привел воображаемый пример: вот на страницах журнала напечатана вещь, вот вокруг нее в отделе поднялась драка: одни хвалят, другие ругают, третьи – ни то ни се! Но перья скрипят, интерес подогревается. Редакция, автор, критик читают и на ус наматывают. Я спросил, кто намечен в сотрудники «Вольнодумца». Сергей сказал, что для прозы у него есть три кита: Иванов, Пильняк, Леонов. Для поэзии старая гвардия: Брюсов, Белый, Блок – посмертно. Еще Городецкий, Клюев.

– А новая гвардия?

– Будет! Надо договориться впрок!

Есенин хотел издавать журнал, который бы собирал вокруг себя литераторов. Однако писатели и поэты уже насколько разошлись в своем понимании задач художественной литературы, что объединить всех, и попутчиков, и непопутчиков, уже было невозможно...

При издании своих воспоминаний о Есенине М.Д. Ройзман некоторые свои суждения не обнародовал. То ли это был результат внешней цензуры, то ли он сам так решил – неизвестно. Сравнение текстов, опубликованного и рукописного, показывает, что были опущены его объяснения того, почему «Вольнодумец» не состоялся. Не были опубликованы и другие детали, которые, скорее

всего, показались ему не слишком уж важными, а между тем они привлекают наше внимание.

В рукописи книги, в главе, посвященной «Вольнодумцу», читаем: «Захаживал Сергей и к Либединскому, но мне не пришлось поговорить с Юрием Николаевичем на интересующую меня тему, ~~не удалось~~ (зачеркнуто автором – А.Ю.)» (РГАЛИ. Ф. 2809. Оп. 1. Д. 70. Л. 36.) Обращение к одному из самых ярких деятелей пролеткультовского направления в литературе было связано, скорее всего, с идеей поэта об объединении литературных сил, пусть и очень разных.

О причине провала «Вольнодумца» Ройзман написал с откровенной характеристикой «болезненного состояния» Сергея Есенина (возможно, по этой причине фрагмент и не был опубликован):

После слов в книге – «Ради того чтобы работать в полную силу, он подолгу жил вне Москвы и, естественно, не мог заниматься подготовкой журнала!» – следовал такой, *не вошедший в книгу*, текст:

«Поэтому он не сумел подготовить нужных ему литераторов к разговору об их участии в “Вольнодумце”. Да и сами они усомнились бы в начинании Есенина, потому что **его болезненное состояние значительно ухудшилось**: если в 1919 году он хотел вести за собой советскую литературу, то теперь понимал ~~чувствовал~~ (зачеркнуто автором – А.Ю.), что не в состоянии это сделать».

Возможно, этот фрагмент не был опубликован еще и потому, что чуть выше (в книге Ройзмана) говорилось о том, что в 1924–1925 гг. у Есенина было «время самой плодотворной творческой работы», и сам поэт заявлял: «Наступила моя пора Болдинской осени!»...

Неизвестное науке свидетельство Ройзмана подтверждает, что Есенин мог покончить с собой из-за психологической депрессии, колебания его настроений могли сыграть роковую роль в его судьбе.

Ройзман писал в опубликованной книге:

«Не будь ссоры между Есениным и Мариенгофом, “Вольнодумец” давно бы выходил под весьма подходящей для него маркой “Ассоциации вольнодумцев”. А если бы Сергей и редактировал этот журнал, он бы, как не раз говорил, “делал большую литературу”. Естественно, эта неосуществленная мечта заставила бы его резко изменить образ своей жизни. Конечно, руководя любимым “Вольнодумцем”, никогда бы он не поехал в Ленинград, чтобы редактировать другой журнал, никогда не попал бы в проклятый “Англетер”» (Ройзман М. Указ. соч. С. 250).

Поселения при металлургических заводах на русских географических чертежах XVII – начала XVIII века

Русские географические чертежи – ценнейший исторический источник, содержащий сведения, проясняющие, а нередко и существенно дополняющие информацию письменных источников. Это касается, в частности, промышленных объектов, история которых на разных этапах их существования реконструируется на основе, как правило, документальных источников, а последних для ее воссоздания часто недостаточно. Ниже рассматриваются извлекаемые из географических чертежей сведения о поселениях, в которых жил заводской персонал – мастера и работные люди.

Известно (опубликованы) три чертежа с изображениями Звенигородских заводов, относящиеся ко второй половине XVII в. На двух – Павловского и Обушковского заводов – кроме производственных построек, показаны сгруппированные в линии квадраты. Находящиеся внутри них надписи («молотовому мастеру», «доменному мастеру» и т.д.) позволяют заключить, что это дворы. Над каждым стоят цифры (как правило, 8, в единичных случаях 9 и 16), соответствующие размерам участков.

Их присутствие любопытно – в известных нам описаниях ранних заводов количественные данные такого рода нам не встречались. Но более важным представляется другое: модульный принцип в определении размера участка. Реализовать его можно в единственном случае: если большой участок одновременно разделяется на меньшие, и те предназначены для людей сравнимого социального положения и статуса. Судя по всему, перед нами стандартные участки, «нарезанные» заводовладельцем или заводским управляющим (поскольку чертежи не датированы, представлял он частное лицо или государство, без специальных исследований заключить невозможно).

На обоих чертежах дворы расположены строго в ряд. Отображают ли они реальную картину? По нашему мнению, чертеж Павловского завода, а, может быть, и оба являются не фиксационными, а проектными. Заключаем это из надписей на них, содержащих прямые распоряжения относительно, во-первых, сноса существующих построек («Дементьевской двор сломать»), во-вторых, создания новых объектов («Быть городьбе», «Учинить сад»). Собранные в три линии дворы стандартных размеров – то, что намеревались построить для приезжих мастеров и работников, которые своей земли здесь не имели. Такому пониманию материала соответствует грамматическая форма, использованная для указания пользователя дво-

ра: внутри квадрата, обозначающего двор, написано, например, «кузнецу» (т. е. предназначено кузнецу), а не «кузнец» (т. е. двор кузнеца), что было бы естественней, если бы двор уже существовал.

Как же заводской персонал расселялся в реальности? По более поздним материалам (например, серии иллюстраций к «Абрисам» В.И. Геннина), видим, что заводские поселения постепенно перерастали в поселки, иногда компактные, иногда со слободами. На небольших заводах еще долго могло сохраняться рассеянное расселение – форма, которую наблюдаем на чертеже Угодских заводов начала XVIII в. (РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ. Алексин. Д. 10400). Два изображенных на листе производственных комплекса окружены группами жилых построек в количестве от трех до пяти на завод. Судя по надписям, это дворы мастеров и работников. Так, вокруг Верхнего завода видим одно поселение (группу из трех построек) на правом берегу р. Каменки (притока Угодки) вблизи ее устья, еще два (соответственно две и три постройки) – на противоположном берегу, четвертое (четыре постройки) – на правом берегу Угодки, у начала заводского пруда и чуть ниже – двор заводладельцев.

Хотя в каждой из этих групп дворы, возможно, и были вытянуты в линию, в общем, очевидно, что владелец земли не стремился собрать их воедино, допуская свободное размещение. Этому возможны два взаимоисключающих объяснения. Первое: земли не хватало, участка для компактного поселения не имелось, приходилось вписываться в незанятые обрести. Второй: земли было много, необходимость скупиваться отсутствовала. Приняв первое, потребуется объяснить, чем так плотно были заняты земли вокруг заводов. Второе более правдоподобно. Землями в непосредственной близости от Угодских заводов распоряжались заводладельцы Меллеры. В непосредственном окружении производственного комплекса незанятой производственными постройками земли имелось, скорее всего, немало, она пустовала – отчего же заводчику было не позволить мастерам жить, не стесняя друг друга?

Итак, заселение околзаводской территории регулировали различные факторы, не последним из которых было наличие у заводладельца свободы в использовании этой территории. Важную роль, несомненно, играло и развитие завода, который расширяясь, мог вытеснить ранее возникшие поселения. Вспомним в этой же связи распоряжение сломать на Павловском заводе некий Дементьевский двор. Обратим внимание и на содержащуюся в «Служебной чертежной книге» С.У. Ремезова серию чертежей Каменского завода, различие содержания которых свидетельствует, в том числе о том, что они отражают состояние завода на разные моменты времени.

популярностью. Первый исследователь памятника В.А. Петров в 1950 г. насчитывал 23 копии «Дорожника», нам сегодня известны 44 текста, включая несколько табличных вариантов и одно лубочное гравированное издание. При этом потенциал для выявления новых списков далеко не исчерпан. Популярность памятника объясняется тем, что он позволял русскому читателю, не имевшему доступа к географическим картам, представить место российской столицы в мировом пространстве. Таким образом, «Дорожник» входил в число памятников, формирующих новое мировоззрение. В силу этого история его бытования требует внимательного изучения.

Кроме поиска новых рукописей, включающих в свой состав «Дорожник», в настоящий момент одна из важных исследовательских задач – выявление ранних редакций и списков памятника, на основе которых складывалась позднейшая традиция. Для решения этой задачи оказалось возможным использовать изготовлявшиеся в Посольском приказе куранты. Виниус сталкивался с курантами на протяжении всей своей карьеры: сначала в качестве переводчика, потом как почтмейстер. Пересечение между разными направлениями его обширной и разносторонней деятельности вполне естественно.

Ниже речь пойдет о двух списках сочинения. В первом случае при помощи курантов оказалось возможным датировать копию, которая входит в рукопись из собрания А.С. Уварова (ГИМ. Собр. А.С. Уварова. Ед. хр. 5. Формат 4. С. 579–593). В ней «Дорожник» читается на листах с двумя разными филигранями типа «Герб с крестом». На бумаге, использовавшейся для составления курантов с осени 1667 г. до осени 1668 г., встречаем идентичные филигранные, которые полностью совпадают при наложении (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. и др.). Данная рукопись переписана скорописью, характерной для Посольского приказа, лишь слегка стилизованной под книжное письмо на первых страницах. В конце списка, начиная со страницы 593, писец использовал уже обычную для курантов скоропись. Напрашивается вывод, что сам Виниус, или кто-то из его коллег по Посольскому приказу, сделал на казенной бумаге копию сочинения через очень короткий промежуток после создания «Дорожника».

Данный список имеет характерные особенности. В нем среди «нарочитых» и «славных» городов не упомянут Рим. Кроме пропуска Рима, есть еще два пропуска на местах, где должны указываться дистанция до Змиры и расстояние пути до Константинополя через Азов. Пропуски заполнены арабскими цифрами в более позднее время. Кроме того, в описании дороги на Брянславль «Польскую землю» заменили на «Ригу». Сходные особенности имеет копия «Дорожника», хранящаяся в Упсальском университете (UUB. Slav.

22). Она была сделана примерно на половину столетия позднее Уваровской с общего для обеих рукописей протографа. Не исключено, что в Посольском приказе хранился черновик «Дорожника» с пропусками или плохо читаемыми местами.

Еще одна копия сочинения Виниуса, имеющая пересечение с курантами, – это рукопись БАН 1.5.23. Данная рукопись также переписана скорописью, типичной для Посольского приказа. В ней на л. 5 после основного текста идет интегрированная с основным текстом приписка, посвященная событиям Великой турецкой войны: «Цесарского городов было за турским Пест, Офен, болшие городы. Ныне 192-го были взяты назат». На самом деле имперские войска взяли города, составляющие сегодня Будапешт, в 1686 г. Однако в 1684 г. велась осада, и в августе 1684 г. в куранты пришла преждевременная, ошибочная информация о победе австрийских войск. В сводке от 10 сентября под заголовком «Из Венгерской земли августа в 11 день» рассказывалось о том, как войска герцога Лотарингского ночью 8 августа после артиллерийского обстрела взяли город штурмом (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 389.). Очевидно, что эту редакцию составлял человек, имевший доступ к курантам или газетам в тот недолгий промежуток времени, когда ошибочное известие о победе еще не было опровергнуто.

Таким образом, через 17 лет после составления «Дорожника» Виниуса была составлена новая редакция памятника. Особенно любопытно, что дополнения не закончились актуальной «турецкой» вставкой. После нее следовала фраза «Еще не гобзил», т. е. еще не знакомил с чем-то большим или еще не представил имеющееся обилие. А далее был переписан типологически близкий «Дорожнику» текст, озаглавленный «Описание расстоянию столных град славных государств и земель, сколко от коих мест до святого града Иерусалима, где Господь Бог наш воплоти своима пречистыми стопами...». После пышного заголовка шло перечисление городов с расстояниями до Иерусалима: «От Антиохии 72 мили. От Ниневии 171 мил. От Вавилона 104 мили» и т.д. Однако данный текст не привлек внимание русских читателей.

*Е.А. Яровая, к.и.н., с.н.с.
Гос. Эрмитаж*

Геральдический экслибрис коллекционера Н.Ф. Романченко

Коллекция Николая Филипповича Романченко (1870–1923) привлекала внимание исследователей античности, египетских древностей, русского народного костюма, древнерусского литья, истории масонства, сфрагистики, нумизматики и геральдики. Более

5200 предметов из его коллекции, чудом вырванной из рук бандитов шайки Ленки Пантелеева, свирепствовавших в Петрограде в 1922–1923 гг., оказались в сокровищнице Государственного Эрмитажа. Судьба 20 000 томов из его библиотеки не совсем ясна. Некоторые экземпляры из личного книжного собрания Романченко попали в научную библиотеку Эрмитажа. Они опознаются по крупному владельческому знаку – экслибрису (93x67 мм), цельногравированному на меловой бумаге с изображением дворянского герба рода Романченко: в синем поле золотая перевязь влево, на ней один под другим три черных мерлетты. В центральном поле восстающий бык в серебре с черными глазами, языком, копытами и рогами. Щит увенчан дворянской короной. Нашлемник – бычья голова. Девиз «Герпѣніемъ» (ОГ. 1885. Часть XIII. Л. 152). Внизу помещена поясняющая надпись: «Из собрания книг и рукописей Николая Филипповича Романченко» (*Богомолов С.И.* Российский книжный знак 1700–1918. М., 2010. С. 708–709).

История обретения этого не вполне типичного герба представляется достаточно любопытной. Н.Ф. Романченко, являясь дворянином во втором поколении, очень гордился своей принадлежностью к благородному сословию. Герб этот получил его отец, Филипп Архипович Романченко, много лет исполнявший обязанности секретаря при шефе жандармов, а затем при министре внутренних дел. В РГИА отложилось дело об изготовлении копии с герба коллежского асессора ФА. Романченко, относящееся к 1876 г. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 1509. Л. 2).

Из материалов дела следует, что коллежский асессор Филипп Романченко определением Департамента герольдии правительствующего Сената 26 января 1876 г. был утвержден в потомственном дворянском достоинстве, вследствие пожалования ему ордена Св. Владимира 4-й степени с внесением в третью часть дворянской родословной книги. Вследствие сего и согласно прошению Филиппа Романченко, было заключено «изготовить герб установленным порядком и представить оный на высочайшее утверждение и по воследовании коего выдать просителю копию с герба, но предварительно представленный просителем проект герба препроводить в Гербовое отделение, для соображения с правилами геральдики». По новой «Инструкции Гербового отделения Департамента герольдии по составлению гербов», «проситель в пояснительной записке о своем гербе, прилагаемой к прошению, может обозначать фигуры или эмблемы, из коих он желал бы составить герб, или же предоставить рисунок своего герба» (Цит. по: *Борисов И.В.* Российская геральдика: происхождение, история, современность. М., 2009. С. 76).

На представленном просителем проекте герба было следующее

изображение: в лазуревом щите серебряный бык, с тремя черными пчелами в золотой главе щита. Девиз: «Терпением» серебряными буквами на лазуревой ленте. В пояснениях к гербовым фигурам сам Романченко указывал, что Вол в гербе означает происхождение рода Романченко из Малороссии, вместе с сим эмблема эта должна изобразить «терпение», тогда как Пчелы во главе щита изображают собою труд.

Впоследствии Филипп Архипович Романченко изъявил желание изменить представленный проект герба и иметь следующий: «в лазуревом щите серебряный бык, на золотой перевязи влево три черных дрозда без клюва и ног (*merlette*). В нашьлемнике бычачья голова. Девиз: «Терпением» серебряными буквами на лазуревой ленте. Фигуры, помещенные в вышеозначенном гербе, означают следующее: 1. Бык – происхождение просителя из Малороссии. 2. Дрозды – путешествия его» (имелись в виду многочисленные поездки Ф.А. Романченко по стране и за границу, в которых он постоянно сопровождал свое начальство). В данном виде герб был утвержден управляющим гербовым отделением Б.В. Кене.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Палеография

Бокарева О.Б.
Ляховицкий Е.А., Скопина М.А.
Носова Е.И.
Усачев А.С.
Цыпкин Д.О.

Кодикология

Ауров О.В.
Бокарева О.Б.
Вознесенская И.А.
Дадыкина М.М.
Казбекова Е.В.
Круглов А.К.
Ляховицкий Е.А., Скопина М.А.
Марей А.В.
Полонский Д.Г.
Усачев А.С.
Янсон О., Шамин С.М.

Дипломатика

Агишев С.Ю.
Бокарева О.Б.
Ерусалимский К.Ю.
Земляков М.В.
Киселев М.Ю.
Комочев Н.А.
Кравцова Е.С., Рогова Ю.К.
Таценко Т.Н.
Черкасова М.С.

Эпиграфика

Авдеев А.Г.
Авдеев А.Г., Свойский Ю.М.,
Романенко Е.В. (пленар.)
Алексеев В.В.
Булычева Е.В.
Ермолова И.Е.
Суриков И.Е. (пленар.)
Ченцова В.Г.

История книжной культуры XV–XIX вв.

Ауров О.В.
Базарова Т.А.
Балаченкова А.П.
Батиев М.В.
Бытко С.С.
Вознесенская И.А.
Жуков А.Е.
Звездина Ю.Н.
Илларионова Л.И.
Казбекова Е.В.
Корзо М.А.
Круглов А.К.
Кузьмин А.В. (к. физ.-мат. н.)
Ляховицкий Е.А., Скопина М.А.
Мельник А.Г.
Мильков В.В.
Морозов Б.Н., Симонов Р.А.
(пленар.)
Незгворова В.В.
Полонский Д.Г.
Пушков В.П.
Рамазанова Д.Н.
Романова А.А.
Самарин А.Ю. (пленар.)
Скворцова Е.А.
Солодкин Я.Г.
Усачев А.С.
Франклин С. (пленар.)
Цыпкин Д.О.
Шустова Ю.Э.
Щеголева Л.И.
Янсон О., Шамин С.М.
Яровая Е.А.

История книжной культуры XX–XXI вв.

Андреева О.В.
Афанасьева З.Б.

Валькова О.А.
Илизаров Б.С.
Исаев Д.П.
Муромцева Л.П.
Руцинская И.И.
Цыпкина А.Г.

Текстология

Бытко С.С.
Жуков А.Е.
Илизаров Б.С.
Корзо М.А.
Круглова Т.А.
Мельник А.Г.
Мильков В.В.
Полонский Д.Г.
Русина Е.В.
Солодкин Я.Г.
Хазанова С.И.
Хотимский Д.А.
Шадунц Е.К.
Щеголева Л.И.
Янссон О., Шамин С.М.

Лингвистика

Агеева Р.А. (пленар.)
Ауров О.В.
Валева Н.Т.
Морозов Б.Н., Симонов Р.А.
(пленар.)
Суриков И.Е. (пленар.)

Ономастика

Агеева Р.А. (пленар.)
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.
(пленар.)
Сахаров И.В.
Фоменко В.Г.

Антропология

Франклин С. (пленар.)
Веселовская Е.В., Григорьева О.М. (пленар.)

Хронология

Кайгородова Т.В.
Шустова Ю.Э.

Метрология

Синчук И.И.

Естественно-научное знание

Баранова С.И.
Веселовская Е.В., Григорьева О.М. (пленар.)
Зверкина Г.А.
Кежутин А.Н.
Кузьмин А.В. (к. физ.-мат. н.)
Лиманова С.А.
Морозов Б.Н., Симонов Р.А.
(пленар.)

Историческая география и картография

Аверьянов К.А.
Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю.
Буриева Х.А.
Голубинский А.А.
Гуслистова А.А.
Джаксон Т.Н.
Заратин Р.В.
Иванов К.В.
Иванова Н.П., Брюханова Е.А.
Истомина Э.Г.
Калинина Т.М.
Коновалова И.Г.
Кротов О.С.
Кулинок С.В.
Медведь А.Н.
Мининков Н.А.
Морозова Л.Е.
Окунева О.В.
Петрова М.С.
Подосинов А.В.
Руцинская И.И.
Сень Д.В.

Фоменко В.Г.
Фролов А.А. (пленар.)
Хотимский Д.А.
Шалак М.Е.
Щекотилов В.Г., Шалаева М.В.,
Дёмина Т.В.
Юркин И.Н.
Янсон О., Шамин С.М.

Генеалогия

Авдеев А.Г.
Акинъшин А.Н.
Брусилковский Н.М.
Глазьев В.Н.
Грязнов А.Л.
Дюкарев А.В.
Иванова Н.П., Брюханова Е.А.
Краско А.В.
Кулаковская О.Ю.
Лобанов Д.В.
Матисон А.В.
Мурзин-Гундоров В.В.
Назаров В.Д.
Пономарева И.Г.
Пчелов Е.В. (пленар.)
Сахаров И.В.
Сергеев А.В.
Черкасова М.С.
Шокарев С.Ю.

Просопография

Алексеев А.И.
Белоусов М.Р.
Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю.
Горбатов Е.Н.
Гуслистова А.Н.
Гуськов А.Г.
Зарапин Р.В.
Иванова Н.П.
Котляр Н.Ф. (пленар.)
Краско А.В.
Кротов О.С.

Матисон А.В.
Мельник А.Г.
Мининков Н.А.
Мурумцева Л.П.
Незговорова В.В.
Оборнева З.Е.
Петерс Т.П.
Сень Д.В.
Спичак А.В.
Усачев А.С.
Фельдман Д.З.
Фролов Б.Е., Хорольская Н.А.
Шадуниц Е.К.
Шокарев С.Ю.

Биография

Акинъшин А.Н.
Веселовская Е.В., Григорьева О.М. (пленар.)
Гуськов А.Г.
Илларионова Л.И.
Исаев Д.П.
Назаров В.Д.
Оборнева З.Е.
Петерс Т.П.
Сахаров И.В., Полянская Ю.Н.
Фролов Б.Е., Хорольская Н.А.
Цыпкина А.Г.
Юрганов А.Л.

Геральдика

Голубинский А.А.
Елохин К.А.
Кручинин А.С.
Петров Д.А.
Пчелов Е.В. (пленар.)
Рыжова Д.С.
Черных А.П.
Яровая Е.А.

Вексиллология

Джиоева А.Р.
Кручинин А.С.

Эмблематика

Акимова Л.И.
Бондарева-Кутаренкова Т.С.
Звездина Ю.Н.
Кручинин А.С.
Митрофанов А.А.
Савельев Ю.Р.
Скворцова Е.А.

Иконоведение

Джисоева А.Р.
Звездина Ю.Н.

Нумизматика

Алексеевко Н.А.
Баинин Н.В.
Зверев С.В. (пленар., секц.)
Кользин А.М.
Мокерова Е.Ю.

Сфрагистика

Иванов В.И.
Фролов Б.Е., Хорольская Н.А.
Худин К.С.

Фалеристика, медальерное искусство

Добровольская Л.И.
Заворотная Л.А.
Илизаров С.С.
Лебедев В.Д.
Матусевич И.С.
Петерс Т.П.

Бонистика

Баранов А.Г.
Тимошина Н.Н.
Тихомиров Ю.В.

**Исторнография и история
ВИД**

Балаченкова А.П.
Кайгородова Т.В.

Киселев М.Ю.
Комочев Н.А.
Кулинок С.В.
Лиманова С.А.
Медушевский А.Н.
Самарин А.Ю. (пленар.)
Сахаров И.В., Полянская Ю.Н.
Сергеев А.В.
Тихонов В.В.
Цыпкина А.Г.

Источниковедение

Авдеев А.Г.
Алексеев А.И.
Алексеев В.В.
Ауров О.В.
Базарова Т.А.
Баранова С.И.
Батиев М.В.
Белоусов М.Р.
Бокарева О.Б.
Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю.
Бульчева Е.В.
Бытко С.С.
Голубинский А.А.
Дадыкина М.М.
Елохин К.А.
Ерусалимский К.Ю.
Земляков М.В.
Иванова Н.П.
Илизаров Б.С.
Истомина Э.Г.
Коновалова И.Г.
Корзо М.А.
Круглова Т.А.
Кулинок С.В.
Мальгина А.А.
Марей А.В.
Мельник А.Г.
Мильков В.В.
Мининков Н.А.
Мокерова Е.Ю.

Муромцева Л.П.
Перхавко В.Б.
Подосинов А.В.
Пономарева И.Г.
Пушков В.П.
Романова А.А.
Рупасов А.И., Сафонов М.М.
Русина В.В.
Руцинская И.И.
Самарин А.Ю. (пленар.)
Сергеев А.В.
Солодкин Я.Г.
Спичак А.В.
Таценко Т.Н.
Тихонова А.В.
Устинова И.А.
Франклин С. (пленар.)
Хотимский Д.А.
Худин К.С.
Черкасова М.С.
Черных А.П.
Шадунц Е.К.
Шалак М.Е.
Юркин И.Н.
Янсон О., Шамин С.М.

Краеведение

Брусиловский Н.М.
Лобанов Д.В.
Мурзин-Гундоров В.В.
Тимошина Н.Н.

Цифровые технологии в ВИД

Авдеев А.Г., Свойский Ю.М.,
Романенко Е.В. (пленар.)
Иванова Н.П.
Иванова Н.П., Брюханова Е.А.
Петров Д.А.
Пушков В.П.
Фролов А.А. (пленар.)
Щекотилов В.Г., Шалаева М.В.,
Дёмина Т.В.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
----------------------	---

Пленарные доклады

<i>Авдеев А.Г., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. (Москва)</i> Свод русских надписей (СР) и инструменты его составления	7
<i>Агеева Р.А. (Москва)</i> Ономастика в трудах академика Вячеслава Всеволодовича Иванова	9
<i>Веселовская Е.В., Григорьева О.М. (Москва)</i> Восстановление по черепу облика Н.Н. Миклухо-Маклая	13
<i>Зверев С.В. (Москва)</i> Финансовая реформа царя Фёдора Алексеевича 1679–1681 гг.	15
<i>Котляр Н.Ф. (Киев)</i> Внутренняя (межкняжеская) дипломатия Руси в XII–XIII вв.	19
<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. (Москва)</i> Исчисление имени: светская христианская двуименность XV–XVII вв. и возможности её реконструкции	23
<i>Морозов Б.Н., Симонов Р.А. (Москва)</i> Математическая структура письменной системы Стефана Пермского	27
<i>Пчелов Е.В. (Москва)</i> Девизы русской дворянской геральдики ...	31
<i>Самарин А.Ю. (Москва)</i> Неопубликованная статья П.К. Симони о печатных листах и не допечатанных книгах	34
<i>Суриков И.Е. (Москва)</i> «Неведомый благодетель»: к вопросу о появлении алфавита	36
<i>Франклин С. (Кембридж)</i> К вопросу об истории домашних графосфер	41
<i>Фролов А.А. (Москва)</i> Исторические ГИС в Лаборатории исторической геоинформатики Института всеобщей истории РАН	43

Тезисы докладов

<i>Авдеев А.Г. (Москва)</i> Традиционные источники и памятники эпиграфики: о дате битвы на реке Вырке	48
<i>Аверьянов К.А. (Москва)</i> Где находились белозерские городки «Списка русских городов»?	49

<i>Агишев С.Ю. (Москва)</i> Пропавшая грамота: привилегия норвежского короля Хакона V городу Гамбургу из собрания Научной библиотеки Томского государственного университета	53
<i>Акимова Л.И. (Москва)</i> К проблеме двух майкопских серебряных сосудов	55
<i>Акинъшин А.Н. (Воронеж)</i> О дворянских корнях власовского генерала Георгия Жиленкова	58
<i>Алексеев А.И. (Санкт-Петербург)</i> Синодики Московского Богоявленского монастыря XVI–XVII вв.	60
<i>Алексеев В.В. (Москва)</i> Современные граффити о внешнеполитической ситуации как источник о настроениях отдельных групп населения	63
<i>Алексеевко Н.А. (Симферополь)</i> Новый экземпляр монеты с изображением креста в круговой надписи и большой «бетой» (Анохин 351) с хоры византийского Херсона	65
<i>Андреева О.В. (Москва)</i> Книга в плакате начала 1920-х годов	67
<i>Ауров О.В. (Москва)</i> Рукописные материалы в исследовании понятийной системы феодального права Кастилии и Леона XIII–XIV вв. (на примере термина (<i>h</i>) <i>omenage</i>)	70
<i>Афанасьева З.Б. (Киев)</i> Суперэкслибрис как исторический феномен книжной культуры	72
<i>Базарова Т.А. (Санкт-Петербург)</i> Сборники писем Петра I генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину в собрании Научно-исторического архива СПбИИ РАН	75
<i>Балаченкова А.П. (Санкт-Петербург)</i> Материалы по истории русской бумажной промышленности XVIII–XIX вв. П.А. Картавова и научное наследие З.В. Участкиной	77
<i>Баранов А.Г. (Москва)</i> О критериях отличий дензнаков РСФСР образца 1918–1921 гг., отпечатанных на разных фабриках Гознака	79
<i>Баранова С.И. (Москва)</i> Музейные учетные документы как исторические источники	82
<i>Батиев М.В. (Москва)</i> Путевые записки – история их создания, публикации и изучения: Пруссия глазами русских путешественников второй половины XVIII века	84
<i>Башнин Н.В. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о стоимости медных денег в 1662/63 г.	86

<i>Белоусов М.Р. (Казань) Источники боярских списков середины XVII века</i>	89
<i>Бокарева О.Б. (Москва) Русско-персидские грамоты первой половины XVII в. как исторический источник</i>	91
<i>Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю. (Москва) Писцовые и переписные книги как источник изучения хозяйственной деятельности и социального быта крестьян-корелян-переселенцев в Бежецкий Верх в XVII – начале XVIII века</i>	93
<i>Бондарева-Кутаренкова Т.С. (Москва) Особенности символического воплощения образов мировых держав в карикатурах русской эмиграции (по материалам русскоязычной периодики в Европе 1920–1930-х гг.)</i>	96
<i>Брусиловский Н.М. (Москва) Некрополь дворян Яньковых в Москве</i>	99
<i>Булычева Е.В. (Москва) Данные эпиграфики как основной источник для изучения аренды священной земли в Аттике (IV в. до н. э.)</i>	101
<i>Буриева Х.А. (Ташкент) К исторической топонимии и исторической топографии Ташкента конца XIX – начала XX вв. (улицы Нового города)</i>	104
<i>Бытко С.С. (Нижевартовск) О структуре и жанровом своеобразии старообрядческого сборника из собрания Томского областного краеведческого музея</i>	106
<i>Валеева Н.Т. (Москва) Сохранение и утеря второго <i>n</i> в суффиксах кратких отпричастных прилагательных женского и среднего рода и множественного числа. История нормы и правописательная практика</i>	109
<i>Валькова О.А. (Москва) Уникальное явление из истории книжной культуры СССР – общеакадемическая серия «Научно-биографическая литература»</i>	112
<i>Вознесенская И.А. (Санкт-Петербург) Иллюстрированные рукописи исторических сочинений XVIII века: проблемы описания и атрибуции изображений</i>	114
<i>Глазьев В.Н. (Воронеж) Воронежские служилые люди XVII в.: опыт составления родословных</i>	117
<i>Голубинский А.А. (Москва) Сведения о гербах городов в материалах Генерального межевания</i>	119

<i>Горбатов Е.Н. (Москва)</i> Служебные биографии московских чинов по материалам «подлинных» боярских списков второй четверти XVII в.	122
<i>Грязнов А.Л. (Вологда)</i> Родословная князей Белосельских из местнического дела 1649 г.	124
<i>Гуслистова А.Н. (Вологда)</i> Никольская улица в Вологде в XVII – начале XVIII вв.	126
<i>Гуськов А.Г. (Москва)</i> Материалы к справочнику о служащих Посольского приказа (начало XVIII в.)	129
<i>Дадыкина М.М. (Санкт-Петербург)</i> Монастырское делопроизводство кануна петровских реформ: локальные практики	132
<i>Джаксон Т.Н. (Москва)</i> Гренландия, Сведия и Рифейские горы	134
<i>Джиоева А.Р. (Санкт-Петербург)</i> Старинные русские знамена в коллекции И.И. Срезневского	137
<i>Добровольская Л.И. (Санкт-Петербург)</i> Из истории производства двух памятных жетонов дореволюционной России	139
<i>Дюкарев А.В. (Краснодар)</i> Кубанский казачий род Непокупных: материалы к генеалогическому поиску	142
<i>Елохин К.А. (Москва)</i> Европейские гербовые портреты как источник геральдики	144
<i>Ермолова И.Е. (Москва)</i> Данные эпиграфики о торговле римлян с варварами	147
<i>Ерусалимский К.Ю. (Москва)</i> Переписка афонских старцев с князем Андреем Курбским: О датировке грамоты архимандрита Макария	150
<i>Жуков А.Е. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о происхождении Музейного летописца	152
<i>Заворотная Л.А. (Москва)</i> «Сталин» в Австралии (история одного жетона)	154
<i>Заратин Р.В. (Москва)</i> Этникионы администрации Птолемеевского Египта и миграционные процессы в эпоху эллинизма	157
<i>Звездина Ю.Н. (Москва)</i> Образ крылатой Богоматери на иконах XIX века	160

<i>Зверев С.В. (Москва)</i> Вопрос по обвинению членов английской Московской компании в подделке русских денег на русско-английских переговорах 1620–1621 гг.	162
<i>Зверкина Г.А. (Москва)</i> Промышленная революция и математика	165
<i>Земляков М.В. (Москва)</i> Англо-саксонские и англо-нормандские грамоты об освобождении в церкви начала X – середины XII вв. и их рукописная традиция	167
<i>Иванов В.И. (Краснодар)</i> Печати церквей и священнослужителей Черноморского казачьего войска первой половины XIX в.	170
<i>Иванов К.В. (Москва)</i> Эволюция в способах изображения городов между серединой XVI и серединой XVII вв.	173
<i>Иванова Н.П., Брюханова Е.А. (Барнаул)</i> Оцифрованные генеалогические материалы как источник по социальной топографии городского населения Сибири на рубеже XIX–XX вв.	175
<i>Иванова Н.П. (Барнаул)</i> Анализ известий о поездках церковных иерархов в новгородском летописании	178
<i>Илизаров Б.С. (Москва)</i> Два уникальных Историко-революционных календаря на 1939 и 1940 гг.	180
<i>Илизаров С.С. (Москва)</i> Новые материалы о нереализованном проекте учреждения орденов имени М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, Н.И. Пирогова и И.П. Павлова	183
<i>Илларионова Л.И. (Москва)</i> Книжная традиция и новаторство профессиональных архитекторов	185
<i>Илларионова Л.И. (Москва)</i> Фотофиксация артефактов на Святой Земле (по материалам научной экспедиции 1891 г.) ...	187
<i>Исаев Д.П. (Ростов-на-Дону)</i> Книжная культура в профессиональной культуре историка (на примере биографии П.П. Смирнова)	189
<i>Истомина Э.Г. (Москва)</i> Морехозяйственный комплекс Европейской России в XIX в.: методы исследования и проблемы	192
<i>Казбекова Е.В. (Москва)</i> Новое об иллюминации экземпляра Библии Гутенберга в РГБ	194

<i>Кайгородова Т.В. (Барнаул)</i> В.И. Штейнгель: хронология и революционность	196
<i>Калинина Т.М. (Москва)</i> Образ Земли как птицы в арабской картографии	199
<i>Кежутин А.Н. (Нижний Новгород)</i> Периодика национальных автономий Нижегородского края 1920–1930-х гг. как исторический источник по проблеме социальных болезней	201
<i>Киселев М.Ю. (Москва)</i> Из истории дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины	203
<i>Колызин А.М. (Москва)</i> Некоторые вопросы московской монетной чеканки XIV–XV вв.	206
<i>Комочев Н.А. (Москва)</i> Жалованные грамоты в трудах С.П. Григоровой-Захаровой	209
<i>Коновалова И.Г. (Москва)</i> Географическое описание и географическая карта	211
<i>Корзо М.А. (Москва)</i> Новая модель Требника в Киевской митрополии XVII в. и ее католические образцы	213
<i>Кравцова Е.С., Рогова Ю.К. (Санкт-Петербург)</i> Пергаменные грамоты XVI–XVIII вв. из архива пинского монастыря францисканцев в собрании Государственного музея истории религии	215
<i>Краско А.В. (Санкт-Петербург)</i> Родовой архив Шереметевых в РГИА как источник сведений о генеалогии служителей их главной петербургской усадьбы (Фонтанного дома)	217
<i>Кротов О.С. (Ростов-на-Дону)</i> Распространение старообрядчества на Дону во второй половине XVIII – начале XIX века	219
<i>Круглов А.К. (Санкт-Петербург)</i> Монограмма переплетчика XV века	221
<i>Круглова Т.А. (Москва)</i> «Записка о непорядках в Малой России»: история и перспективы текстологического анализа	223
<i>Кручинин А.С. (Москва)</i> Сердце флибустьера, или Почему веселился «Веселый Роджер»?	226
<i>Кузьмин А.В. (Москва)</i> Космос Петра Апиана	228
<i>Кулаковская О.Ю. (Петрозаводск)</i> Путешествие на родину предков – вологодский след	230

<i>Кулинок С.В. (Минск)</i> Историография изучения картографических и градостроительных материалов по истории Минска фондов Белорусского государственного архива научно-технической документации	232
<i>Лебедев В.Д. (Москва)</i> Знаки отличия как политические символы двух эпох: к истории разработки нагрудного знака «Летчик-космонавт СССР» и медали «Михаил Калашников»	234
<i>Лиманова С.А. (Москва)</i> «История камня в истории культуры»: списки драгоценных камней и ювелирных изделий дома Романовых в личном фонде академика А.Е. Ферсмана	237
<i>Лобанов Д.В. (Москва)</i> Некрополь Бове в Донском монастыре	239
<i>Ляховицкий Е.А., Скопина М.А. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о древнерусских представлениях о сортности бумаги в связи с различными типами и техниками древнерусского письма	241
<i>Малыгина А.А. (Москва)</i> Дипломатические отношения России и Англии во второй половине XVI в. по документам из русских и английских собраний	243
<i>Марей А.В. (Москва)</i> <i>Consagrados y coronados</i> : к вопросу о датировке Второй Партиды Альфонсо X Мудрого по данным ее рукописной традиции	246
<i>Матисон А.В. (Москва)</i> Ставленнические допросы кандидатов в священно-церковнослужители как источник по генеалогии православного духовенства России XVIII в.	248
<i>Матусевич И.С. (Москва)</i> Гимнастика во второй половине XIX – начале XX вв. в жетонах, знаках, значках (по материалам коллекции Государственного Исторического музея)	250
<i>Медведь А.Н. (Москва)</i> Китайгородская крепость на древнерусских чертежах (предварительные наблюдения)	253
<i>Медушевский А.Н. (Москва)</i> Собрание сочинений О.М. Медушевской: замысел, структура, вклад в научно-педагогическую мысль	255
<i>Мельник А.Г. (Ростов)</i> Сборники служб русским святым конца XV–XVI века	258
<i>Мильков В.В. (Москва)</i> Тема инога мира в «Вопросах князя Антиоха и ответах святого Афанасия» и ее место в классификации редакций древнерусского апокрифа	260
<i>Мининков Н.А. (Ростов-на-Дону)</i> О численности донских казаков в XVI – первой половине XVII века	263

<i>Митрофанов А.А. (Москва)</i> Эмблематическое пространство революционной Франции и его расширение. Опыт земель Сардинского королевства	266
<i>Мокерова Е.Ю. (Киров)</i> Архивные источники и формирование региональных топографических сводок нумизматических материалов до начала XX в. (на примере Вятской губернии)	268
<i>Морозова Л.Е. (Москва)</i> О времени возникновения Каргополя	271
<i>Мурзин-Гундоров В.В. (Москва)</i> Князья Мещерские: две семьи из первой линии третьей ветви в некрополе Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря	273
<i>Муромцева Л.П. (Москва)</i> Роль книги в сохранении культурной идентичности русской послереволюционной эмиграции	275
<i>Назаров В.Д. (Москва)</i> Три загадки завещания П.М. Плещеева	278
<i>Незговорова В.В. (Санкт-Петербург)</i> Изобразительные источники к биографиям офицеров лейб-гвардии Сапёрного батальона (по материалам ВИМАИВиВС)	281
<i>Носова Е.И. (Санкт-Петербург)</i> Автографы короля Людовика XI из собрания СПбИИ РАН: попытка почерковедческого анализа	283
<i>Оборнева З.Е. (Москва)</i> Толмач Посольского приказа Афанасий Буколов (1633/34–1672). Материалы к биографии	286
<i>Окунева О.В. (Москва)</i> Визуальное представление «индейской монархии» на нидерландских картах Южной Америки (конец XVI–XVII вв.)	288
<i>Перхавко В.Б. (Москва)</i> Атмосфера выборов в Учредительное собрание на страницах российских газет 1917 года	290
<i>Петерс Т.П. (Большие Вяземы)</i> Награждение французского подполковника Анжели орденом Св. Георгия 4-го класса и обстоятельства его пребывания в России в правление императрицы Екатерины II	293
<i>Петров Д.А. (Москва)</i> Двуглавые орлы на дворцах первых Романовых	295
<i>Петрова М.С. (Москва)</i> От миграции к цивилизации (О методике реконструкции путей германских народов)	298
<i>Подосинов А.В. (Москва)</i> Северо-Западная Европа по данным Певтингеровой карты	298

<i>Полонский Д.Г. (Москва)</i> Миниатюры и антропоморфные инициалы в сборнике книжника начала XVIII в. Велько Поповича из собрания Библиотеки Сербской Патриархии в Белграде	301
<i>Пономарева И.Г. (Москва)</i> К датировке «первого» договора Василия II с Новгородом	303
<i>Пушков В.П. (Москва)</i> Торговая отчётность Московского печатного двора о книжных покупках приказных чинов 7145 (1636/37) г.	306
<i>Романова А.А. (Санкт-Петербург)</i> Сборники сказаний о древнерусских святынях в рукописях XVIII в.	309
<i>Рупасов А.И., Сафонов М.М. (Санкт-Петербург)</i> Неизвестная публикация манифеста об отречении Николая II	311
<i>Пчелов Е.В. Комментарий</i>	313
<i>Русина Е.В. (Киев)</i> К характеристике Волынской краткой летописи	314
<i>Руцинская И.И. (Москва)</i> Путеводитель: парадоксы жанра	317
<i>Рыжова Д.С. (Москва)</i> Два герба Симона де Монфора	319
<i>Савельев Ю.Р. (Москва)</i> О программе мозаичного декора памятника Императору Александру II в Московском Кремле	321
<i>Сахаров И.В. (Санкт-Петербург)</i> Е(Э,Я)ндо(а)г(в)уровы – орфографический рекорд: к вопросу о вариативности написания российских дворянских фамилий	323
<i>Сахаров И.В., Ю.Н. Полянская (Санкт-Петербург)</i> Собирательство как форма научной деятельности: на примере архивного наследия генеалога А.А. Сиверса	324
<i>Сень Д.В. (Ростов-на-Дону)</i> Казачье население Крымского ханства: малоизученные аспекты расселения (конец XVII – XVIII в.)	327
<i>Сергеев А.В. (Санкт-Петербург)</i> Источники, использованные в описаниях родословий княжеских фамилий в «Российской родословной книге» князя П.В. Долгорукова и «Русской родословной книге» князя А.Б. Лобанова-Ростовского	330
<i>Синчук И.И. (Минск)</i> Система мер и атрибуция стеклянных изделий	332

<i>Скворцова Е.А. (Санкт-Петербург)</i> От эмблемы к иллюстрации: фронтисписы к «Разговорам в царстве мертвых замечательного русского царя Петра Великого и ужасного тирана Ивана Васильевича II» (Ивана Грозного) Д. Фассмана (1725)	335
<i>Солодкин Я.Г. (Нижевартовск)</i> «Написание» и ранняя редакция синодика «Ермаковых казаков» (О зарождении книжной культуры в «стольном» Тобольске)	337
<i>Спичак А.В. (Нижевартовск)</i> К изучению церковно-приходских летописей как исторических источников	340
<i>Таценко Т.Н. (Санкт-Петербург)</i> О формуляре немецких писем XVI в.: переписка личного характера (по материалам Научно-исторического Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН)	342
<i>Тимошина Н.Н. (Иваново)</i> Местные лотерейные билеты в собрании ИГИКМ им. Д.Г. Бурлыгина	344
<i>Тихомиров Ю.В. (Павлодар, Казахстан)</i> О некоторых вопросах истории казахской национальной валюты и каталогизации денежных знаков Казахстана	346
<i>Усачев А.С. (Москва)</i> Какова была производительность писцов в России XVI в.?	348
<i>Устинова И.А. (Москва)</i> Записные книги печатным пошлинам патриаршего Казенного приказа XVII века	351
<i>Фельдман Д.З. (Москва)</i> Еврейское население Мещанской слободы XVII века	353
<i>Фоменко В.Г. (Тирасполь)</i> Корни тюркских топонимов на исторических картах Приднестровья	355
<i>Фролов Б.Е., Хорольская Н.А. (Краснодар)</i> Печати войсковой старшины Черноморского казачьего войска конца XVIII в.	357
<i>Хазанова С.И. (Москва)</i> Полная и краткая редакции «Заветов двенадцати патриархов»: некоторые текстуальные особенности	360
<i>Хотимский Д.А. (Бостон, Массачусетс)</i> О титуле плана Москвы, гравированного Гесселем Герритцем	362
<i>Худин К.С. (Москва)</i> Английское торговое клеймо на аптекарских запасах из Лондона (1662 г.)	365
<i>Цыпкин Д.О. (Санкт-Петербург)</i> Что такое древнерусское «метное письмо»?	367

<i>Цыпкина А.Г. (Москва)</i> К истории палеографии: деятельность академика А.Е. Крымского в Трапезунде летом 1917 г.	370
<i>Ченцова В.Г. (Москва)</i> О дате завершения росписей могилянского времени в церкви Спаса на Берестове	372
<i>Черкасова М.С. (Вологда)</i> Унские акты XVI века	374
<i>Черных А.П. (Москва)</i> Буквенная составляющая в итальянских гербах XVI века	377
<i>Шадунц Е.К. (Переславль-Залесский)</i> «Книга вкладная Феодоровского девичья монастыря» из собрания СПБНИИ РАН: текстологический анализ	379
<i>Шалак М.Е. (Ростов-на-Дону)</i> Трактат «Тарих-и Сахиб Гирей хан» Реммалы Ходжи как источник по исторической географии Крымского ханства	382
<i>Шокарев С.Ю. (Москва)</i> Коммеморативные практики московского боярства в XVI–XVII вв.	384
<i>Шустова Ю.Э. (Москва)</i> Оглавления к украинским печатным Анфологионам (Минеям праздничным) XVII в. как календарно-хронологические источники	387
<i>Щеголева Л.И. (Москва)</i> Фрагмент Слепченского апостола в Российской Государственной библиотеке (РГБ. Ф. 87. № 14): греческий текст	390
<i>Щекотилов В.Г., Шалаева М.В. (Тверь), Дёмина Т.В. (Шахунья)</i> Комплекс согласованных баз данных по списку населенных мест Ветлужского уезда Костромской губернии и многолистным планам дач	392
<i>Юрганов А.Л. (Москва)</i> Сергей Есенин и несостоявшийся журнал «Вольнодумец»	395
<i>Юркин И.Н. (Москва)</i> Поселения при металлургических заводах на русских географических чертежах XVII – начала XVIII века	398
<i>Янссон О. (Уппсала), Шамин С.М. (Москва)</i> «Дорожник» переводчика Посольского приказа А.А. Виниуса и куранты	400
<i>Яровая Е.А. (Санкт-Петербург)</i> Геральдический экслибрис коллекционера Н.Ф. Романченко	402
Тематический указатель	405
Содержание	410

Научное издание

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXXI Международной научной конференции
Москва, 12–14 апреля 2018 г.

Оригинал-макет
Е.В. Казбекова

Подписано к печати 26.02.2018
Формат 60x84¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 263 Тираж 500 экз.
Тип зак. № 70

ИВИ РАН, Ленинский пр-т, 32а

ISBN 978-5-94067-485-6

ISBN 978-5-94067-485-6

9 785940 674856